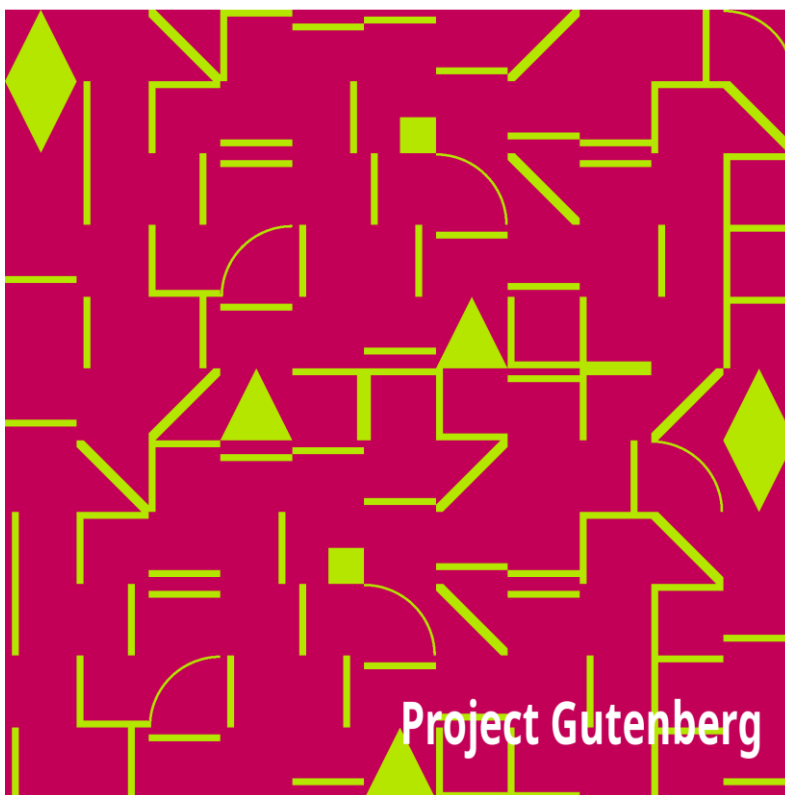

Современная история от времен Лютера до падения Наполеона. Для использования в школах и колледжах

Джон Лорд

**A Modern History, From the Time of Luther
to the Fall of Napoleon**

John Lord

Электронная книга проекта "Гутенберг" по современной истории, от времен Лютера до падения Наполеона

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Современная история, От времен Лютера до падения Наполеона

Автор: Джон Лорд

Дата выхода: 13 февраля 2008 [Электронная книга № 24598]

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Дэвид Эдвардс, Кристин П. Трэверс и команда онлайн-редакторов, распространяющих корректуру на <http://www.pgdp.net> (Эта книга была подготовлена на основе отсканированных изображений материалов, находящихся в общественном достоянии, из проекта Google Print Project.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА По СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ, ОТ ВРЕМЕН ЛЮТЕРА До ПАДЕНИЯ НАПОЛЕОНА" ***

[Примечание переписчика: Очевидные типографские ошибки исправлены, все остальные несоответствия такие же, как в оригинале. Орфография автора сохранена.

Страница 492: Вероятная типографская ошибка: "Камид, Десмулен" заменено на "Камилла Десмулен".

В следующих предложениях были неразборчивые слова; вставленные слова показаны здесь между "=".

Страница 82: "и его мать, Екатерина, стала фактически = правительницей= нации".

Страница 178: "Меньшинство теперь стало большинством", — что не является чем—то необычным в революционные времена, - и со всей серьезностью приступило к работе, которую =он= давно обдумывал.

Страница 487: Все классы Франции стремились к этому, и вскоре =война= была объявлена.]

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ, ОТ ВРЕМЕН ЛЮТЕРА До ПАДЕНИЯ НАПОЛЕОНА.

ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ШКОЛАХ И КОЛЛЕДЖАХ.

АВТОР ДЖОН ЛОРД, А.М.,

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ИСТОРИИ.

ФИЛАДЕЛЬФИЯ:

ЧАРЛЬЗ ДЕСИЛВЕР;

CLAXTON, REMSEN & HAFFELFINGER;

J. B. LIPPINCOTT & CO.

Нью-Йорк: D. APPLETON & CO. Бостон: NICHOLS & HALL.

Цинциннати: РОБЕРТ КЛАРК И КО; УИЛСОН, ХИНКЛ И КО.

Сан-Франциско: А. Л. БЭНКРОФТ И КО.

Чикаго: S. C. Griggs & Co. — Чарльстон, Южная Каролина: J. M. Greer & Son; Эдвард Перри и сын.

— Роли, Северная Каролина: Williams & Lambeth. — Балтимор, Мэриленд: Cushings & Bailey; W. J.

C. Dulaney & Co. — Новый Орлеан, Лос-Анджелес: Stevens & Seymour. — Саванна, Джорджия.: J.

M. Cooper & Co. — Мейкон, Джорджия.: J. M. Boardman. — Огаста, Джорджия.: Thos. Ричардс и

сын. — Ричмонд, Вирджиния: Вудхаус и Пархэм.

1874.

Введен в соответствии с Актом Конгресса в 1849 году ДЖОНОМ ЛОРДОМ в канцелярии
окружного суда округа Массачусетс.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

При подготовке этой Истории я не претендую на оригинальные и глубокие исследования; но расположение, стиль и чувства принадлежат мне. Я просто попытался сжать великие и разнообразные темы, которые здесь представлены, чтобы представить связный рассказ о том, что является наиболее важным в истории последних трехсот лет, избегая как мельчайших деталей, так и сложных рассуждений. Моей целью было написать книгу, которая не должна быть ни хронологической таблицей, ни философским трактатом, но произведением, адаптированным к потребностям молодых людей на различных этапах образования, и которое, как мы надеемся, также окажется интересным для людей более зрелого возраста; у кого нет досуга для чтения обширных работ, и все же кто желает понять связь великих событий со времен протестантской реформации. Были описаны только те характеры, учреждения, реформы и волнения, которые оказали наибольшее влияние на развитие общества, и они не в той степени, которая удовлетворит образованных или любознательных. Даты и имена, сражения и осады не были оставлены без внимания; но больше внимания уделялось тем идеям и тем людям, под влиянием и при содействии которых произошли великие перемены. В столь ограниченной и в то же время столь разнообразной работе ссылки на оригинальные источники на полях не считались необходимыми; но в конце каждой главы приводится список стандартных и доступных авторов, с которым молодой студент, ищущий более подробную информацию, может легко ознакомиться. Продолжение этой Истории до настоящего времени может показаться желательным, но было бы трудно свести сложные события последних тридцати лет менее чем в один том. Вместо неудовлетворительного резюме, особенно по предметам, относительно которых существуют большие расхождения во мнениях и значительная теплота чувств, в Приложении приведены полезные таблицы важных событий. Я должен только добавить, что если мне удастся в какой-то мере исправить недостатки тех сухих сборников, которыми пользуются из-за нехватки живых историй; если я соединю поучительное с занимательным; и особенно если я произведу впечатление на обычный ум, пусть даже в слабой степени, теми

великими моральными истинами, которым должна учить история, я почувствую, что мой приятный труд не останется без награды.

Дж. Л.

Бостон, октябрь 1849 г.

Содержание.

ГЛАВА I.

СОСТОЯНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ПЯТНАДЦАТОМ И ШЕСТНАДЦАТОМ ВЕКАХ.

(стр. 1-9.)

Возрождение искусств — Влияние феодализма — Последствия схоластики — Церковная коррупция — Непогрешимость Папы — Продажа индульгенций — Коррупция Церкви — Необходимость реформы.

ГЛАВА II.

МАРТИН ЛЮТЕР И ЕГО ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ.

(стр. 10-29.)

Ранняя жизнь Лютера — Ранняя религиозная борьба Лютера — Девяносто пять положений - Эразм — Меланхтон — Лев X. — Лейпцигский диспут — Принципы Лейпцигского диспута — Право частного суждения — Элементы величия Лютера — Отлучение Лютера от церкви — Вормсский сейм — Тюремное заключение в Вартбурге — Карлштадте — Томас Мюнцер Ульрик — Цвингле — Спор между Лютером и Цвингле — Сейм Аугсбурга — Лига Шмалькальде — Смерть и характер Лютера.

ГЛАВА III.

ИМПЕРАТОР КАРЛ V.

(стр. 30-44)

Карл V. — Испания и Франция в пятнадцатом веке — Войны между Карлом и Франциском. — Сейм Шпилей — Вражда между Карлом и Франциском — Война в Африке — Тридентский совет — Предательство Мориса — Плен ландграфа Гессенского — Героизм Мориса — Несчастья Карла — Пассауский мирный договор — Характер Карла.

ГЛАВА IV.

ГЕНРИХ VIII.

(стр. 45-59)

Возвышение абсолютной монархии — Генрих VIII. — Возвышение кардинала Уолси — Великолепие Генриха VIII. — Анна Болейн — Королева Екатерина — Опала и смерть Вулси — Мор — Кранмер — Кромвель — Ссора с Папой Римским — Подавление монастырей — Казнь Анны Болейн — Анна Клевская — Екатерина Говард — Последние дни Генриха — Смерть Генриха.

ГЛАВА V.

ЭДУАРД VI. И МАРИЯ.

(стр. 60-68.)

Война с Шотландией — Восстания и недовольства — Соперничество знати — Религиозные реформы — Казнь Нортумберленда — Женитьба королевы — Религиозные преследования — Характер Марии — Восшествие на престол Елизаветы.

ГЛАВА VI.

ЭЛИЗАБЕТ.

(стр. 69-81.)

Мария, королева Шотландии — Джон Нокс — Брак Марии — Дарнли — Босуэлл — Гражданская война в Шотландии — Пленение королевы Марии — Казнь Марии — Военные приготовления Филиппа II. — Испанская армада — Ирландское восстание — Граф Эссекс — Характер Елизаветы — Улучшения, сделанные в правление Елизаветы — Размышления.

ГЛАВА VII.

ФРАНЦИСК II, КАРЛ IX, ГЕНРИХ III И ГЕНРИХ IV

(стр. 82-90)

Екатерина Медичи — Гражданская война во Франции — Варфоломеевская резня — Генрих III. - Генрих IV. — Нантский эдикт — Улучшения во время правления Генриха IV. — Мирный план Генриха IV. — Смерть Генриха IV. — Франция после смерти Генриха IV.

ГЛАВА VIII.

ФИЛИПП II. И АВСТРИЙСКИЕ ПРИНЦЫ ИСПАНИИ.

(стр. 91-96.)

Фанатизм Филиппа II. — Восстание Нидерландов — Восстание Мориско — Причины упадка испанской монархии — Увеличение количества золота и серебра — Упадок испанской монархии.

ГЛАВА IX.

ИЕЗУИТЫ И ПАПСКАЯ ВЛАСТЬ В СЕМНАДЦАТОМ ВЕКЕ.

(стр. 97-107.)

Римская власть в семнадцатом веке — Возвышение иезуитов — Быстрое распространение иезуитов — Выдающиеся добродетели старших иезуитов — Конституция иезуитов — Вырождение иезуитов — Пороки в системе иезуитов — Папы в семнадцатом веке — Кумовство пап — Рим в семнадцатом веке.

ГЛАВА X.

ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА.

(стр. 108-119)

Политические проблемы после смерти Лютера — Сейм Аугсбурга — Начало тридцатилетней войны — Император Фредерик — Граф Валленштейн — Характер Валленштейна — Густав Адольф — Потеря Магдебурга — Валленштейн восстановлен у власти — Смерть Густава Адольфа — Убийство Валленштейна — Вестфальский мирный договор.

ГЛАВА XI.

АДМИНИСТРАЦИИ КАРДИНАЛОВ РИШЕЛЬЕ И МАЗАРИНИ.

(стр. 120-132.)

Регентство Марии Медичи — Возвышение кардинала де Ришелье — Подавление гугенотов — Депрессия знати — Власть Ришелье — Характер Ришелье — Последствия политики Ришелье — Политика Ришелье — Кардинал де Рец — принц Конде — Власть Мазарини — Смерть Мазарини.

ГЛАВА XII.

ПРАВЛЕНИЕ ЯКОВА I. И КАРЛА.

(стр. 133-180.)

Присоединение Яков Иванович — гений правления Якова — заговор сэр Уолтер Рэли — Пороховой заговор — гонения на католиков — Роберт Карп, Граф Сомерсет — величие и падение Сомерсет — герцог Бекингем — Лорд бекон заключения и исполнения роли — посягательств Джеймс — поссорить Джеймса и парламент — смерть Иакова — борьба классов — подъем народной власти — ссора между королем и Палатой — консультанта Карла — смерть Бекингема — петиция о праве — Граф Страффорд — Джон Хэмпден — восстание в Шотландии — Долгий парламент — восстание в Ирландии — бегство короля из Лондона — восстание пуритан — Оригинальные трудности и разногласия, гонения во время правления Елизаветы — архиепископы Grindal и Уитгифт — гонения Джеймс — пуритане в эмиграции — неприятности в Шотландии — особенности пуританизма в Англии — конфликты среди пуритан — символ пуритан — Джон Хэмпден — Оливер Кромвель — короля в Оксфорде — Кромвеля после битвы при Марстон-Мур — энтузиазм индивидуалки — Битва Naseby к вашим неудачи парламентской армии — захват Царь — Триумф индивидуалки — Кромвель вторгся в Шотландию — Захват царь во второй раз — суд над Королем.

ГЛАВА XIII.

ПРОТЕКТОРАТ ОЛИВЕРА КРОМВЕЛЯ.

(стр. 181-191.)

Штурм Дрохеды и Уэксфорда — Битва при Вустере — Политика Кромвеля — Распад парламента — Разгон парламента Кромвель принимает Протекторат — Голландская война — Кромвель правит без парламента — Протекторат — Королевское правительство восстановлено.

ГЛАВА XIV.

ПРАВЛЕНИЕ КАРЛА II.

(стр. 192-210.)

Реставрация — Массовые народные ликования — Реакция на революционные принципы — Превосходительства в правительстве Чарльза — Провал пуританского эксперимента — Отмена

законопроекта о трехлетии — Тайный союз с Людовиком XIV. — Продажность и подхалимство парламента — Ограничения прессы — Закон Хабеас Корпус — Титус Оутс — Откровения Оутса — Уголовные законы против католиков — Преследование инакомыслящих — Казнь Рассела и Сидни — Нравы и обычаи Англии — Милтон — Драйден — Положение народа Англии.

ГЛАВА XV.

ПРАВЛЕНИЕ ЯКОВА II.

(стр. 211-233.)

Восшествие на престол Якова II. — Земли Монмута в Англии — Битва при Седжмуре — Смерть Монмута — Жестокость Джеффриса — Преследование инакомыслящих — Джордж Фокс — Преследование квакеров — Деспотическая власть Джеймса — Благоклонность католиков — Верховный суд — Ссора с университетами — Колледж Магдалины — Судебное преследование Семи епископов — Тирания и увлечение Джеймса — Организованная оппозиция — Уильям, принц Оранский — Критическое состояние Джеймса — Вторжение Уильяма в Англию — Бегство короля — Завершение революции — Провозглашение независимости Права.

ГЛАВА XVI.

ЛЮДОВИК XIV.

(стр. 234-251)

Власть и ресурсы Людовика — Его привычки и удовольствия — Его военные амбиции — Вильгельм, принц Оранский — Второе вторжение в Голландию — Голландская война — Мадам де Монтеспан — Мадам де Ментенон — Аугсбургская лига — Противостоящие армии и генералы — Война за испанское наследство — Герцог Мальборо — Битва при Бленхейме — Усилия и нужды Людовика — Утрехтский мирный договор — Последние дни Людовика — Его характер.

ГЛАВА XVII.

УИЛЬЯМ И МЭРИ.

(стр. 252-270)

Ирландское восстание — Король Яков в Ирландии — Свобода прессы — Акт об урегулировании — Смерть Вильгельма III. — Характер Уильяма — Сэр Исаак Ньютон и Джон Локк. — Анна — Герцог Мальборо — Характер Мальборо. — Виги и тори. — Доктор Генри Сачеверелл — Союз Шотландии и Англии. — Герцог Гамильтон. — Остроумие правления королевы Анны. — Свифт. — Папа Римский. — Болингброк. — Гей. — Приор. — Писатели эпохи королевы Анны.

ГЛАВА XVIII.

ПЕТР ВЕЛИКИЙ И РОССИЯ.

(стр. 271-289)

Ранняя история России — Татарское завоевание — Восшествие на престол Петра Великого — Реформы Петра — Его война с Карлом XII. — Карл XII. — Строительство Санкт—Петербурга — Новая война со Швецией — Война с турками — Петр совершает второе турне — Возвышение Екатерины — Ранняя история Швеции — Введение христианства — Густав Ваза — Первые дни

правления Карла XII — Героизм Карла XII — Его несчастья — Его возвращение в Швецию - Его смерть.

ГЛАВА XIX.

ДЖОРДЖ I И АДМИНИСТРАЦИЯ СЭРА РОБЕРТА УОЛПОЛА.

(стр. 290-309)

Восшествие на престол Георга I. — Сэр Роберт Уолпол — Претендент — Вторжение в Шотландию — Пузырь Южных морей — Компания Южных морей — Оппозиция Уолпола — Мания спекуляций — Лопнувший пузырь Южных морей — Просвещенная политика Уолпола — Ост—Индская компания — Отставка Таунсенда — Непопулярность Уолпола — Упадок его власти — Джон Уэсли — Ранняя жизнь Уэсли — Уайтфилд — Институт Уэсли — Странствия - Большое влияние и могущество Уэсли.

ГЛАВА XX.

КОЛОНИЗАЦИЯ АМЕРИКИ И ОСТ-ИНДИИ.

(стр. 310-341)

Коммерческое предприятие — Испанские завоевания и поселения — Португальские открытия — Португальские поселения — Раннее английское предприятие — Сэр Уолтер Роли — Лондонская компания инкорпорейтед — Трудности колонии Вирджиния — Новый устав Лондонской компании — Быстрая колонизация — Война с индейцами — Губернатор Харви — Произвольная политика Карла II. — Заселение Новой Англии — Прибытие "Мэйфлауэра" — Заселение Нью—Гэмпшира — Конституция колонии — Доктрины пуритан — Пекодская война — Союз колоний Новой Англии — Уильям Пенн — Заселение Нью—Йорка — Завоевание Новых Нидерландов — Открытие реки Святого Лаврентия — Иезуит Миссионеры — Процветание английских колоний — Французские вторжения — Европейские поселения на Востоке — Французские поселения в Индии — Ла Бурдонне и Дюпле - Победы Клайва - Завоевание Индии.

ГЛАВА XXI.

ПРАВЛЕНИЕ ГЕОРГА II.

(стр. 342-359)

Пелхэмы — Претендент Чарльз Эдвард Стюарт — Сдача Эдинбурга — Успех претендента — Отступление претендента — Битва при Каллодене — Последние дни Претендента — Мария Терезия — Захват Луисбурга — Великая колониальная борьба — Характер герцога Ньюкасла — Непопулярность Пелхэмов — Возвышение Уильяма Питта — Блестящие военные успехи — Военные успехи в Америке — Победы Клайва в Индии — Отставка Питта — Парижский мир.

ГЛАВА XXII.

ЛЮДОВИК XV.

(стр. 360-379)

Регентство герцога Орлеанского — Джон Лоу — Миссисипская компания — Популярное заблуждение — Фатальные последствия заблуждения — Администрация кардинала Флери — Корнелиус Янсен — Сен—Сиран — Арно — Ле Мэтр — Труды портовых роялистов — Принципы

янсенизма — Функции парламента — Булла Unigenitus — Мадам де Помпадур — Иезуиты — Разоблачение иезуитов — Их изгнание из Франции — Подавление в Испании — Папа Климент XIV. — Смерть Ганганелли - Смерть Людовика XV.

ГЛАВА XXIII.

ФРЕДЕРИК ВЕЛИКИЙ.

(стр. 380-390)

Фридрих Вильгельм — Восшествие на престол Фридриха Великого — Семилетняя война — Битва при Россбахе — Битва при Лейтене — Падение Дрездена — Неудачи Фридриха — Продолжающиеся бедствия — Истощение Пруссии войной — Смерть Фридриха — Характер Фридриха.

ГЛАВА XXIV.

МАРИЯ ТЕРЕЗИЯ И ЕКАТЕРИНА II.

(стр. 391-401.)

Конституция Германии — Война в Венгрии — Император Иосиф — Восшествие на престол Марии Терезии — Она проводит реформы — Преемники Петра Великого — Убийство Петра III. — Покушение на Ивана — Смерть Екатерины — Ее характер.

ГЛАВА XXV.

БЕДСТВИЯ ПОЛЬШИ.

(стр. 402-408)

Корона Польши стала выборной — Избрание Генриха, герцога Анжуйского — Собеский помогает императору Леопольду — Право вето — Падение Польши.

ГЛАВА XXVI.

УПАДОК ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ.

(стр. 409-415.)

Сарацинская империя — Возвышение турок — Турецкие завоеватели — Прогресс турок — Упадок турецкой мощи — Турецкие институты — Турецкий характер.

ГЛАВА XXVII.

ПРАВЛЕНИЕ ГЕОРГА III. К АДМИНИСТРАЦИИ УИЛЬЯМА ПИТТА.

(стр. 416-431.)

Военные успехи в Америке — Судебное преследование Уилкса — Черчилль — Администрация Графтона — Популярность Уилкса — Налогообложение колоний — Возмущение колоний — Функции парламента — Закон о гербовом знаке — Лорд Чатем — Недовольство администрации лорда Северной Ирландии — Протестантская ассоциация — Беспорядки лорда Джорджа Гордона — Парламентские реформы.

ГЛАВА XXVIII.

АМЕРИКАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

(стр. 432-449)

Причины революции — Бунты и беспорядки — Пошлина за чай — Порт Бостона закрыт — Заседание Конгресса — Речь Берка — Битва при Банкер—Хилл — Смерть Монтгомери — Декларация независимости Америки — Комиссары отправлены во Францию — Захват Бергойна — Моральные последствия захвата Бергойна — Прибытие Лафайета — Эвакуация Филадельфии — Измена Арнольда — Капитуляция лорда Корнуоллиса - Отставка лорда Норта.

ГЛАВА XXIX.

АДМИНИСТРАЦИЯ УИЛЬЯМА ПИТТА.

(стр. 450-470)

Уильям Питт — Ранняя жизнь Питта — Политика Питта — Трудности с Ирландией — Объединенные ирландцы — Союз Англии и Ирландии — Состояние Ирландии — Парламентская реформа — Уоррен Гастингс — Война с Хайдером Али — Ограбление принцесс Уде — Судебное преследование Гастингса — Эдмунд Берк — Чарльз Джеймс Фокс — Ричард Бринсли Шеридан — Законопроект о регулировании Индии — Война с Типпу Саибом — Завоевание Индии — Последствия завоевания — Война с Францией — Политика Питта.

ГЛАВА XXX.

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

(стр. 471-495)

Причины Французской революции — Гельвеций — Вольтер — Руссо — Дидро — Общее влияние философов — Страдания народа — Деграция народа — Финансовое расстройство — Мореплавание — Тюрго — Мальзерб — Неккер — Калонн — Генеральные штаты — Государственные уровни — Волнения — Народовластие — Национальная федерация — Бегство короля — Жирондисты и якобинцы — Национальный конвент — Марат — Дантон — Робеспьер — Всеобщая война — Царство террора — Смерть Робеспьера — Новая конституция — Директория.

ГЛАВА XXXI.

НАПОЛЕОН БОНАПАРТ.

(стр. 496-526)

Характер Бонапарта — Ранние дни Бонапарта — Ранние заслуги перед Республикой — Итальянская кампания — Битва при мысе Сент—Винсент — Завоевание Венеции Бонапартом — Вторжение в Египет — Осада Акко — Неудачи французов — Первый консул Бонапарта — Грандиозные военные приготовления — Реформы Бонапарта — Кодекс Наполеона — Бонапарт становится императором Франции — Задуманное вторжение в Англию — Битва при Аустерлице — Битва при Йене — Бонапарт усиливает Францию — Усиление семьи Бонапарта — Война на полуострове — Вторжение в Россию — Смоленская битва — Отступление французов — Битвы при Лютцене и Бауцене — Лейпцигская битва — Союзные державы вторгаются во Францию — Парижский мир — Бонапарт сбегает с Эльбы — Битва при Ватерлоо - Размышления о падении Наполеона.

ГЛАВА XXXII.

ЕВРОПА О ПАДЕНИИ НАПОЛЕОНА.

(стр. 527-532)

Замечательные гениальные люди — Положение Германии — Положение других держав — Соединенных Штатов Америки.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

- Хронологическая таблица, начиная с падения Наполеона, [533 г.](#)
- Премьер-министры Англии со времени восшествия на престол Генриха VIII, [538](#)
- Таблица европейских монархий Шестнадцатого, Семнадцатого и Восемнадцатого веков, [541](#)
- Генеалогическая таблица королевской семьи Англии, [543](#)
- Генеалогическая таблица Бурбонов, [544](#)

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

ГЛАВА I.

СОСТОЯНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ПЯТНАДЦАТОМ И ШЕСТНАДЦАТОМ ВЕКАХ.

Период, с которого начинается эта История, — начало шестнадцатого века, — по сравнению с предшествовавшими ему веками, начиная с падения Римской империи, был периодом беспрецедентного блеска и активности. Это был период, очень плодотворный для великих людей и великих событий, и, хотя он был бурным и беспокойным, он благоприятствовал экспериментам и реформам. Народы Европы, по-видимому, внезапно пробудились от состояния оцепенения и покоя и проявили новую энергию во всех сферах жизни. Материальное и политическое, моральное и социальное состояние общества было подвержено мощным потрясениям и претерпело важные изменения.

Были сделаны великие открытия и изобретения. Использование подвижных шрифтов, впервые приписанное немцу Менцу по имени Гутенберг в 1441 году и Петеру Шефферу в 1444 году, изменило всю систему книгоиздания и значительно увеличило тираж Священных Писаний, греческой и латинской классики и всех других ценных произведений, которые благодаря стараниям монашеского переписчика были сохранены от разрушительного воздействия времени и варварства. Порох, взрывная сила которого была осознана Роджером Бэконом еще в 1280 году, хотя на поле боя он не использовался до 1346 года, полностью изменил военное искусство и внес большой вклад в подрыв феодальной системы. Полярность магнита, также открытая в средние века и практически не применявшаяся к компасу моряка до 1403 года, привела к величайшему событию пятнадцатого века — открытию Америки Христофором Колумбом в 1492 году. Импульс, приданный торговле этим и другими открытиями неизвестных континентов и океанов португальцами, испанцами, голландцами, англичанами и французами, не может быть здесь подробно описан. Америка открыла изумленному европейцу свои богатства золотом и серебром; а индийские пряности, шелка и лекарства по новым каналам ввозились во все страны, населенные тевтонскими расами. Торговое богатство со всеми его изысками приобрело новое значение в глазах народов. Мир открылся навстречу востоку и западу. Расширился горизонт знаний. Народные заблуждения были развеяны. Была

приобретена либеральность ума. Материальное процветание западных стран возросло. Вкусы стали более утонченными, а общение - более веселым.

Искусство, возрождение искусств. в эту эпоху повсюду возрождались во всех своих областях. Дома стали более удобными, а церкви - более великолепными. Были усовершенствованы сельскохозяйственные и кулинарные принадлежности. Лняные и шерстяные изделия вытеснили более грубые ткани средневековья. Музыка стала более сложной, и была принята нынешняя система обозначения. Гений скульптора вновь придал жизнь и красоту мраморной глыбе, а живопись была доведена до большего совершенства, чем у древних греков и римлян. Флоренция, Венеция, Милан и Рим стали центрами различных школ этого прекрасного искусства, из которых Микеланджело, Корреджо, Карраччи и Рафаэль были самыми знаменитыми мастерами, все они отличались особым совершенством, которое с тех пор никто не превзошел и даже не сравнял. Фламандские художники едва ли отставали от итальянских, и Рубенс из Антверпена вполне может встать в один ряд с Корреджо и Тицианом. Однако для Рафаэля мир до сих пор не представлял параллели.

Изменилась политическая и социальная структура общества. Крестовые походы задолго до этого потрясли политическое значение феодальной аристократии, а возрождение торговли и искусства потрясло систему до основания. Поднялись фламандские ткачи, и класс торговцев потребовал новых привилегий. В борьбе классов и в несчастьях знати монархи осознали преимущества, которые они могли бы получить, и удачные обстоятельства позволили им возвести абсолютные троны и восстановить центральную власть, всегда столь необходимую для дела цивилизации. Влияние феодализма. Феодализм отвечал многим полезным целям в темные века. Это обеспечило взаимность обязанностей между сеньором и его вассалом; это восстановило лояльность, правдивость и преданность среди полуварваров; это способствовало возделыванию земли; это воспитало выносливое сельское население; это способствовало развитию рыцарства и ввело в Европу современного джентльмена; это облагородило дружбу и распространило черты вежливости и мягкости среди грубых и непокорных воинов. Но она также, как и все человеческие институты, стала коррумпированной и не отвечала целям, для которых была создана. Он превратился в деспотический социальный деспотизм; он расширил различие между благородными и низменными классами; он породил эгоизм и высокомерие среди знати и подлое и раболепствующее подхалимство среди народа; он увековечил привилегии аристократии, чрезвычайно несправедливые и губительные для общего благосостояния общества. Поэтому он пал перед наступающим духом эпохи, и на его руинах были воздвигнуты монархии и республики. Народ, так же как и монархи, познал секрет своей власти. Они поняли, что, объединив свои силы, они могут успешно противостоять своим врагам. Был усвоен принцип объединения. Имели место объединения масс. Количество вольных городов увеличивалось. Возникло сообщество ремесленников, мелких торговцев и свободных фермеров. Они обсуждали свои привилегии и отстаивали свою независимость. Родилась политическая свобода, и ее бесценные блага были задуманы, хотя и не были реализованы.

И интеллектуальное состояние Европы получило импульс столь же заметный и благотворный, как физическое и социальное. Последствия схоластики. Схоластическая философия с ее сухой и технической логикой, ее заумными формулами и тонкими уточнениями перестала удовлетворять потребности человеческого разума, который теперь жаждет света и абсолютного знания во всех областях науки и философии. Как и феодализм, когда-то он был полезен; но, как и этот институт, он также стал коррумпированным и объектом сарказма и насмешек. Это

подготовило европейский разум к открытиям шестнадцатого века; это воспитало пытливым дух и привело к глубоким размышлениям о существовании Бога, о его атрибутах и воле, о природе души, о способностях разума и о практических обязанностях в жизни. Но эта философия стала педантичной и холодной; она покрывала, как траурной тенью, высшие жизненные устремления и отвлекала внимание от того, что было практичным и полезным. Тот серьезный дух, который возвышал Лютера и Бэкона, требовал от великих мастеров мысли чего-то, что люди могли бы понять, и чего-то, что принесло бы им пользу.

В поэзии безвкусные и безнравственные песни провансальских бардов уступили место бессмертным произведениям великих создателей европейских языков. Данте проложил путь в Италии и подарил миру "Божественную комедию" — шедевр человеческого гения, который возвел его в ранг Гомера и Вергилия. Петрарка пошел по его стопам и, хотя и не столь глубок и оригинален, как Данте, все же не имеет себе равных как "восторженный певец идеальной любви". Он также дал огромный импульс цивилизации своими трудами по сбору и сопоставлению рукописей. Боккаччо также оказал свою помощь в возрождении литературы и написал серию остроумных, хотя и вызывающих возражения рассказов, из которых англичанин Чосер позаимствовал идею своих "Кентерберийских рассказов". Чосер — отец английской поэзии, он зажег любовь к литературе среди своих изолированных соотечественников и был одним из немногих людей, которые на закате своих дней смотрели на мир без суровости и выражали свои мысли со всей живостью юношеских чувств.

Таковы были некоторые из ведущих событий и обстоятельств, которые дали новую жизнь европейскому обществу и породили стремление к лучшим дням. Все эти причины улучшения по-разному действовали друг на друга и реагировали друг на друга, подготавливая путь к новым и великим достижениям в области действий и страсти. Однако, к сожалению, эти новые энергии были остановлены сочетанием зол, возникших в темные века, и которые требовалось искоренить, прежде чем можно было разумно ожидать какого-либо значительного прогресса. Церковная коррупция. Эти пороки были наиболее заметны в самой церкви почти погасили свет, зажженный Христом и его апостолами. Церковь недоброжелательно смотрела на многие из величайших улучшений и волнений того времени и пыталась подавить дух восстания, возникший против злоупотреблений и безумия прошлых веков. Великие идеи были высмеяны, а смелые умы сокрушены. В церкви было много хороших людей, которые видели господствующую коррупцию и сетовали на нее, но их голос был заглушен криками заинтересованных сторонников или заглушен авторитетом пап. Характер самих пап был не таким, какого ожидали от глав видимой церкви, и не таким, какой часто проявлялся в те невежественные и суеверные времена, когда папство выполняло, по мнению многих просвещенных протестантов, благотворительную миссию. Ни у кого не было бескорыстия Григория I или талантов Григория VII. Было время, когда великая центральная духовная монархия Рима служила миру и спокойствию в Европе, когда она была единодушно настроена против рабства и войн, и когда это было мягкое и отеческое правительство, которое защищало невинность и слабость, наказывая несправедливость и преступления. Было время, когда пап возвышали за их благочестие и ученость, и когда они жили как святые и умирали как мученики. Но это время прошло. Римская церковь не соответствовала духу или потребностям эпохи и, более того, не исправилась от пороков, на которые не обращали внимания в века невежества и суеверий. В пятнадцатом веке многие великие злоупотребления шокировали группу людей, которые должны были бы быть светилами мира; и сами священные понтифики подавали примеры необычной порочности. Юлий II. шел во главе армий. Александр VI. добился своего избрания подкупом и

правил вымогательством. Он отравил своих собственных кардиналов и даровал своему сыну Сезару Борджиа — воплощенному демону - высшие почести и награды. Для пап было обычным делом продавать высшие должности в церкви за деньги, сажать мальчиков на епископские престолы, отпускать грехи за самые отвратительные и скандальные преступления за золото, поощрять массовые убийства еретиков и позорить себя позорными пороками. И общая распущенность нравов существовала среди всех сословий духовенства. Они были невежественны, развращены и амбициозны. Монахи были чрезвычайно многочисленны; они перестали быть людьми молитвы и созерцания, как во времена Бенедикта и Бернарда; их можно было увидеть часто посещающими места деморализующего возбуждения, преданными удовольствиям и обогащающимися за счет бесславных приобретений.

Но зло, которое поощряла церковь, было более опасным, чем пороки ее членов. Это зло было присуще папской системе, и его было трудно ниспровергнуть. Существовали искажения в доктрине, а также в правительстве и обычаях церкви.

Во всем христианском мире обычно преобладала папская Непогрешимость. вера в папскую непогрешимость, которая ниспровергала доктрины Библии и ставила ее истины, по крайней мере, на один уровень с авторитетом схоластов. Это благоприятствовало различным узурпациям пап и укрепляло узы духовного деспотизма.

Папы также претендовали на контроль над светскими князьями, а также на верховенство церкви. Гильдебранд довольствовался тем, что сковал цепи вселенской духовной власти, зло и абсурдность которых трудно преувеличить; но его более честолюбивые преемники стремились низвести королей земли до совершенного вассалитета и, когда возникла опасность сорвать с них чудовищную узурпацию, были готовы наполнить мир раздором и войной.

Но мирские папы XV века также стремились быть светскими князьями. Они основали самый элегантный двор в Европе; они содержали большие армии; они стремились восстановить величие императорского Рима; они возымали честолюбивое намерение основать великие семьи; они обогатили своих племянников и родственников, пожертвовав наилучшими интересами своей церкви; они претендовали на высокое положение и достоинство; они построили великолепные дворцы; они украсили свою столицу картинами и статуями.

Территории Рима, однако, были небольшими. Законных доходов пап было недостаточно для удовлетворения их расточительности и помпезности. Но деньги, тем не менее, у них должны были быть. Чтобы увеличить его, они прибегли к вымогательству и коррупции. Они обложили христианский мир налогами, прямыми и косвенными. Они ощущались как невыносимое бремя; но таковы были суеверия того времени, что их успешно воспитывали. Но даже этого было недостаточно, чтобы удовлетворить папскую алчность. Затем они прибегли, при необходимости, к самым низменным поступкам, навязанным простодушием их подданных, и в конце концов приняли самый позорный обычай, который когда-либо позорил мир.

Они продавали индульгенции. прощенные грехи за деньги -дарованные продажи индульгенций за преступления. Была рассчитана обычная шкала отпущения грехов. Каждые пятьдесят и, наконец, каждые двадцать пять лет провозглашался юбилейный год, когда тем, кто совершит паломничество в Рим, было обещано полное отпущение всех грехов. И так велик был приток чужеземцев, а следовательно, и богатств в Рим, что однажды грабли собрали их в кучи. Подсчитано, что за один месяц город посетили двести тысяч обманутых людей. Но огромные

суммы, которые они привезли в Рим, и еще большие суммы, вырученные от продажи индульгенций и различных налогов, были растрачены на украшение города и содержание роскошного двора, распутных кардиналов и излишних служителей развращенной религии. Затем была возведена великолепная церковь Святого Петра, больше соответствующая стилю греческих храмов, чем образцу готических соборов Йорка и Кельна. Великолепен был этот памятник возрождающегося искусства; замечательным был его высокий купол; но огромные суммы, потребовавшиеся на его строительство, открыли глаза христианскому миру на расточительность и самонадеянность пап; и этот великолепный трофей их славы также стал символом их сломленного могущества. Их дворцы и храмы представляли собой впечатляющее зрелище, но умаляли их реальную силу, которая заключалась в привязанности их духовных подданных. Их внешнее величие, подобно механическим средствам, которыми пользуются короли, было лишь слабой заменой невидимой силе любви — во все века и у всех людей "той дешевой защиты", которая поддерживает троны и королевства.

Другим великим злом было преобладание духа идолопоклонства. В церквях и часовнях и даже в частных семьях было бесчисленное множество изображений святых, Богородицы, реликвий, распятий и т. Д., поначалу предназначенных для того, чтобы разжигать дух набожности среди грубых и необразованных людей, но постепенно становившихся объектами настоящего обожания. Предполагалось, что ходатайства совершаются Девой Марией и любимыми святыми, более действенными по отношению к Божеству, чем покаяние и молитвы самих заблудших и грешных. Влияние этого почитания мучеников и святых было унижительным для ума и стало очень прибыльным источником прибыли для священников, Развращающих Церковь. которые торговали костями и мощами святых, как индульгенциями, и которые изобретали бесчисленную ложь, чтобы подтвердить подлинность и древность продаваемых ими предметов, и все это было частью великой системы мошенничества и алчности, которую допускала церковь.

Опять же, публичное богослужение происходило на языке, которого люди не могли понять, но производило впечатление великолепными одеяниями священников, великолепием алтаря, образами и сосудами из серебра и золота, отражавшими свое великолепие при свете восковых свечей на мрачных колоннах, крышах и окнах готической церкви, а эффект усиливался волнующей музыкой и другими обращениями скорее ко вкусу или воображению, чем к разуму и сердцу. Проповеди духовенства были легкомысленны и плохо соответствовали духовным потребностям народа. "Люди ходили в Ватикан, - говорит ученый и философ Ранке, - не молиться, а созерцать Бельведерского Аполлона. Они опозорили самые торжественные празднества открытой профанацией. Духовенство в своих службах искало средства вызвать смех. Один издевался над кукушкой, а другой рассказывал непристойные истории о святом Петре." Лютер, когда он посетил Италию, был крайне потрясен безбожным духом, царившим среди духовенства, которое враждебно относилось к распространению Священного Писания и поощряло преследования и инквизицию. Это была эпоха расцвета ужасного трибунала инквизиции, хотя его главные чудовищные деяния были совершены в Испании и Португалии. Он никогда не существовал в Англии и имел лишь небольшое влияние во Франции и Германии. Но если Церковь не во всех странах прибегала к этому ужасному суду, который подвергал юность, красоту и невинность инквизиторской мести узколобых доминиканских монахов, тем не менее она была враждебна свободному исследованию и всем усилиям, направленным на освобождение человеческого разума.

Дух религиозных преследований, который побуждал Римскую церковь наказывать всех несогласных с доктриной и злоупотреблениями, которые она проповедовала, никогда не может быть подвергнут сомнению. Вальденсы и альбигойцы пережили в более мрачные времена почти невероятные трудности и невзгоды — были почти уничтожены в результате ужасного крестового похода, который велся против них, так что двести тысяч человек погибли за предполагаемую ересь. Но сейчас речь идет не об этой массовой резне, а о тех примерах индивидуального преследования, которые показали крайнюю ревность и ненависть Рима ко всем новым взглядам. Иоанн Гус и Иероним Пражский были публично сожжены за попытку реформировать церковь, и даже Савонарола, который не отрицал авторитета пап, был приговорен к сожжению за то, что осуждал пороки своего времени, а не зло церкви.

Это умножало зло, которое сдерживало дух совершенствования, Необходимость реформ громко призывало к реформам. Для этой цели собирались Советы; но советы скорее поддерживали, чем уменьшали зло, на которое жаловались даже князья. Реформе было суждено исходить не от высокопоставленных лиц церкви или государства; не от епископов, не от философов, не от королей, а от безвестного преподавателя богословия в немецком университете, которого гений возрождающейся эпохи призвал на поле революционной войны. Мартину Лютеру было суждено начать первое успешное восстание против деспотизма Рима и придать величайший импульс свободе мысли и общему духу реформ, которые были известны за десять столетий.

Самым заметным событием современности, несомненно, является протестантская реформация, и она была, безусловно, самой важной по своим результатам. Это прямо или косвенно привело к великим войнам шестнадцатого и семнадцатого веков, а также к появлению тех соперничающих сект, которые будоражили теологический мир. Это связано с предприятиями великих монархов, с борьбой гугенотов и пуритан, с распространением знаний и с прогрессом гражданской и религиозной свободы в Европе. Таким образом, событие, представляющее такой интерес и масштаб, вполне может быть принято за отправную точку в современной истории и, соответственно, станет первым предметом особого внимания. История становится наиболее впечатляющей и философской, когда великие перемены и революции связаны с великими духовными идеями. Более того, современная история настолько сложна, что ее трудно разгадать, кроме как прослеживая действие великих причин, а не подробно описывая судьбы королей и знати. [\(Вернуться к содержанию\)](#)

ГЛАВА II.

МАРТИН ЛЮТЕР И ЕГО ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ.

Мартин Ранняя жизнь Лютера. Лютер родился 10 ноября 1483 года в Айслебене, в Саксонии. Его отец был шахтером из Мэнсфилда, а его предки были крестьянами, жившими недалеко от вершины Тюрингенского леса. Его ранние годы прошли в Мэнсфилде, в крайней бедности, и он зарабатывал себе на хлеб тем, что пел гимны перед домами деревни. В возрасте пятнадцати лет он отправился в Эйзенах, в среднюю школу, а в восемнадцать поступил в Эрфуртский университет, где добился значительных успехов в науках, которые тогда обычно преподавались, которые, однако, ограничивались в основном схоластической философией. Он не знал ни греческого, ни иврита, но читал Библию на латыни. В 1505 году он получил степень бакалавра искусств, и вскоре после этого началась его религиозная борьба. Он был свидетелем страшной бури, которая встревожила его, когда он гостил в доме своего отца, и он также был сильно

подавлен смертью близкого друга. В ту эпоху серьезные и меланхоличные люди обычно искали уединения в монастырях, и Лютер, жаждущий божественного знания и стремящийся спасти свою душу, решил оставить мир и стать монахом. Вскоре после получения первой степени он поступил в монастырь августинцев в Эрфурте. Но обязанности и учеба в монашеской жизни не дали его беспокойной душе того покоя, которого он искал. Он подчинялся всем утомительным трудам, налагаемым монахами; он изучал отцов церкви и схоластов; он практиковал самые болезненные аскезы, посты и самоистязания; и все же его беспокоили религиозные страхи. Его братья поощряли его добрые дела, но его недоумение и сомнения оставались. В таком состоянии духа его застал Штаупиц, генеральный викарий ордена, который посещал Эрфурт в своей инспекционной поездке с целью исправления плохой морали в монастырях. Он сочувствовал Лютеру в его религиозных чувствах, относился к нему с большой добротой и рекомендовал читать Священное Писание, а также труды св. Августина, богословские взгляды которого он сам разделял. Хотя св. Августин был великим оракулом в римской церкви, тем не менее, его доктрины, относящиеся к личному спасению, отличались по духу от тех, которые поощрялись римско-католическими богословами в целом, которые придавали меньшее значение оправданию верой, чем почитаемый епископ Иппонский. В тот век злоупотреблений церковь придавала большое значение аскезе, епитимье и отпущению грехов за деньги. Но Лютер, глубоко проникнутый духом Августина, в конце концов нашел свет, покой и радость в доктрине оправдания одной верой. Это все больше и больше становилось идеей его жизни, особенно в то время. Твердость его убеждений в этом вопросе стала необычайной, и его духовная радость теперь сравнялась с его прежней депрессией и тревогой. Вскоре ему предстояло найти сферу для развития своих взглядов.

Лютер был рукоположен в сан священника в 1507 году, а в 1508 году Фредерик, курфюрст Саксонии, пригласил его стать профессором в новом университете, который он основал в Виттемберге. Сейчас ему было двадцать пять лет, и тот факт, что он должен был быть выбран в таком раннем возрасте для преподавания диалектики, является веским аргументом в пользу его достижений и гениальности.

Теперь он начал изучать греческий и древнееврейский языки и читал лекции по библейскому богословию; и его новый метод и большой энтузиазм привлекли толпу студентов. Но его проповеди были даже более впечатляющими, чем лекции, и совет Виттемберга пригласил его стать проповедником в городе. Его красноречие, ученость и рвение теперь привлекли к себе значительное внимание, и курфюрст сам посетил Виттемберг, чтобы послушать его проповедь.

В 1512 году он был отправлен с посольством в Рим и, находясь в Италии, получил полезные знания о действительном состоянии иерархии, морали и религии. Юлий II, воинственный понтифик, восседал на троне Святого Петра, а "Вечный город" был ареной безумия, распутства и церковного вымогательства. Лютер вернулся в Германию, испытывая полное отвращение ко всему, что он видел, — легкомыслию духовенства, невежеству и порокам народа. Он был слишком серьезен в своих религиозных взглядах и чувствах, чтобы проявлять большой интерес к произведениям искусства или удовольствиям, которые занимали внимание итальянцев; и впечатление общего беззакония и развращенности Рима никогда не проходило и, вероятно, придавало новое направление его мыслям.

По возвращении в 1512 году он получил звание доктора богословия, что в то время было большим достижением, и с большим рвением возобновил свои лекции в университете. Он

придал новый импульс исследованиям и новую форму мнениям как профессоров, так и студентов. Его коллеги Люпинус и Карлштадт разделили его взгляды. Все в его сфере деятельности контролировалось его командирским гением и необычайной силой характера. Ранняя религиозная борьба Лютера. Он начал войну со схоластами и был особенно враждебен к Фоме Аквинскому, которого обвинял в пелагианстве. Он также атаковал Аристотеля, великого идола школ, и осыпал схоластику сарказмом и насмешками.

Таково было положение вещей, когда проповедники индульгенций, которых поощрял Лев X, чтобы собрать деньги для церкви Святого Петра, прибыли в страну за Эльбой. Они уже распространились по Германии, Швейцарии и Франции. Их роскошь и расточительность могли сравниться только с их самонадеянностью и наглостью. За деньги эти люди прощали любые преступления. Среди наиболее выдающихся религиозных мошенников и коробейников был Тецель. Он был доминиканским монахом, апостольским комиссаром, инквизитором и бакалавром теологии. Он сочетал распутную мораль с большими претензиями на святость; был несколько красноречив, если говорить о звучном голосе, и был очень смел и надменен, какими склонны быть вульгарные люди, достигшие высокого положения и власти. Но его особенность заключалась в дерзости его притязаний и готовности придумывать истории, чтобы угодить людям, вечно плененным риторикой и анекдотами. "Индульгенции, - сказал он, - это самый драгоценный и возвышенный из Божьих даров". "Я бы не променял свои привилегии на привилегии святого Петра на небесах, ибо своими индульгенциями я спас больше душ, чем он своими проповедями". "Нет греха настолько великого, чтобы индульгенция не могла искупить его: даже покаяние не нужно: индульгенции спасают не только живых, они спасают мертвых". "В тот самый момент, когда деньги звякают о дно этого сундука, душа покидает чистилище и улетает на небеса". "А ты знаешь, почему наш Господь раздает такую обильную благодать? Должна быть восстановлена полуразрушенная церковь святых Петра и Павла, в которой хранятся тела этих святых апостолов и которая теперь поправа, обесчещена и осквернена".

Тецель нашел лишь немногих достаточно просвещенных, чтобы противостоять ему, и он получал большие суммы от доверчивых людей. Эта мерзость вызвала у Лютера сильнейшее отвращение - Девяносто Пять Положений. соответственно, он написал девяносто пять положений и прибил их в 1517 году к воротам церкви, в которых осудил торговлю индульгенциями и проследил происхождение доктрины отпущения грехов от узурпированной власти папы римского. Он отрицал ценность своего отпущения грехов и утверждал, что божественная милость будет дарована только при условии покаяния и веры.

В этих знаменитых положениях он подорвал основы схоластических абсурдов, а также папские притязания. Дух, которым они дышали, был смелым, бесстрашным и великодушным. Они наэлектризовали Германию и потрясли все папское здание. Они имели как религиозное, так и политическое значение; религиозное - в отношении оснований оправдания, и политическое - в том, чтобы открыть людям глаза на несправедливые и разорительные поборы Рима.

Среди тех, кто с большой ясностью осознал политическую направленность этих предложений и радовался им, был сам курфюрст Саксонии, самый могущественный принц империи, который уже давно был раздосадован огромными суммами, отнятыми у его подданных. Он также сожалел о развращенности церкви и, вероятно, сочувствовал теологическим взглядам Лютера. Соответственно, он защищал смелого профессора, хотя открыто не поощрял его и не вступал с

ним в союз. Он позволил событиям идти своим чередом. Что ж, Фредерик заслужил эпитет Мудрого.

Был еще один великий человек, который радовался появлению тезисов Лютера; и это был Эразм — Меланхтон. Эразм, величайший ученый своего времени, автократ литературы, в то время живший в Базеле. Он родился в Роттердаме в 1467 году в семье бедных родителей, но рано привлек внимание своими достижениями и рано освободился от пут схоластики, которую ненавидел и презирал так же искренне, как и сам Лютер. Он также атаковал, с элегантным сарказмом, абсурдности своего времени, как в литературе, так и в морали. Он обличал грехи и безумства монахов и говорил о необходимости реформ. Но его отличительным достоинством были литературный талант и вкус. Он был великим знатоком греческого языка и опубликовал критическое издание Завета, которое сопровождал латинским переводом. В этом он оказал большую услугу реформаторам, особенно Лютеру. Его увлекательный стиль и обширная эрудиция принесли ему большую литературную известность. Но он был робок, консервативен и тщеславен; и стремился быть популярным, за исключением монахов, которых он постоянно высмеивал. Один врач ненавидел его так люто, что повесил его фотографию у себя в кабинете, чтобы иметь возможность плевать ему в лицо так часто, как ему заблагорассудится. Поскольку Лютер выступал против монашества и деспотизма, его симпатии были на его стороне. Но он не желал радикальной реформации, как это делал Лютер, и всегда избегал опасности и обмолвок. Он боялся народного восстания и всего, что выглядело либо революционным, либо фанатичным. Поэтому Лютер, хотя поначалу и был польщен его благосклонностью, вскоре научился не доверять ему; и в конце концов эти два великих человека недружелюбно относились друг к другу.

Меланхтон был слишком выдающимся действующим лицом великой драмы, которая вот-вот должна была разыгаться, чтобы ее можно было опустить в этом очерке о великих людях, стоявших на стороне реформ. Он родился в 1497 году и, следовательно, был на четырнадцать лет моложе Лютера. Он получил образование под руководством знаменитого греческого ученого Рейхлина, который также был его родственником. В двенадцать лет его отправили в Гейдельбергский университет, в четырнадцать он получил степень бакалавра искусств, а в семнадцать - доктора философии. Он начал публично читать лекции в возрасте семнадцати лет, а в возрасте двадцати одного года за свои выдающиеся достижения был приглашен в Виттемберг в качестве профессора древних языков. Он прибыл туда в 1518 году и сразу же попал под влияние Лютера, который, однако, признавал его классические достижения. Он считался вундеркиндом; выглядел удивительно молодо и вел себя так по-мальчишески, что поначалу серьезные профессора возлагали на него мало надежд. Но когда он произнес свою вступительную речь на латыни, все были поражены, и их предубеждения рассеялись. Сам Лютер с энтузиазмом восхвалял его, и между ними завязалась дружба, которая никогда не ослабевала из-за ссор. Мягкость Филиппа Меланхтона сильно контрастировала со смелостью, энергией и бурными страстями Лютера. Первый был более образованным и элегантным; второй был высшим гением - гением командования людьми и руководства великими предприятиями.

Но была еще одна великая личность, которая теперь смотрела на движение Лютера совсем не безразлично; и это был Меланхтон — Лео X. Лев X., правивший папой, когда были опубликованы тезисы. Он принадлежал к прославленному семейству Медичи и был избран кардиналом в возрасте тринадцати лет. Он был самым элегантным и образованным из всех пап, покровительствовал искусству и литературе и украсил свою столицу дворцами, церквями и

статуями. Но с его симпатией к интеллектуальному совершенству он был расточительным, роскошным и мирским. Действительно, его дух был почти безбожным. Он больше стремился к светской, чем духовной власти; и когда он начал свое правление, папские владения были более обширными и процветающими, чем в любой предыдущий период. Его главной ошибкой было безрассудство при введении налогов даже на само духовенство, из-за чего он потерял их доверие и уважение. Обладая очень тонким умом, он, тем не менее, был совершенно неподходящим для своего положения и своего времени.

До сих пор он пускал на самотек протесты, которые Лютер поднимал против индульгенций, и даже игнорировал тезисы, которые, как он предполагал, возникли в результате монашеской ссоры. Но император Максимилиан был встревожен и написал папе отчет о разногласиях Лютера с Тецелем. Фредерик Саксонский также написал его святейшеству, чтобы смягчить поведение Лютера.

Когда такие могущественные князья заинтересовались этим, Лев был поражен. Он вызвал Лютера в Рим, чтобы предстать перед судом Приериаса. Лютер, не смея отказаться и не желая повиноваться, написал своему другу Спалатину, чтобы тот использовал свое влияние на курфюрста, чтобы его дело было рассмотрено в Германии; и папа, желая угодить Фредерику, назначил Де Вио, своего легата, для расследования этого дела. Соответственно, Лютер отправился в Аугсбург, повинаясь призыву Де Вио, хотя многие из его друзей отговаривали его. У него было несколько бесед с легатом, который обращался с ним вежливо и учтиво и который отговорил его от его нынешнего курса. Но все убеждения и доводы кардинала-легата не произвели никакого эффекта на разум Лютера, чьи убеждения нельзя было поколебать ни добротой, ни хитростью. Де Вио надеялся, что ему удастся склонить Лютера к отступлению; но, когда он увидел, что тот непоколебим в своих решениях, он изменил тон и прибегнул к угрозам. Тогда Лютер решил покинуть Аугсбург; и, апеллируя к решению верховного понтифика, власти которого он еще не бросал открытого вызова, он бежал из города и вернулся в Виттемберг, получив поддержку курфюрста, которому он также адресовал письма. Его жизнь была в безопасности до тех пор, пока Фредерик защищал его.

Следующим событием в развитии Лютера был Лейпцигский диспут. Лейпцигский диспут, июнь 1519 года. Папа, казалось, был готов предпринять еще одну попытку убедить Лютера, прежде чем тот перейдет к более жестоким действиям. В то время при его дворе находился знатный саксонец Карл Мильтиц, чьи таланты и вкрадчивое обращение обеспечили ему высокую должность камергера при папе римском. Соответственно, он был отправлен в свою родную страну с достоинством легата, чтобы устранить трудности, которые пытался преодолеть Де Вио. Он пробовал убеждать и льстить и относился к реформатору с большой вежливостью. Но Лютер по-прежнему упорно отказывался взять свои слова обратно, и дело было передано курфюрсту-архиепископу Тревскому.

Пока продолжался спор, доктор Экк из Ингольштадтского университета, человек большой схоластической изобретательности и достижений, гордящийся премиями восьми университетов, вызвал профессоров Виттемберга на публичный спор о Благодати и свободе воли. Он смотрел на диспут глазами опытного фехтовальщика и искал средства распространить свою славу на Северную Германию. Лейпциг был назначенной ареной, и туда съезжались знатные и образованные люди Саксонии. Экк прибыл одним из первых, а вскоре после него прибыли Карлштадт, Лютер и Меланхтон.

Местом поединка был зал в королевском дворце герцога Георга, двоюродного брата курфюрста Фредерика, который был обставлен и украшен с большой тщательностью и который был почтен присутствием герцога, а также главных богословов и знати Северной Германии. Карлштадт открыл дебаты, которые не вызывали особого интереса, пока не подошла очередь Лютера, противника, с которым Экк больше всего хотел встретиться и чью растущую славу он надеялся сокрушить блестящей победой. Ранке так описывает личность Лютера в то время. "Он был среднего роста и такой худой, что казался просто кожей и костями. Он не обладал ни громоподобным голосом, ни оперативной памятью, ни мастерством и ловкостью своего выдающегося противника. Но он находился в расцвете мужественности и своих сил. Его голос был мелодичным и чистым; он в совершенстве разбирался в Библии, и самые удачные ее фразы сами собой приходили ему на ум; прежде всего, он внушал непреодолимую убежденность в том, что ищет истину. Он всегда был весел дома и веселым, шутливым собеседником за столом; он даже в этот важный момент поднялся на сцену с букетом цветов в руке; но, оказавшись там, он проявил бесстрашную и самозабвенную серьезность, проистекающую из глубины убеждения, до сих пор непостижимого даже для него самого. Он черпал новые мысли и бросал их в огонь битвы с решимостью, не знающей страха и личного уважения. Черты его лица носили следы бурь, бушевавших в его душе, и мужества, с которым он был готов встретить то, что еще ожидали его. Весь его вид свидетельствовал о глубокой задумчивости, веселости характера и уверенности в будущем. Принципы Лейпцигского диспута. Немедленно началась битва по вопросу об авторитете папства, который, будучи одновременно понятным и важным, приковал всеобщее внимание". Экк, обладая большой эрудицией и виртуозной логикой, поддержал утверждение папы, опираясь на постановления соборов, мнения схоластов и даже на знаменитые слова Христа, обращенные к Петру: "Ты — Петр, и на этом камне Я построю мою церковь" и т.д. Лютер занял более высокую и смелую позицию, отрицал непогрешимость соборов и апеллировал к Писанию как высшему авторитету. Вероятно, Экк имел преимущество перед своим противником в том, что касалось диалектики, поскольку был более способным спорщиком; но Лютер бросил вызов простой схоластической логике и апеллировал к авторитету, до которого диалектика не могла дотянуться. На победу претендовали обе стороны; но результатом было то, что Лютер больше не признавал авторитета римской церкви и не признавал ничего, кроме Священного Писания.

Лейпцигский диспут был великим интеллектуальным состязанием Реформации и развил ее великую идею — единственный великий принцип, вокруг которого сплываются все секты и партии протестантов. Это идея о том, что Священные Писания являются единственным окончательным основанием авторитета в религии, и что, более того, каждый человек имеет право толковать их по своему усмотрению. Право на частное суждение. Право на личное суждение — что религия - это дело индивидуальной души и Бога, и что каждый человек несет ответственность только перед своей собственной совестью за то, как он интерпретирует Священное Писание, — все это составляет великую протестантскую платформу. Разные секты придерживаются разных взглядов на оправдание, но все заявляют, что восходят к Священному Писанию. Взгляды Лютера были схожи со взглядами св. Августина — что "человек может быть оправдан одной верой", что было его великой теологической доктриной — доктриной, принятой многими, кто никогда не покидал общину Римской церкви, до и после его дней, и доктриной, которая характеризовала ранних реформаторов, Цвингля, Кальвина, Нокса, Кранмера и пуритан в целом. Столь же абсурдно говорить, что движущим принципом религии Лютера была не эта доктрина, как нефилософски сводить реформацию просто к ее признанию. После того, как

убеждения Лютера по этому вопросу были утверждены и он широко и открыто провозгласил их, главной борьбой в его жизни стала борьба с папством, которое он рассматривал как предсказанного антихриста — "алую мать мерзостей". В задачу автора этой Истории не входит защищать или выступать против взглядов Лютера или приводить какие-либо доводы, а просто представить факты в их истинном свете, то есть изложить их откровенно.

Хотя Лейпцигский спор выявил великий принцип Реформации, взгляды Лютера, касающиеся как истинных доктрин, так и государственного устройства церкви, не были еще развиты по всем пунктам и лишь постепенно раскрывались по мере того, как он приобретал знания и свет. Это было непросто, даже отрицать верховенство римской церкви в вопросах веры. Таким образом, он оказался в положении Гуса, Иеронима и других реформаторов, которые были уничтожены, почти без исключения. Таким образом, он вступил в прямой конфликт с папой римским, с великими сановниками церкви, с университетами и со всей схоластической литературой. Он должен был ожидать яростного сопротивления и мести со стороны папы римского, монахов, великих церковных сановников, самых выдающихся ученых и тех светских князей, которые были дружественны Риму. У него не было никого, кто мог бы защитить его, кроме принца империи, действительно могущественного и мудрого, но старого и колеблющегося. Лишь немногие поддерживали и защищали его — сатирический Эразм, которого называли вторым Люцианом, слабоумный Штаупиц, фанатичный Карлштадт и неопытная Меланхтон. Мирские, образованные, могущественные и консервативные классы были его естественными врагами. Но на его стороне были разум и Священное Писание, и он апеллировал к их великому и окончательному приговору. Он обладал исключительной верой в силу истины и милостивую защиту Всемогущего Бога. Полагаясь на величие своего дела и провидение всемогущего Защитника, он был готов бросить вызов всем искусствам, теориям и злобе человека. Его оружием была правда. За истину он боролся, и за истину он был готов умереть. Софистику школ он презирал; они исказили и мистифицировали истину. И он хорошо знал их, потому что был обучен самой суровой диалектике своего времени, и, хотя он презирал их, он знал, как ими пользоваться. Простое слово Божье, обращенное к разуму и совести людей, казалось единственным, достойным его внимания.

Но, помимо Священного Писания и непредвзятого разума, у него был еще один элемент власти. Он был хозяином симпатий и страстей людей. Его отец был трудящимся шахтером. Его дед был крестьянином. Он был приучен к бедности; он общался с бедняками; он был человеком из народа; он был их естественным другом. Он видел и оплакивал их бремя, и восстал ради их освобождения. Элементы величия Лютера. И люди отличали своего истинного друга от своих ложных друзей. Они увидели искренность, серьезность и труды нового апостола свободы, поверили в него и сделали из него кумира. Они будут защищать его, и почитать его, и повиноваться ему, и верить в то, чему он их учил, ибо он был их другом, которого Бог воздвиг, чтобы снять с них бремя и указать путь на небеса, без заступничества священников, индульгенций или епитимий. Их другом было разоблачить коррупцию духовенства и дать бой великому заклятому врагу, который построил церковь Святого Петра на свои с трудом заработанные гроши. Дух с небес просветил тех, кому проповедовал Лютер, и они сплотились под его знаменем и поклялись никогда не разделяться, пока великие враги бедных и угнетенных не окажутся бессильными. И их сочувствие было необходимо, а также наилучшие услуги, ибо великий человек того времени — воплощенный дух свободы — был в опасности.

Папа, до сих пор мягкий, убедительный и нерешительный, теперь восстал во всем величии своего могущественного имени и, как преемник святого Петра, метнул то оружие, которое было молнией в руках Григориев и Невинных. Со своего папского престола и со всей торжественностью назначенного Богом наместника он осудил дерзкого монаха из Виттемберга и приговорил его к гневу Божьему и наказанию вечным огнем. Отлучение Лютера. Лютер был отлучен папской буллой, а его труды были осуждены как еретические и достойные осуждения.

Это был ужасный приговор. Немногие когда-либо успешно сопротивлялись ему, даже сами монархи. Отлучение от церкви по-прежнему было страшным оружием и использовалось только в отчаянных обстоятельствах. Оно использовалось только как последнее средство, поскольку частота уничтожила бы его силу. В средние века это оружие было всемогущим, а средние века только что закончились. Никто не мог устоять перед этой ужасной анафемой, которая обрекала его на гнев разгневанного и неумолимого Божества. Как бы некоторые ни заявляли о своем презрении к этому приговору, все же, когда он был вынесен, его нельзя было вынести, особенно если он сопровождался интердиктом. Детей оставили непогребенными. Церкви были закрыты. Религиозные обряды были приостановлены. Похоронная тень окутала общество. Страхи перед адом преследовали каждое воображение. Не было достаточно веских причин, чтобы воспротивиться приговору. Никакая рука не была достаточно могущественна, чтобы снять проклятие. Оно нависло над грешной землей. Это обрекало несчастного преступника, который был проклят, куда бы он ни пошел и какой бы работой ни занимался.

Но Лютер был достаточно силен, чтобы противостоять этому и презирать это. Он видел, что это было навязывание, которое допускали только варварские и невежественные века. Более того, он понял, что теперь нет альтернативы, кроме победы или смерти; что в великом сражении, в котором он участвовал, отступление было позором. И он не хотел отступать. Он боролся за угнетенное человечество, и даже смерть в таком деле была славой. Он полностью понимал природу и последствия этой борьбы. Он осознавал величие противостояния против него с мирской точки зрения. Никто, кроме Лютера, не смог бы с этим сравниться; ни один человек до него никогда успешно не восставал против папы. Только с учетом этого обстоятельства можно оценить его бесстрашие.

Что сделал саксонский монах, когда была опубликована папская булла? Он собрал профессоров и студентов университета, объявил свой торжественный протест против папы как антихриста и прошел процессией к воротам Виттембергского замка, там развел костер и бросил в него буллу, осуждавшую его, каноническое право и некоторые труды схоластов, а затем вернулся в город, бросая вызов всей власти папы, сияя сознанием того, что битва началась и будет длиться всю жизнь, и совершенно уверен, что победа в конце концов будет на стороне истины. Это было в 1520 году, 10 декабря.

Внимание всей нации неизбежно было привлечено к этому открытому сопротивлению; и симпатии свободомыслящих, искренних и религиозных людей были выражены в его пользу. Никогда еще общественный интерес к его мнениям, его судьбе не был столь захватывающим. Дух новаторства стал заразительным и проник в сознание немцев. Это потребовало серьезного внимания самого императора.

На сейме в Вормсе был созван большой сейм империи. Вормс, и светская власть вызвала туда Лютера. У него была охранная грамота, которую даже такой могущественный принц, как Карл V., не осмеливался нарушать. В апреле 1521 года реформатор предстал перед собравшимися высокопоставленными лицами Германской империи, как духовными, так и светскими, и был призван отречься от своих взглядов как еретических в глазах церкви и опасных для мира в империи. Перед самым августейшим собранием в мире он без малейшего смущения выступил в свою защиту и отказался отречься. "Если, - сказал он, - мои ошибки не могут быть продемонстрированы текстами из Священного Писания, я не буду и не могу отречься; ибо человеку небезопасно идти против своей совести. Я здесь. Я не могу поступить иначе. Да поможет мне Бог! Аминь".

Это заявление удовлетворило его друзей, хотя и не удовлетворило членов сейма. Лютеру было разрешено уйти в отставку. Он завоевал доверие нации. С того времени он стал его миром и признанным лидером величайшего восстания человеческого разума, которое когда-либо видели современные времена. Были провозглашены великие принципы реформации. Великий герой Реформации укрепил свое дело на скале. И все же его труды только начинались. С этого момента его жизнь превратилась в тяжелый труд и досаду. Постоянно возникали новые трудности. Постоянно приходилось решать новые вопросы. Судя по его письмам, Лютер был повсюду. Он приступил к переводу Священных Писаний; он написал бесконечное количество противоречивых трактатов; его переписка не имела себе равных; его усилия как проповедника были огромны. Но он был готов ко всему этому; был чудесно приспособлен к своему возрасту и обстоятельствам.

Примерно в это же время началось его заключение в Вартбурге. добровольное заключение в Вартбурге, среди тюрингских лесов: вероятно, его доставили туда по приказу курфюрста Саксонии. Здесь он был вне поля зрения, но не изгнан из сердца; и его уединение под видом рыцаря дало ему досуг для литературного труда. В старом замке Вартбург большая часть Священных Писаний была переведена на ту красивую и простую версию, которая до сих пор является стандартом немецкого языка.

Пока Лютер переводил Священное Писание в своем уединении, Виттемберг стал ареной новых волнений, чреватых великими результатами. Было много наиболее ревностных новообращенных к реформатским доктринам во главе с Карлштадтом. Карлштадт, декан теологического факультета, который не был доволен достигнутым прогрессом и желал более радикальных перемен. Такая партия всегда существует во всех реформах, ибо есть люди, которые всегда склонны к крайним и экстравагантным поступкам. Карлштадт был типом таких людей. Он был образованным, искренним и дружелюбным, но не знал, на чем остановиться; и теперь предстояло испытать, возможно ли провести необходимую реформу, не уничтожая при этом всех результатов трудов предыдущих поколений. Ум Карлштадта не был хорошо уравновешен, и для него реформация была лишь полумерой и бесполезным движением, если только не были разрушены все внешние религиозные обряды и вся экономика церкви. Он отменил или желал отменить все священнические одежды, все посты и праздники, все изображения в церквях и все эмблематические церемонии любого рода. Он настаивал на закрытии всех общественных увеселительных заведений, упразднении всех религиозных общин и разделе их имущества между бедняками. Он утверждал, что нет необходимости в учености или академических занятиях, и даже ходил по домам крестьян в поисках объяснения трудных мест Священного Писания. К таким нововведениям эпоха, конечно, не была готова,

даже если бы они были основаны на разуме; и консервативный ум Лютера был потрясен экстравагантностью, которая вызвала отвращение у всего христианского мира и поставила под угрозу дело, за которое он взялся. Итак, вопреки уговорам курфюрста и вопреки запрету империи, он вернулся в Виттемберг, правда, небольшой город, но место, где собрался цвет немецкой молодежи. Он решил противостоять движениям Карлштадта, даже несмотря на то, что противодействие могло подорвать его влияние. Особенно он выступал против всех насильственных мер, к которым были склонны ультрареформаторы, прекрасно зная, что, если его дело будет запятнано насилием или фанатизмом, весь христианский мир объединится, чтобы подавить это. Его проповеди в это время (1522 г.) проникнуты глубоким и консервативным духом, а также духом примирения и любви, рассчитанным на то, чтобы успокоить страсти и донести убеждение до возбужденных умов. Его умеренные советы возобладали, беспорядки были утихомирены, и порядок был восстановлен. Карлштадт на какое-то время замолчал, но такой ум, как у него, не мог успокоиться, особенно в тех вопросах, где правда была на его стороне. Одним из них было упоминание о присутствии тела Христа в Евхаристии, которое Карлштадт полностью отрицал. Он учил, "что вечера Господня была чисто символической и была просто залогом для верующих их искупления". Но Лютер видел в каждой попытке продемонстрировать символическое значение вечера только опасность ослабления авторитета Священного Писания, которое было его оплотом, и стал чрезвычайно упорен в этом вопросе; довел свои взгляды до крайности буквального толкования и никогда не мог освободиться от римских доктрин относительно евхаристии. Карлштадт, обнаружив, что его преследуют в Виттемберге, покинул город и, как только его освободили от присутствия Лютера, также начал возрождать свое прежнее рвение против изображений и был зачинщиком больших беспорядков. В конце концов он нашел убежище в Страсбурге и пожертвовал славой, друзьями и хлебом ради своих честных убеждений.

Но, тем не менее, взгляды Карлштадта находили сторонников, и его экстравагантности копировались с еще большим усердием. Многие претендовали на особое божественное озарение — великий центральный принцип всего фанатизма. Среди них был Томас Мюнцер. Томас Мюнцер из Цвикау, мистик, невежественный и тщеславный, но искренний и простодушный. "Лютер, - сказал он, - освободил совесть людей от папского ига, но не привел их в духе к Богу". Считая себя призванным особым откровением привести людей к большей духовной свободе, он продолжал разжигать общественное мнение, возбуждать недовольство и даже подстрекать к восстанию. Религия теперь смешалась с политикой, и социальному и политическому злу было оказано яростное сопротивление под прикрытием религии. Восстание, наконец, возникло в округах Шварцвальда (1524 г.), близ истоков Дуная, и распространилось от Швабии до Рейнских провинций, пока не стало чрезвычайно грозным. Затем началось то, что называется "крестьянской войной", которая закончилась только убийством пятидесяти тысяч человек. Поскольку причины этой войны, в конце концов, были в основном политическими, подробности относятся к нашей главе, посвященной политической истории. Однако Лютер выразил большое отвращение к этому восстанию крестьянства, хотя и воспользовался этим, чтобы прочесть лекцию князьям Германии об их обязанностях гражданских правителей.

Едва закончилась крестьянская война, как Лютер женился на Катарине Бора; и поскольку она была монахиней, а он монахом, этот брак вызвал всеобщий скандал. Но этот брак, оказавшийся счастливым, стал сигналом к новым реформам. Теперь Лютер освободился от монашеских оков и возвысил свой голос против всей монашеской системы. Восемь лет прошло с тех пор, как он

проповедовал против индульгенций. В течение этих восьми лет реформа была постепенной и теперь достигла крайнего предела, которого когда-либо достигала при жизни реформатора.

Но в другой четверти она вспыхнула с новой силой и достигла масштабов, не одобряемых в Германии. Именно в Швейцарии было достигнуто наибольшее приближение к формам, если не к духу, первобытного христианства.

Великим героем этого швейцарского движения был Ульрик Цвингле. Ульрик Цвингле, самый интересный из всех реформаторов. Он родился в 1484 году и получил образование среди гор своей живописной страны, и, подобно Эразму, Рейхлину, Лютеру и Меланхтону, не имел никаких аристократических притязаний, кроме благородства натуры. Но, несмотря на бедность, он был хорошо образован и был мастером схоластической философии и всей учености своего времени. Как и Лютер, он страстно любил музыку и играл на лютне, арфе, скрипке, флейте и цимбалах. Во всей Швейцарии не было более жизнерадостного духа, чем у него. Все любили его общество, чтити его достижения и восхищались его гением. Подобно Лютеру и Эразму, он испытывал отвращение к схоластике и сожалел о времени, которое посвятил ее изучению. Он был рукоположен в 1506 году констанцским епископом и поселился в Цюрихе в 1518 году. Поначалу его жизнь ничем не отличалась от той, которую обычно вели священнослужители, будучи жизнью разгула и удовольствий. Но он был прилежен и хорошо познакомился с отцами церкви и с греческим оригиналом. Лишь постепенно на него снизошел свет, и это было следствием его изучения Священного Писания, а не проповеди Лютера. Ему не приходилось противостоять таким бурям, которые потрясли душу саксонского монаха. Он также никогда не посвящал себя с таким рвением установленной церкви. Его также не интересовали доктринальные аспекты веры. Но он с такой же ясностью видел порочность церкви и с таким же рвением проповедовал против индульгенций и узурпации пап. Реформирование морали было великой целью его жизни. Его проповедь была практичной и простой, а его доктрина заключалась в том, что "религия заключалась в доверии к Богу, любви к Богу и невинности жизни". Более того, он проявлял глубокий интерес к политическим отношениям своей страны и был энтузиастом как свободы, так и религии. Ему город Цюрих был обязан своим освобождением от епископальной власти Констанца, а также реформацией во всех внешних сферах церкви. Он внушал горожанам тот позитивный дух протестантизма, который впоследствии характеризовал Кальвина и пуритан. Он был слишком радикальным реформатором, чтобы соответствовать Лютеру, хотя и разделял большинство его теологических взглядов.

Однако в одном пункте они разошлись во мнениях; и это расхождение привело к ожесточенному соперничеству, весьма позорному для Лютера и легшему величайшим пятном на его характер, поскольку оно развило в необычайной степени как упрямство, так и догматизм и показало, что он не выносит противоречий или оппозиции. Спор между Лютером и Цвингле. Ссора возникла из—за расхождения во взглядах на вечерю Господню: Лютер придерживался не совсем римско-католической доктрины пресуществления, но чего-то близкого к ней - даже вездесущности Христа в священных элементах. Он отказался от доктрины о постоянно повторяющемся чуде, но заменил ее всеобщим чудом, совершенным раз и навсегда. В его приверженности мнениям схоластов по этому вопросу мы видим его консервативный дух; ибо он не отрицал предания, если только оно прямо не противоречило Писанию. Он сохранил бы всю структуру латинской церкви, если бы она не была искажена современными дополнениями, явно противоречащими Священному Писанию; и он был так глубоко привязан к традициям

церкви и ко всему церковному истеблишменту, что освободился только благодаря сильным внутренним бурям. Но у Цвингле не было такого живого представления о вселенской церкви, и он был более радикален в своих симпатиях. Он разделял точку зрения Карлштадта на вечерю, что она была просто символической. Тем не менее он воздерживался от разрыва с Лютером, который, однако, был неизбежен, учитывая взгляды Лютера на этот предмет и склад его ума. Лютер отверг все предложения о примирении и, поскольку считал необходимым для спасения верить в реальное присутствие Христа в причастии, отказался признать Цвингле своим братом.

Цвингле, тем не менее, продолжал свои реформы и стремился восстановить, по его мнению, самые ранние формы, в которых проявлялось христианство. Он намеревался восстановить поклонение исключительно духовному. Он отвергал все обряды и церемонии, прямо не предписанные Библией. Лютер настаивал на сохранении всего, что не было прямо запрещено. И это было главным отличием между ними и их приверженцами.

Но Цвингле обдумывал политические, а также религиозные перемены и еще в 1527 году, за два года до своей конференции с Лютером в Марбурге, задумал создать лигу всех реформаторов против политических властей, которые препятствовали их прогрессу. Он боролся со злоупотреблениями государства, а также церкви. Эта оппозиция создала ему больших врагов среди кантонов с их различными правительствами и союзами. Он также приобрел восторженных друзей, и во всех кантонах существовала сильная демократическая партия, противостоящая существующим олигархиям, партия которой в Берне и Базеле, Санкт-Галле, Цюрихе, Аппенцелле, Шаффхаузене и Гларусе получила господство. Это привело к беспорядкам и насилию и, наконец, к гражданской войне между различными кантонами, причем тем, которые придерживались старой веры, помогала Австрия. Люцерн, Ури Швиц, Цуг, Унтервальден возглавили борьбу против реформированных кантонов, главным из которых был Цюрих, где жил Цвингле. Цюрих подвергся нападению. Цвингле, движимый порывом патриотизма и мужества, вышел из своего дома и встал под знамена своих соотечественников не как капеллан, а как вооруженный воин. В этом была его ошибка. "Взявшие меч, погибнут вместе с мечом". Бесстрашный и просвещенный реформатор был убит в 1531 году, и с его смертью рухнули надежды его партии. В Швейцарии немедленно началось восстановление римско-католической религии.

Лютер, более мудрый, чем Цвингле, поскольку он воздерживался от политики, продолжал свои труды в Германии. И они были огромными. Бремя его страны лежало на его плечах. Он был диктатором реформистской партии, и его слово воспринималось как закон. Более того, партия постоянно увеличивалась, и благодаря поддержке, которую она получала от некоторых самых могущественных немецких князей, она стала грозной даже с политической точки зрения. Почти половина Германии приняла реформатскую веру.

Прославленный Карл V к тому времени уже некоторое время был императором и для продолжения своих завоеваний считал необходимым заручиться поддержкой объединенной Германии, тем более что в Германию теперь вторглись турки. Чтобы заручиться этой поддержкой, он считал необходимым пойти на уступки в религии своим протестантским подданным. Сейм Аугсбурга. На сейме в Аугсбурге (1530 г.), где собралось самое блестящее собрание князей, какое когда-либо видели в Германии, было зачитано знаменитое исповедание протестантской веры. Оно было написано Меланхтоном как на латыни, так и на немецком языке на основе статей Торгау, подготовленных Лютером. Стиль принадлежал

Меланхтону; суть принадлежала Лютеру. Он состоял из двадцати восьми статей, из которых двадцать одна относилась к вере протестантов — так они назывались на втором сейме Спайерса в 1529 году, — а в остальных семи рассказывалось об ошибках и злоупотреблениях Рима. Его подписали курфюрст Саксонии, маркиз Бранденбургский, герцог Люненбургский, ландграф Гессенский, принц Ангальтский и депутаты имперских городов Нюрнберга и Ройтлингена. Но католики имели преимущество в сейме, и "Аугсбургское исповедание" было осуждено. Но император не решался на какие-либо решительные меры для искоренения "ереси". Он угрожал и издавал эдикты, но его угрозы имели мало силы. Тем не менее протестантские князья собрались сначала в Смалькальде, а затем во Франкфурте для заключения союза взаимной обороны — первого эффективного союза свободных князей и государств против их угнетателей в современной Европе — и заложили основы свободы совести. Военные действия, однако, не начались, поскольку император желал объединения Германии против турок; и поэтому он отозвал свои вормсбургский и Аугсбургский эдикты против протестантов, пошел на важные уступки и пообещал им беспрепятственное пользование своей религией. Это было великим триумфом протестантов и столь же великим потрясением для папской власти.

Признание Аугсбурга и Лига Шмалькальда. Лига Смалькальда образовала важную эпоху протестантизма, поскольку благодаря им реформатская вера получила свою определенную форму и, более того, была гарантирована. Дело, ради которого был воспитан Лютер, теперь, в основном, было завершено. Его великое послание было доставлено и услышано.

После утверждения его дела его жизнь была запутанной и тревожной. Он не ожидал тех гражданских волнений, которые, как он теперь видел, рано или поздно были неизбежны. С ростом численности его партии наблюдался упадок духовности. Политические соображения также для многих были важнее моральных. Религия и политика смешались воедино, и не скоро их можно было разделить в ходе реформ. Более того, реформаторы расходились по многим пунктам между собой. Между немцами и швейцарцами наблюдалось прискорбное отсутствие гармонии. Лютер поссорился почти со всеми выдающимися личностями, с которыми он был связан, за исключением Меланхтона, который безоговорочно подчинился ему. Но, прежде всего, анабаптистские беспорядки, которые он ненавидел и которые приводили в смятение все епископство Мюнстера, угнетали и умерщвляли его. Смерть и характер Лютера. Измученный заботами, трудами и досадами, которые всегда нарушали покой и омрачали счастье великих героев и от которых не застраховано никакое величие, он умер в Эйслебене в 1545 году, когда посетил свою родину в Олдере, чтобы уладить разногласия между графами Мансфельдт.

Имя Лютера до сих пор почитается в Германии, и во всех протестантских странах его считают величайшим человеком, связанным с историей церкви со времен апостолов. Другие были более великими гениями, другие - более образованными, третьи - более набожными, а третьи - более дружелюбными и интересными; но никто никогда не проявлял большей отваги или не сочетал в себе больших качеств ума и сердца. У него были свои недостатки: он был раздражительным, догматичным и оскорбительным в своих противоречивых сочинениях. Он не терпел тех, кто отличался от него — вина эпохи. Но он был добродушным, радостным, дружелюбным и бескорыстным. Его труды были гигантскими; его искренность безупречной; его благочестие просвещенным; его рвение неугасимым. Обстоятельства и новые идеи его эпохи благоприятствовали ему, но он сделал себя хозяином этих обстоятельств и идей и, более того, выработал свои собственные идеи, которые были в гармонии с христианством. Реформация

произошла бы, если бы не было Лютера, хотя и в менее благоприятное время; но из всех людей его возраста, которых Реформация могла пощадить меньше всего, Мартин Лютер стоит особняком. Как величайшего из реформаторов, его имя будет вечно почитаться.

Список литературы.—Внимание студента направлено только на наиболее выдающиеся и ценные работы, в которых говорится о Лютере и протестантской реформации. Все работы слишком многочисленны, даже для того, чтобы их можно было уничтожить. Мы ссылаемся только на те, которые доступны и полезны. Среди них можно упомянуть, как наиболее важные, "Историю реформации" Ранке; "Историю реформации" Д'Обинье; "Жизнь Лютера" Мишле; "Жизнь Лютера" Одена, католическое произведение, написанное с большим духом, но без особой щедрости; "Историю реформации" Стеббинга; "Жизнь Лютера" преподобного доктора Сирса, новое произведение, написанное с большой корректностью и умением; "Лекции о цивилизации" Гизо; Эссе Планка о последствиях Реформации. ([Вернуться к содержанию](#))

ГЛАВА III.

ИМПЕРАТОР КАРЛ V.

Когда Лютер появился на сцене, великие монархии Европы только что возникли на развалинах тех феодальных государств, которые пережили крушение империи Карла Великого.

Император Германии Карл V. Из всех монархов Европы больше всех претендовал на древность и достоинство своего трона. Как наследственный суверен Австрии, Штирии, Каринтии и Тироля, он обладал абсолютной властью в своих феодальных провинциях; в то время как как избранный император он имел косвенное влияние на Саксонию, Пфальц, три архиепископства Трев, Менц и Кельн и некоторые бургундские территории.

Но самой могущественной монархией в то время, вероятно, были Испания и Франция в пятнадцатом веке. Франция, а ее столица была лучшим городом Европы и пристанищем образованных и элегантных людей со всех концов христианского мира. Все незнакомые люди превозносили великолепие двора, богатство знати и славу университета. Власть монарха была почти абсолютной, и уже тогда значительная постоянная армия была готова подчиняться его приказам.

Испанией в начале шестнадцатого века правили Фердинанд и Изабелла, которые своим браком объединили короны Кастилии и Арагона. Завоевание Гранады и открытие Америки значительно повысили политическое значение Испании и заложили фундамент ее будущего величия при Филиппе II.

Англия, из-за своего островного положения, имела не такое большое влияние в европейской политике, как другие державы, о которых уже упоминалось, но, тем не менее, это было процветающее объединенное королевство. Генрих VII, основатель дома Тюдоров, воссел на трон и преуспел в подавлении власти феодальной знати и в укреплении королевской власти. Короли в пятнадцатом веке были лучшими защитниками народа и помогали ему в борьбе против феодальных угнетателей. Англия, однако, лишь незначительно продвинулась вперед в торговле или мануфактуре, и ее народ все еще был груб и невежествен. Духовенство, как и в других

странах, было самой умной и богатой частью населения и, следовательно, самой влиятельной, хотя и опозоренной многими пороками.

Италия тогда, как и сейчас, была разделена на множество независимых государств и раздираема гражданскими и религиозными распрями. Миланским герцогством правил Людовико Моро, сын знаменитого Франциска Сфорца. Неаполь, называемый королевством, только что был завоеван французами. Флоренция находилась под властью Медичи. Венеция, коммерческое значение которой начало снижаться, контролировалась олигархией знати. Кафедру Святого Петра занял папа Александр VI, понтифик, получивший печально известное бессмертие благодаря порокам разврата, жестокости и предательства. Папство, вероятно, находилось в самом коррумпированном состоянии, и те, кто пользовался его огромным покровительством, игнорировали громкие призывы к реформации, раздававшиеся во всех уголках христианского мира. Папы были полны решимости обеспечить себе как светскую, так и духовную власть и взимали непомерные налоги как со своих духовных, так и со светских подданных.

Великие северные королевства Европы, которые сейчас столь значительны, — Россия, Дания, Швеция и Норвегия, — в начале шестнадцатого века не привлекали особого внимания. Они были погружены в варварство и деспотизм, и свет науки или религии редко проникал внутрь страны. Монархи были чувственными и жестокими, знать расточительной и алчной, духовенство невежественным и развращенным, а народ деградировал, но все же нечувствителен к своей деградации, без стремления к свободе и без понимания благ цивилизации. Такие герои, как Петр и Густав Адольф, еще не появились. Этим северным народам также не было суждено немедленно воспользоваться импульсом, который дала реформация, за исключением Швеции, в то время самого могущественного из этих королевств.

Греческая империя прекратила свое существование, когда Константинополь был взят турками в 1453 году. На ее руинах возникла османская держава. В конце пятнадцатого века турецкое оружие было очень мощным, и Европа снова трепетала перед мусульманами. Греция и вся Западная Азия были послушны султану. Но его могущество достигло своей кульминации лишь столетие спустя.

Таковы были различные государства Европы, когда разразилась Реформация. Максимилиан был императором Германии, а Карл V. только что унаследовал от своего отца Филиппа Красивого, который женился на дочери Фердинанда и Изабеллы, королевство Испания в дополнение к владениям Нидерландов.

После смерти Максимилиана в 1519 году юный суверен Испании и Нидерландов вступил во владение австрийскими владениями, и вскоре после этого избиратели избрали его императором Германии.

Он родился в Генте в 1500 году нашей эры и получил очень тщательное образование. Он рано проявил свою любовь к управлению государством и в пятнадцать лет присутствовал на заседаниях кабинета министров. Но у него не было вкуса к учебе, и в нем было мало признаков того гения, который он впоследствии проявил. Он был очень привязан к своим фламандским подданным и в первый год своего правления нанес большое оскорбление градам Испании и знати Германии своим заметным пристрастием к тем людям, которые были его ранними товарищами.

Трудно проследить в карьере Карла V. какие-либо серьезные мотивы поведения, отличные от желания возвеличиться. Интересы церкви, с которой он отождествлял себя, и истинное благополучие его подданных в разное время приносились в жертву его честолюбию. Если бы на других европейских тронах не было могущественных монархов, его мечты о власти, возможно, осуществились бы. Но в этот период случилось так, что появилось созвездие принцев.

Величайшим из них и главным соперником Карла на протяжении всей жизни был Франциск I. король Франции. Он даже ожидал избрания на императорскую корону, которое сделало бы его более могущественным, чем даже сам Карл. Избиратели боялись обоих и выбрали Фредерика Саксонского; но он отказался от опасного поста. Карл, как эрцгерцог Австрии, имел такие большие и очевидные притязания, что ими нельзя было пренебрегать. Следовательно, он был удачливым кандидатом. Но его избрание стало большим разочарованием для Франциска, и он не мог скрыть своего унижения. Войны между Карлом и Франциском. Мир не мог долго существовать между двумя завистливыми и амбициозными принцами. Франциск был почти того же возраста, что и Чарльз, унаследовал почти деспотическую власть, не испытывал финансовых затруднений и правил сплоченным и лояльным народом. Поэтому он не был достойным соперником Чарльза. Кроме того, он укрепил себя за счет союзов со швейцарцами и венецианцами. Карл добивался благосклонности папы римского и Генриха VIII. Англии. Истинными причинами войны были взаимная зависть и страсть к военной славе. Названные причины заключались в том, что Карл не уважал притязания Франциска как короля Неаполя; и, с другой стороны, что Франциск захватил герцогство Миланское, которое было феодальным владением империи, а также сохранил герцогство Бургундское, родовое наследие императора.

Политическая история Европы на протяжении почти полувека является хроникой войн между этими могущественными князьями, их взаимных бедствий, разочарований и успехов. В них были задействованы и другие соперничества, а также некоторые из них возникли по причинам, не зависящим от взаимной зависти, таким как восстание испанских грандов, крестьян в Германии и вторжение турок в империю. Во время правления Карла также произошло разделение князей Германии по религиозному признаку — основа соперничества, которое после смерти Карла сотрясало Германию в течение тридцати лет. Но Тридцатилетняя война была религиозной войной — одним из политических последствий Реформации. Войны между Карлом и Франциском были чисто войнами из-за военных амбиций. У Карла были большие территории и большие армии, но у Франциска было больше денег и более абсолютный контроль над своими войсками. Власть Карла была ограничена в Испании свободомыслием кортесов, а в Германии независимостью князей и затруднительными вопросами, возникшими в результате Реформации.

Было бы утомительно читать о различных войнах между Карлом и его соперником. Каждый из них в разное время добился больших успехов, и каждый, в свою очередь, испытал самые унижительные неудачи. Франциск даже был взят в плен в битве при Павии в 1525 году и заключен в крепость в Мадриде, пока не пообещал победителям полное расчленение Франции — вымогаемое обещание, которое он никогда не собирался выполнять. Едва вернув себе свободу, он нарушил все свои клятвы, и Европа снова стала ареной новых военных действий. К страсти мести теперь добавилась страсть честолюбия, и, поскольку папа благоволил делу Франциска, генералы Карла вторглись в Италию. Рим был взят и разграблен коннетаблем Бурбоном, французским дворянином, которым пренебрегал Франциск, а императорские войска творили жестокости и бесчинства, которые никогда не опозорили ни Алариха, ни Аттилу.

Карл притворился, что опечален победами своих генералов, и притворился, что они действовали без его приказа. Он использовал все уловки, чтобы обмануть возмущенный христианский мир, и назначил по всей Испании молебны и процессии за возвращение папе свободы, которую мог обеспечить один росчерк его пера. Таким образом, самый католический и фанатичный монарх в Европе захватил власть папы римского и разграбил его город в то самое время, когда Лютер проводил свою реформу. И этот факт показывает, насколько сильнее император находился под влиянием политических, чем религиозных соображений. Это также показывает провидение Божье, позволившее единственным людям, которые могли бы остановить реформацию, тратить свои силы на борьбу друг с другом, а не с ересью, которую они осуждали. Будь Карл менее могущественным и честолюбивым, он, вероятно, удовлетворился бы наказанием еретиков и объединением со своим естественным союзником папой римским в подавлении любого восстания, целью которого были права совести и пользование народной свободой.

Война между Франциском и Карлом продолжалась еще два года, с большой жестокостью, но с переменным успехом, обе стороны были одно время усилены союзами, а затем снова ослаблены дезертирством. Наконец, обе стороны были измотаны и были готовы согласиться на условия, которые они ранее с презрением отвергли. Фрэнсис был самым ослабленным и обескураженным, но Чарльз был самым озадаченным. Проблемы, вызванные Реформацией, требовали его внимания, и турки, в то время могущественная нация, собирались вторгнуться в Австрию. Испанцы роптали по поводу необычной продолжительности войны, и деньги были добыты с трудом.

Отсюда Камбрэйский мир от 5 августа 1529 года, который был очень выгоден Карлу из-за импульсивного характера Франциска и его нетерпения вернуть своих детей, которых он отдал Карлу, чтобы вернуть себе свободу. Он согласился заплатить два миллиона крон за выкуп своих сыновей и отказаться от своих притязаний в Нидерландах и Италии. Более того, он потерял репутацию и доверие Европы, покинув своих союзников. Карл оставался арбитром в Италии и был внимателен к интересам всех, кто поддерживал его. Обладая меньшим рыцарством, чем его соперник, он обладал бесконечно большей честью. Холодный, проницательный, эгоистичный и амбициозный, он, однако, был справедлив и сдержал свое слово. Он сочетал в себе качества, которые мы часто видим в эгоистичных людях — своего рода юридическое и техническое уважение к букве закона с постоянным нарушением его духа. Шейлок не мог бы внести ложное обвинение в свои книги, в то время как он придерживался бы самой грабительской сделки.

Карл после подписания Камбрэйского мирного договора посетил Италию со всей помпой завоевателя. В Генуе он наградил Дориа многими знаками отличия и даровал республике новые привилегии. Он уладил все свои разногласия с Миланом, Венецией и Флоренцией и восстановил власть Медичи. Затем он был коронован папой, которого он растоптал, как король Ломбардии и император римлян, и поспешил в Германию, которая настоятельно требовала его присутствия, как из-за разногласий между князьями, вызванных реформацией, так и из-за вторжения в Австрию трехсот тысяч турок. Он решил восстановить старые прерогативы императора Германии и сокрушить те мнения, которые подрывали его авторитет, а также могущество Рима, с которым отождествлялось его собственное.

Соответственно, на Сейме Шпилей был созван Сейм империи. На Шпилях, чтобы принять во внимание состояние религии, главной причины всех беспорядков в Германии. Оно собралось

15 марта 1529 года, и потребовалось самое громкое обращение, чтобы предотвратить гражданскую войну. Все, чего Карл смог добиться от собравшихся принцев, - это обещание не допускать никаких дальнейших нововведений. Был принят соответствующий декрет, против которого, однако, протестовали последователи Лютера, самыми могущественными из которых были курфюрст Саксонии, маркиз Бранденбургский, ландграф Гессенский, герцог Луненбургский, принц Ангальтский и депутаты четырнадцати имперских городов. Этот протест дал им название протестантов — название, сохранившееся с тех пор. Вскоре после этого в Аугсбурге собрался сейм, на котором были зачитаны символы веры протестантов, известные как Аугсбургское исповедание, против которого, однако, выступил император. В соответствии с его указом протестантские князья вступили в лигу в Смалькальде (22 декабря 1530 г.), чтобы поддерживать друг друга и защищать свою религию. Постоянно возникали обстоятельства, убеждавшие Карла в том, что искоренение ереси мечом в Германии невозможно, и, более того, он видел, что в его интересах — на что его глаза были особенно открыты — объединить все немецкие провинции в энергичную конфедерацию. Соответственно, после многих трудностей и с большой неохотой условия умиротворения были согласованы в Нюрнберге (1531 г.) и вскоре после этого ратифицированы сеймом в Ратисбоне, в соответствии с которыми было решено, что ни один человек не должен подвергаться насилию в его религии и что протестанты, со своей стороны, должны помогать императору в сопротивлении вторжению турок. Немцы со свойственной им добросовестностью оказали всю обещанную помощь, и одна из лучших армий, когда-либо созданных в Германии, численностью в девяносто тысяч пехотинцев и тридцать тысяч всадников, выступила в бой под командованием лично императора. Но кампания закончилась без каких-либо запоминающихся событий, поскольку обе стороны допустили ошибку из-за чрезмерной осторожности.

Франциск вскоре воспользовался трудностями и опасностями своего соперника, заключил союз с турками, выдвинул свои старые претензии, заручился благосклонностью немецких протестантов и вызвал вражду между Карлом и Франциском. возобновление боевых действий. Он двинулся в Италию и овладел владениями герцога Савойского, которому император в тот момент не мог помочь из-за его африканской экспедиции против пирата Барбароссы. Этот знаменитый корсар создал великую державу в Тунисе и Алжире и совершил позорные опустошительные действия против всех христианских народов. Карл высадился в Африке с тридцатью тысячами человек, взял крепость Голетта, разгромил армию пирата, захватил его столицу и вернул изгнанного мавританского короля на его трон. В разгар этих побед Франциск вторгся в Савойю. Карл был ужасно возмущен и осыпал своего соперника такими яростными оскорблениями, что Франциск вызвал его на поединок один на один. Вызов был принят, но дуэль так и не состоялась. Карл, в свою очередь, вторгся во Францию с большой для того времени армией — сорок тысяч пехотинцев и десять тысяч всадников; но экспедиция оказалась неудачной. Франциск действовал в обороне с замечательным мастерством, и ему повезло с его генералом Монморанси, который, казалось, был одержим духом Фаbia. Император, в конце концов, был вынужден бесславно вернуться, потеряв половину своей армии, не получив ни единого важного преимущества. Радость Франциска, однако, была омрачена смертью дофина, которую некоторые приписывали печально известной Екатерине Медичи, жене герцога Орлеанского, чтобы закрепить корону за своим мужем. Война не закончилась с отступлением Карла, но продолжалась с большой личной неприязнью, пока взаимное истощение не привело к перемирию на десять лет, заключенному в Ницце в 1538 году. Обе стороны приложили все свои силы, и ни одна из них не получила какого-либо заметного преимущества. Несмотря на их

открытую и тайную вражду, вскоре после заключения перемирия у них состоялась встреча, в ходе которой оба соперничали друг с другом в выражениях уважения и дружбы, а также в проявлении рыцарской учтивости — жалкая насмешка, о чем свидетельствует нарушение условий перемирия и возобновление военных действий в 1541 году.

Этому, несомненно, способствовала неудачная экспедиция Карла против Алжира в 1541 году, в результате которой он не получил ничего, кроме позора. Африканские войны. Его армия была истощена голодом и болезнями, а буря уничтожила его флот. Все сложные невзгоды, которые приносит война, выпали на долю его несчастных войск, но небольшая часть из них когда-либо вернулась. Франциск, воспользовавшись этими несчастьями, предпринял огромные военные приготовления, заключил союз с султаном Солиманом и вывел на поле боя пять армий. Он перешел в наступление и вторгся в Нидерланды, но лавров не снискал. Карл заключил союз с Генрихом VIII, и война бушевала с переменным успехом, но ни одна из сторон не получила какого-либо заметного преимущества в течение трех лет, пока в 1544 году в Креспи не был заключен мир. Карл, находясь в самом сердце Франции с армией вторжения, имел очевидное преимущество, но трудность отступления из Франции в случае катастрофы, и беспорядки в Германии вынудили его приостановить свои военные операции. Папа римский также был оскорблен тем, что он так много уступил протестантам, и турки оказали на него давление, став на сторону Венгрии. Более того, он страдал подагрой, которая не позволяла ему участвовать в сложных предприятиях. Ввиду всего этого он заключил мир с Франциском, заключил прочный союз с папой римским и решил искоренить протестантскую религию, которая была причиной стольких восстаний в Германии.

Тем временем папа решил созвать знаменитый Тридентский собор. Тридентский собор, законность которого протестанты отрицали. Он собрался в декабре 1545 года и был последним генеральным собором, который когда-либо собирали папы. Он собрался с целью уладить разногласия в церкви и подтвердить авторитет папы. Правители Европы надеялись, что будут проведены важные реформы, но ничего существенного сделано не было, и внимание богословов было направлено скорее на догмы, чем на мораль. Большое количество итальянских епископов позволяло папе поступать по-своему, несмотря на протесты немецких, испанских и французских прелатов и послов различных монархов, которые также имели места в соборе. Постановления этого собора, касающиеся символов веры, рассматриваются Римской церковью как окончательный авторитет. В нем осуждалась реформа Лютера и подтверждались различные церковные узурпации, которые сделали реформацию необходимой. Это продолжалось двадцать два года, с разными интервалами, во время понтификата пяти пап. Иезуиты, только что получившие известность, имели значительное влияние на совет благодаря образованности и способностям своих представителей, и особенно Лейнеза, генерала ордена. Доминиканцы и францисканцы проявляли свою обычную враждебность и соперничество, и постоянно выдвигались вопросы, которые разделяли собрание. Французские епископы, возглавляемые кардиналом Лотарингским, выступали против высоких притязаний итальянцев, особенно кардинала Мороне, папского легата; но хитростью и управлением более ярые приверженцы папы достигли своих целей.

Примерно в то время, когда собрался совет, умерли три выдающихся человека — Генрих VIII. король Англии, Франциск I и Лютер. Карл V освободился от своего великого соперника и от единственного частного лица в своих владениях, которого у него были основания опасаться. Теперь он всерьез обратил свое внимание на внутреннее состояние своей империи и решил

сокрушить Реформацию, причем силой, если это будет необходимо. Он начал с того, что попытался позабавить и обмануть протестантов и проявил то глубокое лицемерие, которое было одной из его характерных черт. Он заключил строгий союз с папой римским, заключил перемирие с Солиманом и привлек на свою сторону Мориса и других немецких князей. Его военные приготовления и интриги встревожили протестантов, и они приготовились к сопротивлению. Религиозное рвение поддерживало их военный пыл. Одна из самых больших армий, которые создавались в Европе в течение столетия, вышла на поле боя, а Карл, запертый в Ратисбоне, был не в состоянии сражаться. К несчастью для протестантов, они вели переговоры, вместо того чтобы действовать. Император был в их власти, но он был одним из тех немногих людей, которые оставались надменными и непреклонными посреди бедствий. Он объявил имперский запрет на протестантских князей, которые не могли сравниться с человеком, проводившим свою жизнь в поле боя: они действовали несогласованно и совершили много ошибок. Их силы уменьшились, в то время как силы императора увеличились за счет крупных пополнений из Италии и Фландрии. Вместо решительных действий протестанты медлили, не желая заключать мир и не желая встретиться лицом к лицу со своим сувереном. Их армия таяла, и ничего важного не было предпринято.

Морис, двоюродный брат курфюрста Саксонского, совершил подлость, которой история едва ли может найти аналогию, - Предательство Мориса. покинул своих союзников, присоединился к императору исключительно из честолюбивых побуждений и вторгся на территорию своего родственника с двенадцатью тысячами человек. Конфедераты предприняли попытки заключить мир, которые были отвергнуты, они разделились, и большинство из них подчинилось императору. Он обращался с ними высокомерно и сурово, навязал им самые унижительные условия, вынудил их отречься от лиги Смалькальда, отказаться от своих военных припасов, разместить гарнизоны в своих городах и выплатить большие денежные контрибуции.

Курфюрст Саксонский и ландграф Гессенский, однако, выстояли; и таково было состояние императора, что он не мог немедленно напасть на них. Но смерть Франциска дала ему время вторгнуться в Саксонию, и курфюрст потерпел поражение в битве при Мюльхаузене (1547) и был взят в плен. Пленный принц подошел к победителю без угрюмости или гордости. "Военная удача, - сказал он, - сделала меня вашим пленником, всемилостивейший император, и я надеюсь, что со мной обойдутся..." Тут Карл прервал его — "И я, наконец, признан императором? Карл Гентский - единственный титул, который ты мне за последнее время позволил. С тобой будут обращаться так, как ты того заслуживаешь. При этих словах он с надменным видом повернулся к нему спиной.

Несчастливого принца тщательно охраняли испанские солдаты, и он предстал перед военным трибуналом, председателем которого был печально известный герцог Альва, впоследствии прославившийся своими жестокостями в Голландии. Он был признан виновным в государственной измене и мятеже и приговорен к смертной казни — приговор, который ни один военный трибунал не имел права выносить первому принцу империи. С ним обращались с позорной жестокостью, которую он переносил с большим великодушием, но в конце концов заключил договор с императором, по которому, ради сохранения своей жизни, он уступал свое королевство Маврикию.

Ландграф был недостаточно силен, чтобы противостоять власти Карла после того, как все его враги были покорены, и он подчинился, хотя Карл выдвинул самые строгие условия, от него

требовали сдаться лично, выйти из Смалькальдской лиги, на коленях просить прощения, снести его укрепления и заплатить огромный штраф. Короче говоря, это было безоговорочное подчинение. Помимо бесконечных унижений, пленение ландграфа Гессенского. он был взят в плен, что со стороны Карла было всего лишь оскорблением, добавленным к оскорблению, — актом мошенничества и несправедливости, который вызвал у принца и протестантов в целом безграничное негодование. Курфюрст Бранденбургский и Морис тщетно добивались его свободы и показывали, какому позору он подвергнется, если будет держать ландграфа в плену. Но император выслушал их увещания с самым вызывающим хладнокровием и ясно показал, что он полон решимости подавить любое восстание, подавить протестантизм и установить абсолютный трон в Германии, ниспровергнув ее древнюю конституцию.

Судя по всему, его триумф был полным. Его великий соперник был мертв; его враги были подавлены и унижены; голос Лютера затих; и огромные пожертвования пополнили императорскую казну. Теперь он начал осуществлять мечты своей жизни. Он, несомненно, был в то время самым абсолютным и могущественным принцем, которого Европа когда-либо видела со времен Карла Великого, за исключением Наполеона.

Но какую впечатляющую мораль содержит история человеческого величия! Час триумфа часто бывает лишь предвестником поражения и позора. "Гордость предшествует разрушению". Карл V, со всей своей политикой и опытом, переоценил себя. Провал его амбициозных проектов и восстановление протестантизма были вызваны наименее ожидаемыми инструментами.

Дело протестантизма и свободы Германии оказались под угрозой из-за предательства Морица, который получил в награду великое курфюршество Саксония. Он поднялся на вершину славы и могущества. Кто бы мог подумать, что этот принц-предатель покинет императора, который так блестяще вознаграждал его за заслуги, за Героизм Мориса.. и вернуться, чтобы спасти тех принцев, которых он так подло предал? Но кто может разобраться в лабиринте интригующего и эгоистичного сердца? Кто может просчитать действия беспринципного и беспокойного политика? Морис, наконец, осознал реальное положение своей страны. Он увидел, как ее свободы были ниспровергнуты самым амбициозным человеком, которого породили десять столетий. Он видел, что делу, которое, по его убеждениям, было истинным, грозит крах. Более того, он был уязвлен гордостью, холодностью и неприкрытым эгоизмом императора. Он был возмущен тем, что ландграф, его тесть, остается пленником вопреки всем законам чести и справедливости. Он решил прийти на помощь своей стране. Он строил свои планы с величайшим хладнокровием и проявлял такую способность к лицемерию, которая не имеет аналогов в истории. Но его речь была даже больше, чем его лицемерие. Он завоевал доверие протестантов, не утратив при этом доверия императора. Он даже получил командование армией, которую Карл отправил покорять мятежный город Магдебург, и, пока он осаждал город, он вел переговоры с генералами, которые защищали его, о всеобщем союзе против императора. Магдебург сдался в 1551 году. Его вождей тайно заверили, что условия капитуляции не должны соблюдаться. Его следующим пунктом было сохранить армию сплоченной до тех пор, пока его планы не созреют, а затем арестовать императора, мысли которого теперь были сосредоточены на Тридентском соборе. Поэтому он предложил послать протестантских богословов на собор, но отложил их отъезд из-за бесконечных переговоров об условиях безопасного поведения. Более того, он заключил тайный договор с Генрихом II, преемником Франциска, чья враждебность к Карлу была такой же сильной, как и у его отца. Когда его приготовления были завершены, он присоединился к своей армии в Тюрингии и

выступил в поход против императора, который не подозревал о его замыслах и слепо доверял ему, считая невозможным, чтобы человек, которого он так чтит и награждает, мог восстать против него. 18 марта 1552 года Морис опубликовал свой манифест, оправдывающий его поведение; и его мотивами были защита протестантской религии, поддержание конституции империи и освобождение ландграфа Гессенского от рабства. Он получил мощную поддержку французского короля и с быстро увеличивающейся армией двинулся к Инспруку, где был расквартирован император. Несчастья Карла. Император был поражен, когда услышал весть о его дезертирстве, и был не в состоянии оказать ему сопротивление. Он пытался выиграть время путем переговоров, но они не возымели эффекта. Морис во главе большой армии быстро продвигался в Верхнюю Германию. Замки и города сдавались по мере его продвижения, и его продвижение было настолько быстрым, что он чуть не взял императора в плен. Чарльзу пришлось бежать посреди ночи и путешествовать на носилках при свете факелов по альпийским перевалам. Едва он покинул Инспрук, как Морис вошел в него - но слишком поздно, чтобы получить желаемую награду. Император собрал свои армии, и между противоборствующими сторонами развернулась ожесточенная война в пользу протестантов. Император через некоторое время был вынужден заключить с ними мир, поскольку его испанские подданные испытывали отвращение к войне, его средства были исчерпаны, силы рассеяны, а его территориям угрожали французы. 2 августа 1552 года был заключен Пассауский мир, который гарантировал возвращение ландграфа в его владения, свободу вероисповедания протестантам и сохранение конституции Германии. Оптимистические надежды императора развеялись, все его честолюбивые замыслы потерпели крах, и он удалился, чтобы в перерывах между болями, которые он испытывал от подагры, размышлять о неустойчивости всякого величия и тщете человеческой жизни. Теперь Мориса превозносили так же экстравагантно, как и прежде, и его предательство оправдывали даже серьезные богословы. Но самым странным во всем этом деле было то, что французский король, преследуя протестантов у себя дома, защищал их за границей. Но такое поведение может красноречивым образом подтвердить великую историческую истину о том, что Бог регулирует капризы человеческих страстей и подчиняет их достижению своих собственных целей.

Труды и затруднения Карла V не уменьшились от Пассауского мирного договора. Пассауский мирный договор. Он продолжал свои военные действия против французов и турок. Он был вынужден снять осаду Меца, которую доблестно защищал герцог де Гиз. К его бедствиям во Франции добавились другие в Италии. Сиена восстала против его правительства, и Неаполю угрожали турки. Империалисты потерпели неудачу в Италии и Венгрии, и эрцгерцог Фердинанд был вынужден покинуть Трансильванию. Но война в Нидерландах велась со значительной энергией.

Карл, единственной страстью которого было возвеличивание своего дома, теперь планировал женитьбу своего сына Филиппа на Марии, королеве Англии. Королева, ослепленная перспективой выйти замуж за наследника величайшего монарха Европы и стремящаяся заручиться его могущественной помощью в восстановлении католицизма в Англии, выслушала его предложение, хотя оно не понравилось нации. Несмотря на протест палаты общин, брачный договор был заключен и бракосочетание отпраздновано (1554 г.)

Вскоре после этого Карл принял экстраординарное решение уступить свои владения сыну и удалиться в тихое убежище. Диоклетиан - единственный пример принца, способного держать бразды правления, который избрал подобный курс. Вся Европа была поражена решимостью

Карла, и все историки того периода морализировали по поводу этого события. Характер Карла V. Но это перестает быть загадочным, когда мы вспоминаем, что Карл был не ближе к достижению целей, которые оживляли его существование, чем тридцать лет назад; что он испытывал отвращение и усталость от мира; что он жестоко страдал от подагры, которая временами лишала его возможности управлять своими обширными владениями. У него никогда не было привычки поручать другим обязанности и работу, которые он мог выполнять сам, и он чувствовал, что его империя нуждается в более могущественном защитнике, чем позволяли ему его немощи. Он преждевременно состарился, чувствовал, что его здоровье ухудшается; жаждал покоя и искал религиозного утешения. Из всех своих обширных владений он сохранил только ежегодную пенсию в сто тысяч крон, передав Испанию и Нидерланды в руки Филиппа, а германскую империю - своему брату Фердинанду, который уже был избран римским королем. Затем он отправился в свое убежище в Испании, в монастыре Святого Юстуса, недалеко от Плацентии, расположенном в прекрасной долине, окруженной высокими деревьями, орошаемой небольшим ручьем и привлекательной благодаря плодородию почвы и восхитительной температуре климата. Здесь он провел свои последние дни, занимаясь улучшениями в сельском хозяйстве и религиозными упражнениями, очевидно, не обращая внимания на шумный мир, который он навсегда покинул, и безразличный к тем политическим бурям, которые подняло его неугомонное честолюбие. Здесь его величие и его мирские надежды были похоронены при подготовке к будущему миру. Он жил с большой простотой в течение двух лет после своего уединения и умер (1558 г.) от последствий подагры, которая, в дополнение к его огромным трудам, подорвала его здоровье. Он не был тем, кого мир называл великим гением, подобно Наполеону; но он был человеком большой проницательности, неутомимого трудолюбия и выдающихся достижений. Он был осторожен, холоден и эгоистичен; мало верил в человеческую добродетель и в последние дни был рабом суеверий. Он не был ни приветливым, ни обходительным, но был искренен в своих привязанностях и щедро награждал своих генералов и друзей. Он не был ни завистливым, ни жестоким, но чрезмерно честолюбивым и стремился возвысить свою семью. Это был его характерный недостаток, и этого в столь выдающемся человеке, которому так благоприятствовали обстоятельства, было достаточно, чтобы почти полвека держать Европу в смятении.

Список литературы.—Робертсоновская история Чарльза V. История Реформации Рэнке. Kohlrausch's History of Germany. Современная Европа Рассела. Вышеупомянутые авторы легкодоступны, и в них есть все, что необходимо студенту. История Робертсона - классическое и бессмертное произведение. [\(Вернуться к содержанию\)](#)

ГЛАВА IV.

ГЕНРИХ VIII.

История Европы шестнадцатого века - это, прежде всего, история войн королей и их попыток утвердить себя и свои семьи на абсолютных тронах. Монотонный и почти эксклюзивный отчет о королевских удовольствиях и занятиях показывает, насколько мало внимания уделялось народу. Они боролись, трудились и роптали, как делают это сейчас. Вероятно, у них были те же радости и печали, что и в наше время. Но в наше время они оказывают значительное влияние на правительство, религию, литературу и социальную жизнь народов. В шестнадцатом веке это влияние было не столь очевидным; но власть всех видов, казалось, исходила от королей и

знати; по крайней мере, от богатых и культурных классов. Когда это так, когда короли устанавливают закон для общества, история не является нефилософской, которая признает главным образом их предприятия и идеи.

Возвышение абсолютной монархии. Возвышение абсолютной монархии на руинах феодальных государств - одна из главных черт пятнадцатого и шестнадцатого веков. Повсюду наблюдалась сильная тенденция к централизации. Провинции, прежде чем стать независимыми, контролировались центральным правительством. Постоянные армии заняли место феодальных армий. Короли отняли у знати право чеканить монеты, вершить правосудие и взимать налоги. Власть короны стала высшей и неограниченной.

Но некоторые монархи были более независимы, чем другие, по мере того, как власть знати подавлялась, или по мере того, как города переходили на сторону центрального правительства, или по мере того, как провинции были связаны друг с другом. Власть Карла V. в Испании была несколько ограничена свободомыслием кортесов, а в Германии - независимостью князей империи. Но во Франции и Англии король был более абсолютным, хотя он и не правил на такой огромной территории, как император Германии; и это одна из причин, почему Франциск I оказался таким сильным антагонистом своему более могущественному сопернику.

История Франции во времена правления этого монарха - это также история Карла V. Поскольку они оба участвовали в одних и тех же войнах, о которых уже упоминалось. Оба этих монарха потерпели неудачу в достижении целей своего существования. Если Карл не осуществил свою мечту о всемирной империи, то и Франциск после своей смерти не оставил свое королевство в более процветающем состоянии, чем он его нашел.

Франциску I наследовал его сын Генрих II, воинственный принц, но лишенный благоразумия и находящийся под контролем женщин. Однако его политика в значительной степени совпадала с политикой его отца, и он продолжал враждебные действия против императора Германии вплоть до своей отставки. Он был ярким гонителем протестантов, и его рвение посеяло семена последующих гражданских войн. Он был преждевременно свергнут со своего трона, будучи убитым на турнире в 1559 году, вскоре после смерти Карла V. Турниры прекратились с его смертью.

Правление Генриха VIII. Генрих VIII, другой великий современник Карла V, заслуживает более пристального внимания не только потому, что его правление стало началом новой эры в Англии, но и потому, что дела, привлекавшие его внимание, мало связаны с континентальной историей.

Он взошел на трон в 1509 году, на восемнадцатом году своей жизни, без сопротивления и при всеобщей радости нации; ибо его манеры были легкими и откровенными, нрав - веселым, а внешность - привлекательной. Он добился респектабельных литературных успехов и обещал выдающиеся способности. Вскоре после своего восшествия на престол он женился на Екатерине, дочери короля Испании, и первые годы его правления были счастливыми как для него самого, так и для его подданных. У него была хорошо набитая казна, которую его отец собирал с большой заботой, преданный народ и послушный парламент. Все обстоятельства, казалось, сговорились, чтобы укрепить его власть и сделать его арбитром Европы.

Но это состояние длилось недолго. Молодой король был полон решимости начать войну с Францией, но был отклонен от своей цели смутами в Шотландии, вызванными его собственной алчностью — чертой, которая всегда особенно отличала его. Эти неприятности вылились в

войну с шотландцами, которые потерпели поражение в памятной битве при Флодденском поле, которую сэр Вальтер Скотт увековечил в своем "Мармионе". Шотландские военачальники Ленокс и Аргайл погибли, как и сам доблестный король Яков. Едва ли найдется хоть одна прославленная шотландская семья, предок которой не был бы убит в тот роковой день, 9 сентября 1513 года. Но победа была куплена дорогой ценой, и английский генерал Суррей, впоследствии герцог Норфолкский, не смог воспользоваться своими преимуществами.

Примерно в это же время произошло знаменитое возвышение кардинала Уолси. Кардинал Уолси начал играть заметную роль в английских делах. Его отец был мясником из Ипсвича, но смог дать своему сыну хорошее образование. Он учился в Оксфорде, вскоре отличился своими достижениями и стал наставником сыновей маркиза Дорсета. Маркиз обеспечил ему богатую жизнь в Лимингтоне, но молодому пастору с его неугомонным честолюбием и любовью к волнениям и удовольствиям вскоре наскучила деревенская жизнь. Он покинул свой приход, чтобы стать домашним капелланом казначея Кале. Эта должность познакомила его с Фоксом, епископом Винчестерским, который делил с графом Сурреем высшие милости королевской семьи. Министр и дипломат, найдя в молодом человеке образованность, такт, живость и талант к бизнесу, представили его королю, надеясь, что он окажется приятным собеседником для Генриха и полезным инструментом для него самого. Но те, кто способен управлять бизнесом других людей, как правило, способны управлять своим собственным. Инструмент Фокса заботился в основном о своих интересах. Он заменил своего господина в благосклонности верноподданных и вскоре приобрел больше благосклонности и влияния при дворе, чем любой из министров или фаворитов. Хотя он был на двадцать лет старше Генри, он приспособивался ко всем его вкусам, льстил его тщеславию и страстям и стал его закадычным другом. Он посплетничал с ним о Фоме Аквинском, Индии и галантных похождениях. Он был великим ценителем чувственных удовольствий, питал страсть к великолепию и показухе и был настоящим гением придворных развлечений. Он мог есть и пить с самыми веселыми придворными, петь веселые песни и участвовать в танцах. Он был резок и откровенен в своих манерах, но за ними скрывались только хитрость. "Искусство скрывать искусство", а Уолси был мастером всех уловок притворства. Он быстро поднялся после того, как однажды завоевал сердце короля. Он последовательно становился деканом Йорка, папским легатом, кардиналом, епископом Линкольна, архиепископом Йорка и лордом-канцлером. Он также получил административную и временную власть в богатом аббатстве Сент-Олбанс, а также в епископствах Бат и Уэллс, Дарем и Винчестер. Олбанс. Благодаря этим подаркам его доходы почти сравнялись с доходами короны, и он растрачивал их с беспримерной расточительностью. Он одевался в пурпур и золото, содержал свиту из восьмисот человек и построил Хэмптон-Корт. Он был каналом, по которому текли королевские милости. Но он стал хорошим канцлером, вершил правосудие, подавлял власть знати, поощрял и вознаграждал литераторов и финансировал колледжи. Он был самым великолепным и могущественным подданным, которого когда-либо видела Англия. Даже дворяне гордились тем, что присоединились к его свите иждивенцев. Однако во всей его показухе не было ничего грязного или вульгарного. Генрих получал удовольствие от своей пышности, ибо она была отражением величия его собственного величества.

Первые годы правления Генриха VIII, после битвы на Флодденском поле, были проведены в удовольствиях и в больших публичных демонстрациях Великолепия Генриха VIII. великолепие, которое очаровало народ и сделало его народным кумиром. Среди них наиболее известна беседа короля с Франциском I. Она состоялась 4 июня 1520 года; это было самое великолепное

представление шестнадцатого века, разработанное Вулси, который был гением в подобных вещах. Монархи встретились в прекрасной долине, где проводились рыцарские поединки и турниры и где было продемонстрировано все великолепие, на которое были способны объединенные ресурсы Франции и Англии. Фрэнсис добивался этой встречи, чтобы через Вулси завоевать расположение короля и уравновесить преимущества, которые, как предполагалось, Карл V получил во время предыдущего визита к королю в Дувр.

Появление "Поля золотой скатерти" вызвало некоторый ропот среди английской знати, многие из которых были оскорблены дорогими вкусами Вулси. Среди них был герцог Бекингем, наследственный верховный констебль Англии, связанный с королевским домом Плантагенетов. Генри из ревности, как из-за его рождения, так и из-за состояния, давно выбрал его в качестве своей жертвы. Кроме того, он был неприятен Вулси, поскольку не хотел льстить его гордости и, более того, оскорбил его. Королю очень легко найти предлог для совершения преступления; а Бекингем был арестован, предан суду и казнен за предательские пророчества. Его настоящее преступление заключалось в том, что он был более могущественным, чем это соответствовало политике короля. Со смертью Стаффорда, герцога Бекингема, в 1521 году началась кровавая жестокость Генриха VIII.

Вскоре после смерти Бекингема король приобрел печальную известность своими теологическими трудами против Лютера, доктрины которого он ненавидел. У него всегда был вкус к теологическим диспутам и любовь к схоластам. Его трактаты против Лютера, весьма уважаемые по таланту и учености, хотя и опозоренные грубой и вульгарной бранью, обеспечили ему благосклонность папы, который даровал ему титул "Защитника веры"; и между ними существовал прочный союз до развода королевы Екатерины.

Трудности и задержки, сопровождавшие этот акт жестокости и несправедливости, составляют немалую часть внутренней истории Англии в период правления Генриха VIII. Любое событие, которое становится предметом всеобщих сплетен и обсуждений, всегда достойно исторического внимания, поскольку оно отражает преобладающие мнения и вкусы.

Королева Екатерина, дочь Фердинанда, короля Испании, была на восемь лет старше своего мужа, за которого она вышла замуж в первый год его правления. Ранее она была замужем за его братом Артуром, который умер от чумы в 1502 году. В течение нескольких лет после ее брака с Генрихом VIII ее семейное счастье было предметом обсуждения, и император Карл V. поздравил ее с блестящей удачей. Она была красива, искренна, образованна, религиозна и бескорыстна и всеми способами стремилась завоевать расположение короля.

Но среди ее фрейлин была одна необыкновенно образованная и обворожительная, на которую король с непривычной горячностью перенес свою привязанность. Анна Болейн. Это была Анна Болейн, дочь сэра Томаса Болейна, который из-за своего огромного состояния женился на Элизабет Говард, дочери первого герцога Норфолка. Этот благородный союз сблизил сэра Томаса Болейна с членами королевской семьи и привел к назначению его дочери на высокий пост, который она занимала при дворе королевы Екатерины. Вероятно, король некоторое время подавлял свою страсть; и она дольше скрывалась бы даже от своего объекта, если бы его ревность не была возбуждена ее привязанностью к Перси, сыну графа Нортумберленда. Король наконец дал понять о своей страсти; но дочь Говардов была слишком горда, или слишком политична, или слишком принципиальна, чтобы прислушиваться к его увертюрам. Только став королевой Англии, она могла ответить на страсть своего царственного возлюбленного. Более

того, она решила отомстить всемогущему кардиналу за то, что он способствовал ее расставанию с Перси, которого она любила романтической привязанностью. Король ждал четыре года, но Анна оставалась непреклонно добродетельной. Затем он обдумал развод с Кэтрин как единственный способ достичь цели, которая теперь, казалось, оживляла его существование. Он доверил это дело своему любимому министру, но Вулси был поражен этим открытием и четыре часа простоял с ним на коленях, отговаривая его от шага, который тот справедливо расценивал как безумие. Здесь Вулси предстает честным человеком и настоящим другом; но королевское увлечение не знает ни мудрости, ни справедливости, ни человечности. Вулси, как светский человек, здесь допустил грубую ошибку и отошел от политики, которой он придерживался до сих пор, — политики потакания настроению своего абсолютного хозяина. Вулси, однако, порекомендовал королю посоветоваться с богословами, поскольку Генрих делал вид, что после почти двадцати лет супружеской жизни у него возникли серьезные сомнения по поводу законности своего брака. Ученые английские врачи боялись высказывать свое мнение и предложили сослаться на отцов церкви. Но король не был доволен их авторитетом; он апеллировал к папе римскому и к решениям половины университетов Европы. Кажется весьма странным, что такой беспринципный, беспринципный и страстный монарх, и в то же время такой абсолютный и могущественный, каким был Генрих, тратил свое время и деньги впустую, добиваясь одобрения поступка, на который он был полностью настроен и которого он никогда не мог разумно надеяться получить. Но его характер состоял из противоречий. Его капризы, жестокость и отсутствие добросовестности странным образом сочетались с суевериями и почтением к авторитету церкви. Его вспыльчивый характер побуждал его к самой суровой мере несправедливости, и его несправедливость не вызывала стыда, хотя его несколько сдерживало мнение тех самых людей, которых он без колебаний убил.

Королева Екатерина. Екатерина, помимо того, что была добродетельной и превосходной женщиной, имела влиятельных союзников и была ревностной католичкой. Следовательно, ее отречение не могло произойти, не оскорбив тех самых лиц, чью благосклонность король больше всего стремился снискать, особенно императора Карла, ее племянника, папу римского, а также всех высших сановников и приверженцев церкви. Даже Вулси по чести своей не мог одобрить развод, хотя такова была его политика. Вследствие своих интриг и скандала и оскорбления, которые такой возмутительный акт, как развод Екатерины, неизбежно должен был вызвать во всем цивилизованном мире, Генрих долго откладывал доведение дела до кризиса, опасаясь войны с Карлом V. и анафем папы римского. Более того, он надеялся привлечь его на свою сторону, поскольку папа послал кардинала Кампеджио в Лондон, чтобы вместе со своим легатом Вулси созвать суд для рассмотрения этого дела. Но это было крайне далеко от его намерения дать развод, поскольку папа больше боялся Карла V, чем Генриха VIII.

Суд ничего не решил, и гнев короля теперь обратился к позору и смерти Вулси. Вулси, которого он подозревал в тайном срыве его мер. Опытный придворный, так долго привыкший к улыбкам и благосклонности королевской семьи, не смог с достоинством перенести свой позор. Самый гордый человек в Англии в одночасье стал самым подлым. Он плакал, он съеживался, он пал духом; он отдал свой дворец, свои сокровища, свои почести и свои должности в руки того, кто дал их ему, без единого упрека; писал самые униженные письма "своему всемилостивейшему, милосерднейшему и благочестивейшему суверенному господину"; и умер от разрыва сердца по

пути в тюрьму и на эшафот. "Если бы я служил моему Богу так же усердно, как я служил королю, он не предал бы меня на синагах" — таковы были слова умирающего кардинала; его печальные признания о тщете человеческой жизни. Но мстительный принц не вынес ни единого слова скорби или сожаления, когда услышал о смерти своего премьер-министра и своего близкого друга на протяжении двадцати лет.

Вскоре после опалы Вулси, которая произошла почти за год до его смерти (1529), в английской политике и истории начали фигурировать три замечательных человека. Это были Мор - Кранмер - Кромвель. Сэр Томас Мор, Томас Кранмер и Томас Кромвель. Мор был самым совершенным, самым образованным и самым просвещенным из троих. Он был католиком, но очень образцовым в своей жизни и милосердным по своим взглядам. По нравственному возвышению характера и прекрасной безмятежности души анналы великих людей его страны не уступают ему. Только его обширная эрудиция и моральная целостность обеспечили ему официальное положение, которое Вулси занимал в качестве лорда-канцлера. Он всегда был близким другом короля, и его беседа, столь оживленная остроумием, столь богатая и разнообразная по содержанию, вызвала всеобщий интерес к его обществу. Он исполнял свои обязанности с исключительной добросовестностью и способностями, и ни у кого никогда не было повода жаловаться на то, что над ним не восторжествовало правосудие.

Возвышение Кранмера произошло благодаря счастливому стечению обстоятельств, несмотря на его высокие заслуги. Будучи наставником джентльмена по имени Кресси, он случайно сказал в присутствии доктора Гардинера, тогдашнего секретаря Генри, что правильный способ разрешить проблему развода - обратиться к образованным людям, которые разрешат этот вопрос на основании единственного авторитета Библии, без ссылки на папу римского. Об этом замечании было доложено королю, и Кранмера отправили проживать к отцу Анны Болейн, где он был занят написанием трактата в поддержку своего мнения. Его способности привели к дальнейшим почестям, пока после смерти Уорхэма, архиепископа Кентерберийского, он не был назначен на вакантную кафедру, первую по достоинству и важности должность в королевстве, с которой ни один король, каким бы абсолютным он ни был, не мог его изгнать, разве что ценой жизни. Мы увидим, что во всех вопросах религии Кранмер был правящим духом в Англии до восшествия на престол Марии.

Происхождение Кромвеля было еще более неясным, чем у Вулси; но образование он получил в одном из университетов. Впервые мы слышим о нем как о клерке на английской фабрике в Антверпене, затем как о солдате армии констебля Бурбона, когда она разграбила Рим, затем как о клерке в торговом доме в Венеции, а затем снова как о юристе в Англии, где он привлек внимание Вулси, который сделал его своим поверенным и нанял для роспуска монастырей. Затем он стал членом палаты общин, где его красноречие и деловые таланты бросались в глаза. Он был хорошо принят при дворе и утвержден в должности управляющего монастырями после опалы своего хозяина. Его должность часто приводила его к личным советам с королем, и на одном из них он рекомендовал ему полностью отрицать власть папы и объявить себя верховным главой церкви. Смелость этого совета соответствовала характеру короля, обеспокоенного противодействием Рима его предполагаемому разводу, и Кромвель стал членом тайного совета. Таким образом, его удачные советы сколотили ему состояние. Все, кто выступал против короля, были обречены на падение, а все, кто поддерживал его, были обречены на возвышение, как всегда должно быть в абсолютной монархии, где король является центром и источником всякой чести и достоинства.

При таких министрах, как Кранмер и Кромвель, меры Генриха теперь были быстрыми и смелыми. От королевы Екатерины вскоре избавились; она была разведена и опозорена, и Анна Болейн была возведена на свой трон (1533 г.). Последовали анафемы папы Римского и возмущение всей Европы. Сэр Томас Мор сложил с себя полномочия морского котика и удалился в нищету и уединение. Но ему не позволили долго наслаждаться уединением. Отказавшись принести присягу Генриху как главе церкви и государства, он был казнен вместе с другими выдающимися католиками. Казнь Мора была самым жестоким и неуместным актом за все время правления и навлекла на его автора проклятия всех ученых и добродетельных людей Европы, большинство из которых ценили исключительные достоинства убитого канцлера, автора "Утопии" и Боэция его эпохи.

Гневные высказывания папы только подтолкнули Генриха к еще большей ссоре с папой. решительное сопротивление. Парламент, контролируемый Кромвелем, признал его верховным главой Англиканской церкви, и отделение от Рима было окончательным и бесповоротным. Десяты были присоединены к короне, и епископы принесли новую присягу на верховенство.

Независимость Англиканской церкви, обретенная в 1535 году, имела важные последствия и стала первым шагом к реформации, впоследствии доведенной до совершенства Эдуардом VI. Но поскольку первые акты реформации были продиктованы политическими соображениями, реформаторов в Англии во время правления Генриха VIII следует рассматривать главным образом с политической точки зрения. За отделением от Рима во время правления этого князя не последовало отмены ни римско-католического богослужения, ни каких-либо обрядов и церемоний этой церкви. Не была обеспечена и религиозная терпимость. Все было подчинено королевской совести, и в Англии по-прежнему правил светский папа, а не церковный.

Генрих вскоре обнаружил, что его новое положение главы Английской церкви налагает новые обязанности и заботы: поэтому он учредил отдельный департамент по ведению церковных дел, во главе которого поставил беспринципного, но энергичного Кромвеля — подходящего министра для такого монарха. Мирянин, ненавидевший духовенство и считавшийся исключительно с денежными интересами своего учителя, таким образом, был поставлен выше высших прелатов церкви. Но Кромвель, руководствуясь денежными интересами короля, учитывал и политические интересы королевства. Он был мудрым и практичным светским человеком и испытывал отвращение к порокам духовенства, и особенно к обычаю посылать деньги в Рим в виде аннат и налогов. Это зло он исправил, что привело к значительному обогащению страны, поскольку папы в то время были особенно хищническими. Затем он обратил свое внимание на реформу всего монашеского института, но также с прицелом на его полное разрушение. Кромвель ненавидел монахов. Они были ленивы, невежественны и распущенны. Они были тяжким бременем для народа и были столь же дерзкими и гордыми, сколь праздными и расточительными. Страна кишела ими. Дороги, таверны и дома легковых были кишмя кишат ими. Кранмер, симпатизировавший немецким реформаторам, ненавидел их по религиозным соображениям и охотно сотрудничал с Кромвелем; в то время как король, чье вымогательство и алчность не знали границ, с горящими глазами прислушивался к предложениям двух своих любимых министров. Нация была внезапно поражена известием о том, что парламент принял законопроект об упразднении монастырей. передача королю и его наследникам всех монастырских учреждений в королевстве, доход которых не превышал

двухсот фунтов в год. Таким образом, триста восемьдесят пали под ударом, в результате чего король обогатился на тридцать две тысячи фунтов в год и на сто тысяч фунтов наличными — огромную сумму по тем временам. В результате этого грабежа, возможно, и вынужденного, но чрезвычайно несправедливого и жестокого, а также в нарушение всех прав собственности, тысячи людей были доведены до нищеты, в то время как едва ли в королевстве был видный человек, который не пришел бы за долей награбленного. Король раздавал своим фаворитам и придворным обширные земельные наделы, чтобы умиротворить нацию; и таким образом были заложены основы многих крупных поместий английской знати. Однако грабежи привели ко многим серьезным беспорядкам и восстаниям, особенно в Линкольншире. В одном месте было сорок тысяч вооруженных мятежников, но они были легко подавлены.

Алчный король не был удовлетворен добычей, которую он получил, и в 1539 году было объявлено о подавлении монастырей. Был издан указ об окончательном подавлении всех монастырей в Англии. Затем последовал захват всего церковного имущества в Англии, связанного с монастырями, — святынь, реликвий, золотых и серебряных сосудов огромной ценности и редкости, земель и церквей. Кентербери, Бат, Мертон, Стратфорд, Бери-Сент-Эдмондс, Гластонбери и Сент-Олбанс пострадали больше всего, и многие из этих прекрасных памятников готической архитектуры были сровнены с землей. Их разрушение лишило людей многих физических удобств, поскольку они были больницами и караван-сараями, а также "клетками с нечистыми птицами". Ни церковь, ни университеты особой выгоды от конфискации такого большого количества имущества не получили, и было образовано только шесть новых епископств, и только четырнадцать аббатств были преобразованы в соборы и коллегиальные церкви. Король и знать были единственными, кто выигрывал от добычи; народ не получил никаких преимуществ в ту эпоху, хотя они были у него в последующие века.

После отказа от верховенства папы римского и подавления монастырей, где были собраны сокровища средневековья, естественно было бы предположить, что король пошел бы дальше и изменил религию своего народа. Но Генрих ненавидел Лютера и его доктрины, а не папу римского или религию, верховным понтификом которой он был. Золото и новых жен он любил больше, чем интересы католической церкви. Реформа не продвинулась дальше в его правление; в то время как, с другой стороны, он добился принятия декрета обеими палатами своего корольского, уступчивого парламента, которым были установлены доктрины пресуществления, единобрачного общения, безбрачия духовенства, месс и исповеди ушной раковины; и любое отступление от них или отрицание их влекло за собой смертную казнь.

Но у Генриха возникли новые внутренние трудности задолго до подавления монастырей — великого политического акта Томаса Кромвеля. Его новую жену, Анну Болейн, подозревали в преступлении непостоянства, причем в то самое время, когда она достигла вершины власти и удовлетворения всех мирских желаний. Она была очень тщеславна и любила показуху и украшения, но последние годы ее жизни были отмечены щедростью и приверженностью реформаторским доктринам. Но ее власть прекратилась почти сразу же, как только она стала королевой. Она могла завоевать, но не могла удержать привязанность своего царственного мужа. Его страсть перешла в истому и закончилась отвращением. Красота Анны Болейн вскоре была забыта, когда Джейн Сеймур, ее подруга невесты, привлекла внимание Генриха. Сделать эту леди своей женой теперь стало целью его жизни, а добиться этого можно было только путем развода с его королевой, которая легкомыслием и свободой своих манер дала повод для скандала. Генри верил каждой инсинуации против нее, потому что хотел верить в ее виновность.

Был всего лишь шаг между верой в виновность и решением уничтожить ее. Она была заключена в Тауэр, подвергнута импичменту, предстала перед судом, осуждена без доказательств и казнена как Анна Болейн. казнена без угрызений совести. Даже Кранмер, которого она уважала и с которым подружилась, не осмелился защитить ее, хотя, должно быть, верил в ее невиновность. Он слишком хорошо знал характер хозяина, которому служил, чтобы сильно рисковать, защищая ее. Она была первой женщиной, которая была обезглавлена в анналах Англии. Ни один из королей Плантагенетов никогда не убивал женщину. Но век рыцарства прошел, и чувства, которые он поощрял, не находили отклика в груди такого чувственного и мстительного монарха, каким был Генрих VIII.

На следующий же день после казни этой выдающейся леди, ради которой король растратил сокровища своего королевства и поддерживал брожение в христианском мире, он женился на Джейн Сеймур, "самой прекрасной, сдержанной и достойной из всех своих жен", как говорят историки, но при этом на женщине, которая без колебаний завоевала расположение Генриха и принимала его ухаживания, в то время как его королева была предана своему мужу. Но Анна Болейн сделала это до нее и понесла естественное возмездие.

Джейн Сеймур прожила всего восемнадцать месяцев после замужества и умерла через два дня после рождения сына, впоследствии Эдуарда VI. Она была одной из тех пассивных женщин, которые не заводят ни друзей, ни врагов. Она не позволяла себе ни остроумия, ни остроумных реплик, как ее блестящая, но менее красивая предшественница, и прожила свою царственную жизнь, не произнеся ни одной фразы или чувства, которые были сочтены достойными сохранения.

Прошло около месяца после ее смерти, когда король стал подыскивать другую жену и умолял Франциска I. отправить самых красивых дам его королевства в Кале, чтобы он мог там осмотреть их и выбрать одну по своему вкусу. Но французский король, у которого было больше вкуса и деликатности, не потакал этим восточным представлениям; и Генрих оставался без жены более двух лет, а принцессы Европы не очень стремились отдавать себя во власть этого королевского Синей Бороды. Наконец, по предложению Кромвеля, он был помолвлен с Анной Клевской - Екатериной Говард. Анна, дочь герцога Клевского, чей дом находился на берегу Рейна, в городе Дюссельдорф.

Едва король взглянул на нее, как почувствовал разочарование и отвращение и дал волю своим чувствам перед Кромвелем, назвав ее "великой фландрской кобылой". Тем не менее, он завершил свой брак, хотя его отвращение постоянно росло. Эта ошибка Кромвеля оказалась фатальной для его честлюбивых надежд. Король выместил на нем все неудовольствие, которое копилось в его озлобленной душе. Судьба Кромвеля была предreshена. Он оскорбил абсолютного монарха. Он был обвинен в ереси и государственной измене — обычных обвинениях в ту эпоху против людей, преданных разрушению, — судим раболепной коллегией судей, осужден и по приговору суда убит в 1540 году. В своих несчастьях он проявил не больше стойкости, чем Вулси. Атмосфера двора губительна для любого морального возвышения.

Но перед его казнью Анна Клевская, добродетельная и достойная женщина, развелась, и Екатерина Говард, внучка победителя при Флодден Филд, стала королевой Англии. Теперь король воображал, что его семейное счастье было полным; но вскоре после его женитьбы

выяснилось, что его жена прежде вела распутный образ жизни и также изменяла своему царственному господину. Когда ему были представлены доказательства ее несдержанности, он разразился потоком слез; но вскоре его природная свирепость вернулась, и его виновная жена испустила свое преступление смертью на эшафоте в 1542 году.

Шестой и последней женой Генриха была Кэтрин Парр, родственница лорда Латимера, женщина большой проницательности, благоразумия и здравого смысла. Она благоволила реформаторам, но обладала достаточной известностью, чтобы скрывать свое мнение от короля, который казнил бы ее, если бы заподозрил ее истинные взгляды. Она пережила своего мужа, который умер через четыре года после ее замужества, в 1547 году.

Последние годы любого тирана всегда полны меланхолии, а годы Генриха были омрачены ревностью и домашними неурядицами. Его финансы были расстроены, казна истощена, а подданные недовольны. Он часто воевал с шотландцами и различными континентальными державами. К другим своим плохим чертам он добавил религиозные преследования и казнил за их взгляды нескольких лучших людей королевства. Его отец оставил ему богатейшего монарха Европы, а он захватил земли аббатства и вымогал большие суммы у своего угнетенного народа; и все же он был беден. Все его желания были явно удовлетворены; и все же он был самым несчастным человеком в своих владениях. Он исчерпал все источники удовольствия, и не осталось ничего, кроме пресыщения и отвращения. Его разум и тело были одинаково больны. Его неумеренное обжорство сделало его чрезвычайно тучным, вызвав язвы и подагру. Приближаться к этой "развращенной массе умирающей тирании" было опасно. Ему невозможно было угодить, и малейшее противоречие приводило его в припадки безумия.

В "Последних днях Генри". в последние дни своей жизни он в приступе ревности приказал казнить герцога Норфолка, первого дворянина королевства, нанесшего оскорбление графу Хартфорду, дяде юного принца Уэльского и основателю величия Сеймуров. Но тиран умер до того, как приговор был приведен в исполнение, к большой радости добрых людей Англии, которых он ограбил и устроил резню. Несколько тысяч человек погибли от топора палача во время его позорного правления, и некоторые из них были светилами своего времени и славой своей страны.

Каким бы тираном ни был Генрих VIII, он всегда правил в соответствии с законами. Он не упразднял парламент и не урезал его привилегии. Парламент санкционировал все его налоги и санкционировал все его насильственные меры. Парламент был его гибким инструментом; и все же, если бы парламент воспротивился его воле, он, несомненно, распустил бы его, как это сделали принцы Стюарты. Но в его правление она не была подготовлена к сопротивлению, и король сделал все по-своему.

По натуре он был дружелюбным, щедрым и расточительным. Но его характер был испорчен потаканием своим желаниям и непрекращающейся лестью. Угрюмость, которую он проявлял в последние дни своей жизни, отчасти была следствием физического заболевания, вызванного, на самом деле, несдержанностью и обжорством. Он был верен своим женам до тех пор, пока жил с ними, и, хотя души в них не чаял, прислушивался к их советам. Но мало кто из его советников осмеливался сказать ему правду; и самого Кранмера никогда нельзя оправдать за то, что он льстил своей извращенной совести. Ни у кого не хватило смелости сказать ему, что он умирает, кроме одного из придворных вельмож. Смерть Генриха VIII. Он умер в страшных

мучениях в июне 1547 года, на тридцать восьмом году своего правления и пятьдесят шестом в возрасте, и был с большой помпой похоронен в часовне Святого Георгия Виндзорского замка.

Ссылки.—Лучшие английские истории правления Генриха VIII. являются стандартными историями Юма и Лингарда. Иллюстрированная история, несмотря на наличие картинок, также превосходна. С Бернетом следует консультироваться по церковным вопросам, а с Халламом - по конституции. Смотрите также "Жизни Вулси, сэра Томаса Мора и Кранмера". "Жизнь королей Генриха" лучше всего описана Агнес Стрикленд. ([Вернуться к содержанию](#))

ГЛАВА V.

ЭДУАРД VI. И МАРИЯ.

Генриху VIII. наследовал его сын Эдуард VI., девятилетний мальчик, образованный, набожный и не по годам развитый. Все еще он был мальчиком; и, как таковой, был королем, но номинально. История его правления - это история деяний его министров.

Покойный король оставил завещание, назначив шестнадцать человек, в основном членов своего совета, опекунами своего сына и правителями страны во время его совершеннолетия. Граф Хартфорд, будучи дядей короля, был единодушно назначен протектором.

Первое, что сделал совет, - это позаботился о себе, то есть присвоил себе титулы и доходы. Хартфорд стал герцогом Сомерсетом; Эссекс - маркизом Нортгемптоном; Лайл - графом Уориком; канцлер Райотсли - графом Саутгемптоном. Во главе этой знати стоял Сомерсет. Он был протестантом и поэтому проводил те реформы, которые Кранмер ранее планировал. Кранмер, как член совета, архиепископ Кентерберийский и друг Сомерсета, имел достаточно возможностей для судебного преследования своих действий.

История этого правления не важна с политической точки зрения и связана главным образом с завершением реформации, а также со склоками и завистью знатных лордов, составлявших регентский совет.

Самым важным событием политического характера была война с Шотландией. война с Шотландией, выросшая из попыток покойного короля объединить обе нации под властью одного правительства. В результате в Шотландию вторгся герцог Сомерсет во главе восемнадцати тысяч человек. Произошла великая битва, в которой погибло десять тысяч шотландцев. Но протектор был вынужден вернуться в Англию, не воспользовавшись плодами победы, из-за интриг при дворе. Его брат, лорд Сеймур, человек безрассудных амбиций, женился на вдовствующей королеве и открыто претендовал на управление королевством. Он пытался соблазнить юного короля и снабдил оружием десять тысяч человек.

Протектор добром и одолжениями пытался отвратить своего брата от его изменнических замыслов; но все его меры оказались безрезультатными, он был арестован, предан суду и казнен за государственную измену.

Но у Сомерсета был более опасный враг, чем его брат; и это был граф Уорик, который приобрел большую популярность благодаря подавлению опасного восстания, самого масштабного в истории страны со времен восстания Джека Кейда сто лет назад. Восстания и недовольство.

Недовольство людей, по-видимому, возникло из-за их реальных страданий. Монета обесценилась без соответствующего повышения заработной платы, а рабочая сила стала дешевой, потому что пахотные земли были превращены в пастбища. Народное недовольство усугублялось изменениями, которые внесли реформаторы и которые крестьянство оценило в последнюю очередь. Священники и изгнанные монахи усиливали недовольство, пока оно не переросло в пламя.

Протектор стал непопулярен в совете из-за закона, который он добился принятия против огораживаний; и по мере того, как он терял влияние, его главный соперник Уорик набирал силу. Сомерсет, наконец, был вынужден отказаться от своего протекторства, и Уорик, подавивший восстание, возглавил новый регентский совет. Он был человеком более талантливым, чем Сомерсет, с такими же амбициями и более приспособленным для бурных времен.

Как только его власть установилась, в стране воцарился мир и у него появились друзья, он приступил к осуществлению тех амбициозных проектов, которые давно вынашивал. Графство Нортумберленд вернулось к короне, Уорик претендовал на утраченный титул и поместья и добился для себя такого же пожалования с титулом герцога. Но все еще оставалась преграда на пути к его возвышению; и это было противодействие герцога Сомерсета, который, хотя и был опозорен и непопулярен, все еще обладал властью. Прискорбно стоять на пути карьеры великого человека, и Сомерсет поплатился за свое противодействие — обычная участь неудачливых соперников в беспокойные времена. Он был обвинен в государственной измене, осужден и казнен (1552 г.)

Нортумберленд, как новый диктатор, казалось, достиг наивысшего возвышения, к которому мог стремиться подданный. По рангу, власти и имуществу он уступал только королевской семье, но его честолюбие не знало границ, и он начал свои интриги, чтобы побудить молодого короля, здоровье которого быстро ухудшалось и который был ревностно привержен протестантизму, отменить наследование трона его сестрой Марией, действительно ввиду опасности, которой подвергнутся реформаторы, но под предлогом ее объявленной незаконнорожденности, что также опровергло бы притязания принцессы Елизаветы. Мария, королева Шотландии, должна была быть отстранена от престола на основании завещания покойного короля, и поэтому престолонаследие должно было перейти к леди Джейн Грей, внучке герцога Саффолка и французской королевы, которую он надеялся соединить браком со своим сыном. Это был глубоко продуманный план, и он был близок к успеху, поскольку Эдвард выслушал его с удовольствием. Затем Нортумберленд попытался привлечь на свою сторону судей и других выдающихся лиц и преуспел в этом путем подкупа и запугивания. На этом этапе молодой король умер, обладая всеми достижениями, которые могли украсить шестнадцатилетнего юношу, но все еще оставаясь орудием в руках своих министров.

Таковы были политические движения этого правления, памятные соперничеством знати. соперничество знати. Но в основном он отличается изменениями, которые были внесены в церковный истеблишмент, и внедрением принципов континентальных реформаторов. Религиозные реформы. Не было произведено никаких важных изменений сверх того, что сделали Кранмер и его сподвижники. Действительно, все, что мог сделать абсолютный монарх, было сделано, и сделано с благоразумием, проницательностью и умеренностью. Люди спокойно — за исключением некоторых сельских округов — смирились с переменами. Большинство духовенства принесли новую присягу на верность Эдуарду VI, как верховному

главе церкви, и очень немногие пострадали от религиозных преследований. В истории Англии не было периода, когда такие важные изменения происходили с таким небольшим кровопролитием. Кранмер всегда следил за настроениями нации и ничего не предпринимал без особой осторожности. И все же произошла великая перемена — не что иное, как полный переход от латинизма к протестантизму. Но это была не столь радикальная реформа, как впоследствии желали пуритане, поскольку иерархия и литургия, а также церковные значки и одежда были сохранены. В течение шести лет правления Эдуарда Кранмеру посчастливилось осуществить две великие цели, которыми с тех пор гордилась английская церковь, — устранить римские злоупотребления и утвердить символ веры Лютера и Кальвина; и это без нарушения союза церкви и государства, который, действительно, был более тесным, чем до реформации. Папская власть была полностью подорвана. Кранмеру больше ничего не оставалось делать. Он составил Книгу общих молитв, отменил старое латинское богослужение, поклонение образам, церемонию мессы и исповеди в ушах. Он превратил алтари в столы для причастия, установил пение псалмов во время службы, разрешил мирянам причащаться в обоих видах, добавил к ритуалу литанию, подготовил сборник проповедей для духовенства, пригласил ученых людей поселиться в Англии и щедро одарил школы и университеты.

Реформация лишена особого интереса, поскольку она была делом рук властей, а не результатом народных убеждений. Но Кранмер заслужил бессмертную славу за свое умелое управление и за то, что внес не больше изменений, чем мог выдержать. Большая часть английской нации до сих пор считает его работы совершенными и искренне и с энтузиазмом привязана к форме, которую он придал своей церкви.

Надежды его партии внезапно развеялись из-за смерти любезного принца, которым он управлял, 6 июля 1553 года. Наследование престола перешло к принцессе Марии, или, как тогда называли принцесс, леди Мэри; и все искусства Нортумберленда не могли лишить ее возможности пользоваться своими правами. Этот амбициозный аристократ ухитрился сохранить смерть Эдуарда VI в секрете на два дня. и заручился обещанием мэра и олдермена Лондона уважать волю покойного короля. В результате леди Джейн Грей была провозглашена королевой Англии. "Она была настолько далека от какого-либо желания этого продвижения, что начала играть свою роль королевской особы со многими слезами, тем самым ясно показывая тем, кто имел к ней доступ, что ее родственники и друзья вынудили ее занять этот высокий, но опасный пост". Она была образованной, красивой и дружелюбной, преданной своему молодому мужу и очень любила Платона, которого читала в оригинале.

Но друзья Марии проявили инициативу, и ее дело — дело законности, а не католицизма — получило поддержку. Нортумберленду не удалось справиться с этим кризисом, и он получил очень слабую поддержку. Его силы были подавлены, его планы провалились, а надежды рухнули. От восстания до эшафота всего один шаг; и этого великого аристократа постигла участь Сомерсета, его бывшего соперника. Казнь Нортумберленда. Его казнь подтверждает один из самых поразительных фактов в истории абсолютных монархий, когда идея легитимности прочно укоренилась в национальном сознании; а именно, что ни один подданный или конфедерация подданных, какой бы могущественной они ни были, не имеют особых шансов противостоять притязаниям или воле законного правителя. Кивок или слово такого короля могут обречь величайшего вельможу на безнадежное бессилие. И он может сделать это только благодаря могущественной и таинственной силе идей. Ни король, ни парламент никогда не смогут противостоять всемогуществу популярных идей. Когда идеи возводят на троны деспотов,

они в безопасности. Когда идеи требуют их свержения, никакие силы не могут долго поддерживать их. Эпоха королевы Марии была периодом самого неконтролируемого абсолютизма в Англии. Мария, очевидно, была бессильной женщиной, когда партия Нортумберленда провозгласила леди Джейн Грей королевой, и все же ей стоило только заявить о своих намерениях заявить о своих правах, и нация была распростерта у ее ног. Протестантская партия опасалась ее восшествия на престол, но лояльность была более сильным принципом, чем даже протестантизм, и вскоре она прочно утвердилась на абсолютном троне Генриха VIII.

Затем почти сразу последовала полная смена администрации, которая повлияла как на политическое, так и на религиозное состояние страны. Те, кто томился в заключении из-за своей религии, получили свободу и были возведены к власти. Гардинер, Боннер и другие католические епископы были восстановлены на своих кафедрах, в то время как Кранмер, Ридли, Латимер, Хупер Ковердейл и другие выдающиеся протестанты были заключены в тюрьму. Все статуты Эдуарда VI. касающиеся религии, были отменены, и королева направила папе римскому заверения в своей верности его престолу. Кардинал Поул, потомок королевской семьи Англии, человек большой честности, умеренности и достоинств, был направлен папским легатом. Гардинер, епископ Винчестерский, был назначен лордом-канцлером и стал премьер-министром. Он и его единомышленники рекомендовали насильственные советы; и началось царствование, не имеющее аналогов в Англии по религиозным преследованиям.

Вскоре после восшествия на престол королевы состоялось бракосочетание королевы. она вышла замуж за Филиппа, сына императора Карла и наследника испанской монархии. Этот брак, заключенный в результате интриг императора и одобренный католической партией, был вполне приемлем для Марии, чей потомок унаследует троны Испании и Англии. Но честлюбивые пары редко бывают счастливыми, особенно когда жена намного старше мужа, как это было в данном случае. Мария, однако, была привязана к Филиппу, хотя он относился к ней с большим безразличием.

Этот испанский брак, самый блестящий в ту эпоху, однако, не удовлетворил англичан, у которых и в мыслях не было становиться подданными короля Испании. Вследствие этого недовольства вспыхнуло восстание, в котором сэр Томас Уайатт был самым заметным, и в котором герцог Саффолк и даже леди Джейн и ее муж были замешаны, хотя и несправедливо. Восстание было легко подавлено, а главари отправлены в Тауэр. Затем последовала одна из самых печальных казней этого правления — казнь леди Джейн Грей, приговор которой был вынесен три месяца назад. Королева настаивала на самообороне и безопасности королевства — то же самое королева Елизавета в последующие времена делала в отношении королевы Шотландии. Ее несчастная судьба возбудила огромное народное сострадание, и она страдала с постоянством мученицы, а также ее муж — две прославленные жертвы, принесенные в жертву из-за честлюбия их родственников и ревности королевы. Герцог Саффолк, отец леди Джейн, также был казнен и заслужил свою участь, согласно представлениям своего времени. Принцесса Елизавета также ожидала, что ее принесут в жертву, как потому, что она была протестанткой, так и потому, что была следующей наследницей престола. Но она тщательно избегала каких-либо оскорблений и действовала с таким непревзойденным благоразумием, что ее сохранили для будущей славы и благополучия королевства.

1555 год начался для протестантов мрачно. Все тюрьмы были переполнены жертвами религиозных преследований. религиозным преследованиям и фанатичным инквизиторам

оставалось только заготовить хворост и колья. Более тысячи министров были лишены своих средств к существованию, а те, кто избежал дальнейших преследований, бежали на континент. Не менее двухсот восьмидесяти восьми человек, среди которых были пять епископов, двадцать один священнослужитель, пятьдесят пять женщин и четверо детей, были сожжены за религиозные убеждения, не считая многих тысяч тех, кто подвергался различным другим формам преследований. Постоянство Ридли, Латимера и Хупера увековечило их имена в списке прославленных мучеников, но величайшей из всех жертв был Кранмер, архиепископ Кентерберийский. Ему были даны самые коварные и вкрадчивые обещания, чтобы заставить его отказаться от своих слов. Ему были обещаны жизнь и достоинство, если он согласится предать свое дело. В недобрый час он поддался искушению и согласился продать свою душу. Робкий, убитый горем и старый, любовь к жизни и страх смерти были сильнее голоса совести и долга перед своим Богом. Но когда он обнаружил, что над ним смеются, он пришел в себя и страдал терпеливо и героически. Его смерть была славной, как и его жизнь полезной; и искренность его раскаяния искупила память о нем от позора. Кранмера можно считать великим автором английской реформации и одним из самых достойных и просвещенных людей своего времени; но он был робок, политичен и тянул время. Реформация не породила совершенных характеров ни в одной стране. Какой-то большой недостаток омрачил жизни всех выдающихся людей, которые по праву заслужили вечную славу. Но характер таких людей, как Кранмер, Ридли и Латимер, представляет интересный контраст с характером Гардинера и Боннера. Первый, однако, проявил некоторую снисходительность в последние годы правления Марии; но второй, епископ Лондонский, до последнего злорадствовал из-за пролитой по его вине крови. Он даже собственноручно порол заключенных-протестантов, а однажды вырвал бороду еретическому ткачу и держал его палец в пламени свечи, пока вены не сжались и не обожглись, чтобы тот мог понять, что такое боль от ожога. Так слепа и жестока религиозная нетерпимость.

Но Провидение распорядилось, чтобы религиозные преследования, которые приписываются Марии, но которые, по строгой справедливости, должны быть приписаны ее советникам и министрам, подготовили почву для народного и духовного движения в последующее царствование. Пожары в Смитфилде и жестокость позорного столба и тюрьмы открыли глаза нации на дух старой религии, а также послужили причиной бегства многих выдающихся людей во Франкфурт и Женеву, где они познакомились с принципами как религиозной, так и гражданской свободы. "Кровь мучеников явила семя церкви" — возвышенная истина, открытая Кранмеру и Ридли среди пожаров, пожиравших их почтенные тела; и не только им, но и всем, кто был свидетелем их безмятежности и слышал их торжествующие крики, когда этот смертный переходил к бессмертию. Количество еретиков увеличивалось по мере усиления преследований, и твердая убежденность заняла место слепого исповедания догматов. "История христианства началась, - говорит Милман, - только после того, как Христос был положен в свою высеченную в скале гробницу". Мы могли бы добавить, что только после того, как были зажжены огни Смитфилда, великие духовные идеи овладели массовым сознанием и появилась глубокая религиозная серьезность, которая так часто характеризовала английскую нацию. Прогресс, которого добивается человек, обычно проявляется в катастрофах, страданиях и печали. Это одна из фундаментальных истин, которым учит история.

Последние годы правления Марии были несчастными для нее самой и катастрофическими для нации. Ее царственный супруг не ответил ей взаимностью и навсегда покинул Англию. Она ввязалась в разорительную войну с Францией и не добила ничего, кроме позора. Ее здоровье пошатнулось, и она стала мрачной. Она до последнего оставалась крайне нетерпимой в своих

религиозных взглядах и больше думала о восстановлении католицизма, чем о продвижении интересов своего королевства. Ее сердце было разбито, и ее жизнь была чередой горестей. Характер Марии. Модно называть эту несчастную королеву "кровавой Мэри" и не приписывать ей ни единой добродетели; но она была любящей, искренней, благородных помыслов и чуралась лицемерия и интриг, которые характеризовали "королеву-девственницу" — имя, данное ее мужеподобной, но энергичной преемнице. Мария была способна на самую теплую дружбу; была внимательна к своим слугам, милосердна к бедным и сочувствовала несчастным, когда не была ослеплена своими религиозными предрассудками. У нее было много достижений и очень строгий вкус, и она не была пристрастна к клятвам, как королева Елизавета и ее царственный отец. Однако она была фанатичной католичкой; и как могли пристрастные историки увидеть или признать ее заслуги?

Но ее правление было катастрофическим, и нация с энтузиазмом приветствовала восшествие на престол Елизаветы. восшествие на престол Елизаветы состоялось 17 ноября 1558 года. С ее правления начинается новая эпоха даже в истории Европы. Кто не говорит о елизаветинской эпохе, когда в Англии утвердился протестантизм, когда прославленные поэты и философы украсили литературу страны, когда торговля и искусство получили мощный импульс, когда были основаны колонии в Северной Америке и когда плеяда великих государственных деятелей подняла Англию на высоту славы, которой прежде не достигали?

Список литературы.—См. "Стандартную историю Англии" Хьюма, Лингарда и другие; "Жизнеописания английских королей" мисс Стрикленд; "Историю реформации" Бернета; "Жизнь Кранмера"; "Книгу мучеников" Фокса. Эти работы содержат всю легкодоступную информацию о правлении Эдуарда и Марии, что важно. ([Вернуться к содержанию](#))

ГЛАВА VI.

ЭЛИЗАБЕТ.

Елизавете, дочери Генриха VIII от Анны Болейн, было двадцать шесть лет, когда она взошла на трон. Она была коронована 15 июня 1559 года и вскоре собрала свой парламент и избрала министров. Установив свою собственную легитимность, она приступила к улаживанию дел церкви, но лишь восстановила протестантскую религию в том виде, в каком ее покинул Кранмер. Действительно, она всегда сохраняла любовь к церемониалу и питала отвращение к реформаторскому духу в народе. Она настаивала на своем превосходстве как главы церкви и на согласии со своей королевской совестью. Но она не была сурова к католикам, и даже прожорливому и мстительному Боннеру было позволено спокойно закончить свои дни.

Как только была установлена протестантская религия, королева обратила свое внимание на Шотландию, от которой ожидалось много неприятностей.

Шотландией тогда управляли Мария, дочь Якова V. и Мария, королева Шотландии. наследовала своему отцу, будучи совсем младенцем, через восемь дней после своего рождения (1542 г.). В 1558 году она вышла замуж за дофина, впоследствии короля Франции, и в результате этого брака стала королевой Франции, а также Шотландии.

Согласно всем каноническим законам Римской церкви, притязания Марии Стюарт на английский трон были предпочтительнее притязаний ее кузины Елизаветы. Ее дяди, Гизы, утверждали, что брак Анны Болейн никогда не был законным и, следовательно, Елизавета была незаконнорожденной. В недобрый час она и ее муж объединили герб Англии со своим собственным и приняли титулы короля и королевы Шотландии и Англии. И негодование Елизаветы еще больше усилилось из-за оскорбления, которое нанес папа римский, объявив ее незаконнорожденной. Поэтому она решила сразу удовлетворить и свое честолюбие, и свою жажду мести, поощряемую ее министрами, которые хотели продвигать протестантские интересы в королевстве. Соответственно, Елизавета с непревзойденным искусством подорвала авторитет Марии в Шотландии, теперь отвлеченной как религиозными, так и гражданскими волнениями. Мария была католичкой и испытывала совершенное отвращение к мнениям и обычаям реформаторов, особенно Джона Нокса. Джон Нокс, влияние которого в Шотландии было почти друидическим. Католики решили карать огнем и мечом, в то время как протестанты были в равной степени намерены защищаться мечом. И случилось так, что некоторые из самых могущественных представителей знати перешли на сторону протестантизма. Но шотландские реформаторы были воодушевлены рвением, неизвестным Кранмеру и его единомышленникам. Лидеры прошли подготовку в Женеве под руководством Кальвина, впитали его мнения и, следовательно, были полны решимости проводить реформаторскую работу по образцу Женевской церкви. Соответственно, те картины, статуи, украшения, расписное стекло и соборы, которые пощадил Кранмер, были яростно уничтожены шотландскими реформаторами, которые считали их частью идолопоклоннического культа. Антипатия к епископам и священническим облачениям была столь же сильна, и при диктатуре Нокса была проведена масштабная реформа. Елизавета сочувствовала этому смелому, но неотесанному реформатору и его движениям не больше, чем сама Мария, и никогда не могла простить ему его книгу, написанную в Женеве и направленную против женского правления, под названием "Первый звук трубы против чудовищного Полка женщин". Но Нокс не заботился ни об английской, ни о шотландской королевах, а ревностно и бесстрашно продолжал свое дело и привлек на свою сторону моральную силу королевства. Конечно, королева-католичка решила подавить его доктрины, но почти вся шотландская знать сплотилась под его знаменем, маршируя с Библией в одной руке и мечом в другой. Королева ввела войска из Франции, чтобы поддержать свое оскорбленное и пошатнувшееся правительство, что только усилило рвение протестантской партии, возглавляемой графами Аргайлом, Арраном, Муртоном и Гленкэрном, а также Джеймсом Стюартом, приором Сент-Эндрюса, которые называли себя "Лордами Конгрегации". В Шотландии в это время бушевала гражданская война между королевой-регентшей, которая хотела подавить национальную независимость и уничтожить протестантскую религию, и протестантами, составлявшими значительную часть нации и которые были полны решимости полностью искоренить романизм и ограничить королевскую власть. Лорды Конгрегации умоляли Англию о помощи, которую Елизавета была готова предоставить как по политическим, так и по религиозным мотивам. Протестантское дело находилось на подъеме, когда в 1560 году умерла королева-регентша. В том же году скончался Франциск II Французский, и Мария, ныне вдова, решила вернуться в свое собственное королевство. Она высадилась в Лейте в августе 1561 года и была встречена с величайшей демонстрацией радости. Какое-то время все было относительно спокойно, поскольку Мария наделила властью знатных протестантов. Однако она была сильно раздосадована Ноксом, который не относился к ней с уважением, подобающим королеве, и называл ее Иезавелью; но реформатор избежала наказания благодаря своей огромной силе.

В 1565 году Мэри вышла замуж за своего двоюродного брата, по браку Мэри — Дарнли. Лорд Дарнли, сын графа Леннокса, — брак, крайне неприятный для Елизаветы, которая всегда ревновала Марию, особенно в супружеских вопросах, поскольку шотландская королева не отказалась от своих притязаний на трон своего деда, Генриха VII. Характер Елизаветы теперь предстает в самом худшем свете, а подлость и ревность заменили то великодушие, которое приписывали ей поклонники. Она спровоцировала беспорядки в Шотландии и подстрекала родного брата королевы, приора Сент-Эндрюса, ныне графа Мюррея, к восстанию в надежде получить власть в стране. Он организовал заговор с целью захвата личности Марии и ее мужа. Заговор был раскрыт, и Мюррей бежал в Англию; но его все еще неустанно преследовали, пока, наконец, он не был завершен.

Дарнли, супруг Марии, был человеком с низкими вкусами, распутными привычками и поверхностным пониманием. Такой мужчина не смог бы долго удерживать расположение самой образованной женщины своего времени, привыкшей к лести и стремящейся любой ценой доставить себе удовольствие. Поэтому возникли отвращение и холодность. Дарнли, взбешенного этой растущей холодностью, приучили верить, что в сердце королевы его вытеснил фаворит-итальянец, музыкант Риццио, которого Мария сделала своим секретарем. Поэтому он подписал с некоторыми лордами залог за убийство итальянца, который, по-видимому, был человеком без характера. Однажды вечером, когда королева ужинала в своих личных апартаментах с графиней Аргайл и Риццио, граф Мортон со стащестидесятью воинами захватил дворец Холируд, в то время как сам Дарнли указал банде головорезов дорогу к королевскому присутствию. Риццио был варварски убит в присутствии королевы, которая пыталась защитить его.

Дарнли, совершив таким образом это шокирующее убийство, был всего лишь орудием некоторых знатных лордов, которые хотели вызвать его ненависть у королевы и нации и таким образом подготовить почву для его собственной казни. И им это удалось. Был составлен заговор с целью убийства Дарнли, автором которого, вероятно, был Мюррей. Вскоре после этого дом, в котором он спал, был взорван порохом посреди ночи.

Общественное мнение приписывает Босуэллу Гражданскую войну в Шотландии. Граф Босуэлл, большой фаворит королевы, убийство Дарнли. Не избежала подозрений и сама королева. "Но никакое расследование, - говорит Скотт, - никогда не могло привести нас ни к тому четкому мнению о виновности Марии, которое выражается многими авторами, ни привести нас к тому победоносному заключению в пользу ее невиновности в какой-либо причастности, прямой или молчаливой, к смерти ее мужа, которое другие отстаивали с таким же упрямством". Но какие бы сомнения ни существовали относительно вины королевы, их нет в отношении ее министров — Мейтленда, Хантли, Мортон и Аргайла. И все же они предложили награду в две тысячи фунтов стерлингов за поимку убийц. Общественность обвинила Босуэлла как главного виновника: и все же связанные с ним министры и королева полностью оправдали его. Он предстал перед судом по официальному обвинению графа Леннокса в городе Эдинбурге, которым ему было разрешено завладеть. В месте, охраняемом его собственными последователями, было небезопасно выступать свидетелям против него, и поэтому он был оправдан, хотя вся нация считала его виновным.

Мария была достаточно опрометчива, чтобы вскоре после этого выйти замуж за человека, которого общественное мнение объявило убийцей ее мужа; а Мюррей, ее брат, был настолько

честолюбив и вероломен, что одобрил этот брак в надежде, что непопулярность этого акта приведет к свержению королевы и поставит его у руля государства. Как только Мария вышла замуж за Босуэлла, Мюррей и другие лорды сбросили маски, притворились ужасно возмущенными, подняли оружие против королевы с целью сделать ее пленницей и под предлогом избавления от мужа. Босуэлл бежал в Норвегию, а королева сдалась в Карберри-Хилл повстанческой армии, вожди которой немедленно взяли бразды правления в свои руки, заключили королеву в замок Лохleven и обращались с ней чрезмерно сурово. Вскоре после этого (1567 г.) она передала корону своему малолетнему сыну, и Мюррей, зачинщик стольких беспорядков, стал регентом королевства. Мюррей был ревностным протестантом и пользовался поддержкой Нокса во всех его начинаниях, а также поддержкой английского министерства. Умерив свои интриги и честолюбие, он стал самым достойным человеком и заслужил расположение нации, которое сохранил до самой своей смерти. Макри в своей книге "Жизнь Нокса" представляет его как образец христианской добродетели и честности, и во всех отношениях достойный того места, которое он занимал в сердцах своей партии.

Несчастливая королева страдала от жестокого обращения в своем одиноком заточении, и Нокс вместе с наиболее ревностными из своей партии требовал ее смерти как прелюбодейки и убийцы. Ей удалось сбежать из своей тюрьмы, она собрала армию, выступила против регента, потерпела поражение в битве при Лэнгсайте, бежала в Англию и в мае 1568 года стала пленницей-гостьей своей завистливой соперницы. Елизавета получила объект своих желаний. Пленение королевы Марии. Но пленение Марии, заключенной в замок Татбери вопреки всем законам гостеприимства и справедливости, вызвало непрекращающиеся беспорядки как в Англии, так и в Шотландии, вплоть до ее казни в 1587 году. И они составляют немалую часть истории Англии за семнадцать лет. Шотландия была ареной анархии, выросшей из раздоров и зависти соперничающих вождей, которые опускались до любого преступления, которое, казалось, способствовало достижению их целей. В 1570 году регент Мюррей был убит. Ему наследовал его враг, граф Леннокс, который, в свою очередь, был застрелен наемным убийцей. Ему наследовал граф Мар, но прожил всего год. Мортон стал регентом в награду за свои многочисленные преступления, но возмездие наконец настигло его, и он был казнен, когда Джеймс принял власть.

Тем временем несчастная Мэри томила в безнадежном плену. Для нее было естественно искать освобождения, а также для ее друзей помочь ей. Среди ее друзей был герцог Норфолк, первый дворянин Англии и ревностный католик. Он добивался ее руки, но Елизавета предпочла рассматривать его ухаживания как акт государственной измены, и Норфолк был арестован. После освобождения он замыслил освобождение Марии, и его интриги привели его на плаху. Несчастный пленник, усталый и нетерпеливый, естественно, обратился за помощью к иностранным державам. У нее были свои агенты в Риме, Франции, Испании и Нидерландах. Католики в Англии поддержали ее дело, и был составлен заговор с целью освободить ее, убить Елизавету и восстановить католическую религию. Из-за того факта, что Мэри была посвящена в ту часть дела, которая касалась ее собственного освобождения, она была привлечена к суду как преступница, признана виновной судом, некомпетентным рассматривать ее дело, и казнена Мэри. казнен без угрызений совести 8 февраля 1587 года.

Немногие люди вызвали большее сочувствие, чем эта несчастная королева, как из-за ее высокого положения, так и из-за ее блестящих интеллектуальных достижений. Какого бы позора она ни заслужила за свои действия в качестве королевы Шотландии, никто не может обвинить

ее в том, что она замышляла побег из-под власти своей ревностной, но более удачливой соперницы; и ее казнь - величайшее пятно на характере королевы Англии, находящейся в это время в зените своей славы.

Рядом с проблемами с Шотландией, возникшими из-за вмешательства Елизаветы, великими политическими событиями ее правления были долгая война с Испанией и ирландское восстание. Оба эти события были важными.

Испанией в это время правил Филипп II, сын императора Карла, одного из самых фанатичных католиков того времени, который был в союзе с Екатериной Медичи Французской для полного подавления протестантизма. Она подстрекала своего сына Карла IX. к Варфоломеевской резне, а Филипп учредил инквизицию во Фландрии. Эта мера спровоцировала восстание, для подавления которого герцог Альва, один из самых знаменитых полководцев Карла V. Был послан в Нидерланды с большой армией и почти неограниченными полномочиями. Жестокости Алвы не имели себе равных. За шесть лет от рук палача погибло восемнадцать тысяч человек, и Алва рассчитывал на полное подавление протестантизма одной лишь силой армий. Он мог подсчитать физические ресурсы людей, но не мог оценить степень их сопротивления, когда они были воодушевлены духом свободы или религии. Провидение тоже заботится о тех, кто стремится позаботиться о себе. Среди страдающих голландцев, почти доведенных до отчаяния, появился великий лидер — знаменитый Вильгельм Нассауский, принц Оранский. Он предстал как защитник угнетенных и оскорбленных людей; они сплотились под его знаменами, сражались с отчаянной храбростью, открыли дамбы на своих возделанных полях, изгнали захватчиков и заложили основы своих свобод. Но они не смогли бы противостоять гигантской мощи испанской монархии, находившейся тогда в расцвете сил и самой могущественной в Европе, если бы не помощь, оказанная Елизаветой. Она сочувствовала их страданиям и уважала их дело. Она заключила союз, оборонительный и наступательный, и Нидерланды стали великим театром военных действий даже после того, как они сбросили испанское иго. Хотя Соединенные провинции в конце концов получили свободу, они перенесли невероятные лишения и потеряли некоторые из лучших своих городов, в том числе Антверпен, который долгое время соперничал с Амстердамом и был местом творчества Рубенса.

Помощь, которую Елизавета оказала голландцам, конечно, вызвала негодование Филиппа II, и оно усилилось из-за узаконенного пиратства сэра Фрэнсиса Дрейка в Вест-Индии и на побережьях Южной Америки. Этот командир в мирное время настаивал на праве посещать те порты, которые испанцы закрыли, что по международному праву является пиратством. Филипп, согласно всем политическим принципам, был вынужден объявить войну Англии, и он предпринял военные приготовления Филиппа II. огромные приготовления к ее покорению. Но приготовления Елизаветы к сопротивлению могущественному монарху также были велики, и Дрейк совершил блестящие подвиги на море, среди прочего уничтожив сотню кораблей в Кадисском заливе и захватив огромную добычу. Приготовления испанского монарха были сделаны в таком гигантском масштабе, что Елизавета созвала большой военный совет, чтобы справиться с чрезвычайной ситуацией, в котором непревзойденный сэр Уолтер Рэли принял ведущее участие. Его совет состоял в том, чтобы встретиться с испанцами на море. Хотя королевский военно-морской флот состоял в то время всего из тридцати шести судов, были приняты такие энергичные меры, что был собран сто девяносто один корабль с экипажами в семнадцать тысяч четыреста моряков. Лондонские купцы предоставили тридцать кораблей и десять тысяч человек, и вся Англия поднялась навстречу ожидаемой опасности. Никогда

патриотизм не проявлялся так явно, никогда не было представлено более решительных доказательств популярности государя. Действительно, Елизавета всегда пользовалась популярностью в народе; и при всей своей церемонности, высокомерии и грубости по отношению к палате общин, при всем их кажущемся раболепии, она никогда не нарушала законы и не раздражала народ деспотичными поборами. Многие деяния принцев Тюдоров, по-видимому, указывают на господство деспотизма в Англии, но этот деспотизм никогда не был тяжким и обладал всей благосклонностью отеческого правления. Какой бы капризной и деспотичной ни была Елизавета по отношению к некоторым несчастным людям, вызывавшим ее ненависть или ревность, она всегда усердно защищала интересы нации и прислушивалась к советам патриотически настроенных и способных министров. Когда Англии угрожало вторжение Испании, не было ни одного уголка земли, который не поднялся бы на защиту любимого государя; не было ни одного места, где можно было бы высадить десант, вокруг которого двадцатитысячная армия не могла бы быть собрана за сорок восемь часов.

Но Филипп, тем не менее, ожидал полного завоевания Англии, а также своей Испанской армады. "Непобедимая армада" из ста тридцати кораблей, вышедшая из устья Тежу под командованием Медины Сидонии и укомплектованная самыми благородными войсками Испании, вообразила, что близок час ее триумфа. Но его надежды оказались мечтами, как и большинство честолюбивых замыслов людей. Армаду не ждали ничего, кроме несчастий, как от сражений, так и от штормов. В Испанию вернулись только пятьдесят кораблей. Огромная добыча была разделена между английскими моряками, и Елизавета, в свою очередь, отправила в Испанию в следующем году (1589 г.) большой флот под командованием Дрейка, который, сожгши несколько городов, бесславно вернулся в Англию с потерей десяти тысяч человек. Война продолжалась с переменным успехом до 1598 года, когда были заключены мирные переговоры. В том же году умерли Филипп II и лорд Берли, которые в течение сорока лет руководили советами Елизаветы и к чьему голосу она всегда прислушивалась, даже когда против нее выступали такие фавориты, как Лестер и Эссекс. Берли не был великим гением, но был человеком, превосходно приспособленным к своему положению и своему времени, — хладнокровным, проницательным, политическим и миролюбивым, искусным в деталях бизнеса, компетентным давать советы, но не стремящимся командовать. Он был великолепно вознагражден за свои услуги и оставил после себя триста отдельных земельных владений.

Тем временем внимание королевы было приковано к делам Ирландии, которая была завоевана Генрихом II. в 1170 году, но над которым осуществлялся лишь несовершенный суверенитет. Ирландские принцы и знать, разделенные между собой, проявляли внешние знаки повиновения, но держали страну в состоянии постоянного восстания.

Невежливые и романтические планы английских принцев по подчинению Франции не позволили привлечь должного внимания к Ирландии, которой когда-либо плохо управляли. Елизавета была первой из английских государей, осознавшей политическую важность этого острова и необходимость установления закона и порядка. Помимо того, что она назначала губернаторов с большими способностями, она основала Дублинский университет и попыталась цивилизовать наполовину варварский народ. К сожалению, она также стремилась сделать их протестантами против их воли, что положило начало многим последующим бедам, которые до сих пор не устранены. Страну охватил дух недовольства, и люди были готовы к восстанию. Хью О'Нил, глава могущественного клана, возведенный в достоинство графа Тайрона, но при этом придерживающийся варварской распушенности, которой его рано научили, разжег народное

недовольство и спровоцировал ирландское восстание. опасный мятеж. Начались военные действия самого кровопролитного характера. Королева послала своего фаворита, графа Эссекса, с двадцатитысячной армией, чтобы подавить восстание. Он был храбрым командиром, но совершенно не был знаком со страной и людьми, которых от него ожидали подчинения, и, следовательно, потерпел неудачу. Но его преемнику, лорду Маунтджою, удалось восстановить власть королевы, хотя и ценой четырех с половиной миллионов, огромной суммы по тем временам, в то время как бедная Ирландия была опустошена огнем и мечом и страдала от всех накопившихся бедствий.

Тем временем граф Эссекс. С Эссексом, вернувшимся в Англию вопреки приказу королевы, обошлись холодно, лишили работы и приговорили к тюремному заключению. Это было больше, чем мог вынести надменный фаворит, привыкший к королевской милости. Сначала он смирился со своим наказанием со всеми признаками раскаяния, и Элизабет начала смягчать свою строгость, поскольку она никогда не собиралась губить его; но вскоре он дал волю своему буйному нраву, позволил себе большие вольности в выражениях и отбросил всякую видимость долга и уважения. Он даже вынашивал изменнические замыслы, поощрял католиков в своем доме и переписывался с Яковом VI. король Шотландии по поводу своего престолонаследия. Его действия были раскрыты, и он был вызван в тайный совет. Вместо того чтобы повиноваться, он вооружил себя и своих сторонников и вместе с несколькими недовольными дворянами и примерно тремя сотнями джентльменов попытался поднять восстание в Лондоне, где пользовался большой популярностью у горожан. Он был схвачен и заключен в Тауэр вместе с графом Саутгемптоном. Эти опрометчивые, но храбрые дворяне предстали перед судом своих сверстников и были осуждены как виновные в государственной измене. На этом процессе знаменитый Бэкон выступил против своего старого покровителя и сравнил его с герцогом де Гизом. Великий юрист Коук, который был генеральным прокурором, сравнивал его с Катилиной.

Эссекс побрезговал обратиться к королеве с просьбой о помиловании и был тайно обезглавлен в Тауэре. Он заслужил свою участь, если преступление, в котором он был виновен, заслуживало такого наказания. Невозможно не интересоваться судьбой такого храброго, энергичного и великодушного человека, кумира народа и победителя во стольких предприятиях. Некоторые историки утверждают, что Елизавета смягчилась и спасла бы своего фаворита, если бы он только умолял ее о помиловании; но другие опровергают это утверждение; и у нас нет никаких оснований полагать, что Эссекс, сражавшийся с оружием в руках против оказавшего ему честь монарха, мог предотвратить свою участь.

Возможно, Елизавета оплакивала смерть аристократа, которого она любила. Несомненно, что после его смерти она так и не пришла в себя, и что на ее лице была заметна глубокая меланхолия. Все ее действия свидетельствовали о глубоко укоренившемся внутреннем горе и о том, что она жаждала смерти, вкусив призрачную природу человеческого величия. Она пережила казнь Эссекса на два года, но прожила достаточно долго, чтобы увидеть пренебрежение, в которое впадала каждый день, и почувствовать, что, несмотря на всю свою славу и могущество, ей не суждено испытать чашу горечи.

Какими бы неприятными качествами она ни обладала как женщина, несмотря на Характер Элизабет. из-за ее тщеславия, ревности и властного нрава ее правление было одним из самых славных в летописях ее страны. Политика Берли была политикой сэра Роберта Уолпола — политикой мира и желания увеличить ресурсы королевства. Ее налоги никогда не были

тяжелыми и взимались безропотно; народ был лоялен и доволен; протестантская религия была основана на прочном фундаменте; и созвездие великих людей проливало вокруг ее трона яркие лучи бессмертного гения.

Самой печальной особенностью ее правления было преследование неконформистов, которое было если не кровопролитным, то раздражающим и суровым. В течение некоторого времени после восшествия на престол Елизаветы пуританам разрешалось предаваться своим странностям, не будучи исключенными из установленной церкви; но когда Елизавета почувствовала себя в безопасности, они были вынуждены подчиниться или подверглись тюремному заключению, штрафам и другим наказаниям. Первоначальной трудностью было их отвращение к стихарю и некоторым формам богослужения, которое постепенно переросло в оппозицию к епископскому сану; к светским достоинствам церкви; к различным титулам иерархии; к юрисдикции духовных судов; к беспорядочному доступу всех людей к причастию; к литургии; к соблюдению праздников; к богослужению в соборе; к использованию органов; к подношению средств к существованию покровителями; и, наконец, к некоторым доктринам официальной церкви. Отделение пуритан от Епископальной церкви произошло в 1566 году; и с того времени до смерти Елизаветы они не знали покоя, хотя добивались возмещения ущерба самым почтительным образом и не оказывали сопротивления королевской власти. Тысячи людей были лишены средств к существованию и иным образом наказаны за то, что не соответствовали королевской совести. Но преследования и уголовные законы раздули фанатичный дух, который в царствование Карла разгорелся разрушительным пламенем и распространил опустошение и разруху по всем частям королевства.

Если королева и ее министры не понимали принципов религиозной терпимости, они проводили гораздо более просвещенную политику в отношении всех финансовых и политических вопросов, чем во время любого предыдущего правления. Торговое значение Англии получило новый импульс. Правление Генриха VIII. было периодом грабежей. Король обогатился сверх всех прежних рекордов, но его богатство не соответствовало его привычкам к расточительству. Стоимость земель аббатства, захваченных Генрихом, составила спустя столетие после его смерти шесть миллионов фунтов стерлингов. Земли аббатства Св. Один только Альбан снят за двести тысяч фунтов. Король обесценил монету, конфисковал часовни и колледжи, а также монастыри и собирал деньги с помощью эмбарго, монополий и принудительных займов.

Но Елизавета, вместо того чтобы залезать в долги, Улучшила ситуацию, сделанную в царствование Елизаветы. расплатилась со старыми, вернула монете ее чистоту и довольствовалась годовым доходом в пятьсот тысяч фунтов, даже в то время, когда восстание в Ирландии обошлось ей в четыреста тысяч фунтов. Ее бережливость не уступала ненасытности ее отца, и она была экстравагантна только в одежде и по большим поводам общественных торжеств. Но ее экономика была мелочью по сравнению с мудрыми законами, которые были приняты в отношении торговли страны, благодаря которым коммерческая промышленность начала характеризовать людей. Последовали улучшения в мореплавании, а также морские открытия и колониальные поселения. Сэр Фрэнсис Дрейк совершил кругосветное плавание, и была основана Ост-Индская компания. Под эгидой сэра Уолтера Роли была открыта и колонизирована Вирджиния. К сожалению, также началась африканская работорговля — торговля, которая принесла больше человеческих страданий и привела к большему

политическому злу, чем можно отнести к какому-либо другому событию в истории современности.

Во время этого правления дома людей стали более удобными; начали использоваться дымоходы; оловянная посуда заменила деревянные подносы, а пшеница была заменена рожью и ячменем; производились льняные и шерстяные ткани; впервые были выращены салаты, капуста, крыжовник, абрикосы, косточки, смородина, вишня, сливы, гвоздики и дамасская роза. Но великой славой этого царствования было возрождение литературы и науки. Рейли, "солдат, моряк, ученый, философ, поэт, оратор, историк, придворный", тогда украшал двор, а принц поэтов, бессмертный Шекспир, тогда написал те пьесы, которые из-за нравственной мудрости и знания человеческой души кажутся нам почти продиктованными голосом вдохновения. Принц философов, великий добытчик и сапер ложных систем средневековья Фрэнсис Бэкон также начал тогда свою карьеру, и Спенсер посвятил Елизаветесвою "Королеву фей", одно из самых по-настоящему поэтических произведений, когда-либо созданных гением. Эпоха породила также великих богословов, но они не занимали столь видного места в глазах нации, как во время последующих царствований.

Во время размышлений. королева-девственница оказывала столь благотворное влияние на английскую нацию, что на континенте происходили великие события, хотя и не связанные с английской политикой. Самым примечательным из них было преследование гугенотов. Расцвет и судьбы этой секты во времена правления Генриха II, Франциска II, Карла IX, Генриха III и Генриха IV теперь требуют нашего внимания. Если бы в ту эпоху газета издавалась по тем принципам, по которым она издается сейчас, страдания гугенотов всегда были бы замечены. В нашу компетенцию входит описывать именно то, на что намекала бы современная газета, если бы она была напечатана триста лет назад. Она была бы заполнена не генеалогиями королей, а описаниями великих народных движений. И это история.

Список литературы.— Об истории этого правления см. Хьюма, Лингарда и Халлама; "Королевы Англии" мисс Стрикленд; "Жизнь Марии, королевы Шотландии"; "Жизнь Нокса" Макри; "Историю Шотландии" Робертсона; Эссе Маколея о "Жизни Берли" Нареса; "Жизнь сэра Уолтера Рэли"; "Историю пуритан" Нила. Кенилворт также можно прочитать с пользой. ([Вернуться к содержанию](#))

ГЛАВА VII.

ФРАНЦИСК II, КАРЛ IX, ГЕНРИХ III И ГЕНРИХ IV.

История Франции, от смерти Франциска I. до восшествия на престол Генриха IV. это фактически история религиозных раздоров и преследований, а также тех гражданских войн, которые из них выросли. Таким образом, борьба гугенотов является важной исторической темой и будет представлена в связи с историей Франции вплоть до смерти Генриха IV, величайшего из французских монархов и долгое время выдающегося главы протестантской партии.

Доктрины реформ впервые начали распространяться во Франции во время правления Франциска I. Уже в 1523 году он стал гонителем и сжег многих на костре, среди которых самыми

многочисленными были потомки Вальденсов. В 1540 году парламент Экса вынес им приговор. Их доктрины были теми же по существу, что и у швейцарских реформаторов.

Пока бушевало это преследование, Иоанн Кальвин бежал из Франции в Феррару, откуда направился в Женеву. Это было в 1536 году, когда его богословская карьера началась с публикации его "Институтов", посвященных Франциску I. Это одна из самых виртуозных богословских работ, когда-либо написанных, хотя и составленная на основе трудов Августина. Институты Кальвина, великий учебник швейцарских и французских реформаторов, были неприятны французскому королю, и он отдал новый приказ о преследовании протестантов. Несмотря на враждебность Франциска, новые доктрины распространились, и их приняли некоторые из самых выдающихся представителей французской знати. Жестокость преследований не была сильно ослаблена во время правления Генриха II, и под влиянием кардинала Лотарингии в королевстве была учреждена инквизиция.

Жена Генриха II. была знаменитой Екатериной Медичи. Екатерина Медичи; и она была яркой противницей реформаторских доктрин и подстрекала своего мужа к самым жестоким злодеяниям. Франциск II. преследования продолжались, и его мать, Екатерина, стала фактически правительницей нации.

Власть королевы-матери значительно возросла после смерти Франциска II. и когда его брат Карл IX, девятилетний мальчик, унаследовал французскую корону. Она осуществляла свою власть путем самых беспощадных религиозных преследований, зарегистрированных в истории современной Европы. Была некоторая надежда, что протестантизм утвердится во Франции, но это не увенчалось успехом из-за жестокости преследований. Однако потребовалась отчаянная борьба, прежде чем она была преодолена.

Во главе католической партии стояли королева-регентша, кардинал Лотарингии, герцог де Гиз, его брат и коннетабль Монморанси. Они пользовались поддержкой духовенства, испанцев и подавляющего большинства нации.

Протестантов возглавляли король Наваррский, отец Генриха IV, принц Конде, его брат и адмирал Колиньи; и они пользовались симпатиями университета, парламентов и протестантов Германии и Англии.

Борьба между этими партиями длилась сорок лет с разным успехом. Преследования вызывали сопротивление, но сопротивление не привело к свободе. Гражданская война во Франции. Гражданская война во Франции не достигла желаемой цели. Тем не менее у протестантов оставалась надежда, и, поскольку они всегда могли собрать большую армию, они удерживали свои позиции. Их поведение не было отмечено религиозной серьезностью, которая характеризовала пуритан, или такой же силой религиозных принципов. Более того, политические мотивы смешивались с религиозными. Соревнование было борьбой за господство соперничающих вождей, а также за утверждение реформированных доктрин. Бурбоны ненавидели Гизов, а Гизы решили уничтожить бурбонов. В ходе их соперничества и войны герцог Гиз был убит, а король Наварры и принц Конде были убиты.

Карл IX. было четырнадцать лет, когда молодой король Наварры, — в то время ему было шестнадцать лет, — и его двоюродный брат, принц Конде, стали признанными главами протестантской партии. Их образование было получено в лагере и на поле боя.

Карл IX., под влиянием своей ненавистной матери, обнаружив, что гражданская война лишь уничтожила ресурсы страны, не ослабив протестантов, заключил мир, но разработал план их уничтожения путем предательства. Чтобы прикрыть свои замыслы, он выдал свою сестру Маргариту де Валуа замуж за короля Наварры, первого принца крови, которому тогда было девятнадцать лет. Адмирал Колиньи был приглашен в Париж, и с ним обращались с исключительной вежливостью.

Именно во время празднеств, последовавших за бракосочетанием короля Наваррского, был убит Колиньи, и был дан сигнал к ужасной резне Святого Варфоломея. В полночь 23 августа 1572 года зазвонил большой колокол в Отель де Вилль; в окна были вставлены факелы, по улицам протянули цепи, а вокруг отелей собрались вооруженные люди. Двери домов были взломаны, и не щадили ни возраста, ни состояния, ни пола тех, кто не отличался белым крестом на шляпе. За резней в Париже последовала не менее жестокая резня в провинциях. Семьдесят тысяч человек были хладнокровно убиты. Король Наваррский и принц Конде спаслись только благодаря своим отношениям с королем и отказу от протестантской религии.

Большинство европейских дворов выразили свое отвращение к этому гнуснейшему преступлению в истории религиозного фанатизма; но папа отправился с торжественной процессией в свой собор и приказал спеть "Те Деум" в память о событии, которое навлекло позор на его дело до скончания веков.

Протестанты, хотя и были почти истреблены, снова сплотились, и король Наваррский и его двоюродный брат принц Конде бежали, отреклись от религии, которую им навязали из-за страха смерти, и развязали кровавую гражданскую войну с твердым намерением никогда не отказываться от нее, пока не будет гарантирована свобода вероисповедания.

Тем временем Карл IX. умер, как и предполагалось, от яда. Его последние часы были ужасными, и раскаяние в Варфоломеевской резне наполнило его душу агонией. Он видел призраков и видел ужасные сны; его воображение постоянно рисовало груды мертвенно-бледных тел, а до его ушей доносились воображаемые стоны. Он стал меланхоличным и свирепым, в то время как его королевство стало добычей фракций и восстаний. Но он был робким и нерешительным королем и был всего лишь орудием своей печально известной матери, великой покровительницы ассасинов, против которой на смертном одре он предостерегал короля Наварры.

Ему наследовал его брат, король Польши, под титулом Генриха III. — Генрих IV. Генрих III. Возобновились преследования гугенотов, и снова разыгрались старые сцены предательства, убийств и войны. Дело религии было упущено из виду в лабиринте раздоров, зависти и заговоров. Интриги и фракции были бесконечны. Почти все лидеры обеих сторон погибли от меча или кинжала. Принц Конде, герцог де Гиз и его брат, кардинал Лотарингии, были убиты. Вскоре после этого скончалась главная зачинщица всех бед Екатерина Медичи, женщина талантливая и убедительного красноречия, но с самыми беспринципными амбициями, вероломная, жестокая и распутная. Она поощряла распущенность двора и даже худшие пороки своих сыновей, чтобы заставить их служить своим замыслам. Все ее страсти были подчинены ее политическим расчетам, и каждая женская добродетель была подавлена желанием управлять страной, которую она узурпировала.

Генрих III вскоре последовал за ней в могилу, будучи, в свою очередь, убит религиозным фанатиком. Его смерть (1589) обеспечила трон королю Наварры, который принял титул Генриха IV.

Генрих IV, первый из рода Бурбонов, происходил от Роберта, шестого сына Людовика Святого, который женился на дочери и наследнице Иоанна Бургундского и Агнессы Бурбонской. Ему было тридцать шесть лет, когда он стал королем, и он прошел через великие испытания и множество печалей. До сих пор он отстаивал протестантские взгляды и был признанным лидером протестантской партии во Франции. Но жизнь, полная раздоров и кровопролития, и новая карьера, открывшаяся перед ним в качестве короля Франции, охладили его религиозный пыл, и он без колебаний принял условие, выдвинутое французской знатью, прежде чем они принесли присягу на верность. Это означало, что он должен отречься от протестантизма. "Мое королевство, - сказал он, - стоит мессы". Протестанты всегда будут ставить ему в упрек, что он отрекся от своей религии ради мирского возвышения. Нелегко оправдать его и высшими принципами моральной целостности. Но было много оправданий его поведению, которые сейчас нелегко оценить. Хорошо известно, что прославленный Салли, его премьер-министр и всю жизнь ревностный протестант, одобрял его курс. Было совершенно ясно, что, не став католиком, он никогда не сможет мирно наслаждаться своей короной, и еще одно поколение Франции будут раздирать гражданские войны, о которых никто не сожалел больше, чем сам Генрих. Кроме того, четыре пятых населения были католиками, и протестанты не могли разумно рассчитывать на господство. Все, на что они могли рассчитывать, - это на религиозную терпимость, и это Генрих был готов предоставить. Следует также учитывать, что король, хотя и исповедовал реформаторские доктрины, никогда не был тем, кого можно назвать религиозным человеком, будучи преданным удовольствиям и честолюбивым планам. Это правда, что он понимал интересы своего королевства и руководствовался ими, а также стремился сделать своих подданных счастливыми. В этом заключается его превосходство. Как великодушный, либерально мыслящий и предприимчивый человек, он превзошел всех французских королей. Но смешно называть его религиозным человеком или даже твердо придерживающимся своих религиозных убеждений. "Верите ли вы, - спросил король у великого протестантского священника, - что человек может быть спасен католической религией?" "Несомненно, - ответил священник, - если его жизнь и сердце святы". "Тогда, - сказал король, - благоразумие подсказывает мне принять католическую религию, а не вашу; ибо в этом случае, по мнению как католиков, так и протестантов, я могу быть спасен; но, если я приму вашу религию, я не буду спасен, по мнению католиков".

Но обращение короля в католицизм не сразу привело к спокойствию в охваченной смутой стране. Католики не поверили бы в его искренность, и пришлось пройти немало битв, прежде чем он смог мирно занять свой трон. Но нет ничего более ненавистного, чем гражданская война, особенно для жителей больших городов; и Париж, наконец, и главные города королевства признали его власть. Король Испании, великие католические прелаты и папа римский, наконец, поняли, насколько безнадежной была борьба против человека с большим военным опытом, на стороне которого были преданная армия и восторженный капитал.

Вервьенский мирный договор 1598 года оставил короля без внешних или внутренних врагов. С этого периода и до своей смерти его жизнь была посвящена благосостоянию его страны.

Его первым актом стал знаменитый Нантский эдикт. Нантский эдикт, по которому гугеноты имели право на тихое и безмятежное проживание, свободное отправление своей религии и публичное богослужение, за исключением двора, армии и в пределах пяти лье от Парижа. Они имели право занимать все должности, гражданские и военные; и все государственные преследования по религиозным мотивам были прекращены. Этот эдикт также провозгласил всеобщую амнистию за политические преступления и восстановил собственность и титулы, как до войны; но протестантам было запрещено печатать спорные книги, и они были вынуждены платить десятину официальному духовенству.

Генрих IV, учитывая препятствия, с которыми ему приходилось бороться, был величайшим полководцем своего времени; но именно его усилия в развитии цивилизации дают ему право на эпитет Великого.

Первое, что потребовало его внимания как гражданского правителя, были улучшения во время правления Генриха IV. финансовое урегулирование — когда-либо главная причина проблем с французским правительством. Они были вверены попечению Росни, впоследствии герцога Сюлли, самого способного и честного из всех французских финансистов — человека поразительной честности и возвышенных чувств. Он всегда оставался министром и доверенным лицом короля и сохранял свое положение без раболепия или лести, почти единственный человек в истории, который мог безнаказанно говорить полезные истины абсолютному монарху. Его финансовые расчеты были настолько мудры, что долг в триста миллионов ливров был погашен за восемь лет. За пять лет налоги были снижены наполовину, земли короны выкуплены, арсеналы сохранены, укрепления перестроены, возведены церкви, прорыты каналы и проведены улучшения во всех частях королевства. После смерти короля в его казне оставалось почти пятьдесят миллионов ливров. Под руководством этого способного министра были приведены в исполнение законы, грабежи и бродяжничество были почти прекращены, а сельское хозяйство получило большой импульс. Но экономика была в порядке вещей. Сам король подавал блестящий пример и даже облачился в серое сукно, в камзол из тафты без вышивки, отказался от всего лишнего за своим столом и отпустил всех бесполезных слуг.

Управление и экономия короля позволили ему добиться значительных улучшений, помимо приведения в порядок расстроенных финансов королевства. Он построил бесчисленное количество церквей, мостов, монастырей, больниц, крепостей и кораблей. Некоторые из лучших дворцов, украшающих Париж, были возведены им. Он также был покровителем образования, пользу от которого ценил. Сам он был хорошо знаком с трудами древних. Ему особенно нравилось общество ученых, с которыми он общался свободно и приветливо. Он увеличил количество библиотек, открыл государственные школы, пригласил выдающихся иностранцев в Париж и наградил их стипендиями. Липсиус, Скалигер и Де Ту были украшением его двора.

И его нежное отношение к счастью и благополучию своих подданных было столь же заметным, как и его щедрая оценка литературы и науки. Его честолюбивым желанием было быть отцом своего народа; и его незабываемое высказывание: "Да, я устрою все так, чтобы самый бедный крестьянин в моем королевстве мог есть мясо каждый день в неделю и, более того, иметь возможность тушить птицу в горшочке по воскресеньям", - уже само по себе укрепило память о

нем в сердцах французского народа, который из всех своих монархов наиболее неравнодушен к Генриху IV.

Но этот превосходный король был также филантропом и придерживался самых просвещенных взглядов относительно тех предметов, на которых зиждется счастье народов. Хотя Генрих IV был воином, он стремился к установлению прочного мира. мир был великой идеей его жизни. Он был даже дальновиден в своих планах творить добро, поскольку воображал, что можно убедить монархов в том, что они должны предпочесть чистоту, мир и благожелательность честолюбию и войне. Следовательно, он предложил учредить Конгресс наций, избранный из различных государств Европы, которому следовало бы передавать все международные трудности, наделенный полномочиями по их разрешению — очень желанная цель, наиболее мыслимая; ибо война - величайшее из всех национальных бедствий и преступлений. План просвещенного Генриха, однако, не привлек особого внимания; и, даже если бы его поощряли, в следующем поколении от него отказались бы. Разве такие люди, как Фредерик Великий, или Мальборо, или Людовик XIV, или Наполеон, заботились бы о подобном предмете? Но Генрих в своем плане также имел в виду регулирование таких сил, которые должны были поддерживать европейские монархи, и это проистекало из его желания сохранить "Баланс сил" — главную цель европейских политиков в эти последние времена.

Но Провидение не позволило Генриху осуществить свои благие замыслы. Смерть Генриха IV. Он был убит человеком, которому он никогда не причинял вреда, — самым беспринципным из всех заблудших людей — религиозным фанатиком. Иезуит Равальяк, пребывая, как следует надеяться, в настроении, граничащем с безумием, совершил это мерзкое деяние. Но Генриха постигла лишь участь почти всех выдающихся участников тех гражданских и религиозных распрей, которые опустошали Францию в течение сорока лет. Он умер в 1610 году в возрасте пятидесяти семи лет, правив двадцать один год, девять из которых прошли в непрерывных войнах.

Его смерть погрузила королевство в глубокий и ничем не прикрытый траур. Многие потеряли дар речи на улицах, когда стало известно о его убийстве; другие умерли от избытка горя. Все чувствовали, что потеряли больше, чем отца, и не ожидали ничего, кроме бурь и потрясений.

У него не было детей от своей жены Маргариты де Валуа, которая оказалась непостоянной и с которой он был разлучен. От своей второй жены, Марии Медичи, у него было трое детей, старший из которых был ребенком, когда он вззошел на трон под титулом Людовика XIII. Его дочь Генриетта вышла замуж за английского короля Карла I.

Хотя во время этого правления Франция достигла больших успехов, она все еще была далека от того уровня цивилизации, которого достигла столетие спустя. В нем проживало около пятнадцати миллионов человек, а в Париже - около ста пятидесяти тысяч. Знать была многочисленна и могущественна и распоряжалась богатствами нации. Эти люди не были точно рабами, но были доведены до большой зависимости, были необразованны, деградировали и пользовались лишь немногими политическими или социальными привилегиями. Они подвергались угнетению со стороны правительства, знати и духовенства.

Высшим официальным сановником был констебль, вторым - хранитель печати, третьим - камергер, затем шесть или восемь маршалов, затем государственный секретарь, затем

придворные и военачальники. Король был почти абсолютен. Парламент был судебным органом, который не принимал законов, но регистрировал указы короля.

Торговля и мануфактуры были крайне ограничены и далеки от расцвета, а искусство находилось в зачаточном состоянии. Архитектура, единственное искусство, в котором преуспели полувеликованные нации, была самой передовой и демонстрировалась в церквях и королевских дворцах. Париж был переполнен неуютными домами, а узкие улочки благоприятствовали беспорядкам и эпидемиям. Гобелен был самым распространенным и самым дорогим из видов искусства, и стоимость драпировок в одной комнате часто достигала суммы, которая по тем временам равнялась бы ста тысячам долларов. Полы во дворцах были устланы турецкими коврами. Стулья использовались только во дворцах королей, а кареты были только что представлены и были неуклюжими. Мулы использовались в основном в путешествиях, лошадей приберегали для войны. Одежда, особенно женская, была великолепной и экстравагантной; накладные волосы, маски, складчатые нижние юбки и пробковые каблуки высотой в десять дюймов были лишь некоторыми особенностями. Французы тогда, как и сейчас, любили застольные удовольствия, и часом для ужина было одиннадцать часов. Мораль была чрезвычайно низкой, а азартные игры были всеобщей страстью, которой увлекался Генрих IV. себе экстравагантно позволял. Совет Екатерины Медичи своему сыну Карлу IX. продемонстрировала свое знание французского характера даже в том виде, в каком он существует сейчас: "Два раза в неделю проводите публичные собрания, ибо особый секрет французского правительства заключается в том, чтобы люди всегда были веселыми; ибо они такие беспокойные, что вы должны занимать их в мирное время либо делом, либо развлечением, иначе они втянут вас в неприятности".

Такой была Франция при смерти Генриха IV в 1610 году, Франция при смерти Генриха IV. одно из крупнейших и могущественнейших европейских королевств, хотя и далекое от того величия, которого ему суждено было достичь впоследствии.

Более могущественной монархией в тот период была Испания. Поскольку это королевство находилось тогда в зените своего могущества и славы, мы сделаем краткий обзор его периода правления Филиппа II, преемника Карла V. Человек, о котором мы часто упоминали. С его правлением тесно связана борьба голландцев за обеспечение своей гражданской и религиозной независимости. Нидерланды были провинциями Испании, и поэтому их следует рассматривать в связи с историей Испании.

Список литературы.—Чтобы узнать о Франции времен правления Генриха IV, см. "Историю Генриха IV" Джеймса; "Жизнь Джеймса Конде"; "Историю гугенотов". "Истории Франции" Рэнкина и Кроу являются лучшими на английском языке, но намного уступают "Сисмонди", "Мийо" и "Лакретелю". Мемуары Сюлли проливают значительный свет на этот период, а "Маргариту де Валуа" Дюма можно прочитать с пользой. ([Вернуться к содержанию](#))

ГЛАВА VIII.

ФИЛИПП II. И АВСТРИЙСКИЕ ПРИНЦЫ ИСПАНИИ.

Нельзя сказать, что Испания была могущественным государством до правления Фердинанда и Изабеллы, когда короны Кастилии и Арагона объединились и когда открытия Колумба добавили

новый свет к их обширным территориям. Во времена правления Фердинанда и Изабеллы власть короны также не была столь абсолютной, как во времена правления австрийских принцев. Знать была одушевлена смелым и свободным духом, а духовенство осмеливалось сопротивляться посягательствам королевской власти и даже узурпации Рима. Карлу V удалось подавить власть знати и все народные восстания, и он заложил фундамент власти своего мрачного сына Филиппа II. С Филиппа началось величие испанской монархии. Им же были посеяны семена ее последующего упадка. При нем инквизиция была опозорена тысячами чудовищных преступлений, Голландия была захвачена герцогом Альва, а Америка завоевана Кортесом и Писарро. Именно он построил великолепные дворцы Испании и со своей Непобедимой Армадой замыслил завоевание Англии. Богатства Индии текли в королевскую казну, а также обогащали все ордена и классы. Серебра и золота в Мадриде стало так же много, как в старые времена в Иерусалиме во времена правления Соломона. Но Филипп был принцем, отличным от Соломона. Его таланты и достижения были достойны уважения, но он обладал ревнивым и эгоистичным нравом и приложил всю энергию своего ума и все ресурсы своего королевства, чтобы сокрушить фанатизм Филиппа II. Протестантская религия и свободы Европы.

Одним из первых актов его правления была попытка искоренить протестантизм в Нидерландах, скопище сеньорий под различными титулами, подвластных его власти. Мнения Лютера и Кальвина достигли большого прогресса в этой стране, и Филипп, чтобы подавить их, учредил новых епископов и инквизицию. Народ протестовал, и эти протесты считались мятежными.

Во главе дворянства стоял Вильгельм, принц Оранский, которому Филипп передал управление Голландией, Зеландией, Фрисландией и Утрехтом, провинциями Нидерландов. Он был надменным, но решительным и мужественным человеком и принял взгляды Кальвина, из-за чего потерял доверие Филиппа. В перспективе разрушения - Восстание Нидерландов. Он принял решение освободить свою страну от ига безжалостного и фанатичного хозяина. Сократив наиболее важные гарнизоны Голландии и Зеландии, он был провозглашен штатгальтером и открыто отказался от своей верности Испании. Военные действия, конечно, начались. Альва, полководец Филиппа, взял старый город Харлем и предал мечу полторы тысячи человек, среди которых были все магистраты и все протестантское духовенство.

Дон Джон, эрцгерцог Австрийский и брат Филиппа, наследовал герцогу Альве, во время правления которого семь Соединенных провинций объединились в конфедерацию, и избрали принца Оранского генералом своих армий, адмиралом своего флота и главным судьей с титулом штатгальтера. Но вскоре после этого Вильгельм был убит негодяем, подкупленным разъяренным Филиппом, и Морис, его сын, получил титул, почести и власть. Его военные таланты, как антагониста герцога Пармского, наместника Филиппа в Нидерландах, обеспечили ему высокое место в глазах воинов. Чтобы защитить этого принца и молодую республику Голландия, королева Елизавета послала четыре тысячи человек под командованием графа Лестера, своего фаворита; и с этой помощью голландцы удержали свои позиции против самого могущественного монарха в Европе, как уже упоминалось в главе о Елизавете.

После потери Нидерландов следующим великим событием его правления стало приобретение Португалии, на которую он предъявил права после смерти дона Генри в 1581 году. Было еще несколько претендентов, но Филипп с двадцатитысячной армией был сильнее любого другого.

Он одержал решающую победу над доном Антонио, дядей последнего монарха, и был коронован в Лиссабоне без сопротивления.

Восстание Мориско. восстание Мориско занимает видное место в летописях этого правления. Они были обращенными в христианство маврами, но в душе были мусульманами. Был опубликован указ, согласно которому их дети должны часто посещать христианскую церковь, что арабский язык больше не должен использоваться в письменной форме, что как мужчины, так и женщины должны носить испанскую одежду, что они больше не должны получать мусульманские имена или вступать в брак без разрешения. Мориско утверждали, что никакая особая одежда не связана с религиозными взглядами, что женщины использовали вуаль в соответствии со своими представлениями о скромности, что использование их родного языка не было грехом и что банями пользовались не из религиозных побуждений, а ради чистоты. Эти увещания, однако, не возымели действия. Ничто не могло сдвинуть с места фанатичного короля. Поэтому восстание последовало за жестокостью и угнетением. Обе стороны совершили большие эксцессы и проявили самое ужасное варварство. Жестокая природа гражданской войны всегда одна и та же, и представляет почти ту же неизменную картину страданий и преступлений. Но в этой войне было что-то дьявольское. Священнослужителя поджаривали на жаровне, и женщины, утомленные его затянувшейся смертью, прикончили его своими иглами и ножами. Повстанцы высмеяли жертвоприношение во время мессы, зарезав свинью на главном алтаре церкви. На эти оскорбления был нанесен ответный удар с той жестокостью, которую испанский фанатизм и злоба так хорошо умеют наносить. Тысячи беззащитных женщин и детей были убиты в нарушение самых торжественных договоров. Все мавританское население было окончательно истреблено, и Гранада с ее прекрасными горами и плодородными долинами превратилась в пустыню. Не менее шестисот тысяч человек были изгнаны в Африку — акт крайне неблагоразумный, поскольку мориско были самой изобретательной и трудолюбивой частью населения; и их изгнание способствовало подрыву того национального процветания, которым в те дни гордился каждый испанец. Но разрушение всегда следует за гордыней: страстное увлечение и слепота - спутники деспотизма.

Уничтожение испанской армады и потери, которые испанцы понесли от сэра Фрэнсиса Дрейка и адмирала Хокинса, уже упоминались. Но гордость Филиппа была унижена, а не то, что его власть уменьшилась. Его честолюбию был нанесен удар, и он обнаружил, что завоевать Англию невозможно. Его финансы тоже пришли в негодность; тем не менее он оставался абсолютным хозяином самого богатого королевства в мире.

Причины упадка испанской монархии. закат испанской монархии датируется его смертью , которая произошла в его великолепном дворце Эскуриал в 1598 году. При его сыне Филиппе III упадок стал очень заметным, и можно было предсказать будущее разорение.

Главной причиной упадка благосостояния был значительный рост духовенства и размеры его богатства. В испанских владениях, которые включали Испанию, Неаполь, Милан, Парму, Сицилию, Сардинию, Нидерланды, Португалию и Индию, насчитывалось пятьдесят четыре архиепископа, шестьсот восемьдесят четыре епископа, семь тысяч больниц, сто тысяч аббатств и женских монастырей, шестьсот тысяч монахов и триста десять тысяч светских священников — по священнику на каждые десять семей. Почти в каждой деревне был монастырь. В Севильской епархии насчитывалось четырнадцать тысяч священников, что почти соответствует нынешнему

числу всего духовенства истеблишмента в Англии. Севильский кафедральный собор предоставил поддержку и занятие ста священникам.

И это многочисленное духовенство узурпировало власть и достоинства государства. Они также поощряли эту ужасную инквизицию, само название которой вызывает в воображении самые ужасные образы смерти и пыток. Это учреждение, вверенное попечению доминиканских монахов, было учреждено для подавления ереси, то есть всего в поэзии, философии или религии, что было неприятно деспотам человеческого разума. Инквизиторы имели право задерживать людей, даже подозреваемых в ереси, и, по свидетельству двух свидетелей, могли приговорить их к пыткам, тюремному заключению и смерти. Сопротивление было напрасным; жалоба обрекала на гибель. Аресты происходили внезапно и тайно. Заключенный также ничего не знал о своих обвинителях или о преступлениях, в которых его обвиняли. Самые нежные девушки, а также мужчины с седыми волосами и известной честностью подвергались каждому оскорблению, которое могла вынести человеческая природа или нанести сатанинская изобретательность. Если тюремщик проявит сострадание и даст несколько крошек хлеба или капель воды, он будет наказан как величайший из предателей. Даже дворяне не были освобождены от надзора этого суда, который был учрежден в каждой деревне и городке Португалии и Испании и который в одном только городе Толедо осудил за один год семнадцать тысяч человек. Король терпимо относился к этому институту, поскольку он очень хорошо знал, что между абсолютизмом в религии и абсолютизмом в правительстве всегда существовал тесный союз.

Помимо духовного деспотизма, который испанское духовенство осуществляло над введенным в заблуждение народом, но народом от природы с прекрасными чертами характера, Увеличение добычи золота и серебра. внезапный рост цен на золото и серебро привел к роскоши, праздности и вырождению. Поскольку денег было в избытке из-за золотых и серебряных рудников Америки, люди пренебрегали выращиванием того, что можно было добыть за деньги. Затем последовал значительный рост цен на все виды продовольствия и одежды. Дома, земли и мануфактуры также вскоре выросли в цене. Следовательно, деньги были обманом, поскольку при десятикратном увеличении денежной массы происходило соответствующее уменьшение тех предметов первой необходимости, которые можно было купить за золото и серебро. Серебро и золото являются лишь средством торговли, а не основой богатства. Реальное процветание страны зависит от объема производительной промышленности. Если бы алмазов было так же много, как кристаллов, они стоили бы не больше, чем кристаллы. Внезапный приток драгоценных металлов в Испанию, несомненно, принес королевству временное богатство; но когда привычки к труду были утрачены, а культура почвы пришла в запустение, золото и серебро испанцев были обменены на производительную промышленность других наций. Голландцы и англичане, чьи мануфактуры и торговля находились в здоровом состоянии, обогатились за их счет. С потерей значительного богатства, то есть промышленности и экономии, испанцы утратили возвышенность чувств, стали холодными и гордыми, стали предаваться легкомысленным удовольствиям и увеселениям и приобрели пагубные привычки. Пьесы, пантомимы и бои быков теперь забавляли ленивую и ищущую удовольствий нацию, в то время как расточительность двора не имела аналогов в Европе, за исключением Франции. Страна была истощена войной. Финансы были расстроены, и провинция за провинцией восставали. Повсюду были военные неудачи и сокращение численности населения. Налоги, тем временем,

увеличивались, и обремененный народ напрасно сетовал на свои несчастья и упадок. Закат испанской монархии. Правление Филиппа IV. был самым катастрофическим в анналах страны. Каталонское восстание, потеря Ямайки, Нидерландов и Португалии были результатами его плохого правления и слабоумия. Вырождение Испании происходило так быстро, что по окончании правления австрийской династии, при всех природных преимуществах страны, лучших гаванях и морском побережье в Европе, богатейшей почве и прекраснейшем климате, а также при владении Индией, ее население было самым бедным, самым невежественным и самым беспомощным в Европе. Смерть Карла II, жалкого, страдающего, суеверного монарха, одержимого священниками, оставила Испанию без короля, и вакантный трон стал наградой для любого монарха в Европе, который смог собрать и отправить через Пиренеи самую большую армию. Она попала под власть Людовика XIV, и с тех пор принцы Бурбоны тщетно пытались восстановить разрушенную монархию в ее былом великолепии. Но, увы, после разграбления Испании мексиканцами и перуанцами у Нее осталась только печальная история — история преступлений, фанатизма, анархии и бедности. Испанцы совершили ужасные преступления в своей жажде золота и серебра. "Они получили свою просьбу", но Бог в своем карающем правосудии "послал худобу в их души".

Историю Испании во времена правления австрийских князей смотрите в Энциклопедии Ларднера; "Жизнь Филиппа II" Уотсона; "Иностранные государственные деятели" Джеймса; "Восстание Нидерландов" Шиллера; "Современная Европа" Рассела; "Завоевание Мексики и Перу" Прескотта. ([Вернуться к содержанию](#))

ГЛАВА IX.

ИЕЗУИТЫ И ПАПСКАЯ ВЛАСТЬ В СЕМНАДЦАТОМ ВЕКЕ.

В период, который мы только что рассматривали, наиболее заметной особенностью была борьба между протестантизмом и католицизмом. Это правда, что цели личных амбиций также занимали умы принцев, и произошло много великих событий, которые не были связаны с борьбой за религиозную свободу и свет. Но главной особенностью эпохи было восстание человеческого разума. Существовал дух новаторства, который ничто не могло подавить, и это было направлено, в основном, на вопросы религии. Конфликт был не между церковью и государством, а между двумя большими фракциями в каждой из них. "Никто не спрашивал, принадлежит ли другой к той же стране, что и он, но принадлежит ли он к той же секте". Лютер, Кальвин, Цвингле, Нокс, Кранмер и Бэкон были великими пионерами на этом пути инноваций. Они хотели взорвать идеи средневековья в философии и религии. Они объявили войну Римско-католической церкви, как великому стороннику и защитнику старых идей. Они отказались от ее авторитета. Римская власть в семнадцатом веке. Она созвала своих друзей и вассалов, собрала все свои силы и с отчаянной энергией решила подавить дух реформ. Борьба протестантов в Англии, Германии, Франции и Нидерландах в равной степени проявляла один и тот же дух, была вызвана одними и теми же причинами и привела к одним и тем же результатам. Восстание не было подавлено.

Враждебные действия Рима некоторое время сопровождались армиями, массовыми убийствами и инквизициями. Жестокости герцога Альвы в Нидерландах, резня Святого Варфоломея во Франции, пытки инквизиции в Испании и сожжения в Смитфилде в Англии

иллюстрируют это утверждение. Но требовались более тонкие и коварные агенты, особенно после того, как насилие провалилось. Люди простой жизни, несомненного благочестия, искреннего рвения и исключительного бескорыстия к своему делу восстали и сделали то, чего не смогли сделать меч и кол, — возродили католицизм и вызвали реакцию на сам протестантизм. Возвышение иезуитов. Эти люди были иезуитами, самыми верными, бесстрашными и успешными солдатами, которые когда-либо служили под знаменами Рима. Расцвет и судьбы этого монашеского ордена составляют одну из самых важных и интересных глав в истории человечества. Их победы и дух, который их достиг, заслуживают нашего внимания. Рассматривая их, следует иметь в виду, что иезуиты проявляли черты настолько непохожие и противоречивые, что трудно составить справедливое суждение. Пока они добивались своих побед, они предстали в совершенно ином свете, чем тот, который отличал их, когда они почивали на лаврах. Короче говоря, ранние и поздние иезуиты были совершенно разными в своих моральных и социальных аспектах, хотя имели одинаковую внешнюю организацию. Принципы их системы всегда были одними и теми же. Люди, защищавшие их, поначалу отличались великими добродетелями, но впоследствии были уродованы столь же великими пороками. Описанные нами события произошли на заре иезуитизма. Следовательно, наше внимание в настоящее время будет приковано к иезуитам, когда они были достойны уважения, а в некоторых вещах даже восхищения. Их мужество, верность, рвение, ученость и бесстрашие на протяжении полувека не были преувеличены.

Основателем ордена был Игнатий Лойола, испанский джентльмен благородного происхождения, который впервые появился в качестве солдата при осаде Пампелуны, где был ранен, примерно в то время, когда Лютер писал свои тезисы и спорил об индульгенциях. На постели больного он развлекал себя чтением житий святых. Это затронуло его восторженный ум, и он решил перейти от мирского к духовному рыцарству. Он стал святым по понятиям того времени; то есть он постился, носил вретище, питался кореньями и травами, практиковал аскетизм, уединялся в уединенных местах и проводил свое время в созерцании и молитве. Людей привлекала его святость, и они толпами следовали за ним. Его сердце горело желанием обращать еретиков; и, чтобы подготовиться к своей миссии, он поступил в университеты и посвятил себя учебе. Там у него появилось несколько выдающихся новообращенных, все из которых впоследствии стали знаменитыми. В своей узкой камере в Париже он побудил Фрэнсиса Ксавье, Фабера, Лайнеза Бобадилью и Родригеса принять его взгляды и объединиться в ассоциацию для преобразования мира. На вершине Монмартра эти шестеро молодых людей в одну звездную ночь приняли обычные монашеские обеты бедности, целомудрия и послушания и торжественно посвятили себя своей новой миссии.

Затем они отправились в Рим, чтобы убедить папу учредить для них новый миссионерский орден. Но их высмеяли как фанатиков. Более того, в течение нескольких столетий в Риме существовала большая оппозиция учреждению новых монашеских орденов. Считалось, что орденов достаточно; что старые следует реформировать, а не создавать новые. Даже святой Доминик и святой Франциск столкнулись с большими трудностями при учреждении своих орденов. Но Лойола и его спутники сделали необычные предложения. Они заявляли о своей готовности отправиться туда, куда пошлет их папа, к туркам, язычникам или еретикам, немедленно, без каких-либо условий или вознаграждения.

Как мог папа римский отказать им в выдаче лицензии? Его империя была в опасности; Лютер был в разгаре своих побед; сила идей и истины сотрясала папский престол; все старые порядки

пришли в упадок и стали неэффективными, и папа не знал, где искать действенной поддержки. Достопочтенные бенедиктинцы упивались богатством своих великолепных аббатств, в то время как доминиканцы и францисканцы превратились в странствующих бродяг, торгующих реликвиями и индульгенциями и забывших о тех суровых обязанностях и добродетелях, которые изначально были им присущи. Все монахи были неистощимыми объектами сарказма и насмешек. Они даже выставили схоластику на посмешище, а папские догмы - на посмешище. Эразм смеялся над ними, а Лютер издевался над ними. Они были чувственными, ленивыми, невежественными и развращенными. Папе не нужны были такие солдаты. Но последователи Лойолы были полны пыла, таланта и рвения; готовые на все ради гибнущего дела; способные сделать все, что только может помочь человеческая воля. И они не разочаровали папу. Орден иезуитов быстро распространялся. Были сделаны большие пополнения. Они увеличивались с поразительной быстротой. Ревностные, набожные и энергичные представители всех слоев католической церкви присоединились к ним. Они распространились по всем землям. Они стали исповедниками королей, учителями молодежи, самыми популярными проповедниками, самыми успешными миссионерами. Через шестнадцать лет после событий на Монмартре Лойола основал свое общество, пользуясь любовью и доверием католической Европы, вопреки голосу университетов, страхам монархов и зависти других монашеских орденов. За шестнадцать лет из состояния осмеянного фанатика, к голосу которого, однако, не прислушались бы столетием раньше или позже, он стал одним из самых могущественных сановников церкви, оказывая влияние на соборы Ватикана, будоража умы королей, контролируя души многочисленного братства и давая почувствовать свою власть даже при дворах Японии и Китая. Перед его смертью его духовные сыновья основали свои миссионерские станции среди перуанских рудников, на рынках африканской работорговли, на островах Индийского океана и в городах Японии и Китая. Более того, его последователи заняли самые важные кафедры в университетах Европы и стали исповедниками самых могущественных монархов, преподавателями в лучших школах христианского мира и проповедниками с его главных кафедр. Они превратились в организацию, живущую инстинктом, наделенную энергией и волей и формирующую тело, которое могло наблюдать за Аргусом сотней его глаз и работать с Бриареем сотней его рук. Сорок тысяч глаз были устремлены на каждый кабинет министров и частную семью в Европе, и сорок тысяч рук были протянуты к шеям как государей, так и народа. Оно стало могущественной силой в мире, неразрывно связанной с образованием и религией того времени, главной движущей силой всех политических дел, главной опорой абсолютных монархий, последней надеждой папской иерархии.

Внезапное быстрое распространение ордена иезуитов. рост и огромные ресурсы "Общества Иисуса" внушают нам чувство изумления и благоговения. Мы почти приписываем их действию таинственных сил и забываем о действии естественных причин. История общества показывает, что ни одна группа людей никогда не добивалась широкого господства, кроме как благодаря проявлению замечательных качеств ума и сердца. И это причина, по которой иезуиты процветали. Когда католическая Европа увидела молодых людей, рожденных для богатства и почестей, добровольно отказывающихся от своего звания и имущества, посвящающих себя религиозным обязанностям, проводящих свои дни в больницах и школах, странствующих в качестве миссионеров в самые неизвестные и опасные уголки мира, побуждающих молодежь к учебе, добивающихся больших успехов во всех областях литературы и науки и проливающих свет, куда бы они ни пошли, своим гением и бескорыстием, было естественно, что их принимали как проповедников, учителей и исповедников. Никто не отрицал, что в течение первых

пятидесяти лет они отличались такими превосходными качествами. Миссионер-иезуит вознес хвалу Бакстеру и панегирик Лейбницу. Он без страха шел навстречу самым страшным опасностям. Мученичество ничего не значило для него, ибо он знал, что алтарь, на который может литься его кровь, в последующие времена станет заветным памятником его славы и впечатляющей эмблемой могущества его религии. Франциск Ксаверий, один из первых новообращенных Лойолы, высокопоставленный испанец, пересек территорию, более чем вдвое превышающую окружность земного шара, проповедуя, диспутируя и крестя, пока семьдесят тысяч новообращенных не засвидетельствовали плоды его миссии. В опасностях, постах и изнурительных испытаниях прошла жизнь этого замечательного человека, призванного обратить языческий мир; и никто не мог сравниться с его миссионерскими трудами, кроме апостола Павла. Но Китай и Япония были не единственными местами деятельности миссионеров-иезуитов. Уже в 1634 году они проникли в Канаду, а вскоре после этого - к истокам Миссисипи и прериям Иллинойса. "Мой спутник, - сказал бесстрашный Маркетт, - посланник Франции, открывающий новые страны; но я посланник Бога, просвещающий их Евангелием". Но из всех миссий иезуитов наиболее успешной была миссия в Парагвае. Там они собрали вместе, в сокращениях, или деревнях, триста тысяч индейцев, и все они были связаны общими интересами, находились под контролем отеческой власти, обучались полезным искусствам и были приучены пользоваться благами цивилизации. На далеких берегах Ла—Платы, в то время как испанские колонисты охотились с ищейками на мексиканцев и перуанцев или английские работоторговцы обрекали на вечное рабство несчастных африканцев, иезуиты воплощали в жизнь идеальный рай Мора - Утопию, где не совершались убийства или грабежи и где благословенные цветы мира и гармонии цвели в саду почти первозданной красоты.

В ту эпоху Выдающиеся добродетели были присущи старшим иезуитам. Иезуит преуспевал в любой работе, которой он посвящал свое внимание. Он был не только бесстрашным миссионером, но и самым успешным учителем. В дело образования он вкладывал сердце и душу. Он учил безвозмездно, без какой-либо раздражительной резкости и с целью завоевать сердце. Он проникал в чувства своих учеников и учил их сдерживать свой характер, избегать ссор и клятв. Он возбуждал в них энтузиазм, осознавал их достоинства и вознаграждал успешных подарками и благосклонностью. Поэтому школы иезуитов были лучшими в Европе и высоко ценились даже протестантами. Иезуиты были даже более популярны как проповедники, чем как учителя; и их одинаково ценили как исповедников. Они были настолько успешны и уважаемы, что вскоре добились господства в Европе. Почитание обеспечило богатство, и их учреждения постепенно стали богатыми. Но все их влияние было направлено на одну—единственную цель - на укрепление власти пап, послушными слугами которых они были. Можем ли мы удивляться, что католицизм должен возродиться?

Опять же, Конституция иезуитов. их конституция была замечательной и превосходно приспособленной к целям, которые они имели в виду. Их обеты действительно были в основном такими же, как у других монахов, но среди них был более практичный дух послушания. Все члены ордена управлялись единой волей — все были пассивными инструментами в руках генерала ордена. Он назначал президентов колледжей и религиозных домов; допускал, увольнял, распределял и наказывал по своему усмотрению. Его власть была безответственной и пожизненной. Его завещание не подлежало обжалованию. Среди них было много ступеней ранга, но каждая ступень была ступенью рабства. Иезуит был обязан повиноваться даже своему собственному слуге, если того требовал начальник. Повиновение было душой института,

абсолютное, безусловное и безоговорочное - даже подчинение воле, вплоть до полного самоотречения. Иезуит гордился тем, что из него сделали марионетку, механизм, подобный солдату, если потеря его интеллектуальной независимости способствовала продвижению интересов его ордена. Корпоративный дух был совершенно замечательным, и этот дух был одним из секретов бескорыстия тела. "Ad maiorem Dei gloriam" - таков был девиз, начертанный на их знаменах и в их сердцах; но эта слава Божья была синонимом могущества их объединения.

Безоговорочное повиновение единой воле, являющееся гениальной идеей иезуитизма, хотя и значительно продвигало интересы церкви и папы, которому они были преданы, все же привело к самому отвратительному и непреодолимому духовному деспотизму, когда-либо осуществляемому человеком. Иезуит, особенно малоизвестный и скромный, был скорее инструментом, чем интриганом. Он был связан по рукам и ногам приказами своего начальства, и только они были ответственны за его действия.

Мы можем легко увидеть, как выдающиеся добродетели и достижения ранних иезуитов и чудесный механизм их системы способствовали бы росту ордена и интересам Рима, прежде чем возникли бы подозрения у добрых людей. Вырождение иезуитов. Прошло много времени после того, как их набожность сменилась мошенничеством, их простота - хитростью, их бедность - богатством, их смирение - гордыней, а их безразличие к миру - интригами и преступлениями, прежде чем перемена стала ощутимой. И, более того, прошло более столетия, прежде чем плоды этой системы были полностью пожаты. При всем превосходстве их школ и миссий, в них преподавались опасные понятия и обычаи, которые постепенно разрушали их эффективность. Плохая система часто хорошо работает какое-то время, но всегда несет в себе семена упадка и разрухи. Так было и с институтом Лойолы, несмотря на энтузиазм и искренность первых членов и виртуозную мудрость, проявленную основателями. В последующие времена было замечено зло, которое поначалу ускользало от глаз. Было видно, что система образования, хотя и показная и во многих отношениях превосходная, была рассчитана на то, чтобы сузить кругозор, в то время как она наполняла его знаниями. Молодых людей в их колледжах учили слепо следовать жесткому механическому кодексу; за ними пристально наблюдали; у них отбирали все книги либерального направления; разрешались искаженные издания только тех, которые нельзя было отвергнуть; скрывались или приукрашивались истины огромной важности; воскрешались явные ошибки и рекомендовались исследования, не имеющие отношения к обсуждению абстрактных вопросов о правительстве или религии. И мальчиков сделали шпионами друг за другом, их дух был сломлен, а вкусы извращены. Иезуиты стремились охранять пути к мысли, а не открывать их, ревниво относились ко всякой независимости ума и никогда не стремились выйти за рамки своего возраста или основывать какое-либо движение на идеальных стандартах.

Опять же, как проповедники, хотя и популярные и красноречивые, они посвящали свои таланты обращению людей в римскую церковь, а не к Богу. Они были злом в системе иезуитов. фанатичные сектанты; стремились сделать мужчин католиками, а не христианами. Как миссионеры, они довольствовались простым номинальным обращением. Они дали людям распятие, но не Библию, и даже позволили своим новообращенным сохранить многие из их

древних суеверий и предрассудков. И таким образом они узурпировали власть местных правителей и стремились навязать Китаю и Японии свое деспотическое иго. Они значительно обогатились благодаря доверчивости туземцев, которым они льстили, и пользовались незаконной властью. И это одна из причин, почему они были изгнаны, и почему они не добились постоянных завоеваний среди миллионов обращенных ими в Японию. Они хотели подчинить себе не только европейский, но и азиатский разум. Европа не представляла собой достаточно обширного поля для их алчности и честолюбия.

Наконец, как исповедники, они были особенно снисходительны к тем, кто искал отпущения грехов, при условии, что их покорность была полной. Тогда стало видно, как легко нести иго Христа. Преступнику было сказано, что грех заключается в своеволии, а своеволие - в совершенном знании природы греха, согласно доктрине которого слепота и страсть являются достаточными оправданиями. Они изобрели доктрину ментальной сдержанности, к которой Паскаль относился так сурово. Лжесвидетельство было допустимо, если лжесвидетельствующий был внутренне полон решимости не давать клятву. Человек мог бы драться на дуэли, если бы подвергался опасности быть заклеянным как трус; он мог бы предать своего друга, если бы мог таким образом принести пользу своей партии. Иезуиты изобрели систему казуистики, которая спутала все устоявшиеся представления о моральных обязательствах. Они терпели, а некоторые из них оправдывали преступления, если их можно было подчинить очевидным интересам церкви. Их принципом было творить зло, чтобы могло прийти добро. Прежде всего, они соответствовали склонностям великих, особенно склонностям абсолютных правителей, на которых они не накладывали ни мучительных покаяний, ни суровой набожности. Их симпатии всегда были на стороне абсолютизма во всех его формах, и они были избранными и доверенными агентами деспотов человечества, пока даже глаза Европы не открылись для их огромных амбиций, которые стремились воздвигнуть независимую империю в пределах самого деспотизма. Но развращенность иезуитов, их система казуистики, их распущенная мораль, их позорные интриги, их беспринципная алчность не принадлежат к тому веку, который мы сейчас рассматриваем. Эти плоды плохой системы тогда еще не созрели, и младенчество общества было столь же прекрасным, сколь позорными и страшными были его последние дни. В одной из следующих глав мы рассмотрим упадок этого прославленного института — наиболее приспособленной к предполагаемым целям системы из всех, когда-либо созданных искусством и мудростью человека.

Великие покровители иезуитов — папы и их империя в шестнадцатом веке, после смерти Лютера, — требуют некоторого внимания. Католическая церковь в этом столетии была примечательна реформацией, которую она попыталась провести в своем собственном теле, а также рвением, способностями и добродетелью, которые отличали характер многих самих пап. Если бы не эта контрреформация, протестантизм получил бы большое влияние в Европе. Но протестанты были разделены между собой, в то время как католики были едины и воодушевлены особым рвением. Они приложили все свои силы, чтобы отвоевать то, что они потеряли. Им это не удалось, но они обеспечили господство католического дела в Европе в целом. Этим господством папы обязаны иезуитам.

При папах в семнадцатом веке. к концу шестнадцатого века папы владели хорошо расположенной, богатой и красивой провинцией. Все писатели отмечали ее плодородие. Едва ли хоть один фут земли оставался необработанным. Кукуруза экспортировалась, а порты были заполнены кораблями. Люди были смелыми и обладали большими талантами к бизнесу.

Средние классы были мирными и довольными, но дворяне, державшие в своих руках муниципальную власть, были буйными, алчными и безразличными к интеллектуальной культуре. Папы, как правило, были добродетельными личностями, а папы отличались кумовством. щедрые покровители гениев. Григорий XIII. вел список людей в каждой стране, которые, вероятно, могли оправдать себя в качестве епископов, и проявлял величайшую осторожность при их назначении. Сикст V, чей отец был скромным садовником, поощрял сельское хозяйство и мануфактуры, экономил ресурсы государства и наполнил Рим статуями. Он воздвиг обелиск перед собором Святого Петра и завершил строительство купола собора. Климент VIII. сам отслужил мессу и скрупулезно посвятил себя религиозным обязанностям. Он пренебрегал удовольствиями, которые раньше были характерны для пап, и каждый день допускал к себе обедать двенадцать бедняков. Павел V. обладал равными талантами и большим авторитетом, но был фанатичным и холодным. Григорий XIV. обладал всей строгостью древнего монаха. Единственной религиозной особенностью пап во второй половине шестнадцатого века, которую мы без колебаний осуждаем, была их религиозная нетерпимость. Но они видели, что их империя исчезнет, если они не предпримут энергичных и отчаянных мер для ее сохранения. В этот период произошли великие победы иезуитов, основание их колледжей и великолепные пожертвования их церквям. Григорий XV. построил за свой счет знаменитую церковь Св. Игнатий в Риме и учредил "Пропаганду", миссионерское учреждение, находящееся под контролем иезуитов.

Папы, хорошие или плохие, не отказались от своего кумовства в этом столетии, вследствие чего при каждом папе возникали знатные семьи и вытесняли старую аристократию. Семья Барберини за один понтификат накопила сто пять миллионов скуди - такое же огромное состояние, как то, что оставил Мазарини. Но они, обогатившись при Урбан VII., были вынуждены бежать из Рима в семнадцатом веке. Рим при Иннокентии X. Зависть и раздоры разделили и отвлекли все знатные семьи, которые соперничали друг с другом в титулах и пышности, церемониях и гордости. Дамы семьи Савелли никогда не покидали стен своего дворца, разве что в каретах с плотно закрытыми вуалями лицами. Висконти украсили свои стены портретами пап из своей линии. Гаэтана с гордостью вспоминала Бонифация VIII. Колонна и Орсини хвастались, что на протяжении веков в христианском мире не было заключено ни одного мира, в который они прямо не были бы включены. Но эти старые семьи постепенно обеднели и уступили в богатстве и власти, хотя и не в гордости и достоинстве, Чезарини, Боргези, Альдобрандини, Людовизи, Джустиниани, Киджи и Барберини. Все эти семьи, из которых происходили папы, владели великолепными дворцами, виллами, картинами, библиотеками и статуями; и они внесли свой вклад в превращение Рима в центр притяжения элегантных и литературных людей всей Европы. Это все еще был моральный и социальный центр христианского мира. Это было место, к которому прибегали все незнакомцы и из которого проистекали все интриги. Это была сцена наслаждения, веселья и величия. И великолепное сооружение, воздвигнутое в "века веры", несмотря на все бедствия и опустошения времени, оставалось по-прежнему прекрасным и притягательным. Со времени первого отделения в шестнадцатом веке Рим не потерял ни одного из своих приверженцев, а те, кто остался верен, стали еще более увлеченными своим идолопоклонством.

Список литературы.—"История пап" Ранке. "Жизнь Игнатия Лойолы" отца Бухура. "Жизнь Ксаверия" того же автора. Эссе Стивенса о Лойоле. "История Парагвая" Шарлевуа.

"Провинциальные письма" Паскаля. Рецензия Маколя на "Историю пап" Ранке. Глава Бэнкрофта в "Истории Соединенных Штатов", посвященная колонизации Канады. "Secreta Monita." Histoire des Jésuites. "Духовные упражнения". Эссе доктора Уильямса. История иезуитских миссий. Работ об иезуитах очень много; но те, которые наиболее доступны, носят яростно-пристрастный характер. Юджин Сю в своем "Странствующем еврее" произвел ложное, но сильное впечатление. В семнадцатом веке писатели-неверующие, как правило, были самыми ожесточенными, за исключением английских и шотландских авторов. Великий труд Ранке - самый беспристрастный из всех, с которыми знаком автор. Никогда не следует пренебрегать историями Ранке, из которых были сделаны замечательные переводы. ([Вернуться к содержанию](#))

ГЛАВА X.

ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА.

Политические проблемы после смерти Лютера. Споры, возникшие из-за обсуждения религиозных идей, не прекратились в шестнадцатом веке. С другой стороны, они были продолжены с еще большей язвительностью. Протестантизм был подавлен во Франции, но не в Голландии или Германии. В Англии борьба должна была продолжаться, но не между католиками и протестантами, а между различными партиями среди самих протестантов. В Германии должна была продолжаться долгая и опустошительная тридцатилетняя война, прежде чем можно было гарантировать даже свободу вероисповедания.

Эта борьба является самым заметным событием семнадцатого века, предшествовавшего Английской революции, и сопровождалась наиболее важными религиозными и политическими последствиями. Само событие стало одним из главных политических последствий Реформации. Действительно, все события этого периода либо возникли в вопросах религии, либо были перепутаны с ними.

С самого первого распространения реформаторских доктрин австрийский дом направил против их приверженцев всю свою огромную политическую власть. Карл V решил подавить протестантизм и, возможно, преуспел бы, если бы не различные войны, отвлекавшие его внимание, и решительная позиция, которую протестантские князья Германии заняли в отношении Лютера и его доктрин. Уже в 1530 году была образована лига Шмалькальда, возглавляемая курфюрстом Саксонии, самым могущественным из немецких князей, рядом с эрцгерцогом Австрийским. Князья, образовавшие эту лигу, решили обеспечить своим подданным свободное исповедание своей религии, несмотря на все противодействие католических властей. Но военные действия начались только после того, как Лютер испустил свой последний вздох. Католики одержали великую победу в битве при Мюльберге, когда курфюрст Саксонии был взят в плен. После заключения Шмалькальдского мирного договора свобода Германии, казалось, была утрачена навсегда, а могущество Австрии достигло своего апогея. Но дело свободы возродилось при Маврикии Саксонском, некогда его грозном враге. Все плоды победы были снова утрачены на пассауском конгрессе и аугсбургском сейме, когда протестантам казалось, что справедливый мир гарантирован.

Аугсбургский сейм. Аугсбургский сейм 1555 года, в год отставки Карла V. Разделил Германию на две великие политические и религиозные партии и признал независимость каждой. На протестантов больше не смотрели как на мятежников, а как на людей, которые имели право

поклоняться Богу так, как им заблагорассудится. Тем не менее, в действительности все, чего добились лютеране, было терпимостью, а не равенством. Уступки католиков были сделаны по необходимости, а не по справедливости. Следовательно, Аугсбургский мирный договор оказался лишь перемирием, а не прочным миром. Границы обеих сторон были обозначены мечом, и только мечом они могли быть сохранены.

Однако на некоторое время мир сохранился и мог бы продолжаться дольше, если бы не разногласия протестантов между собой, вызванные последователями Кальвина и Лютера. Лютеране не включили бы кальвинистов в свое общение, а кальвинисты не присоединились бы к лютеранской церкви. Во время этих раздоров иезуиты посеяли плевелы, и протестанты потеряли шанс установить свое совершенное равенство с католиками.

Несмотря на всю горечь и зависть, существовавшие между сектами и партиями, мир в Германии в политическом смысле все же был сохранен во время правления Фердинанда, основателя немецкой ветви австрийского дома, который наследовал своему брату Карлу V. После его смерти в 1564 году императором был избран его сын Максимилиан II, и во время его правления и до самой его смерти в 1576 году в Германии царило спокойствие. Его преемником стал его сын Родольф, слабый принц, неспособный объединить различные территории, которые были наследственными в его семье — Австрию, Венгрию, Трансильванию, Богемию, Моравию и Штирию. В каждой из этих провинций были смуты, и восстания происходили одно за другим, пока Родольфу не остался лишь пустой титул императора. Но эти провинции признали власть его брата Маттеяша, который освободил их от турок и даровал протестантам свободу совести. Император был слаб настолько, что подтвердил узурпацию власти своим братом. В 1612 году он умер, и Матиас взойшел на императорский трон.

Именно во время правления этого принца началась Тридцатилетняя война. Началась тридцатилетняя война. По мере того как реформатская религия укреплялась в Венгрии и Богемии — двух провинциях, которыми было очень трудно управлять, — протестантские князья империи стремились закрепить и расширить свои привилегии. Их требования были отклонены, и они вступили в новую конфедерацию, названную Евангелическим союзом. Этой ассоциации противостояла другая, называвшаяся Католической лигой. Первое было поддержано Голландией, Англией и Генрихом IV французским. Унижение Австрии было главной целью Генриха при поддержке протестантских князей Германии, и он собрал армию в сорок тысяч человек, которую намеревался возглавить сам. Но как только его приготовления были завершены, он был убит, и его смерть, а также разногласия в австрийской семье помешали войне разразиться с той яростью, которая впоследствии характеризовала ее.

Император Матиас умер в 1618 году, и ему наследовал его двоюродный брат Фердинанд, герцог Штирии, который был заклятым врагом протестантизма. Его первой заботой было подавить восстание протестантов, которое незадолго до его вступления на престол вспыхнуло в Богемии под предводительством знаменитого графа Мансфельда. Богемцы отказались от верности Фердинанду II и выбрали своим королем Фредерика V., курфюрста палатинского. Фредерик неразумно принял корону, что подтвердило ссору между Фердинандом и богемцами. Фредерика поддержали все протестантские князья, за исключением курфюрста Саксонии, две тысячи четырехсот английских добровольцев и восемь тысяч солдат из Соединенных провинций. Но Фердинанд, которому помогали король Испании и все католические принцы, был более чем достойным соперником Фредерику, который растрачивал свое время и силы на тщетные

проявления суверенности. Максимилиан, герцог Баварский, командовал войсками католиков, которые с двадцатипяти тысячным войском из Нидерландов вторглись в Богемию. Чешские войска не насчитывали и тридцати тысяч человек, но они укрепились в окопах близ Праги, где были атакованы (1620) и разгромлены с огромной резней. Битва при Праге решила судьбу Богемии, передала Фредерику во владение все его владения и наделила его властью, равной той, которой пользовался любой из его предшественников. Все его желания были удовлетворены, и, будь он мудр, он мог бы сохранить свое господство в Германии. Но он был ослеплен своим успехом, и из-за восстания в Богемии война распространилась по Германии, а затем и по всей Европе.

Император вернул себе свои владения победоносным оружием Максимилиана, герцога Баварского. Чтобы вознаградить его без ущерба для себя, он решил даровать ему владения рейнского графа Палатина, который опрометчиво принял корону Богемии. Фредерик Император Фредерик. должно быть, полностью разорен. Он был изгнан империей, и его территории были опустошены испанским генералом Спинолой с армией в двадцать пять тысяч человек.

Очевидно, ни у Фредерика, ни у протестантов не было никакой надежды. Единственными протестантскими князьями, способными пресечь австрийские посягательства, были курфюрсты Саксонии и Бранденбурга. Но первый, Джон Джордж, предпочел возвышение своего дома освобождению своей страны и покорно наблюдал за победами императора, не поднимая руки на помощь протестантам, признанным главой которых он был. Георг Вильгельм Бранденбургский был еще более постыдно скован страхом перед Австрией и потерей своих владений; и он тоже осторожно избегал связывать себя ни с одной из сторон.

Но в то время как эти два великих князя бесславно бросили Фредерика на произвол судьбы, один-единственный солдат удачи, чьим единственным сокровищем был его меч, Эрнест граф Мэнсфилд, осмелился в богемском городе Пльзень бросить вызов всей мощи Австрии. Ничуть не смущенный неудачами курфюрста палатинского, он преуспел в наборе двадцатитысячной армии. С такой армией дело Фридриха не было потеряно безвозвратно. Начали открываться новые перспективы, и его несчастья привели к появлению неожиданных друзей. Джеймс Английский открыл свои сокровища, а Кристиан Датский предложил свою мощную поддержку. К Мансфельду присоединился также маркграф Баденский. Мужество графа палатинского возродилось, и он усердно трудился, чтобы пробудить своих братьев-протестантов. Тем временем генералы императора были начеку, и растущие надежды Фредерика были рассеяны победами Тилли. Граф палатинский снова был изгнан из своих наследственных владений и искал убежища в Голландии.

Но, хотя император добился успеха, его финансы были истощены, и он оказался в неприятной зависимости от Баварии. В его обстоятельствах ничто не было более желанным, чем предложение графа Валленштейна. Валленштейн, опытный офицер и самый богатый дворянин Богемии.

Он предложил за свой счет и за счет своих друзей собрать, одеть и содержать армию для императора, если ему будет позволено увеличить ее до пятидесяти тысяч человек. Его проект был высмеян как дальновидный; но предложение было слишком ценным, чтобы его отвергнуть. За несколько месяцев он собрал тридцатитысячную армию. Характер Валленштейна. Его репутация, перспектива продвижения по службе и надежда на добычу привлекали авантюристов со всех концов Германии. Зная, что такое большое войско невозможно удержать

вместе без больших ресурсов, и не имея ничего своего, он направил свои войска на самые плодородные территории, которые еще не пострадали от войны, где они существовали за счет контрибуций и грабежей, столь же неприятных своим друзьям, как и врагам. Ничто так не показывает слабость имперской власти, при всей ее кажущейся силе, и варварские понятия и обычаи страны, как это предоставление Валленштейну. И, несмотря на весь его героизм и успех, теперь его нельзя рассматривать ни в каком другом свете, кроме как как лицензированного грабителя. Фактически он стоял во главе отряда бандитов, которые сражались ради грабежа и были готовы присоединиться к любой стороне, которая давала наибольшие надежды на выигрыш. Гений Шиллера, как в его драмах, так и в исторических произведениях, обессмертил имя этого беспринципного героя и возбудил странный интерес к его личности, его семье и его судьбе. Он представлен как "рожденный командовать". Его острый глаз с первого взгляда выделял из толпы тех, кто был компетентен, и он отводил каждому надлежащее место. Его похвала, которой он редко удостаивался, оживила и привела в полную силу все способности; в то время как его уравновешенное, сдержанное и серьезное поведение обеспечивало послушание и дисциплину. Сама его внешность внушала благоговейный трепет; его фигура была гордой, возвышенной и воинственной, в то время как его яркий, пронзительный взгляд выражал глубину мысли в сочетании с серьезностью и таинственностью. Его любимым занятием было изучение звезд, а его самым близким другом был итальянский астролог. Он любил помпезность и экстравагантность. У него было шестьдесят пажей; его приемную охраняли пятьдесят лейб-гвардейцев, а его стол никогда не состоял менее чем из ста блюд. При нем постоянно находились шесть баронов и столько же рыцарей. Он никогда не улыбался, и холодность его темперамента была защитой от чувственных соблазнов. Всегда занятый грандиозными планами, он презирал те развлечения, в которых столь многие растрачивают свою жизнь. Террор был талисманом, с которым он работал: суровый как в наказаниях, так и в наградах, он знал, как поддерживать рвение своих последователей, в то время как ни один полководец древних или современных времен не мог похвастаться тем, что ему повиновались с такой готовностью. Подчинение своей воле ценилось им больше, чем храбрость, и он поддерживал повиновение своих войск капризными приказами. Это был мужчина крупного роста, худощавый, с желтоватым цветом лица, короткими рыжими волосами и маленькими сверкающими глазами. Мрачная и отталкивающая серьезность лежала на его челе, и только его щедрые подарки удерживали дрожащую толпу его иждивенцев".

Таков был этот предприимчивый дворянин, которому император Фердинанд передал столь большие полномочия. И успех Валленштейна, по-видимому, оправдал курс императора. Чем больше он вымогал и чем больше получал вознаграждений, тем больше было людей, соответствующих его стандартам. Такова природа человека. Говорят, что за семь лет Валленштейн взыскал не менее шестидесяти миллионов долларов с половины Германии — невероятная сумма, когда расходы правительства Англии в то время составляли менее двух миллионов фунтов стерлингов в год. Его армии процветали, в то время как государства, через которые они проезжали, были разрушены. Какое ему дело до проклятий народа или жалоб принцев, пока его армия обожала его? Его целью было унижить всех принцев империи и сделать себя настолько необходимым императору, что он постепенно опустился бы до того, чтобы стать его орудием. Он уже был назначен герцогом Фридланда и генералиссимусом имперских армий. Его победоносная карьера также не встречала серьезных препятствий, но непрерывный успех, казалось, обещал реализацию его огромных амбиций. Германия лежала, истекая кровью, у его ног, беспомощная и возмущенная.

Но величие и наглость Валленштейна подняли против него врагов во всех частях империи. Страх и зависть усилили оппозицию даже в рядах католиков. Его отставки требовала вся коллегия выборщиков и даже Испания. Максимилиан, герцог Баварии, почувствовал, что успешный генерал затмил его, и возглавил заговор против него.

Император чувствовал в этот критический момент, как и Ганганелли, когда был вынужден распустить орден иезуитов, что он расстанется с человеком, которому был обязан всем своим превосходством. Он долго не мог решить, пойдет ли он на эту жертву. Но вся Германия подняла шум, и позор Валленштейна был предрешен.

Прислушается ли честолюбивый вождь, стоящий во главе ста тысяч преданных солдат, к приказам императора? Он решил повиноваться, надеясь на месть в будущем и чувствуя, что может позволить себе подождать. Сени прочел по звездам, что его все еще ждут блестящие перспективы. Валленштейн удалился в свои поместья в Богемии, но сохранил помпезность и величие принца империи.

Едва он ушел в отставку с поста командующего армией, как его услуги снова потребовались. Один герой порождает другого. Когда-нибудь найдется Веллингтон, способный противостоять Наполеону. Провидение воздвиг Германии друга в ее бедственном положении в лице Густава Адольфа. Густав Адольф, король Швеции. Не ради личного возвеличивания он протянул свою мощную руку протестантским князьям, которые до сих пор тщетно боролись против Максимилиана, Тилли и Валленштейна. Ревность к протестантизму, дополненная сильными провокациями, побудила его высадиться в Германии с пятнадцатью тысячами человек — небольшим отрядом для противостояния победоносным войскам императора, но они были храбры, высокодисциплинированы и преданы своему царственному повелителю. Сам он, бесспорно, был величайшим полководцем своего времени и пользовался полным доверием протестантских князей, которые были готовы сплотиться, как только он получит какое-либо заметное преимущество. Отныне Густав Адольф был героем войны. Он был больше, чем герой; он был христианином, заботящимся о нравственности своих солдат и преданным интересам духовной религии. Он был бережлив, но в то же время великодушен, безмятежен в величайшей опасности и великодушен, превосходящий все прецеденты в истории королей. 20 мая 1630 года, взяв на руки свою дочь Кристиану, которой тогда было всего четыре года, он представил ее штатам как их будущую правительницу и произнес свою прощальную речь. "Не легкомысленно, не беспричинно, - сказал он, - я собираюсь втянуть себя и вас в эту новую и опасную войну. Бог мне свидетель, что я сражаюсь не для удовлетворения собственных амбиций; но император причинил мне зло, поддержал моих врагов, преследовал моих друзей, втоптал в пыль мою религию и даже простер свою мстительную руку против моей короны. Угнетенные государства Германии громко призывают о помощи, которую мы, с Божьей помощью, им окажем.

"Я полностью осознаю опасности, которым будет подвергаться моя жизнь. Я еще никогда не уклонялся от них, и маловероятно, что я всегда буду их избегать. До сих пор Провидение защищало меня; но в конце концов я паду, защищая свою страну и свою веру. Я вверяю вас покровительству Небес. Будьте справедливы, совестливы и прямолинейны, и мы снова встретимся в вечности. За процветание всех моих подданных я возношу самую горячую молитву Небесам и желаю всем вам искреннего — возможно, вечного — прощания".

Едва он приземлился в Германии, как началась его победоносная карьера. Франция заключила с ним мирный договор, и он выступил против Тилли, который теперь возглавлял имперские армии.

Медлительность курфюрстов Саксонии и Бранденбурга с оказанием помощи привела к потере Магдебурга, важнейшей крепости протестантов. Он был взят штурмом, даже когда Густав продвигался к нему на помощь. Никакое перо не может нарисовать, и никакое воображение не может постичь ужасов, которые творили имперские солдаты при разграблении этого злополучного места. Ни детство, ни беспомощный возраст — ни молодость, ни красота, ни пол, ни положение в обществе не могли обезоружить ярость завоевателей. Никакая ситуация или убежище не были священными. В одной церкви были обезглавлены пятьдесят три женщины. Хорваты развлекались тем, что бросали детей в огонь. Валлоны Паппенгейма вонзали младенцам ножи в грудь. Город превратился в пепел, а тридцать тысяч жителей были убиты.

Но потеря этого важного города вскоре была компенсирована битвой при Лейпциге в 1630 году, в которой король Швеции одержал победу над имперскими войсками и в которой курфюрст Саксонии, наконец, оказал ценную помощь. Разгром Тилли, до сих пор одерживавшего победу, был полным, и сам он спасся лишь по счастливой случайности. Саксония была освобождена от врага, в то время как Богемия, Моравия, Австрия и Венгрия лишились своих защитников. Фердинанд больше не был в безопасности в своей столице; свобода Германии была обеспечена. Густава повсюду приветствовали как освободителя, и восхищение его гением могло сравниться только с восхищением его добродетелями. Он быстро вернул себе все, что потеряли протестанты, и плоды двенадцатилетней войны были отняты у императора. Вскоре после этого Тилли был убит, и все указывало на полный триумф протестантов.

Теперь настала очередь Фердинанда задрожать. Единственный человек, который мог его спасти, был уволен и опозорен. Тилли была мертва. Мюнхен и Прага были в руках протестантов, в то время как король Швеции путешествовал по Германии как завоеватель, законодатель и судья. Ни одна крепость не была неприступной; ни одна река не препятствовала его победоносной карьере. Шведские штандарты были установлены в Баварии, Богемии, Пфальце, Саксонии и на берегах Рейна. Тем временем турки готовились напасть на Венгрию, и опасное восстание угрожало его собственной столице. Никто не пришел к нему на помощь в час опасности. Со всех сторон он был окружен враждебными армиями, в то время как его собственные силы были подавлены и вероломны.

Из такого безнадёжного положения его спас человек, которого он ранил, но только после того, как он сам попросил его о помощи. Валленштейн был в отставке и втайне радовался победам шведского короля, прекрасно понимая, что император вскоре будет вынужден снова призвать его командовать своими армиями. Теперь он мог диктовать свои условия. Теперь он мог унижить своего суверена и в то же время получить всю власть, которой жаждали его амбиции. Валленштейн восстановлен у власти. Он отказался поступить к нему на службу, если у него не будет неограниченного командования всеми армиями Австрии и Испании. Император не мог назначить ни одного офицера в армии без его собственного одобрения. Он потребовал обычного жалованья и императорского наследственного поместья. Короче говоря, он потребовал суверенной власти; и на таких унижительных условиях император, в силу своих потребностей, был вынужден подчиниться.

Не успел он поднять свой штандарт, как к нему прибегли беспринципные, алчные и нуждающиеся со всех концов империи. Но теперь Валленштейн решил преследовать исключительно свои собственные эгоистичные интересы и направил все свои стремления к независимому суверенитету. Когда его силы объединились с силами Максимилиана, он оказался во главе шестидесяти тысяч человек. Тогда действительно началась суровая борьба, ибо Валленштейн теперь был сильнее Густава. Тем не менее, героический швед предложил своему сопернику сразиться при Нюрнберге, что было отклонено. Затем он атаковал его лагерь, но был отбит с потерями. Наконец, два генерала встретились на равнинах Лютцена в Саксонии в 1632 году. За весь ход войны два таких генерала не сталкивались друг с другом, и на кону не стояло так много шансов на исход сражения. Победа объявила войскам о смерти Густава Адольфа. Густав, но сам героический вождь был убит в расцвете своей славы. Ему посчастливилось умереть с незапятнанной славой. "Безвременной смертью, - говорит Шиллер, - его покровительственный гений спас его от неизбежной участи человека — забыть умеренность в упоении успехом и справедливость в изобилии власти. Можно усомниться в том, что, проживи он дольше, он все еще заслужил бы слезы, которые Германия пролила над его могилой, или сохранил бы свое право на восхищение, с которым потомки относятся к нему, — как к первому и единственному справедливому завоевателю, которого произвел мир. Но при Лютцене пал уже не благодетель Германии; благотворная часть его карьеры Густава Адольфа уже завершилась; и теперь величайшей услугой, которую он мог оказать свободам Германии, была смерть. Всепоглощающей власти отдельного человека пришел конец; двусмысленная помощь могущественного покровителя уступила место более благородному самоутверждению со стороны сословий; и те, кто раньше были простыми инструментами его возвышения, теперь начали работать на себя. Честолюбивый шведский монарх, несомненно, стремился установить в Германии власть, несовместимую со свободами сословий. Его целью была императорская корона; и это достоинство, поддерживаемое его властью, подверглось бы большему злоупотреблению, чем когда-либо опасались со стороны австрийского дома. Его внезапное исчезновение обеспечило свободу Германии и спасло его собственную репутацию, в то время как это, вероятно, избавило его от унижения видеть своих собственных союзников с оружием в руках против него, и все плоды его побед были отняты у него невыгодным миром".

После битвы при Лютцене мы почти теряем Валленштейна из виду, и никакие победы не были соизмеримы с его репутацией и способностями. Он продолжал бездействовать в Богемии, в то время как вся Европа ожидала подвигов, которые должны были стереть память о его поражении. Он истощил имперские провинции огромными пожертвованиями, и все его поведение кажется странным и предательским. Теперь его враги при императорском дворе возобновили свои интриги, и его поведение подверглось самой злобной критике. Но он обладал слишком большой властью, чтобы подвергнуться открытому нападению со стороны императора, и были приняты меры, чтобы устранить его путем предательства. Валленштейн получил уведомление о замыслах против него и теперь, слишком поздно, решился на открытое восстание. Но его предали, и его собственные генералы, на которых он рассчитывал, покинули его, как только император осмелился лишить его командования. Убийство Валленштейна. Но он был смещен только в результате убийства, и как раз в тот момент, когда он считал себя в безопасности от всей власти императора. Ни один человек, каким бы великим он ни был, не может устоять перед властью, которая повсеместно считается легитимной, какой бы ограниченной и ослабленной эта власть ни была. Во времена анархии и революции в умах

людей царит путаница относительно лиц, которым должна принадлежать законная власть, и это единственная причина, по которой восстание всегда бывает успешным.

Смерть Валленштейна в 1634 году не положила конец войне. Она продолжалась еще одиннадцать лет, с переменным успехом, и в нее были вовлечены другие европейские державы. Францией тогда правил кардинал Ришелье, который, несмотря на свой католицизм, оказывал помощь протестантам с целью ослабления могущества Австрии. Действительно, война разрушила чувства, которые ее породили, и политические мотивы стали сильнее религиозных. Оксеншьерн и Ришелье стали главными вдохновителями состязания и в тайниках своих кабинетов руководили кампаниями своих генералов. Сражения проигрывались и выигрывались обеими сторонами, а заинтересованные государственные деятели плели бесчисленные интриги. После того, как все стороны исчерпали свои ресурсы, а Германия была залита кровью испанцев, голландцев, французов, шведов, не считая крови ее собственных сыновей, был подписан Вестфальский мирный договор. был заключен Вестфальский мир, (1648 г.) — самый важный договор в истории Европы. Все князья и государства империи были восстановлены на землях, правах и прерогативах, которыми они пользовались до смуты в Богемии в 1619 году. Религиозные свободы лютеран и кальвинистов были гарантированы, и было оговорено, что Императорская палата должна состоять из двадцати четырех членов-протестантов и двадцати шести католиков, и что император должен принять шесть протестантов в Аулический совет, высший судебный трибунал в империи. Этот мир является основой всей системы современной европейской политики, всех современных договоров, того, что называется свободой Германии, и своего рода баланса сил между всеми странами Западной Европы. Дорого это было куплено полным истощением национальной энергии и деморализующими настроениями, которые неизбежно вызвала одна из самых продолжительных и кровопролитных войн в истории человечества.

Список литературы.—"История тридцатилетней войны" Шиллера. "Современная Европа" Рассела. Перевод "Валленштейна" Кольриджа. Kohlrausch's History of Germany. Смотрите также историю Германии в Циклопедии доктора Ларднера. История Швеции. Остановитесь на политических последствиях Реформации. История Шиллера, однако, является классической и чрезвычайно интересной и красивой. ([Вернуться к содержанию](#))

ГЛАВА XI.

АДМИНИСТРАЦИИ КАРДИНАЛОВ РИШЕЛЬЕ И МАЗАРИНИ.

В то время как Германию раздирали гражданские волнения, а власть императоров ограничивалась позицией, занятой против нее протестантскими князьями, Францией правили железной рукой, и был заложен фундамент для деспотизма Людовика XIV. Энергичный гений кардинала Ришелье в течение всего периода тридцатилетней войны оказывал влияние на советы всех различных дворов Европы. Он, бесспорно, был величайшим государственным деятелем своего времени и нации. Ему Франция в основном обязана тем могуществом, которым она пользовалась в семнадцатом веке. Был Генрих IV. доживи он до эпохи Людовика XIV, Франция, вероятно, была бы постоянно более могущественной, хотя власть короля, возможно, не была бы столь абсолютной.

Когда Генрих IV. умер, он оставил свое королевство своему сыну Людовику XIII., ребенку девяти лет. Первое, что нужно было сделать, это назначить регента. Парламент Парижа, которому, по-видимому, было предоставлено это право, назначил королевой-матерью регентшу Марию Медичи. Мария Медичи и молодой король на ложе правосудия — величайшей из королевских прерогатив — утвердили его мать в регентстве. Ее регентство было каким угодно, только не благоприятным интересам королевства. Политика покойного короля была проигнорирована, и был принят новый курс мер. Салли, благодаря советам которого началось правление Генриха IV. был так добр, что был уволен. Королева-регентша не разделяла его взглядов. Ни коррумпированный двор, ни могущественная аристократия нисколько не заботились об интересах народа, об улучшении сельского хозяйства, торговли и мануфактур, о регулировании финансов или об увеличении производительной промышленности страны, от которой всегда зависело ее материальное процветание. Жадные придворные получили от расточительной королевы сокровища, накопленные мудрой заботой Генриха и которыми он бездумно раздавал, чтобы заручиться их верностью. Внешняя политика также была изменена, и был заключен прочный союз с папой римским, Испанией и иезуитами.

После ухода на пенсию способного и неподкупного Салли к власти пришли бездарные и никчемные фавориты. Кончини, итальянец, контролировал королеву-регентшу, и через него текли все ее благосклонности. Ему наследовал Люинь, простой сокольничий, который подружился с молодым королем и узурпировал власть Кончини, когда король достиг совершеннолетия. Он стал констеблем Франции, высшим офицером в королевстве, и превзошел всю старую знать в высокомерии и алчности. Его бесхозяйственность и эгоизм привели к восстанию некоторых знатных людей, среди которых были Конде и Д'Эпернон.

В то время как королевство, таким образом, сотрясилось гражданской войной и всеми способами неумело управлялось, Возвышение кардинала де Ришелье. На сцене появился Ришелье, епископ Люсонский. Он был человеком высокого происхождения, в возрасте двадцати двух лет стал доктором Сорбонны, а еще до того, как ему исполнилось двадцать пять, стал епископом. Во время правления Манчини он привлек внимание королевы и был избран государственным секретарем. Вскоре после смерти Люиня он получил кардинальскую шапку и место в совете. В тот момент, когда он заговорил, его гений возобладали, и монарх, со всей своей гордостью, преклонился перед могуществом интеллекта и с благосклонностью уступил человеку, сопротивляться которому было невежливо.

С этого момента, в 1622 году, бразды правления империей находились в руках повелителя, а сам король, если бы не великолепие его двора, исчез бы из поля зрения как государственных деятелей, так и историков. Царствование анархии, длившееся, по крайней мере, четверть века, закончилось, и был подготовлен путь для усиления французской монархии. Когда Ришелье пришел к власти, воцарился всеобщий беспорядок. Финансы были расстроены, гугеноты доставляли хлопоты, а дворяне бунтовали. Таково было внутреннее состояние Франции — ослабленной, растерянной и анархичной. Она потеряла свое положение среди великих держав, и Австрия угрожала перевернуть политические отношения всех государств Европы. Австрия в начале семнадцатого века, несомненно, была ведущей державой христианского мира, и ее господство не предвещало ничего хорошего свободам, которые люди начинали отстаивать.

Три великие цели вдохновляли гений Ришелье, и в достижении их он добился успеха. Это было подавление гугенотов. подавление гугенотов, как могущественной партии, унижение крупных баронов и ослабление могущества Австрии. За эти цели он упорно боролся в течение двадцати лет; и его борьба и интриги по достижению этих целей составляют историю Франции времен правления Людовика XIII. И они затронули не только Францию, но и весь континент. Его политика заключалась в сохранении мира с Англией и Испанией, наследственными врагами Франции, со Швецией и с протестантами Германии, даже несмотря на то, что он подавлял их религию в пределах своих владений. Истинной политикой Англии было предотвратить гибель гугенотов во Франции, как до этого она помогала протестантам в Голландии. Но, к сожалению, Англией тогда правили Яков и Карл, а ими управляли расточительные министры, которые были орудиями коварного кардинала. Джеймс оказал слабую помощь, но это ничего не дало.

Чтобы уничтожить политическую власть гугенотов, — ибо Ришелье заботился об этом больше, чем об их религиозных взглядах, — было необходимо, чтобы он сам овладел городом Ла-Рошель на берегу Бискайского залива, мощной крепостью, которая во время правления Карла IX противостояла всей мощи католиков и которая продолжала оставаться оплотом гугенотов. Здесь они всегда могли укрыться и быть в безопасности во времена опасности. Он был сильно укреплен как с моря, так и с суши; и только энергичная блокада могла лишить людей провизии и военных припасов. Но Англия была владычицей океана, и поставки из нее всегда помогали осажденным.

После безуспешных, но энергичных попыток взять город по суше Ришелье решил перекрыть его гавань сначала кольями, а затем бумом. Обе эти меры провалились. Но военный гений кардинала был равен его талантам государственного деятеля. Он помнил, что сделал Александр при осаде Тира. Итак, с томом Квинта Курция в руке он спроектировал и закончил молл длиной в полмили поперек залива, в который впадал прилив. В некоторых местах она находилась на глубине восьмисот сорока футов под поверхность воды и шестидесяти футов в ширину. Сначала осажденные смеялись над такой гигантской и трудной попыткой. Но работы неуклонно продвигались, и город был окончательно отрезан от сообщения с морем. Осажденные, измученные голодом, сдались; укрепления были разрушены, город потерял свою независимость, и власть гугенотов была сломлена навсегда. Но героическим гражданам никто не отомстил, и им даже разрешили исповедовать свою религию. Однако во время этой памятной осады погибло пятнадцать тысяч человек.

Следующей целью Ришелье было унижение Австрии. Но детали его военных операций были сложными и утомительными, поскольку его генералы не вели крупных и решающих сражений, и не появлялось способных командиров. Тюренн и Конде принадлежали к следующему веку. Военные действия состояли из пограничных стычек, праздных осад и поспешных экспедиций, в которых, однако, кардинал имел преимущество, и за счет которого он выигрывал, поскольку мог позволить себе лучше оплачивать их. Война всегда обходится разорительно дорого, и, как правило, успешна та партия, которая дольше может поставлять ресурсы. Это доказательство того, что религиозный фанатизм повлиял на него не в первую очередь, поскольку он поддерживал протестантскую партию. Все мотивы религиозного характера были поглощены его преобладающей страстью возвеличивать французскую монархию. Если бы не интриги и силы Ришелье, Вестфальский мир, возможно, не был бы обеспечен, и Австрия снова могла бы нарушить "Баланс сил".

Третьей великой целью министра, к которой он наиболее систематически стремился до конца своей жизни, было подавление высшей знати. депрессия знати, чья власть использовалась с опасностью. Они обладали почти феодальными привилегиями, были чрезвычайно богаты, многочисленны, коррумпированы и распутны. Его попытки подавить их власть породили многочисленные заговоры.

Одним из первых был проект, поддержанный королевой-матерью и Гастоном, герцогом Орлеанским, братом короля и предполагаемым наследником престола. С этим заговором были связаны герцоги Бурбонский и Вандомский, принц де Шалэ и несколько других лиц самого высокого ранга. Целью заговора было убийство кардинала и захват бразды правления. Но он своевременно узнал о заговоре, проинформировал короля и принял меры предосторожности. Заговорщики были слишком опасны, чтобы их можно было наказать поодиночке; поэтому он лукавил и решил разоблачить их во всех деталях. Более того, он пригрозил королю отставкой и напугал его, предсказав гражданскую войну. В результате король отдал приказ арестовать своих братьев, герцогов Бурбонского и Вандомского, а принц де Шале был казнен. Герцог Орлеанский, по признанию Шале, бежал из королевства. Королева-мать была арестована, Бассомпьер заключен в Бастилию, а герцог де Гиз отправлен в паломничество в Рим. Могущественный Д'Эпернон подал в суд на помилование.

Тем не менее Ришелье не был удовлетворен. Он решил смирить парламент, поскольку тот выступил против указа короля, объявляющего сторонников герцога Орлеанского виновными в государственной измене. Суд справедливо утверждал, что такой приговор не может быть вынесен без судебного разбирательства. "Но, - сказал хитрый министр слабоумному королю, - отказываться подтвердить заявление, которое вы сами объявили членам парламента, значит сомневаться в вашем авторитете". Был созван чрезвычайный совет, и парламент, который был просто судом судей, был вызван в королевское присутствие. Они отправились торжественной процессией, неся с собой протокол, свидетельствующий об их отказе зарегистрировать эдикт. Король принял их с величественной pompой. От них требовалось преклонить колени в его присутствии, и их указ был изъят из протокола и разорван на куски у них на глазах, а ведущие члены были отстранены от должности и изгнаны.

Суд по СПИДу, который регистрировал денежные указы, также выступил против. Члены суда покинули суд, когда должен был быть зарегистрирован следующий указ. Но их отстранили от работы до тех пор, пока они смиренно не пришли к соглашению.

"Все недовольные, королева, принц, знать, парламент и Суд Спида надеялись на поддержку народа, и все были разочарованы". И это причина, по которой они потерпели неудачу, а Ришелье восторжествовал. Среди французов никогда не было бескорыстия и единения в деле свободы, которое никогда не может быть достигнуто без упорства и самопожертвования.

Следующей узурпацией Ришелье стало учреждение нового трибунала для суда над государственными преступниками, в котором не должно было сохраняться никаких записей о его заседаниях и члены которого должны были выбираться им самим. Этот суд был хуже, чем суд Звездной палаты.

Ришелье проявил еще более преступное пренебрежение к формам правосудия на процессе над маршалом Маррильяком, обвиняемым в преступлениях в поведении армии. Он предстал перед комиссией, а не перед своими коллегами, был осужден и казнен.

Ввиду этого судебного убийства знать, как правило, была полна негодования и тревоги. Теперь они видели, что министр стремился к полному унижению их ордена, и поэтому предприняли еще одну попытку оказать сопротивление кардиналу. Во главе этого заговора стоял герцог Монморанси, адмирал и коннетабль Франции, один из самых могущественных вельмож королевства. Он был губернатором Прованса и был глубоко возмущен оскорблением, нанесенным его рангу осуждением Маррильяка. Более того, он был возмущен тем, что брат короля был отправлен в изгнание из-за враждебности священника. Поэтому он объединил свои силы с силами герцога Орлеанского, потерпел поражение, был предан суду и казнен за мятеж вопреки мольбам и заступничеству самых могущественных семей.

Кардинал-министр теперь находился во власти Ришелье. торжествующий над всеми своими врагами. Он уничтожил политическую власть гугенотов, расширил границы Франции и истребил дворян. Теперь он обратил свое внимание на внутреннее управление королевством. Он создал национальный военно-морской флот, защищал торговлю и промышленность, награждал гениев и основал Французскую академию. Он достиг большей высоты величия, чем любой подданный, когда-либо до или после него живший в его стране, даже большей, чем обладал Вулси. Вулси, каким бы могущественным он ни был, жил, подобно турецкому визирю, в постоянном страхе перед своим капризным хозяином. Но Ришелье контролировал самого короля. Людовик XIII. боялся его и чувствовал, что не сможет править без него. Он не любил кардинала и часто испытывал искушение уволить его, но никогда не мог собраться с духом. Ришелье был более могущественен, чем королева-мать, братья короля, королевские любовницы или даже все вместе взятые, поскольку он получил власть над всеми, обрек королеву-мать томиться в изгнании в Кельне и вынудил герцога Орлеанского уступить ему. Он был главой трех основных монашеских орденов и обладал огромным состоянием. Он построил дворец, такой же величественный, как Хэмптон-Корт, и появлялся на публике с большой помпой и церемониями.

Но его величию пришел конец. В 1642 году смертельная болезнь свела его с ума; он призвал к смертному одру своего королевского повелителя; рекомендовал Мазарини в качестве своего преемника; и умер как человек, олицетворяющий Ришелье. на пятьдесят восьмом году своего правления и восемнадцатом - в качестве министра - он не испытывал угрызений совести. Он был красноречив, но его слова служили только для маскировки его чувств; он был прямым и откровенным в своей речи и в то же время в совершенстве владел искусством притворства; он не поддавался на обман, и все же страстно любил лесть, которую любил в таких больших дозах, что это казалось преувеличением; он не был образованным, но ценил ученость в других и великолепно вознаграждал ее; он любил удовольствия и легко очаровывал женщин, и все же был холоден, политичен, неумолим и жесток. Но он был великим государственным деятелем и стремился подавить анархию и сохранить закон. Принимая во внимание его труды по поддержанию порядка, мы можем почти извинить его суровость. "Помещенный, - говорит Монреерезор, цитируемый мисс Пардоу, - на равном расстоянии между Людовиком IX, целью которого было искоренение феодализма, и национальным конвентом, попыткой которого было сокрушить аристократию, он, как и они, казалось, получил кровавую миссию с небес". Высшее дворянство, отвергнутое при Людовике XI. и Франциск I почти полностью подчинился Ришелье, подготовив своим свержением спокойное, унитарное и деспотическое правление Людовика

XIV, который тщетно искал вокруг себя знатного человека и находил только придворных. Великое восстание, которое в течение почти двух столетий будоражило Францию, почти полностью прекратилось при министерстве кардинала. Гизы, коснувшиеся рукой скипетра Генриха III, Конде, ступившие на ступени трона Генриха IV, и Гастон, примеривший на свое чело корону Людовика XIII, — все они по голосу министра обратились если не в ничто, то, по крайней мере, в бессилие. Все, кто боролся против железной воли, заключенной в этом немощем теле, были разбиты как стекло. И всю борьбу, которую вел Ришелье, он вел не ради себя, а ради Франции. Все враги, с которыми он боролся, были не просто его врагами, но врагами королевства. Если он цепко держался за короля, которого он вынудил вести меланхоличную, несчастливую и изолированную жизнь, которого он последовательно лишал своих друзей, своих любовниц и своей семьи, как дерево лишают листьев, ветвей и коры, то это было потому, что друзья, любовницы и семья истощили соки умирающей королевской семьи, которой понадобился весь ее эгоизм, чтобы предотвратить гибель. Ибо это была не просто внутренняя борьба, — была еще и внешняя война, которая роковым образом связана с ними. Вся та знатная знать, которую он истребил, все те принцы крови, которых он сослал, приглашали иностранцев во Францию; и эти иностранцы, с готовностью откликнувшись на призыв, въезжали в страну с трех разных сторон: англичане через Гиенну, испанцы через Руссильон и австрийцы через Артуа.

"Это последствия политики Ришелье. дал отпор англичанам, загнав их на остров Ре и осадив Ла-Рошель; испанцам, создав рядом с ними новое королевство Португалия; и империалистам, отстранив Баварию от ее союза, приостановив действие их договора с Данией и посеяв раздоры в католической лиге. Его меры были жестокими, но не лишены смысла. Пал Шале, но он вступил в сговор с Лотарингией и Испанией; пал Монморанси, но он вступил во Францию с оружием в руках; пал Сен-Мар, но он пригласил иностранцев в королевство. Воспитанный простым священником, он стал не только великим государственным деятелем, но и великим полководцем. И когда Ла-Рошель пала перед теми мерами, перед которыми были вынуждены склониться Шомберг и Бассомпьер, он сказал королю: "Сир, я не пророк, но я заверяю ваше величество, что если вы снизойдете до того, чтобы действовать так, как я вам советую, вы умиротворите Италию в мае месяце, покорите Лангедок в июле месяце и вернетесь в августе месяце". И каждое из этих пророчеств он исполнил в свое время и в своем месте, и так мудро, что с этого момента Людовик XIII. поклялся вечно следовать советам человека, которыми он так хорошо воспользовался. Наконец, он умер, как утверждает Монтескье, после того, как заставил монарха играть второстепенную роль в монархии, но первую в Европе; после того, как унизил короля, но после того, как сделал его правление прославленным; и после того, как подавил восстание так близко к земле, что потомки тех, кто составлял лигу, могли сформировать только Фронду, как после правления Наполеона преемники Вандеи 93-го года могли казнить только Вандею 32-го".

Людовик XIII. недолго пережил этого величайшего из министров. Слабый от природы, он был еще слабее из-за болезни. От него остались кожа да кости. В этом штате он созвал совет, назначил свою королеву Анну Австрийскую регентшей на время совершеннолетия своего сына Людовика XIV., которому тогда было четыре года, и вскоре после этого умер, в 1643 году.

Мазарини, новый министр, проводил политику Ришелье. политика Ришелье. Продолжалась война с Австрией и Испанией, которая завершилась для испанской стороны победой при Рокруа в 1643 году, одержанной принцем Конде, и в битве, в которой двадцать три тысячи

французов наголову разбили двадцать шесть тысяч испанцев, убив восемь тысяч и взяв шесть тысяч пленных — одно из самых кровопролитных сражений, когда-либо происходивших. Великий Конде снискал здесь те лавры, которых последующая немилость никогда не смогла бы отнять. Война на стороне Германии была прекращена в 1648 году Вестфальским миром. Тюренн впервые появился в последней кампании этой долгой войны, но не одержал заметной победы.

Кардинал Мазарини, тонкий и интригующий итальянец, хотя и проводил политику Ришелье, не обладал его гениальностью или успехом. Вскоре он оказался втянут во внутренние неурядицы. Аристократия восстала. Если бы они были едины, то добились бы успеха; но их соперничество, зависть и склоки разделили их силы и помешали их советам. Их дело было проиграно, и Мазарини восторжествовал, больше благодаря их разногласиям, чем своей собственной силе.

Сначала ему пришлось выступить против клики молодых дворян, полных высокомерия и самомнения, но отпрысков величайших семейств. Они надеялись восстановить древнее господство своих домов. Главными из них были герцоги Бофор, Эпернон и Гиз. В качестве своего орудия они использовали мадам Шеврез, близкую подругу королевы-регентши. И она потребовала от министра, чтобы ее друзьям были предоставлены почетные посты и власть, что обеспечило бы ту независимость, на ограничение которой Ришелье потратил всю свою жизнь. Мазарини пытался развлечь ее, но так как она была неумолима, он был вынужден порвать с ней, и в результате возник заговор, который, однако, был легко подавлен.

Но более грозный враг появился в лице кардинала де Реца. Де Рец, архиепископ-коадьютор Парижа, а впоследствии кардинал, человек безграничных интриг, непобедимых амбиций и неугомонного недовольства. Подробно описывать его заговоры и интриги значило бы описывать лабиринт. Однако ему удалось поддерживать страну в постоянном смятении, то разжигая умы людей, то возбуждая восстания среди знати, а затем снова поощряя парламенты к сопротивлению. Он никогда не выступал как актер, но каждым движением руководил его гений. Он не избежал подозрений, но не совершил никаких открытых действий, за которые мог быть наказан. Он и знаменитая герцогиня де Лонгвиль, женщина, обладавшая таким же большим талантом к интриганству, как и он сам, были жизнью и душой Фронды - гражданской войны, которая закончилась только восстановлением монархии на более прочном фундаменте. Поскольку Фронду начала группа мальчишек, которые в то же время забавлялись с пращами, придворные острословы прозвали повстанцев фрондерами, или пращниками, намекая, что их силы ничтожны, а цель - вредительство.

Тем не менее, фрондеры держали Францию в состоянии анархии в течение шести лет, и их возглавляли некоторые из самых влиятельных дворян и даже поддерживал парламент Парижа. Люди тоже были на стороне повстанцев, поскольку они были подавлены налогами и надеялись получить облегчение от своих проблем. Но повстанцы встали на сторону угнетенных только ради своей личной выгоды, а самому парламенту не хватило настойчивости и бесстрашия, необходимых для обеспечения своей свободы. Гражданская война Фронды, хотя и возглавляемая недовольной знатью и оживляемая интригами мятежного духовенства, на самом деле была борьбой между парламентом и произволом правительства. И восстание было бы страшным и успешным, если бы народ был тверд, а знать вернаделу, которое они защищали. Но английская революция, происходившая в то время и в ходе которой был казнен король, потрясла любителей конституционных свобод во Франции и отреагировала тогда так же, как впоследствии Французская революция повлияла на умы англичан. Более того, бесчинства,

которые народ учинил в Париже, встревожили парламент и дворян, которые были с ним в союзе, в то время как это подтолкнуло министров к отчаянным действиям. Принц Конде. Принц Конде, победы которого принесли ему бессмертие, развлекался с обеими партиями, поскольку это отвечало его интересам. В союзе с двором он мог одолеть повстанцев; но в союзе с повстанцами он мог контролировать двор. Иногда он вставал на сторону министра, а иногда и повстанцев, но ни в том, ни в другом случае, если только он не пользовался властью и не получал вознаграждение, опасное для любого правительства. Обе стороны завидовали ему, обе боялись его, обе ненавидели его, обе оскорбляли его и обе ухаживали за ним. В одно время он возглавлял королевские войска, чтобы напасть на Париж, который обычно находился в руках народа и парламента; а затем, в другое время, он сражался как тигр, защищая Париж от королевских войск. У него не было симпатии ни к парламенту, ни к народу, пока он боролся за них; и он почитал трон, хотя и восставал против него. Его звали Луи де Бурбон, и он был принцем крови. Он боролся с короной только для того, чтобы вырвать у нее древнюю власть знати; и чтобы добиться этой цели, он думал сделать парламент и парижскую чернь своими орудиями. Парламент, искренне преданный свободе, думал сделать дворян своими орудиями и вступил с ними в союз только для того, чтобы заручиться их услугами. Хитрый Мазарини спокойно наблюдал за этими разногласиями и был уверен в конечном успехе, даже несмотря на то, что одно время был сослан в Кельн. И, подобно тростинке, он всегда был готов склониться перед трудностями, которые не мог контролировать. Но он склонился, чтобы победить. Наконец он заполучил в свою власть принца Конде, своего брата принца Конти и герцога Лонгвиля. Когда герцог Орлеанский услышал об этом, он сказал: "Он хорошо попался в сеть; он поймал льва, лису и обезьяну". Но принцы вырвались из сетей и вместе с Тюренном, Бульоном, Ларошфуко и другими знатными людьми добрались до Парижа, где были встречены радостными возгласами введенного в заблуждение народа. Затем они снова добились перевеса. Но не успели они этого добиться, как победители поссорились сами с собой и с парламентом, за дело которого они якобы боролись. Объединившись, они могли лишиться королеву-регентшу ее власти и установить конституционную свободу во Франции. Но они не захотели объединяться. Не было ни духа бескорыстия, ни патриотизма, ни общественной добродетели, без которых невозможна свобода, даже несмотря на то, что было достаточно сил, чтобы сокрушить гору Атлас. Конде, победитель, позволил двору снова подкупить себя. Он не стал бы упорствовать в своем союзе ни с дворянами, ни с парламентом. Он не объединился с дворянами, потому что чувствовал себя принцем. Он не остался в парламенте, потому что не симпатизировал свободе. Дело знати было проиграно из-за отсутствия взаимного доверия; дело парламента - из-за отсутствия духа настойчивости. В конце концов парламент устал от войны и народных волнений и подчинился суду. Все партии ненавидели друг друга и не доверяли друг другу больше, чем железному деспотизму Мазарини. Власть восставшей знати пришла в упадок. Де Рец, заклятый интриган, был изгнан из Парижа. Герцогиня де Лонгвиль искала убежища в долине Порт-Ройял и в учениях янсенистов искала того счастья, которого не могло обеспечить земное величие. Конде покинул Париж, чтобы присоединиться к испанским войскам. Остальные мятежные дворяне смиренно подчинились. Люди обнаружили, что им нечего выиграть от какой-либо господствующей партии, и смирились с очередным длительным периодом политического и социального рабства. Магистраты в отчаянии и отвращении отказались от своих высоких притязаний на политические права, в то время как молодой король, находясь на своем ложе правосудия, постановил, что парламент больше не должен осмеливаться обсуждать государственные дела или вмешиваться в них. Покорный парламент безропотно зарегистрировал эдикт, который положил конец его свободам. Война фронды потерпела

полный провал, потому что все стороны узурпировали власть, которая им не принадлежала, и ревниво относились к правам друг друга. Знать желала контролировать короля, и магистратура выдвинула себя в качестве представителя палаты общин, в то время как только генеральные штаты были древним и истинным представителем нации и органом, к которому она должна была апеллировать. Восстание фронды потерпело неудачу, потому что оно не обращалось к конституционным формам, потому что оно заключало противоестественные союзы и потому что оно не полагалось на силу бессмертных принципов, но стремилось поддерживать себя простой физической силой, а не моральной мощью, которая одна является секретом и величием всех великих внутренних перемен.

Возвращение власти Мазарини. Приход кардинала Мазарини к власти в качестве министра Людовика XIV был эпохой его величия. Его первой заботой было восстановление государственных финансов; второй - обеспечение своего личного возвышения. Он получил всю власть, которой пользовался Ришелье, и порицал короля, и такого короля, как Людовик XIV, как школьник. Он обогатил и возвысил своих родственников, женил их на знатных семьях Франции и сколотил состояние в двести миллионов ливров, возможно, самое крупное, которое удалось получить какому-либо подданному в наше время. Он даже стремился к папскому престолу; но этого величайшего из всех человеческих достоинств ему не было позволено достичь. Им овладела смертельная болезнь, и врачи сказали ему, что ему осталось жить не более двух месяцев. Несколько дней спустя его увидели в халате среди своих картин, которые он безумно любил, и он воскликнул: "Должен ли я бросить все это? Посмотрите на этого Корреджо, на эту Венеру Тициана, на этот несравненный потоп Карраччи. Прощайте, дорогие картины, которые я так нежно любил и которые стоили мне так дорого".

Министр задержался ненадолго и провел свои последние часы за картами. Смерть Мазарини. Он скончался в 1661 году; и ни одному министру после него не была доверена такая великая власть. Он умер, не оплаканный даже своим сувереном, чей трон он сохранил и чье состояние восстановил. Он обладал большими талантами собеседника, был остроумен, искусен и вежлив. Он завершил работу, начатую Ришелье, и после его смерти его хозяин был самым абсолютным монархом, когда-либо правившим во Франции.

Ссылки.—Людовик XIV. et son Siècle. История Людовика XIV мисс Пардоу. "Жизнь Людовика XIV" Вольтера и Джеймса. Мемуары кардинала Ришелье. Мемуары Мазарини. Mémoires de Mademoiselle de Montpensier. Mémoires du Duc de Saint Simon. Жизнь кардинала де Реца, в которой хорошо прослеживается война фронды. Мемуары герцогини де Лонгвиль. "История Франции" Лакретеля. "История Франции" Рэнкина. История Франции Сисмонди. История Кроу в "Циклопедии" Ларднера. История гугенотов Роуринга. "Жизнь принца Конде" лорда Мэхона. Вышеперечисленные работы наиболее доступны американскому студенту. ([Вернуться к содержанию](#))

ГЛАВА XII.

ПРАВЛЕНИЕ Якова I. И Карла I.

В то время как протестанты в Германии боролись за свободу вероисповедания, а парламенты Франции - за политические привилегии, в Англии шло соперничество за достижения тех же великих целей. С восшествием на престол Якова I. В истории Англии начинается новая эра,

отмеченная растущим значением Палаты общин и их борьбой за гражданские и религиозные свободы. Палата общин не хранила полного молчания в течение долгого правления Елизаветы, но иногда ее члены осмеливались отстаивать те права, которыми гордятся англичане. Королева была особенно чувствительна ко всему, что относилось к ее прерогативам, и обычно отправляла в Тауэр любого человека, который смело высказывал свое мнение по вопросам, которые, по ее мнению, только она и ее министры имели право обсуждать. Этими запретными темами были те, которые относились к управлению религией, к ее особым дворам и к ее наследованию короны. Она никогда не нападала на то, что считала конституцией, а лишь ревностно защищала то, что считала своими собственными правами. И она всегда была достаточно мудра, чтобы уступить палате общин какое-то очко после того, как утвердила свою власть, так что эта уступка с ее стороны выглядела как одолжение. Она никогда не доводила дело до крайности, но вовремя уступала. И в этой политике она проявила великую мудрость, так что, несмотря на все свои преступления и капризы, она навсегда сохранила расположение английского народа.

Восшествие на престол Якова I. сын ее соперницы Марии Стюарт, королевы Шотландии, вззошел на трон (1603) под титулом Якова I. и был первым из королей рода Стюартов. Он был королем Шотландии под титулом Якова VI, и ему приходилось сталкиваться со многими трудностями, главным образом из-за буйства знати и фанатизма реформаторов. Ему не терпелось вступить во владение своим английским наследством, но он был так беден, что не мог начать свое путешествие до тех пор, пока Сесил не пришлет ему денег. Он был коронован с большой церемонией в Вестминстерском аббатстве 25 июня.

Первые действия его правления были непопулярны, а впоследствии оно было опозорено непрерывной чередой политических ошибок. Чтобы подробно описать их или упомянуть все деяния этого короля или события его бесславного правления, потребовался бы объем, превышающий эту Историю. Более того, начиная с этого периода, современная история становится очень сложной и объемной, и все, что можно попытаться сделать в этой работе, - это намек на основные события.

Гениальность правления Джеймса. гениальность этого правления - это борьба между королевскими прерогативами и народной свободой. Заседания парламента характеризовались духом смелости и сопротивления, никогда ранее не проявлявшимся, в то время как речи и поступки короля были отмечены упрямой и тупой непреклонностью к тем привилегиям, которые абсолютные короли вымогали у своих подданных в прежние эпохи деспотизма и тьмы. Смелость общин и фанатизм короля привели к непрекращающимся разногласиям и недовольству и, наконец, при Карле I. к открытому разрыву, революции и междоусобице.

Ход этого восстания и борьбы представляет собой одну из самых важных и поучительных глав в истории общества, и молодой студент не может слишком подробно ознакомиться с деталями, описание которых запрещено нашими рамками.

Здесь начинается великое пуританское состязание, которому суждено завершиться только после двух революций и почти столетия тревог, страданий и борьбы. На протяжении всей династии Стюартов Провидение воспитывало великих патриотов и государственных деятелей, у которых хватало ума понимать истинные интересы и права народа, а также сердца и руки, чтобы защищать их. Ни один период и ни одна нация никогда не были так богаты великими людьми, как Англия, от восшествия на престол Якова I до отречения Якова II, то есть в течение восьмидесяти пяти лет. Шекспир, Рэли, Коук, Бэкон, Сесил, Селден, Пим, Вентворт, Холлис,

Лейтон, Тейлор, Бакстер, Хоу, Кромвель, Хэмпден, Блейк, Вейн, Милтон, Кларендон, Бернет, Шефтсбери - вот некоторые из светил, которые пролили свет на наше время и будут продолжать сиять во все будущие эпохи. Не все они были современниками, но все они принимали участие, в большей или меньшей степени, на той или иной стороне, в великом противостоянии семнадцатого века. Будь то государственные деятели, воины, поэты или богословы, они одинаково сделали свой век эпохой, а свой маленький остров нравственным центром мира.

Но сначала мы должны сослаться на некоторые события правления Якова I. До того, как борьба между прерогативами и свободой привлекла внимание Европы.

Одним из первых был Заговор сэра Уолтера Рэли. заговор против короля, в котором участвовали лорд Кобэм и сэр Уолтер Рэли. Мы сожалеем о том, что такого великого любимца всех читателей, как сэр Уолтер Рэли, такого универсального гения, человека столь образованного, совершенного и храброго, даже заподозрили в изменническом проекте, причем без оправдания некоторых предателей, в том, что они хотели избавить свою страну от тирании. Но в человеке нет совершенства. Сэр Уолтер был беспокойным и честолюбивым человеком, который думал главным образом о собственной выгоде. Его остроумие, галантность и рыцарственность, несомненно, были очень приятными качествами придворного, но не лучшими качествами патриота. Он был разочарован, потому что не мог угнаться за Сесилом в благосклонности своего государя и потому, что король отнял у него монополию, которой он пользовался. Следовательно, вместе с другими разочарованными политиками его обвинили в попытке захватить особу короля, сменить министерство и посадить на трон леди Арабеллу Стюарт. Против Роли выступил не кто иной, как великий Кокс, который преследовал его с такой яростью, что Роли был признан виновным и приговорен к смертной казни. Но доказательства его вины не столь очевидны, как свидетельства его честолюбия, и многое следует отнести на счет партийной вражды. Несмотря на осуждение, он не был казнен; но дожился до того, чтобы написать еще много книг и совершить еще много путешествий, к великому удовольствию как образованных, так и искателей приключений. То, что существовал заговор с целью захвата короля, ясно, и заговорщики были обнаружены и казнены. Рейли подозревался в этом и, возможно, был посвящен в это; но доказательства его преступления не были очевидны, за исключением судей и генерального прокурора Кока, который сравнил различные заговоры с лисами Самсона, соединенными хвостами, хотя их головы были разделены.

Самым запоминающимся событием того времени во внутренней истории королевства стал Пороховой заговор. Пороховой заговор, спланированный Кейтсби и другими разочарованными и отчаявшимися католиками с целью убийства короля и разрушения обеих палат парламента. Зная симпатии Джеймса к их религии, католики ожидали, по крайней мере, терпимости. Но когда преследование католиков. против них продолжались преследования, некоторые безрассудные и беспринципные люди объединились в намерении взорвать парламент. Перси, родственник графа Нортумберленда, был замешан в заговоре, и многие другие заговорщики были людьми из хороших семей и состоятельными, но непримиримыми фанатиками. Они арендовали подвал под зданием парламента, который использовался для хранения угля; и там они сложили тридцать одну бочку пороха, несколько месяцев выжидая благоприятного момента для совершения одного из самых ужасных преступлений, когда-либо задуманных. Было решено, что Гай Фокс, один из них, должен поджечь поезд. Все было готово, и приближалось 5 ноября 1605 года, день, на который был перенесен срок работы парламента; но Перси стремился спасти своего родственника от неминуемого разорения, сэр Эверард Дигби хотел

предупредить кое-кого из своих друзей, а Трешемрешил предостеречь своего шурина, лорда Маунтигла. Похоже, что этот пэр получил настолько необычное письмо, что отнес его Сесилу, который показал его королю, и король обнаружил или заподозрил заговор. В результате подвал был исследован лордом-камергером, и рядом с хранилищем, в котором хранились уголь и порох, был найден сам Гай Фокс со всеми материалами для зажигания. Его схватили, допросили, пытали и заключили в тюрьму; но негодяй не захотел назвать имен своих сообщников, хотя и гордился преступлением, которое собирался совершить, и в качестве своего оправдания утверждал, что тяжелые болезни требуют отчаянных средств, следуя максиме иезуитов. Но большинство заговорщиков раскрыли свою вину бегством. Они могли бы спастись, если бы бежали из королевства; но они поспешили только в деревню, чтобы собрать своих друзей и возглавить восстание, которое, конечно, было легко подавлено. Лидеры этого заговора были схвачены и казнены и вполне заслужили свою участь, хотя было ясно, что они были без ума. Но во всех преступлениях есть безрассудство. Возникло подозрение, что за заговором стояли иезуиты; и все католическое население подверглось поношению из-за слепоты и безумия нескольких фанатиков, от которых до сих пор не была свободна ни одна секта или партия. Но нет никаких доказательств того, что кто-либо из католического духовенства был даже посвящен в планируемое преступление, о котором знали только абсолютные заговорщики. Некоторые иезуиты действительно были заподозрены, арестованы, подвергнуты пыткам и казнены; но против них не было представлено никаких доказательств вины, достаточных для их осуждения. Но их оправдание было невозможно в таком состоянии национальной тревоги и ужаса. Ничто никогда не производило более длительного и глубокого впечатления на умы англичан, чем это преднамеренное преступление; и оно укрепило предубеждения против католиков даже больше, чем преследования при королеве Марии. Если бы преступление было доведено до конца, это оказалось бы всего лишь грубой ошибкой. Это потрясло бы и разозлило нацию до такой степени, что она перестала бы себя контролировать; и вполне вероятно, что все католическое население было бы убито или загнано на эшафот в каждом уголке Англии в качестве жертв. Однако это оказалось большим несчастьем и самым тяжелым ударом, который католицизм когда-либо получал в Англии. Таким образом, Бог побеждает все человеческие пороки. Был один человек, пострадавший вследствие возбужденных подозрений нации, судьбе которого мы не можем не посочувствовать; и этим человеком был граф Нортумберленд, который был приговорен к уплате штрафа в размере тридцати тысяч фунтов стерлингов, лишению всех своих должностей и пожизненному заключению в Тауэре просто потому, что он был главой католической партии и поборником веротерпимости. Действительно, число уголовных законов, направленных против католиков, увеличилось в ужасающей степени. Ни одному католику не разрешалось появляться при дворе, или жить в Лондоне, или в радиусе десяти миль от него, или удаляться по любому поводу более чем на пять миль от своего дома без специального разрешения. Ни одному католику-самоотводчику не разрешалось заниматься хирургической практикой, врачеванием или юриспруденцией; выступать в качестве судьи, клерка или должностного лица какого-либо суда или корпорации; или выполнять обязанности администратора, душеприказчика или опекуна. Каждый католик, отказывавшийся крестить своего ребенка у протестанта, был обязан заплатить за каждое упущение сто фунтов. Каждый человек, содержавший слугу-католика, был вынужден платить правительству десять фунтов в месяц. Более того, каждый самоотводящийся объявлялся вне закона; его дом мог быть взломан; его книги и мебель уничтожены; у него могли отобрать лошадей и оружие. Таково было суровое обращение, с которым наши отцы в Англии обращались с католиками, даже с теми, кто был добропорядочными гражданами; и это

преследование защищали некоторые из величайших юристов, богословов и государственных деятелей, которых когда-либо породила Англия. И все же некоторые утверждают, что в обществе не было никакого прогресса, кроме материальной цивилизации!

Одной из особенностей правления Якова было преобладание над ним фаворитов, что часто было признаком слабого и колеблющегося ума. Генрих VIII. и у Елизаветы были свои фавориты, но они были исполнителями королевской воли. Более того, они, подобно Вулси, Кромвелю, Берли и Эссексу, были великими людьми и достойны оказанного им доверия. Но Джеймс, со всем своим королевским и государственным искусством, со всем своим хвастовством знаниями и проницательностью, доверял такому человеку, как Вильерс, герцог Бекингемский. Это правда, что у него также были великие люди, которые служили ему; Сесил был его секретарем, Бэкон был его канцлером, а Коук был его главным судьей. Но Роберт Карр, граф Сомерсет. Карр и Вильерс возвышались над всеми ними достоинством и честью и были компаньонами и доверенными лицами своего королевского хозяина.

Роберт Карр был шотландским джентльменом, бедным и хитрым, которого рано научили, что личная красота, яркая одежда и живые манеры принесут ему состояние при дворе. Впервые он привлек внимание короля на поединке по тилтингу, в котором он был оруженосцем лорда Дингуолла. Когда он вручал щит своего господина королю, его лошадь упала и бросила его к ногам Джеймса. У него была сломана нога, но он сколотил состояние. Джеймс, пораженный его красотой и молодостью и тронутый случившимся, послал к нему своего собственного хирурга, сам навещал его и даже научил латыни, видя, что схоластической частью его образования пренебрегали. Действительно, из Джеймса вышел бы гораздо лучший школьный учитель, чем из кинга; а его педантизм и тщеславие были безграничны, так что Бэкон назвал его, то ли в насмешку, то ли подхалимаживая, "Соломоном века". Величие и падение Сомерсета. Теперь Карр стал любимцем ученого монарха. Он был посвящен в рыцари, ему были преподнесены богатые подарки, все кланялись ему, как кланялись бы королевской любовнице; а Сесил и Саффолк соперничали друг с другом в своих попытках заручиться благосклонностью его друзей. Постепенно он затмил всех крупных дворян при дворе, был произведен в виконты Рочестера, получил орден Подвязки, а когда Сесил, в то время граф Солсбери, умер, получил пост графа Саффолка в качестве лорда-камергера, заняв место Сесила в качестве казначея. Рочестер, по сути, стал премьер-министром, как и Сесил. Затем он получил титул графа Сомерсета, чтобы жениться на графине Эссекс, самой красивой и обворожительной женщине при английском дворе. Она была дочерью графа Саффолка и внучкой старого герцога Норфолка, казненного в 1572 году, и, следовательно, принадлежала к первой семье в королевстве. Она вышла замуж за Эссекса в возрасте тринадцати лет, но относилась к нему с презрением и холодностью, будучи уже влюбленной в красавца фаворита. Чтобы выйти замуж за Карра, она добилась развода со своим мужем на самых легкомысленных основаниях и благодаря благосклонности короля, который сделал бы все для человека, которого ему доставляло удовольствие чтить. Она преуспела в достижении своей цели и стала причиной гибели всех, кто противился ее желаниям. Но она оказалась прекрасным демоном, завораживающей фурией, чего и следовало ожидать от такой беспринципной женщины, хотя и облагороженной "кровью всех Говардов". Однако ее правление продолжалось только во время правления ее мужа. Какое-то время "славные дни сменялись столь же славными ночами, когда маски и танцы были в постоянном движении, и когда пиршества восхищали дух священного короля и не давали ему опуститься до земных вещей". Но какая бы королевская милость ни была, королевская милость, как и мода, уходит. Карра сменил Вильерс, и его судьба была предreshена. За убийство своего

старого друга сэра Томаса Овербери, умершего в Тауэре, как тогда предполагалось, от яда, он и его графиня предстали перед судом, были признаны виновными и опозорены. Но его не казнили, и после нескольких лет тюремного заключения он удалился в деревню со своей супругой, чтобы упрекать и ненавидеть друг друга. Их единственный ребенок, леди Анна Карр, женщина большой чести и добродетели, вышла замуж за первого герцога Бедфорда и была матерью лорда Рассела, который погиб на эшафоте как мученик за свободу во времена правления Карла II. Любопытно происхождение знатных семей Англии. Некоторые из них произошли от успешных нормандских вождей, которые пришли вместе с Вильгельмом Завоевателем и чья заслуга заключалась в их мече. Другие - потомки тех, кто в качестве придворных, государственных деятелей или воинов получил большое положение, власть и богатство во время прежних царствований. Многие обязаны своим величием тому факту, что они являются отпрысками незаконных детей королей или потомками неблагородных приспешников королей. Некоторых причисляют к лику пэров из-за их огромного богатства; и еще меньшее число за выдающиеся заслуги, которые они оказали своей стране, как Веллингтона, Броэма или Элленборо. Подавляющее большинство может похвастаться только заслугами или успешной низостью своих предков. Но все они связаны браками и, следовательно, разделяют вместе славу или позор своих прародителей, поскольку слава и позор могут передаваться от отца к сыну независимо от всех индивидуальных добродетелей или пороков.

Карру наследовал королевскую милость герцог Бекингемский. Вильерс, и он, более удачливый, навсегда сохранил власть над умом и сердцем Джеймса, а также его сына Чарльза I. Джордж Вильерс был обязан своим состоянием не своему рождению или талантам, а своей изысканной одежде, парижским манерам, гладкому лицу, высокой фигуре и мягким улыбкам. Он стал виночерпием, затем рыцарем, затем джентльменом тайного совета, затем графом, затем маркизом и, наконец, герцогом Бекингемским, лордом-адмиралом, смотрителем портов Чинкве, верховным управляющим Вестминстера, констеблем Виндзорского замка и главным судьей парков и лесов Эйра. "Безумно любящий и злорадствующий король" обучал Сомерсета латыни; он пытался преподавать Бекингеу богословие и всегда называл его по имени "Стини". И никогда ни в одной королевской фаворитке ни до, ни после не было такой смеси пышности, изнеженности, наглости и подхалимства. Бо Браммелл никогда не мог сравниться с ним в одежде, Вулси - в великолепии, Мазарини - в казнокрадстве, Уолполом - в продажности, Джеффрисом - в наглости, Норфолком - в гордыне. Он был постоянным спутником короля, чьим порокам потворствовал, и через него струилась королевская милость. Но никакие награды, одолжения или величие его не удовлетворяли; не столько потому, что он был честолубив, сколько потому, что, подобно избалованному ребенку, не ценил величия даров, которые были ему преподнесены. Он никогда не знал своего места, но занимался любовью с самой королевой Франции, когда его отправили в посольство. Он попирали конституцию, ниспровергал законы, давил людей налогами и учил короля пренебрегать чувствами своих подданных и рассматривать их как своих рабов. Но такого триумфа беззакония нельзя было вынести; и Бекингем был в конце концов убит после того, как он достиг положения, более высокого, чем когда-либо достигал любой английский подданный, за исключением Вулси, и без проявления каких-либо качеств, которые давали ему право на более высокое положение, чем церемониймейстер на светском балу. Легко представить, что такой фаворит должен был прийти к власти при таком монархе, как Джеймс; но как мы можем понять, что такой человек, как лорд Бэкон. Лорд Бэкон, канцлер, философ, государственный деятель, человек образованный, гениальный и мудрый, должен был бы пасть ниц в подлом раболепии перед этим печально

известным фаворитом короля. Воистину, каким урокам хрупкости человеческой природы учит нас царствование Иакова! Самым печальным примером из всех единичных случаев человеческой непоследовательности в наше время является поведение самого великого Бэкона, достигшего зенита своего могущества в это царствование. Его позор зиждется не на получении взятки при осуществлении высшей судебной власти в стране, а на его дерзком поведении по отношению к подчиненным, его попустительстве неправде, его низким и недостойным мужчины подхалимстве, его неблагодарности к своим друзьям и покровителям, его сильном эгоизме и беспринципных амбициях при восхождении к власти и, прежде всего, его готовности быть орудием деспота, попирающего права и свободы, которые Бог дал ему охранять; и это в век света, пробужденного разума. , когда даже его раздражительный конкурент Coca-Cola стремился покончить со злоупотреблениями Темных веков. Но "разница между парящим ангелом и ползущей змеей была всего лишь разновидностью разницы между Бэконом-философом и Бэконом - генеральным прокурором, Бэконом, ищущим истину, и Бэконом, ищущим Печати". Как автор "Нового органа", как пионер современной науки, как спокойный и терпеливый исследователь законов природы, как добытчик и сапер старых ложных философских систем, поработивших человеческий разум, как писатель для будущих поколений, он получил, по заслугам, всю славу, которую восхищенные и благодарные миллионы могут даровать его собственной нации и всем нациям. Нет имени в британских анналах более прославленного, чем его, и нет такого, которое было бы покрыто более длительным позором. Один только Папа Римский даровал бы ему бессмертие как "самому мудрому, яркому и подлому из людей". Единственное оправдание политической низости Бэкона — и этого недостаточно — состоит в том, что все вокруг него были низки. Годы, когда он был у власти, являются одними из самых мрачных и позорных в английской истории.

Был сделан намек на правление фаворитов; но это была лишь малая часть бедствий того времени. Всем, что происходило за границей и дома, управляли неумело. Множились патенты на монополии; производились самые тяжкие поборы; назначались неоправданные казни; законы извращались; правосудие продавалось; и позорная война завершилась еще более позорным миром. Суд и казнь Роли. Казнь Роли была позором для короля, двора и нации, потому что способ ее проведения был таким трусливым и жестоким. В начале правления он был осужден за государственную измену и заключен в Тауэр. Там он томился двенадцать лет, развлекая себя написанием всеобщей истории и поисками эликсира жизни; ибо в тайнах химии и в лабиринтах исторических знаний, равно как и в придворных интригах и лагерных опасностях, он чувствовал себя как дома.

Он был освобожден из тюрьмы, чтобы принять командование авантюрной экспедицией в Гвиану в поисках золота. Во время предыдущего путешествия он посетил берега Ороноко в поисках города Маноа, где драгоценные камни и золото находились в неисчерпаемых сокровищницах. Этого Эльдорадо он так и не смог найти; но теперь, в тюрьме, он предложил секретарю Уинвуду отправиться в экспедицию, чтобы заполучить то, что тот прежде тщетно искал. Король некоторое время колебался между своей алчностью и страхом, ибо, хотя он жаждал золота, как путешественник воды в пустыне Сахара, он боялся оскорбить испанского посла. Но его алчность оказалась сильнее, и Рэли отправили с четырнадцатью кораблями к берегам Южной Америки. Экспедиция оказалась неудачной во всех отношениях для Рэли и короля. Доблестный командир потерял свое личное состояние и многообещающего сына, испанцы атаковали его вооружение, его войска взбунтовались и дезертировали, и он вернулся в Англию с запятнанной славой, чтобы встретиться с разочарованным сувереном и

непримиримыми врагами. В такие времена неудача приравнивается к преступлению, и Рейли предстал перед судом за преступления, которых он никогда не совершал. К самой вопиющей несправедливости, резкости и софистике прибегал даже Бэкон; но тем не менее Рэли с триумфом защищал себя. Но ни невинность, ни красноречие не могли спасти его, и он был казнен по приговору, который был вынесен ему за государственную измену пятнадцать лет назад. К такой подлости и трусости прибегли его враги, чтобы избавить мир от универсального гения, чье преступление — если оно когда—либо совершалось - давно предано забвению.

Но мы не можем больше останавливаться на жизни выдающихся личностей периода правления Якова. Какими бы интересными ни были подробности их судьбы, их история отступает на второй план по сравнению с огромным общественным ущербом, который нанес безумный монарх. Не жестокий по характеру, не запятанный личными преступлениями, достаточно сведущий в греческом и латыни, но слабый и неосведомленный о своих обязанностях короля, Посыгательствах Якова. он был склонен нарушать права своих подданных. Как уже отмечалось, гениальность его правления заключалась в борьбе между прерогативами и свободой. Палата общин не согласилась с его мерами и не уступила его желаниям, как это было во время правления Елизаветы. У него было представление, что долг короля - повелевать, а долг подданного - повиноваться во всем; что короли правят по божественному праву и Всемогуший поставил их выше всякого закона. Но подобные идеи не были одобрены парламентом, кишевшим пуританами, которые не позаботились о том, чтобы скрывать свои взгляды от короля. Они настаивали на своих привилегиях так же упорно, как король настаивал на своей прерогативе, и часто вступали с ним в столкновения. И они возбудили расследование монополий и атаковали чудовищные злоупотребления поставщиками и случаи феодального владения, благодаря которым, среди прочего, король становился опекуном подопечных и получал прибыль от их поместий во время их совершеннолетия. Эти феодальные притязания, с помощью которых король частично получал свои доходы, с каждым годом становились все менее ценными для короны и все более оскорбительными для народа. Король, в конце концов, был готов пойти на компромисс и заключить сделку с палатой общин, по которой он должен был получать двести тысяч фунтов стерлингов в год взамен привилегий попечительства и других феодальных прав. Но его нужды требовали дополнительных субсидий, которые палата общин не желала предоставлять; и тогда король прибегал к продаже монополий и даже титулов пэров, отправлял наиболее буйных членов Палаты общин в тюрьму и часто распускал парламент. Он был полон решимости обложить людей налогом, если ему не будут предоставлены припасы, в то время как Палата общин настаивала на том, что никакое налогообложение не может быть разрешено без их согласия. Более того, Палата общин отказывалась предоставлять такие поставки, в которых, по мнению короля, он нуждался, до тех пор, пока не будут устранены определенные претензии, среди которых был Суд Высшей комиссии, произвольный трибунал, который штрафовал и сажал в тюрьму без апелляции. Но Джеймс, хотя и нуждался в деньгах, твердо придерживался своих представлений о прерогативах и удовлетворял свои самые насущные потребности незаконными средствами. Людей тащили в Звездную палату по всевозможным обвинениям, чтобы их приговорили к уплате огромных штрафов; были изобретены новые привилегии и монополии, созданы новые достоинства. Были учреждены баронеты, которые являются потомственными рыцарями, и титулы баронетов продавались по тысяче фунтов каждый.

Но монополии, которые предоставил король, чтобы собрать деньги, не так сильно воспламенили палату общин, как предполагаемый брак между принцем Уэльским и инфантой

Испании. Яков льстил себя надеждой, что этот испанский брак, для организации которого он отправил Бекингема ко двору Мадрида, обеспечит возвращение Пфальца курфюрсту, который был свергнут со своего трона. Но Палата общин считала иначе. Они, как и народ в целом, были возмущены бездействием правительства, не направившего помощи бедствующим протестантам Германии, а потеря Пфальца рассматривалась как национальное бедствие. Они не видели ничего хорошего в союзе с врагами и гонителями этих протестантов, но, с другой стороны, много зла. Таким образом, как конституционные блюстители общественного благосостояния и свободы, Джеймс и парламент вступают в спор. они обратились с протестом к королю, представляя растущую мощь Австрии опасной для свобод Европы, и умоляли его величество поднять оружие против Испании, которая была в союзе с Австрией и благодаря богатству которой поддерживались австрийские армии.

Джеймса возмутило это замечание, которое шло вразрез со всеми его принципами правления; и он немедленно написал письмо спикеру Палаты общин, приказав ему предостеречь членов парламента "не осмеливаться вмешиваться в государственные дела, которые находятся за пределами их возможностей, и особенно не касаться женитьбы его сына". Палата общин, не растерявшись и сознавая свою силу, направила новый протест, в котором они подтвердили, что имеют право вмешиваться со своим мнением во все государственные дела и что полная свобода слова является их древним и несомненным правом, переданным от их предков. Король в ответ сказал Палате общин, что "их протест был больше похож на осуждение войны, чем на обращение к послушным подданным, и что их притязания интересоваться государственными делами были полномочием, на которое никто из их предков, даже во время самых слабых царствований, никогда не осмеливался претендовать". Далее он намекнул, что их привилегии были получены благодаря королевской милости. В связи с этим Палата общин выразила еще один протест, заявив, что свободы, привилегии и юрисдикция парламента являются древним и несомненным правом англичан по рождению, и что каждый член парламента имеет право на свободу слова. Этот протест они записали в своих журналах, после чего Джеймс вышел из себя, приказал клерку принести ему журналы, собственноручно стер протест в присутствии судей и совета, а затем распустил парламента.

Больше ничего примечательного в это правление не произошло, за исключением судебного преследования испанского матча, который был настолько одиозен для нации, что Бекингом, чтобы сохранить свою популярность, прервал переговоры с помощью системы предательства и двуличия, столь же отвратительной, сколь и его первоначальные усилия по продвижению матча. Война с Испанией стала результатом оскорбления, нанесенного инфанте и двору. Теперь был заключен союз с Францией, и принц Чарльз женился на Генриетте Марии, дочери Генриха IV. Затем Палата общин предоставила обильные припасы для войны, чтобы вернуть Пфальц; и монарх, по требованию Ришелье, предоставил свободу совести католикам, которых так долго и упорно угнетали.

Вскоре после этого (27 марта 1625 г.) король Джеймс Умер в Теобальдсе, своем любимом дворце, от болезни, вызванной беспокойством, обжорством и сладкими винами, после двадцатидвухлетнего правления в Англии; и его сын Карл I., прежде чем из его тела испустили дух, был провозглашен королем вместо него.

Курс, которого придерживался Яков I, был принят его сыном; и, поскольку их правление запомнилось одной и той же борьбой, мы будем рассматривать их вместе до тех пор, пока революция не принесла победу защитникам свободы.

Карлу I было двадцать пять лет, когда он начал свое правление. С моральной и социальной точки зрения он был более уважаемым человеком, чем его отец, но имел те же абсурдные представления о королевских прерогативах, то же презрение к народу, ту же неприязнь к конституционным свободам и ту же решимость сохранить абсолютную власть короны любой ценой. Более того, он был озадачен теми же затруднениями, был по уши в долгах, испытывал большие нужды и зависел от Палаты общин в получении помощи в ведении своих войн и поддержании достоинства короны. Но он не учел меняющихся обстоятельств и духа эпохи, а также враждебного и беспокойного характера своего народа. Он скорее увеличил, чем уменьшил отвратительные монополии, которые раздражали нацию во время правления его отца; он цеплялся за все старые феодальные привилегии; он сохранил отвратительного и легкомысленного Бекингема в качестве своего главного министра; а когда Бекингом был убит, он выбрал других, еще более деспотичных и беспринципных; он настаивал на обложении народа налогами без его согласия, проявил неуважение к парламенту и довел нацию до восстания. Во всех своих политических действиях он был увлечен, сделав все возможное для того, чтобы учесть несовершенство человеческой природы. Более мудрый человек увидел бы надвигающуюся бурю и, возможно, предотвратил бы ее. Но Карлу это и не снилось, пока оно во всей своей ярости не обрушилось на его преданную голову и не отправило его в могилу мученика. Мы сожалеем о его судьбе, но еще больше оплакиваем его слепоту. И так велика была эта слепота, что почти кажется, будто Провидение предназначило ему стать жертвой на алтаре человеческого прогресса.

С правления Карла начинается, несомненно, самый захватывающий период английской истории, период, которому историки уделяют больше внимания, чем какой-либо другой великой исторической эпохе, за исключением только Французской революции. Попытка описать основные события этой захватывающей эпохи и правления была бы в этой связи абсурдной; и все же нельзя избежать некоторого упоминания о них.

На протяжении более десяти веков борьба классов. В обществе происходила великая борьба между господствующими орденами и сектами. Победы, одержанные миллионами угнетенных над их различными хозяевами, составляют то, что называется Прогрессом общества. Защитники народа иногда возникали из орденов, к которым они не принадлежали. Таким образом, когда какой-либо великий орден защищает дело народа от тирании и эгоизма другого ордена, тогда народ делает шаг вперед в области гражданской и социальной свободы.

Когда феодализм страшным бременем навалился на людей, "духовенство искало от их имени немного разума, справедливости и человечности, и у бедняка не было другого убежища, кроме церкви, никаких других защитников, кроме священников; и поскольку священники давали пищу нравственной природе человека, они приобрели огромное влияние, и перевес перешел от знати к духовенству". С помощью церкви королевская власть также поднялась над феодализмом и помогла народному делу.

Церковь, получив господство, стремилась затем поработить царей земли. Но королевская семья, заручившись помощью униженной знати и народа, стала доминирующей силой в Европе.

В этой борьбе между знатью и духовенством, а также между духовенством и королями возросла народная власть. народ приобрел политическое значение. Они получили представление о своих правах и своей силе и были полны решимости поддерживать их. Им не нравилась тирания ни знати, ни священников, ни королей; но они направили все свои силы на подавление власти последних, поскольку двое первых уже были унижены.

Борьба народа против королевской власти - это, прежде всего, гениальность английской революции. Вряд ли какой-либо король смог бы устоять перед бурей народного гнева, которая сбросила Карла с его трона. Но ни один король не справился бы хуже, чем он, ни один король не мог оказаться в более неудачном положении; и его собственная неосторожность и безрассудство ускорили катастрофу.

Палата общин, которая приобрела большую силу, дух и популярность во время правления Якова, полностью осознавала трудности и нужды Карла, но не предприняла адекватных или великодушных усилий, чтобы избавить его от них. Некоторые из наиболее буйных радовались им. Они знали, что короли, как и другие люди, эгоистичны и что для людей неестественно расставаться со своими привилегиями и властью без борьбы, даже если эта власть наносит ущерб интересам общества. В средние века бароны, епископы и папы отчаянно сражались в борьбе классов; и только благодаря своим потребностям короли или народ получали то, что они требовали. Король Карл, не более чем папа Бонифаций VIII, отказался бы, как от блага для человека, без принуждения, от своего предполагаемого всемогущества.

Король взошел на трон, обремененный долгами своего отца и дорогостоящей войной, которую народ разжигал, но не хотел оплачивать. Они предоставили ему, чтобы справиться с трудностями и поддержать его честь, ничтожную сумму в сто сорок тысяч фунтов стерлингов и повинности в тоннаже и фунтах стерлингов, но не пожизненно, как это было принято, а на год. Ссора между королем и палатой общин. Ничто не могло быть более раздражающим для молодого короля. Конечно, деньги вскоре были потрачены, и король захотел большего и имел право ожидать большего. Но если бы Палата общин удовлетворила то, что требовал король, он стал бы независимым от них и правил бы тиранически, как короли Англии до него. Поэтому они решили не предоставлять необходимые припасы для продолжения правления, если только король не откажется от прерогатив абсолютного монарха и тех старых феодальных привилегий, которые были отвратительны в глазах народа. Карл был не тем человеком, который пошел бы на подобную сделку. Немногие короли в его эпоху поняли бы ее необходимость. Но необходимость была. Гражданская война была неизбежна без компромисса, при условии, что обе стороны были полны решимости сохранить свои позиции. Но Карл воображал, что простолюдинов можно запугать и заставить подчиниться; и, более того, в случае столкновения со своими подданными он воображал, что он сильнее их и может подавить дух сопротивления. В обоих этих предположениях он был неправ. Палата общин была тверда и сильнее его, потому что пользовалась симпатиями народа. Они искренне верили, особенно пуритане, что он был неправ; что Бог не давал ему божественного права поработать их и что они имели право, в соответствии с вечными принципами справедливости и духом конституции, на гражданскую и религиозную свободу в высшем смысле этого термина. Они верили, что их права неотчуждаемы и абсолютны; что среди них они не могут облагаться налогами без их собственного согласия; и что их конституционные опекуны, Палата общин, должны быть неограниченны в дебатах. Эти представления народа были идеями. На идеях держатся все правительства. Ни один трон не простоял бы и дня, если бы люди не чувствовали, что обязаны ему своей верностью. Когда

главная опора трона Карла была лишена поддержки популярных идей, и эта поддержка, оказанная Палате общин, вступила в спор с государем, что он мог сделать? Что мог сделать Людовик XVI. сто пятьдесят лет спустя? Что мог сделать Луи Филипп в наше время? Король, лишенный лояльности народа, является призраком, насмешкой и заблуждением, если у него нет физической силы, поддерживающей его; и даже тогда армии взбунтуются, если они почувствуют, что не обязаны повиноваться, и если это не в их интересах.

Теперь у Карла не было ни верности, ни силы, чтобы удержать его на троне. Волнения эпохи беспрецедентной смелости в спекуляциях уничтожили первое; Палата общин не стала бы выделять средства для обеспечения второго. И они не предоставили бы припасов, потому что любили себя и дело народа больше, чем своего короля. Короче говоря, только благодаря его уступкам они могли обеспечить его всем необходимым. Он не хотел идти на уступки, и вскоре состязание закончилось призывом к оружию.

Но Чарльз не был без друзей, и некоторые из его советников были советниками Чарльза. советниками были люди проницательные и талантливые. Это правда, что они не до конца оценили слабость короля или силу его врагов; но они видели его отчаяние и пытались устранить его. Они, вполне естественно в такой век, рекомендовали насильственные действия — предоставлять новые монополии, вымогать штрафы, пользоваться всеми его феодальными привилегиями, закладывать драгоценности короны даже для того, чтобы раздобыть денег; ибо деньги, во всяком случае, у него должны быть. Они советовали ему арестовывать буйных и вспыльчивых членов Палаты общин, откладывать выборы и распускать парламенты, привлекать принудительные займы, вводить новые пошлины, закрывать порты, взимать новые налоги и собирать армии, дружественные его делу. Короче говоря, они рекомендовали неконституционные меры — меры, которые и они, и король знали, что они неконституционны, но которые они оправдывали необходимостью. И король, в своем замешательстве, сделал то, что советовали его министры. Но каждый человек, которого отправляли в Тауэр, каждый новый налог, каждый приговор Звездной палаты, каждый захват собственности, каждое произвольное распоряжение, каждое нарушение свобод народа создавали королю новых врагов и разжигали в народе новое недовольство.

Сначала палата общин считала, что они могут добиться желаемого — удовлетворения жалоб, если любимый советник и министр короля будут смещены. Кроме того, все они ненавидели Бекингема — пэры, палата общин и народ, — и все стремились к его падению. У него не было друзей среди народа, как у Эссекса во времена Елизаветы. Его расточительность, пышность и дерзость вызвали отвращение у всех порядков, и его правление казалось оскорблением нации. Даже народ считал его выскочкой, ставящим себя выше старой знати и обогатившимся за счет королевских владений стоимостью в двести восемьдесят четыре тысячи триста девяносто пять фунтов. Таким образом, палата общин яростно атаковала его администрацию и объявила ему импичмент. Но король защищал его и даже назначил командовать экспедицией по освобождению Ла-Рошели, затем осажденной Ришелье. Смерть Бекингема — Петиция о праве. Но он был заколот религиозным фанатиком по имени Фелтон, когда собирался сесть на корабль в Портсмуте. Его тело перевезли в Лондон, и он был похоронен с большой pompой в Вестминстерском аббатстве, сильно оплакиваемый королем, потерявшим своего давнего друга, одного из худших министров, но не худшего человека, которого презирала та эпоха (1628).

Тем временем возмущенная Палата общин упорно продолжала свою работу. Они приняли так называемую "Петицию о праве" — ряд резолюций, в которых утверждалось, что ни один свободный человек не должен содержаться в тюрьме без предания суду и что никакие налоги не могут взиматься законным образом без согласия Палаты общин — двух великих столпов английской конституции, однако эти истины приводили к политическим трудностям, особенно в случаях восстания. Личная свобода субъекта - действительно важный момент; и закон о хабеас корпус, принятый в более поздние времена, является большим шагом к народной свободе; но, если его никогда не приостанавливать, никакое правительство не сможет защититься от заговоров в революционные времена.

Петиция о праве, однако, получила одобрение короля, хотя и неохотно, неохотно и неискренне; и Палата общин, на этот раз удовлетворенная, проголосовала за королевские поставки.

Но Чарльз и не думал сдерживать свое слово и вскоре, как и прежде, прибегнул к неконституционным мерам. Но он чувствовал потребность в способных советчиках. Его "дорогая Стины" была мертва, и он не знал, на кого положиться.

Демон деспотизма создал агента в лице графа Страффорда. Томас Вентворт, человек богатый, талантливый, энергичный и неукротимый; человек, который в начале своей карьеры защищал дело свободы; который даже скорее подвергся тюремному заключению, чем внес свой вклад в незаконный заем, и на которого возлагались надежды либеральной партии. Но он был подкуплен. Его патриотизм не соответствовал его амбициям. Соблазненный званием пэра, и властолюбием, он перешел на сторону короля и защищал его произвол так же рьяно, как прежде защищал дело конституционной свободы. Он был назначен виконтом Вентвортом, а впоследствии графом Страффордом — самым выдающимся человеком роялистской партии и величайшим предателем дела свободы, которое когда-либо знала Англия. Его портрет, написанный Вандайком и повешенный в княжеском зале его потомка, графа Фицуильяма, является точным портретом того, каким его представляет история — холодного, мрачного, отталкивающего, беспринципного тирана, с глазами, способными читать тайны души, с опущенным от заботы и раздумья лбом и решительно сжатыми губами, искаженными презрением к человечеству. Если Вентворт и не любил своих соотечественников, ему нравилось править ими; и он добился своего и оставался премьер-министром абсолютизма до тех пор, пока оскорбленная нация не восстала во всей своей мощи и не положила его голову на плаху.

Под властью этого министра, которого все боялись, пуритане разбежались кто куда, предпочтя пустыни Америки, где царила свобода, прекрасным землям Англии, где свобода попиралась ногами. Правление Якова и Карла памятно сопротивлением и отчаянием этой бесстрашной религиозной секты, в которую были зачислены одни из лучших умов и интеллигентнейших патриотов страны. Говорят, что Пим, Кромвель, Хейзелриг и даже Хэмпден действительно поднялись на борт; но Провидение задержало их в Англии, поскольку им предстояло выполнить там кровавую миссию. В другой главе пуритане, их борьба и принципы будут представлены более полно; и поэтому в этой связи мы воздерживаемся от дальнейших упоминаний. Можно, однако, отметить, что они были самыми непреклонными врагами короля и были полны решимости не давать ему и его министру покоя до тех пор, пока все их цели не будут достигнуты. Они ненавидели архиепископа Лауда даже сильнее, чем Вентворта; а Лауд, если это возможно, был еще большим врагом религиозной и гражданской свободы. Страффорд и Лауд обычно объединяются в описании злоупотреблений произвольной властью. Церковник, однако, был

честным и искренним, вот только его взгляды были узкими, а характер раздражительным. Его пороки были пороками фанатика — такими, как опозоренный Святой Доминик или Торквемада, но недостатки, которые он считал превосходными. Он был энтузиастом высокого церковизма и торизма; и его рвение в защиту королевских прерогатив и божественных прав епископов снискало ему панегирики его друзей, а также проклятия его врагов. Страффордом тоже восхищаются, но только его талантами, его мужеством, его силой — качествами, которые можно увидеть в "Сатане" Мильтона или в картинной галерее героев Карлайла.

В то время как король и его министр собирали принудительные займы и контрибуции, отправляли членов Палаты общин в Тауэр, штрафовали, сажали в тюрьмы и калечили пуритан, новое постановление призвало на помощь энергию великого патриота и человека Джона Хэмпдена. Хэмпден — ярый антагонист надменного Вентворта. Этим новым побором был налог, называемый корабельными деньгами.

Он был разработан верховным судьей Финчем и генеральным прокурором Ноем, двумя подчиненными, но беспринципными орудиями деспотизма, и предназначался для вымогательства денег у внутренних графств, а также у городов, на оснащение кораблей — требование, которого Елизавета при всей своей власти не выдвинула, даже когда ей угрожала испанская армада. Кларендон даже признает, что этот налог был введен не для поддержки военно-морского флота, "а для пружины и магазина, у которых не должно быть дна, и для постоянного запаса на все случаи жизни". И это нация полностью поняла и решила отчаянно сопротивляться.

Хэмпден, хотя и был богатым человеком, отказался выплачивать причитающуюся ему долю, которая составляла всего двадцать шиллингов, сочтя это незаконным налогом. Королевские юристы возбудили против него дело. Хэмпден подал апелляцию на решение судей относительно законности налога, и король разрешил урегулировать этот вопрос в соответствии с законами. Судебный процесс длился тринадцать дней, но закончился осуждением Хэмпдена, который проявил большую умеренность, а также мужество и завоевал расположение народа. Вскоре после этого Хэмпден, как утверждают некоторые историки, решил покинуть Англию со своим двоюродным братом Оливером Кромвелем. Но король помешал отплытию кораблей, на которые сели они и другие эмигранты. Хэмпден был предназначен для новых испытаний и новых трудов.

Примерно через месяц после осуждения Хэмпдена в Шотландии вспыхнуло восстание. в Шотландии вспыхнуло восстание, которое ускорило революционный кризис. Это было вызвано попыткой архиепископа Лауда навязать шотландской нации английскую литургию и вытеснить пресвитерианство епископатом. Революции в Шотландии, начиная со времен Нокса, были популярными; их совершали не великие люди, а распространение великих идей. Народ верил в духовную независимость своей церкви, а не в верховенство короля. Поэтому в тот момент, когда епископальное богослужение было введено властью в Эдинбургском соборе, вспыхнуло восстание, которое быстро распространилось по всем частям страны. Огромная толпа людей прибыла в Эдинбург в знак протеста против нововведения и заполонила все дома, улицы и залы города. Король отправил просителей по домам, не ответив на их жалобы. Они подчинились судебному запрету, но вскоре вернулись в большем количестве. Была создана организация сопротивления и назначено временное правительство. Все классы присоединились к повстанцам, которые, подвергаясь угрозе, но объединившись, в конце концов связали себя

торжественным союзом и пактом не разделяться до тех пор, пока их права и свободы не будут обеспечены. Подавляющее большинство всего населения Шотландии — джентльмены, духовенство, горожане и рабочие, мужчины, женщины и дети — собрались в церкви и поклялись в верности ковенанту. Конечно, для подавления мятежников была необходима сила, и в Шотландии началась гражданская война. Но война увеличила потребности короля, и он был вынужден заключить мир с повстанческой армией.

Прошло уже одиннадцать лет с момента роспуска последнего парламента, в течение которого король пытался править без такового и прибегал ко всем уловкам, которые могли предложить изобретательные королевские юристы, чтобы вымогать деньги. Пошлины, пришедшие в упадок, монополии, от которых отказалась Елизавета, королевские леса, простиравшиеся за пределы, которые были у них в феодальные времена, штрафы, превышающие все мыслимые пределы, бесконечные конфискации, тюремные заключения, пытки и казни — все это ознаменовало эти одиннадцать лет. Сумма только штрафов за этот период составила более двухсот тысяч фунтов стерлингов. Рокингемский лес был увеличен с шести до шестидесяти миль в окружности, а граф Солсбери был оштрафован на двадцать тысяч фунтов стерлингов за вторжение в него. Частные лица и компании владели монополиями на соль, мыло, уголь, железо, вино, кожу, крахмал, перья, табак, пиво, спиртные напитки, сельдь, масло, поташ, льняную ткань, тряпки, хмель, порох и множество других товаров, что, конечно, подрывало всю торговлю страны. Принн был оштрафован на десять тысяч фунтов стерлингов, ему отрезали уши и перерезали нос за написание оскорбительной книги; и его страдания были не больше, чем те, которые испытали многие другие, отстаивая дело истины и свободы.

Наконец, нужды короля вынудили его созвать другой парламент. Он исчерпал все средства для сбора денег. Его армия требовала жалованья, а он был по уши в долгах.

13 апреля 1640 года собрался новый парламент. Он знал свою силу и теперь был полон решимости, Долгий парламент. более чем когда-либо, использовать ее. Оно немедленно взяло власть в свои руки и от протестов и петиций перешло к фактическим военным действиям; от обличения несправедливости и незаконности оно перешло к попранию самой конституции. Это правда, что члены церкви были раздражены и им угрожали, и некоторые из них были схвачены и заключены в тюрьму. Это правда, что король продолжал свой курс и был полон решимости добиться осуществления своих мер насилием. Борьба превратилась в борьбу отчаяния с обеих сторон — борьбу за господство, а не за права.

Одним из первых актов Палаты общин стал импичмент Страффорда. Его только что вызвали из Ирландии, где в качестве лорда-лейтенанта он проявлял почти королевскую власть и королевскую дерзость; он был вызван своим озадаченным и подавленным хозяином, чтобы помочь ему своими советами. Он неохотно подчинился, предвидя бурю. Едва он прибыл в Лондон, как бесстрашный Пим обвинил его в государственной измене. Лорды согласились с обвинением, и властный министр был заключен в Тауэр.

Вскоре последовал импичмент Лауду; но он был слишком искренен в своей тирании, чтобы понять, почему его следует привлечь к ответственности. Его никто не боялся, в отличие от Страффорда, против которого была особенно направлена месть парламента. Секретному комитету, облеченному огромными полномочиями, было поручено тщательно изучить всю его жизнь, и было решено его уничтожить. 22 марта начался его судебный процесс, который длился семнадцать дней, в течение которых он без посторонней помощи снепревозиденным

мастерством защищался от тринадцати обвинителей. Действительно, он изучал своих подопечных и презирал своих противников. При обычных обстоятельствах он был бы оправдан, поскольку не было достаточных доказательств, чтобы обвинить его в государственной измене; но беспринципная и разъяренная группа людей жаждала его крови, и было предложено осудить его биллем о правах, то есть актом парламента, на основании его собственной верховной власти, с соблюдением закона или без него. Законопроект был принят вопреки правосудию, вопреки красноречию низложенного графа. Он был осужден и заключен в Тауэр.

Если бы король был силен, он спас бы своего министра; если бы он был великодушен, он стоял бы рядом с ним до последнего. Но у него не было ни сил спасти его, ни желания идти на адекватные жертвы. Он слабо вмешивался, но в конце концов уступил и дал свое согласие на казнь главного виновника всех его посягательств на конституцию, которую он поклялся поддерживать. Страффорд заслужил свою участь, хотя способ его казни не соответствовал закону.

Через несколько месяцев после казни Страффорда произошло событие, оказавшееся крайне неудачным для королевского дела; и это было Восстание Ирландии. восстание Ирландии и резня протестантского населения, вызванные, в первую очередь, деспотичным правительством Англии, а также суровыми мерами покойного лорда-лейтенанта. В течение нескольких недель английские и шотландские колонии, казалось, были почти вырваны с корнем; была совершена одна из самых ужасных резнь, которые когда-либо происходили. Протестанты преувеличили свои потери; но вполне вероятно, что по меньшей мере пятьдесят тысяч были убиты. Местное правительство Дублина было парализовано. Английская нация была полна смертельной и непримиримой враждебности нетолько к ирландцам, но и к католикам повсюду. Предполагалось, что среди католиков существовал всеобщий заговор с целью уничтожения всей нации; и шептались, что сама королева помогла восставшим ирландцам. Были приняты самые энергичные меры по сбору денег и войск для Ирландии. Палата общин воспользовалась общим духом недовольства и восстания, чтобы подготовить грандиозный протест против зла королевства, причиной которого была "коалиция папистов, арминианских епископов и священнослужителей, а также злых придворных и советников". Палата общин перечислила все бедствия последних шестнадцати лет и заявила о необходимости искоренить их корень, которым была произвольная власть суверена. Король в ответ сказал палате общин, что их протест был непарламентским; что он не может понять, что они имели в виду под порочной партией; что епископы имеют право на свои голоса в парламенте; и что, что касается отстранения порочных советников, они должны назвать, кем они были. Протест был напечатан и распространен Палатой общин, что возымело больший эффект, чем могла бы возыметь армия.

Таким образом, ситуация быстро приближалась к кризису, когда попытка схватить пятерых наиболее непокорных и способных членов парламента завершила его. Членами организации были Холлис, Хейзелриг, Пим, Хэмпден и Строуд; и они были обвинены в государственной измене. Это движение короля было одной из величайших ошибок и одним из самых неконституционных действий, которые он когда-либо совершал. Палата общин отказалась выдать своих членов, и тогда король отправился в палату представителей с вооруженным отрядом, чтобы схватить их. Но Пим и другие узнали о замысле Чарльза и успели ретироваться до того, как он прибыл. "Сбитый с толку тиран вернулся в Уайтхолл со своей компанией браво", в то время как лондонский сити приютил Хэмпдена и его друзей. Магазины были закрыты, улицы заполнены толпами, царило величайшее возбуждение. Друзья Карла, склонявшиеся к

конституционным мерам, были пристыжены. Теперь все опасались, что король не сдержит своего слова или конституции и, несмотря на все свои обещания, по-прежнему будет придерживаться тиранического курса. Все классы, кроме фанатичных роялистов, теперь чувствовали, что нужно срочно что-то предпринимать, иначе их свободы будут подорваны.

Тогда - и не раньше - палата общин открыто бросила ему вызов, в то время как король оставался в своем дворце, униженный, встревоженный и сбитый с толку, "испытывая, - говорит Кларендон, - беспокойство и агонию, которые обычно посещают благородные умы из-за совершенных ими ошибок", или, как говорит Маколей, "презренное раскаяние, которое посещает неумелого злодея, который, попытавшись совершить преступление, обнаруживает, что совершил всего лишь глупость".

Через несколько дней король бежал из Лондона. сбежал из Уайтхолла, который ему больше не суждено было увидеть, пока его не повели через него на эшафот. Он отправился в страну, чтобы собрать силы для контроля над парламентом, и парламент принял энергичные меры, чтобы поставить себя и королевство в состояние сопротивления. 23 апреля король с тремя сотнями всадников двинулся к Халлу, но губернатор отказал ему во въезде. Это было равносильно объявлению войны. Так считалось. Тридцать два лорда и шестьдесят членов Палаты общин отправились в Йорк, чтобы присоединиться к королю. Парламент издал указ о создании армии, и началась гражданская война.

Прежде чем это можно будет проследить, мы должны рассмотреть пуритан, что необходимо для того, чтобы в полной мере оценить Революцию. Правление Карла I. теперь фактически закончилось, и началось правление парламента и Кромвеля.

Разногласия среди восставших пуритан. Сами протестанты появились только во времена правления Елизаветы, и сначала были вызваны трудностями, связанными с одеждой священнослужителей, что снова привело к пропаганде более простых форм богослужения, более строгих правил жизни, более определенных форм веры и более демократических принципов правления, как церковных, так и гражданских. Первыми распространителями этих мнений были иностранные богословы, приехавшие из Женевы по приглашению Кранмера, из которых наиболее выдающимися были Питер Мартир, Мартин Буцер, Джон Ласко. Некоторые англичане, также путешествовавшие по континенту, привезли с собой доктрины Кальвина. Среди них был Хупер, который, получив назначение в епископство Глостер, отказался подчиниться установленной форме хиротонии и приема. Он возражал против того, что он называл аароновскими привычками — квадратной шапочкой, палантином и стихарем, которые носили епископы. Но инакомыслие стало более заметным и решительным, когда изгнанники вернулись в Англию после восшествия на престол Елизаветы и были сторонниками продвижения реформации в соответствии со своими собственными стандартами. Королева и ее советники, как правило, были довольны литургией короля Эдуарда, но большинство изгнанников предпочитали более простые службы в Женеве. Новые епископы, большинство из которых были их товарищами за границей, попытались пока смягчить их, заявив, что они используют все свое влияние при дворе, чтобы добиться для них снисхождения. Сама королева потворствовала неконформизму до тех пор, пока не было установлено ее правительство, но затем твердо заявила, что установила свой стандарт, и настояла на том, чтобы ее подданные

соответствовали ему. Епископы, видя это, изменили свое поведение, отказались от своих обещаний и стали суровыми по отношению к своим несогласным братьям.

Штандартом королевы было Тридцать девять предметов. Она признала, что Священное Писание является единственным правилом веры, но заявила, что люди должны интерпретировать Священное Писание так, как оно изложено в статьях и формулярах английской церкви, в нарушение великого принципа протестантизма, который даже сами пуритане не полностью признавали — права и обязанности каждого человека толковать Священное Писание самостоятельно, независимо от того, противоречит ли его толкование Установленной Церкви или нет.

Первые раскольники не заявляли о первоначальных трудностях и различиях. Это право, но лишь настаивали на том, что определенные моменты, по поводу которых они испытывали сомнения, следует оставить как безразличные. По всем существенным вопросам они, так же как и самые строгие конформисты, верили в необходимость единообразия общественного богослужения и использования меча магистрата для защиты своих доктрин. Стандартом соответствия, по мнению епископов, было верховенство королевы и законы страны; по мнению пуритан, декреты провинциальных и национальных синодов.

Поначалу многие пуритане преодолели свои угрызения совести настолько, что выполнили требуемую клятву и согласились жить в Заведении. Но они допускали множество нарушений, на которые в течение первого года правления Елизаветы власти не обращали внимания. "Одни совершали, - говорит старый автор, - богослужение в алтаре, другие - в церкви; некоторые сидели на скамье, сделанной в церкви; некоторые сидели за кафедрой, повернувшись лицом к народу; некоторые точно придерживались порядка книги; некоторые чередовали псалмы по размеру; некоторые произносили с стихарем, а другие без него. В одних местах стол стоит в центре церкви, в других - в алтаре; в некоторых местах стол стоит у алтаря, на расстоянии ярда от стены, в других - в середине алтаря, к северу и югу. Некоторые совершают причастие в стихаре и чепце, некоторые только в стихаре, другие без него; одни с чашей, другие с чашей для причастия, третьи с общей чашей; одни с пресным хлебом, а некоторые с квасным; одни принимают коленопреклоненными, другие стоя, другие сидя; одни крестят в купели, другие в тазу; одни осеняют себя крестным знамением, другие нет; некоторые служат в стихаре, другие без ;; одни в квадратном колпаке, другие в круглом колпаке; некоторые в колпаке с пуговицами, а некоторые в шляпе, кто-то в одежде ученого, кто-то в обычной одежде".

Эти различия в общественном богослужении, которые многие считали безразличными, а другие чрезмерно преувеличивали, по-видимому, составляли главную особенность ранних пуритан. В отношении верховенства королевы, союза церкви и государства, необходимости поддержки религии законом и теологических догматов разногласий не было. Большинство неконформистов были образованными и благочестивыми людьми и входили в число украшений церкви.

Столичным епископом в то время был Паркер, большой сторонник форм церкви и очень нетерпимый во всех своих мнениях. Он и другие епископы были назначены уполномоченными по расследованию причин инакомыслия и отстранению от должности всех, кто отказывался соответствовать уставу церкви. Так возник знаменитый Суд Церковной комиссии, которым так злоупотребляли во времена правления Якова и Карла.

Под руководством Паркера многие подверглись преследованиям во время правления Елизаветы. их отстранили от жизни за несоответствие требованиям и отправили скитаться в состоянии нищеты. Среди них были одни из самых образованных людей в церкви. У них не было средств к существованию, и они прибегали к прессе, чтобы отстаивать свое мнение. За это с ними поступили еще более сурово; из Звездной палаты был издан приказ, согласно которому никто не должен печатать книги вопреки предписаниям королевы под страхом штрафов и тюремного заключения; и церковным старостам были даны полномочия обыскивать все подозрительные места, где могут быть спрятаны книги. Огромное множество людей пострадало из-за этих тиранических законов.

Но нонконформисты подверглись еще большему насилию. Им было запрещено собираться вместе, чтобы читать Священные Писания и молиться, но они были обязаны регулярно посещать церкви Учреждения под страхом крупных штрафов за небрежное отношение.

В конце концов, обеспокоенные, испытывающие отвращение и раздражение, они приняли решение открыть женевскую службу и полностью выйти из состава Англиканской церкви. Разделение, однажды произведенное (1566 г.), становилось все шире и шире, и вскоре после этого пуритане выступили против притязаний епископов как высшего сословия духовенства. Они выступали против светских достоинств, прилагаемых к епископской должности, против титулов и должностей архидиаконов, деканов и капитулов; против юрисдикции духовных судов; против беспорядочного доступа всех лиц к причастию; к литургии; против запрета самим священнослужителем на публичное богослужение молитвы; против использования крестных отцов и кумовниц; против обычая конфирмации; против богослужения в соборе и органов; против множественности и непостоянства; против соблюдения Великого поста и святых дней; и против назначения священнослужителей. назначение министров короной, епископами или мирянами-покровителями вместо избрания народом.

Теперь раскол был полным и возник из таких мелких разногласий, как отказ преклоняться перед именем Иисуса и использовать крест при крещении.

В наше время пуританам было бы позволено поклоняться Богу по-своему, но во времена Елизаветы им этого не разрешалось. Религиозная терпимость тогда не была понята или практиковалась; и это было ошибкой эпохи, поскольку сами пуритане, когда они получили власть, с большой суровостью преследовали квакеров и католиков. Но в течение всего правления Елизаветы, особенно при жизни архиепископа Паркера, они были в меньшинстве и страдали — как меньшинства всегда страдали — от всех страданий, которые могло причинить неразумное большинство.

Архиепископы гриндал и уитгифт. Гриндал, сменивший Паркера в 1575 году, рекомендовал королеве более мягкие меры; но у нее не было милосердия к тем, кто отрицал верховенство ее королевской совести.

В 1583 году Гриндала сменил доктор Уитгифт, антагонист ученого доктора Картрайта, и он проявил себя правителем церкви в соответствии с мнением ее величества. Он начал самый яростный крестовый поход против нонконформистов и был настолько резок, безжалостен и неразумен, что Сесил — лорд Берли — был вынужден выступить с протестом, будучи гораздо более просвещенным, чем прелат. "Я перечитал, - сказал он, - ваши двадцать четыре статьи и нахожу их настолько любопытно составленными, что думаю, испанская инквизиция

использовала не так уж много вопросов, чтобы заманить священников в ловушку". Тем не менее штрафы, тюремное заключение и виселица продолжали делать свое дело в тщетной попытке подавить мнения, пока через четыре или пять лет после смерти королевы преследования не прекратились.

Но шотландский Соломон, как называли Иакова, подвергся преследованиям при Иакове. возобновил суровость, которую Елизавета сочла разумной смягчить. До сих пор пуритане были в основном пресвитерианами; но теперь поднялись независимые, которые продвинули свои взгляды еще дальше, вплоть до дикости и радикализма. Они были более строгими кальвинистами и склонялись к республиканским взглядам на гражданское правление. Следовательно, они были еще более ненавистны произвольному правительству, чем пресвитериане. Теперь они подвергались преследованиям за свои доктрины веры, а также за свои формы богослужения. Англиканская церковь сохранила тридцать девять статей, но многие из ее ведущих священнослужителей сочувствовали взглядам Арминия, и среди них был сам примас. Доктрины арминиян соблюдались настолько строго, что ни одному человеку в подчинении декана не разрешалось рассуждать о предопределении, избрании, осуждении, действительности или универсальности Божьей благодати. И сам король не желал слушать никаких проповедуемых доктрин, кроме тех, которые он осудил на синоде в Дорте. Но этот акт был направлен против пуритан, которые из всех партий любили проповедовать то, что называлось "Пятью пунктами кальвинизма". Но они дорого заплатили за свою независимость. Джеймс испытывал к ним абсолютную ненависть, считал их сектой, невыносимой в хорошо управляемом государстве, и наказывал их с величайшей суровостью. Их богословские доктрины, их представления о церковном управлении и, прежде всего, их дух демократической свободы были одиозными и отталкивающими. Архиепископ Бэнкрофт, сменивший Уитгифта в 1604 году, превзошел всех своих предшественников в фанатизме, но не обладал их выдающимся интеллектом. Его меры были такими необдуманными, такими досадными, такими раздражающими, такими суровыми и жестокими, что пуритане стали, если это было возможно, еще более отчужденными. По мере народного недовольства и усиления преследований их число увеличивалось как в Шотландии, так и в Англии. С усилением пуританства произошли соответствующие изменения и в Англиканской церкви, поскольку церемонии и формы возросли почти до возрождения католицизма. И такая реакция на Рим, одобренная двором, еще больше разозлила пуритан и привела к неоправданно жестоким высказываниям с их стороны. Их противоречивые трактаты были пропитаны духом горечи и государственной измены, что, по мнению Джеймса, полностью оправдывало тюремные заключения, штрафы и увечья, которым подвергал его министр. Пуритане в отчаянии, пуритане в Изгнании. бежали в Голландию, а оттуда в Новую Англию, чтобы установить среди ее бесплодных холмов и безлюдных лесов то богослужение, которое, по их мнению, было единственно приемлемым для Бога. Преследования возвысили их, и никто не может отрицать, что они отличались моральными добродетелями и духом свободы, которых ни до, ни после не проявлял ни один народ. Почти единственной их ошибкой была нетерпимость к мнениям и удовольствиям многих хороших людей, которые не вступили в их ряды.

Смерть Джеймса не уменьшила их страданий, но к этому времени они настолько размножились, что превратились в партию, слишком грозную, чтобы ее можно было сокрушить. Верховный суд и Звездная палата все еще наполняли тюрьмы и позорные столбы жертвами; но каждый приговор этих судов раздувал пламя недовольства и ускорял катастрофу, которая быстро приближалась. Вулкан, над страшным краем которого стояла королевская семья и надменная

иерархия, теперь издавал те ужасающие звуки, которые указывали на приближающиеся конвульсии.

В те годы, когда Чарльз обходился без парламентов, когда Лауд был одновременно министром и архиепископом, преследования достигли своего апогея, а также народного недовольства. В этот период наибольшая эмиграция пришлась на Новую Англию, и даже Хэмпден и Кромвель подумывали присоединиться к своим собратьям в Америке. Арианство и папство продвигались вперед вместе с пуританством, и все партии готовились к приближающемуся противостоянию. Сторонники королевской узурпации стали более неразумными, друзья народной свободы - более жестокими. Те, кто обладал властью, пользовались ею не задумываясь. История того времени просто такова — деспотизм, стремящийся поставить пуританизм и свободу под свои ноги, и пуританизм, стремящийся свергнуть корону.

Но наибольшие волнения произошли в Шотландии, где люди в основном были пресвитерианами; и именно усердие архиепископа Лауда в подавлении их и попытке изменить религию страны ускорило крушение Карла I.

Со времен Нокса Шотландия была ареной жестоких беспорядков в Шотландии. религиозная вражда. В этой стране реформация с самого начала была народным движением. Все было настолько стремительным, и решенным под руководством бескомпромиссного Нокса, что еще до свержения Мэри с престола все было завершено. В 1592 году, благодаря влиянию Эндрю Мелвилла, пресвитерианское правительство было справедливо установлено, и, как говорят, король Джеймс так выразился: "Я благодарю Бога за то, что я родился во времена света Евангелия и в таком месте, чтобы быть королем самой чистой церкви в мире". Шотландская церковь, однако, переживала серьезную борьбу с периода своего учреждения, с 1560 по 1584 год, когда влияние папы было окончательно уничтожено изгнанием графа Аррана из советов молодого короля. И даже на этом эта борьба не закончилась. Джеймс, понимая, что епископство гораздо больше соответствует монархии, чем пресвитерианство, попытался перестроить шотландскую церковь на английской основе, что привело к недовольству и восстанию. Джеймсу, однако, удалось склонить к неуважению генеральные собрания пресвитерианской церкви и утвердить архиепископа Спотсвуда в главном управлении церковными делами, которые, следует признать, регулировались с большой осмотрительностью и умеренностью.

Когда Карл вззошел на трон, он пожаловался на распущенность шотландского примаса и прислал ему свод правил, с помощью которых тот должен был регулировать свое поведение. Карл также присвоил своему престолу новые звания и постановил, что он, как примас, должен иметь преимущество над всеми светскими лордами, что раздражало гордую шотландскую знать. Кроме того, он рассматривал возможность возвращения десятины и церковных земель в пользу епископального правительства и введения литургии для шотландского народа, подавляющее большинство которого составляли пресвитериане. Это был излюбленный план Лауда, который верил, что вне его церкви вряд ли может быть спасение, и эту церковь он стремился сделать как можно более похожей на католическую, и в то же время сохранить независимость от папы римского. Но абсолютно ничего не было сделано для изменения религии Шотландии, пока Чарльз не приехал в Эдинбург (1633) для коронации, когда для шотландской нации была подготовлена литургия, подвергнутая пересмотру Laud, но которая не была представлена Генеральной ассамблее или какому-либо созыву министров Шотландии и не

была замечена ими. Ничто не могло быть более несвоевременным или необдуманым, чем этот конфликт с религиозными предрассудками народа, ревностно привязанного к своим собственным формам богослужения. Духовенство объединилось с аристократией, а также с народом, осудив поведение короля и его министров как тираническое и несправедливое. Каноны, особенно те, которые подготовил Лауд, были в глазах шотландцев ребяческими и суеверными; они не могли понять, почему протестантский прелат так много внимания уделяет расположению купели или стола для причастия, превращенного в алтарь. Действительно, его литургия была не чем иным, как английским переводом римского миссала, и вызывала отвращение у всех слоев общества. Тем не менее было решено ввести его в церквях, и был назначен день его введения, который приходился на Пасхальное воскресенье 1637 года. Но получилась такая закуска, что эксперимент был перенесен на воскресенье, 23 июля. В тот день архиепископы и епископы, сессионные лорды и магистраты - все они по приказу присутствовали в церкви Святого Джайлса. Но не успел настоятель открыть богослужебную книгу и начать читать из нее, как люди, собравшиеся большими толпами, начали наполнять церковь шумом. Епископ Эдинбургский, который должен был проповедовать, взобрался на кафедру и попытался успокоить буйствующих людей. Но это усилило суматоху, когда пожилая женщина, схватив табурет, запустила им в голову епископа. Палки, камни и грязь полетели вслед за табуреткой с громкими криками: "Долой жреца Ваала!", "Пап, пап!", "Антихрист!" "Опустите его!" Это было началом восстания, которое распространилось из города в деревню, пока вся Шотландия не взялась за оружие, и епископство, как устоявшаяся религия, не было ниспровергнуто. В феврале 1638 года в Эдинбурге был составлен пакт, под которым подписались все классы населения во всех частях Шотландии; а в ноябре в Глазго собралась Генеральная ассамблея, первая за последние двадцать лет, и пресвитерианство было восстановлено в королевстве, если не юридически, то фактически.

Со дня открытия Собрания и до завоевания страны Кромвелем безраздельно властвовала Кирка, и не было никакой силы в правительстве или в стране, способной или склонной сопротивляться или подвергать сомнению ее авторитет. Это был золотой век пресвитерианства, когда духовенство пользовалось автократической властью — своего рода друидическим господством над умами и совестью людей, как в мирских, так и в духовных делах.

Пуританство не проникло в сознание англичан, как это произошло с сознанием шотландцев, Особенности пуританства в Англии. хотя вскоре оно получило господство. Большинство крупных политических лидеров, контролировавших Палату общин и требовавших смерти Страффорда и Лауда, были пуританами. Но не все они были пресвитерианами. В Англии после бегства короля из Уайтхолла независимые привлекли к себе внимание и в конечном итоге захватили бразды правления. Кромвель был независимым.

Разница между этими двумя сектами заключалась главным образом во взглядах на правительство, гражданское и церковное. И пресвитериане, и независимые были закоренелыми кальвинистами, придерживались суровой морали, выступали против веселых развлечений, не любили органы и церемонии, строго соблюдали субботу и придавали большое значение тщательному соблюдению ритуала Моисея. Пресвитериане не отставали от епископальной церкви в ненависти к сектам и свободной прессе. У них была своя модель богослужения, и они заявляли, что она божественного происхождения. Они смотрели на раскол

как на причину распушенности, настаивали на полном единообразии, поддерживали божественное право духовенства на управление церковными делами и требовали меча магистрата для наказания раскольников и еретиков. Они верили в союз церкви и государства, но хотели дать духовенству то влияние, которым оно обладало в Средние века. Они не желали полного падения королевской власти, а лишь стремились ограничить и урезать ее.

Независимые желали полного разрушения церкви и государства и не любили синоды почти так же сильно, как епископов. Они верили, что каждое собрание было отдельной церковью и имело право избирать пастора. Они предпочитали величайшее разнообразие сект господству какой-либо одной с помощью гражданского меча. Они отвергли все духовные суды и заявили о праве каждой церкви отвергать, наказывать или принимать своих членов. В политике они желали полного свержения правительства — монархии, аристократии и прелатства; и были против любого мира, который не обеспечивал бы полной терпимости к мнениям и полного ниспровержения установленного порядка вещей.

Между пресвитерианами и независимыми, следовательно, возникали конфликты среди пуритан. не могло быть никакой прочной симпатии или союза. Они объединились только для того, чтобы сокрушить общего врага; и когда Карл был обезглавлен, а Кромвель пришел к власти, они обратили свое оружие друг против друга.

Великое религиозное противостояние после возвышения Кромвеля развернулось не между пуританами и приверженцами Епископальной церкви, а между различными сектами самих пуритан. Сначала Независимые пришли к согласию с пресвитерианами. Их богословские и этические взгляды совпадали, и оба искренне ненавидели и презирали правительство Стюартов. Но когда пресвитериане получили господство, независимые были опечалены и разгневаны, обнаружив, что религиозная терпимость была заклеена как причина всей ереси и раскола. Находясь у власти, пресвитериане сковали прессу, и их нетерпимость вызвала к жизни знаменитый трактат Джона Мильтона о свободе нелегальной печати — один из самых виртуозных аргументов, которые когда-либо приводили защитники свободы. Идея о том, что любая доминирующая религиозная секта должна быть объединена с политической властью, была фатальной ошибкой пресвитерианства и подняла врагов против него после того, как королевская власть была подавлена. Кромвель был убежден, что дело религиозной свободы будет проиграно, если пресвитерианство, так же как и епископство, не будет разьединено с государством; и отсюда одна из главных причин его прихода к диктатуре. И он даровал более широкую терпимость, чем было прежде известно в Англии, хотя она и не была совершенной. Католики и квакеры не были причастны к благу, которое он даровал своей стране; так трудно людям узнать права других, когда у них власть в их собственных руках.

Реставрация была победой как над независимыми, так и над общим скопищем сектантов, порожденных эпохой беспрецедентного религиозного возбуждения. Трудно представить себе накал страстей, которые распаляли все партии религиозных диспутантов. Характер пуритан. Но если пуританское состязание развило фанатичное рвение, оно также выявило высочайшие качества ума и сердца, которые были известны в любую эпоху. При всех недостатках и слабостях пуритан, никогда еще не жил лучший класс людей — людей с более высоким благочестием, более широкими взглядами или большей бескорыстностью, патриотизмом и моральной ценностью. Они приносили жертвы, которые наш век едва ли может оценить, и сталкивались с трудностями, не имеющими аналогов в истории реформ. Они совершали

ошибки, которые приравнивались к преступлениям, но они совершали их по своей неопытности и рвению продвигать дело религии и свободы. Это были добросовестные люди — люди, которые действовали из страха Божьего и с целью способствовать наивысшему благосостоянию будущих поколений. Они смело пускали свою лодку в неведомое море и героически переносили его опасности и страдания с целью даровать бессмертные благословения своим детям и стране. Более благоразумные люди избежали бы опасностей неизвестного плавания, но такими людьми не был бы предпринят великий эксперимент для человечества. Возможно, она потерпела неудачу, но мир извлек из этой неудачи бессмертную мудрость. Но пуритане были не просто авантюристами или мучениками. Они сделали нечто, имеющее непреходящее значение для человечества, и сделали это силой веры и верностью своей совести, какими бы извращенными они ни были в некоторых отношениях. Пуритане не были приятными спутниками праздных, роскошествующих или легкомысленных людей; они всегда были жесткими, до аскетизма; их выражения выродились в сарказм, и они были враждебны многим невинным развлечениям. Но это были особенности, которые просто служили предметом насмешек, а не позорили и принижали их. Это было небольшим дополнением к их моральной мудрости, их твердой выдержке, их возвышенности чувств, их любви к свободе и их страху Божьему. Таковы люди, которым Провидение предназначено придать импульс обществу и осуществить великие и полезные реформы.

Теперь мы возвращаемся к рассмотрению изменений, которые они пытались произвести в правительстве. Гражданская война, героем которой был Кромвель, теперь привлекает наше внимание.

Отказ губернатора Халла впустить короля был фактически объявлением войны, к которой обе стороны энергично готовились.

Штандарт короля впервые был поднят в Ноттингеме, в то время как штаб-квартира парламентариев находилась в Лондоне. Первым событием, заслуживающим внимания, была битва при Эдж-Хилл (23 октября 1642 года), но она не принесла решающего результата. Действительно, обе стороны не решались ввязываться в отчаянную войну, по крайней мере до тех пор, пока с помощью стычек и военных маневров они не будут лучше подготовлены к ней.

Силы воюющих сторон в этот период были почти равны: у парламентариев были самые способные лидеры. К несчастью короля, после ареста Страффорда у него не было человека с полководческими талантами в качестве советника. Хайд, впоследствии лорд-канцлер и граф Кларендон, был самым способным представителем роялистской партии. Фолкленд и Калпепер тоже были выдающимися людьми, но ни один из них не был равен Пиму или Джону Хэмпдену. Хэмпден.

Последний, несомненно, был самым способным человеком в Англии того времени и единственным, кто мог бы спасти ее от бедствий, обрушившихся на нее впоследствии. На нем были сосредоточены надежды и привязанности нации. Он был велик в совете и великолепен в дебатах. Он был признанным лидером Палаты общин. Он был красноречив, честен, неутомим, проникновен и благоразумен. "Никогда еще человек не внушал нации большего доверия: более умеренные верили в его мудрость; более неистовые - в его преданный патриотизм; более честные - в его прямоту; более интригующие - в его таланты". Он не пожалел ни своего состояния, ни своей личности, как только военные действия стали неизбежны. Он пожертвовал две тысячи фунтов на общественное дело, получил чин полковника и сформировал пехотный

полк, столь хорошо известный во время войны своей зеленой формой и знаменитым девизом своего бесстрашного лидера — "Vestigia nulla retrorsum". Он обладал талантами великого государственного деятеля и великого генерала, а также всеми объединенными качествами, необходимыми для кризиса, в котором он оказался: "доблесть и энергия Кромвеля, пронизательность и красноречие Вейна, человечность и умеренность Манчестера, суровая честность Хейла, смелость и мужество". пылкий общественный дух Сиднея. Другие могли победить; он один мог примирить. Такое отважное сердце, как у него, воспитало кирасиров, которые переломили ход битвы на Марстон-Мур. Такой же опытный глаз, как у него, наблюдал за шотландской армией, спускающейся с высот над Данбаром. Но именно тогда, когда угрюмой тирании Лауда и Чарльза на смену пришел ожесточенный конфликт сект и фракций, жаждущих господства и жаждущих мести; именно тогда пороки и невежество, порожденные старой тиранией, угрожали новой свободе разрушением, Англии не доставало той трезвости, того самообладания, той совершенной здравости суждений, той совершенной прямооты намерений, которым история революций не дает параллели или дает параллель только в Вашингтоне ".[1]

Этот великий человек был удален волею провидения со сцены насилия и раздоров в самом начале состязания. Он был смертельно ранен в одной из тех стычек, в которых до сих пор участвовали подразделения обеих армий и которые сделали кампании 1642-3 годов такими нерешительными, такими утомительными и такими раздражающими — кампании, в которых генералы обеих армий не пожинали лавров и которые создали необходимость в более великом гении, чем до сих пор казалось. Оливер Кромвель. Этим гением был Оливер Кромвель. В битве при Эдж-Хилл он был всего лишь капитаном кавалерийского отряда, а после смерти своего кузена Хэмпдена он был всего лишь полковником. Он действительно был членом Долгого парламента, как и Хэмпден, и привлек к себе внимание членов парламента, несмотря на свой неряшливый вид и бессвязные, хотя и серьезные речи. Под его грубой и шутовской внешностью его таланты не были замечены, за исключением двух или трех пронизательных умов; но вскоре им предстояло проявиться и развиться не в Палате общин, а на поле битвы. Возвышение Оливера Кромвеля вряд ли можно датировать смертью Джона Хэмпдена; и взоры нации были устремлены на него как на своего избавителя лишь некоторое время спустя. Граф Эссекс по-прежнему был командующим войсками, в то время как граф Бедфорд, лорд Манчестер, лорд Фэрфакс, Скиппон, сэр Уильям Уоллер, Лесли и другие занимали высокие посты. Кромвель все еще был подчиненным; но гений преодолевает все препятствия и переходит все границы. Еще не пришло время проявить его великие военные таланты. Период переговоров еще не полностью прошел, и король в своей штаб-квартире в Оксфорде, "этом средоточии чистой, незапятнанной лояльности", все еще надеялся позабавить парламент, выиграть время и, наконец, сокрушить его силы. Принц Руперт — храбрый, пылкий, безрассудный, беспринципный — все еще разорял страну, не получая никаких постоянных преимуществ. Парламент был озадачен, а народ разочарован. В целом силы короля были на подъеме и увеличивались, в то время как заговоры и восстания постоянно раскрывали перед парламентариями грозящую им опасность. Если бы в этот критический момент среди повстанцев не появился способный лидер или если бы Карлу был придан способный генерал, вполне вероятно, что король добился бы своих целей; ибо народный энтузиазм без организации, которую может создать только дух господина, скоро иссякнет.

Состояние противоборствующих сторон, начиная с битвы при Эдж-Хилл и продолжавшееся почти два года, было очень необычным и очень сложным. Король оставался в "Короле" в Оксфорде. Оксфорд, сбитый с толку противоположными советами и озадаченный различными трудностями. Штаб-квартира его врагов в Лондоне была не меньшим очагом интриг и партийной вражды. Пресвитериане были самыми могущественными и почти так же не доверяли независимым, как и королю, и боялись победы над королем почти так же сильно, как поражения от него, а разногласия между различными сектами и лидерами не были секретом в лагере роялистов и, несомненно, поощряли Карла в его бесконечных интригах и притворстве. Но он был не способен на решительные меры, а без них в революционные времена любая партия должна была потерпеть крах. Пока он размышлял и строил планы, до него дошли новости о союзе между Шотландией и парламентом, в котором пресвитериане были заинтересованы в господстве. Это был первый серьезный удар, который он получил с начала войны, и объединенные силы его врагов теперь решились на более энергичные меры.

В начале кампании парламент располагал пятью армиями— шотландской численностью в двадцать одну тысячу человек, эссекской - в десять тысяч пятьсот, Уоллеровской — в пять тысяч сто, Манчестерской - в четырнадцать тысяч и Фэрфаксской - в пять тысяч пятьсот, всего около пятидесяти шести тысяч человек, из которых комитет двух королевств имел в полном распоряжении. В мае Эссекс и Уоллер захватили Оксфорд, в то время как Фэрфакс, Манчестер и шотландцы встретились под стенами Йорка. Таким образом, эти два великих роялистских города были атакованы одновременно всеми силами парламента. Чарльз, окруженный более мощными силами и лишенный помощи принцев Руперта и Мориса, своих племянников, которые отсутствовали в своих мародерских экспедициях, бежал из Оксфорда и направился к Эксетеру. Тем временем он приказал принцу Руперту выступить на помощь Йорку, который защищал маркиз Ньюкасл. Объединенная армия роялистов насчитывала теперь двадцать шесть тысяч человек с многочисленной и хорошо оснащенной кавалерией; и эта огромная сила вынудила армии парламента снять осаду Йорка. Если бы Руперт удовлетворился этим успехом и укрепился в самом сильном городе северной Англии, он и Ньюкасл могли бы удержать свои позиции; но Руперт, вопреки совету Ньюкасла, решился на бой с парламентскими генералами, которые отступили в Марстон-Мур, на берегу Уза, в пяти милях от города.

На следующий день после освобождения Йорка произошла знаменитая битва при Марстон-Муре (2 июля 1644 г.), самая кровопролитная в войне, которая привела к полному разгрому сил роялистов и крушению королевских интересов на севере. Йорк был взят в плен через несколько дней. Руперт отступил в Ланкашир, чтобы набрать свою армию, а Ньюкасл, недовольный Рупертом и тем, какой оборот приняли дела, отступил за моря. Вскоре шотландцы взяли штурмом город Ньюкасл, и весь север Англии перешел в руки победителей.

Эта великая битва была решена благодаря способностям Кромвеля, ныне генерал-лейтенанта армии парламента. Он отличился на всех нижестоящих должностях, на поле боя, при мобилизации войск и на военных советах, за что был повышен до заместителя при графе Манчестере. Но его выдающийся военный гений не был очевиден парламенту до битвы при Марстон-Муре, и теперь взоры нации были прикованы к нему. Кромвель после битвы. Сейчас ему было сорок пять лет, он был в расцвете сил, пылал религиозным энтузиазмом и стремился избавить свою страну от тирании Карла I и всех королей. Он был независимым и радикальным, выступал против епископальной церкви, пресвитериан, шотландцев, всех умеренных людей, всех умеренных мер, любой юрисдикции в вопросах религии и любой власти в политических

делах, которая не исходила непосредственно от людей, которые были призваны руководствоваться своим индивидуальным разумом. Энтузиазм независимых. Он был кумиром Независимой партии, которая теперь начала набирать силу в тот бурный кризис. В течение трех лет пресвитериане были на подъеме, но так и не оправдали надежд восторженных защитников свободы. Попеременно властные и колеблющиеся, фанатичные и умеренные, они стремились обуздать и смирить короля, а не погубить его; подавить епископатство, но установить другую религию мечом магистрата. Их лидеры были робкими, неискренними и разобщенными; лишь немногие из них имели определенные взгляды относительно будущего правления королевством, и они постепенно теряли доверие нации. Но независимые бесстрашно опирались на величие своих абстрактных принципов и без колебаний произносили те могущественные слова, которые разжигали народный энтузиазм, — равенство прав, справедливое распределение собственности и устранение всех злоупотреблений. Прежде всего, они были энтузиастами религии, а также свободы и искренне придерживались доктрин Кальвина. Они питали отвращение ко всем удовольствиям и занятиям, которые отвлекали их разум от размышлений о Боге или реальности будущего государства. Сам Кромвель жил в экстазе религиозного возбуждения. Его язык был языком Библии, и ее торжественные истины были не догмами, а убеждениями для его пылкого ума. В пылу своего рвения и безумных надеждах он наивно воображал, что народ Англии должен был восстать в едином союзе, сбросить все старые оковы священников и королей и руководствоваться во всех своих действиях принципами Библии. Своего рода еврейская теократия должна была быть восстановлена на земле, и он должен был стать органом божественной воли, каким был Иисус Навин в древности, когда он вел израильтян против языческих жителей земли обетованной. До этого времени никакие несоответствия не позорили его. Его молитвы и увещания соответствовали его действиям, и самая скрупулезная недоброжелательность не могла приписать ему ничего, кроме искренности и рвения к делу, которое он так горячо отстаивал. Как магистрат, как член парламента, как фермер или как генерал, он не пренебрегал религиозными обязанностями и был предан очевидным интересам Англии. Такой человек, такой пылкий, полный энтузиазма, честный, патриотичный и способный, конечно, был отмечен как будущий лидер, особенно когда его выдающиеся военные таланты были замечены в Марстон-Муре. С памятного 2 июля он стал самым заметным и влиятельным человеком в Англии. Хэмпден пожертвовал своей жизнью как мученик, а Пим, великий юрист и государственный деятель, умер от истощения. Эссекс не одержал победы, соизмеримой с ожиданиями общественности, и Уоллер потерял свою армию из-за дезертирства и нерешительных мер. И Эссекс, и Манчестер, с их большими поместьями, аристократическими связями и пресвитерианскими симпатиями, боялись обращаться с королем слишком хорошо. Битва при Ньюбери, которая вскоре после этого была выиграна парламентариями, не принесла решающих результатов из-за нерешительности Манчестера. Парламент и нация искали другого лидера, который использовал бы свои преимущества и принял бы более энергичные меры. В этот момент пресвитериане хотели заключить мир с королем, который все еще продолжал свои неискренние переговоры; но было слишком поздно. Независимые получили господство, и их голос был за войну — больше никаких проволок, никаких договоров, никаких полумер, а бескомпромиссную войну. Было ясно, что либо король, либо независимые должны быть абсолютными правителями Англии.

Затем был принят (3 апреля 1645 г.) знаменитый Указ о самоотречении, по которому все члены парламента были отстранены от командования армией, акт, призванный избавиться от Эссекса

и Манчестера и подготовить почву для возвышения Кромвеля. Сэр Томас Фэрфакс был назначен верховным главнокомандующим, а Кромвель был отправлен во внутренние графства набирать рекрутов. Но вскоре стало очевидно, что армия без него ничего не сможет сделать, хотя и была перестроена и усилена; и даже Фэрфакс и его офицеры обратились в парламент с петицией о том, чтобы Кромвеля снова назначили генерал-лейтенантом и главнокомандующим кавалерией; просьба была удовлетворена, и Кромвель вернулся в армию, надеждой и кумиром которой он был.

Он присоединился к ней как раз вовремя, чтобы выиграть самое решающее сражение войны - битву при Нейсби. битва при Нейсби, 14 июня 1645 года. Силы обеих армий были почти уравновешены, и роялистами командовал лично король, которому помогали его самые способные генералы. Но разгром королевских войск был полным, его состояние пошатнулось, и он был изгнан с остатками своей армии из одной части королевства в другую, в то время как победоносные парламентарии были полны ликования и радости. Кромвель, однако, был скромнен и сдержан и приписал победу Богу сражений, слугой которого, как ему казалось, он был в первую очередь.

Парламентская армия продолжила успех Парламентской армии. ее успехи. Монтроз выиграл битву при Элфорде; Бриджуотер сдался Фэрфаксу; Глазго и Эдинбург сдались Монтрозу; принц Руперт был изгнан из Бристоля, и, как считал король, самым позорным образом, что принесло новую радость парламенту и вызвало новую благодарность Кромвеля, одержавшего победу. Из Бристоля армия повернула на юг и столкнулась с теми силами роялистов, которые были в этом квартале, взяла штурмом Бриджуотер, загнала генералов-роялистов в Корнуолл, взяла Винчестер, разгромила Бейзинг-Хаус, богатый провизией, боеприпасами и серебряной посудой, и полностью разрушила все надежды короля на юге Англии. Чарльз тайно бежал из Оксфорда, чтобы вступить в шотландскую армию.

К 24 июня 1646 года все гарнизоны Англии и Уэльса, за исключением тех, что находились на севере, находились в руках парламента. В июле парламент направил свои окончательные предложения королю в Ньюкасл, которые были крайне унижительными и которые он отклонил. Затем между парламентом и шотландцами были начаты переговоры, которые долго тянулись, но в конце концов завершились согласием шотландцев передать короля парламенту для уплаты их пошлин. Соответственно, они отправились домой с взносом в двести тысяч фунтов стерлингов, и король был передан не независимым, а уполномоченным парламента, в котором преобладали пресвитерианские интересы.

На этом этапе (январь 1647 г.) скорее Кромвелю, чем королю, грозила опасность лишиться головы. Пресвитериане, которые не хотели упразднить королевскую власть, но установить единообразие в своем богослужении, начали крайне ревниво относиться к независимым, которые были склонны к более полной терпимости к мнениям и которые стремились к полному свержению многих старых институтов страны. Как только король был унижен и оказался в их руках, было предложено распустить армию, которая славно завершила войну и которая состояла в основном из независимых, и создать новую по пресвитерианскому образцу. Предлогом было то, что состязание было закончено, в то время как на самом деле роялисты были скорее рассеяны и унижены, чем покорены. Было принято решение о том, что в сокращенной армии никто, кроме Фэрфакса, не должен иметь звания выше полковника - мера, направленная непосредственно против Кромвеля, которого пресвитериане теперь

одновременно боялись и которому не доверяли. Но армия отказалась быть распущенной без уплаты задолженности и, более того, двинулась маршем на Лондон, несмотря на решение парламента о том, что она не должна приближаться ближе чем на двадцать пять миль. Парламентом было принято несколько раздражающих резолюций, которые лишь сильнее сплотили армию в сопротивлении парламенту, а также королю. Затем лорды и палата общин проголосовали за то, чтобы перевезти короля поближе к Лондону, и с ним начались новые переговоры, которые не были доведены до конца из-за захвата короля в Холмби-Хаусе корнетом Джойсом с сильным отрядом кавалерии, принадлежащим полку Уолли, вероятно, по наущению Кромвеля и Айртона. Теперь его величество находился в руках армии, своего злейшего врага, и, хотя к нему относились с уважением, на самом деле его тщательно охраняли Независимые генералы. В тот же день Кромвель в спешке покинул Лондон и вступил в армию, прекрасно понимая, что ему грозит неминуемая опасность ареста. Он был радушно принят, и сразу же армия решила не расформировываться до тех пор, пока не будут устранены все национальные обиды, тем самым настроив себя фактически против всех официальных властей. Затем Фэрфакс, Кромвель, Айртон и Хэммонд вместе с другими высшими офицерами явились к королю и заявили, что они не имеют никакого отношения к захвату его персоны, и даже пригласили его вернуться в Холмби-Хаус. Но королю никогда не нравились пресвитериане, и он был готов вместо этого остаться в армии, тем более что ему разрешалось иметь епископальных капелланов и встречаться с кем ему заблагорассудится.

Генералы армии не удовлетворились захватом короля. захват особы его величества, но теперь стал причиной обвинения одиннадцати самых несносных пресвитерианских лидеров парламента, на основании чего они скрылись, в то время как армия продвигалась к Лондону. Парламент сначала оказал демонстративное сопротивление, но вскоре отказался от своего курса и теперь проголосовал за то, чтобы к армии относились с большим уважением и заботой. Теперь всем было очевидно, где находится центр власти.

Тем временем король был переведен из Ньюмаркета в Кингстон, из Хэтфилда в аббатство Воберн, а оттуда в Виндзорский замок, который стал ареной новых интриг и переговоров с его стороны, и со стороны парламента, и даже со стороны Кромвеля. Это был последний шанс, который был у короля. Если бы он сейчас сердечно встал на сторону пресвитериан или независимых, его последующих несчастий можно было бы избежать. Но он ненавидел обе партии, играл с обеими и надеялся победить обе. Он был неспособен увидеть кризис в своих делах или приспособиться к нему. Он был неспособен честно вести дела с какой-либо партией. Его двуличие и лицемерие были полностью доведены до сведения Кромвеля и Айртона из письма короля к его жене, которое они перехватили; и они решили действовать более решительно. Короля стали охранять более тщательно; армия двинулась маршем к ближайшим окрестностям Лондона; был создан комитет безопасности, и парламент был запуган до принятия резолюции, по которой Лондонский сити и Тауэр были переданы Фэрфаксу и Кромвелю. Пресвитерианская партия была навеки подавлена, ее ведущие члены бежали во Францию, а у армии все было по-своему. Парламент по-прежнему считался верховной властью в стране, но он полностью контролировался независимыми лидерами и генералами.

Триумф независимых. победившие независимые затем сделали королю свои знаменитые предложения, как это сделали до них пресвитериане; только условия, которые выдвинули первые, были более либеральными и предоставили бы королю полномочия, почти такие же

большие, какими сейчас пользуется суверен. Но он не принял их и продолжал играть в свою игру kingcraft.

Вскоре после этого королю удалось сбежать из Виндзора на остров Уайт при попустительстве Кромвеля. В замке Карисбрук, где он квартировал, его охраняли строже, чем раньше. Увидев это, он возобновил переговоры с шотландцами и попытался бежать. Но побег был невозможен. Теперь он был в руках людей, которые покушались на его жизнь. Сильная партия в армии, называемая левеллерами, открыто выступала за его казнь и установление республики; и сам парламент решил больше не заключать с ним никаких договоров. Теперь его единственная надежда была на шотландцев, и они приготвилились спасти его.

Хотя правительство страны теперь находилось фактически в руках независимых и армии, положение дел было крайне критическим, и никто другой, кроме Кромвеля, не смог бы вывести господствующую партию из затруднительного положения. В одном квартале был заключен в тюрьму интригующий король в союзе с шотландцами, в то время как партия роялистов ждала первого переворота, чтобы снова восстать с новой силой в различных частях страны. Действительно, произошло несколько восстаний, для подавления которых Кромвелю потребовалась вся энергия. Лондонский сити, в руках которого были денежные средства, в глубине души был пресвитерианином и был крайне недоволен ходом событий. С другой стороны, в армии была большая, упрямая, уравнилельная партия мятежников, которая требовала насильственных действий, которые в то время погубили бы все. Наконец, шотландский парламент проголосовал за то, чтобы собрать силы численностью в сорок тысяч человек, вторгнуться в Англию и спасти короля. Кромвелю, прежде чем он сможет установить мир в стране, необходимо преодолеть все эти трудности. Кто, кроме него, мог бы одержать победу, преодолев столько препятствий и такую очевидную анархию?

Первое, что сделал Кромвель, это восстановил порядок в Англии; и поэтому он получил разрешение выступить против повстанцев, которые поднялись в различных частях страны. Едва они были усмирены, как он услышал о наступлении шотландской армии под командованием герцога Гамильтона. Теперь началась вторая гражданская война, и все стороны с ужасом наблюдали за ее результатом.

Армия Гамильтона оказалась не такой большой, как он надеялся. Тем не менее у него было пятнадцать тысяч человек, и он пересек границу, в то время как Кромвель осаждал Пембрук в отдаленной части королевства. Но Пембрук вскоре сдался; и Кромвель быстрыми маршами двинулся против шотландской армии, более чем вдвое превосходившей его собственную. Враждебные силы встретились в Ланкашире. Хэмильтон потерпел последовательные поражения в "Престоне", "Уигане" и Уоррингтоне. Гамильтон был взят в плен при Уттоксетере 25 августа 1648 года, а его армия вторжения была полностью уничтожена.

Затем Кромвель решил вторгнуться в Шотландию. вторгнуться, в свою очередь, в саму Шотландию и серией военных действий придать армии еще большее превосходство. Он был принят в Эдинбурге герцогом Аргайлом, главой оппозиционной фракции, и был назван "Спасителем Шотландии". Эта страна действительно была раздираема самыми несчастными раздорами, которые генерал-лейтенант Кромвель исправил наилучшим из возможных способов; а затем он быстро вернулся по своим следам, чтобы создать еще большие трудности дома. В его отсутствие пресвитериане сплотились и снова вели переговоры с королем на острове Уайт, в то время как Кромвель был открыто осужден в Палате лордов как амбициозный,

вероломный и вероломствующий. Фэрфакс, превосходящий его по командованию, но уступающий по влиянию, умирал мятежных роялистов, оказавших упорное сопротивление в Колчестере, и все различные партии направляли свои протесты в парламент.

Среди них был примечательный случай из полков Айретона, Инголдсби, Флитвуда, Уолли и Овертона, который обвинил парламент в пренебрежении делами королевства, призвал его провозгласить суверенитет народа и избрание верховного магистрата и пригрозил взять дело в свои руки. Это было в ноябре 1646 года; но задолго до этого рассматривался вопрос о республиканском правительстве, хотя военачальники армии не присоединились к шумихе, поднятой фанатичными уравнилителями.

В разгар бури, вызванной петицией армии, пришло известие, что король был схвачен во второй раз. схвачен во второй раз и был доставлен пленником в замок Херст, расположенный на побережье напротив острова, где он был строго ограничен армейским командованием. Парламент был справедливо возмущен, и дебаты о мире возобновились с удвоенной серьезностью. Вполне вероятно, что во время этого кризиса, когда парламент был так раздражен против армии, с королем был бы заключен мир, а Независимая партия подавлена, если бы армия не приняла самых решительных мер. Разрыв между парламентом и армией был неизбежен. Но Кромвель и армейские главнокомандующие определились со своим курсом. Могучий поток революции больше нельзя было сдерживать. Двадцать тысяч человек поклялись, что парламент должен быть очищен. Утром 6 декабря полковник Прайд и полковник Рич с войсками окружили Палату общин; и, когда члены парламента направлялись в палату представителей, самые несносные были схвачены и отправлены в тюрьму, среди которых были Примроуз, потерявший уши в борьбе с короной, Уоллер, Харли, Уокер и различные другие люди, которые отличились как защитники конституционных свобод. Теперь в Палате общин не осталось никого, кроме примерно сорока независимых, которые были орудием армии и выразили Кромвелю свою сердечную благодарность. "Меньшинство теперь стало большинством", — что не является чем-то необычным в революционные времена, — и со всей серьезностью приступило к работе, которую он давно обдумывал.

Это был Суд над королем. суд над королем, чьи апартаменты в Уайтхолле теперь занимал его победоносный генерал, а сокровища теперь щедро раздавались его победоносным солдатам.

17 декабря 1648 года посреди ночи подъемный мост замка Херст был опущен, и во двор въехал конный отряд. Два дня спустя короля перевезли в Виндзор. 23-го числа Палата общин проголосовала за то, чтобы он предстал перед судом. 20 января Карл Стюарт, король Англии, предстал перед Судом Высшей комиссии в Вестминстер-холле и предстал перед коллегией адвокатов, чтобы этот самопровозглашенный орган судил его пожизненно. В обвинительном заключении ему было предъявлено обвинение в том, что он тиран, предатель и убийца. Перед таким обвинительным актом и перед таким органом достойный, но неудачливый преемник Вильгельма Завоевателя отказался. Он отказался признать юрисдикцию суда. Но торжественное издевательство над судом, тем не менее, продолжалось, и 27-го числа заключенному был вынесен смертный приговор — этому заключенному королю Англии, за несколько лет до этого абсолютному правителю государства. 30 января кровавый приговор был

приведен в исполнение, и душа убитого короля вознеслась к тому Богу, который прощает тех, кто уповает на него, несмотря на все их ошибки, заблуждения и заблуждения. Карьера Карла I. самая печальная в истории Англии. То, что он был тираном, что он пренебрегал законами, по которым поклялся править, что он был узок и фанатичен, что он был лжив в своих обещаниях, что он стремился ниспровергнуть свободы Англии и не понимал нужд и обстоятельств своего времени, вряд ли может быть подвергнуто сомнению. Но следует также признать, что он был искренен в своей религии, честен в своей личной жизни, обладал респектабельными талантами и благими намерениями. Его казнь, или, скорее, его мученическая смерть, произвела глубокое и печальное впечатление во всех христианских странах и была большой ошибкой, допущенной республиканцами, — ошибкой, которой Хэмпден мог бы избежать. Однако его смерть удалила из Англии самого опасного интригана и на некоторое время укрепила власть Кромвеля и его партии, которые теперь имели неоспоримое влияние в правительстве королевства. Поборы и тирания Карла вызвали сопротивление парламента и негодование народа, который тогда был сильно возбужден при обсуждении абстрактных принципов гражданской и религиозной свободы. Сопротивление парламента создало необходимость в армии, а возмущение народа наполнило ее энтузиастами. Армия, окрыленная успехом, забыла о своих связях и обязанностях и узурпировала правительство, которое она уничтожила, и военная диктатура, почти неизбежный результат революции, хотя и носила название республики, сменила деспотизм королей Стюартов. Таким образом, эта республика в следующую очередь требует внимания.

Ссылки.—Стандартные истории Англии. "История английской революции" Гизо. "История восстания" Кларендона. Форстера "Жизнь государственных деятелей Содружества". "История пуритан" Нила. Очерки Маколея. Жизнеописания Бэкона, Рэли, Страффорда, Лауда, Хэмпдена и Кромвеля. Эти работы содержат всю общую информацию. Немногие американские студенты имеют возможность изучить государственные документы Турлоу, или Рашворта, Уайтлока, Дагдейла, или миссис Хатчинсон. ([Вернуться к содержанию](#))

ГЛАВА XIII.

ПРОТЕКТОРАТ ОЛИВЕРА КРОМВЕЛЯ.

О Протекторате. в день казни короля, 30 января 1649 года, Палата общин — будучи всего лишь тенью Палаты общин, но якобы являющейся высшей властью в Англии — приняла закон, запрещающий провозглашение принца Уэльского или любого другого лица королем Англии. 6 февраля Палата пэров была признана бесполезной и опасной, и от нее также отказались. На следующий день королевская власть была официально упразднена. Высшая исполнительная власть была возложена на государственный совет из сорока членов, президентом которого был Брэдшоу, родственник и друг Милтона, который использовал свой бессмертный гений в пропаганде нового правительства. Армия оставалась под командованием Фэрфакса и Кромвеля; военно-морской флот контролировался советом адмиралтейства во главе с сэром Гарри Вейном. Была провозглашена большая терпимость к религии, чем когда-либо прежде, к большому неудовольствию пресвитериан, которые также были раздосадованы тем, что государство было полностью отделено от церкви.

Независимые добивались своей победы со значительной умеренностью, и только герцог Гамильтон и лорды Холланд и Кейпел были казнены за государственную измену, в то время как

несколько других были заключены в Тауэр. Никогда еще столь могущественная революция не совершалась с таким небольшим кровопролитием. Но потребовалась вся мудрость и энергия Фэрфакса и Кромвеля, чтобы подавить ультрарадикальный дух, проникший в несколько подразделений армии, и помешать движениям шотландцев в пользу Карла Стюарта, который уже был провозглашен королем парламентом Шотландии, а в Ирландии - маркизом Ормондом.

Восстание в Ирландии сначала потребовало уведомления нового английского правительства. Кромвель принял ведение войны и должность лорда-лейтенанта. Дублин и Дерри были единственными городами, которые устояли перед парламентом. Все остальные части страны были охвачены восстанием. 15 августа Кромвель и его зять Айретон высадились близ Дублина с армией всего в шесть тысяч пехотинцев и три тысячи всадников; но это была армия Железнобоких и Титанов. За шесть месяцев было произведено полное отвоевание страны. Политика завоевателя была суровой и сомнительной, но она увенчалась успехом. В надежде привести войну к скорейшему завершению Кромвель действовал таким образом, чтобы навлечь ужас на свое имя и проклятия на его память. Штурм Дрохеды и Уэксфорда. Дрохеда и Вексфорд были не только взяты штурмом, но и почти весь гарнизон, насчитывавший более пяти тысяч человек, был варварски предан мечу. Ирландцы трепетали перед таким победителем, и город за городом спешили заключить мир. Кромвель оправдывал свои неоспоримые жестокости необходимостью дела, в котором, как мы можем разумно предположить, он был судьей. Шотландия была в напряжении, и английские дела, едва улаженные, требовали его присутствия в Лондоне. Несовременное завоевание, основанное на принципах филантропии Руссо, не соответствовало вкусу или представлениям Кромвеля. Если бы он потратил на заключение договоров с лживым, хотя и угнетенным народом на несколько месяцев больше, чем он фактически использовал, или в сражениях на принципах военной науки, которые были тогда в моде, дело Независимости было бы потеряно; и это дело, связанное со свободой, в глазах Кромвеля имело большую ценность, чем вся ирландская нация или любая другая нация. Кромвель был предан делу. Принципы для него были всем; люди по сравнению с ними были ничем. Чтобы продвигать принципы, за которые он боролся, он не стеснялся использовать никакие средства или инструменты. В этом он, возможно, ошибся. Но эта политика была секретом его успеха. Мы не можем оправдать его жестокость на войне, потому что трудно оправдать саму войну. Но если мы признаем его необходимость, мы должны помнить, что такой мастер войны, каким был Кромвель, знал свои обстоятельства лучше, чем мы знаем или можем знать. К его бессмертной славе можно сказать, что он никогда не проявлял жестокости, когда считал это ненужным; что он никогда не сражался из любви к борьбе; и что он прекратил борьбу, когда дело, за которое он боролся, было выиграно. И это больше, чем можно сказать о большинстве завоевателей, даже о тех, кто проникнут сентиментальным ужасом перед кровопролитием. Наш мир полон лицемерия. Язык Кромвеля иногда звучит именно так, особенно когда он говорит о "руке Господа" в "этих могущественных переменах", которая "сокращает врагов своей церкви на куски".

Когда завоевание Ирландии было завершено, Кромвель поспешил в Лондон, чтобы получить благодарность парламента и одобрительные возгласы народа; а затем он поспешил в Шотландию, чтобы сразиться с шотландцами, которые заключили договор с королем и были полны решимости утвердить пресвитерианство и королевскую власть. Кромвель теперь сменил Фэрфакса и был назначен генерал-капитаном вооруженных сил Содружества. Кромвель перешел границу, беспрепятственно достиг Эдинбурга, а затем двинулся на двадцатисемитысячную шотландскую армию под командованием Лесли при Данбаре, где

произошла самая отчаянная битва, но которую Кромвель выиграл с удивительной отвагой и мастерством. Три тысячи человек были убиты, десять тысяч взяты в плен, и надежды шотландцев рухнули. Лорд-генерал сделал привал, и вся армия пропела сто семнадцатый псалом, а затем двинулась на столицу, которая открыла свои ворота. Глазго последовал примеру; весь юг Шотландии подчинился; в то время как король бежал в Горную Шотландию, но вскоре собрался с силами и даже принял смелое решение отправиться маршем в Англию, пока Кромвель осаждал Перт. Карл достиг Вустера прежде, чем его настигли, укрепился с шестнадцатью тысячами человек, но подвергся нападению Кромвеля, потерпел поражение и с трудом бежал. Однако он добрался до Франции и спокойно отдыхал, пока его не привез обратно генерал Монк.

Битвой при Вустере. Битва при Вустере 3 сентября 1651 года, которую Кромвель назвал своим "венцом милосердия", положила конец его военной карьере. С того дня и до того времени, когда он стал протектором, самым заметным моментом в его истории является его поведение по отношению к парламенту. И это поведение является наиболее предосудительной частью его жизни и характера; ибо в этом он нарушил те самые принципы, которые первоначально исповедовал, и совершил те же узурпации, которые он осудил при Карле I. Здесь он не был верен себе или своему делу. Здесь он подставил себя под порицание всего потомства; и хотя у него были веские оправдания, а его поступок во многом смягчался, все же было бы насмешкой над всеми моральными различиями не осудить в нем то, что мы осудили бы в другом, или то, что сам Кромвель осудил в убитом короле. Это правда, что он не сразу стал узурпатором, по крайней мере до тех пор, пока обстоятельства, казалось, не оправдали узурпацию — полную невозможность управлять Англией, кроме как путем осуществления прав и привилегий абсолютного монарха. Исходя из принципов целесообразности, он был оправдан и будет оправдан до тех пор, пока его дело отстаивают пристрастные историки или сама целесообразность отстаивается как жизненное правило.

После битвы при Вустере Кромвель в какой-то мере утратил свои демократические симпатии, и, естественно, ввиду больших эксцессов партии, с которой он был связан. Что он желал политики Кромвеля. мы не можем обоснованно сомневаться в общественном благе; и он приспособился к тем обстоятельствам, которые, казалось, способствовали этому, и которых дух дикой демократической вольности, несомненно, не делал. Поскольку это способствовало свержению трона Стюартов и всей системы публичных злоупотреблений, гражданских и церковных, Кромвель одобрял это. Но не более того. Когда это казалось подрывом закона и порядка, великих целей всех гражданских правительств, он выступал против этого. И этим он показал, что был гораздо более консервативен по своему духу, чем часто предполагалось; и в этом консерватизме он походил на Лютера и других великих реформаторов, которые не были безответственными поджигателями, как иногда думают, — людьми, которые разрушают, но не восстанавливают. Лютер в глубине души был консерватором и никогда не стремился к переменам, к которым его не вели бы сильные внутренние бури, — его заставлял делать это голос его совести, которому он всегда повиновался, и верность которому так замечательно характеризовала ранних реформаторов, и ни один класс людей не отличался большей, чем пуритане. Кромвель питал отвращение к правительству Карла, потому что это было правительство, которое не уважало справедливость и бросало вызов высшим законам Бога. Он выступил против него не потому, что Чарльз нарушил конституцию, а потому, что он нарушил правду, равенство и благо нации. Кромвель узурпировал его prerogatives и нарушил английскую конституцию; но он не преступил тех великих первичных принципов истины, ради

которых создаются конституции. Он смотрел дальше конституций на абстрактные законы справедливости; и его никогда нельзя обвинить в том, что он пренебрег ими или оказался слабым или порочным правителем. Он поссорился с парламентом, потому что парламент хотел увековечить свое существование незаконно и подло, и, более того, не желал и не мог справиться со многими трудностями, которые постоянно возникали. Можно предположить, что Кромвель, возможно, таким образом думал: "Я не буду поддерживать парламент, потому что он не будет поддерживать закон; он не будет издавать законы мудро или благотворно; он стремится к собственному благу, а не к благу нации. И поэтому я прекращаю его существование и правлю сам; ибо у меня перед глазами страх Божий, и я полон решимости править по его законам и приумножать его славу". Он был введен в заблуждение; возможно, он был ослеплен амбициями, но он стремился возвысить свою страну; и его усилия во имя нее ценятся и восхваляются теми самыми людьми, которые наиболее сурово относятся к его несомненной узурпации.

Вскоре после этого Длинный парламент был распущен по наущению Кромвеля и превратился в Последний парламент. Последний парламент, как его насмешливо называли, назначил комитет для рассмотрения вопроса о времени прекращения их полномочий. Но битва при Вустере произошла до того, как что-либо было сделано, за исключением определения того, что будущие парламенты должны состоять из четырехсот членов и что существующие члены должны быть возвращены в следующем парламенте на те места, которые они тогда представляли. Наконец, в декабре 1651 года, по настоятельным просьбам Кромвеля, было решено, но лишь небольшим большинством, что нынешний парламент должен распуститься. прекращается в ноябре 1654 года. Таким образом, Кромвелю было очевидно, что парламент, каким бы сокращенным он ни был и состоящий из независимых, завидовал ему, а также стремился увековечить свое собственное существование вопреки всем принципам представительного правительства. Таковы люди, которые сами так жаждут власти, так придирчивы к нарушению справедливости другими, так слепы к нарушению справедливости самими собой. Кромвель был не тем человеком, который допустил бы узурпацию власти группой из сорока или шестидесяти независимых, как бы ни хотел он принять ее сам. Кроме того, местный парламент был неэффективен и не учитывал интересы страны. Были общие жалобы. Но никто не жаловался так горько, как сам Кромвель. Встретившись с Уайтлоком, который тогда был обладателем великой печати, он сказал, что "армия начинает испытывать к ним странное отвращение; что их гордость, амбиции и своекорыстие; то, что они захватывают все почетные места и извлекают выгоду для себя и своих друзей; то, что они ежедневно врываются в новые и жестокие партии; их задержки в делах и намерение увековечить себя и сохранить власть в своих руках; их вмешательство в частные дела между партиями, их несправедливость и пристрастие; скандальная жизнь некоторых из них, дают слишком много оснований для того, чтобы люди сомневались". открывают против них рты; и если не будет какой-то силы, способной остановить их, предотвратить нашу гибель будет невозможно". Эти вещи Уайтлок признавал, но не видел, как их можно было устранить, поскольку и он, и Кромвель получали свои полномочия от одного и того же парламента, который был верховной властью. Но Кромвель считал, что таким людям не на что надеяться и чего бояться; что они разрушат то, что сотворил Господь. "Мы все забываем Бога, - сказал он, - и Бог забудет нас. Он повергнет нас в смятение, а эти люди будут способствовать этому, если их предоставить самим себе". Затем он спросил великого юриста и канцлера: "Что, если человек возьмет на себя смелость стать королем?" — очевидно, имея в виду королевскую власть. Но Уайтлок представил такие веские доводы против этого, что Кромвель отказался от этой идеи, хотя и был полон решимости уничтожить парламент. Затем он

неоднократно проводил совещания с армейскими офицерами, которые сочувствовали ему и поддерживали его. Наконец, когда парламент собирался принять отвратительный законопроект, Кромвель поспешил в Палату представителей, прихватив с собой шеренгу мушкетеров, решив, что он будет делать. Все это он оставил в вестибюле и, заняв свое место, некоторое время прислушивался к дискуссии, а затем встал и обратился к Присутствующим. Распалаясь, он сказал им в резких выражениях, "что они отрицают справедливость, являются деспотичными, нечестивыми людьми, планируют привлечь пресвитериан и, не теряя времени, уничтожат дело, от которого отказались". Сэр Гарри Вэйн и сэр Питер Вентворт поднялись, чтобы возразить, но Кромвель, покинув свое место, прошелся взад и вперед по залу, не снимая шляпы, упрекнул разных членов парламента, которые снова возразили. Но Кромвель, повысив голос, воскликнул: "Вы не парламент. Убирайтесь. Дайте дорогу более честным людям". Затем, топая ногами, дверь открылась, и вошли мушкетеры, а члены клуба разошлись, предварительно дав волю своим чувствам на языке упреков. Большинство из них были вооружены мечами, но никто не оказал сопротивления человеку, которого они боялись, и покорно удалился.

Таким образом, конституция была полностью ниспровергнута, а парламент, так же как и трон, уничтожен. На следующий день Кромвель опубликовал оправдание своего поведения, указав на недееспособность, эгоизм и коррумпированность парламента, в котором были одни из лучших людей, когда-либо имевшихся в Англии, включая сэра Гарри Вейна, Алджернона Сиднея и сэра Питера Вентворта.

Его следующим шагом было издать приказ о продолжении работы всех судов, как и прежде, и созвать новый парламент, члены которого были назначены им самим и его советом должностных лиц. Армия во главе с Кромвелем теперь была верховной властью.

Новый парламент, состоящий из ста двадцати человек, собрался 4 июля, когда Кромвель объяснил причину своего поведения и возвестил о милостях Господа к Англии. Этот парламент не был конституционным, поскольку он был избран не народом Англии, а Кромвелем, и поэтому, скорее всего, стал бы его инструментом. Но если бы выборы были оставлены свободными, пресвитериане вернулись бы в качестве крупнейшей партии, и они разрушили бы дело, которое Кромвель и независимые стремились поддержать. В революциях не может быть полумер. Революции - это соперничество между партиями. Сильнейшая партия достигает господства и удерживает его, если может, — никогда по старым, установленным законам. В английской революции независимые добились этого господства благодаря своей доблести, энтузиазму и мудрости. И их великий представитель правил от их имени.

Новые члены парламента повторно назначили старый Государственный совет, во главе которого стоял Кромвель, упразднили Верховный канцлерский суд, назначили уполномоченных председательствовать в судах справедливости и приступили к другим радикальным изменениям, которые встревожили их великого назначителя, который побудил их самораспуститься и передать свое доверие в его руки под названием "Кромвель принимает протекторат". Лорд-протектор Англии, Шотландии и Ирландии. 16 декабря он с большой pompой занял свой большой пост в канцлерском суде, и была зачитана новая конституция, которая наделяла его всеми королевскими полномочиями. В нем, однако, предписывалось, что он должен править с помощью парламента, который должен обладать всеми функциями и полномочиями старых парламентов, должен быть собран в течение пяти месяцев, должен просуществовать три года и должен состоять из четырехсот шестидесяти членов. Он

предусматривал содержание армии и флота, главой которых был протектор, и постановил, что высшие государственные чиновники должны выбираться с одобрения парламента. Была провозглашена религиозная терпимость и приняты меры по поддержке духовенства.

Так была изменена конституция страны, и республика заменила монархию, во главе которой стоял самый способный человек своего времени. И понадобились все его способности. Англия тогда была вовлечена в голландскую войну. война с голландцами, и внутреннее состояние нации требовало внимания энергичного ума и еще более энергичной руки.

Голландская война велась с большой энергией и ознаменовалась морскими победами Блейка, Дина и Монка над знаменитыми голландскими адмиралами Ван Тромпом и Де Рюйтером. Война была вызвана коммерческой завистью двух наций и нежеланием принца Оранского, который был женат на дочери Карла I., признать посла новой английской республики. Но превосходство, проявленное английскими моряками, вскоре показало голландцам, как опасно провоцировать нацию, которая должна быть их союзником по всем соображениям национальной политики, и поэтому после наиболее успешной войны был с честью обеспечен мир.

Когда война закончилась, у протектора появилось больше свободного времени, чтобы заняться делами дома. Сэр Мэтью Хейл был назначен верховным судьей, а Турлоу - государственным секретарем; дезорганизаторы были наказаны; восстание в Шотландии было подавлено генералом Монком; порядок и закон были восстановлены.

Между тем новый парламент, первый свободно избираемый за четырнадцать лет, вскоре проявил дух оппозиции Кромвелю, отложил голосование по его поставкам и раздражал его всеми возможными способами. Тем не менее, он разрешил членам обсуждать пустяковые темы и тратить свое время впустую в течение пяти месяцев; но, как только позволила новая конституция, он созвал их в Расписную палату, произнес длинную речь, напомнил им об их пренебрежении интересами нации, в то время как они спорили об абстрактных вопросах, даже когда она была окружена опасностями и трудностями, а затем распустил их (22 января 1656 г.).

В течение следующих восемнадцати месяцев он правил, Кромвель правил без парламента. без парламента он без труда добывал припасы и поддерживал свою теперь уже неограниченную власть. За это время он подавил опасное восстание в самой Англии и вел успешную и блестящую войну против Испании, державы, которую он ненавидел со всей силой ненависти, на которую иногда оказывалась способна его нация. В морской войне с Испанией Блейк снова был героем. Во время сражения у испанцев был отвоеван богатый остров Ямайка, владением, которым Англия с тех пор очень дорожит.

Воодушевленный своими успехами, Кромвель созвал третий парламент, который он открыл 17 сентября 1656 года, предварительно исключив сотню членов из-за их политических настроений. Новая Палата проголосовала за продолжение войны в Испании, предоставила достаточные припасы и предложила Кромwelю титул короля. Но его совет яростно воспротивился этому, и Кромвель счел целесообразным отказаться от этого предмета своего сердца. Но его протекторат сохранялся за ним, и он был уполномочен назначить своего преемника.

Однако за короткое время дух нового парламента проявился не только в яростной оппозиции протектору, но и в действиях, которые, в случае их осуществления, снова свергли бы правительство и погрузили Англию в анархию. Было ясно, что протектор не мог править с реальным представительством нации. Поэтому он распустил его; и таким образом положил конец последней попытке Кромвеля править с помощью парламента или, как говорят его сторонники, восстановить конституцию своей страны. Было ясно, что в стране было слишком много партийной вражды и партийных амбиций, чтобы позволить защитнику, скованному законом, осуществлять свои планы по установлению порядка и хорошего правления. Чувство самосохранения заставляло его быть подозрительным и деспотичным, а также запрещать отправление католического культа и ограничивать религиозные права квакеров, социнианцев и евреев. Постоянные заговоры и политическое недовольство этих партий вынудили его править по системе, к которой он поначалу не был склонен. Англия еще не была готова к гражданской и религиозной свободе, к которой поначалу стремились сторонники революции.

Итак, Кромвель теперь решил править единолично. И он правил хорошо. Его армии одерживали победы на континенте, Англию уважали за границы и процветали дома. На должности были назначены самые способные и честные люди. Кафедры университетов были заполнены прославленными учеными, а скамьи присяжных украшали образованные и честные судьи. Он защищал великие интересы протестантизма на Континенте и создавал союзы, которые способствовали политическому и коммерческому величию его страны. Он щедро помогал преследуемым протестантам в долинах Пьемонта и отказывался заключать договоры с враждебными державами, если религиозные свободы протестантов не будут соблюдаться. Он жил в Хэмптон-Корте, старом дворце кардинала Вулси, просто и с достоинством; при его дворе не было замечено ни разврата, ни буйства. Он жил просто и ненавязчиво и до последнего сохранял форму и, возможно, дух своего раннего благочестия. Он окружал себя образованными людьми и покровительствовал поэтам и эрудитам. Милтон был его постоянным гостем, и юный Драйден не был исключен из-за его стола. По крайней мере, внешняя мораль обычно соблюдалась, и при его дворе соблюдалась строжайшая дисциплина.

Если бы жизнь Кромвеля продлилась до шестидесяти десяти лет, история Англии могла бы сложиться иначе в течение следующих двухсот лет. Но не такова была его судьба. Провидение убрало его со сцены его конфликтов и его героизма вскоре после роспуска его последнего парламента. Смерть любимой дочери не давала ему покоя, а заботы правительства подрывали его конституцию. Он умер 3 сентября 1658 года, в годовщину своих великих битв при Вустере и Данбаре, на шестидесятом году жизни.

За две или три ночи до смерти было слышно, как он произносил следующую молитву в ожидании своего скорого ухода: "Господи, хотя я жалкое создание, я в завете с тобою по твоей милости; и я могу, я приду к тебе ради твоего народа. Ты сделал меня, хотя и очень недостойного, жалким орудием для того, чтобы делать им добро и служить Тебе; и многие из них слишком высоко ценят меня, хотя другие желают и были бы рады моей смерти. Господи, как бы Ты ни распорядился мной, продолжай творить добро им. Дайте им последовательность в суждениях, единое сердце и взаимную любовь; и, занимаясь реформацией, продолжайте освобождать их и прославлять имя Христа в мире. Научи тех, кто слишком полагается на твой инструмент, больше полагаться на Себя. Прости тех, кто желает растоптать прах жалкого червяка, ибо они тоже Твой народ. И прости заглупость этой короткой молитвы, даже ради Иисуса Христа. И пожелай мне спокойной ночи, если это доставит Тебе удовольствие. Аминь".

Так завершилась карьера Оливера Кромвеля, самого замечательного человека в списке героев Англии. Его мотивы и честность часто ставились под сомнение, и иногда самыми выдающимися и разборчивыми людьми, но чаще всего горячими сторонниками, которые не сочувствовали его реформам или мнениям. Однако его гений и экстраординарный талант управлять нацией в самый богатый событиями период ее истории никогда не подвергались сомнению. И есть большой класс, и этот класс растет, не ограничиваясь независимыми или республиканцами, которые смотрят на него как на человека, которым обычно руководит суровое чувство долга, как на человека, который боялся Бога и уважал справедливость, как на человека, искренне преданного наилучшим интересам своей страны и заслуживающего высочайших похвал всех просвещенных критиков. Ни один человек никогда не подвергался более экстравагантным восхвалениям, не был объектом более беспощадных оскорблений и более искреннего отвращения. Некоторые не способны видеть в нем ничего иного, кроме как глубокого лицемера и амбициозного деспота, в то время как другие не видят в нем ничего, кроме святого и незапятнанного правителя. У него были свои недостатки; ибо человеческая природа во всех случаях слаба; но, несмотря на это, а также на множество серьезных несоответствий, от которых никакая софистика не может его избавить, его великие и разнообразные достоинства всегда будут давать ему право на звание, присвоенное ему такими писателями, как Воан и Карлайл.

Со смертью Кромвеля республика фактически прекратила свое существование. "Пуританизм без своего короля лишен короля, анархичен, приходит в смятение, шатается и погружается в еще более глубокую анархию". Его сын Ричард, согласно его завещанию, был провозглашен протектором вместо него. Но его правление было недолгим. Со всех сторон посыпались петиции о восстановлении парламента. Он был восстановлен, а также восстановлено королевское правление. вместе с ним и сама королевская власть. Генерал Монк выступил со своей армией из Шотландии и расквартировался в Лондоне. В мае 1660 года Карл II. был провозглашен королем у ворот Вестминстер-холла. Эксперимент с республикой был опробован и провалился. Пуританизм скрыл его лицо. Он больше не был духом нации. Началась мощная реакция. Королевская власть с новым, но замаскированным деспотизмом возобновила свое господство.

Ссылки. — "Жизнь Кромвеля" Карлайла, доктора Воана и Д'Обинье. "История пуритан" Нила. История Англии Маколея. Содружество Годвина. Общие истории Англии. В этой связи можно с пользой почитать прозаические произведения Мильтона, а также различные рецензии и эссе, написанные в последнее время о характере Кромвеля. [\(Вернуться к содержанию\)](#)

ГЛАВА XIV.

ПРАВЛЕНИЕ КАРЛА II.

Немногие события в истории Англии когда-либо приветствовались с большим энтузиазмом, чем реставрация. реставрация Карла II. 25 мая 1660 года он высадился близ Дувра вместе со своими двумя братьями, герцогами Йоркским и Глостерским. 29 мая он совершил свой триумфальный въезд в Лондон. Это был его день рождения, ему исполнилось тридцать лет, и он был в полной зрелости мужественной красоты, в то время как его грациозные манеры и пленительная речь сделали его любимцем народа, а также старой знати. Сезон был полон очарования, и духи всех классов были полны надежды. Все было направлено на то, чтобы придать новый

импульснонародному энтузиазму. Был восстановлен длинный ряд прославленных монархов. Ненавистный огонь религиозного фанатизма, по-видимому, был потушен. Опытный государь, прошедший школу невзгод, обладавший блестящими талантами, дружелюбным характером, очаровательными манерами и необычным опытом, вернулся на трон своих предков и поклялся править по законам, забывать старые обиды и поощрять свободу совести. Больше не должно быть ни солдатского правительства, ни правления человека, враждебного тем удовольствиям и мнениям, которые когда-либо были дороги английскому народу. С возвращением изгнанного принца также должны вернуться радость, мир и процветание. В течение семнадцати лет здесь царили жестокая политическая и социальная вражда, война, тирания, социальные ограничения и религиозный фанатизм. Но теперь порядок и закон должны были быть восстановлены, и царствованию ханжества и лицемерия должен был наступить конец. Справедливость и милосердие должны были встретиться в лице короля, который был представлен обладающим всеми добродетелями и ни одним из пороков своего положения и своего времени. Великое народное ликование. Так рассуждали и чувствовали люди всех классов и состояний. И почему бы им не радоваться восстановлению таких благословений? Дороги были усыпаны цветами, колокола издавали веселый перезвон, улицы были увешаны гобеленами; в то время как члены городского совета с их тяжелыми цепями, дворяне в пышных одеждах, дамы в шелках и атласе, размахивающие носовыми платками, заполнили все балконы и окна; музыканты, танцоры и ликующие толпы — все приветствовали возвращение Чарльза. Никогда в Лондоне не отмечался столь грандиозный юбилей, и никогда монарх не получал таких лестных и преданных обращений. "Грозный монарх, - сказал граф Манчестер в Палате лордов, - я не предлагаю никаких лестных титулов. Вы - желание трех королевств, сила и опора племен народа". "Царственный государь, - сказал один из делегатов, - сердца всех наполнены почтением к вам, доверием к вам, тоской по вам. Все сословия, возраста и пола, высокие и низкие, богатые и бедные, мужчины, женщины и дети, объединяются, вознося к Небесам одну молитву: "Да здравствует король Карл II".; так что английский воздух не восприимчив ни к каким другим звукам, колокола, костры, грохот орудий, крики и возгласы народа не несут в себе никакой другой морали; и его величество не может себе представить, с какой радостью, с каким воодушевлением, с каким излиянием души, с каким выражением восторженных умов огромное скопление людей присутствовало на провозглашении своего самого важного могущественный, самый могущественный и самый несомненный король. Таковы были слова восхищения, обращенные английским народом к сыну короля, которого они убили, и к человеку, известному всеми легкомыслиями и пороками, которые могли унижить монарха. Что мы должны думать об этой общественной радости и общественном подхалимстве после стольких лет упорной борьбы за гражданские и религиозные свободы? Ради чего были битвы при Нейсби и Вустере? Для чего Торжественная Лига и Соглашение? Для чего суд и казнь Карла I. ? Для чего возвышение Кромвеля? Увы! ради чего были все эксперименты и страдания двадцати лет, ломка старых и могущественных обычаев и двадцать лет крови, узурпации и перемен? Каковы были преимущества Революции? Или от этого не было никакой пользы? Как случилось, что целая нация одновременно восстала и свергла своего монарха с трона, которым его предки наслаждались шестьсот лет, а затем, за столь короткое время, возвела на этот старый трон, который, как предполагалось, был ниспровергнут навсегда, сына их оскорбленного и убитого короля? и это без кровопролития, с каждой демонстрацией народного ликования и с каждым внешним знаком раскаяния в своем прошлом поведении. Карл тоже был восстановлен без каких-либо ограничений, с помощью которых нация стремилась ограничить власть его отца. Нация уступила ему больше абсолютной власти, чем когда-либо претендовали самые

амбициозные короли со времен правления Иоанна, — больше, чем он когда-либо осмеливался ожидать. Как нам объяснить эти вещи? И какова мораль, которой они учат?

Очевиден один факт — реакция на революционные принципы. в национальном сознании произошла большая реакция на революционные принципы. Очевидно, что на смену антипатии к королевскому правительству Карла пришло сильное отвращение к правительству Кромвеля. Все классы так же горячо желали реставрации, как раньше поддерживали восстание. Даже старые парламентарии приветствовали возвращение Карла, несмотря на то, что было признано, что протекторат представлял собой энергичную администрацию; что закон и порядок поддерживались; что была провозглашена свобода вероисповедания; что уважались права совести; что поощрялись литература и наука; что нравственность народа была очищена; что религиозные предписания соблюдались; что порок и безумие не поощрялись; что правосудие умело отправлялось; что царили мир и изобилие; что процветание сопровождало английское оружие за границей; и что нация пользовалась таким же уважением за границей, как и у себя дома. Все это признавали те самые люди, которые радовались реставрации. И все же, несмотря на все эти существенные блага, правление Кромвеля было отвратительным. Почему это произошло?

Это можно объяснить только исходя из предположения, что с правлением Кромвеля было связано невыносимое зло, которое с лихвой уравнивало выгоды, которые он давал; или что Чарльз возлагал надежды на национальные выгоды, большие, чем те, которые давала республика; или что нация настолько отклонилась назад в возвышении чувств, что не в состоянии оценить достоинства администрации Кромвеля.

Многое говорит в пользу всех этих предположений. Что касается зла, связанного с республикой, то несомненно, что была поддержана большая постоянная армия, которая была необходима для поддержания правительства протектора, чтобы придать ему эффективность и характер. Эта армия стоила дорого, и люди чувствовали это бремя. Они всегда жалуются на налоги, независимо от того, нужны они или нет. Налоги когда-либо делали любое правительство непопулярным, а администрацию Кромвеля — особенно. И армия показала существование военного деспотизма, который, каким бы императивным ни было требование революции или каким бы неизбежным оно ни было, все равно оставался ненавистным фактом. Англичанам никогда не нравился принцип военного деспотизма. И было горько осознавать, что столько крови и сокровищ было потрачено на то, чтобы избавиться от произвола Стюартов, только для того, чтобы ввести еще более дорогостоящее и деспотичное правительство под названием республики. Более того, глаза народа открылись на моральное разложение, вызванное поддержкой большой армии, без которой власть Кромвеля была бы ненадежной. Возможно, первоначально он желал установить свою власть на гражданской основе, а не на военной; но его желания не были реализованы. Парламенты, которые он собрал, были непрактичными и беспорядочными. Он был вынужден править без них. Но нация не могла забыть этого великого оскорбления их свобод и тех привилегий, которые когда-либо были им дороги. Преобладание гражданской власти на протяжении нескольких столетий характеризовало правительство; и никакие блага не были достаточно велики, чтобы уравновесить зло, в глазах англичанина, от преобладания военного правительства, ни превосходство жизни Кромвеля, ни слава и величие, к которым он возвысил нацию.

Опять же, от Карла II многого ожидали, и в его характере и ранней администрации было много такого, что привело к успехам в правительстве Карла. Содержание. Его манеры были приятными. У него не было личных антипатий или ревности. Сначала он выбрал самых мудрых и лучших из всех сторон в качестве своих советников и министров. Казалось, он забыл старые обиды. Он любил удовольствия; был добродушен и приветлив. Он созвал свободный парламент. Его интересы казались идентичными интересам народа. Он обещал править позаконно. Он открыто не нарушал конституцию. И он восстановил то, что когда-либо было так дорого великой части нации, Епископальную церковь во всей ее красоте и величии, в то время как он не возобновлял преследования пуритан до тех пор, пока не прошло некоторое время после его восстановления. Прежде всего, он распустил армию, которая всегда была неприятна народу — одиозная, обременительная и деспотичная. Гражданская власть снова восторжествовала надвоенной, и возникли обстоятельства, которые сделали свержение свободы очень трудным делом. За время его неудачного и позорного правления произошло много неблагоприятных событий, но их, конечно, никто не ожидал в начале его правления.

Убедительно также третье предположение о том, что нация отступила в моральном плане. Все авторы говорят о сильной реакции на религиозный пыл первых революционеров. Моральное влияние армии оказалось разрушительным для привычек и настроений людей. Когда Чарльза отозвали, существовала сильная любовь к удовольствиям и деморализующим развлечениям. Самая мудрая и лучшая часть нации сетовала на общую распущенность нравов. Религиозные убеждения энтузиастов пережили их симпатии. На смену пылу и честности пришли лицемерие и лицемерие. Неверие таилось во многих сердцах, в которых когда-то пылал религиозный пыл. Недоверие ко всякой филантропии и ко всем человеческим добродетелям было столь же заметным, как и вера в то же самое ранее. Религиозные предписания стали надоедать, и все с горечью вспоминали, что пуритане в дни своего господства жестоко запретили самые любимые удовольствия и освященные веками праздники старой Англии. Но любовь к ним вернулась с удвоенной силой. Майские шесты, борцовские поединки, травля медведей, кукольные представления, боулинг, скачки, пари, танцы на канате, возня под омелой на Рождество, поедание кабаньих голов, посещение театров, заздравные попойки — все эти старомодные способы, с помощью которых англичане искали веселья, были восстановлены. Зло заключалось главным образом в чрезмерности, до которой доходили эти удовольствия; и все, что имело хоть малейшее сходство с пуританами, высмеивалось и презиралось. Нация как нация не любила пуританство или что-либо связанное с ним после того, как прошло глубокое религиозное возбуждение. Люди стыдились молитвенных собраний, того, что они говорили в нос, носили прямые волосы, чопорно одевались, называли своих детей именами Моисей, Иисус Навин, Иеремия, Обадиа и т.д.; короче говоря, всех обычаев и мнений, присущих крайним пуританам. Настолько всеобщим было отвращение к пуританизму, настолько все стремились предаваться удовольствиям, которые были запрещены при правлении Кромвеля, настолько их тошнило от самого названия республиканизма, от этого Провала пуританского эксперимента. Можно сказать, что пуританизм оказался в Англии сигнальным провалом.

Таковы были некоторые из причин народного одобрения реставрации Карла II, и мы не можем рассматривать их совершенно беспристрастно. В Англии существовало умонастроение, столь же благоприятное для посягательств королевской власти, сколь двадцать лет назад оно было неблагоприятным.

Карл не был ни великодушным, ни честным, ни патриотичным королем; и поэтому мы, естественно, могли бы ожидать роста абсолютизма во время его правления. Прогресс абсолютизма действительно является одной из его особенностей. На какое-то время это требует нашего внимания.

При реставрации Карла II его подданные не ставили никаких особых условий относительно своих свобод, которые были неосторожно вверены в его руки. Но поначалу он, казалось, не был склонен хвататься за большие полномочия, чем те, которые ему предоставляла конституция. Он имел право назначать высших должностных лиц государства, привилегию накладывать вето на законодательные акты, контролировать армию и флот, регулировать все иностранные сношения и право заключать мир и войны. Но конституция не позволяла ему править без парламента или повышать налоги без его согласия. Парламент мог предоставлять или отказывать в поставках по своему усмотрению, и все денежные законопроекты разрабатывались и обсуждались только в Палате общин. Таковы были великие принципы английской конституции, которые Карл поклялся соблюдать.

Первая форма, в которой проявился вспыльчивый нрав короля, заключалась в отмене Трехлетнего билля. Трехлетний билль должен быть отменен. Это действительно было сделано парламентом, но под королевским влиянием. Этот законопроект предусматривал не то, что парламент должен собираться каждые три года, а то, что интервал между сессиями не должен превышать этот период. Но этот мудрый закон, который был принят путем всеобщего одобрения во время правления Карла I. и за который проголосовал даже Кларендон, был принят Карлом II с уважением, как подрывающий свободу его короны; и податливый, дегенеративный и лстивый парламент удовлетворил его желания.

Примерно в то же время был принят Закон о корпорациях, который обязывал всех магистратов и доверенных лиц корпораций поклясться, что они считают незаконным под каким бы то ни было предлогом поднимать оружие против короля. Пресвитериане отказались принести эту присягу, и поэтому они были лишены почетных должностей. Этот закон тяжело ударил по всем группам инакомыслящих иримско-католиков, первые из которых подвергались самым жестоким преследованиям в это царствование.

Следующей наиболее заметной попыткой Карла расширить свою власть независимо от закона был его Тайный союз с Людовиком XIV. тайный союз с Людовиком XIV. Это не было известно нации и даже немногим из его министров, и это был самый позорный поступок за все время его правления. За жалкое жалованье в двести тысяч фунтов в год он был готов поступиться интересами королевства и стать рабом самого амбициозного монарха в Европе. Он стал пенсионером Франции и все же не почувствовал своего позора. Кларендон, как бы он ни был привязан к монархии и дому Стюартов, не мог присоединиться к нему в его низменных интригах и поэтому потерял, как и следовало ожидать, королевскую милость. Он был спутником и советником Карла в дни его изгнания; он пытался разжечь в его сознании стремление к великим деяниям и добродетелям; он верно служил ему в качестве канцлера и премьер-министра; он был беспристрастен и неподкупен; он был так же привязан к епископату, как и к монархии; он даже советовал Карлу править без парламента; и все же он был опозорен, потому что не выполнял всех желаний своего беспринципного хозяина. Но Кларендон, тем не менее, был непопулярен в стране. Он посоветовал Чарльзу продать "Дюнкерк", самый гордый трофей Революции, и построил для себя великолепный дворец на месте нынешнего отеля "Кларендон"

на Албемарл-стрит, который люди называли "Дюнкерк-хаус". Он был гордым, напыщенным и диктаторским и был крайне враждебен всем демократическим влияниям. Он был слишком хорош для одной партии и недостаточно хорош для другой, и поэтому пал наземь; но он удался, если не с достоинством, то, по крайней мере, в безопасности. Он уехал на Континент и там написал свою знаменитую историю Великого восстания, частичную и горькую историю, но ценный отчет о великих событиях эпохи революции, свидетелем которых он был и которые он ненавидел.

Карл получил взятку в двести тысяч фунтов стерлингов от французского короля в надежде стать независимым от его парламента и с условием оказания помощи Людовику XIV. в своих агрессивных войнах против свобод Европы, особенно Голландии. В душе он был абсолютистом и радовался победам "Великого монарха". Но этого едва ли хватало даже для его удовольствий, не говоря уже о том, чтобы поддерживать обычную пышность монархии, а также гражданскую и военную мощь государства. Поэтому ему пришлось прибегнуть к другим средствам.

Случилось так, что, к счастью для его посягательств, но к несчастью для нации, английский парламент в тот период отличался большей продажностью и подхалимством парламента. коррумпированный, продажный, подлый и лживейший, чем в любой период правления королей династии Тюдоров или в любой последующий период правления ганноверских принцев. Палата общин не оказала возмущенного сопротивления; она выдвинула лишь несколько энергичных возражений, но покорно согласилась с мерами Карла и его министров. Ее члены покупались и продавались с неприкрытой легкостью и даже были подкуплены агентами французского короля. Один член получил шесть тысяч фунтов за свой голос. Двадцать девять членов получали от пятисот до тысячи двухсот фунтов стерлингов в год. Карл I. пытался править, находясь в оппозиции к парламенту; Карл II. развращая его. Следовательно, это было почти безмолвно ввиду его своевольного характера, его неоднократных посягательств и его никчемной общественной репутации.

Одним из его худших поступков было закрытие Казначейства, где банкиры и торговцы имели привычку вносить деньги под залог фондов, получая большие проценты в размере от восьми до десяти процентов. Закрыв казначейство, банкиры, не имея возможности снять свои деньги, прекратили выплаты; следствием этого стала всеобщая паника, во время которой произошло много крупных банкротств. Этим подлым нарушением общественного доверия Чарльз получил миллион триста тысяч фунтов стерлингов. Но это подорвало его популярность больше, чем любое из его действий, поскольку он прикасался к карманам людей. Ненависть, однако, пала главным образом на его министров, особенно на тех, кто получил прозвище Кабала, из-за того факта, что инициалы их имен содержали этот отвратительный термин упрека, не незаслуженный в их случае.

Этими пятью министрами были Клиффорд, Арлингтон, Бекингем, Эшли и Лодердейл, и они были великими орудиями его тирании. Никто из них не обладал талантами или дерзостью Страффорда или узостью и фанатизмом Лауда; но их советы были вредны для нации.

Клиффорд и Арлингтон были довольно респектабельными людьми, но безразличными к славе и позору своей страны; в то время как Бекингем, Эшли и Лодердейл были в значительной степени расточительными, беспринципными и бесчестными. Они помогли Чарльзу развратить парламент и обмануть нацию. Они сняли все ограничения с его воли и потворствовали его

порочным вкусам. Именно по их предложению король закрыл казначейство. Они также выступали за ограничения в отношении прессы. ограничения в отношении прессы.

Эти ограничения были еще одной мерзостью в правление Карла, но они всегда были свойственны деспотическому правительству. Ни одна книга не могла быть напечатана за пределами Лондона, Йорка или университетов. Но все это было сделано не только с целью заковать разум в кандалы, но и для предотвращения тех клеветнических измышлений, которые делали правительство смешным в глазах народа.

Ничто не вызывало большего народного возмущения во время этого правления, чем конфискация Корпорации Лондонского сити. Власть демократии в то время принадлежала корпорациям, и до тех пор, пока они руководствовались духом свободы, не было никакой перспективы получить парламент, полностью подчиненный королю. Было решено отобрать у них хартии, а печально известный судья Джеффрис был признан самым послушным орудием королевской власти в подрыве свобод страны. Лондонская корпорация, однако, получила обратно свой устав, уступив королю право назначать мэра, регистратора и шерифов.

Среди других нарушений конституции было наложение штрафов на присяжных заседателей, когда они отказывались действовать в соответствии с указаниями судей. Присяжные постоянно подвергались запугиванию, а их привилегии были ограничены. Более того, новый парламент не был созван по прошествии трех лет после роспуска старого, что было тем более предосудительным нарушением, что королю нечего было опасаться новой Палаты общин, члены которой соперничали друг с другом в низменном подчинении королевской воле.

Но их подхалимство было ничем по сравнению с тем, что обычно демонстрировали епископы и духовенство Официальной Церкви. С кафедр проповедовалось абсолютное непротивление, и доктрина высмеивала то, что власть исходит от народа. Божественные права королей и божественное установление абсолютной власти были темами богословов, в то время как Оксфорд провозглашал доктрины, достойные Марианы и иезуитов.

Таким образом, различные влияния способствовали превращению Карла II в монарха. абсолютизм в Англии — суды, парламенты, университеты и Англиканская церковь. Если бы он был так же честолобив, как любил удовольствия, так же способен править, как рассказывать истории за обеденным столом, он бы, подобно Людовику XIV, воссел на абсолютный трон в Англии. Но он был слишком легкомыслен, слишком беспечен, слишком любил удовольствия, чтобы сосредоточить свои мысли на разработке средств порабощения своих подданных.

Однако не следует предполагать, что все его подданные были безразличны к его посягательствам, несмотря на бурную реакцию, последовавшую за либеральными настроениями. Перед его смертью начал проявляться дух сопротивления, и сам парламент ввел некоторые ограничения королевской власти. Закон о Хабеас корпус. Был принят закон о Хабеас Корпус, самый важный со времен провозглашения Великой хартии вольностей, и под влиянием одного из его бывших министров, Эшли, ныне ставшего графом Шефтсбери, который встал на сторону народа, после того как служил всем сторонам, но всегда с целью продвижения своих собственных интересов, человека огромной разносторонности ума, большой проницательности и разносторонней образованности. Если бы Карл продержался на троне дольше, нет сомнений, что нация в конце концов пробудилась бы к сопротивлению его духу посягательства, поскольку принципы свободы были провозглашены не напрасно.

Карл II. был тираном и одним из худших королей, когда-либо сидевших на английском троне. Его главным недостатком было отсутствие серьезности характера, что делало его безразличным к благополучию своей страны. Англия во время его правления была низведена до сравнительного ничтожества в глазах иностранцев, ее не боялись и не уважали. Ее король не был ни могущественным другом, ни непримиримым врагом и предоставил Континентальным державам преследовать свои собственные цели без помех. Большинство администраций английских королей взаимосвязаны со всей системой европейской политики. Но правление Карла в основном интересно в связи с внутренней историей Англии. Эта история состоит главным образом из интриг министров, придворных интриг, удовольствий и безумств короля, нападков, которые он совершал на конституцию без какой-либо прямой войны со своим парламентом, и системы религиозных преследований, которая была самой нетерпимой.

Король в душе был католиком, и все же преследование католиков - одно из самых знаменательных событий того времени. В наше время мы с трудом можем представить себе дух недоверия и страха, который пронизывал национальное сознание по отношению к католикам. Верили любой клевете. Каждое незначительное нарушение преувеличивалось почти всеми классами общества, как епископами, так и пресвитерианами и независимыми.

Самым запоминающимся из всех заблуждений и клеветы того времени были лжесвидетельства беспринципного негодяя по имени Титус Оутс. Титус Оутс, который воспользовался всеобщим увлечением для продвижения своих личных интересов. Как искусный политик, ему достаточно было воззвать к доминирующей страсти или предрассудку, и он был уверен в том, что сколотит состояние. Подобно хитрому популярному оратору, ему нужно было только разжечь страсти народа, и он прослыл бы гением и пророком. Мало кто настолько абстрактен и холодно интеллектуален, чтобы не руководствоваться в основном своими вкусами или страстями. Даже люди с сильным интеллектом часто имеют сильные предрассудки, и нужно только стать хозяином над ними, чтобы вести за собой тех, кто бесконечно выше их. Нет никаких доказательств того, что все, кто преследовал католиков во времена Карла, были либо слабыми, либо невежественными. Но есть свидетельства безграничной враждебности, традиционной ненависти, не намного уменьшившейся со времен Порохового заговора Гая Фокса. Вся нация была готова поверить во что угодно против католиков, и особенно против их церкви, которая считалась преследующей и дьявольской во всех своих принципах и во всей своей практике. В таком состоянии общественного сознания Оутс сделал свои отвратительные разоблачения.

Он был несостоявшимся священнослужителем Устоявшейся Церкви и лишился касты за позорные нарушения. Но он заявлял, что ненавидит католиков, и такая добродетель обеспечила ему друзей. Среди них был преподобный доктор Тондж, человек очень слабый, очень доверчивый и полный опасений относительно интриг католиков, но честный в своих страхах. Оутс отправился к этому священнику, и между ними был согласован план, с помощью которого Оутс должен был узнать о предполагаемых интригах Римской церкви. Он исповедовал католицизм, уехал на Континент и поступил в католическую семинарию, но вскоре был уволен за свои скандальные нарушения. Но он был католиком достаточно долго для своих целей. Он вернулся в Лондон и обнародовал свои Откровения Оутса. притворные открытия, среди которых он заявил, что иезуиты предприняли попытку восстановить католическую религию в Англии силой; что они были полны решимости лишить жизни короля и на самом деле предложили взятку в пятнадцать тысяч фунтов стерлингов королевскому врачу; что они планировали сжечь Лондон и поджечь все суда на Темзе; что они замыслили устроить всеобщую резню

протестантов; что французская армия вот-вот вторгнется в Англию; и что все ужасы Святого Варфоломея должны были повториться снова! Какими бы нелепыми ни были эти утверждения, им поверили, причем без малейших доказательств; так велико было национальное увлечение. Король и герцог Йоркский оба объявили все это подлогом и посмеялись над легковерием народа, но у них не хватило великодушия помешать торжеству клеветников. Но показаний Оутса было недостаточно, чтобы осудить кого-либо, закон требовал двух свидетелей. Но в наш коррумпированный век можно было легко найти лжесвидетелей. Был подкуплен печально известный негодяй по имени Бедлоу, человек, который был заключен в тюрьму в Ньюгейте за мошенничество. Другие, столь же беспринципные, вскоре были добавлены к списку доносчиков, и никакая клевета, какой бы грубой и абсурдной она ни была, не помешала людям верить им.

Случилось так, что человека по фамилии Коулман заподозрили в интригах. Его бумаги были обысканы, и, к сожалению, некоторые отрывки в них, казалось, подтверждали заявления Оутса. Беспристрастному взгляду эти бумаги просто свидетельствовали о желании и надежде, что католическая религия будет восстановлена, принимая во внимание пристрастия Чарльза и Джеймса и общее положение дел, точно так же, как можно предположить, что какой-нибудь восторженный миссионер-иезуит из долины Миссисипи написал своему настоятелю, что Америка находится накануне обращения в католицизм.

Но всеобщее брожение еще больше усилилось из-за исчезновения видного мирового судьи, который принимал показания Оутса против Коулмана. Сэр Эдмондсбери Годфри был найден мертвым со всеми признаками насилия в поле недалеко от Лондона и, вероятно, был убит какими-то фанатиками из общины Римской церкви. Но если так, то убийство было большой ошибкой. Это было хуже, чем преступление. Вся община обезумела от ярости и страха. Уголовные законы против католиков. Старые уголовные законы строго соблюдались в отношении католиков. Тюрьмы были заполнены жертвами. Лондон выглядел как осажденный город. Дома католиков повсюду подверглись обыску, и две тысячи из них были заключены в тюрьму. На улице были установлены столбы, чтобы при первой тревоге на них можно было накинуть цепи. Были вызваны военные, железнодорожные оркестры и добровольцы. Сорок тысяч человек ночью содержались под стражей. Многочисленные патрули проšli по улицам. Ворота дворца были закрыты, а городская стража удвоена. Оутс был объявлен спасителем своей страны, поселился в Уайтхолле и получал пенсию в тысячу двести фунтов в год.

Тогда пролилось больше невинной крови, чем было пролито за долгое время. Католики, которые были благородны, и католики, которые были малоизвестны, были одинаково убиты по суду; и суды справедливости, вместо того чтобы быть местами убежища, были опозорены самыми отвратительными поступками. Каждый день появлялись новые свидетели преступлений, которых никогда не было, и приносились в жертву новые жертвы, чтобы успокоить гнев предубежденных людей. Среди этих жертв народного безумия был граф Стаффорд, почтенный дворянин шестидесяти девяти лет, против которого не было найдено достаточных улик, чтобы обвинить его; и чье единственное преступление заключалось в том, что он возглавлял католическую партию. И все же Палата пэров признала его виновным, пятьдесят пять из восьмидесяти шести проголосовавших за его казнь. Он умер на эшафоте, но с величайшим спокойствием, прощая своих преследователей и сострадая их заблуждениям. Однако

следующее поколение, во время правления Георга IV, изменило его решение, воздало должное его памяти и вернуло его потомкам их положение и состояние.

Если другие выдающиеся жертвы не пострадали, преследование, тем не менее, было направлено по другим каналам. Парламент принял закон, согласно которому ни один человек не должен заседать ни в одной из палат, если он ранее не принес присягу о преследовании инакомыслящих. верность и превосходство, и подписался под заявлением о том, что поклонение Римской церкви было идолопоклонством. Католики были лишены права возбуждать иск в любом суде, получать какое-либо наследство и выступать в качестве душеприказчиков или управляющих имуществом. Этот ужасный законопроект, объявлявший вне закона всекатолическое население, неоднократно проваливался, но под влиянием паники, которую посеяли Оутс и его сообщники, теперь был триумфально принят. Сам Карл дал свое королевское согласие, потому что боялся остановить поток народного увлечения. И английская нация позволила пройти ста тридцати годам, прежде чем гражданские ограничения католиков были устранены, и то только благодаря самым напряженным усилиям такого государственного деятеля, как сэр Роберт Пиль.

Приятно сознавать, что справедливость наконец-то настигла главных виновников этого дьявольского увлечения. Во время правления Джеймса II Оутс и другие были наказаны по заслугам. Авторитет Оутса постепенно угас. Его оштрафовали, посадили в тюрьму и били плетью у позорного столба до тех пор, пока сама жизнь почти не покинула его. Он умер без оплакиваний и ненависти, оставив после себя всем потомкам позорную славу.

Но страдания католиков во время этого правления с лихвой превосходили страдания раскольников, которые подвергались жестоким преследованиям. Все различные протестантские секты были отвратительны и смешны в глазах короля. Их считали враждебными по своим симпатиям и предательскими по своим замыслам. Их штрафовали, сажали в тюрьму, калечили и били кнутом. Был принят Акт о единообразии, который восстановил старые уголовные законы Елизаветы и который подверг наказанию всех, кто не пользовался Книгой Общей молитвы и строго придерживался ритуала Англиканской церкви. Олигархическая власть епископов была восстановлена, и две тысячи священников были лишены средств к существованию и вынуждены искать ненадежную поддержку. Многие другие акты вопиющей несправедливости были приняты послушным парламентом и жестоко приведены в исполнение бесчувственными судьями. Но религиозное преследование инакомыслящих не было завершено до правления Джеймса, по милости или указанию которого бесчеловечные Джеффри совершили самые ужасные преступления, которые когда-либо совершались с санкции закона. Но на это будет уместнее обратить внимание при правлении Якова II. Карл не был таким жестоким по характеру или фанатичным в своих чувствах, как его брат Джеймс. Он был скорее Галлионом, чем гонителем. Он скорее позволил бы что угодно, чем позволил бы прервать его удовольствия. Им управляли его фавориты и его женщины. У него не было достаточно морального возвышения, чтобы быть серьезным в чем-либо, даже быть фанатиком в религии. Он колебался между неверием Гоббса и римскими суевериями. Он жил насмешником, а умер католиком. Характер у него был покладистый, но настолько покладистый, что не смог предотвратить преследование и гибель своих лучших сторонников, когда они стали ненавистны нации. Если он был неспособен к вражде, он также был неспособен к дружбе. Если он никого не ненавидел с затянувшейся злобой, то только потому, что было слишком сложно ненавидеть настойчиво. Но он любил с не большим постоянством, чем ненавидел. У него не

было ни патриотизма, ни понимания морального совершенства. Он предпочел бы увидеть, как половина лондонских торговцев разорится, а половина инакомыслящих будет замурована в мрачных тюрьмах, чем потерять два часа бесславного флирта с одной из своих многочисленных наложниц. Более презренный принц никогда не сидел на английском троне или тот, все правление которого было опозорено более постоянной чередой политических ошибок и социальных преступлений. И все же он никогда полностью не терял своей популярности, и его правление не считалось таким обременительным, как правление протектора Кромвеля, показывая тем самым, как мало моральное превосходство правителей обычно ценится своевольным или ослепленным поколением. Мы не любим обличителей наших грехов или противников наших удовольствий. Мы любим тех, кто пророчествует приятные вещи и "взывает о мире, когда мира нет". Таков человек в своей слабости и своем вырождении; и только всемогущая сила может изменить этот обычный нрав преданных к удовольствиям и бесславным завоеваниям.

Одним из самых печальных событий во время правления Чарльза была казнь Рассела и Сиднея. казни лорда Рассела и Алджернона Сиднея. Вместе с несколькими другими великими людьми они были вовлечены в заговор, имевший своей целью восстановление большей свободы. Они замышляли восстание, известное под названием "Заговор Рай-Хауса", но оно было раскрыто, и Рассел и Сидни стали мучениками. Первый был сыном графа Бедфорда, а второй - братом графа Лестера. Рассел был преданным церковником, человеком чистой морали и очень любимым народом. Сидни был убежденным республиканцем и выступал против любой конкретной формы церковного правления. Он считал, что религия должна быть подобна божественной философии в сознании, и с большим почтением относился к доктринам Платона. Ничто не могло спасти этих прославленных людей. Герцог Йоркский и Джеффрис заявили, что, если их не казнят, для них самих не будет никакой безопасности. Они оба страдали с большим мужеством, и с тех пор "Друзья свободы" с особой нежностью хранят их память.

Мистер Маколей в своей недавней истории представил нравы и обычаи Англии. нравы и устои Англии во время позорного правления Карла II. В этом кратком обзоре невозможно упомянуть обо всех этих обычаях; но мы обращаем особое внимание читателей на них, описанных в третьей главе, из которой следует, что с того периода был достигнут самый очевидный и самый славный прогресс во всех искусствах цивилизации, как полезных, так и декоративных. В те времена путешествие было трудным и медленным из-за плохих дорог и несовершенства экипажей. Разбойники с большой дороги прятались вдоль магистралей и в конных отрядах бросали вызов закону и причиняли беспокойство всему кочевому сообществу. Письма по почте приходили с опозданием и нечасто, а скандал вокруг кофеен восполнял самую большую нужду и самую большую роскошь современности - газету. В сельской местности книг было очень мало, и единственное издательство в Англии к северу от Трента, по-видимому, находилось в Йорке. Сельские сквайры или приходские священники весьма слабо занимались литературой, а женским образованием позорно пренебрегали. Мало у кого из богатых людей были библиотеки столь же большие и ценные, как сейчас у лавочников и механиков; в то время как литературные запасы хозяйки поместья ограничивались в основном молитвенником и квитанционной книжкой. А те произведения, которые были созданы или прочитаны, были опозорены распущенным сквернословием, пришедшим на смену религиозному аскетизму. Драматургия была единственным разделом литературы, который выплачивал авторам компенсацию, и это было крайне скандально. Мы не можем перелистывать страницы одного из популярных драматургов своего времени, не будучи потрясены самой преступной непристойностью. Милтон

— Драйден. Даже Драйден не был исключением из этого правила; и его стихи, некоторые из которых являются самыми прекрасными на языке, вряд ли можно передать в руки молодежи без опасности развратить ее. Поэты и все литераторы жили за счет щедрот богатых и вельмож и процветали только тогда, когда потворствовали порочным страстям. Многие выдающиеся интеллектуалы умерли от нужды и унижения; так что бедность и отчаяние литераторов вошли в поговорку, и все умудренные опытом люди избегали общения с ними как дорогостоящего и унижительного. Служители закона охотились за ними от чердаков до подвалов, и самые грязные тюрьмы часто были их единственным пристанищем. Реставрация Карла оказалась неудачной для одного великого и бессмертного гения, которого не могли одолеть никакие искушения и никакие награды не могли подкупить. Он "хранил свою душу в терпении" и "парил над эонийской горой" среди всеобщего легкомыслия и распутства. Если бы он писал для чистого, классического и образованного века, он не смог бы писать с большей нравственной красотой. Но он жил, когда нравственное совершенство не ценилось, и его притязания на благодарность мира не поддаются никакой оценке, если вспомнить, что он писал с полным сознанием, подобно великому Бэкону, что его произведения будут оценены или прочитаны только будущими поколениями. Мильтону действительно никто не мешал, но им, к сожалению, пренебрегали в его слепоте и величии. Но, подобно всем великим учителям мира, его поддерживало нечто более высокое, чем земные аплодисменты, и он трудился, подобно бессмертному художнику, из любви, которую возбуждал его труд, — трудился над воплощением произведения искусства, задуманного его воображением, а также над распространением идей и чувств, которые должны были способствовать возвышению человечества. Драйден был его современником, но пользовался большим уважением не потому, что был более достоин, а потому, что приспособил свой гений ко вкусу легкомысленных и развращенных людей. Впоследствии он писал более безупречно, сочинял тексты вместо фарсов и сатиры вместо пьес. В последние дни своей жизни он мог позволить себе писать более чистым стилем; и, став независимым, он воздвиг надстройку своей великолепной славы. Но Драйден провел лучшие годы своей жизни, потворствуя городским порокам, и в кофейне Уиллса был кумиром главным образом пасквилей, бездельников и скандалистов. Ни в церкви, ни в государстве не было многих людей, достаточно влиятельных и благородных, чтобы остановить этот поток. Городское духовенство было самым респектабельным, и кафедры Лондона занимали двенадцать человек, которые впоследствии стали епископами и являются одними из величайших украшений священной литературы своей страны. Шерлок, Тиллотсон, Уэйк, Кольер, Бернет, Стиллингфлит, Патрик, Фаулер, Шарп, Теннисон и Беверидж сделали Существующую Церковь уважаемой в городе; но деревенское духовенство в целом было невежественным и подавленным. Ни один из пятидесяти живущих не позволял действующему президенту содержать семью в комфорте или респектабельности. Священник вызывал презрение даже у окружного прокурора, его с трудом терпели за столом его покровителя, и он едва ли мог жениться на женщине выше ранга повара или экономки. И его бедность и рабство продолжались так долго, что во времена Свифта пастор был притчей во языцех и посмешищем среди различных слуг в домах великих. Тем не менее, среди общего упадка их ордена были выдающиеся священнослужители, как в Установленной Церкви, так и за ее пределами. Помимо лондонских проповедников, многие были связаны с университетами и кафедральными соборами; и было несколько выдающихся диссидентов, среди которых Бакстер, Хоу и Аллейн, если бы не было других, сами по себе сделали бы имя пуритан респектабельным.

Самым печальным фактом, связанным с внутренней историей Англии того времени, было положение народа. У них было маленькое жалование и много лишений. У них не было социального положения, и они были опозорены многими пороками. Они были невежественны и жестоки. Заработная плата рабочих составляла в среднем всего четыре шиллинга в неделю, в то время как заработная плата механиков не была равна тому, что некоторые люди обычно зарабатывают в этой стране и в наше время за один день. И крестьянам, и ремесленникам не только плохо платили, но и плохо использовали, и они умирали, несчастные и преждевременно, от голода и болезней. Не было и сочувствия к несчастьям бедных. Не существовало институтов общественной филантропии. Служители милосердия не посещали тюрьмы, а беззаботное поколение оставило обители бедности, превратив их в притоны позора и преступности. Такова была Англия двести лет назад; и нет заблуждения более необоснованного трезвыми фактами, чем то, которое предполагает, что те прежние времена были лучше наших во всем, что сокращает труд или облегчает страдания человечества. "Сейчас вошло в моду относить золотой век Англии ко временам, когда аристократы были лишены удобств, отсутствие которых было бы невыносимо для современного лакея; когда фермеры и лавочники завтракали хлебами, один вид которых поднял бы бунт в современном рабочем доме; когда люди умирали быстрее на чистейшем деревенском воздухе, чем сейчас умирают на самых заразных улицах наших городов; и когда люди умирали быстрее на улицах наших городов, чем они сейчас умирают на побережье Гвинеи. Но и нас, в свою очередь, опережают, и нам, в свою очередь, позавидуют. Есть постоянные улучшения, но есть и постоянное недовольство; и будущие поколения могут говорить о правлении королевы Виктории как о времени, когда Англия была по-настоящему веселой Англией, когда все классы были связаны братской симпатией, когда богатые не терзали лица бедных и когда бедные не завидовали великолепию богатых".

Список литературы.—Из всех еще появившихся работ, посвященных этой интересной эпохе, "Новая история Маколея" - самая блестящая и поучительная. Действительно, студенту вряд ли нужна какая-либо другая история, несмотря на доктрины вигов Маколея. Он может пожертвовать чем-то ради эффекта; и он может дать нам картины вместо философии; но, тем не менее, его книга обладает исключительными достоинствами и будет читаться всеми классами, пока ценится английская история. Фрагмент Макинтоша, посвященный тому же периоду, более философичен и обладает очень большими достоинствами. История Лингарда очень ценна для этого правления, и с ней следует ознакомиться. Юм также никогда не перестанет радовать. Бернет - историк с предубеждениями, но его работы пользуются авторитетом. В этой связи также следует прочитать жизнеописание Мильтона, Драйдена и Кларендона. Халлам лишь затронул конституционную историю того времени. Смотрите также работы Темпла; Жизнь Уильяма Лорда Рассела; Историю Рапина. "Пепис", "Далримпл", "Раймери Фудера", "Журнал палаты общин" и государственные судебные процессы Хауэлла нелегко доступны, да и не нужны, разве что историку. ([Вернуться к содержанию](#))

ГЛАВА XV.

ПРАВЛЕНИЕ ЯКОВА II.

Карл II. умер 6 февраля 1685 года, а его брат, герцог Йоркский, вступил на престол Якова II. взошел на трон без сопротивления под титулом Якова II. Как это обычно бывает с принцами, при их восшествии на престол он дал много обещаний править по законам и защищать свободы нации. И он начал свою администрацию при хорошем покровительстве. В стране царил мир, он не был непопулярен, и все классы и партии с готовностью соглашались с его правительством.

Он сохранил всех выдающихся офицеров, служивших под началом его брата, которым он мог доверять; и Рочестер стал премьер-министром, Сандерленд сохранил за собой Государственные печати, а Годольфин был назначен лордом-камергером. Он не уволил Галифакса, Ормонда или Гилфорда, хотя и не любил их и не доверял им, но ограничил их полномочия и унизил пренебрежением.

Палата общин проголосовала за него одним миллионом двумястами тысячами фунтов, а шотландский парламент добавил еще двадцать пять тысяч фунтов и пожизненную таможенную. Но этой суммы он не считал достаточной для удовлетворения своих потребностей и поэтому, подобно своему брату, обратился за помощью к Людовику XIV и согласился стать его пенсионером и вассалом, причем за ничтожную сумму в двести тысяч фунтов. Джеймс принял деньги со слезами благодарности, надеясь с помощью этой печально известной пенсии управлять страной без парламента. Это, конечно, не было известно ни нации, ни даже его министрам в целом.

Едва он был коронован, как в Англию вторгся герцог Монмут, побочный сын Карла II., а в Шотландию - герцог Аргайл с целью свергнуть Джеймса с трона.

Оба этих дворянина были изгнанниками в Голландии, и оба были справедливо неприятны правительству своими предательскими намерениями и действиями. Аргайл не хотел заниматься предпринимательской, так отчаянно, как завоевания Англии; но он был энтузиастом, был на голову из самых могущественных шотландских кланов, Кэмпбеллов, и он надеялся, что для общего повышения по всей Шотландии, чтобы покончить со всем, что расценивается как идолопоклонство, и за удачу, и Кирк.

Согласовав свои действия с Монмутом, он отплыл из Голландии 2 мая 1685 года, несмотря на все усилия английского министра, и высадился в Керкуолле, одном из Оркнейских островов. Но его цели были хорошо известны, и все ополчение страны было взято с оружием в руках, чтобы противостоять ему. Он, однако, собрал отряд в две тысячи пятьсот горцев и двинулся маршем на Глазго; но его подло предали и бросили. Его силы были рассеяны, а сам он был схвачен при попытке к переодетому бегству, доставлен в Эдинбург и обезглавлен. С его последователями обошлись очень сурово, но восстание было полностью подавлено.

Монмут согласился отплыть через шесть дней после отплытия "Аргайла", но задержался в Брюсселе, не желая расставаться с прекрасной любовницей, леди Генриеттой Вентворт. Прошел месяц, прежде чем он отплыл с Текселя примерно с восьмьюдесятью офицерами и ста пятьюдесятью сторонниками — небольшой силой, способной свергнуть трон. Но он полагался на свою популярность в народе и на ложное и преувеличенное представление о непопулярности Джеймса. Монмут находится в Англии. Он высадился в Лайме, в Дорсетшире,

примерно в середине июня, и немедленно выпустил пламенную прокламацию, приглашая всех встать под его знамена как освободителя от жестокого деспотизма католического принца, которого он обвинял во всех преступлениях — в поджоге Лондона, папистском заговоре, осуждении Рассела и Сиднея, отравлении покойного короля и нарушениях конституции. В этом заявлении ложь была смешана с правдой, но хорошо приспособлена для разжигания народных страстей. Его поддерживали многие, кто твердо верил, что его мать, Люси Уолтерс, была законной женой Карла II. Он, конечно, претендовал на английский трон, но заявил, что отказывается от своих прав до тех пор, пока они не будут урегулированы парламентом. Авантюрист совершенно неправильно понимал характер людей и степень признания его притязаний. Он не был обеспечен деньгами, генералами и войсками. Он собрал несколько полков из простых людей и двинулся к Сомерсетширу. В Тонтоне его приняли лестно. Все классы приветствовали его как избавителя с Небес, а бедняки оглашали воздух одобрительными возгласами. Его дорожка была усыпана цветами, а у окон толпились дамы, которые махали ему носовыми платками и даже встречали его с большой депутацией. Двадцать шесть прелестных дев подарили красавцу сыну Карла II. штандарты и Библию, которые он поцеловал и пообещал защищать.

Но всему этому энтузиазму вскоре пришел конец. Герцог Альбемарль, сын генерала Монка, восстановившего Карла II на престоле, выступил против него со всем местным ополчением, и Монмута поддержали только вульгарные, слабые и легковверные люди. Ни один дворянин не присоединился к его штандарту, и лишь немногие из дворянства. Он совершил бесчисленное количество грубых ошибок. Он терял время в тщетных попытках обучить крестьян и фермеров, которые следовали его примеру. Он медленно продвигался на запад Англии, где надеялся, что к нему присоединится народ. Но все люди высокого положения и влияния стояли в стороне. Обескураженный и встревоженный, он добрался до Уэллса и двинулся вперед, чтобы захватить Бристоль, тогда второй город королевства. Его снова постигло разочарование. Из-за неожиданных бедствий он был вынужден отказаться от этого предприятия. Затем он обратил свой взор на Уилтса; но когда он добрался до границы графства, то обнаружил, что ни одно из тел, на которые он рассчитывал, не появилось. ПриФиллипс-Нортоне произошла небольшая стычка, закончившаяся благоприятно для Монмута, в которой молодой герцог Графтон, побочный сын Карла II, отличился против своего сводного брата; но Монмут был обескуражен и отступил к Бриджуотеру. Тем временем королевская армия приблизилась и встала лагерем в битве при Седжмуре. Седжмур. Здесь произошла решающая битва, ставшая роковой для повстанцев, "последняя заслуживающая названия битвы, которая разыгралась на английской земле". Монмут, когда все было потеряно, бежал с поля боя и поспешил к Британскому каналу, надеясь добраться до Континента. Его нашли недалеко от Нью-Фореста, спрятанного в канаве, измученного голодом и усталостью. Его отправили под сильной охраной в Рингвуд, и все, что ему оставалось, - это приготовиться встретить смерть мятежника. Но он с исключительным упорством цеплялся за жизнь, которой так справедливо лишился. Он униженно и подло просил прощения у этого неумолимого тирана, который никогда не забывал и не прощал ни малейшего сопротивления со стороны друга, когда даже это сопротивление было законным, не говоря уже о бунте со стороны человека, которого он одновременно ненавидел и презирал. Его перевели в Лондон, поместили в Тауэр и приговорили к смерти Монмута. казнен неумелым образом "Джеком Кетчом" — так несколько столетий называли общественного палача. Он был похоронен под часовней Святого Петра в Тауэре, где покоились обезглавленные тела стольких известных святых и политических мучеников — великого Сомерсета и еще более великого

Нортумберленда, двух графов Эссекса, четвертого герцога Норфолка и других великих людей, фигурировавших в правлениях Плантагенетов и Тюдоров.

Восстание Монмута было полностью подавлено, и всем, кто был в нем замешан, была нанесена жесточайшая месть. Со стороны правительства не было проявлено милосердия ни к одной партии или лицу.

Среди агентов Джеймса, наказавших всех, кто был замешан в восстании, были, прежде всего, двое, чьи имена обречены на позорное бессмертие. В летописях английской истории нет двух столь отвратительных имен, как полковник Кирк и судья Джеффрис.

Февершем оставил первого командовать королевскими войсками в Бриджуотере после битвы при Седжмуре. Он уже приобрел незавидную славу губернатора Танжера, где проявил худшие пороки тирана и сластолюбца; и его полк подражал ему в его позорной жестокости. Но теперь этот вождь и эти войска были выпущены на волю против жителей Сомерсетшира. За неделю, последовавшую за битвой, было казнено сто пленников. Однако его нерегулярные заботы были не по вкусу королю. Была придумана более систематическая резня с санкции закона, и Джеффриса отправили в Западный округ судить многочисленных людей, которые были замурованы в тюрьмах западных графств.

Сэр Джордж Джеффрис, главный судья Суда королевской скамьи, не отличался недостатком таланта, но по конституции был жертвой неистовых страстей. Сначала он привлек к себе внимание как дерзкий адвокат в суде Олд-Бейли, который проявлял редкий такт при перекрестном допросе преступников и запугивании свидетелей. По словам Маколея, "дерзость и свирепость сидели на его челе, в то время как вся нежность к чувствам других, всякое самоуважение, всякое ощущение собственного достоинства были стерты из его разума. Он приобрел безграничное владение риторикой, с помощью которой вульгарные люди выражают ненависть и презрение. С обилием его проклятий вряд ли можно было соперничать на Рыбном рынке или в Медвежьем саду. Его яростный вопль прозвучал, как сказал тот, кто часто его слышал, подобно грому судебного дня. Он рано стал обычным сержантом, а затем регистратором Лондона. Как только он получил все, что мог дать город, он поспешил продать свой медный лоб и ядовитый язык придворным". Он был просто человеком, которого Карл II. хотел как инструмент. Он был назначен главным судьей высшего уголовного суда королевства и полностью исполнял свои обязанности к удовлетворению короля, решившего подчинить английскую нацию. Его жестокость всегда была ужасающей; но когда он был пьян, это было потрясающе; и он обычно был в состоянии алкогольного опьянения. Его первым подвигом было судебное убийство Алджернона Сиднея. После смерти Чарльза он получил от Джеймса звание пэра и место в кабинете министров - знак королевского одобрения. В ожидании еще больших почестей он был готов сделать все, что потребует Джеймс. Джеймс желал как можно быстрее отомстить мятежникам, и Джеффрис, со своей тигриной свирепостью, был готов исполнить его волю.

Нет ничего более запоминающегося, чем те "кровавые судебные заседания", которые он проводил в тех графствах, через которые проезжал Монмут. Ничто не вспоминается с таким отвращением. Ничто никогда не могло сравниться с жестокостью Джеффриса. зверская жестокость судьи. Его ярость, казалось, с особой жестокостью была направлена на инакомыслящих. "Покажи мне, - сказал он, - пресвитерианина, и я покажу тебе лживого негодяя. Пресвитерианство содержит в себе все виды злодейства. Нет ни одного из этих

лживых, хнычущих, придирчивых пресвитериан, кто так или иначе не приложил бы руку к восстанию ". Он приговорил почти всех, кого обвиняли, к повешению или сожжению; и чрезмерность его варварства вызвала жалость и негодование даже у преданных сторонников. Он хвастался, что повесил больше предателей, чем все его предшественники вместе взятые со времен Завоевания. За один круг он повесил триста пятьдесят человек; некоторые из них были очень ценными людьми, и многие из них были невиновны; в то время как многие, кого он спас от позорной смерти, были приговорены к самым жестоким наказаниям — к привязыванию к позорному столбу, заключению в самые грязные тюрьмы, нанесению увечий, изгнанию и крупным штрафам.

Король Яков с восторгом наблюдал за поведением бесчеловечного Джеффриса и наградил его Большой Печатью. Юрист из Олд-Бейли теперь поднялся на самую большую высоту, к которой только мог стремиться субъект. Он был лордом—канцлером Англии - близким другом и агентом короля, его беспринципным орудием в наложении ярма рабства на оскорбленную нацию.

В этот период положение пуритан было плачевным. Ранее инакомыслящих никто не преследовал. преследование более ожесточенное, чем даже при администрации Лауда и Страффорда. Преследование началось вскоре после реставрации Карла II и набирало силу вплоть до назначения Джеффриса канцлером. Страдания ни одного класса сектантов не были соразмерны их страданиям. Им было трудно собираться вместе для молитвы или увещевания даже на самых маленьких собраниях. Их служители были представлены переодетыми. В их домах были проведены обыски. Они были оштрафованы, заключены в тюрьму и изгнаны. Среди священников, лишившихся средств к существованию, были Гилпин, Бейтс, Хоу, Оуэн, Бакстер, Калами, Пул, Чарнок и Фламель, которые до сих пор, по прошествии ста пятидесяти лет, пользуются широко распространенной репутацией стандартных авторов на богословские темы. Эти великие светила семнадцатого века были обречены на лишения и нищету вместе с тысячами своих собратьев, большинство из которых получили образование в университетах и были одними из лучших людей королевства. Все короли династии Стюартов ненавидели инакомыслящих, но никто не ненавидел их больше, чем Карл II. и Яков II. С их санкции подчиняющиеся парламенты неоднократно принимали акты несправедливости и жестокости. Законы, которые были приняты во время правления королевы Елизаветы, были пересмотрены и приведены в исполнение. Акт о единообразии за один день изгнал две тысячи служителей из их приходов, потому что они отказались соответствовать стандартам Установленной Церкви. Закон о конвенциях предписывал, что если какое-либо лицо старше шестнадцати лет должно присутствовать на любом религиозном собрании любым иным способом, кроме разрешенного Англиканской церковью, оно должно понести трехмесячное тюремное заключение или заплатить штраф в размере пяти фунтов стерлингов, что шесть месяцев тюремного заключения и десять фунтов штрафа должны назначаться в качестве наказания за второе преступление и изгнание за третье. Замужние женщины, взятые на "сборищах", были приговорены к двенадцати месяцам тюремного заключения. Подсчитано, что двадцать пять тысяч инакомыслящих были замурованы в мрачных тюрьмах и что четыре тысячи членов секты квакеров умерли во время своего заключения из-за грязи и малярии тюрем, к которым добавились жестокое обращение.

Среди выдающихся людей, которые пострадали наиболее несправедливо, был Ричард Бакстер, слава пресвитерианской партии. Он был священником в Киддерминстере, где довольствовался скромным трудом, отказавшись от епископства. Он написал сто сорок пять отдельных трактатов

в двухстах томах, которые отличались ученостью и талантом. Но ни его возраст, ни набожность, ни высокие добродетели не могли защитить его от жестокости Джеффриса, и за пятнадцать лет он пять раз побывал в тюрьме. Его страдания вызвали слезы у сэра Мэтью Хейла, дружбой с которым он был польщен. "Но тот, кто пользовался доверием лучшего из судей, был жестоко оскорблен худшим". Когда он захотел отстоять свою правоту, пьяный верховный судья ответил: "О Ричард, Ричард, ты старик и старый плут. Ты написал столько книг, что ими можно нагрузить телегу, и каждая из них так же полна мятежа, как яйцо мясом. Я знаю, что у тебя могущественная партия, и я вижу великое множество членов братства по углам, а рядом с тобой доктора богословия; но, по милости Божьей, я сокрошу вас всех".

Совершенно другим человеком был Джон Баньян, не столь влиятельный и образованный, но столь же достойный. Он принадлежал к секте баптистов и стоит во главе всех гениальных неграмотных людей - самый успешный автор аллегорий, каких когда-либо видела эпоха. "Путешествие пилигрима" - самое популярное религиозное произведение, когда-либо опубликованное, гениальное и красивое, полностью раскрывающее кальвинистское богословие и опыт христианской жизни. Эта книга показывает триумф гения над ученостью и то, как люди ценят высокие заслуги. Ее автор, неграмотный жестянщик, странствующий проповедник, проведший лучшую часть своей жизни между домами для бедных и окружными тюрьмами, объект порицания и позора, теперь, однако, занимает почетное место в глазах мира рядом с великими умами всех наций — с Данте, Шекспиром и Мильтоном. Он поднялся над предрассудками великих и светских людей; и образованный и аристократичный Саути стремился стать биографом своих горестей и толкователем своих видений. Гордые епископы, которые презирали его, надменные судьи, которые осудили его, теперь в основном известны как его гонители, в то время как с каждым последующим поколением его продолжают все больше чтить и превозносить.

Другой выдающейся жертвой религиозных преследований в ту эпоху, выдающейся в наших глазах, но позорной в глазах своих современников, был Джордж Фокс. Джордж Фокс, основатель секты квакеров. Он, как и Баньян, был скромного происхождения и с несовершенным образованием. Подобно ему, он черпал свои знания из общения с собственной душой - из внутреннего опыта - из религиозных размышлений. Он был человеком с сильным интеллектом и способным к интенсивной интеллектуальной деятельности. Его первыми занятиями были тайны теологии — великие вопросы, касающиеся долга и предназначения; и они взволновали его серьезный ум почти до отчаяния. В своей тревоге он искал утешения у духовенства, но они не сняли бремени с его души. Подобно старому сирийскому монаху, он искал поля и нечастые уединения, где он давал волю своему воображению и куда небесные существа приходили, чтобы утешить его. Он одинаково презирал рассуждения философов, догмы богословов и споры сектантов. Он поднялся над всеми их предрассудками и искал свет и истину в оригинальных источниках. Его покой был основан на убеждении, что Святой Дух Божий говорил непосредственно с его душой; и это было выше разума, выше авторитета, более надежным руководством, чем любое внешнее или письменное откровение. Хотя этот божественный голос был выше Священных Писаний, он никогда не противоречил им, ибо они были открыты также вдохновенным людям. Следовательно, Священными Писаниями нельзя было пренебрегать, но они должны были служить руководством и буквально повиноваться им. Он не стал бы клясться или сражаться, чтобы спасти свою жизнь или спасти мир, потому что ему было прямо приказано воздерживаться от ругани и драк. Он питал отвращение ко всем принципам целесообразности

и поступал правильно, или то, что вдохновенный голос внутри него уверял его в правильности, невзирая на все последствия и все невзгоды. Он верил в способность справедливости защищать саму себя и полагался на моральное достоинство добродетели. Любовь, по его мнению, была всемогущим оружием. Он презирал силу для достижения важных целей и не стремился ни к какому контролю над правительством, кроме как с помощью разведки. Он верил, что только идеи и истина лежат в основе всех великих и перманентных революций; о них он всегда был готов заявить; они обязательно приведут, в конце концов, ко всем необходимым реформам; они будут открыты серьезному исследователю. Ему не нравились все формы и помпезные церемонии поклонения Богу, поскольку они казались бесполезными и идолопоклонническими. Бог был Духом, и ему следовало поклоняться в духе и истине. И от установленного пения следовало отказаться, как и от установленных форм молитвы, и оно должно было быть назидательным только по побуждению Духа. Он даже возражал против великолепных мест для поклонения Богу и обходился без шпилей, колоколен и органов. Таинства тоже были ненужными, будучи всего лишь символами или тенями лучших вещей, не обязательными, но подлежащими приравниванию к тем еврейским церемониям, которые отменил Спаситель. Разум Фокса отбросил все средства к набожности, все почетные титулы, все различия, порожденные гордыней и эгоизмом. Лицемерие он ненавидел всей душой. Это был порок фарисеев, на которых Христос обличал самыми суровыми приговорами. Он тоже осуждал это с самой беспощадной суровостью всякий раз, когда ему казалось, что он замечает это в правителях, или в почитаемых сановниках церкви, или в обычаях обычной жизни. Он стремился к простоте и искренности во всех их проявлениях. Только истина должна была быть его полярной звездой, и это было бы открыто "внутренним светом", особой гениальностью всей его системы, которая, хотя и привела ко многим новым взглядам на долг и святость, все же была причиной многих заблуждений и прародителем тщеславия и духовной гордыни — великой особенности фанатизма во все века и страны. Что является столь плодотворным источником заблуждений, как представление об особом божественном озарении?

Никаких преследований квакеров. удивительно, что Фокса и его последователей преследовали, ибо они ни во что не ставили мудрость мира, обычаи и законы веков. Они потрясли все консервативные умы; всех правителей и сановников; всех людей, приверженных системам; всех силлогистических рассуждателей и диалектических теологов; всех светских людей; все секты и партии, приверженные вероучениям и формам. Ни их безобидная жизнь, ни их доктрина непротивления, ни их возвышенный спиритуализм не могли защитить их от гнева судей, епископов и законодателей. Их сажали в тюрьму, штрафовали, били плетью, и безжалостно терзали. Но они терпеливо переносили свои невзгоды и никогда не теряли своей веры в истину или своего доверия к Богу. Как правило, они принадлежали к более скромным слоям населения, хотя некоторые люди, прославленные происхождением и богатством, присоединились к их преследуемым рядам, самым влиятельным из которых был Уильям Пенн, который дожил до того, чтобы стать их ходатаем и защитником, а также славным основателем и законодателем одной из самых цветущих и добродетельных колоний, которые в те дни скорби обосновались в дикой местности Северной Америки; колонии людей, которые были верны своим просвещенным принципам и которые были спасены от смертоносного индейского томагавка, когда все остальные поселения были аренами жестокости и мщения.

Теперь Яков подавил восстание; он внушил инакомыслящим страх; и он не встретил сопротивления со стороны своих парламентов. Судьи и епископы были готовы сотрудничать с его министрами в установлении деспотического ига. Все чиновники короны были уволены в тот

момент, когда они выражали несогласие с его политикой или протестовали против его действий. Даже судей удалили, чтобы освободить место для самых недобросовестных инструментов.

Его власть, по всей видимости, укрепились; и теперь он начал, не скрываясь, продвигать две великие цели, которые были дороже всего его сердцу, — восстановление католической религии и установление Деспотической власти Иакова. деспотическое иго. Он хотел быть, подобно Людовику XIV, деспотичным и абсолютным монархом; и, чтобы добиться этой цели, он был готов нарушить конституцию своей страны. Три бесславных года его правления были чередой посягательств и узурпаций.

Действительно, одним из его первых действий был сбор доходов без принятия акта парламента. Чтобы покрыть этот простор произвола, суд раздобыл обращения от государственных органов, в которых королю выражалась благодарность за королевскую заботу, которую он проявил к таможене и акцизам.

Чтобы защитить католиков, которые подвергались преследованиям при последнем правлении, он был вынужден проявлять уважение к другим преследуемым организациям. Поэтому он выдал ордер на освобождение из-под стражи всех, кто был заключен в тюрьму по соображениям совести. Если бы он просто желал всеобщей терпимости, этот поступок заслуживал бы наших высочайших похвал; но вскоре стало очевидно, что он хотел возвысить католиков за счет всех остальных. Джеймс был искренним, но фанатичным приверженцем Римской церкви, и все считалось законным, если только он мог продвигать интересы партии, против которой была настроена почти вся нация. Римские католики были запрещены законами. Закон о тестировании исключал из гражданских и военных должностей всех, кто не соглашался с установленной Церковью. Законы были несправедливыми, но все же это были законы, которым Джеймс поклялся повиноваться. Если бы он скрупулезно соблюдал их и сохранил свою веру, не может быть сомнений, что со временем они были бы изменены.

Но Джеймс не стал дожидаться конституционных мер. Он решил оказывать благосклонность католикам. возводить католиков на высшие посты как в государстве, так и в церкви, и это вопреки законам и желаниям подавляющего большинства нации. Соответственно, он давал католикам поручения служить офицерами в армии; он сделал католиков своими доверенными советниками; он ввел иезуитов в Лондон; он принял папского нунция и предлагал средства к существованию Англиканской церкви нуждающимся католическим авантюристам. Угрозами и уловками он пытался добиться отмены Закона о тестировании, по которому католики были отстранены от должности. Галифакс, самый способный из его министров, возмутился, и его выгнали с работы. Но он был душой и центром оппозиции, которая в конце концов свергла короля с его трона. Он объединился с Девонширом и другими дворянами-вигами, и их влияния было достаточно, чтобы разрушить многие заветные планы короля. Однако, когда в парламенте появлялась оппозиция, его действие приостанавливалось или распускалось, и прибегали к старым методам королей Стюартов.

Среди его различных нарушений, вызвавших большой скандал даже в те упаднические времена, было злоупотребление полномочиями по распределению — прерогатива, которую он унаследовал, но которая никогда не была строго определена. Посредством этого он намеревался допустить католиков на все должности в королевстве. Он начал с предоставления всему римско-католическому корпусу освобождения от всех статутах, налагающих наказания и

испытания. Было провозглашено всеобщее послабление, и суды были вынуждены признать, что право раздачи не было нарушено. Четверо судей отказались согласиться с тем, что было явно незаконным. Они были уволены, ибо в то время даже судьи занимали свои должности по желанию короля, а не пожизненно, как в нынешние времена. У них не было независимости, которая когда-либо была столь необходимой для суда. И не все его советники и министры согласились с его планом, а те, кто сопротивлялся, были изгнаны. Как только раболепная коллегия судей признала это нарушение конституции, четыре дворянина-католика были приняты в качестве тайных советников, а некоторым священнослужителям, обратившимся в католицизм, было разрешено содержать себя. Джеймс даже даровал деканство Крайст-Черч, одно из высших званий в Оксфордском университете, печально известному католику и пригрозил сделать в Кембридже то же, что было сделано в Оксфорде. Епископство Оксфорда было даровано Паркеру, который был скорее католиком, чем протестантом, а епископство Честера досталось подхалиму без характера. Джеймс не скрывал своих намерений восстановить католическую религию и систематически работал над разрушением Существующей Церкви. Чтобы добиться этого, он создал трибунал, который существенно не отличался от знаменитого Суда Высшей комиссии. Верховный суд Елизаветы, разгром которого был одной из главных целей революционеров, приведших Карла I на плаху, — самый одиозный суд, когда-либо созданный королевским деспотизмом в Англии. Члены этого Верховного суда, который Джеймс учредил для рассмотрения всех церковных дел, были, за одним или двумя исключениями, печально известными как самые продажные и деспотичные из всех его агентов — Джефрис, канцлер; Крю, епископ Дарема; Спрат, епископ Рочестера; граф Рочестер, лорд-казначей; Сандерленд, лорд-президент; и Герберт, главный судья Королевской скамьи. Этот суд вызвал Комптона, епископа Лондонского, в свой трибунал, потому что он не отстранил от должности доктора Шарпа, одного из лондонских священнослужителей, по просьбе короля — человека, который не совершил никакого преступления, а просто преданно выполнил свой долг. Епископ был отстранен от своих духовных обязанностей, и управление его епархией было возложено на двух его судей. Но этот суд, не удовлетворившись лишением многочисленных священнослужителей их духовных функций, потому что они не хотели предавать свою собственную церковь, зашел так далеко, что вынес приговор двум величайшим корпорациям в стране — Оксфордскому и Кембриджскому университетам, — учреждениям, которые когда-либо поддерживали королей Стюартов в их преступлениях и несчастьях. Джеймс был настолько увлечен, что поссорился с этими великими организациями, потому что они не одобрили бы его мер по ниспровержению церкви, с которой они были связаны и поддерживать которую было их долгом и интересом. Король приказал Кембриджу присвоить степень магистра искусств монаху-бенедиктинцу, что противоречило законам Университета и парламента. Университет отказался действовать вопреки закону, и, как следствие, вице-канцлер и сенат, состоявший из докторов и магистров, были вызваны в Суд Высшей комиссии. Вице-канцлер Печелл был лишен своего поста и денежного вознаграждения, которые носили характер безвозмездной собственности. Но это был не худший поступок влюбленного монарха. Он настоял на том, чтобы назначить католика-римлянина на президентскую кафедру Колледжа Магдалины, одного из самых богатых и почтенных в Оксфордском университете, вопреки даже дружеским увещаниям своих лучших друзей, даже своих католических советников, и не только вопреки советам своих друзей, но и вопреки всем законам страны и правам Университета; поскольку предполагаемый президент, Фармер, был католиком и не был членом колледжа, а потому особенно дисквалифицирован. Он также был человеком с развращенной моралью. Ребята отказались избирать Фармера и выбрали вместо него Джона Хью. Соответственно, они были переданы в

печально известный суд, председателем которого был Джеффриз, гений контроля. Их избрание было отменено, но Фармер не был утвержден, поскольку это было слишком подло даже для Джеффриса, чтобы выдержать его.

Король был чрезвычайно разгневан ссорой с университетами. Университет оказал ему сопротивление. Он решил посетить его. По прибытии он созвал стипендиатов Колледжа Магдалины и приказал им повиноваться ему в вопросе избрания президента. Они все еще сопротивлялись, и король, униженный и разгневанный, покинул Оксфорд, чтобы прибегнуть к более смелым мерам. Была учреждена специальная комиссия. Хью был насильно изгнан, и епископ Оксфордский занял его место вопреки голосу всех членов, кроме двух. Но ослепленный король еще не был удовлетворен. Стипендиаты были исключены из университета королевским указом, и верховный комиссар объявил изгнанных стипендиатов неспособными когда-либо занимать какие-либо церковные должности.

Но эти строгости были грубыми ошибками и произвели эффект, отличный от ожидаемого. Нация была возмущена; университеты утратили всякое почтение; духовенство, как единое целое, было отчуждено; и вся аристократия была полна неповиновения.

Но король, тем не менее, на какое-то время одержал верх, несмотря на всякое сопротивление; и теперь, когда члены колледжа Магдалины. Колледж Магдалины был исключен, он превратил его в папскую семинарию, за один день принял в качестве стипендиатов двенадцать римско-католиков и назначил римско-католического епископа руководить ими. Это последнее оскорбление было нанесено всему королевству, и горькая обида заняла место прежней лояльности. Теперь даже его старые друзья считали Джеймса тираном и человеком, обреченным на гибель. И действительно, он казался совершенно помешанным на разрушении церкви, которую даже Яков I и другие короли династии Стюартов считали самой надежной и незыблемой опорой трона.

Епископы Английской церкви в прошлые времена, так же как и Университеты, внедряли доктрину пассивного повиновения; и притеснения должны быть действительно очень жестокими, если они побудили их выступить против королевской воли. Но Джеймс полностью оттолкнул их, и они, в конце концов, неохотно перешли в ряды оппозиции. Если бы они оставались верны ему, он, возможно, все еще держал бы свой скипетр; но было невозможно, чтобы какая-либо группа людей могла больше терпеть его несправедливость и тиранию.

Исходя из мотивов, столь же непостижимых, сколь трудно объяснить действия сумасшедшего, он приказал, чтобы Декларация о снисхождении, неконституционный акт, была публично зачитана со всех кафедр королевства. Лондонское духовенство, самое респектабельное и влиятельное в королевстве, решило пренебречь орденом, и епископы поддержали их в отказе. Судебное преследование Семи епископов. архиепископ и шесть епископов соответственно подписали петицию королю, которая отражала взгляды лондонского духовенства. Она была представлена тирану всеми прелатами в его дворце. Он предпочел рассматривать это как предательский и клеветнический акт — не что иное, как бунт. Поведение прелатов было в целом и с энтузиазмом одобрено нацией, и особенно раскольниками, которые теперь объединились с членами Официальной Церкви. Джеймс недавно обхаживал несогласных, не желая выступать против слишком большого количества врагов одновременно. Он даровал множество поблажек и возвел некоторых из них на высокие посты в надежде, что они объединятся с ним в разрушении Истеблишмента. Но в то время как некоторые из наиболее фанатичных были

привлечены на свою сторону, великое тело было не так легко обмануть. Они достаточно хорошо знали, что, сокрушив Англиканскую церковь, он сокрушит и их. И они ненавидели католицизм и тиранию больше, чем епископство, несмотря на многочисленные преследования. Некоторые из наиболее выдающихся раскольников заняли благородную позицию, и их поведение было полностью оценено авторитетным духовенством. Впервые со времени восшествия на престол Елизаветы раскольники и приверженцы Епископальной церкви относились друг к другу с той вежливостью и снисхождением, которых требует просвещенная благотворительность. Страх перед общим врагом объединил их. Но время также, в конце концов, устранило многие из их взаимных разногласий.

Ничто не могло превзойти досаду Джеймса, когда он обнаружил, что не только духовенство ослушалось его приказов, но и что Семерых епископов поддержала нация. Когда это обнаружилось, он должен был уступить, как сделала бы Елизавета. Но он был Стюартом. Он был фанатичным, своевольным и влюбленным монархом, наиболее четко обозначенным Провидением для разрушения. Он решил привлечь епископов к ответственности за клевету, и их судебный процесс и оправдательный приговор являются одними из самых интересных событий бесславного правления. Их судили в Суде королевской скамьи. В качестве их адвокатов были наняты самые выдающиеся юристы в королевстве, и раболепные судьи, которые их судили, прибегли ко всем тираническим ухищрениям. Но присяжные вынесли оправдательный вердикт, и никогда на памяти человечества люди не издавали таких криков и слез радости. Даже солдаты, которым король приказал отправиться в Хаунслоу-Хит, чтобы внушить страх Лондону, разделили энтузиазм и триумф народа. Все классы были едины в выражении радости по поводу того, что тиран на этот раз был сбит с толку. Король действительно потерпел сокрушительное поражение; но это поражение не научило его мудрости. Это только укрепило его в решимости сокрушить свободы Церкви и нации. Но это также настроило против него все классы и все партии протестантов, которые теперь начали заключать союзы и разрабатывать меры, чтобы свергнуть его с трона. Даже сами суды, которые Джеймс учредил, чтобы подавить свободу, оказались непокорными. Спрат, раболепный епископ Рочестера, отправил ему прошение об отставке с поста одного из лордов-комиссаров. Сама низость его духа и распушенность принципов делали его отступничество особенно тревожным, и теперь бесстыдный Джеффрис начал дрожать. Верховный суд воздержался от конфликта с Установленной Церковью, особенно когда ее одиозный характер был громко осужден всеми классами королевства — даже некоторыми агентами самой тирании. Самые беспринципные рабы власти проявляли признаки беспокойства.

Но Джеймс решил упорствовать. Его системе была необходима санкция парламента, но получить санкцию свободного парламента было невозможно. Тирания и Безрассудство Джеймса. Он решил собрать путем коррупции и запугивания, насильственного использования прерогатив, мошеннического искажения закона собрание, которое могло бы называть себя парламентом и могло бы быть готово зарегистрировать любой предложенный им эдикт. И, соответственно, каждому должностному лицу, от высшего до низшего, дали понять, что он должен поддержать трон или лишиться своего поста. Он решительно настроился собрать парламент. Комитет из семи тайных советников заседал в Уайтхолле с целью регулирования деятельности муниципальных корпораций. Отец Петр был произведен в тайные советники. Комитеты, по образцу того, что был в Уайтхолле, были созданы во всех частях королевства. Лорды-лейтенанты получили письменный приказ отправиться в свои соответствующие графства и руководить работой по борьбе с коррупцией и мошенничеством. Но половина из них

отказалась выполнять эту позорную работу и была немедленно уволена со своих постов, которые были очень почетными и уважаемыми. Среди них были великие графы Оксфорд, Шрусбери, Дорсет, Пембрук, Ратленд, Бриджуотер, Танет, Нортгемптон, Абингдон и Гейнсборо, чьи семьи отличались высокой древностью, богатством и политическим влиянием. Те дворяне, которые согласились подчиниться желаниям и приказам короля, также не могли добиться какого-либо прогресса в своих графствах из-за общего противодействия дворянства. Сквайры графства, как единое целое, оказали ожесточенное сопротивление. Они отказались посылать в парламент людей, которые проголосовали бы против свобод и интересов нации. Судьи и заместители лейтенантов заявили, что они будут поддерживать, несмотря ни на что, протестантскую религию. И эти люди были не одиозными республиканцами, а ревностными роялистами, ныне твердо объединившимися и решившими противостоять незаконным действиям, хотя и под командованием короля.

Затем Джеймс и его министры решили лишить власти муниципальные корпорации. От районов потребовали отказаться от своих уставов. Но подавляющее большинство решительно отказалось расстаться со своими привилегиями. Их преследовали и запугивали, но они все же выстояли. Оксфорд восемьюдесятью голосами против двух проголосовал за защиту своих привилегий. Другие города сделали то же самое. Тем временем все государственные ведомства были подвергнуты строгой инквизиции, и все, кто не поддерживал политику короля, были отстранены от должности, и среди них были те, кто до сих пор был ревностным слугой короны.

Теперь настало время для организованной оппозиции. организация могущественной конфедерации против короля. Для людей всех партий и всех рангов было очевидно, что он замыслил полное ниспровержение английских свобод. Основные законы королевства систематически нарушались. Полномочия по отмене актов парламента были настолько ограничены, что король узурпировал почти всю законодательную власть. Суды были полны недобросовестных судей, которые были готовы подчиняться всем предписаниям короля, законным или незаконным. Римские католики занимали достойные места в Официальной Церкви. Был создан печально известный и тиранический Верховный суд; лица, которые не могли законно ступить на территорию Англии, были поставлены во главе колледжей и заняли свои места в королевском совете. Лорды-наместники графств и другие слуги короны были уволены за отказ подчиняться незаконным приказам; привилегии почти каждого района были захвачены; суды были продажными и коррумпированными; армия ирландских католиков, которых нация ненавидела, была переброшена в Англию; даже священное право подачи петиций было проигнорировано, и с уважаемыми просителями обращались как с преступниками; и свободному парламенту не позволили собраться.

При таких обстоятельствах и с учетом этих неоспоримых фактов был развернут грандиозный заговор с целью свергнуть короля и ненавистную династию.

Среди заговорщиков были некоторые английские дворяне, главой которых был граф Девонширский и один из лидеров партии вигов. Шрусбери и Дэнби также присоединились к ним, причем последний дворянин был одним из самых ревностных сторонников доктрины пассивного повиновения, которую многие из высших церковников и тори защищали во времена правления Карла II. Именно при его администрации в качестве премьер-министра парламенту был предложен закон об отстранении от должности всех лиц, отказавшихся принести присягу, заявив, что они считают сопротивление во всех случаях незаконным. Комптон, епископ

Лондонский, с которым дерзко обошелся двор, присоединился к заговорщикам, о замыслах которых принцу Оранскому сообщили Эдвард Рассел и Генри Сидней, братья тех двух великих политических мучеников, которые были казнены в последнее царствование. Принц Оранский, женившийся на дочери Якова II, согласился вторгнуться в Англию с хорошо оснащенной армией.

Вильгельм из Вильгельма, принц оранский. оранский, несомненно, был величайшим государственным деятелем и воином своего времени и одним из самых способных людей, когда-либо носивших корону. Он стоял во главе великой протестантской партии в Европе и был заклятым врагом Людовика XIV. В юности его страна подверглась вторжению Людовика, была опустошена и брошена на произвол судьбы. Именно в разгар беспрецедентных бедствий, когда население повсюду разбегалось перед победоносными армиями, а плотины Голландии были открыты для опустошительных действий моря, чтобы избежать более жестоких разрушений войны, Вильгельм был призван возглавить дела. Он едва вышел из отрочества, но его отрочество прошло в обстановке опасностей и испытаний, и его экстраординарные таланты проявились наиболее рано. Его вкусы были воинственными; но он был воином, который сражался не из любви к сражениям, не ради военной славы, а для того, чтобы спасти свою страну от унижительного ига и обезопасить свободы Европы от посягательств самого честолюбивого монарха. Ревность к этим свободам была движущим принципом его существования; и это побудило его так настойчиво противодействовать политике и предприятиям французского короля, даже в ущерб своей родной стране и стране, которая его приняла.

Вильгельм был честолюбив и не пренебрегал предложениями, которые делали ему недовольные вельможи Англии. Кроме того, его жена, принцесса Мария, была предполагаемой наследницей короны до рождения принца Уэльского. Взоры английской нации давно были устремлены на него как на своего избавителя от тирании Якова. Он был искренним протестантом, смелым и предприимчивым гением и непревзойденным государственным деятелем. Но он откладывал принятие каких-либо решительных мер до тех пор, пока дела не созрели для реализации его проектов — до тех пор, пока неправильное управление и посягательства Джеймса не довели нацию до грани безумия. Затем он получил согласие Генеральных штатов на планируемое вторжение в Англию и предпринял грандиозные приготовления, которые, однако, были тщательно скрыты от шпионов и агентов Якова. Однако они не избежали пристального и ревнивого ока Людовика XIV, который упрекнул Якова в его слепоте и самоуверенности и предложил оказать ему помощь. Но обезумевший монарх не поверил в грозящую ему опасность и отверг предложенную Людовиком помощь с упорством, которое плохо сочеталось с его прежним раболепием и зависимостью. Он также не осознавал грозящей ему опасности до тех пор, пока не появилась Декларация Вильгельма, в которой излагались тиранические действия Джеймса и которая, как предполагалось, была написана епископом Бернетом, близким другом принца Оранского. Затем он поспешил снарядить флот, и тридцать линейных кораблей были переданы под командование лорда Дартмута. Сорокатысячная армия — самая большая, которой когда-либо командовал король Англии, — также была отправлена на побережье; силы, более чем достаточной для отражения голландского вторжения.

В то же время король пошел на большие уступки. Он упразднил Верховный суд. Он восстановил хартию Лондонского сити. Он разрешил епископу Винчестерскому, как посетителю колледжа

Магдалины, проводить любые реформы по своему усмотрению. Однако он не хотел расставаться ни на йоту со своей властью и все еще надеялся разгромить Вильгельма и изменить религию в своей стране. Критическое состояние Джеймса. Но все его уступки были слишком запоздалыми. Виги и тори, раскольники и церковники были готовы приветствовать своего голландского освободителя. У Джеймса также не было друзей, на которых он мог бы положиться. Его премьер-министр Сандерленд был в сговоре с заговорщиками и ждал, чтобы предать его. Черчилль, занимавший один из самых высоких постов в армии и имевший большие обязательства перед королем, был готов встать под знамена Вильгельма. Джефрис, лорд— канцлер, действительно был верен в своей преданности, но его преступления не подлежали никакому прощению со стороны нации; и даже если бы он восстал — а он был достаточно низок, чтобы сделать это, - его услуги были бы отвергнуты Уильямом и всеми его сторонниками.

29 октября 1688 года "Вооружение Вильгельма" вышло в море; но корабли едва преодолели половину расстояния до Англии, когда они были рассеяны и отброшены обратно в Голландию сильной бурей. Надежды Якова возродились; но вскоре они рассеялись. Флот Вильгельма 1 ноября снова вышел в море. Он состоял из более чем шестисот судов, пятьсот из которых были военными, и им благоприятствовали благоприятные штормы. Те же ветры, которые благоприятствовали голландским кораблям, задержали флот Дартмута. 5 ноября вторжение Вильгельма в Англию. войска Уильяма высадились в Бриксхеме, недалеко от Торбея в Девоншире, без сопротивления. 6-го числа он продвинулся к Ньютон-Эбботу, а 9-го достиг Эксетера. Его радушно приняли и великолепно развлекали. Он и его генерал-лейтенант маршал Шомберг, один из величайших военачальников Европы, вместе вошли в Эксетер в грандиозной военной процессии, которая была похожа на римский триумф. Рядом с ним также находился Бентинк, его близкий друг и советник, основатель знатного герцогского рода. Процессия направилась к великолепному собору, была спета "Te Deum", и Бернет произнес проповедь.

До сих пор все складывалось благоприятно, и Уильям прочно обосновался на английской земле. Тем не менее, его дела были ненадежными, а положение Джеймса не совсем безнадежным. Несмотря на непопулярность короля, его многочисленные посягательства и недовольную армию, предприятие Вильгельма было рискованным. Он был захватчиком, и малейший отпор был бы опасен для его интересов. Джеймс все еще был королем и контролировал армию, флот и казну. Он был законным королем, чьи притязания были неоспоримы. И он был отцом сына, и этот сын, несмотря на попытки протестантов представить его фальшивым наследником, действительно был принцем Уэльским. Уильям не претендовал на трон, пока был жив этот принц. И знать не стекалась под его знамена, как он ожидал. Прошла почти неделя, прежде чем к нему присоединился хоть один высокопоставленный человек. Девоншир находился в Дербишире, и Черчилль по-прежнему пользовался доверием своего монарха. Силы короля значительно превосходили его собственные. И в силах Якова было пойти на уступки, которые удовлетворили бы большую часть нации.

Но Уильям не просчитался. Он глубоко изучил характер Джеймса и нравы англичан. Он знал, что на него были насланы фатальная слепота и упрямство, и что он никогда не откажется от своего любимого плана изменения религии нации; и он знал, что нация никогда не согласится на это изменение; что папство было ненавистно в их глазах. Он также полагался на свой собственный хороший меч и на удачные обстоятельства.

И он недолго был обречен на неизвестность, которую обычно так трудно выносить. Через несколько дней лорд Корнбери, полковник полка и сын графа Кларендона, а следовательно, родственник самого Джеймса, дезертировал. Вскоре несколько недовольных дворян присоединились к нему в Эксетере. Вскоре за ним последовал Черчилль, первый генерал, который когда-либо в Англии отказался от своих цветов. Граф Бат, командовавший войсками в Плимуте, через несколько дней предоставил себя в распоряжение принца с крепостью, которую ему было поручено охранять. Его армия росла численностью и важностью. Девоншир поднял знамя восстания в Чатсуорте. Лондон был вброжении. Джеймс был со своей армией в Солсбери, но отдал приказ отступить, не осмеливаясь встретиться лицом к лицу с величайшим полководцем Европы. Бегство короля. Вскоре после этого он отослал королеву и принца Уэльского во Францию и начал готовиться к своему собственному позорному бегству — именно к тому, чего желали его враги, поскольку его жизни ничто не угрожало, и его дела даже тогда могли быть поставлены под угрозу, несмотря на быстрое бегство его друзей и наступление Уильяма с ежедневно увеличивающимися силами на Лондон. 11 декабря король бежал из Лондона с намерением сесть на корабль в Ширнесе и был задержан прибрежными рыбаками; но по приказу лордов был освобожден и вернулся в столицу. Уильям почти в то же время прибыл в Лондон и поселился в Сент-Джеймском дворце. Излишне добавлять, что население города было дружелюбно настроено к его делу и что теперь он был фактически королем Англии. Отрадно также добавить, что самое гнусное орудие королевской тирании было захвачено во время побега в Уоппинге в подлой одежде матроса. Он был обнаружен по ужасающей свирепости его лица. Джеффриса заключили в Тауэр; и Тауэр защитил его от худшего бедствия, поскольку толпа разорвала бы его на куски. Католические священники также были арестованы, а их часовни и дома разрушены.

Тем временем парламент собрался и обсудил положение дел. Было выдвинуто и отклонено множество предложений. Король бежал во второй раз, и трон был объявлен вакантным. Но корона не была немедленно предложена принцу Оранскому, хотя к нему обращались как к национальному благодетелю. Многие выступали за регентство. Другая партия была за то, чтобы посадить принцессу Марию на трон и дать Уильяму при ее жизни титул короля и ту долю управления, которую она решила ему передать.

Но Вильгельм рисковал всем ради трона, и ничто меньшее, чем корона Англии, теперь не могло его удовлетворить. Он дал конвенту понять, что, как бы он ни уважал свою жену, он никогда не согласится на подчиненное и ненадежное место в ее правительстве; "что он не допустит, чтобы его привязывали к переднику лучшей из жен"; что, если ему не предложат пожизненную корону, он должен вернуться в Голландию.

Соответственно, парламент постановил, что он должен носить королевское достоинство совместно со своей женой, но вся власть в правительстве должна быть передана в его руки. И княжна Марья охотно согласилась, будучи преданной своему мужу и не стремясь к честолюбию по отношению к себе.

Так завершилась Революция. Английская революция 1688 года, бескровная, но славная. Тиран был свергнут с абсолютного трона, и вместо него воцарился благородный и великодушный принц, давший клятву соблюдать законы королевства — клятву, которую он никогда не нарушал. Из всех революций эта оказалась самой благотворной. Она положила конец долгой борьбе, длившейся сто пятьдесят лет. Королевская прерогатива склонилась перед волей

народа, и началась подлинная религиозная и гражданская свобода. Принц Оранский был призван на трон голосом нации, как это изложено в документе, известном как Декларация прав. Декларация прав. Этот знаменитый акт урегулирования перечислил преступления и ошибки Джеймса и просто утвердил древние права и свободы Англии — что распределяющая власть не имеет законного существования; что никакие деньги не могут быть собраны без разрешения парламента; и что никакая армия не может содержаться в мирное время без его согласия; и он также утверждал право подачи петиций, право выборщиков свободно выбирать своих представителей, право парламента свободу дебатов и право нации на чистое и милосердное отправление правосудия. Никаких новых прав выдвинуто не было, а просто были восстановлены старые. Вильгельм принял корону на предложенных условиях и поклялся править в соответствии с законами. "Ни один цветок короны, - говорит Маколей, - не был затронут. Народу не было дано ни одного нового права. Декларация прав, хотя и не устанавливала ничего такого, что не было бы законом раньше, содержала зародыш закона, который предоставил свободу вероисповедания инакомыслящим; закона, который обеспечил независимость судей; закона, который ограничил продолжительность работы парламентов; закона, который передал свободу прессы под защиту присяжных; закона, который отменил испытание на причастие; закона, который освободил римских католиков от гражданской инвалидности; закона, который реформировал представительную систему; каждого хорошего закона, который был принят за сто шестьдесят лет; каждого хорошего закона, который может быть принят в будущем. , с течением веков будут признаны необходимыми для содействия общественному благу и удовлетворения требований общественного мнения".

Ссылки.—"Истории Англии" Маколея, Юма, Халлама и Лингарда. "Причины революции 1688 года" Макинтоша. История правления Джеймса Фокса — прекрасный фрагмент. История Бернета его собственного времени. История пуритан Нила. Жизнь и времена Ричарда Бакстера. "Жизнь Баньяна" Саути. Мемуары Джорджа Фокса, автор Марш. "Жизнь Уильяма Пенна". Главы о религии, науке и положении людей в изобразительной истории Англии. "Современная Европа" Рассела. "Жизнь судьи Джеффриса" Вулрича.[\(Вернуться к содержанию\)](#)

ГЛАВА XVI.

ЛЮДОВИК XIV.

Теперь перейдем от английских дел к размышлениям о правлении Людовика XIV. Людовик XIV. — человек, который занимал очень большое место в истории Европы семнадцатого века. Действительно, его правление само по себе является эпохой, и не столько из-за какого-то импульса, который он дал свободе или цивилизации, сколько потому, что на протяжении более чем полувека он был центральной движущей силой европейской политики. Его правление ознаменовано торжеством во Франции деспотических принципов, полным подавлением народных интересов и почти поглощением национальных интересов его личным возвышением. Он символизирует господство моды и великую утонченность материальной жизни. Лагерь и двор Людовика XIV. впитал в себя все, что было интересного в истории Франции на протяжении большей части семнадцатого века. Он правил семьдесят два года, и, как предполагается, в ходе его различных войн миллион человек пали жертвами его тщеславных амбиций. Его дворцы поглотили сокровища, которые сохранили его войны. На него смотрели как на солнце славы и могущества, в свете которого все остальные огни были тусклыми. Философы, поэты, прелаты,

генералы и государственные деятели во время его правления считались только его спутниками. Он был центральной сферой, вокруг которой вращались все остальные источники света, и все должны были родиться, чтобы внести свой вклад в его славу. Он был, самым решительным образом, государством. Он был Францией. Поэтому человек, который в глазах современников был таким великим, таким богатым, таким могущественным и таким абсолютным, заслуживает особого внимания. В компетенцию истории входит фиксировать великие влияния, независимо от того, исходят ли они от народа, от великих популярных идей, от литературы и науки или от одного человека. Жизни отдельных людей сравнительно незначительны в истории Соединенных Штатов; но жизни таких людей, как Цезарь, Кромвель и Наполеон, представляют собой очень важные темы для пера историка-философа, поскольку от них исходило огромное контролирующее влияние, а не от народа, которым они правили.

Людовик XIV. не был ни великим полководцем, как Генрих IV, ни великим государственным деятелем, как Вильгельм III, ни философом, как Фредерик Великий, ни универсальным гением, как Наполеон; но его правление привлекло внимание современников, и обстоятельства сложились так, что сделали его абсолютным хозяином великой империи. Более того, у него было достаточно таланта и амбиций, чтобы использовать удачные возможности, а также Свою Власть и Ресурсы. ресурсы своего королевства для собственного возвеличивания. Но Франция, тем не менее, была принесена в жертву. Французская революция была в такой же степени следствием его тщеславия и эгоизма, в какой его собственная власть была плодом политики кардиналов Ришелье и Мазарини. Благодаря их трудам на благо абсолютизма он получил в свое распоряжение армии и сокровища. Но армии и сокровища тратились на цели тщеславных амбиций, на удовлетворение эгоистичных удовольствий, на дорогостоящие зрелища и на великолепные дворцы. Это, в конце концов, привело нацию в замешательство, пригвоздив ее к земле бременем налогов и обезумев от перспективы разорения, бедности и деградации народа и, в то же время, от расточительности и наглости властной аристократии. Аристократия составляла славу и гордость трона, и как знать, так и трон пали, и велико было их падение.

Наше знакомство с Людовиком XIV начинается не с его рождения, а с того времени, когда он решил сам стать премьер-министром после смерти кардинала Мазарини (1661 г.)

Людовику XIV. было тогда двадцать три года — откровенный, красивый, властный и амбициозный. Его образованием пренебрегали, но его гордость и эгоизм были поощрены. Во время своего совершеннолетия он был стеснен в средствах из-за жадного кардинала; но жадный по отношению к своему молодому господину, поскольку после его смерти, помимо его личного состояния, составлявшего двести миллионов ливров, он оставил пятнадцать миллионов ливров, не указанных в его завещании, которыми, конечно, завладел король и, таким образом, стал самым богатым монархом Европы. Незадолго до смерти Мазарини он был женат на инфанте Марии Терезии, дочери Филиппа IV, короля Испании. Но задолго до женитьбы он привязался к Марии де Манчини, племяннице Мазарини, которая со страстным пылом отвечала на его любовь. Впоследствии она вышла замуж за принца Колонна, римского аристократа, и вела самую заброшенную жизнь.

Огромное состояние, оставленное кардиналом Мазарини, несомненно, было одним из мотивов, побудивших Людовика XIV, хотя ему было всего двадцать три года, стать своим собственным премьер-министром. Отныне, до самой его смерти, все его министры регулярно отчитывались перед ним, и никому не разрешалось выходить за рамки, которые он им предписывал.

Сначала он принял министров, рекомендованных умирающим кардиналом. Наиболее известными из них были Ле Телье, Де Лион и Фуке. Последнее было доверено государственной казне, которая нашла средства снабдить распутного молодого монарха всеми деньгами, которые он желал для удовлетворения своих дорогих вкусов и разорительных удовольствий.

Мысли и время короля после смерти Мазарини в течение шести или семи лет были заняты главным образом Привычками и удовольствиями Людовика. удовольствия. Именно тогда французский двор был таким распущенным, великолепным и пользовался широкой известностью. Именно в это время королем правила Лавальер, одна из самых известных из всех его фавориток, женщина незаурядной красоты и вкуса, и не такая беспринципная, какими обычно бывают королевские фаворитки. Она была создана герцогиней, а ее дети были узаконены, а также стали герцогами и принцами. Король их очень любил, и его любовь к ним пережила любовь к их несчастной матери, которая, хотя и была красива и любвеобильна, не была достаточно умна, чтобы сохранить привязанность, которую она внушала самому эгоистичному монарху своего времени. В сердце короля ее сменила мадам де Монтеспан, властная красавица, чьи экстравагантности и безумства шокировали и изумляли даже самый распущенный двор в Европе; и Лавальер с разбитым сердцем, безутешная и униженная, нашла убежище в монастыре кармелиток, в котором провела тридцать шесть меланхолических и унылых лет, среди самых суровых покаяний, наложенных на себя, в тревожной надежде на то, что о ее грехах больше не будут вспоминать и где усталые обретут покой. .

Именно в эти годы экстравагантности и удовольствий Версаль привлек восхищенные взгляды христианского мира, самый великолепный дворец, который мир видел со времен падения Вавилона. Среди ее садов и рощ, парков и мраморных залов современный Навуходоносор наслаждался пышностью и величием, не имеющими аналогов в истории Европы, в окружении выдающихся прелатов, поэтов, философов и государственных деятелей, и всей той знати и красоты, которые были облагорожены во всех его обширных владениях. Опьяненный их совместной лестью, всеми благоговениями, которые могло возжечь перед ним подхалимство, возведенное в ранг науки, он почти вообразил себя божеством и не давал границ своему потаканию своим желаниям, своему тщеславию и своей гордыне. Все было подчинено его удовольствиям и его эгоизму — одинаковому эгоизму, невзирая на слезы отвергнутых фаворитов и стоны его измученных подданных.

Но Людовик, наконец, пресытившийся удовольствиями, отвлекся от версальских празднеств мечтами о Своих военных амбициях. военные амбиции. Он ничего не знал о войне, о ее опасностях, поражениях или о ее разорительных расходах; но он воображал, что участие в дорогостоящей игре было бы прекрасным развлечением для богатого и абсолютного монарха. Он обратил свой взор на Голландию, государство, чрезвычайно слабое сухопутными войсками, и решил присоединить ее к великому королевству, которым правил сам.

Единственной державой, способной оказать действенную помощь Голландии, когда ей угрожал Людовик XIV, была Англия; но Англией правил Карл II, и все, что его заботило, - это его удовольствия и независимость от парламентского контроля. Французский король легко убедил

его разорвать союз с голландией своевременной взяткой, в то же время он обеспечил нейтралитет Испании, разжигая наследственные предубеждения испанского двора против Нидерландов.

Таким образом, против Голландии была объявлена война даже без приличного повода и без провокации с целью присоединения Нидерландов к Франции.

Прежде чем голландцы смогли подготовиться к сопротивлению, Людовик XIV появился на берегах Рейна со стодвадцатитысячной армией, которой командовали такие способные генералы, как Люксембург, Конде и Тюренн. Царь командовал лично и со всей помпой древнего персидского монарха, окруженный женщинами и знатью. Без каких-либо достаточных сил, способных оказать ему сопротивление, его шествие не могло не быть триумфальным. Он переправился через Рейн — подвиг, широко воспетый его льстецами, хотя в нем не было ничего экстраординарного, — и в течение нескольких недель почти все Соединенные провинции сдались царственному победителю. Покорению только Голландии и Зеландии было необходимо, чтобы увенчать его предприятие полным успехом. Но он напрасно тратил время на парад в Утрехте, где у него был свой двор и где его великолепная армия упивалась удовольствиями и помпой. Только Амстердам, среди всеобщего уныния и растерянности, вызванных наводнением Франции, остался верен себе и свободам Голландии; и это произошло главным образом благодаря доблестным усилиям Вильгельма, принца Оранского. Принц Оранский.

В то время (1672 г.) ему было двадцать два года, он получил отличное образование и проявил значительные военные способности. Благодаря его не по годам развитому таланту, несомненному патриотизму и большим заслугам, которые его семья оказала государству, он был назначен главнокомандующим вооруженными силами республики и получил поощрение претендовать на должность штатгальтера, самую высокую в содружестве. И его власть значительно возросла после расправы над Де Виттами — невинными жертвами народной зависти, которые, хотя и были патриотами и прославленными людьми, склонялись к политике, отличной от той, которую отстаивала оранжевая партия. Вильгельм посоветовал Штатам с презрением отвергнуть унижительные условия мира, предложенные Людовиком XIV, и пойти на любые жертвы ради защиты своего самого последнего рва. Героический дух, одушевлявший его душу, он передавал своим соотечественникам на грани отчаяния и в перспективе национальной гибели; и так велик был народный энтузиазм, что были сделаны приготовления к тому, чтобы пятьдесят тысяч семей бежали в голландские владения в Ост-Индии и основали там новую империю на случай, если их сокрушит торжествующий враг.

Никогда в истории войн не проявлялась такая энергия, как со стороны голландцев в час их крайности. Они открыли свои плотины и затопили свои деревни и фермы. Они сплотились под знаменем своего героического вождя, который с двадцатью двумя тысячами человек сдерживал огромные армии Конде и Тюренна. Провидение также помогало людям, которые были готовы помочь себе сами. Флоты их врагов были рассеяны штормами, а их армии были отброшены назад своевременным наводнением.

Героизм Вильгельма вызвал всеобщее восхищение. Людовик попытался подкупить его и предложил ему суверенитет Голландии, но это предложение он без колебаний отверг. Он видел самую низкую точку депрессии в своей стране и был уверен в конечном успехе.

Соппротивление Голландии было неожиданным, и Людовик, утомленный кампанией, удалился в Версаль, чтобы напиться благовониями своих льстецов и опубликовать манифесты о своей славе и успехе.

Государства Европы, ревниво относившиеся к посягательствам Людовика, наконец решили прийти на помощь борющейся голландской республике. Карл II. бесславно встал на сторону великого деспота Европы; но император Германии, курфюрст Бранденбургский и король Испании объявили войну Франции. Более того, голландцы выиграли несколько знаковых морских сражений. Прославленные адмиралы Де Рюйтер и Ван Тромп восстановили древнюю славу голландского флага. Французы были почти изгнаны из Голландии, и Карл II, несмотря на свои тайные договоры с Людовиком, был вынужден заключить мир с маленьким государством, которое до сих пор бросало ему вызов в расцвете его могущества.

Но амбициозный король Франции был полон решимости не дать сбить себя с толку в осуществлении своего плана, поскольку в его распоряжении были все могучие ресурсы его королевства, и он горел страстью к военному превосходству. Второе вторжение в Голландию. Поэтому он возобновил подготовку к завоеванию Голландии в большем масштабе, чем когда-либо, и собрал четыре огромные армии. Конде повел один из них против Фландрии и вел кровопролитную, но нерешительную битву с принцем Оранским, в которой погибло по двенадцать тысяч человек с каждой стороны. Тюрэнн командовал другим отрядом на стороне Германии и овладел Пфальцем, добился нескольких блестящих успехов, но опозорил их ненужными жестокостями. Мангейм и многочисленные города и деревни были сожжены, а страна опустошена. Курфюрста охватило такое негодование, что он вызвал французского генерала на поединок один на один, который великий маршал отклонил.

Сам Людовик возглавил третью армию и вторгся во Франш-Конте, который он покорил за шесть недель. Четвертая армия была направлена к границам Руссильона, но ничего существенного не предприняла.

Эта голландская война. великая война продолжалась еще четыре года, в ходе которой противоборствующие стороны добились различных успехов. Единственным решающим результатом соревнования было уменьшение численности всех соперничающих держав. Было проведено несколько крупных сражений, но Голландия все еще держалась с меньшими силами. Людовик потерял великого Тюрэнна, который был убит накануне битвы со знаменитым Монтекукули, командовавшим германскими армиями; но в последующей кампании эта потеря была компенсирована капитуляцией Валансьена, победами Люксембурга над принцем Оранским и другим мирным договором с Карлом II.

Наконец, все противоборствующие стороны были истощены, и Людовик был готов заключить мир. Он не подчинил себе Голландию, но благодаря своим огромным ресурсам получил значительные преимущества. Нимегенский мирный договор 1678 года закрепил за ним Франш-Конте, который он дважды завоевывал, и несколько важных городов и крепостей во Фландрии. Он значительно расширил свои владения, несмотря на могущественную конфедерацию, и отступил с поля триумфа только для того, чтобы замышлять более грандиозные предприятия.

В течение девяти лет Европа наслаждалась передышкой от ужасов войны, во время которой Людовик XIV действовал как универсальный монарх. В течение этих девяти лет он предавался

своей страсти к строительству дворцов и окружал себя всеми удовольствиями, которые могли опьянить разум, на котором уже были исчерпаны все искусства лести и все ресурсы богатства.

Человеком, которому Людовик был больше всего обязан средствами для осуществления своих побед и строительства дворцов, был Кольбер, министр финансов, сменивший Фуке. Франция была обязана этому способному и патриотично настроенному министру своим богатейшим производством шелка, кружев, гобеленов и ковров, а также различными внутренними улучшениями. Он основал производство гобеленовых гобеленов; воздвиг Королевскую библиотеку, колоннаду Лувра, Королевскую обсерваторию, Отель инвалидов и дворцы Тюильри, Венсенна, Медона и Версаля. Он поощрял все формы промышленности и защищал гугенотов. Но его великие заслуги не были в полной мере оценены королем, и он был неприятен знати, которая завидовала его возвышению, и народу, потому что желал процветания Франции больше, чем удовлетворения их удовольствий. Ему наследовал Лувуа, который долгое время сохранял большое влияние благодаря подобоострастному исполнению всех желаний короля.

В этот период главной фавориткой при дворе была мадам Монтеспан. Мадам де Монтеспан — самая печально известная и беспринципная, но самая остроумная и блестящая из всех любовниц короля и самая надменная женщина своего возраста. Вкусы у нее были дорогие, а привычки экстравагантные и роскошные. Государь осыпал ее бриллиантами и рубинами. Он ни в чем не мог ей отказать. Она получала от него так много, что могла позволить себе пожертвовать монастырю, одно только строительство которого обошлось в миллион восемьсот тысяч ливров. Ее дети были узаконены и объявлены принцами крови. Через нее текли королевские милости. Послы, министры и даже прелаты ухаживали за ней. На нее не действовали упреки Боссюэ. Уверенная в своем господстве над разумом Людовика, она восторжествовала над его двором и оскорбила нацию. Но, в конце концов, она ему надоела, хотя она оставалась при дворе восемнадцать лет, и ее уволили из Версаля с пенсией в размере шестисот тысяч долларов в год. Она прожила двадцать два года после своего изгнания от двора в большом великолепии, иногда надеясь вернуть себе власть, которой когда-то пользовалась, а иногда подвергаясь тем суровым покаяниям, которые налагает на нее церковь во искупление грехов. Однако до последнего она была надменной и властной и соблюдала суетный придворный этикет. Ее муж, которого она бросила и с которым после своего позора пыталась помириться, никогда не хотел слышать упоминания ее имени; а король, которого она почти двадцать лет держала в плену, равнодушно узнал о ее смерти, отправляясь на охоту. "Ах, в самом деле, - сказал Людовик XIV. - Значит, маркиза мертва! Я думал, она протянет дольше. Вы готовы, господин де Ларошфуко? Я не сомневаюсь, что после этого последнего душа запах останется приятным для собак. Давайте отправимся немедленно.

Когда маркиза де Монтеспан потеряла свою власть над королевской эгоисткой мадам де Ментенон. Мадам де Ментенон получила свою. Она была женой поэта Скаррона и впервые была известна королю как гувернантка детей Монтеспан. В целом она была достойной женщиной, очень интеллектуальной, очень порядочной, очень искусной и очень амбициозной. Ни один человек никогда не имел такого большого влияния на Людовика XIV, как она; и ее влияние заключалось в преобладании сильного ума над слабым. Она пыталась установить мир при дворе и отговорить короля от тех пороков, к которым он так долго былпристрастен. И она частично вернула его себе, хотя, пока к ее советам все еще прислушивались, Людовик был поработан мадам де Фонтанж - роскошной красавицей, которую он сделал герцогиней и на которую растратил доходы провинции. Но ее правление было недолгим. Простое физическое

очарование вскоре должно было уступить превосходящей силе интеллекта и остроумия, и после ее смерти правление мадам де Ментенон завершилось. Поскольку король не мог жить без нее, и поскольку она отказалась пойти по стопам своих предшественников, король сделал ее своей женой. И она была достойна его выбора; и ее влияние было, в целом, хорошим, хотя она подружилась с иезуитами и подтолкнула короля ко многим проявлениям религиозной нетерпимости. Главным образом благодаря ее влиянию, дополненному влиянием иезуитов, король отменил Нантский эдикт, и его отмена сопровождалась большими страданиями и лишениями среди преследуемых гугенотов. Взойдя на трон в 1643 году, он подтвердил привилегии протестантов; но постепенно он стал беспокоить их поборами и ограничениями и, наконец, в 1685 году отменил эдикт, изданный Генрихом IV. когда они скончались, он лишил их своего покровительства и подверг более жестоким преследованиям, чем в любой предшествующий период. Все протестантские священники были изгнаны или отправлены на галеры, а дети протестантов были отобраны у своих родителей и переданы на попечение их ближайших католических родственников или таких лиц, как назначенные судьи. Все ужасы военной казни, все ухищрения жречества были пущены в ход, чтобы обратить новообращенных, а те, кто впадал в рецидив, подвергались жестоким мучениям. Двадцатая часть из них была казнена, а остальные кочевали с места на место. В результате этих жестокостей Франция лишилась почти шестисоттысяч лучших людей страны — большое несчастье, поскольку своим рассеянием и изгнанием они способствовали обогащению своим сельским хозяйством и мануфактурами стран, в которые они бежали.

С этого периода своего правления Людовик XIV и до своей смерти. был религиозным фанатиком, и интересы Римской церкви, наряду с триумфом абсолютизма, стали величайшим желанием его жизни. Он был пунктуален и скован во внешних церемониях своей религии и заявлял, что сожалеет о безумствах и пороках своей юности. Под влиянием своего духовника, иезуита Лашеза, и своей жены, мадам де Ментенон, он отослал Монтеспан от своего двора и прекратил те веселья, которыми тот когда-то отличался. Но он всегда любил всякого рода церемонии, и этикет его двора был самым утомительным и деспотичным, что утомляло саму мадам де Ментенон и побудило ее воскликнуть в письме к своему брату: "За исключением тех, кто занимает самое высокое положение, я не знаю никого более несчастного, чем те, кто им завидует".

Любимым министром короля в то время был Лувуа, очень способный, но чрезвычайно расточительный человек, который ввергал Людовика XIV в неисчислимые расходы и поощрял его вкус как к дворцам, так и к войне. Вероятно, именно из-за его интриг, направленных на то, чтобы стать нужным королю, в Европе снова разразилась всеобщая война.

В 1687 году была образована знаменитая Лига Аугсбурга. Аугсбургская лига, посредством которой ведущие князья Европы объединились в великую конфедерацию для подавления власти и посягательств французского короля. Лувуа интриговал, чтобы добиться избрания кардинала де Фюрстенберга архиепископством Кельна, вопреки интересам Баварии, естественного союзника Франции, сознавая, что тем самым он должен спровоцировать военные действия. Но этот акт был лишь поводом, а не причиной войны. Людовик разгневал протестантский мир своими преследованиями гугенотов. Он оскорбил даже самого папу, отправив посла в Рим с охраной и вооруженными слугами, равными армии, чтобы добиться некоторых привилегий, которые не входили в интересы или достоинство папы; он поощрял вторжение турок в Германию; он захватил Страсбург, столицу Эльзаса; он бомбардировал

Геную, потому что она продавала алжирцам порох, и вынудил дожа посетить его в качестве просителя; он осадил несколько городов, принадлежавших Испании; и он готовился присоединить Нидерланды к своим владениям. Действительно, он относился ко всем другим державам так, как если бы он был абсолютным монархом Европы, и страх и зависть объединяли их против них. Германия, Испания и Голландия, а затем Англия, Дания, Швеция и Савойя объединили усилия, чтобы сокрушить общего врага европейских свобод.

Людовик приложил огромные усилия, чтобы противостоять этой могущественной конфедерации. На поле боя было отправлено четыреста тысяч человек, разделенных на четыре армии. Двое из них были отправлены во Фландрию, один - в Каталонию и один - в Германию, которые огнем и мечом опустошили Пфальц. Лувау отдал приказ, и Людовик санкционировал его, который был выполнен с такой беспощадной жестокостью, что вся Европа была полна негодования и неповиновения.

Силы Людовика были огромны, но силы союзников были больше. Противостоящие армии и генералы. У испанцев, голландцев и англичан во Фландрии была армия в пятьдесят тысяч человек, одиннадцатью тысячами из которых командовал граф Мальборо. Немцы послали в бой еще три армии; одной командовал курфюрст Баварский на Верхнем Рейне; другой - герцог Лотарингский на Среднем Рейне; и третьей - курфюрст Бранденбургский на Нижнем Рейне; и они в первой кампании добились значительных успехов. На следующий год герцог Савойский присоединился к союзникам, армией которых командовал Виктор Амадей; но он был разбит маршалом Катина, одним из самых выдающихся французских генералов. Люксембург также добился успеха во Фландрии и одержал победу в великой битве при Шарлеруа над немцами и голландцами: объединенный флот англичан и голландцев также был разбит французами в битве при Бичи-Хед. В следующей кампании принц Евгений и герцог Шомбергский отличились, помешав победоносной карьере Катина, но ничего существенного сделано не было. Следующей весной Вильгельм III и Людовик XIV, два великих вождя противоборствующих сторон, сами выступили в поход; и Людовик с помощью Люксембурга взял Намюр, несмотря на попытки Вильгельма оказать ему помощь. Французы добились еще некоторых успехов, и Людовик удалился в Версаль, чтобы отпраздновать победы своих генералов. Следующая кампания стала свидетелем еще одной блестящей победы над Вильгельмом и союзниками, одержанной Люксембургом при Неервиндене, когда было убито двенадцать тысяч человек; а также другой, одержанной Катина при Марсалье, в Италии, над герцогом Савойским. Военная слава Людовика была теперь на пике; но в кампании 1694-1695 годов он потерпел большие неудачи. Умер Люксембург, величайший из его полководцев. Союзники отвоевали Гюи и Намюр, и французский король, измученный долгой войной, был вынужден заключить мир. Рисвикский мирный договор 1697 года обеспечил спокойствие в Европе на четыре года — достаточно долго, чтобы противоборствующие стороны восстановили свои силы и подготовились к более отчаянному противостоянию. Людовик XIV, однако, теперь перешел к обороне. Союзные державы были настроены на его полное унижение.

Война снова вспыхнула в 1701 году, как следствие войны за испанское наследство. восшествие на трон Испании Филиппа V., внука Людовика XIV. Эта великая война за испанское наследство, во время которой Мальборо так сильно отличился, требует нескольких поясняющих замечаний.

Карл II, король Испании и последний в роду австрийских принцев, не имея наследника и находясь при смерти, выбрал своим преемником Леопольда Баварского, пятилетнего мальчика,

бабушкой которого была Мария Терезия. Но были также два других претендента — герцог Анжуйский, внук Людовика XIV, чьи претензии основывались на том, что он был внуком Марии Терезии, дочери Филиппа IV, и сестры Карла II, и император Германии, матерью которого была дочь Филиппа III. Различные европейские государства с крайней ревностью относились к притязаниям императора Германии и герцога Анжуйского, поскольку опасались, что баланс сил будет серьезно нарушен, если королем Испании станет либо австриец, либо принц Бурбонов. Поэтому они в целом поддерживали притязания баварского принца, особенно Англия и Голландия.

Но принц Баварский скоропостижно скончался, как предполагалось, от яда, и Людовик XIV. настолько успешно заинтригован, что испанский монарх назначил его внука наследником своего трона. Это привело в ярость Леопольда II. Германии, и особенно Вильгельму III, который решил, что дом Бурбонов не должен больше усиливаться.

После восшествия герцога Анжуйского на испанский престол в 1701 году был создан великий союз во главе с императором Германии и королем Англии, призванный свергнуть его с престола. Людовик XIV. долго колебался между своим честолюбием и интересами своего королевства; но честолюбие восторжествовало. Он хорошо знал, что мог обеспечить корону своему внуку только путем отчаянного соперничества с возмущенной Европой. Австрия, Голландия, Савойя и Англия выступили против Франции. И эта война за испанское наследство была самой продолжительной, самой кровопролитной и самой разрушительной войной, в которой когда-либо был вовлечен Людовик. Это началось в последний год правления Вильгельма III и продолжалось тринадцать лет.

Великим героем этой войны, несомненно, был герцог Мальборо. Герцог Мальборо, хотя принц Евгений снискал с ним такую нетленную славу, какую только может даровать война. Джона Черчилля, герцога Мальборо, нельзя назвать одним из тех гениев, которые произвели впечатление на народы и столетия; но он был человеком, придавшим большой блеск британскому имени и достигшим более высокой военной славы, чем любой генерал, которого Англия произвела со времен Оливера Кромвеля, за исключением Веллингтона.

Он родился в 1650 году в семье уважаемых родителей и был почетным пажом герцога Йоркского, впоследствии Якова II. Будучи всего лишь мальчиком, его склад ума был замечен, и он выпросил и получил от герцога звание прапорщика и быстро прошел через военные звания лейтенанта, капитана, майора и полковника. Во время печально известного союза между Людовиком XIV и Карлом II он служил под началом маршала Тюренна и научился у него военному искусству. Но он также отличился как дипломатический агент Карла II в его интригах с Голландией и Францией. Перед восшествием на престол Якова II ему был присвоен титул шотландского пэра барона Черчилля. Он следовал за своим королевским покровителем в его различных странствиях, и, когда он унаследовал английский трон, он был возведен в ранг английского пэра. Но Мальборо покинул своего покровителя при высадке Вильгельма III и был сделан членом его Тайного совета и лордом опочивальни. За два дня до коронации Вильгельма он стал графом Мальборо, но ему не было доверено столь высокое военное командование, какого заслуживали его гений и заслуги, поскольку Вильгельм, очевидно, ревновал к его славе. После восшествия на престол Анны он был отправлен на Континент с верховным командованием английскими армиями в войне с Людовиком за испанское наследство. Его заслуги в кампании 1702 года обеспечили ему герцогство, и заслуженно, поскольку он боролся

с большими препятствиями — с упрямством и глупостью голландских депутатов; с робостью английского правительства у себя дома; и с опытными армиями Людовика, возглавляемыми прославленным Вилларом. Но ни кампании 1702, ни 1703 года не были отмечены какими-либо решающими сражениями. В 1704 году произошла знаменитая битва при Бленхейме, в результате которой мощь Франции была подорвана, а надежды Людовика рухнули.

Кампания 1703 года завершилась катастрофически для союзников. Европа никогда не была в большей опасности. Бавария объединилась с Францией и Испанией, чтобы сокрушить Австрию. У австрийцев было всего двадцать тысяч человек, в то время как у баварцев в центре Германии было сорок пять тысяч человек, а маршал Таллар с сорока пятью тысячами человек был размещен на Верхнем Рейне. Маршал Виллеруа выступил против Мальборо в Нидерландах.

Но Мальборо задумал смелый проект по отправке своих войск на берега Дуная и там объединиться с империалистами под командованием принца Евгения, чтобы отрезать силы противника прежде, чем они смогут объединиться. Поэтому он оставил голландцев защищаться от Виллеруа и быстро поднялся по Рейну, прежде чем кто-либо из врагов догадался о его замыслах. Из Менца он двинулся с сорока тысячами человек к Гейдельбергу, а из Гейдельберга - к Донауорту на Дунае, где его войска, соединившиеся с австрийцами и пруссакими, успешно вступили в бой с баварцами. Но баварцам и французам также удалось объединить свои силы; и обе стороны приготовились к отчаянному столкновению. С каждой стороны было около восьмидесяти тысяч человек. Французы и баварцы укрепились в деревне во время битвы при Бленхейме. Бленхейм; и Мальборо, вопреки советам большинства своих генералов, решил атаковать их укрепленный лагерь до того, как он будет вновь укреплен большим отрядом войск, посланным Виллеруа. "Я знаю об опасности, - сказал Мальборо, - но сражение абсолютно необходимо". Он одержал победу. Сорок тысяч врагов были убиты или взяты в плен; сам Таллар был взят в плен, и все трофеи были захвачены, что знаменует решающую победу. Благодаря его великой победе австрийский император избавился от своих страхов, венгры были охвачены благоговейным страхом, Бавария попала под власть императора, а армии Людовика были подавлены и обескуражены. Мальборо беспрепятственно вернулся в Голландию, был провозглашен принцем империи и получил пенсии и земли от английского правительства, что сделало его одним из самых богатых и знатных представителей английской знати. Был построен дворец Бленхейм, и он удостоился похвал всего цивилизованного мира.

Французы с трудом смогли справиться с Мальборо во время следующей кампании, но сплотились в 1706 году, во время которого состоялась великая битва при Рамиллисе, выигранная Мальборо. Результатом этой победы было завоевание Брабанта и большей части испанской Фландрии, и Людовик, искалеченный и униженный, попытался заключить мир. Хотя они были справедливыми, они были отклонены; союзники решили, что мир не должен быть заключен с домом Бурбонов, пока принц этого дома продолжает сидеть на троне Испании. Людовик воззвал теперь, в своем несчастье, к национальной чести, отправил свою пластину на монетный двор и решил, в свою очередь, бороться до последней крайности со своими врагами, которых опьянил успех.

Англичане, не удовлетворившись противостоянием Людовику в Нидерландах и Германии, послали также свои армии в Испанию, которые, объединившись с австрийцами, захватили страну и почти завершили ее завоевание. Одним из самых доблестных и запоминающихся

подвигов войны стала осада и взятие Барселоны графом Питерборо, город предпринял одну из самых благородных и отчаянных оборон со времен осады Нумантии.

Усилия и нужды Луи. усилия Людовика были равны его потребностям, и в 1707 году он смог послать на поле боя большие армии. Ни один из его генералов не смог противостоять герцогу Мальборо, который одержал новые победы и взял важные города; но в Испании англичан постигла неудача. В 1708 году Людовик снова предложил условия мира, которые снова были отклонены. Его страна была разорена, ресурсы истощены, а подданных унес голод. Он согласился уступить всю испанскую монархию австрийскому дому без какого-либо эквивалента; уступить императору свои завоевания на Рейне, а голландцам великие города, захваченные Мальборо; признать курфюрста Бранденбургского королем Пруссии, а Анну королевой Англии; изгнать Претендента из его владений; признать преемственность ганноверского дома; восстановить все, чего требовал герцог Савойский; и согласиться с уступками, сделанными королю Португалии.

И все же эти условия, столь почетные и выгодные для союзников, были отвергнуты, главным образом под влиянием Мальборо, Юджина и пенсионария Гейнсиуса, которые действовали из совершенноэгоистичных побуждений. Людовику не разрешалось лелеять даже самую отдаленную надежду на мир без сдачи сильнейших городов своих владений в качестве залога полной эвакуации испанской монархии его внуком. На это он не согласился. В своеотчаянии он положился на верность своего народа. Их гордость и честь были возбуждены, и, несмотря на все свои невзгоды, они приготовились предпринять новые усилия. Снова французы потерпели поражение в великой битве при Мальплаке, когда с каждой стороны сражалось по девяносто тысяч человек; и снова Людовик запросил мира. Снова были отвергнуты его попытки, и снова он сплотил свою измученную нацию. В Испании было одержано несколько побед над конфедератами; но союзники постепенно окружали его, и охота на короля была близка к завершению, когда неожиданные разногласия между союзниками избавили его от врагов.

Эти разногласия были борьбой между вигами и тори в Англии; первые утверждали, что мира заключать не следует; вторые - что война зашла уже достаточно далеко и затягивалась только для удовлетворения честолюбия Мальборо. Вследствие этого великий полководец потерял популярность, и Тори удалось добиться мира как раз в тот момент, когда Людовик был на грани разорения. Еще одна кампания, если бы союзники объединились, вероятно, позволила бы Мальборо проникнуть в Париж. Это было его целью; это было целью его партии. Но нация устала от войны и, наконец, заключила мир с Людовиком. По Утрехтскому мирному договору. Утрехтский мирный договор (1713) вернул Филиппу V трон Испании, но был вынужден отказаться от своих прав на корону Франции в случае смерти болезненного младенца, правнука Людовика XIV, который был очевидным наследником престола; но в других отношениях условия были не более выгодными, чем те, что Людовик предложил в 1706 году, и совершенно неадекватными расходам на войну. Союзникам следовало бы уступить увертюрам Людовика раньше или проявить настойчивость. Но партийный дух и раскол в английском кабинете министров и парламенте помешали достижению желаемого вигами результата, и Людовик был спасен от дальнейших унижений и потерь.

Но его сила была сломлена. Он больше не был автократом Европы, а жалким стариком, который дожил до того, чтобы увидеть непоправимые бедствия, обрушившиеся на его нацию, и бедствия, ставшие следствием честолюбия. Последние годы его жизни были печальными.

Он пережил своего сына и внука. Он видел себя объектом упреков, насмешек и сострадания. Он искал религиозного утешения в своей церкви, но стал жертвой жалкого суеверия и орудием иезуитов. Им правила его жена, вдова поэта Скаррона, которую его дети отказались почитать. Его последние дни были омрачены разочарованиями и унижениями, катастрофами на войне и семейными неурядицами. Ни один мужчина никогда, хотя бы на время, не наслаждался большей гордостью за свое превосходство. Ни один мужчина никогда не пил больше из горькой чаши разочарованных амбиций и отчужденных привязанностей. Ни один человек никогда так полно не осознавал тщету этого мира. Никому из придворных, которыми он был окружен, он не мог доверять, и весь его опыт привел к неверию в человеческую добродетель. Он со стыдом увидел, что его дворцы, его войны и его удовольствия поглотили ресурсы нации и посеяли семена страшной революции. Он пал духом; его характер испортился; недоверие и подозрительность овладели его разумом. Его любовь к пышности пережила все остальные его слабости, и его двор до последнего был самым строгим в своих утомительных формальностях. Но пышность Версаля была слабым противоядием от печали, которая пригибала его голову к земле, за исключением тех больших публичных мероприятий, когда его гордость торжествовала над горем. Последние дни Луи. Каждый день в последние годы его жизни происходило что-то такое, что задевало его тщеславие и отдаляло его от всего мира, кроме мадам де Ментенон, единственного существа, которому он полностью доверял и которое не обмануло его. Действительно, униженный монарх был объектом как жалости, так и упреков, и его смерть стала облегчением как для него самого, так и для его семьи. Он умер в 1715 году, через два года после заключения Утрехтского мира, о чем нация не очень сожалела.

Людовика XIV нельзя причислить к чудовищам рода человеческого, носившим королевский пурпур. Его характер. Его главным и худшим пороком был эгоизм, который был рожден вместе с ним, который культивировался всеми влияниями его воспитания и всеми обстоятельствами его положения. Этот всепоглощающий эгоизм делал его нечувствительным к страданиям, которые он причинял, и лелеял в своей душе убеждение, что Франция создана только для него. Его любовницы, его друзья, его жены, его дети, его двор и вся нация рассматривались только как орудия его гордости и удовольствия. Все его преступления и грубые ошибки проистекали из его необычайного эгоизма. Если бы мы могли смотреть на него без этого морального налета, который развратил и опозорил его, мы бы увидели снисходительного отца и щедрого друга. Он ревностно относился к обязанностям своего положения и старался не уклоняться от них. Он любил удовольствия, но в погоне за ними не забывал о делах государства. Он поощрял литературу и ценил заслуги. Он чтит религиозные институты и в последние дни своей жизни был предан своим обязанностям, насколько он их понимал. Ему безрассудно восхваляли и столь же безрассудно порицали. Тем не менее, его правление в целом было пагубным, особенно для интересов просвещенного христианства и народной свободы. Он был фанатичным католиком и стремился воздвигнуть на руинах государств и империй абсолютный и вселенский трон. Он потерпел неудачу; и вместо того, чтобы завещать своим преемникам власть, которой пользовался сам, он оставил им огромные долги, расстроенную империю и недовольный народ. Он завещал Франции революцию, которая свергла ее монарха с трона, но которая была отменена ради ее же высшего блага.

D'Anquetil's Louis XIV., sa Cour, et le Régent. "История Франции" Сисмонди. "Истории Франции" Кроу и Рэнкина. "Война за испанское наследство" лорда Мэхона. Мемуары Темпла. "Жизнь Мальборо" Кокса. Мемуары мадам де Ментенон. Madame de Sévigné's Letters. Современная Европа Рассела. "Поздняя история" мисс Пардоу - одна из самых интересных, когда-либо написанных. Возможно, в ней слишком много сплетен для того, что называется "достоинством истории"; но этот недостаток, если это вообще недостаток, был допущен также Маколеем и нередко осуждался теми, кто совершенно неспособен оценить философскую историю. ([Вернуться к содержанию](#))

ГЛАВА XVII.

УИЛЬЯМ И МЭРИ.

От Людовика XIV. перейдем к рассмотрению правления его прославленного соперника, Вильгельма и Марии. Вильгельм III, король Англии, занимавший трон вместе с Марией, дочерью Якова II.

Ранняя жизнь и борьба этого героического принца уже упоминались в двух предыдущих главах и больше не будут обсуждаться. 12 февраля 1689 года он прибыл в Уайтхолл, любимый дворец королей Стюартов, а 11 апреля он и Мария были коронованы в Вестминстерском аббатстве.

Их правление в основном памятно войной с Людовиком XIV, восстанием в Ирландии, спровоцированным интригами Якова II, и обсуждением нескольких важных вопросов, касающихся свобод и процветания английской нации, вопросов, касающихся гражданского списка, Закона о местах жительства, Трехлетнего билля, свободы прессы, постоянной армии, ответственности министров, вето короны, управления Ирландией, Ост-Индской компании, Банка Англии и накопительного долга. Эти темы делают внутреннюю историю страны, особенно с конституционной точки зрения, чрезвычайно важной.

Великая борьба с Людовиком XIV. уже получил все уведомления, которые позволяют рамки этой работы, в которой было указано, что, если Людовик XIV. это был великий король Вильгельм III. был более великим человеком; и, хотя его военные предприятия были, в некотором смысле, неудачными, поскольку он не одержал блестящих побед, все же он успешно противостоял тому, что без его героизма было бы ошеломляющим потоком вторжений и завоеваний вследствие значительно превосходящих сил. В конце концов французский король был унижен, и свободы континентальной Европы были сохранены.

При мудрой, терпимой и либеральной администрации Вильгельма Британская империя была сохранена от разобщения, и были гарантированы неоценимые свободы и привилегии.

Едва он воссел на трон, который его жена унаследовала от гордых потомков нормандского завоевателя, как вспыхнуло ирландское восстание. в Ирландии вспыхнуло восстание, потребовавшее его присутствия в этой расстроенной и несчастной стране.

Ирландский народ, будучи католиками, сочувствовал Якову II. во всех его бедах и был полон решимости защищать его дело против короля-кальвиниста. Вскоре после своего появления в Сен-Жермене, благодаря щедрости французского короля, он начал интриговать с недовольными ирландскими вождями. Наиболее известным из них был Тирконнел, который

ухитрился лишить протестантов лорда Маунтджоя, их самого надежного и способного лидера, отправив его с миссией к Якову II, под влиянием которого он по прибытии в Париж был заключен в Бастилию. Затем Тирконнел приступил к разоружению протестантов и набору католической армии, которая за два месяца выросла до сорока тысяч человек, горя желанием отомстить за свои прошлые обиды и вернуть свои древние владения и привилегии. Джеймс II. был приглашен армией вступить во владение его трон. Он принял приглашение и в начале 1689 года совершил свой триумфальный въезд в Дублин, где был принят с помпой и почтением, подобающими его достоинству. Но Джеймс отправился в Ирландию не только для того, чтобы насладиться почтением и аплодисментами ирландского народа, но и для защиты последнего плацдарма, который он сохранил как король Англии, веря, что успех в Ирландии в конечном итоге вернет ему трон его предков. И он был сердечно, но не властно поддержан французским королем, который находился в состоянии войны с Англией и который справедливо считал Ирландию наиболее неприступной частью Британской империи.

Ирландский парламент в интересах Джеймса принял закон о преследовании всех протестантов, помогавших Вильгельму, среди которых были два архиепископа, один герцог, семнадцать графов, восемнадцать баронов и восемьдесят три священнослужителя. Другим актом Ирландия стала независимой от Англии. Протестанты повсюду подвергались грабежам и оскорблениям.

Но Джеймс был не в состоянии справиться с поставленной перед ним задачей, неспособный ни сохранить Ирландию, ни отвоевать Англию. Он был нерешителен. Он не мог управлять ирландской палатой общин лучше, чем английской. Он обесценил монету и прибегнул к раздражающим мерам, чтобы собрать деньги.

Наконец он решил усмирить протестантов в Ольстере и двинулся на осаду Лондондерри, от которого зависела судьба севера Ирландии. Его храбро защищали жители, и в конце концов его освободили войска, присланные из Англии под командованием Кирка — того самого, который учинил жестокость на западе Англии при Якове II. Но Уильяму нужны были способные офицеры, и он набирал их без разбора из всех партий. Девять тысяч человек трагически погибли в городе от голода и болезней, прежде чем была снята осада, одна из самых запоминающихся в анналах войны.

Теперь Ольстер был в безопасности, и замешательство Джеймса было быстро устранено. Старый маршал Шомберг был отправлен в Ирландию с шестнадцатью тысячами ветеранов, а вскоре после этого сам Вильгельм (14 июня 1690 г.) высадился в Каррикфергусе, недалеко от Белфаста, с дополнительными людьми, которые увеличили протестантскую армию до сорока тысяч.

Противоборствующие силы перешли к конфликту, и 1 июля произошла битва при реке Бойн, в которой был убит Шомберг, но в результате которой в Ирландии появился король Яков. разгром войск Якова II. Расстроенный король бежал в Дублин, но покинул его, как только вошел в него, и поспешно сел на корабль в Уотерфорде, направляясь во Францию, оставив графа Тирконнела сражаться со значительно превосходящими силами и добиваться наилучших условий, которые были в его силах.

Страна была быстро покорена, и все важные города и крепости, один за другим, сдались королю. Лимерик продержался дольше всех и оказал упорное сопротивление, но в конце концов сдался завоевателю; и с его сдачей прекратились последние попытки старых

ирландских жителей вернуть себе утраченную свободу. Четыре тысячи человек были объявлены вне закона, а их имущество конфисковано. Действительно, в разное время конфискации подвергалась вся страна, за исключением имущества нескольких семей английской крови. В правление Якова I. Вся провинция Ольстер, насчитывающая три миллиона акров, была разделена между новыми жителями. При реставрации было конфисковано восемь миллионов акров земли, а после сдачи Лимерика - еще миллион акров. Во время правления Вильгельма и Марии к ирландским католикам относились крайне сурово, и Ирландия превратилась в поле зрения охотников за жильем. Все важные или прибыльные должности в церкви, государстве и армии были заполнены нуждающимися иждивенцами знатных семей вигов. Несправедливость по отношению к нации осуществлялась постоянно, и английский парламент вводил уголовные законы в отношении вопросов, которые ранее находились в юрисдикции ирландского парламента. Но, несмотря на все эти строгие меры, Ирландией по-прежнему управляли мягче, чем в любой предыдущий период ее истории, и больше никаких серьезных беспорядков не происходило вплоть до правления Георга III.

Но правление Вильгельма III, каким бы благотворным оно ни было для свобод Англии и Европы, было далеко не мирным. Помимо его великой борьбы с французским королем, его комфорт и душевное равновесие постоянно нарушались домашними неурядицами, возникавшими из-за зависти между вигами и тори, интриг государственных деятелей с семьей изгнанника и дискуссий в парламенте по тем важным вопросам, которые сопровождали принятие конституции. Был принят законопроект, получивший название the Place Bill, исключаящий всех должностных лиц короны из Палаты общин, что свидетельствовало о ревнивом отношении народа к королевским посягательствам. Также был принят закон, названный Трехлетним биллем, который ограничивал срок полномочий парламента тремя годами, но который при последующем правлении был отменен и заменен другим, продлевавшим срок полномочий парламента до семи лет. Был также принят важный законопроект, регулирующий судебные процессы по делам о государственной измене, в ходе которых заключенному предоставляется копия обвинительного заключения с указанием имен и местожительства присяжных, привилегия на категорический отвод и полная защита адвоката. Этот законопроект гарантировал заключенным новые привилегии и права.

Великий вопрос, касающийся свободы прессы. В это время обсуждалась свобода прессы — один из самых жизненно важных вопросов, влияющих на стабильность правительства, с одной стороны, и свободы народа - с другой. Все правительства считали настолько желательным самостоятельный контроль над прессой, что парламента, когда он упразднил Звездную палату в царствование Карла I., все еще сохранял свои полномочия в отношении лицензирования книг. Время от времени в законы, касающиеся лицензирования книг, вносились различные изменения, пока в правление Вильгельма свобода печати не была установлена почти на ее нынешней основе.

Уильям, в целом, поддерживал те движения, которые оказались полезными в последующие времена или которые мудрость последующей эпохи сочла нужным перенять. Среди них был союз Англии и Шотландии, который он рекомендовал. Под его покровительством были рассмотрены дела Ост-Индской компании и выданы новые хартии; был учрежден Банк Англии; имели место благотворительные действия по пресечению пороков и улучшению положения бедных; была налажена чеканка монет и проводились финансовые эксперименты.

Корона, в целом, потеряла власть во время этого правления, которая была передана Палате общин. Палата общин получила полный контроль над кошельком, который считается первостепенным по отношению ко всем другим органам власти. До революции снабжение государственной службы находилось в распоряжении государя, но определенная сумма в семьсот тысяч фунтов стерлингов ежегодно предоставлялась в распоряжение Уильяма для покрытия расходов по гражданскому списку и других его расходов, в то время как другие условные расходы правительства, включая расходы на содержание армии и флота, ежегодно выделялись Палатой общин.

Самым важным законодательным актом этого правления был Акт о поселении — Смерть Вильгельма III. Закон об урегулировании от 12 марта 1701 г., который предусматривал, что Англия должна быть освобождена от обязанности участвовать в какой-либо войне для защиты иностранных владений короля; что все последующие короли должны принадлежать к общине Англиканской церкви; что ни один следующий король не должен покидать британские владения без согласия парламента; что ни одно должностное лицо или пенсионер не должны быть членами Палаты общин; что религиозные свободы народа должны быть дополнительно защищены; что судьи должны занимать свои должности при хорошем поведении и их жалование должно быть установлено; и что наследование престола трон должен принадлежать только протестантским принцам.

Король Вильгельм правил Англией тринадцать лет, проявив большие способности, проницательность и благоразумие, и никогда не пытался ниспровергнуть конституцию, за что его память дорога английскому народу. Но большая часть его времени в качестве короля была занята руководством военными операциями на Континенте, в которых он проявлял большую зависть к гению Мальборо, заслуги которого он, тем не менее, в конце концов признал. Он умер 8 марта 1702 года и был похоронен в усыпальнице английских королей.

Несмотря на враждебность различных партий по отношению к Вильгельму III, общественное мнение в настоящее время в целом присуждает ему, учитывая трудности, с которыми ему приходилось бороться, первое место среди английских королей. У него было много врагов и много недостатков. Якобиты ненавидели его за то, что "он опроверг их теорию божественных прав королей; высшие церковники - за то, что он был безразличен к формам церковного правления; тори - за то, что он благоволил вигам; а республиканцы - за то, что он снова не предпринял безнадёжного эксперимента с республикой". Характер Уильяма. Он не был популярным кумиром, несмотря на свои великие заслуги и выдающиеся качества, потому что он был холоден, сдержан и непреклонен; потому что он презирал лесть и любил свою родину больше, чем приемную страну. Но его недостатки заключались главным образом в оскорблении хороших манер и национальных предрассудков. Он не доверял человеческой природе и презирал человеческое сочувствие. Он был честолобив, и его честолобие сочеталось с эгоизмом. Он допустил убийство Де Виттов и никогда не давал Мальборо командования, достойного его талантов. У него не было вкуса к литературе, остроумию или изящным искусствам. Его любимыми увлечениями были охота, садоводство и обивка мебели. Однако о том, что он был способен на дружбу, свидетельствует его давняя и преданная привязанность к Бентинку, которого он присвоил титул графа Портленда и щедро награждал богатыми и

обширными поместьями во всех частях страны. Его сдержанность и холодность отчасти можно объяснить его глубоким знанием человечества, которому он боялся доверять. Но если он не был любим нацией, он обеспечил себе вечное уважение, будучи первым, кто решил проблему конституционной монархии, и успешно правя в очень критический период голландцами, англичанами, шотландцами и ирландцами, у которых у всех были отдельные интересы и зависть; уступая, когда обладал огромной властью, ограничениям, которые ему не нравились; и подрывая интриги и власть такого могущественного врага европейских свобод, как Людовик XIV. Его героизм ярко проявился в поражениях и катастрофах, а его мужество и стойкость никогда не ослабевали, когда вся Европа впадала в уныние и когда он сам страдал от всех болей и изнурения, вызванных затяжной болезнью. Он умер безмятежно, но скрывал от своих приближенных, как делал это всю свою жизнь, самые глубокие впечатления, которые волновали его серьезную и героическую душу.

Среди великих людей, которых он поощрял и награждал, можно упомянуть историка Бернета, которого он сделал епископом Солсберийским, а также Тиллотсона и Теннисона, которых он возвел на архиепископские престолы. Доктор Саут и доктор Бентли также украсили эту эпоху выдающимися богословами. Великими поэтами того периода были Прайор, Драйден, Свифт и Поуп, которых, однако, чаще причисляют к остроумным людям эпохи правления Анны. Роберт Бойл отличился своими экспериментами в области естествознания и рвением к христианским знаниям, а Кристофер Рен - своим гением в архитектурном искусстве. Но двумя великими светилами этого царствования, несомненно, были сэр Исаак Ньютон и Джон Локк. Сэр Исаак Ньютон и Джон Локк, которым царство естественной и интеллектуальной философии обязано больше, чем каким-либо другим гениальным людям со времен Бэкона. Открытия Ньютона вряд ли имеют параллель, и его обычно считают величайшим математическим интеллектом, когда-либо рожденным Англией. Ему мир обязан теоремой о биноме, открытой в возрасте двадцати двух лет; изобретением флюксий; демонстрацией закона всемирного тяготения; и открытием различной преломляемости лучей света. Его трактат по оптике и "Принципы", в которых он вывел на свет новую теорию вселенной, ставят его во главе современных философов — на высоту, до которой не поднимался никто из его современников, за исключением Лейбница и Галилея. Но величайшей его славой была его скромность и великолепная дань уважения, которую он отдавал истинам христианства, важность и возвышенную красоту которых он всегда с гордостью признавал в век легкомыслия и безразличия.

Джон Локк - это имя, которое почти исключительно относится к правлению Вильгельма III., и он также когда-нибудь будет с честью упомянут в созвездии величайших гениев и христиан мира. Его трактаты о религиозной терпимости - самые виртуозно написанные из когда-либо написанных, в то время как его Эссе о человеческом разуме представляет собой великую систему истины, такую же полную, оригинальную и логичную в области ментальных наук, какой была система Кальвина в области теологии. У эссе Локка были свои враги и недоброжелатели, и, хотя многие выдающиеся люди не согласились с ним, оно, тем не менее, остается одним из самых прочных и вызывающих гордость памятников бессмертного и постоянно расширяющегося интеллекта человека.

После смерти Вильгельма III (1702) принцесса Анна. Анна, дочь Якова II, мирно взошла на трон. Ей было тридцать семь лет, она была женщиной с большими слабостями и обладала лишь немногими интересными качествами. Тем не менее, ее правление озарено славой военных успехов и украшено всеми проявлениями фантазии, остроумия и стиля в литературе. Личный талант и исключительные амбиции Вильгельма подавили национальный гений; но неспособность Анны дала простор командирским способностям Мальборо на поле боя и Годольфина в кабинете министров.

Памятными событиями, связанными с ее двенадцатилетним правлением, были война за испанское наследство, в ходе которой Мальборо смирил гордыню Людовика XIV; борьба вигов и тори; союз Шотландии с Англией; обсуждение и разрешение важных вопросов, касающихся конституции и безопасности протестантской религии; и импульс, который литература получила от плеяды ученых людей, которым покровительствовало правительство и которые занимали необычное место в глазах общественности.

С политической точки зрения это правление является всего лишь продолжением правления Вильгельма, поскольку преследовались те же цели, проводилась та же политика и тем же великим личностям была доверена власть. Движущей целью жизни Уильяма было подавление власти Людовика XIV, и эта цель никогда не упускалась из виду английским правительством в царствование Анны.

Следовательно, великим политическим событием этого правления стала война за испанское наследство, которая, однако, относится как к правлению Людовика, так и к правлению Анны. Именно во время этой войны великие битвы при Бленхейме, Рамиллисе и Мальплаке засвидетельствовали гений величайшего военачальника, которого Англия когда-либо посылала на поле боя. Именно эта война истощила энергию и ресурсы всех противоборствующих государств Европы и создала необходимость в многолетнем глубоком отдыхе. Именно эта война завершила унижение монарха, стремившегося к суверенитету Европы, сохранившего баланс сил и обеспечившего свободы Европы. И все же это была война, которая заложила основу национального долга, воспламенила английский разум безумной страстью к военной славе, которая деморализовала нацию, и породила ту международную зависть и вражду, которые до сих пор являются предметом упреков для двух самых могущественных государств Европы. Эта война сделала Англию более заметным действующим лицом на арене европейских раздоров и, возможно, способствовала ее политическому возвышению. Величие Британской империи начинается с этого периода, хотя это величие в большей степени связано с колониальными владениями, мануфактурами и коммерческим богатством, чем с победами Мальборо.

Вопрос о том, разумно ли было со стороны английской нации продолжать так долго борьбу с Людовиком XIV, навсегда останется открытым. С финансовой и материальной точки зрения война оказалась катастрофической. Но трудно измерить истинное величие страны и прочные и непреходящие блага в фунтах, шиллингах и пенсах. Все подобные расчеты, какими бы поразительными они ни были со статистической точки зрения, ошибочны и вводят в заблуждение. Настоящая сила наций заключается в лояльности, патриотизме и общественном духе; и никакие жертвы не могут быть слишком велики, чтобы обеспечить себе эти непрощенные блага — "эту дешевую защиту". Если победы Мальборо и обеспечили это, придали достоинство британскому имени и благородное и возвышенное самоуважение английскому народу, то они не были куплены дорогой ценой. Но решить эти вопросы нелегко.

Что касается замечательного гения великого человека, который вселил мужество в умы англичан, в этом не может быть никаких сомнений. Герцог Мальборо. Мальборо, несмотря на свои многочисленные недостатки, эгоизм и скупость, честолюбие и двуличие, всегда будет пользоваться завидной славой. Он не был таким великим моральным героем, как Уильям, и не сражался с такими превосходящими силами, как королевский герой. Но, тем не менее, он был великим героем. Его слава не была достигнута внезапной удачей, удачными движениями, случайными обстоятельствами. Его слава росла. Он никогда не совершал серьезных ошибок; он никогда не терял здравости своих суждений. Ни один успех не приводил его в неоправданный восторг, и никакие неудачи не обескураживали его. Он никогда не забывал об интересах нации в своих личных неприятностях или вражде. Он был великодушно снисходителен к тем голландским депутатам, которые срывали его меры, критиковали его планы и читали ему лекции о военном искусстве. Слава его страны была преобладающим желанием его души. Он был столь же велик в дипломатии и государственной мудрости, как и на поле Бленхейма. Он всегда жертвовал своими чувствами победоносного генерала ради своего долга подданного. Его проницательность могла сравниться только с его благоразумием и терпением, и они, наряду с его личной храбростью, способствовали его блестящим успехам, которые обеспечили ему великолепные награды — дворцы и парки, титулы пэров, а также благодарность и восхваление нации.

Но всякой человеческой славе есть предел. Мальборо был подорван своими политическими врагами, и он сам потерял доверие королевы, которой служил, отчасти из-за своего собственного властного поведения, а отчасти из-за властной наглости своей жены. С высоты народной благосклонности он опустился до глубины народной ненависти. Сарказм писателей, которых он презирал, заставил его высмеивать и порочить; его обвинили в дерзости, жестокости, честолюбии, вымогательстве и алчности, отстранили от занимаемых высоких должностей и вынудили искать спасения в изгнании. Он так и не восстановил доверие нации, хотя, когда он умер, парламент распорядился устроить ему пышные похороны и похоронить в Вестминстерском аббатстве.

В характере Мальборо. В личной жизни он был дружелюбным и добрым; терпеливо относился к противоречиям и спокойным манерам; обладал большим самообладанием и необычайным достоинством. Он был красив, а его обращение повелевало. Его боялись как генерала, но любили как мужчину. Он никогда не терял привязанности к своему дому и обожал боготворить свою властную жену, равную ему, если не превосходящую, в знании человеческой природы. Эти качества человека, генерала и государственного деятеля, несмотря на его недостатки, обессмертили его имя, и еще долгое время его будут называть, и называть по справедливости, великим герцогом Мальборо.

Едва ли меньше, чем он, был лорд Годольфин, способный премьер-министр Анны, с которым Мальборо связывали семейные узы, дружба, официальные отношения и интерес. Он был тори по профессии, но вигом в своей политике. Он поднялся вместе с Мальборо и пал вместе с ним, будучи непоколебимым сторонником доведения войны до крайних пределов, за что его правительство было неприятно тори. Его жизнь не была безупречной; но в век коррупции он умело руководил министерством финансов и контролировал несметные богатства, не становясь богатым, — высшая похвала, которой когда-либо можно было удостоить министра финансов. Только благодаря сотрудничеству этого проницательного и дальновидного государственного деятеля сам Мальборо смог сделать свою блестящую военную карьеру.

Именно во время его правления партийная вражда достигла своего апогея — великая борьба, которая продолжается в Англии уже почти двести лет, между вигами и тори. Виги и тори. Эти названия возникли во времена правления Карла II и были терминами, вызывающими порицание. Придворная партия упрекала своих противников в их близости к фанатичным членам конвента в Шотландии, которые были известны под именем вигов; а деревенская партия делала вид, что находит сходство между придворными и ирландскими бандитами-папистами, за которыми закрепилось название тори. Партия Высшей церкви и сторонники абсолютизма принадлежали к тори; более либеральная партия и сторонники конституционной реформы — к вигам. Первые были консерваторами, вторые выражали симпатию к усовершенствованиям. Но лидеры обеих партий были одними из величайших аристократов королевства и, вероятно, меньше заботились о каких-либо великих инновациях, чем о себе. Эти две великие партии по мере развития общества изменили свои взгляды, и мнения, которых когда-то придерживались виги, впоследствии были приняты тори. В целом, виги были впереди в либеральности взглядов и просвещенных планах правления. Но обе партии в Англии всегда были аристократическими, и обе испытывали почти одинаковое отвращение к народному влиянию. Чарльз и Джеймс симпатизировали тори больше, чем вигам; но Вильгельм III. поддерживал виги, которые имели влияние в его правление. Королева Анна была тори, как и следовало ожидать от принцессы из дома Стюартов, но в начале своего правления была вынуждена уступить верховенству вигов. Сторонниками войны были виги, а теми, кто желал мира, были тори. Виги думали о будущей славе страны; тори — о расходах, которые вызвала война. Тори, наконец, взяли верх и отстранили Годольфина, Мальборо и Сандерленда от власти.

Из лидеров тори Харли (граф Оксфорд), Сент-Джон (лорд Болингброк), герцог Бекингемский и герцог Ормонд, граф Рочестер и лорд Дартмут были самыми выдающимися, но сама эта партия тори была разделена вследствие зависти между вождями, интриг Харли и безмерных амбиций Болингброка. При господстве тори был заключен Утрехтский мирный договор, который сейчас в целом осуждается историками как политика вигов, так и тори. Это было несоразмерно успеху войны, хотя и обеспечило цели великого альянса.

Одной из причин, приведших к свержению вигов, был импичмент и судебный процесс над доктором Генри Сачевереллом. Доктор Генри Сачеверелл, событие, которое вызвало большой интерес в то время и, хотя само по себе незначительно, затронуло некоторые жизненно важные принципы конституции.

Этот священнослужитель был человеком средних способностей и не пользовался репутацией ученого или добродетельного человека. Во время правления Вильгельма он был яростным вигом; но, обнаружив, что его заслугами пренебрегают, он стал яростным тори. С помощью своего рода правдоподобного нахальства и непристойной риторики он заслужил аплодисменты народа и ценное житие Святого Спасителя в Саутуорке. Дерзость его нападок на покойного короля и революцию в конце концов привлекла внимание правительства; и за две напечатанные им проповеди, в которых он без всякой меры проповедовал доктрину пассивного повиновения, обрек инакомыслящих на вечное проклятие и злоупотребил великим принципом религиозной терпимости, ему был официально объявлен импичмент. Вся Англия была взволнована судебным процессом. Сама королева присутствовала на нем в частном порядке, чтобы ободрить человека, которого преследовали за его лояльность и за то, что он защищал свою церковь. Лучшие ораторы и юристы того времени проявили всю свою энергию. Епископ Аттербери написал для Сачеверелла его защиту, которая была одобрена конклавом богословов

Высшей Церкви. Результатом судебного процесса стало осуждение доктора, а вместе с ним и падение его противников. Он был отстранен на три года, но его поражение стало триумфом. Его принимали в залах колледжей и частных особняках с помпой монарха и почитанием святого. Вынесенный ему приговор сделал его врагов непопулярными. Большая часть английской нации, преданная Высоким церковным принципам, встала на его сторону. Но аргументы его обвинителей развили некоторые великие принципы — привели к утверждению доктрины веротерпимости; ибо, если бы пассивное повиновение правителям государства и церкви было обязательным, тогда все инакомыслящие могли бы быть обузданы и подавлены. Виги, руководившие процессом, выступая против фанатичных церковников, помогли делу инакомыслия, оправдали революцию и поддержали завоевания Вильгельма III. И в их речах зафиксировано, что они отстаивали великие принципы гражданской и религиозной свободы перед лицом всего авторитета, достоинства и мудрости королевства. Это правда, что они проиграли как партия из-за фанатизма того времени; но они обеспечили еще одну опору для поддержания конституции и привели новые и весомые аргументы в поддержку конституционных свобод. Страна выиграла, если они, как партия, проиграли; и хотя Сачеверелл был восхваляем своей церковью, его убеждение стало триумфом для друзей свободы. Благо проявлялось многими другими способами. Политические лидеры научились моральной мудрости; они увидели глупость преследования людей за клевету, когда такие люди пользуются симпатией народа; что такие преследования были недостойными и что, хотя они достигли своей цели, они потеряли больше в результате победы, чем поражения. Судебный процесс над Сачевереллом, хотя и позволил яснее увидеть некоторые великие конституционные истины, также более эффективно продвинул свободу прессы; ибо, несомненно, ограничение прессы - худшее зло, чем насилие и брань, вызванные случайными клеветами.

Великим внутренним событием этого правления, несомненно, был Союз Шотландии и Англии. союз Шотландии и Англии; установление прочного мира между двумя странами, который заключил Вильгельм III. предложил. Ничто не могло быть более благотворным для обеих стран; и единственное чудо, что это не было сделано раньше, при Якове II. взошел на английский трон; и ничто тогда, возможно, не помешало этому, кроме горькой ревности, которая так долго существовала между этими странами; ревности, неприязни и предубеждения, которые едва ли еще прошли.

Шотландия до правления Якова II была теоретически и практически независима от Англии, но не имела столь удачных условий для развития энергетики, как последняя страна. Страна была меньше, более бесплодной и менее возделанной. Люди были менее цивилизованными и оказывали меньшее влияние на политическое благосостояние государства. Аристократия была более могущественной и более ревниво относилась к королевской власти. Между господствующими классами существовали постоянные распри и ревность, которые сдерживали рост политической значимости, богатства и цивилизации. Но люди в целом были проникнуты ультраправыми принципами Реформации, были более религиозны и питали особую привязанность к пресвитерианской форме церковного правления и особую ненависть ко всему, что напоминало римский католицизм. Более того, они отличались патриотизмом и очень ревниво относились к английскому влиянию.

Джеймс II. был законным королем Шотландии, так же как и Англии; но вскоре он приобрел большую любовь к Англии, чем сохранил к своей родной стране; а поскольку Англия была более великой страной, интересы Шотландии часто приносились в жертву интересам Англии.

Королева Анна, как дочь Якова II, также была законной правительницей Шотландии; и после ее кончины шотландцы не были обязаны признавать курфюрста Ганноверского своим законным королем.

Многие пылкие и патриотичные шотландцы, включая герцога Гамильтона. Герцог Гамильтон и Флетчер Салтаунский сочли это благоприятным временем для утверждения после смерти королевы Анны своей национальной независимости, поскольку английское правительство не было ни справедливым, ни великодушным по отношению к меньшей стране.

В этих обстоятельствах существовало много препятствий для постоянного союза, и Шотландия выступала против него более ожесточенно, чем Англия. Более патриотичные желали полной независимости. Многие завидовали превосходящему благосостоянию Англии. Жители Высокогорья и севера Шотландии придерживались якобинских принципов и были привязаны к династии Стюартов. Пресвитериане опасались влияния английского епископата, а шотландские пэры осуждали рабскую зависимость от парламента Англии.

Но английское правительство в целом, как бы сильно оно ни ненавидело шотландское пресвитерианство и шотландское влияние, желало союза, чтобы обеспечить мирное наследование ганноверского дома, поскольку север Шотландии был благоприятен для Стюартов, и без союза английские свободы оказались бы под угрозой из-за якобинских интриг. Английские государственные деятели чувствовали это и использовали все меры для достижения этой цели.

Шотландцы переборщили. В ход пошла сила, подкуп и коррупция. Герцог Гамильтон оказался предателем, и союз был заключен — союз, чрезвычайно важный для мира обеих стран, но особенно желанный для Англии. Англичане пошли на важные уступки, на которые их толкнул только страх. Они могли бы править Шотландией так же, как Ирландией, если бы не бесстрашие и твердость шотландцев, которые, пока продолжались переговоры, приняли знаменитый Акт о безопасности, которым шотландский парламент установил открытый и выборный порядок наследования престола в Шотландии после смерти королевы; независимость и власть парламентов; свободу торговли; и свободу Шотландии участвовать или не участвовать в континентальных войнах Англии. Английский парламент действительно принял ответные меры, приняв закон, ограничивающий торговлю Шотландии и объявляющий шотландцев иностранцами во всех английских владениях. Но конфликты между вигами и тори побудили правительство отменить этот закон; и уполномоченные союза добились их прекращения.

В знаменитом договоре, который они наконец заключили, было решено, что два королевства Англии и Шотландии будут объединены в одно под названием Великобритания.

Что право наследования Соединенного Королевства остается за принцессой Софией, вдовствующей герцогиней Ганноверской, и наследниками ее тела, являющимися протестантами; и что все паписты и лица, вступающие в брак с папистами, должны быть исключены из короны Великобритании и навсегда лишены возможности наследовать ее;

Что весь народ Великобритании должен быть представлен одним парламентом, в котором должны заседать и голосовать шестнадцать пэров и сорок пять простолудинов, выбранных от Шотландии;

Что подданные Соединенного Королевства будут пользоваться полной свободой торговли и судоходства, а также взаимным сообщением всех других прав, привилегий и преимуществ, принадлежащих подданным обоих королевств;

Что законы, касающиеся публичных прав и гражданского правления, должны быть одинаковыми в обеих странах, но что никакие изменения не должны вноситься в законы, касающиеся частных прав, за исключением случаев очевидной пользы подданных, проживающих в Шотландии;

Сессионный суд и все другие судебные инстанции Шотландии остаются такими же, как и раньше, при условии соблюдения, однако, таких постановлений, которые могут быть приняты парламентом Великобритании.

Помимо этих постоянных правил, Шотландии была предоставлена сумма в триста девяносто восемь тысяч фунтов стерлингов в качестве эквивалента увеличения таможенных пошлин и акцизов.

По этому договору шотландцы отождествились с англичанами по интересам. Они потеряли свою независимость; но они обрели безопасность и мир; и выросли в богатстве и влиянии. Более того, нация была отягощена ростом государственного долга. Преимущество было обоюдным, но Англия получила большее преимущество, переложив часть своего бремени на Шотландию, заручившись поддержкой отважного народа этой благородной страны для участия в ее битвах и превратив нацию врагов в нацию друзей.

Теперь мы переходим к тому, чтобы взглянуть на тех выдающихся людей, которые украшали литературу Англии в этот блестящий век, прославившийся как политическими, так и литературными произведениями.

Из них наиболее выдающимися были Аддисон, Свифт, Болингброк, Бентли, Уорбертон, Арбутнот, Гэй, Поуп, Тикелл, Галифакс, Парнелл, Роу, Прайор, Конгрив, Стил и Беркли. Драйден принадлежал к предшествующей эпохе, к периоду распушенности и веселья — величайший, но самый безнравственный из всех великих поэтов Англии, от времен Мильтона до времен Поупа.

Остроумие времен правления королевы Анны. остроумцы времен правления королевы Анны были не только поэтами, но и политическими писателями, и к их услугам обращались и оплачивали их великие государственные деятели того времени, главным образом из партии Тори. Мальборо пренебрегал поэтами, и они способствовали подрыву его власти.

Из этих умников самым выдающимся и респектабельным был Аддисон, родившийся в 1672 году. Он был хорошо образован, отличился в Оксфорде и был членом Колледжа Магдалины. Его ранние стихи, которые сейчас были бы названы очень неполноценными, однако, привлекли внимание Драйдена, в то время великого автократа литературы и оракула литературных клубов. В возрасте двадцати семи лет Аддисон получил пенсию от правительства вигов и отправился в свои путешествия. Впоследствии он был назначен секретарем лорда Галифакса и избран членом Палаты общин, но так и не смог произнести речь. Он, однако, компенсировал свою неудачу как оратор своим писательским талантом, будучи совершенным мастером элегантной сатиры. Он был также обаятелен в частной беседе, и его общества очень искали выдающиеся государственные деятели, ученые и дворяне. В 1708 году он стал секретарем по делам Ирландии и, показав в Дублине, писал те восхитительные статьи, на которых в основном

зидается его слава. Теперь он не был бы известен нам ни как автор "Розамонды", ни латинских стихов, ни трактата о медалях, ни Писем из Италии, ни трагедии Катона. Его слава проистекает из "Татлера" и "Спектейтора" — совершенно нового вида литературы в его эпоху, оригинальной, простой и красивой, но в основном отмеченной отточенной и элегантно сатирической на безумства и безвкусицу его времени. Более того, его номера the Spectator отличаются возвышенностью чувств и моральной чистотой, без резкости и человеконенавистничества. Он написал три седьмых этого бессмертного произведения, причем на самые разные темы, без каких-либо попыток быть красноречивым или напряженным, без педантизма и аффектации. Успех работы был огромен, и каждый, кто мог себе это позволить, подавал ее на завтрак вместе с чаем и тостами. Это было общей темой разговоров во всех светских кругах, и оно во многом улучшило вкус и реформировало мораль того времени. Ничто так жестоко не высмеивалось им, как демонстрация учености без учета реальности, жеманство в разговоре, экстравагантность в одежде, женский флирт и бабочки, веселые и светские женщины, а также всякая ложная скромность и жеманство. Но он обвинял без горечи и исправлялся без увещаний, в то время как он превозносил то, что было простым, и живописал в самых красивых красках такие добродетели, как удовлетворенность, простота, искренность и жизнерадостность.

Последние дни его жизни были омрачены партийной враждой и злобными укусами литературных соперников. Не был он счастлив и в семейной жизни, женившись на гордой графине, которая не оценила его гений. Он также пристрастился к невоздержанности. Тем не менее, его всегда почитали и уважали, и, когда он умер, его похоронили в Вестминстерском аббатстве.

Следующим после Аддисона по славе и превосходящим его по гениальности был Свифт. Свифт родился в Ирландии в 1677 году, получил образование в Дублине и находился под покровительством сэра Уильяма Темпла. В конце концов он был удостоен звания благочинного собора Святого Патрика. Он был очень полезен своей партии своими политическими сочинениями; но его слава зиждется главным образом на его поэзии и его "Путешествиях Гулливера", отмеченных и опозоренных его жестоким сарказмом по отношению к женщинам и очернением человеческой природы. Он был великим мастером ядовитой сатиры. Он не щадил ни друзей, ни врагов. Он был честолобив, мизантропичен и эгоистичен. Его обращение с женщинами было в высшей степени позорным и бессердечным. Но он был остроумен, образован и естественен. Никто не знал, что он смеялся, хотя его сотрясали судороги кругов, в которые его втягивали. Он был груб со своими слугами, дерзок с подчиненными и льстив к людям высокого ранга. Его отличительной чертой был беспощадный и беспринципный сарказм, а его оскорбления были столь же ужасны, как личные насмешки Вольтера. Как поэт он был респектабелен, а как писатель оригинален. Он был равнодушен к литературной славе и никогда не стремился к более высокому стилю сочинения, чем тот, в котором мог преуспеть. Его последние дни были несчастными, и он долгое время пребывал в безнадежном и меланхолическом идиотизме.

Папа римский поуп — болингброк — Гей-приор. по праву принадлежит к преуспевающей эпохе, хотя его первые труды привлекли значительное внимание еще при жизни Аддисона, который первым вывел его из неизвестности. Он величайший, после Драйдена, из всех второсортных поэтов своей страны. Его "Похищение локона", самое оригинальное из его стихотворений, принесло ему известность. Но его величайшими работами были переводы "Илиады" и "Одиссеи", "Дунциады" и его Эссе о человеке. Ему хорошо платили за его труды, и он жил на

прекрасной вилле в Твикенхеме, был другом Болингброка и величайшей литературной звездой своего времени. Но он был горьким и сатирическим, раздражительным, скупым и тщеславным. Как стихосложитель, ему никогда не было равных. Он умер в 1744 году в римской вере, любимый немногими и нелюбимый миром в целом.

Писатели-Болингброки эпохи королевы Анны. был не поэтом, но человеком огромного гения, великим государственным деятелем, великим писателем по истории и политической философии, человеком с самыми очаровательными манерами и разговорчивостью, блестящим, остроумным и образованным, но беспринципным и интригующим, великим лидером партии Тори. Гэй, как поэт, был респектабельным, но бедным, неудачливым человеком, прихлебателем великих людей и с треском поплатился за свое подхалимство. Его слава основана на его баснях и опере "Нищий". Прайор впервые прославился своей сатирой под названием "Городская мышь и деревенская мышь", направленной против Драйдена. Правительство хорошо вознаградило его, и он был направлен министром в Париж. Как и большинство острословов своего времени, он был общителен и не всегда разборчив в выборе партнеров. Юмор был естественной чертой его ума. Стил был редактором the Spectator и написал несколько превосходных статей, хотя и значительно уступающих Эддисону. Он является отцом периодического эссе, был человеком моды и удовольствий и имел большой опыт в мирских глупостях и суете. Сомнительно, что труды великих людей, украшавших эпоху Анны, когда-либо вернут себе то влияние, которым они когда-то пользовались, поскольку все они были превзойдены в последующие времена. У них не было того огня, энтузиазма или гениальности, которые удовлетворяют потребности нынешнего поколения. Как поэты, они не обладали величием фантазии; а как философы они были холодны и поверхностны. Они писали не для народа, а для великих, с которыми стремились общаться, чьими похвалами они утешались и чьим хлебом питались. Они писали для класса, и только для этого класса, который в основном стремится избегать насмешек и воздерживаться от абсурда, который никогда не стремится к возвышенному и никогда не опускается до смешного; класса, обладающего острой наблюдательностью, любящего сатирическое и равнодушного ко всем учреждениям и предприятиям, которые имеют своей целью возвышение масс или торжество абстрактных принципов истины и справедливости.

Список литературы.— "История Англии" лорда Мэхона, которая начинается с Утрехтского мира, является одной из самых полезных и интересных работ, появившихся за последнее время. Следует обратиться к продолжению Юма Смоллетта, хотя автор был больше романистом, чем историком. История Бернета об этом периоде является стандартной. Халлама следует читать в связи со всеми конституционными вопросами. Книга Кокса "Жизнь Мальборо" проливает яркий свет на этот период и является очень ценной. Работа Маколея, конечно, будет прочитана. Смотрите также Письма Болингброка и мемуары герцога Бервика. Глава в "Истории живописи" очень хороша с точки зрения истории литературы и прогресса искусств и наук. Смотрите также "Жизни поэтов" Джонсона; "Жизнь Аддисона" Николса; "Жизнь Свифта" Скотта; Эссе Маколея об Аддисоне; а также "Зритель" и "Татлер".([Вернуться к содержанию](#))

ГЛАВА XVIII.

ПЕТР ВЕЛИКИЙ И РОССИЯ.

В то время как Людовик XIV. преследовал свои планы по возвышению, и Вильгельм III. противостоял этим планам; в то время как Виллеруа, Виллар, Мальборо и Юджин сражались во главе огромных армий за своих соответствующих хозяев; на севере зарождалась новая держава, которой вскоре суждено было стать заметной среди великих империй мира. Политическое значение России не было оценено в конце XVII века, пока необычайный гений Петра Великого не обратил внимание Европы на огромные ресурсы страны.

Ранняя история России. История России до правления этого великого князя не вызывала особого интереса и не была особенно богата событиями или важна. Русские происходят от древней славянской расы, которая, как предполагается, намного уступает германским или тевтонским племенам, от которых ведет свое происхождение большинство цивилизованных народов Европы.

Первым великим событием в истории России является номинальное обращение могущественного царя по имени Владимир в христианство в десятом веке, правление которого представляло собой смесь жестокости, распущенности и героизма. Видя необходимость какой-нибудь общепризнанной религии, он послал десять своих самых выдающихся людей во все известные тогда страны, чтобы изучить их религиозные системы. Будучи полуварварами, они были склонны рекомендовать ту форму, которая имела наиболее впечатляющий церемониал и наиболее сильно взывала к чувствам. Уполномоченные прибыли в Мекку, но вскоре покинули ее с презрением, поскольку мусульманство в то время предъявляло слишком высокие требования к способности к самообладанию и запрещало использование многих вещей, к которым были привязаны варвары. Им не больше нравилась манихейская философия, которая в то время широко распространялась на Востоке, поскольку она предполагала установление абстрактных идей, которые варварам были не по вкусу. Им не нравился Римский католицизм из-за высокомерных притязаний папы римского. Иудаизм был отвергнут, потому что у него не было страны, а его приверженцы были рассеяны по лицу земли. Но высокие минареты Святой Софии и экстравагантное величие греческого богослужения привели уполномоченных в восхищение; и они легко убедили Владимира принять формы греческой церкви, которая с тех пор стала общепринятой религией России. Но христианство в его искаженной форме не смогло уничтожить черты варварской жизни и едва ли смягчило их. Преобладали старые суеверия и пороки; русские территории также не были равны готским королевствам Европы по нравам, обучению искусствам, законам или благочестию.

Когда Чингисхан со своими татарскими ордами завоевал весь мир, Россия была покорена, а татары завоеваны. Татарские князья захватили трон древних царей. Но русские князья в тринадцатом веке восстановили свою древнюю власть. Александр Невский совершил блестящие подвиги, одержал важные победы над датчанами, шведами, литовцами и тевтонскими рыцарями и значительно расширил границы своего королевства. В четырнадцатом веке Москва стала могущественным городом, в который была перенесена резиденция правительства, которой раньше был Новгород. При преемнике Ивана Калиты в России установились нравы, законы и институты, и была установлена абсолютная власть царей. При Иване III, взошедшем на московский престол в 1462 году, татарское владычество было уничтожено, и различные провинции и княжества, из которых состояла Россия, были

подчинены центральному правительству. Кремль с его могучими башнями и внушительными минаретами предстал во всем величии восточного искусства и варварской мощи. Шахты страны были отработаны, дороги очищены от бандитов, и был установлен свод законов. Завеса, скрывавшая Россию от остальной Европы, была разорвана. Была мобилизована армия в триста тысяч человек, открыта Сибирь, введен печатный станок, и началась цивилизация. Но царь, тем не менее, был жестоким тираном и покинутым распутником, который убил своего сына, казнил свою знать и разрушил свои города.

Его преемники были опозорены каждым преступлением, унижающим человечество; и все население оставалось в грубости и варварстве, суеверии и невежестве. Духовенство обладало огромной властью, которая, однако, была подчинена интересам абсолютизма.

Такой была Россия, когда Петр, сын Алексея Михайловича, вступил на престол Петра Великого. вззошел на престол в 1682 году десятилетним мальчиком. Он рано проявил большую проницательность и талант, но был пристрастен к грубым удовольствиям. Это, как ни странно, не ослабило его и не помешало ему добиться значительных успехов. Но больше всего он отличался воинским духом, к которому регентша Софья, дочь Алексея от первого брака, относилась с презрением. Однако, как только у нее открылись глаза на его разнообразные занятия и честолюбивый дух, она приревновала и попыталась устроить его убийство. В этом она потерпела неудачу, и юная государыня безраздельно воцарилась в Москве в возрасте семнадцати лет.

Как только он принял бразды правления империей, его гений проявился с необычайной яркостью, и быстрое развитие его способностей стало предметом всеобщего удивления. Полный мужества и энергии, он не находил для себя ничего слишком трудного и вскоре задумал грандиозный проект изменения всей системы своего правления и реформирования нравов своих подданных.

Сначала он обратил свое внимание на военное искусство и решил увеличить военную мощь своей империи. С помощью Ле Фора, швейцарского авантюриста, и Гордона, шотландского офицера, он постепенно сформировал постоянную армию из двадцати тысяч человек, укомплектованную офицерами, вооруженную и дисциплинированную по европейскому образцу; отрезал солдатам длинные бороды, снял с них мантии и сменил азиатскую одежду.

Затем ему пришла в голову идея создания военно-морского флота, которая, возможно, связана с его любовью к плаванию на лодке, которой он научился управлять сам. Он усердно изучал искусство кораблестроения и вскоре заложил фундамент военно-морского флота.

Его предприимчивый и новаторский дух вызвал, как и следовало ожидать, значительное недовольство среди сторонников старого режима — старых армейских офицеров и дворян, лишенных многих своих привилегий. Следствием этого стало восстание, которое, однако, вскоре было подавлено, а заговорщики казнены с беспощадной жестокостью.

Затем он пришел к необычному решению посетить зарубежные страны, чтобы получить полезную информацию как об искусстве управления государством, так и об искусствах цивилизации. О нем записано много забавных случаев во время его путешествий. Он путешествовал инкогнито; взбирался по бортам кораблей, взбирался по снастям и спускался в трюм; он нанялся рабочим в Голландии, жил на жалкое жалованье, которое получал как корабельный плотник, и освоил все тонкости кораблестроения. Из Голландии он отправился в

Англию, где был с большим почетом принят Вильгельмом III.; изучал состояние мануфактур и ремесел и стремился получить знания по всем распространенным предметам. Из Англии он отправился в Австрию, намереваясь затем отправиться в Италию; но он был вынужден вернуться домой из-за восстания старой военной гвардии, называемой стрелицами, которые были особенно недовольны. Но он легко подавил недовольство и наказал старых солдат с беспощадной строгостью. Он даже казнил тридцать человек собственными руками.

Затем он всерьез занялся реформами Петра. реформа. Его страстью были военные, и он страстно желал завоевывать королевства и города. Но он не видел шансов на успех, если не сможет сначала цивилизовать своих подданных и научить солдат великим достижениям в военном искусстве. Чтобы победить, он решил сначала реформировать свою нацию. Его желания были эгоистичными, но случайно были направлены в русло, приносящее пользу его стране. Как и у Наполеона, его главной страстью было возвеличивание себя и нации. Но Провидение распорядилось так, чтобы его страсти были подчинены благополучию его расы. К его славе, что он обладал достаточной широтой ума, чтобы понять истинные источники национального процветания. Следовательно, добиться этого стало целью его жизни. Он стал реформатором; но реформатором, как и Хильдебранд, деспотической школы.

Первой целью всех деспотов является совершенствование военной силы. Чтобы добиться этого, он отменил старые привилегии солдат, распустил их и призвал в новые полки, которые он организовал по европейскому плану.

Ему было труднее изменить одежду людей, которые, как правило, носили длинные азиатские одежды и татарскую бороду; и сопротивление народа было таким сильным, что он был вынужден пойти на компромисс в этом вопросе и вынудил всех, кто хотел носить бороды и рясы, платить большой налог, за исключением священников и крестьян: он предоставил индульгенцию священникам из-за церемониала их богослужения и крестьянам, чтобы сделать их одежду позорной.

Его следующей важной мерой была терпимость ко всем религиям и всем сектам, за исключением иезуитов, которых он ненавидел и боялся. Он добился перевода Библии на славянский язык; основал школу для морских пехотинцев, а также учреждения для поощрения литературы и искусства. Он отменил старые и отвратительные законы о браке, по которым женщины не имели свободы в выборе мужей. Он подавил все бесполезные монастыри; обложил налогами как духовенство, так и мирян; унизил патриарха и присвоил себе многие из его полномочий. Он улучшил отправление правосудия, смягчил законы в отношении женщин и повысил ее социальный ранг. Он основал почтовые отделения, торговые палаты, сильную полицию, больницы и богадельни. Он унизил дворянство и отменил многие из их привилегий, за что народ почитал его и смотрел на него как на своего благодетеля.

Организовав свою армию и проведя социальные реформы, он обратил свое внимание на войну и национальное возвышение.

Его первая война была со Швецией, тогда самым могущественным из северных государств, которым он правил во время войны с Карлом XII. Карл XII, который в возрасте восемнадцати лет только что взошел на трон. Причиной войны было желание царя возвыситься; предлогом было возвращение некоторых земель, которые Швеция получила от Дании и Польши. Воспользовавшись беззащитностью Швеции, атакованной в то время Данией с одной стороны

и Польшей — с другой, Петр вторгся на территорию Карла с шестидесятитысячной армией и осадил Нарву. Шведские войска насчитывали всего двадцать тысяч человек, но это были ветераны, и их возглавлял герой. Несмотря на большую диспропорцию между противоборствующими сторонами, русские потерпели поражение, хотя и были атакованы в своих укреплениях, и вся артиллерия попала в руки шведов. Победа под Нарвой положила конец славе Карла XII. Карл, но опьянил его разум и привел к самонадеянной уверенности в себе; в то время как поражение Петра не обескуражило его, а придало сил к еще большим усилиям - один из многочисленных примеров, так часто наблюдаемых в человеческой жизни, когда поражение лучше победы. Но царь сознавал свою силу, но также и свою слабость. Он знал, что располагает неограниченными ресурсами, но что его войска неопытны; и он готовился к катастрофам в начале, в надежде на победу в конце. "Я очень хорошо знаю, - сказал он, - что шведы будут иметь преимущество над нами в течение значительного времени; но в конце концов они научат нас побеждать их". Швед, с другой стороны, был опьянен победой и приобрел ту роковую самонадеянность, которая в конце концов оказалась губительной для него самого и для его страны. Он презирал своего противника, в то время как Петр, не переоценивая своего победоносного врага, проявил новую энергию и развил огромные ресурсы своей нации. Он был уверен в конечном успехе; а тот, кого поддерживает сознание окончательного триумфа, может позволить себе подождать. Мученика поддерживает дух. Это составляет отличительный элемент энтузиазма и возвышенного героизма.

Но Петр не только предпринял новые военные приготовления, но и осуществил свои планы внутреннего благоустройства и после своего неудачного поражения под Нарвой планировал соединить каналом Балтийское и Каспийское моря. Примерно в это же время он завез в Россию стада саксонских овец, построил льняные и бумажные мануфактуры, больницы и пригласил искусных механиков всех профессий поселиться в его королевстве. Но Чарльз думал только о войне и славе и не реконструировал и не воспроизводил. Он продолжил свою военную карьеру, вторгшись в Польшу, которой тогда правил курфюрст Саксонии; в то время как Петр обратил свое внимание на организацию новых армий, переплавку колоколов в пушки, строительство флотов и проявление величайшего усердия во всех сложных заботах могущественной нации. Он рисовал планы крепостей, планировал военные реформы и вдохновлял своих солдат собственным энтузиазмом. И его энергия и настойчивость вскоре были вознаграждены. Он захватил Марианбург, сильный город на границе Лифляндии и Ингрии, и среди пленниц была молодая крестьянская девушка, которая в конечном итоге стала императрицей Екатериной и чьим советам Петр был во многом обязан своим большим успехом.

Она была дочерью бедной женщины из Ливонии; потеряла мать в возрасте трех лет; и в этом раннем возрасте привлекла внимание приходского писаря, лютеранского священника: воспитывалась вместе с его собственными дочерьми и вышла замуж за молодого сержанта армии, который был убит при взятии города. Она заинтересовала русского генерала своим глубоким горем и необычайной красотой; была принята в его семью и вскоре после этого завоевала расположение князя Меншикова, премьер-министра царя; стала хозяйкой его дворца; там увидела самого Петра, пленила его и вышла за него замуж - сначала тайно, а затем публично. Ее возвышение из столь малоизвестного положения в далеком провинциальном городке до положения жены абсолютного монарха империи с населением в тридцать три миллиона человек является самым экстраординарным в мировой истории. Когда она силой своего обаяния поработила царя, ей было всего семнадцать лет; через два года после закладки фундамента Санкт-Петербурга.

Строительство этого здания в Санкт-Петербурге. великая северная столица была столь же экстраординарной, как и другие великие деяния этого монарха. Среди болот, в устье Невы, за пять месяцев возник город-соперник древней столицы империи. Но в течение первого года погибло сто тысяч человек из-за тяжести их труда и зловонного воздуха этого места. Новый город вызывал такое же сильное отвращение у знати России и жителей старых городов, как и радость и гордость царя, который сделал его столицей своих обширных владений. И едва был построен город, как его огромные коммерческие преимущества были оценены по достоинству; и суда со всех концов света, груженныеразличными сокровищами различных королевств и стран, появились в гавани Кронштадта.

Карл XII. с презрением смотрел на титанические усилия своего соперника по цивилизации и обогащению своей страны и заметил, "что царь может развлекаться, как сочтет нужным, строительством города, но вскоре он отберет его у него и подожжет его деревянный дом"; напыщенное бахвальство, которое, как и любое хвастовство, сошло на нет.

Действительно, успех теперь повернулся в пользу Петра, силы которого постоянно увеличивались, в то время как силы Карла уменьшались. Новая война со Швецией. Город за городом переходил в руки Петра, и целые провинции были отвоеваны у Швеции. Вскоре вся Ингрия была присоединена к царской империи, управление которой было доверено Мензикову, человеку экстраординарных способностей, вышедшему из неизвестности продавцом пирогов на улицах Москвы, чтобы стать принцем империи. Его возвышение было большим оскорблением для старой и гордой знати. Но Петр стремился не только награждать и присваивать заслуги, но и смирять старую аристократию, которая была против его улучшений. И Питер был так же холоден и надменен с ними, как свободен и дружелюбен со своими самыми подлыми солдатами. Все великие деспоты безразличны к рангам, когда их собственное возвышение выше зависти или пределов амбиций. Награда за заслуги со стороны царя, хотя и оттолкнула чувства его знати, усилила почитание и энтузиазм народа, который, в конце концов, является великим прочным фундаментом, на котором покоится абсолютная власть; примером может служить империя пап, а также деспотизм Наполеона.

В то время как Петр с переменным успехом сражался с армиями Швеции, ему удалось втянуть Швецию в войну с Польшей и отвлечь Карла от вторжения в Россию. Если бы Карл сначала и настойчиво сосредоточил все свои силы на вторжении в Россию, он, возможно, изменил бы политику Европы. Но его вынудили вторгнуться в Польшу, и вскоре он изгнал роскошного и трусливого монарха из его столицы и трона, а затем повернулся к России, чтобы сыграть роль Александра. Но он не нашел Дария в царе, который был готов встретить его во главе огромных армий.

Русские войска насчитывали сто тысяч человек, шведские - восемьдесят тысяч, и все они были ветеранами. Петр не рискнул рисковать судьбой своей империи в решительном сражении с такой армией победоносцев. Поэтому он предпринял военную хитрость и преуспел. Он заманил шведов на бесплодную и опустошенную территорию, и Карл, вместо того чтобы двинуться маршем на Москву, как ему следовало бы сделать, последовал за ожидаемой добычей туда, где не мог раздобыть ни провизии для своих людей, ни фуража для своих лошадей. Измученные усталостью и голодом, его войска отступили в погоне и даже позволили отвлечь себя на еще более бесплодные участки. При таких обстоятельствах они потерпели поражение в катастрофическом сражении. Карл, охваченный безумием, отказался отступить.

Бедствиямножились. Победоносные русские наступали ему в тыл. Казаки отрезали его отставших. Восьмидесятитысячная армия уменьшилась до двадцати пяти тысяч. Все еще безумный швед мечтал о победе и ожидал увидеть, как войска его врага дезертируют. Наступила зима с ее северными суровостями и еще больше ослабила его измученные голодом войска. Он терял время в маршах и контрмаршах, без проводников и среди враждебно настроенного населения. Наконец он добрался до Пултовой, деревни на берегу Ворсклы. Петр поспешил ему навстречу с шестидесятитысячной армией, и произошло одно из самых кровопролитных сражений в истории войн. Шведы проявили чудеса доблести. Но доблесть ничего не могла поделать с подавляющей силой. Результатом стало сокрушительное поражение, и Карл с несколькими полками бежал в Турцию.

Если бы битва при Пултове решилась иначе; если бы Карл победил вместо Петра или если бы Петр погиб, Российская империя, вероятно, вернулась бы к своему первоначальному варварству, и баланс сил в Европе изменился.

Но Провидение, предопределившее цивилизацию России, также предопределило, чтобы торжествующий царь не подвергался чрезмерному возвеличиванию и сам усвоил уроки смирения. Турки, вследствие интриг Карла и их наследственной ревности, воевали с турками. воевали с Петром и выступили против него с армией в двести пятьдесят тысяч человек. Его собственная армия насчитывала всего сорок тысяч человек. Он также был неосторожен и вскоре оказался в положении Карла при Пултове. На берегах Прута, в Молдавии, он был окружен всеми турецкими войсками, и голод или капитуляция казались неизбежными. Именно в этом отчаянном и плачевном состоянии он был спасен царицей Екатериной, по чьему указанию был заключен мирный договор с его победоносным врагом, и Петру было позволено удалиться со своей армией. Карл XII был безмерно возмущен турецким генералом за то, что тот согласился на такие легкие условия, когда в его власти был царь; и на его упреки визирь султана ответил: "Я имею право заключить мир или войну; и наш закон повелевает нам даровать мир нашим врагам, когда они умоляют нас о помиловании". Карл ответил оскорблением; и, хотя он был беглецом в турецком лагере, он бросился на диван, презрительно окинул взглядом всех присутствующих, вытянул ногу и запутал шпору в одежде визиря; это оскорбление великодушный турок сделал вид, что считает его случайным.

После поражения Петра на берегах Прута он с удвоенной энергией посвятил себя благоустройству своей страны. Он украсил Санкт-Петербург, свою новую столицу, дворцами, церквями и арсеналами. Он увеличил свою армию и флот, укрепил себя новыми победами и постепенно стал хозяином обоих берегов Финского залива, которые защищали его обширную империю от вторжения.

Теперь он достиг той высоты, к которой давно стремился. Он принял титул императора, и его титул был признан всеми. Затем он размышлял о том, что Питер совершает второе турне. второе турне по Европе с целью изучения политических конституций различных государств. Прошло тринадцать лет с тех пор, как он, будучи молодым энтузиастом, посетил Амстердам и Лондон. Теперь он путешествовал во второй раз, с дополнительной славой великого имени и в полной зрелости своего ума. Он посетил Гамбург, Стокгольм, Любек, Амстердам и Париж. В этом последнем месте на него обращали большое внимание. Куда бы он ни направлялся, его путь был триумфальным шествием. Но он презирал лесть и был утомлен помпезными церемониями. Ему нельзя было польстить ни за его простоту, ни за рвение к приобретению полезных знаний.

Он осмотрел все произведения искусства, и его особенно поразили гобеленовые гобелены и гробница Ришелье. "Великий человек, - сказал он, обращаясь к своему изображению, - я бы отдал половину своего королевства, чтобы научиться у тебя управлять другой половиной". Его резиденция в Париже внушала всем классам глубокое уважение, а из Парижа он отправился в Берлин. Там он нашел сочувствие у Фредерика Вильгельма, чьи вкусы и характер чем-то напоминали его собственные; и от него он почерпнул много полезных знаний в искусстве управления государством. Но его внезапно отозвали из Берлина из-за плохого поведения его сына Алексея, который был наследником его престола. Его судили, осудили, опозорили, унизили и лишили наследства. Он, вероятно, был бы казнен своим суровым отцом, если бы не умер в тюрьме. Он был настроен враждебно к планам своего отца по реформированию и непристойно выразил пожелание его смерти. Поведение Петра по отношению к нему обычно считается суровым и бесчувственным; но оно имеет много смягчающих обстоятельств, если желать блага его подданных и мира в королевстве больше, чем жизни позорного принца.

Петр вел свои войны и проводил реформы. Нойштадтский мирный договор обеспечил России после двадцати лет непрерывной войны значительное увеличение территории и поставил ее во главе северных держав. Император также обогатил свою страну, открыв новые отрасли торговли, построив каналы, поощряя промышленность, пресекая азартные игры и нищенство, внедряя производство чугуна и стали, строя города и создавая мощную полицию.

После того, как он уладил финансы и торговлю своей империи, подчинил своих врагов дома и за границей и заставил всю знать и духовенство присягнуть на верность человеку, которого он выберет своим преемником, он возвел Екатерину на престол. назначил свою жену Екатерину; и она была торжественно коронована императрицей в 1724 году, он сам присутствовал на ее инаугурации, прогуливаясь пешком в качестве капитана ее гвардии. Он не мог бы сделать лучшего выбора, поскольку она была во всех существенных отношениях достойна того высокого положения, до которого ее довели.

Примерно через год после этого он умер, оставив после себя свои принципы и могущественное имя. Другие короли были более великими полководцами; но мало кто добился на войне большего успеха. Некоторые командовали большими армиями; но он создал те, которыми командовал. Многие разрушили; но он восстановил. Он был деспотом, но правил на благо своей страны. Он был опозорен бурными страстями, его жестокость была кровожадной, а вкусы грубыми; но его страсти не разрушили его рассудительность, и его аппетиты не сделали его роскошным. Он был постоянно активен и бдителен, его предрассудков было немного, а взгляды терпимыми и просвещенными. Он был жесток только тогда, когда его авторитет подвергался импичменту. Его лучший портрет - в его действиях. Он нашел страну полуварварской, охваченной беспорядками, жертвой мелкой тирании, ослабевшей от разобщенности и трепещущей перед могущественными соседями. Он оставил ее первоклассной державой, в какой-то мере освобожденной от ее варварских обычаев, улучшенной в социальной жизни, в искусстве, в науке и, возможно, в морали. Он оставил большую и дисциплинированную армию, значительный военно-морской флот и многочисленные учреждения для цивилизации народа. Он оставил больше — моральный эффект великого примера человека, обладающего безграничным богатством и властью, приносящего огромные личные жертвы, чтобы совершенствоваться в искусстве управления ради благополучия миллионов людей, которыми он был призван править. Эти добродетели и поступки справедливо принесли ему титул Петра

Великого — титул, которым мир наградил лишь немногих великих героев древности или современности.

Правление Карла XII тесно связано с правлением Петра Великого; эти монархи были современниками и соперниками, оба правили в северных странах с большой протяженностью и сравнительным варварством. Правление Петра было не таким исключительно военным, как правление Карла, для которого война была страстью и профессией. Интерес, проявляемый к Чарльзу, проистекает скорее из его эксцентричности и блестящих военных качеств, чем из какого-либо экстраординарного величия ума или сердца. Он был варваром в своих манерах и свиреп в своем негодовании; чужд удовольствий общества, упрям, мстителен, несимпатичен и равнодушен к дружбе и ненависти. Но он был храбр, сдержан, великодушен, бесстрашен в опасности и тверд в несчастье.

Прежде чем рассказать о его необычной карьере, необходимо обратить внимание на раннюю историю Швеции. Страна, над которой он правил, и на которую следует обратить внимание в связи с Данией; эти две страны составляли большую часть древней Скандинавии, из которой мигрировали наши тевтонские предки, земля Одина, Фрей и Тора, тех полубогических божеств, относительно которых до сих пор существуют разные мнения; одни предполагают, что они были героями, а другие — олицетворением добродетелей или элементов и чудес природы. Мифология Греции не более изобилует богами и богинями, чем мифология древней Скандинавии грубыми божествами — карликами, эльфами и горными духами. Именно в этих северных регионах норманны приобрели свой дикий энтузиазм, сверхъестественную отвагу и великолепные суеверия. Именно из этих краев саксы принесли свою любовь к свободе, свой дух предприимчивости и свою неугомонную страсть к морю. Древние скандинавы были героическими, предприимчивыми и рыцарственными разбойниками, с большим уважением относившимися к своим женщинам и глубоко трепетными в своих представлениях о высшей силе. Они были бедны серебром, золотом, плодами земли, роскошью и дворцами, но богаты поэтическими чувствами и религиозными идеями. Их главными пороками были обжорство и невоздержанность, а величайшими удовольствиями — охота и азартные игры.

Какими бы невероятными ни были большинство легенд об их происхождении, все же Скандинавия, вероятно, была населена выносливыми расами еще до того, как началась подлинная история. Под разными именами и в разное время они вторглись в Римскую империю. В пятом веке они поселились в его опустошенных провинциях — саксы в Англии, готы в Испании и Италии, вандалы в Африке, бургунды во Франции и лангобарды в Италии.

Одними из самых знаменитых северных тевтонских народов были пираты, вторгшиеся в Англию и Францию под именем норманнов. Они пришли из Дании, и некоторые из их вождей завоевали громкое имя в своем поколении, такие как Гарольд, Канут, Свейн и Ролло.

Христианство, вероятно, было введением христианства. насаждено в Швеции примерно в середине девятого века. Святой Ансар, вестфальский монах, был первым успешным миссионером, и его сделали архиепископом Гамбурга и примасом севера.

Ранняя история шведов и датчан напоминает историю Англии при саксонских князьях, и они были опозорены теми же великими национальными пороками. В Средние века не появлялось ни одного выдающегося персонажа, достойного особого внимания. Некоторые из наиболее могущественных королей, такие как Вальдемар I и II, а также Канут VI, поссорились с

императорами Германии и вторглись в некоторые провинции их империи. Некоторые из этих принцев были воинами, некоторые жестокими тиранами, но не очень могущественными, и всем им были присущи пороки их эпохи — предательство, лицемерие, убийства, пьянство и жестокая месть.

Самым могущественным из этих королей был Кристиан I., основавший династию Ольденбургов и объединивший под своей властью королевства Дания, Швеция и Норвегия. Он правил с 1448 по 1481 год; и в его семье шведская корона оставалась до революции, совершенной Густавом Вазой в 1525 году, в результате которой Швеция стала независимой от Дании.

Gustavus Vasa Gustavus Vasa. был дворянином, происходившим от древних королей Швеции, который из-за притеснений, которым подвергалась его страна со стороны Кристиана и архиепископа Упсальского, был вынужден искать убежища в лесах Далекарлии. Когда Стокгольм был разграблен, а его благороднейшие граждане убиты жестоким тираном страны, Густав возглавил восстание, разгромил королевские войска и сам был провозглашен королем сеймом. Он, видя, что католическое духовенство выступает против свобод и великих интересов его страны, захватил их крепости и земли, обратился в доктрину реформаторов и ввел в королевстве лютеранство, которое с тех пор является общепринятой религией Швеции. Он был деспотичен в своем правлении, но правил на благо своих подданных и отличался многими благородными качествами.

Знаменитый Густавус Адольфус был его потомком и был более абсолютным и могущественным, чем даже Густавус Васа. Но в основном его помнят как великого героя Тридцатилетней войны и величайшего полководца своего времени. Под его властью Швеция была самым могущественным из северных королевств.

Ему наследовала его дочь Кристина, женщина самых выдающихся качеств; женщина гениальная, со вкусом и культурой; женщина, которая в двадцать семь лет устала от мира и наслаждения неограниченной властью и которая сменила религию, удалилась из своей страны и отреклась от трона, чтобы беспрепятственно наслаждаться изысканными удовольствиями Рима и находить утешение в литературе, религии и искусстве этой великолепной столицы. Именно в обществе гениальных людей она проводила большую часть своего времени, и это была жизнь самого интеллектуального круга, который тогда существовал в Европе.

Ей наследовал ее двоюродный брат, который был избран королем Швеции под титулом Карла Густава X., а ему наследовал Карл XI, отец Карла XII.

Карлу XII было пятнадцать лет, когда он взошел на трон в 1697 году, и он обнаружил, что его страна богата ресурсами, а армия - самой дисциплинированной в Европе. Его территории были на треть больше, чем во Франции времен правления Людовика XIV, хотя и не так густонаселенны.

Молодой монарх поначалу, в Первые дни правления Карла XII, давал лишь несколько указаний на замечательные качества, которые впоследствии отличали его. Он был праздным,

рассеянным, надменным и роскошным. Когда он приходил в зал совета, он был отсутствующим и безразличным и обычно сидел, закинув обе ноги на стол.

Но его летаргия и безразличие длились недолго. Три великих монарха сговорились погубить его и расчленить его королевство. Это были царь Петр, Фредерик IV. Датский король и Фредерик Август, король Польши, а также курфюрст Саксонии; и их враждебные армии были готовы вторгнуться в его страну.

Величие опасности выявило его выдающиеся качества. Он энергично готовился к войне. Весь его характер изменился. Квинт Курций стал его учебником, а Александр - образцом для подражания. Он не тратил времени на спорт или великолепие. Он одевался как простой солдат, чьи тяготы решил отныне разделять. Он отказался от общества и влияния женщины. Он отказался от вина и всех удовольствий за столом. Любовь к славе стала его страстью и продолжалась всю жизнь; и это всегда впоследствии делало его нечувствительным к упрекам, опасности, тяжелому труду, страху, голоду и боли. Никогда не было более полного изменения, произведенного в моральном облике человека; и никогда улучшенный моральный облик не был направлен на худшую цель. Он был предан не истинным интересам своей страны, а эгоистичной, низменной и тщеславной страсти к военной славе.

Но его поведение поначалу вызвало всеобщее восхищение. Его славная и успешная защита от врагов, по-видимому, превосходящих его по численности, создала ему отличную военную репутацию и обеспечила ему симпатии христианского мира. Если бы он погиб, отражая натиск русской, датской и польской армий, ему было бы обеспечено столь же почетное бессмертие, как и Густаву Адольфу. Но ему не было позволено умереть преждевременно, как это было с его великим предком. Он прожил достаточно долго, чтобы опьяниться успехом, совершить крупные политические ошибки и пережить самые фатальные и унижительные несчастья.

Начало его военной карьеры было поистине героическим. "Джентльмены, - сказал восемнадцатилетний монарх своим советникам, когда обдумывал отчаянное сопротивление, - я решил никогда не начинать несправедливую войну и никогда не заканчивать справедливую иначе, как уничтожением моих врагов".

Через шесть недель он закончил войну с Данией, полностью смилив своего врага, и пришел на помощь своему шурина, герцогу Голштинскому.

Представлен его конфликт с Петром, когда с двадцатью тысячами человек он проявил Героизм Карла. атаковал и разгромил шестьдесят тысяч русских в их укреплениях, захватил сто пятьдесят орудий и убил восемнадцать тысяч человек. Победа под Нарвой изумила всю Европу и была самой блестящей из всех, одержанных тогда в анналах современной войны.

Карл столь же успешно выступил против Фредерика Августа. Он разбил его саксонские войска, а затем решил свергнуть его с престола как короля Польши. И ему удалось настолько преуспеть, что он убедил польский сейм объявить трон вакантным. Август был вынужден бежать, и Станислав Лечинский был избран королем вместо него по предложению шведского завоевателя. Страна была порабощена, и Фредерик Август стал беглецом.

Но Карл не удовлетворился изгнанием его из Польши. Он решил напасть на него и в самой Саксонии. Саксония была тогда, после Австрии, самым могущественным из германских государств. Тем не менее, Саксония не смогла остановить победоносную карьеру Карла. Саксы разбежались при его приближении. Он проник в самое сердце электората, и несчастный Фредерик Август был вынужден просить мира, который был заключен только на самых унижительных условиях: курфюрст должен был признать Станислава королем Польши, что он должен был разорвать все свои договоры с Россией и передать королю Швеции всех людей, дезертировавших из его армии. Униженный курфюрст добивался личной встречи с Карлом после того, как тот подписал условия мира, в надежде добиться лучших условий. Он нашел Чарльза в ботфортах, с куском черной тафты на шее вместо галстука и одетым в грубый синий сюртук с медными пуговицами. Его разговор полностью перешел на его высокие сапоги; и эта пустяковая тема была единственной, на которую он соизволил побеседовать с одним из самых выдающихся монархов своего времени.

Теперь Карл смирил и победил всех своих врагов. Теперь ему следовало вернуться в Швецию и изучать искусство мира. Но мир и цивилизация были далеки от его мыслей. Подчинение всех северных держав стало мечтой его жизни. Он вторгся в Россию, решив свергнуть Петра с его трона.

Он был в высшей степени успешен в оборонительной войне, и в высшей степени Его постигли неудачи. потерпел неудачу в агрессивной войне. Провидение благосклонно, но необычно приходит на помощь всем своим детям, попавшим в беду и отчаяние. Люди великолепно сильны в защите своих прав, но слабы при всей своей силе, когда они посягают на права других. Этот факт настолько знаменателен, что он запечатлен на всех страницах истории и проиллюстрирован как в повседневной жизни, так и в делах наций.

Когда Карл выступил против прав своих врагов, начались его досадные неудачи. Во главе сорока трех тысяч ветеранов, нагруженный добычей из Польши и Саксонии, он начал свой поход на Россию. У него была еще одна двадцатитысячная армия в Польше и еще одна пятнадцатитысячная в Финляндии. С их помощью он рассчитывал свергнуть царя.

Были замечены его ошибки и увлеченность, а также его окончательное поражение при Пултове, деревне на восточной оконечности Украины. Это сражение было более решающим, чем сражение под Нарвой, ибо в последнем карьера Петра была лишь приостановлена, но в первом сила Карла была уничтожена. И такими же были бы его надежды, если бы он был обычным человеком. Но он был безумцем и все еще мечтал о победе, имея всего восемнадцать сотен человек, которые могли последовать за его судьбой в Турцию, куда ему удалось добраться.

Его поведение в Турции было позорным и экстраординарным. Никакими доводами это не объяснить. Это было одновременно смешно и провоцирующе. Сначала он занимался разжиганием ссор и разработкой планов привлечь султана на свою сторону. Визирь за визирем подвергались лести и нападкам. Он отвергал все попытки к своему мирному возвращению. Он провел пять лет в бесконечных интригах и переговорах, чтобы осуществить великую мечту своей жизни — свержение царя. Он безрассудно жил за счет щедрот султана, не обращая внимания на намеки на то, что даже императорским гостеприимством можно злоупотребить и исчерпать его. В конце концов его непреклонное упрямство и опасные интриги настолько возмутили щедрого хозяина, что его убедили вернуться, предложив подходящий эскорт и крупную сумму денег. Он принял и потратил тысячу двести кошельков и по-прежнему отказывался

возвращать. Недовольство султана Ахмета теперь было достаточно сильным. Порта решила, что он должен быть удален силой, поскольку его нельзя было переубедить. Но Карл оказал сопротивление войскам султана, которым было приказано убрать его. С шестьюдесятью слугами он отчаянно защищался от армии янычар и убил двадцать из них собственной рукой; и только когда был полностью ошеломлен и повержен ниц, он подбросил свой меч в воздух. Теперь он был военнопленным, а не гостем; но все же с ним обращались с учтивостью и достоинством, подобающими царю, и повезли в колеснице, покрытой золотом и багрянцем, в Адрианополь. Оттуда его перевезли в Демотику, где он возобновил свои интриги и ревностно не вставал с постели под предлогом болезни в течение десяти месяцев.

Пока он оставался в плену, Фредерик Август вернул себе корону Польши, король Станислав был захвачен турками, а Петр продолжил завоевание Ингрии, Ливонии и Финляндии, провинций, принадлежащих Швеции. Король Пруссии также вторгся в Померанию, и Фредерик IV. Датский король заявил права на Бремен, Гольштейн и Сканию. Шведы были лишены всех своих завоеваний, и сто пятьдесят тысяч из них стали пленниками в чужих землях.

Таковы были неудачи человека, решившего сыграть роль Александра, но который, пока довольствовался защитой своей страны от превосходящих сил, добивался успеха и снискал такую великую славу, что его несчастья никогда не могли вызвать к нему презрения.

Когда все было потеряно, он сообщил турецкому визирю о своем желании вернуться к возвращению Карла в Швецию. Швеция. Визирь не пренебрегал никакими средствами, чтобы избавить своего господина от столь беспокойного человека. Карл вернулся в свою страну обнищавшим, но не обескураженным. Очарование его имени было разрушено. Его солдаты были такими же храбрыми и преданными, как всегда, но его ресурсы были исчерпаны. Однако ему удалось собрать тридцать пять тысяч человек, чтобы продолжить свою отчаянную игру в завоевания, а не в оборону. Европа стала свидетелем необычайного зрелища: этот безумный герой прошел глубокой северной зимой по замерзшим холмам и скованным льдом скалам Норвегии со своей преданной армией, чтобы завоевать этот гиперборейский регион. Он так привык к холоду и усталости, что спал под открытым небом на подстилке из соломы, укрывшись только плащом, в то время как его солдаты замертво падали на своих постах от холода. В декабре 1718 года он начал осаду Фредериксхолла, места огромной силы и значения, но, выставив себя напоказ, был убит пулей, выпущенной из крепости. Многие, однако, предполагают, что он был убит своими собственными офицерами, уставшими от бесконечной войны, от которой они не видели ничего, кроме бедствий для своей измученной страны.

Его смерть - его смерть. это было воспринято как сигнал к общему прекращению вооружений; но Швеция так и не оправилась от безумных предприятий Карла XII. С тех пор она никогда не была первоклассной державой. Национальные финансы были в беспорядке, население сокращалось, а провинции расчленились. Петр Великий получил то, что потерял его соперник. Мы не можем не сочувствовать нации, которая имеет несчастье находиться под властью такого абсолютного и безрассудного монарха, каким был Карл XII. Он ничего не сделал для цивилизации своих подданных или для смягчения причиненного им зла. Он был, подобно Алариху или Аттиле, бичом Всемогущего, посланным на землю с какой-то таинственной целью - опустошать и разрушать. Но он умер без сожалений и почестей. Ни один великий воин современности не вызывал столь малого сочувствия у историков, поскольку он не отличался такими выдающимися моральными качествами, как привязанность или великодушие, и

бессовестно приносил в жертву как друзей, так и врагов для удовлетворения эгоистичной и порочной страсти.

Список литературы.—"История России" Вольтера, очень привлекательная книга из-за своего живого стиля. Не менее увлекательна и "Жизнь Карла XII" Вольтера. В "Кабинетной энциклопедии" Ларднера есть сносные истории как России, так и Швеции; также в Семейной библиотеке. Смотрите также историю России и Швеции во Всеобщей истории. Современная Европа Рассела. [\(Вернуться к содержанию\)](#)

ГЛАВА XIX.

ГЕОРГ I И АДМИНИСТРАЦИЯ СЭРА РОБЕРТА УОЛПОЛА.

Королева Анна умерла в 1714 году, вскоре после заключения знаменитого Утрехтского мирного договора, которым была прекращена война за испанское наследство. Ей наследовал Георг I. Георг I., курфюрст Ганновера. Он был внуком Елизаветы, единственной дочери Якова I., которая вышла замуж за Фредерика, короля Богемии. Ему было пятьдесят четыре года, когда он взошел на английский трон, и он плохо понимал язык нации, которой был призван управлять.

Георг I не был государем, который существенно влиял на интересы или судьбу Англии; он также не был одним из тех интересных персонажей, которых любят описывать историки. Общеизвестно, что он был респектабельным, благоразумным и высокоморальным человеком; дружелюбным по характеру, искренним в общении и простым в своих привычках — качествами, которые вызывают уважение, но не теми, которые ослепляют людей. Предполагается, что он сносно понимал английскую конституцию и был готов смириться с ограничениями, налагаемыми парламентами. Он поддерживал вигов — доминирующую партию того времени — и симпатизировал либеральным принципам, насколько можно предположить, что монарх продвигает интересы народа и власть класса, всегда враждебного прерогативам королевской семьи. Он смирился с правлением своих министров — именно с тем, чего от него ожидали и чего от него хотели; и стал тем, кем с тех пор был каждый король Англии, когда пользовался популярностью, — позолоченной марионеткой могущественной аристократии. Его общественное и конституционное влияние, действительно, не было уничтожено; у него был выбор министров, и он собрал вокруг своего трона великих и гордых, которые смотрели на него как на источник всякой чести и достоинства. Но, тем не менее, с момента восшествия на престол дома Ганноверов политическая история Англии — это история актов парламентов и тех министров, которые представляли доминирующие партии страны. Немногие дворяне были так велики, как некоторые при принцах Тюдорах и Стюартах; но власть аристократии как класса возросла. Со времен Георга I до королевы Виктории наиболее заметным было господство парламентов, состоящих в основном из знати, крупных землевладельцев и гигантских коммерческих монополистов. Народ, действительно, не был неслышимым или непредставленным, но, буквально говоря, имел лишь слабое влияние по сравнению с аристократией. Поэтому не без основания можно сказать, что парламенты и министры являются представителями аристократии — мудрых, могущественных и благородных.

Когда власть переходит от королей к знати, тогда деяния знати составляют гениальность политической истории в той же мере, в какой деяния королей составляют историю, когда короли абсолютны, а деяния народа составляют историю, когда народ всемогущ.

Поэтому нашего внимания требует упоминание об этом великом министре, возглавлявшем аристократическую партию Вигов и который, будучи их органом, почти сорок лет влиял на советы Англии. Его политическая карьера началась во время правления Анны и продолжилась во время правления Георга I. и частично во время правления Георга II. Георг I как человек или как король превратился в ничтожество по сравнению со своим премьер-министром сэром Робертом Уолполом. Сэр Роберт Уолпол. И он велик, главным образом, как представитель вигов; то есть доминирующей партии богатых и знатных людей, заседавших в парламенте; партии политиков, которые исповедовали более либеральные принципы, чем тори, но которые были столь же аристократичны в социальных симпатиях и могущественны благодаря аристократическим связям. Какое дело было великим герцогами Девонширским или Бедфордским до бедных людей, которые политически не составляли части нации? Но они были вигами, и сам король Георг был вигом.

Сэр Роберт принадлежал к древней, богатой и благородной семье; родился в 1676 году и получил первую степень в Королевском колледже Кембриджа в 1700 году. Почти сразу после этого он вошел в парламент, стал активным членом, заседал в нескольких комитетах и вскоре отличился своим трудолюбием и способностями. Он не был красноречив, но приобрел значительные навыки участника дебатов. В 1705 году лорд Годольфин, премьер-министр королевства Анна, сделал его одним из членов совета принца Георга Датского; в 1706 году Мальборо избрал его военным министром; в 1709 году он был назначен казначеем военно-морского флота; а в 1710 году он был признанным лидером Палаты общин. Однако он потерял свой пост, когда виги потеряли власть в 1710 году; был подвергнут жестоким политическим преследованиям, ему даже был объявлен импичмент, и он был заключен в Тауэр. Этот период запомнился сильной горечью и серьезными конфликтами между вигами и тори; не столько из-за расхождения во взглядах на великие политические принципы, сколько из-за борьбы за обладание местом и властью.

После восшествия на престол Георга I. Уолпол стал казначеем вооруженных сил, занимая одну из самых прибыльных должностей в королевстве. Таунсенд был назначен государственным секретарем. Другими крупными официальными сановниками были лорды Каупер, Мальборо, Уортон, Сандерленд, Девоншир, Оксфорд и Сомерсет; но наиболее влиятельными были Таунсенд и Уолпол. Они объявили импичмент своим главным политическим врагам Ормонду и Болингброку, самым выдающимся лидерам партии Тори. По гениальности и образованности Болингброк не имел себе равных в парламенте и был соперником Уолпола в Итоне.

Первым важным событием при новом министерстве стало вторжение Самозванца в Великобританию. Претендент — принц Джеймс Фредерик Эдвард Стюарт, единственный сын Якова II. Свои первые дни он провел в Сен-Жермене, дворце, которым свергнутый монарх пользовался благодаря гостеприимству Людовика XIV. Он получил образование под влиянием, совершенно неблагоприятным для восстановления своего естественного наследства, и был приверженцем папы римского и интересов абсолютизма. Но у него были свои приверженцы, которых называли якобитами и которых в основном можно было найти в Высокогорьях Шотландии. В 1705 году была предпринята безуспешная попытка вернуть трон его отцу, но сопутствующие этому бедствия помешали ему возобновить какие-либо усилия до смерти Анны.

Когда она умерла, многие недовольные тори разжигали дух восстания, а епископ Аттербери, выдающийся богослов, поддержал притязания Претендентки. Шотландия созрела для

восстания. В Англии произошли тревожные беспорядки. Вильгельм III. был сожжен в виде чучела в Смитфилде. Оксфордские студенты снесли пресвитерианский молитвенный дом, и 29 мая дубовая веточка была выставлена на всеобщее обозрение. Граф Мар поспешил в Шотландию, чтобы раздуть дух восстания, в то время как одаренный, блестящий и изгнанный Болингброк встал под знамена шевалье. Почтенный и популярный герцог Ормонд также помогал ему своими советами.

По совету этих знатных людей, при содействии короля Франции и польщенный фракцией якобитов, Претендент начал готовиться к восстановлению своих прав. Его перспективы были, очевидно, лучше, чем у Вильгельма, когда он высадился в Англии. Граф Мар стоял во главе десяти тысяч человек; но шевалье не был генералом и не соответствовал своим обстоятельствам. Когда он высадился во время вторжения в Шотландию. Шотландия, он предался меланхолии и бездействию. Его печаль и малодушие привели в уныние группу его преданных последователей. Он отступил перед более слабыми силами и, в конце концов, бежал из страны, в которую вторгся. Французский король был вынужден отказаться от своего дела, а Претендент отступил в Италию и умер в преклонном возрасте семидесяти девяти лет, став свидетелем поражения своего сына, Карла Эдуарда, чья романтическая карьера и несчастья сейчас не могут быть упомянуты. После бегства Самозванца из Шотландии в 1715 году восстание было легко подавлено, и в течение тридцати лет страну не беспокоили интриги принцев Стюартов.

Год, последовавший за вторжением в Шотландию, ознаменовался принятием в парламенте большого законопроекта, который является одним из самых важных событий в истории парламента. В 1716 году был принят знаменитый Семилетний закон, продливший срок полномочий парламента с трех до семи лет. В результате частых выборов практически произошло так много бед, что виги решили внести изменения; и эти изменения в значительной степени способствовали спокойствию в стране и утверждению Брауншвейгского дома. С тех пор срок полномочий английского парламента по конституции был продлен до семи лет, но средняя продолжительность работы парламента составила шесть лет — срок полномочий сенаторов Соединенных Штатов.

После принятия Закона о семилетии усилия Уолпола были направлены на сокращение государственного долга. В то время он был министром финансов. Но прежде чем он смог завершить свои финансовые реформы, он был смещен с поста из-за интриг своих коллег и влияния немецких фаворитов и любовниц короля. Граф Сандерленд, женившийся на дочери герцога Мальборо, возглавлял партию каббалистов и пользовался большой симпатией вигов за свою непоколебимую приверженность их принципам. Он ожидал и, вероятно, заслуживал того, чтобы его поставили во главе администрации. Разочаровавшись, он направил всю свою энергию на то, чтобы подорвать авторитет Таунсенда и Уолпола, и на некоторое время преуспел. Но оппозиция Уолпола новой администрации была настолько сильной, что продлилась недолго. Сандерленд убедил короля отказаться от его конституционной прерогативы создавать пэров; и был предложен законопроект, названный Биллем о пэрстве, который ограничивал Палату лордов ее фактической численностью, тенденция которого заключалась в увеличении власти и ранга существующих пэров и в том, чтобы навсегда установить преграду стремлениям всех простолюдинов к званию пэра и, таким образом, расширить пропасть между аристократией и народом. Уолпол представил эти последствия так убедительно и так ясно показал, что предлагаемый законопроект уменьшит влияние

землевладельческого дворянства и окажет серьезное влияние на почетные заслуги, что Палата общин встревожилась и отклонила законопроект подавляющим большинством двести шестьдесят девять голосов против ста семидесяти семи.

Провал этого законопроекта и большие финансовые затруднения в стране привели к восстановлению Уолпола на этом посту. Его гений был в высшей степени финансовым, и его таланты были именно теми, которые с тех пор требовались от министра, — теми, которые характеризовали сэра Роберта Пила и Уильяма Питта. Великая проблема любого правительства заключается в том, как собрать деньги на свои насущные нужды; и чем сложнее отношения в обществе, тем сложнее становится проблема.

В тот период английская нация была опьянена и сбита с толку одним из тех великих коммерческих заблуждений, которые так часто имеют место во всех цивилизованных странах. Никакая мания никогда не была более выраженной, более универсальной и более фатальной, чем мания Компании южных морей. Пузырь южных морей. пузырь вскружил головы политикам, торговцам и фермерам; все классы, у которых были деньги для инвестирования, приобрели акции Компании Южных морей. Однако иллюзия развеялась; Англия оказалась на грани банкротства, и нация потребовала от нее квалифицированного финансиста, который избавил бы ее от последствий безумия. Все взоры были устремлены на сэра Роберта Уолпола, и он сделал все, что было в его силах, чтобы исправить зло, причиненное спекуляцией и азартными играми.

Стремление к внезапному обогащению - одна из самых распространенных страстей нашей природы, породившая больше заблуждений, чем религиозный фанатизм или страсть к военной славе. Пузырь Южных морей был сродни пузырю Джона Лоу, который был автором проекта строительства Миссисипи, который чуть не разорил Францию в правление Людовика XV и который поощрялся герцогом Орлеанским как средство погашения государственного долга.

Войны в Англии создали национальный долг под управлением Годольфина и Мальборо; но он был не настолько велик, чтобы не возлагались надежды на его погашение. Уолпол предложил погасить его за счет компенсационного фонда, но от этой идеи, не очень популярной, отказались. В то время у правительства было принято брать займы у корпораций, а не у банкиров, потому что наука брокерства тогда еще не была понята, и потому что ни один человек не был достаточно богат, чтобы оказать материальную помощь попавшей в затруднительное положение администрации. В качестве вознаграждения компаниям предоставлялись определенные коммерческие преимущества. Поскольку эти преимущества позволяли компаниям становиться богатыми, стране всегда было легко брать займы. Во время войны за испанское наследство премьер-министр Харли, впоследствии граф Оксфорд, чтобы собрать деньги, спроектировал Компанию Южных морей. Компания Южных морей. Это было в 1710 году, и государственный долг составлял десять миллионов фунтов стерлингов, что в то время считалось неподъемным. Проценты по этому долгу составляли шесть процентов. Чтобы погасить долг, Оксфорд ввел постоянные пошлины на вина, табак, индийские товары, шелка и некоторые другие товары. И, чтобы привлечь государственного кредитора, новой компании были предоставлены большие преимущества, и деньги были взяты у нее займы под пять процентов. Эта прибыль в размере одного процента от денег, взятых займы у компании, должна была составить резервный фонд для погашения долга.

Но потребности нации росли так быстро, что ведущий политик того времени сэр Джон Блаунт предложил, чтобы Компания Южных морей стала единственным национальным кредитором и ссудила правительству новые суммы под четырехпроцентный процент. Компании должны были быть предоставлены новые монополии; и она, с другой стороны, предложила выделить правительству премию в размере трех миллионов фунтов стерлингов. Банк Англии, с завистью восприняв это предложение, предложил пять миллионов. Затем директора компании предложили за чартер семь миллионов - почти достаточно, чтобы погасить весь подлежащий погашению долг нации; который, однако, не мог быть погашен до тех пор, пока, кроме того, существовали невозвратные ежегодные выплаты в размере восьмисот тысяч фунтов стерлингов. Поэтому целью правительства стало избавиться, в первую очередь, от этих невозвратных рент; и это могло быть достигнуто, если бы удалось убедить национального кредитора принять акции Компании Южных морей вместо его невозвратных рент, или, как их теперь по-разному называют, консолей, акций и национальных фондов. Капитал не был желанным; только проценты с капитала. Компании было предоставлено так много монополий и преимуществ, что акции выросли, и национальный кредитор был готов расстаться со своими аннуитетами в обмен на акции компании. Таким образом, предложение было принято, и правительство избавилось от безвозвратной ренты и, кроме того, получило семь миллионов, но стало должником компании. Предполагалось, что компания, которая, по-видимому, могла позволить себе выплатить столь крупную премию правительству за свой устав и, кроме того, ссудить такие большие суммы, в которых нуждалась нация, под четыре процента., получала самые огромные прибыли. Стоимость его акций быстро выросла. Национальный кредитор поспешил избавиться от безвозвратной ренты — национальных акций, по которым платили пять процентов, — чтобы купить акции, по которым могли платить десять процентов.

Уолпол, тогдашний казначей вооруженных сил, Оппозиция Уолпола. он из всех сил противодействовал плану Блаунта, показывал, что принятие предложения компании способствовало бы манипулированию акциями, отвлекло бы промышленность от ее обычных каналов и стало бы опасным соблазном для ничего не подозревающих расстаться с реальной собственностью в обмен на воображаемую. Он показал нищету и замешательство, которые существовали во Франции в результате принятия аналогичных мер, и доказал, что весь успех схемы должен зависеть от роста акций компании; что, если бы роста не было, компания не смогла бы позволить себе премию и потерпела бы крах, а обязательства нации остались бы прежними. Но его рассуждения были бесполезны. Все классы были увлечены. Все люди спекулировали акциями Южных морей. И на какое-то время все люди возрадовались, потому что до тех пор, пока акции продолжали расти, все люди были в выигрыше.

И акции быстро росли. Вскоре они достигли трехсот процентов, что выше первоначальной номинальной стоимости, и это вследствие обещания больших дивидендов. Все поспешили приобрести такую прибыльную собственность. Государственный кредитор охотно уступил триста фунтов акций, которые невозможно было выкупить, за сто фунтов акций компании.

И это было бы хорошо, если бы существовала моральная уверенность в том, что акционер получит дивиденды в размере двадцати процентов. Но не было ни этой уверенности, ни даже шанса на это. Тем не менее, вследствие обещанных больших дивидендов, доходивших даже до пятидесяти процентов, акции постепенно выросли до тысячи процентов. Такова была всеобщая мания спекуляции. И масштабы этого были таковы, что в бухгалтерских книгах компании было записано тридцать семь миллионов фунтов стерлингов.

И страсть к спекуляциям распространилась на все другие виды собственности; были созданы всевозможные компании, некоторые акции которых имели премию в две тысячи процентов. Были созданы компании для рыболовства, компании по добыче соли, по производству масла, по выплавке металлов, по улучшению породы лошадей, по посадке марены, по строительству кораблей для борьбы с пиратами, по импорту ослов, по откорму свиней, по производству колес с вечным двигателем, по страхованию хозяев от убытков со стороны слуг. Была одна компания, которая занималась очень выгодным делом, но никто не знал, для чего. Подписчик, внося две гинеи в качестве задатка, должен был получать сто фунтов в год за каждую сотню подписавшихся. Было объявлено, что через месяц подробности должны быть обнародованы, и тогда должна быть выплачена оставшаяся часть денег за подписку. Несмотря на эту неприкрытую мошенническую схему, однажды утром в качестве залога были получены две тысячи фунтов. На следующий день владельца найти не удалось.

Теперь, чтобы остановить эти абсурдные спекуляции и в то же время монополизировать все азартные игры в королевстве, директора Компании Южных морей получили от парламента закон, уполномочивающий их преследовать в судебном порядке все различные компании-пузыри, которые были спроектированы. Через несколько дней все эти пузыри лопнули. Покупателей не нашлось. Акции упали до нуля.

Но Компания Южных морей допустила грубую ошибку. Моральный эффект от лопнувшего пузыря Южных морей. лопнувшее множество пузырей должно было открыть глаза нации на самый большой пузырь из всех. Кредит Компании Южных морей снизился. Акции упали с тысячи процентов до двухсот за несколько дней. Все хотели продавать, никто не хотел покупать. Банкиры и торговцы разорились, а дворяне и сельские жители обнищали.

В этом всеобщем бедствии Уолпол был призван к власти, чтобы спасти нацию накануне банкротства. Он предложил план, который был принят и который спас кредит нации. Он вложил девять миллионов акций "Южных морей" в Банк Англии и еще девять миллионов - в Ост-Индскую компанию, а правительство отказалось от семи миллионов премиальных, обещанных компанией.

Благодаря этой помощи компания смогла выполнить свои обязательства, хотя все, кто приобрел акции, когда их стоимость превысила сто процентов, потеряли деньги по сравнению с их первоначальной стоимостью. Странно, что акции, в конце концов, остались с премией в сто процентов.; конечно, первоначальные владельцы получили сто процентов., и те, кто заплатил сто процентов. "премиум" ничего не потерял. Но они составляли небольшую часть людей, которые спекулировали и которые заплатили от ста до девятисот процентов. Премиум. Правительство также выиграло, снизив процент по облигациям, не подлежащим погашению, с пяти до четырех процентов, хотя и потеряло обещанную премию в размере семи миллионов.

"Пузырь Южных морей" не уничтожил страсть к спекуляциям, хотя и научил многим полезным истинам — что национальному процветанию не способствуют биржевые спекуляции; что финансисты, какими бы великими ни были их гении, обычно переигрывают; что большие дивиденды связаны с большим риском; что обстоятельства, неподвластные человеческому контролю, сведут на нет самый продуманный план; что лучше положиться на действие обычных законов торговли; и что в конечном итоге успеха добьются только строгая честность и трудолюбие. Со времен сэра Роберта Уолпола в Англии стоимость денег редко превышала пять процентов, и за большими дивидендами от вложенной собственности обычно следовали

большие убытки, какими бы правдоподобными ни были обещания и четкие заявления биржевых спекулянтов.

После взрыва Компании Южных морей Уолпол стал обладателем почти неограниченной власти. И одним из первых объектов, на который он обратил внимание после урегулирования финансовых вопросов, была Просвещенная политика Уолпола. устранение мелких ограничений в торговле. Он отменил экспортные пошлины на сто шесть изделий британского производства и разрешил беспошлинный ввоз тридцати восьми видов сырья. Это постановление было принято для облегчения торговли с колониями и предотвращения их промышленного производства; и это постановление достигло желаемой цели. И Англия, и колонии обогатились. Несомненно, истинной политикой британских государственных деятелей тогда, как и сейчас, было продвижение коммерческих, производственных и сельскохозяйственных интересов Великобритании, а не вмешательство в иностранные войны или поиск славы на поле боя. Принципы сэра Роберта Уолпола были по существу миролюбивыми, и под его управлением Англия добилась значительного прогресса в области существенного процветания. В этой политике он превзошел всех государственных деятелей, которые были до него или сменили его, и в этом заключалась его слава и оригинальность.

Но каким бы либеральным и просвещенным ни был общий курс Уолпола, он все же допускал грубые ошибки и иногда проявлял нелиберальность. Он наложил на католиков штраф в размере ста тысяч фунтов стерлингов под предлогом того, что они были недовольной организацией. Он преследовал епископа Эттерберийского и позволил Болингброку с его неугомонным духом интриги вернуться в свою страну и восстановить свое имущество и титулы. Он льстил герцогине Кендалл, любовнице короля, и опустился до всех видов коррупции и подкупа. Никогда не было периода большей политической коррупции, чем во время правления этого министра. К подхалимству, подлости и лицемерию прибегали государственные деятели того времени, которые, как правило, преследовали свои собственные интересы, а не благосостояние нации. Были, однако, исключения. Таунсенд, главный соперник и помощник Уолпола, ушел в отставку с незапятнанной славой честности и бескорыстия; а Уолпол, хотя и подкупал других, сам не обогатился.

Король Георг I. скоропостижно скончался 11 июня 1727 года от апоплексического удара, и ему наследовал его сын Георг II, человек, который походил на своего отца по характеру и склонностям и превосходил его в знании английской конституции, хотя оба были склонны управлять британским барком ганноверским рулем. Как и его отец, он был сдержанным, флегматичным, осторожным, искренним, любил бизнес, экономным и придерживался принципов вигов. Ему повезло с женой, королевой Каролиной, одной из самых выдающихся женщин своего времени, образованной, религиозной, милосердной и разумной; покровительницей богословов и ученых; любила дискутировать на метафизические темы и была корреспонденткой выдающегося Лейбница.

Новый король недолго любил Уолпола, но не мог без него обойтись и поэтому сохранил его на своем посту. Действительно, у короля хватило здравого смысла понять, что Англией должен управлять только тот человек, которому доверяет нация.

В 1730 году Уолпол вновь учредил Ост-Индскую компанию. Ост-Индская компания, самая гигантская монополия в истории наций. Еще в 1599 году в Англии была создана ассоциация для торговли с Ост-Индией. Эта ассоциация возникла в результате голландских и португальских

поселений и предприятий, которые вызвали коммерческую зависть Англии. Капитал составлял шестьдесят восемь тысяч фунтов стерлингов. В 1600 году королева Елизавета пожаловала компании королевскую грамоту. Согласно этой хартии, компания получила право неограниченной покупки земли в Индии и монополию на торговлю в течение пятнадцати лет. Но компания столкнулась со многими препятствиями. Первый рейс был совершен четырьмя кораблями и одним катером, имевшим на борту двадцать восемь тысяч фунтов стерлингов в слитках и семь тысяч фунтов товаров, таких как олово, столовые приборы и стекло.

Во время гражданских войн дела компании были в затруднительном положении из-за нестабильного положения в Англии. После восшествия на престол Карла II компания получила новую хартию, которая не только подтверждала старые привилегии, но и давала ей право заключать мир и войны с местными князьями Индии. Основной капитал был увеличен до миллиона пятисот тысяч фунтов стерлингов.

Со стороны Болингброка и тори было высказано много возражений против восстановления этого учреждения; но министерство настояло на своем, и был принят новый устав при условии, что компания выплатит правительству двести тысяч фунтов стерлингов и снизит проценты по государственным долгам на один процент. *per annum*. К этому времени компания, хотя и не сильно расширила свою юрисдикцию в Индии, накопила большое состояние. Его силы и владения будут представлены более полно, когда будут представлены победы Клайва.

Примерно в это же время герцог Ньюкаслский вошел в кабинет министров, будущему управлению которым будет посвящена отдельная глава.

В 1730 году также произошли разногласия между Уолпоулом и лордом Таунсендом, которые закончились отставкой Таунсенда. отставка последнего, человека, чей порывистый и откровенный характер плохо подходил ему для работы с таким осторожным и уклончивым государственным деятелем, как его могущественный соперник. Он проводил вечера в сельских занятиях и сельскохозяйственных экспериментах, держа дом открытым, посвящая себя семье и друзьям, никогда не стремясь к власти, которую потерял, никогда даже не возвращаясь в Лондон и находя свое величайшее утешение в литературе и простых сельскохозяйственных удовольствиях — образец благородного и образованного дворянина.

Отставка Таунсенда позволила Уолполу принимать большее участие в иностранных переговорах; и он применил свои таланты, как Флери во Франции, для сохранения мира в Европе. Мирная политика Уолпола дает ему право на благодарность своей страны. Больше, чем любой другой человек его возраста, он понимал истинную славу и интересы наций. Если бы Уолпол уделял интеллектуальному совершенствованию своих соотечественников столько же внимания, сколько утонченности материальной жизни и физическому прогрессу, он заслужил бы еще более высоких похвал. Но он презирал ученость и пренебрегал литераторами. И они восстали против него и его администрации и своим сарказмом и оскорблениями многое сделали для подрыва его власти. Поуп, Свифт и Гэй могли бы оказать ему мощную помощь своим сатирическим пером, но он прошел мимо них с презрительным безразличием, и они дали Болингброку то, что утаили от Уолпола.

Наряду с миролюбивой политикой министра, наиболее заметной особенностью его администрации было его рвение улучшить финансовое положение. Он выступал против спекуляций и добивался постоянного дохода от неизменных принципов. Он рассматривал

государственный долг как тяжелое бремя и стремился отменить его; а когда это оказалось невыполнимым, попытался предотвратить его дальнейшее накопление. На самом деле он не всегда был верен своей политике, но в целом он проводил ее последовательно. Он отдавал предпочтение сельскохозяйственным интересам и был склонен получать необходимый доход за счет налога на используемые предметы, а не за счет прямого налогообложения собственности или доходов, или за счет импортируемых предметов. Следовательно, он является отцом акцизной системы — схемы, все еще принятой в Англии, но которая была бы нетерпима в этой стране. В этом плане его главной целью было облегчить участь землевладельца и предотвратить контрабанду, сделав контрабанду бесцельной. Но противодействие акцизному законопроекту было настолько велико, что сэр Роберт отказался от него; и этот отказ от его любимой схемы является одной из самых поразительных особенностей его администрации. Он никогда не доводил дело до крайности. Он всегда поддавался всеобщему гневу. Он понимал, что для сбора акциза потребуется вооруженная сила, и предпочел отказаться от своих заветных мер, опасаясь навлечь на себя большее зло, чем финансовые затруднения. Его дух примирения, часто проявлявшийся при всей полноте власти, продлил его правление. Эта политика была результатом огромного опыта и практического знания человеческой природы, в чем он был великим мастером.

Но сэру Роберту не позволили до конца придерживаться своей миролюбивой политики, так же как и его финансовой. Непопулярность Уолпола. Шум заинтересованных купцов, неистовство партийного духа и мечты о героическом величии со стороны политиков преодолели отвращение министра и ввергли Англию в катастрофическую испанскую войну; за войной за австрийское наследство вскоре последовала война, в которой Мария Терезия была пострадавшей, а Фридрих Великий — оскорбленной стороной. Но об этой войне, которая велась главным образом при последующей администрации, будет сказано ниже.

Хотя Уолполу противостояли одни из самых способных людей Англии — Поултни, сэр Уильям Уиндхэм и лорды Честерфилд, Картерет и Болингброк, его власть была почти абсолютной с 1730 по 1740 год. Наиболее мощную помощь ему оказал мистер Йорк, впоследствии лорд-канцлер Хардвик, один из величайших юристов, которых когда-либо выпускала Англия.

В 1740 году его власть начала приходить в упадок. упадок, и быстро пошел на убыль. Он потерял могущественного друга и защитника из-за смерти королевы Каролины, к ходатайствам которой перед королем всегда прислушивались с уважением. Но ему приходилось бороться с почти непреодолимыми препятствиями — недоверием короля, лютой ненавистью принца Уэльского, яростной оппозицией ведущих государственных деятелей в парламенте и всеобщей завистью. Более того, он стал беспечным и уверенным в себе. Он воображал, что никто не может править Англией, кроме него самого. Но ненависть, противодействие, зависть и неудачные военные операции заставили его сдвинуться с места. Ни один потерпевший кораблекрушение лоцман никогда не цеплялся за руль тонущего корабля с таким отчаянным упорством, как этот некогда могущественный министр, стоявший у руля государства. И он не отказывался от нее до тех пор, пока его не выгнали из нее дезертирство всех его друзей и всеобщий шум народа. Король, однако, оценил ценность его услуг и присвоил ему титул графа Орфорда — звание, которое ему предлагали и раньше, но от которого он, придерживаясь самоконтроля, без колебаний отказался. Как и сэр Роберт Пил в более поздние времена, он не хотел быть похороненным в Палате лордов.

Его уединение (1742) среди буков и дубов его загородного поместья было утомительным и безвкусным. У него не было вкуса ни к истории, ни к науке, ни к изящной литературе, ни к тихим удовольствиям. Его бурная общественная жизнь породила другие вкусы. "Хотел бы я, - сказал он другу, - получать такое же удовольствие от чтения, как ты. Это скрасило бы мои утомительные часы". Но павший министр, хотя и был встревожен и неугомонен, не был ожесточенным или суровым. Он до последнего сохранял хорошее настроение и до последнего соблюдал все ритуалы элегантного гостеприимства. Сказал его враг, Папа римский, —

"Я видел его, но в его более счастливый час
светских удовольствий, плохо променянный на власть;
Видел его, не стесненного продажным племенем,
Улыбающегося без искусства и побеждающего без взятки".

У него была привычка "смеяться от всего сердца", применять которую под силу только благородным натурам. Его манеры были подкупающими, разговор откровенным, а обычное общение лишено тщеславия и помпезности. У него было много теплых личных друзей, и он не обогатился сам, как Мальборо, в то время как обогатил тех, кто ему служил. Он держал общий стол в Хоутоне, к которому все джентльмены в стране имели свободный доступ. Он любил охоту и сельские виды спорта, и у него был большой вкус к картинам, чем к книгам. Он не был тем, кого можно было бы назвать гениальным или эрудированным человеком, но обладал здравым смыслом, большой проницательностью, прекрасным самообладанием и несомненным патриотизмом. Как мудрый и успешный правитель, он еще долго будет пользоваться уважением, хотя и никогда не добьется почитания.

Именно в последние годы правления Уолпола Англия была наэлектризована проповедями Уайтфилда и Уэсли, и возникла секта методистов, оказавшая мощное влияние на мораль, религию и социальную жизнь Англии.

Джон Уэсли, Джон Уэсли. кого можно поставить в один ряд с Августином, Пелагием, Кальвином, Арминием или Янсеном как основателя секты, требовала эпоха, в которую он жил. Никогда, со времен Реформации, религиозное положение в Англии не было таким холодным. Установленная Церковь одержала победу над всеми своими врагами. Пуританство перестало быть оскорбительным и даже стало респектабельным. Началась эпоха священников, охотившихся на лис, и духовенство находилось на иждивении у знатных семей, отличалось простыми манерами и любило застольные удовольствия. От них не ожидали, что они будут очень великими учеными или очень серьезными товарищами. Если они читали службу пристойно, не шокировали свое дело грубыми поблажками и не вмешивались в две волнующие темы всех веков — политику и религию, - они были уверены в мире и изобилии. Но их церкви были сравнительно пустынные, а мнения неверных долгое время подрывали уважение к институтам и служителям религии. Сквернословие и пьянство были модными пороками среди высших классов, в то время как низкие удовольствия и прискорбное невежество были характерны для людей. Отколовшиеся секты были более религиозными, но официальными и холодными. Их служители слишком часто проповедовали простое техническое богословие или расплывчатую систему этики. Независимые были склонны к холодному арминианству, а пресвитериане переживали переход от ультракальвинизма к арианству и социнианству.

Реформации было суждено прийти не от раскольников, а из недр Официальной Церкви, реформации, которая имела такое же отношение к протестантизму, какое осуществленный

святым Франциском имел к римскому католицизму в XIII веке; реформации среди беднейших классов, которые не желали отделяться от Церковного истеблишмента.

Джон Уэсли принадлежал к ранним годам жизни Уэсли. хорошая семья, его отец был уважаемым священником в торговом городке. Он родился в 1703 году, получил образование в Оксфорде и служил церкви. В возрасте двадцати лет он получил приказ от епископа Оксфорда и вскоре после этого был избран членом совета Линкольн-колледжа, а затем преподавателем греческого языка.

Находясь в Оксфорде, он и его брат Чарльз, который также был коллегой и прекрасным ученым, вызвали насмешки в Университете из-за строгости их жизни и методичного образа жизни, из-за чего их товарищи дали им название методистов. К ним присоединились еще двое молодых людей — Джеймс Херви, автор "Медитаций", и Джордж Уайтфилд. В конце концов братство насчитывало пятнадцать молодых людей, члены которых часто встречались с религиозными целями, посещали тюрьмы и больных, ревностно постились по средам и пятницам и связывали себя правилами, которые во многих отношениях напоминали те, которые Игнатий Лойола навязывал своим последователям. "Подражание Христу" Кемписа и "Святая жизнь Тейлора" были их великими учебниками, которые изучались из-за их религиозного духа. Но "Святая жизнь" была любимой книгой Уэсли, который не вполне одобрял жесткий аскетизм почтенного мистика средневековья. Труды Уильяма Лоу также оказали большое влияние на ум Уэсли; но его религиозные взгляды сформировались только после его возвращения из Джорджии, где он трудился миссионером под покровительством Оглторпа. Моравцы, с которыми он встречался как в Америке, так и в Германии, завершили работу, начатую Тейлором; и в их прекрасных учреждениях он также узнал многие принципы той замечательной системы правления, которую он так успешно внедрил среди своих последователей.

Уэсли усердно продолжал свои труды; но они также сопровождались некоторыми сумасбродствами, которых доктор Поттер, достойный епископ Лондона, и другие церковники не могли понять. И хотя его проповеди пользовались большим успехом у публики и пользовались замечательной репутацией, хотя он был широко замечен в обществе и даже обедал с королем в Хэмптон-Корте и с принцем Уэльским в Сент-Джеймсе, все же церкви постепенно закрывались для него. Когда Уайтфилд вернулся из Джорджии, сменив Уэсли на миссионерской работе в этой колонии и встретив такое сильное противодействие со стороны церковных сановников, хотя ни он, ни Уэсли не отделились от Церкви; и, прежде всего, взволнованный оказанной ему народной поддержкой, — поскольку церкви не вместили бы и половины тех, кто стекался послушать его проповедь, — он решил обратиться к людям на открытом воздухе. Возбуждение, которое он вызвал, не имело себе равных. Под Бристолем он иногда собирал до двадцати тысяч человек. Но в основном это были угольщики, вышедшие из своих подземных рабочих мест. Но его красноречие имело такое же очарование для жителей Лондона и окрестностей. В Мурфилдсе, на Кеннингтон-Коммон и в Блэкхите он иногда собирал толпу в сорок тысяч человек, и все они могли слышать его голос. Он мог вызвать слезы у Хьюма и деньги у доктора Франклина. Он мог повергнуть прихожан в ужас, а затем вселить в них самые светлые надежды. Он был большим художником, чем Боссюэ или Бурдалу. Он никогда не терял самообладания и не колебался в выборе подходящих выражений. Но его великая сила заключалась в его полной серьезности и почти вдохновенном энтузиазме. Никто не сомневался в его искренности, и все были впечатлены духовностью и реальностью великих истин, которые он излагал. И чудесные результаты последовали за его проповедью и проповедью его братьев. Великое религиозное

возрождение распространилось по Англии, особенно среди среднего и низшего классов, последствия которого длятся и по сей день.

Уайтфилд Уайтфилд. не был таким образованным или интеллектуальным, как Уэсли. Он не был таким великим гением. Но у него было больше красноречия и теплоты характера. Уэсли был системщиком, метафизиком, логиком. Он также был глубоко сведущ в познании человеческой природы и любопытным образом приспособил свою систему к нуждам и обстоятельствам того класса людей, над которыми он имел наибольшую власть. И Уэсли, и Уайтфилд были востребованы своим временем, и только такие люди, какими они были, могли добиться успеха. Их упрекали в экстравагантности и рвении, граничащем с фанатизмом; но, будь они более порядочными, более благоразумными, более уступчивыми предрассудкам великих, они не принесли бы столько пользы своей стране. Так и с Лютером. Обладая он более строгим вкусом, будь он более джентльменом, или философом, или даже более скромным, он не добился бы столь заметного успеха. Германия и обстоятельства того времени требовали грубого, практичного, смелого, порывистого реформатора, который возглавил бы движение против высокопоставленных лиц и почтенной коррупции. Англия в восемнадцатом веке нуждалась в человеке, который пробудил бы в простых людях понимание их духовного состояния; в человеке, который не был бы скован своей церковью; которым не руководили бы принципы целесообразности; который доверял бы Богу и трудился в условиях особого уныния и самоотречения.

Уэсли был похож на Лютера в другом отношении. Он ссорился с теми, кто не соглашался со всеми его взглядами, были ли они друзьями или врагами. Его привлекли моравцы. Их простота, пылкость и уравновешенность завоевали его уважение. Но когда моравцы утверждали, что в том бреде, который Уэсли считал делом благодати, было заблуждение, когда они утверждали, что грех останется даже с возрожденным человеком до самой смерти, и что напрасно ожидать очищения души делами самоотречения, Уэсли выступил против них и оклеветал их. Он также был внесен в списки против своего друга и соратника по работе Уайтфилда. Последние не соглашались с ним ни в отношении совершенства, ни в отношении избрания, ни в отношении предопределения; и когда это разногласие закрепилось, произошло отчуждение, за которым последовали настоящая горечь и враждебность. Уэсли, однако, в последние дни своей жизни проявил большую благотворительность и щедрость и был образцом терпения и мягкости. Он окончательно примирился с Уайтфилдом, и союз продолжался до смерти последнего в Ньюберипорте в 1770 году.

Величие Уэсли состояло в том, что он изобрел то замечательное церковное устройство, которое до сих пор управляет могущественной и многочисленной сектой, которую он основал. Именно благодаря системе методистов, а не их теологическим взглядам, их общество так быстро распространилось по Великобритании и Америке и насчитывало на момент его смерти семьдесят одну тысячу человек в Англии и сорок восемь тысяч в этой стране.

И все же Институт Уэсли. его институт не был полностью вопросом расчета, но постепенно развивался по мере того, как складывались обстоятельства. Когда были сделаны пожертвования на строительство молитвенного дома в Бристоле, было замечено, что большинство братьев были бедны и могли позволить себе лишь немного. Тогда сказал один из них: "Положите со мной одиннадцать самых бедных, и если они что-нибудь дадут, это хорошо. Я буду навещать каждого из них еженедельно, и если они ничего не дадут, я буду давать за них так

же, как и за себя ". Это навело на мысль о системе надзора. В ходе еженедельных звонков люди, взявшие на себя обязательство провести занятие, обнаружили некоторые нарушения среди тех, за чей вклад они несли ответственность, и сообщили о них Уэсли. Он сразу понял, какую выгоду можно извлечь из такого соглашения. Это было то, чего он давно желал. Он созвал руководителей и пожелал, чтобы каждый провел особое расследование поведения всех, находящихся под их соответствующим надзором. Они так и сделали. Обычай был принят всем обществом и стал основополагающим. Но вскоре выяснилось, что еженедельно навещать каждого человека по отдельности в его собственном доме неудобно, и тогда было решено, что все члены класса должны собираться вместе еженедельно, когда можно уладить ссоры и где они могли бы извлечь взаимную пользу из молитв и увещеваний друг друга. Так возникла система классов и классовых лидеров, которая имеет такое же отношение к обществу в целом, какое городские собрания имеют к штату или общему правительству в американской демократии - которые, как известно, составляют гениальность наших политических институтов.

Странствие странствие. также является еще одной важной чертой методизма; и это произошло случайно. Но это прерогатива и особенность гения - извлекать выгоду из случайностей и обстоятельств. Он не может их создать. У Уэсли не было церкви; но, будучи рукоположенным священником Истеблишмента и членом соседнего колледжа, он имел право проповедовать с любой кафедры и в любой епархии. Но кафедры были закрыты для него из-за его странностей, поэтому он проповедовал везде, где мог собрать прихожан. Странствия и популярность принесли ему дурную славу и польстили честолюбию, которого он не был полностью лишен. Он и его братья побывали во всех уголках Англии, от вересковых пустошей Нортумбрии до самых недр корнуоллских рудников, в самых шумных городах и в самых малолюдных деревушках.

Поскольку он был отцом секты, все назначения производил он, и, поскольку он заслуживал уважения и влияния, оно стало безграничным. Когда власть была передана Большому Влиянию и Мощи Уэсли. в его руках была неограниченная территория, и когда общество стало многочисленным и разбросанным по большой территории, он разделил Англию на округа, и в каждом округе было назначено определенное количество министров. Но он не предлагал мирских наград в качестве приманки. Условия, которые он поставил, были жесткими. Духовенство должно было терпеливо и усидчиво трудиться за жалкие гроши, без надежды на богатство или легкость. Ни один земной судья не должен был присуждать им награды. Единственной наградой за тяжелый труд и голод было то, что было у первых апостолов, — одобрение их совести и благосклонность Небес.

Чтобы предотвратить чрезмерную нетерпимость и деспотизм людей, часовни не принадлежали конгрегации и даже не были переданы попечителям, а были предоставлены в полное распоряжение мистера Уэсли и конференции.

Если правление Уэсли не соответствовало демократическим принципам, все же его сохранение в самом ревностном из демократических сообществ и то, что оно до сих пор избегало обычной участи всех человеческих институтов — коррупции и упадка, — показывает его замечательную мудрость, а также великую добродетель тех, кто управлял делами общества. Это осуществило, особенно в Англии, то, чего не смогли сделать Официальная Церковь и различные формы диссидентства, — религиозное обновление низших классов; это отвечало их потребностям; это стимулировало их энтузиазм. И хотя методизм способствовал единению и благочестию среди людей, особенно невежественных и бедных, он не подорвал их лояльности или привязанности к

политическим институтам страны. Другие раскольники часто были враждебны правительству и проявляли нетерпение при бедствиях, обрушившихся на Англию; но методисты учили подчинению вышестоящим и правителям и всегда были терпеливы, миролюбивы и тихоньки.

Ссылки.—Особенно следует прочитать историю лорда Мэхона; также "Мемуары Уолпола" Кокса. Обратитесь к "Истории Англии" Смоллетта и Тиндалла, а также к "Истории Георга II" Белшема. Лекции Смита по этому периоду английской истории очень ценны. Посмотрите также "Состояние партий" Болингброка; Обращение Берка от старых к Новым вигам; Характеры лорда Честерфилда; и Парламентские дебаты Коббетта. Воспоминания Горация Уолпола. Дополнительную информацию о схеме Южных морей см. В "Истории торговли" Андерсона и Макферсона и в "Лекциях Смита". Жизни претендентов были хорошо написаны Рэем и Джесси. Следует обратиться к "Истории Шотландии" Тайтлера; а Уэверли можно прочитать с пользой. Возвышение методистов, великое событие правления Георга I. Обычно игнорировалось. Однако лорд Мэхон написал ценную главу. Смотрите также "Письма, дневник и жизни Уэсли" Саути и Мура.[\(Вернуться к содержанию\)](#)

ГЛАВА XX.

КОЛОНИЗАЦИЯ АМЕРИКИ И ОСТ-ИНДИИ.

Во время правления сэра Роберта Уолпола английские колонии в Америке и поселения Ост-Индской компании начали привлекать внимание министров и приобрели значительное политическое значение. Коммерческое предприятие. Поэтому настало время рассмотреть историю колонизации как на Востоке, так и на Западе, и не только англичанами, но и испанцами, португальцами, голландцами и французами.

Первые поселения европейцев в новом свете и их завоевания в неизведанных регионах старого света были основаны главным образом ради коммерческих выгод. Любовь к деньгам, этот корень всего зла, была побеждена Провидением при открытии новых миров и распространении европейской цивилизации в странах, населенных дикарями или изможденными восточными расами. Но простая низменная жажда наживы была не единственным мотивом, побуждавшим европейцев плавать по неизведанным океанам и колонизировать новые континенты. Был и другой, и это был дух предприимчивости, который волшебным образом пробудил европейский ум в пятнадцатом и шестнадцатом веках. Марко Поло, когда он посетил Восток; португальцы, когда они обогнули мыс Доброй Надежды; Колумб, когда он открыл Америку; и Магеллан, когда он вошел в Южное море, были движимы любопытством и любовью к науке больше, чем любовью к золоту. Но огромные богатства, обнаруженные в новооткрытых странах, возбуждали в сердцах возбужденных европейцев могучие страсти честолюбия и алчности; и нуждающиеся и алчущие правительства Испании, Португалии, Голландии, Франции и Англии покровительствовали авантюристам, направлявшимся в новое Эльдorado, и снабжали их кораблями и припасами в надежде получить долю прибыли от их экспедиции. И они не были разочарованы. Хотя с ранними мореплавателями случалось много бедствий, все же страна за страной присоединялись к владениям европейских королей, и огромные количества золота и серебра переплавлялись в европейскую монету. Никакие завоевания никогда не были более внезапными и блистательными, чем завоевания Кортеса и Писарро, и никогда еще богатство так внезапно не обогащало цивилизованный мир. Но внезапные и незаконные приобретения

принесли свои естественные плоды. Все худшие пороки, проистекающие из расточительности, вымогательства и гордыни, преобладали в старом и новом свете; и те преимущества и владения, которые были приобретены предприимчивостью, были обращены в проклятие, ибо никакое богатство не может уравновесить пороки алчности, несправедливости и жестокости.

Самые важные из всех ранних поселений Америки были созданы в результате испанских завоеваний. Испанцы. Их завоевания были самыми блестящими и оказались самыми бесполезными. Дух, который привел к их завоеваниям и колонизации, был, по сути, духом алчности и честолюбия. Следует, однако, признать, что религиозное рвение в некоторых случаях было движущим принципом авантюристов и тех, кто им покровительствовал.

Первая колония была основана на Эспаньоле, или, как ее впоследствии называли, Сан-Доминго, вскоре после открытия Америки Колумбом. Шахты острова в то время были очень продуктивными, и агрессивные испанцы вскоре вынудили несчастных туземцев работать на них под руководством их губернатора Хуана Понсе де Леона. Но Эспаньола не была достаточно большой или производительной, чтобы удовлетворить алчность губернатора, и Порто-Рико был завоеван и порабощен. Куба также, через несколько лет, была присоединена к доминионам Испании.

Наконец, испанцы, исследовавшие побережье Материковой части, приготовились вторгнуться и завоевать густонаселенные территории Монтесумы, императора Мексики. Народ, которым он правил, достиг значительного уровня цивилизации, имея регулярное правительство, систему законов и установленное духовенство. Они не были невежественны в способах записи великих событий и обладали значительным мастерством во многих полезных и декоративных искусствах. Они были богаты золотом и серебром, а их города были украшены дворцами и садами. Но их богатства были непреодолимыми объектами вождения европейских авантюристов и, следовательно, доказывали их несчастье. Историю их завоевания Фернандо Кортесом рассказывать здесь нет необходимости; я знакомлюсь, как и все читатели и студенты, с изысканным и художественным повествованием великого американского историка, чья работа и чья слава могут погибнуть только вместе с самим языком.

Примерно через десять лет после завоевания Мексики Писарро высадился в Перу, которая вскоре была присоединена к владениям Филиппа II. И правительство этой страны было еще более деспотичным и несправедливым, чем правительство Мексики. Всех индейцев в возрасте от пятнадцати до пятидесяти лет заставляли работать в шахтах; и принудительный труд был настолько ужасен, что предполагалось, что четверо из пяти тех, кто там работал, ежегодно погибали. Алчности и жестокости испанцев не было предела, и они распространялись на все другие покоренные страны — Чили, Флориду и острова Вест-Индии.

Огромное и беспрецедентное количество драгоценных металлов было отправлено в Испанию из стран нового света. Но после первого открытия Перу и Мексики богатство и политическое значение метрополии пришли в упадок. С увеличением стоимости золота цены на рабочую силу, продовольствие и все предметы обрабатывающей промышленности также повышались, и почти в том же соотношении. Испанцы были нечувствительны к этой истине и, вместо того чтобы обрабатывать землю или заниматься мануфактурой, довольствовались золотом, поступавшим из колоний. Это на некоторое время обогатило их; но вскоре деньги были рассеяны по всему христианскому миру и были обменены на предметы первой необходимости.

Промышленность и искусство пришли в упадок, и только эти страны выиграли от производства тех предметов, которые Испания была вынуждена закупать.

Португалия вскоре соперничала с Испанией по размаху и богатству колониальных владений. Португальские открытия. Бразилия была открыта в 1501 году и примерно через полвека была колонизирована. Коренные бразильцы, уступавшие в цивилизации мексиканцам и перуанцам, были все же менее способны, чем они, противостоять оружию европейцев. Они были постепенно покорены, и их прекрасная и плодородная страна перешла во владение победителей. Но португальцы также расширили свою империю как на Востоке, так и на Западе. После открытия Васко де Гамой прохода вокруг мыса Доброй Надежды первые мореплаватели стремились просто обогатиться за счет торговли с Индией. Они нашли могущественных соперников в лице арабов, которые до сих пор монополизировали торговлю. Чтобы обеспечить свою торговлю, а также защитить себя от своих соперников и врагов, португальцы под руководством Альбукерке добились предоставления земли в Индии от одного из местных принцев. Вскоре после этого Гоа был захвачен и стал резиденцией правительства; и началось территориальное приобретение, которое, продолжаясь почти три столетия различными европейскими державами, все еще является прогрессивным. Примерно за шестьдесят лет португальцы основали на Востоке великую империю, которая включала побережья и острова Персидского залива, все Малабарское и Коромандельское побережья, город Малакка и многочисленные острова Индийского океана. Они обосновались в Китае, добились свободной торговли с Японской империей и получали дань с богатых островов Цейлон, Ява и Суматра.

Обладание Индией оказало на Португалию такое же моральное воздействие, какое завоевания Кортеса и Писарро произвели на Испанию. Гоа был самым развращенным местом в мире, и в пороки, которые порождало богатство везде, где европейцы основывали поселения, сейчас с трудом верится. Когда Португалия попала под власть Филиппа II, начались разорения ее португальских поселений. Начались поселения. Их вытеснили голландцы, которые были более нравственными, более сплоченными и предприимчивыми, хотя и вызывали своим высокомерием и несправедливостью враждебность восточных князей.

Завоевания и поселения голландцев быстро сменили завоевания португальцев. В 1595 году Корнелиус Хоутман отплыл с хорошо оснащенным флотом в страну драгоценных камней и специй. Вскоре в Голландии была зарегистрирована компания для управления торговлей с Индией. Поселения впервые были основаны на Молуккских островах, которые вскоре распространились на владение островом Ява и на полную монополию торговли пряностями. Затем голландцы получили во владение остров Цейлон, который они удерживали до тех пор, пока он не был отнят у них англичанами. Но их империя поддерживалась только за счет огромной крови и сокровищ; и они не были исключением из правил других европейских колонистов и авантюристов, потворствующих всем тем порокам, которые унижают нашу природу.

Ни французы, ни англичане не совершили никаких важных завоеваний на Востоке по сравнению с португальцами и голландцами. Их приобретения в Америке также не равнялись приобретениям испанцев. Но они были более важны по своим конечным результатам.

Английская предприимчивость проявилась вскоре после начала английской предприимчивости. после первого путешествия Колумба. Генрих VII. был достаточно просвещен, завистлив и алчен, чтобы прислушаться к предложениям венецианца,

проживавшего в Бристоле, по имени Кэбот; и в 1495 году он поручил ему плыть под знаменем Англии, чтобы вступить во владение любыми новыми странами, которые он сможет открыть. Соответственно, примерно через два года Кэбот со своим вторым сыном Себастьяном сели в Бристоле на один из королевских кораблей в сопровождении четырех судов поменьше, снаряженных купцами этого предприимчивого города.

Впечатленный идеей Колумба и других ранних мореплавателей о том, что острова Вест-Индии находятся недалеко от индийского континента, он пришел к выводу, что, если он будет держаться более северного направления, то достигнет Индии более коротким путем, чем тот, которым следовал великий первооткрыватель. Соответственно, плывя этим курсом, он открыл Ньюфаундленд и владения принца Эдвардса, а вскоре после этого - побережье Северной Америки, вдоль которого он плыл, от Лабрадора до Вирджинии. Но, разочарованный тем, что не нашел западного прохода в Индию, он вернулся в Англию, не попытавшись ни поселением, ни завоеванием закрепить на огромном континенте, который англичане посетили вторыми из всех европейских наций.

Различные обстоятельства помешали Англии извлечь непосредственную выгоду из этого открытия. Неустроенное состояние страны; помехи, вызванные гражданскими войнами, а затем Реформацией; бедность народа и подлый характер короля — все это было неблагоприятно для поселений, которые не сулили немедленных выгод; и только во время правления Елизаветы были составлены какие-либо обдуманные планы колонизации Северной Америки. Путешествия Фробишера и Дрейка пробудили в нем дух приключений, хотя и не удовлетворили жажду золота.

Среди тех, кто испытывал большой интерес к новому свету, был сэр Хамфри Гилберт, человек широких взглядов и бесстрашной отваги. Он получил от Елизаветы (1578) либеральный патент и вместе со значительной группой искателей приключений отправился в новый свет. Но он взял слишком северное направление, и его самое большое судно потерпело кораблекрушение у берегов Кейп-Бретона. Предприятие по разным причинам полностью провалилось, и бесстрашный штурман расстался с жизнью.

Однако дух времени воспитал более великого гения и более искушенного авантюриста и не меньшую личность, чем сэр Уолтер Рэли. Сэр Уолтер Рэли — фаворит королевы; один из величайших ученых и самый элегантный придворный своего времени; солдат, философ и государственный деятель. Он получил патент, по существу такой же, как тот, который был выдан Гилберту. В 1584 году Роли отправил два небольших исследовательских судна под командованием Амидаса и Барлоу, которые в назначенное время прибыли к берегам Северной Каролины. Судя по благоприятным отзывам о стране и народе, в Америку был отправлен более крупный флот из семи кораблей под командованием сэра Ричарда Гренвилла. Но его отвлекают намеченного курса преобладающая страсть к хищничеству, и поэтому в Роаноке (1585 г.) высадилось всего сто восемь человек.) Управление этим слабым отрядом было поручено капитану Лейну. Но страсть к золоту привела к недоразумениям с туземцами. Колония ослабла и пришла в упадок, и авантюристы вернулись в Англию (1586 г.), принеся с собой некоторые знания о стране, а также тот необычный сорняк, который быстро поработил придворных королевы Елизаветы и который вскоре стал одним из основных товаров в торговле цивилизованного мира. Современная наука доказала, что это яд, и современная филантропия возвысила свой предостерегающий голос против его использования. Но когда люди, в своем

вырождении, руководствовались своим разумом? Какая логика может сломить силу привычки или противодействовать соблазнительному влиянию тех волнений, которые наполняют разум призрачными надеждами и убаюкивают мятущийся дух приятными мечтами и забывчивыми радостями? Сэр Уолтер Рэли, к своему стыду или несчастью, был одним из первых, кто покровительствовал обычаю, который оказался более вредным для цивилизованных наций, чем даже употребление самого опиума, потому что он более универсален и более коварен.

Но курение было для него просто развлечением. Вскоре он обратил свои мысли к восстановлению своей колонии. Еще до возвращения компании под командованием Лейна сэр Ричард Гренвилл посетил Роанок с необходимыми припасами. Но он прибыл слишком поздно; колония была заброшена.

Но ничто не могло ослабить рвения самого предприимчивого гения того времени. В 1587 году он отправил еще три корабля под командованием капитана Уайта, который основал город Роли. Но не большой успех сопровождал новую группу колонистов. Уайт отплыл в Англию, чтобы раздобыть новые припасы; а когда он вернулся, то не обнаружил никаких следов колонии, которую он основал; и никакая последующая изобретательность или труд не смогли обнаружить ни малейшего следа.

Терпение Рэли не пропало даром; но новые задачи заняли его ум, и он расстался со своим патентом, который сделал его владельцем значительной части Южных Штатов. Не было никаких новых попыток колонизации и до 1606 года, в правление Джеймса.

Под влиянием сэра Фердинанда Горджеса, человека с большим состоянием; сэра Джона Попхэма, лорда-верховного судьи Англии; Ричарда Хаклюита, историка; Бартоломью Госнольда, мореплавателя, и Джона Смита, восторженного авантюриста, король Яков I. даровал королевскую хартию двум конкурирующим компаниям на колонизацию Америки. Лондонская компания Инкорпорейтед. первая состояла из дворян, джентльменов и торговцев в Лондоне и его окрестностях, которые имели исключительное право занимать регионы от тридцати четырех до тридцати восьми градусов северной широты. Другая компания, состоящая из джентльменов и торговцев с запада Англии, закрепила за ними территорию между сорок первым и сорок пятым градусами. Но преуспела только первая компания.

Территория, присвоенная Лондону, или южной колонии, сохранила название, которое было присвоено ей во времена правления Елизаветы, — Вирджиния. Колонистам было разрешено в течение семи лет беспрепятственно перевозить через таможенное любое оружие и провизию, какие им требовались; а их детям было разрешено пользоваться в американских поселениях теми же привилегиями и вольностями, что и англичанам у себя дома. Они имели право искать рудники, чеканить монету и в течение двадцати одного года налагать пошлины на суда, торгующие в их гаванях, в интересах колонии. Но по истечении этого периода обязанность должна была быть возложена на короля, который также сохранил контроль над обоими советами, созданными для управления колонией, — одним в самой Англии, а другим в Виргинии; контроль, несовместимый с теми свободами, которые колонисты впоследствии отстаивали и обеспечили.

Лондонская компания незамедлительно приступила к заселению своих территорий; и 19 декабря 1606 года эскадра из трех небольших судов отплыла в новый свет; а 13 мая 1607 года

компания из ста пяти человек без семей высадилась в Хардшипсе колонии Вирджиния. Джеймстаун. Это было первое постоянное поселение англичан в Америке. Но их постигли большие несчастья. До сентября одна половина колонистов погибла, а другая половина страдала от голода, раздоров и страха. Президент Уингфилд попытался присвоить государственные запасы и сбежать в Вест-Индию. Его заменил в его команде Рэтклифф, человек без способностей. Но появился избавитель в лице капитана Джона Смита, который избавил страдающую и недовольную группу от надвигающегося зла. Он был путешественником и воином; посетил Францию, Италию и Египет; сражался в Голландии и Венгрии; был взят в плен в Валахии и отправлен рабом в Константинополь. Сосланный в крымскую крепость и подвергнутый тяжелейшим испытаниям, он все же ухитрился сбежать и, после многих опасностей, добрался до своей родной страны. Но еще большие трудности и опасности ожидали его в новом мире, в который его толкнуло авантюрное любопытство. Он был застигнут врасплох и схвачен группой враждебных индейцев во время исследовательской поездки и был бы убит, если бы не его замечательное присутствие духа и исключительная проницательность, соединенные с заступничеством знаменитой Покахонтас, дочери великого индейского вождя, от которого происходят некоторые из лучших семей Вирджинии. Было бы приятно подробно описать романтические эпизоды этого краткого пленения, но наши границы не позволяют. Смит, вернувшись в Джеймстаун, обнаружил, что его отряд сократился до сорока человек, и они были обескуражены. Более того, они были другим классом людей, чем те, кто колонизировал Новую Англию. Они были джентльменами-авантюристами, связанными с аристократическими семьями, были жадны до золота и не обладали ни силой духа, ни привычками, необходимыми для успеха. Они не были приучены к труду, по крайней мере, с топором и плугом. Смит искренне написал совету компании в Англии с просьбой прислать плотников, земледельцев, садовников, рыбаков и кузнецов вместо "джентльменов-бродяг и ювелиров". Но он должен был организовать колонию из тех материалов, которые алчность или авантюрное любопытство прислали в Америку. И, несмотря на разногласия и природную леность, ему удалось поставить это дело на прочную основу; он обследовал Чесапикский залив до Саскуэханна и исследовал устья величественного Потомака. Но ему не позволили завершить работу, которую он так благотворно начал. Его администрация была неприемлема для английской компании, которая очень мало заботилась о благополучии зарождающейся колонии и стремилась только к выгодному вложению своего капитала. Они были разочарованы тем, что не были открыты золотые и серебряные рудники и что они сами не обогатились. Даже значительное благосостояние колонии вызывало у них недовольство, поскольку это отвлекало внимание от погони за минеральными богатствами.

Поэтому первоначальные патентообладатели стремились укрепить свои позиции за счет новых партнеров и Нового устава Лондонской компании. новый устав. Соответственно, новая хартия была дарована двадцати одному пэру, девяноста восьми рыцарям и огромному числу врачей, оруженосцев, джентльменов и торговцев. Границы колонии были расширены, совет и офисы в Вирджинии упразднены, а компания в Англии получила право назначать всех должностных лиц в колонии. Лорд Делавер был назначен губернатором и генерал-капитаном компании, и эскадра из девяти кораблей с пятьюстами эмигрантами была отправлена в Виргинию. Но эти эмигранты состояли, по большей части, из распутных молодых людей, которых их друзья-аристократы отсылали прочь, чтобы прикрыть себя от позора; сломленных джентльменов, слишком ленивых, чтобы работать; и печально известных иждивенцев могущественных семей. Они привели всю колонию в замешательство и своей агрессивностью и безрассудством спровоцировали

враждебность индейцев, которых Смит умиротворил. Поселение в Джеймстауне было брошено на произвол судьбы из-за голода и неразберихи и было бы покинуто, если бы не своевременное прибытие лорда Делаверэ с обильными припасами и новыми рекрутами. Его администрация была мудрой и эффективной, и ему удалось навести порядок, хотя он и не получил ожидаемого богатства.

В 1612 году компания получила третий патент, по которому все острова в радиусе трехсот лиг от побережья Вирджинии были предоставлены патентообладателям и по которому часть полномочий, которыми до сих пор обладал совет, была передана всей компании. Политические права колонистов остались прежними, но постепенно они обрели мир и безмятежность. Табак широко культивировался и оказался более плодотворным источником богатства, чем серебряные или золотые рудники.

Зависть к произволу власти и нетерпение новых поселенцев обрести свободу побудили губернатора Виргинии в 1619 году восстановить их в полном обладании правами англичан; и он соответственно созвал Провинциальное собрание, первое в истории, проводимое в Америке, в состав которого вошли губернатор, совет и ряд граждан, избранных от одиннадцати существующих районов колонии. Обсуждения и законы этого зарождающегося законодательного органа были переданы в Англию для утверждения; и они были настолько мудрыми и рассудительными, что компания вскоре после этого одобрила и ратифицировала платформу того, что постепенно вызревало в американской представительной системе.

Гарантия политических прав привела к быстрой колонизации. быстрая колонизация. "Теперь мужчины были готовы считать Вирджинию своим домом. Они стали строить дома и сажать кукурузу". Женщин заставляли покидать метрополию, чтобы стать женами предприимчивых плантаторов, и в течение трех лет три тысячи пятьсот человек обоего пола перебрались в Виргинию. В 1620 году голландское судно, шедшее от берегов Гвинеи, прибыло в реку Джеймс и высадило двадцать негров для продажи; и так как они оказались более способными переносить усталость в южном климате, чем европейцы, их постоянно ввозили, пока значительная часть жителей Виргинии не стала состоять из рабов. Так в этот ранний период была введена та устойчивая система несправедливости и жестокости, которая уже стала неизмеримым несчастьем для страны, а также позором для институтов республиканской свободы, но о которой во многих случаях ни один класс не сожалеет с большей искренностью, чем те, кто живет за счет продуктов самого рабского труда.

В следующем году, когда начался ввоз негров, началось выращивание табака, который до появления хлопка был основным продуктом питания южан.

В 1622 году долго подавляемая вражда индейцев вылилась в жестокую попытку истребить всю колонию. Был составлен заговор, в соответствии с которым все английские поселения должны были быть атакованы в один и тот же день и в один и тот же час. Дружественный индеец предал заговор, но не вовремя, чтобы предотвратить ужасную резню трехсот сорока семи человек, среди которых были одни из самых богатых и респектабельных жителей. Затем последовали все беды Войны с индейцами. Война с индейцами, и поселения сократились с восьмидесяти до восьми плантаций; и только после затяжной борьбы колонисты восстановили свое процветание.

Едва начались военные действия с индейцами, как разногласия среди компании в Англии привели к ссоре с королем и окончательной отмене их хартии. Компания была слишком большой и слишком демократичной. Члены были недовольны тем, что от колонии было получено так мало выгоды; более того, они превратили свои суды или собрания, когда они собирались для обсуждения колониальных вопросов, в арену ожесточенных политических дебатов. Там была придворная тусовка и сельская тусовка, каждая из которых была охвачена яростной политической враждой. Крестьянская партия была сильнее и вскоре возбудила зависть деспотичного монарха, который смотрел на их собрания "всего лишь как на семинарию при мятежном парламенте". Для изучения дел компании был назначен королевский совет уполномоченных, который сообщил о неблагоприятных результатах; и поэтому король приказал компании отказаться от своего устава. Компания отказалась подчиниться произвольному распоряжению; но после ее отказа король распорядился выдать судебный приказ *quo warranto*, и Суд королевской скамьи вынес решение, разумеется, в пользу короны. Соответственно, компания была распущена. Но роспуск, хотя и произвольный, благотворно сказался на колонии. Из всех стеснительных институтов суверенная компания торговцев является наиболее стеснительной, поскольку они стремятся просто к коммерческой выгоде, без какой-либо ссылки на политическое, моральное или социальное улучшение людей, которых они стремятся контролировать.

Прежде чем король Яков завершил свой план управления колонией, он умер; и Карл I. проводил ту же деспотическую политику, которую задумывал его отец. Он учредил правительство, которое сочетало неограниченные прерогативы абсолютного правителя с узкими и эгоистичными принципами коммерческой корпорации. Он монополизировал прибыли от ее торговли и уполномочил нового губернатора, которого он назначил, осуществлять свою власть с самой неприкрытой узурпацией тех прав, которыми колонисты пользовались до сих пор. Губернатор Харви. Характер Харви соответствовал хищнической и жестокой системе, которой он придерживался, и он действовал скорее как сатрап восточного принца, чем как представитель конституционного монарха. Колонисты протестовали и жаловались, но их призывы к милосердию и справедливости короля были проигнорированы, и Гарвей продолжал свой путь дерзости и тирании до тех пор, пока не был собран знаменитый парламент, который восстал против безумия и правления Карла. В 1641 году в Виргинию был направлен новый и честный губернатор, сэр Уильям Беркли, и старые провинциальные свободы были восстановлены. В борьбе между королем и парламентом Вирджиния поддержала королевское дело. Когда парламент восторжествовал над королем, Виргиния почувствовала на себе силу республиканского недовольства, и на торговлю колонии были наложены жесткие ограничения, которые были еще более раздражающими ввиду снисхождения, которое колонии Новой Англии получили от протектора. Последовало восстание, и сэр Уильям Беркли был вынужден уйти в отставку и принять на себя управление мятежной провинцией. Кромвель, к счастью для Вирджинии, но к несчастью для всего мира, умер до того, как восстание удалось подавить; и когда Карл II. был восстановлен, Вирджиния с радостью вернулась к своей верности. Верховенство Англиканской церкви было установлено законом, ее служителям были предоставлены стипендии, и никому из священнослужителей не разрешалось выполнять свои функции, кроме тех, которые относятся к верховенству Англиканской церкви.

Но Карл II. была столь же произвольной политика Карла II. неспособный, как его отец, проводить щедрую и справедливую политику в отношении колоний; да и сам парламент рассматривал колонии как источник прибыли для нации, а не как часть нации. Не успел Карл взойти на трон,

как парламент ввел пятипроцентную пошлину. на все товары, экспортируемые из или импортируемые в любой из доминионов, принадлежащих короне; и был принят знаменитый Закон о мореплавании, который предписывал, что никакие товары не должны ввозиться ни в одно из британских поселений, кроме как на судах, построенных в Англии или в ее колониях; и что никакие сахар, табак, хлопок, шерсть, индиго и некоторые другие изделия, произведенные в колониях, не должны отправляться из них ни в какую другую страну, кроме Англии. В качестве компенсации колониям было разрешено исключительное выращивание табака. Парламент вскоре после этого, в 1663 году, принял дополнительные ограничения; и, продвигаясь шаг за шагом, постепенно поставил колонии в самую жесткую зависимость от метрополии и даже зашел так далеко, что отрегулировал торговлю нескольких колоний друг с другом. Эта система монополии и исключения, конечно, вызвала возмущение и отвращение и посеяла семена окончательного бунта. К недовольству провинций добавились враждебные действия индейцев, и даже ужасы гражданской войны нарушили процветание колонии. Амбициозный и беспринципный авантюрист по имени Бэкон преуспел в разжигании розни и успешном сопротивлении власти губернатора. Провидение остановило карьеру мятежника в момент его триумфа, а его болезнь и смерть, к счастью, рассеяли бурю, которая грозила стать роковой для мира и благополучия Виргинии. Беркли при подавлении восстания наказал нарушителей со строгостью, которая плохо соответствовала его мягкому и миролюбивому характеру. Его курс не понравился правительству Англии, и он был заменен полковником Джеффрисом. Но он умер до того, как прибыл его преемник. Черета губернаторов управляла колонией по своему усмотрению, некоторые из которых были мудрыми и способными, а другие тираническими и алчными.

Английская революция 1688 года также привела к изменениям в управлении колонией. Ее зависимость от личного характера суверена была отменена, а ее свободы, закрепленные хартией, были защищены. Король продолжал назначать королевского губернатора, а парламент продолжал подавлять торговлю колонистов; но в целом они пользовались правами свободных людей и быстро росли в богатстве и процветании. После восшествия на престол Вильгельма и Марии в колонии насчитывалось пятьдесят тысяч жителей и сорок восемь приходов; а в 1676 году только пошлины на табак были собраны в Англии на сумму сто тридцать пять тысяч фунтов стерлингов. Люди, как правило, принадлежали к Епископальной церкви, и каждый священнослужитель получил в каждом приходе дом и лавку вместе с шестнадцатью тысячами фунтов табака. Эти люди отличались гостеприимством и учтивостью, но их упрекали в праздности, к которой почти неизбежно привело проживание в разбросанных деревнях, жаркий климат и рабство у негров. Литература, это утешение утонченных и роскошных людей в европейском мире, культивировалась лишь несовершенно; и религия, в ее суровом и возвышенном развитии, не была оживляющим принципом жизни, как в поселениях Новой Англии. Но жители Виргинии были богаче, культурнее и аристократичнее пуритан, более утонченными в манерах и более приятными в общении.

Заселение Новой Англии. поселения в Новой Англии были основаны людьми совершенно иного класса, чем те, кто колонизировал Вирджинию. Они не были авантюристами в поисках наживы; они не были разорившимися джентльменами с аристократическими связями; они не были расточительными и беспутными членами могущественных семей. Они были пуританами, принадлежали к средним слоям общества; они были людьми суровых и возвышенных добродетелей, непобедимой энергии и твердой и железной воли; они ненавидели как гражданский, так и религиозный деспотизм своего времени и желали, превыше всех мирских

соображений, свободы поклоняться Богу в соответствии с велениями своей совести. В основном это были независимые и кальвинисты, для которых религия была жизнью, а не догмой. Они стремились в дикие дебри не ради наживы, не ради легкости, не ради возвышения, а ради свободы совести; и ради этой бесценной привилегии они были готовы отказаться от всех удобств и изящества цивилизованной жизни, с радостью встретить все опасности и пойти на все жертвы, которых неизбежно требовало проживание среди диких индейцев, в холодном и негостеприимном климате.

Попытки компании колонизировать запад Англии, о которых уже упоминалось, явно провалились. Бог не предполагал, что Новая Англия будет заселена бандой коммерческих авантюристов. В Плимуте, в пределах корпорации, была постоянно основана колония из сорока человек, которым Яков даровал огромные полномочия, и пояс страны от сорокового до сорок восьмого градуса северной широты в ширину и от Атлантики до Тихого океана в длину.

5 августа 1620 года "Мэйфлауэр" и "Спидвелл", груженные первой пуританской колонией, отплыли из Саутгемптона. Она состояла из группы религиозных и преданных мужчин со своими женами и детьми, которые ранее искали убежища в Голландии, чтобы исповедовать свои религиозные убеждения. Меньшее судно после испытаний в Атлантике было признано непригодным для плавания и было оставлено. Более робким разрешили сойти на берег в старом Плимуте. Сто одна решительная душа снова отправилась в плавание на "Мэйфлауэре" в неизведанную дикую местность со всеми ее бесчисленными опасностями и невзгодами. Никакие обычные мирские интересы не могли поддержать их души. Первые искатели приключений отправились в Виргинию без женщин и детей; но пуритане готовились к постоянному месту жительства. Провидение вопреки их замыслу направило их маленькое суденышко к пустынным берегам самой бесплодной части Массачусетса. 9 ноября прибыл "Мэйфлауэр", благополучно пришвартованный в гавани Кейп-Кода. 11-го числа колонисты торжественно объединились в политическую организацию и выбрали Джона Карвера своим губернатором. 11 декабря (ОС) после продолжительных опасностей и страданий эта маленькая компания высадилась на Плимут-Рок. Перед началом весны более половины жителей колонии погибло от лишений, усталости и страданий, среди которых был и сам губернатор. Осенью их число было увеличено; но все бедствия голода остались. Они жили вместе как община; но в течение трех или четырех месяцев у них совсем не было зерна. Весной 1623 года каждая семья засеяла землю для себя, и земля была закреплена за каждым человеком в качестве вечной платы. Нуждающиеся и беззащитные колонисты, к счастью, были спасены от враждебности туземцев, поскольку голод смел наиболее опасных из их диких соседей; военные действия не начинались в течение нескольких лет. Бог защитил паломников, в их слабости, от смертоносного удара томагавком и от опасностей дикой природы. Они страдали, но они существовали. Их число постепенно увеличивалось, но все они были пуританами, просто людьми, которые должны были колонизировать землю и заложить фундамент великой империи. С самого начала существовала строгая демократия, и все пользовались достаточным освобождением от оков произвола власти. Ни один король не знал об их существовании и не навязывал им деспотического правителя. Они назначали своих собственных правителей, и эти правители правили в страхе Божьем. Независимость поселков существовала с самого начала; и это рассадник и гений американских институтов. Плимутская колония была самопровозглашенной демократией; но она состояла из англичан, которые любили свою родину и, стремясь к неограниченной свободе, не брезговали зависимостью от метрополии и надлежащими связями с английским правительством. Они не могли получить королевскую

хартию от короля; но Большой совет Плимута — новой компании, которой Джеймс передал привилегии старой - предоставил все привилегии, которых желали колонисты. Они были слишком незначительны, чтобы привлечь большое внимание правительства или возбудить зависть крупной корпорации.

Незаметная и ничем не стесненная, колония медленно распространялась. Но где бы она ни распространялась, она пускала корни. Это было дерево, которое Провидение посадило для всех поколений. Он был основан на скале. Это была ветвь истинной церкви, которой было суждено бросить вызов бурям и переменам, потому что ее сила была в Господе.

Но поначалу не все районы Новой Англии были заселены паломниками-пуританами или просто по религиозным мотивам. Совет Плимута предоставил домены различным авантюристам, которых вдохновлял дух наживы. Джон Мейсон получил патент на то, что сейчас является штатом поселений Нью-Гэмпшир. Нью-Гэмпшир. Портсмут и Дувр существовали еще в 1623 году. Горджес получил в дар весь район между Пискатакуа и Кеннебеком. В 1636 году в Сако проживало сто пятьдесят человек. Но поселения в Нью-Гэмпшире и Мэне, обманув ожидания патентообладателей в отношении вознаграждения и прибыли, были не очень процветающими.

Тем временем была сформирована новая группа пуритан для заселения окрестностей Бостона. Компания получила королевскую хартию (1629 г.), которая учредила ее как политический орган под названием "Губернатор и компания Массачусетского залива". Он предоставлял колонистам права английских подданных, хотя технически не допускал свободы религиозного отправления или привилегии самоуправления. Основная масса колонистов поселилась в Салеме. Это была группа набожных и возвышенных личностей; кальвинисты в своем религиозном кредо и республиканцы в своих политических взглядах. Строгая независимость была основой и гением их церкви. Он был создан самостоятельно, и все его должностные лица избирались самими членами.

Устав компании был предоставлен корпорации, состоящей в основном из купцов, проживающих в Лондоне, и был более либеральным, чем можно было ожидать от такого фанатичного короля, как Карл I. Если оно прямо не признавало права совести, то, казалось, умалчивало о них; и колонисты были предоставлены неограниченному пользованию своими религиозными и гражданскими свободами. Нетерпимость и строгость архиепископа Лауда привели к быстрому заселению этой новой колонии; и, поскольку многие выдающиеся люди желали эмигрировать, они добивались и добились от компании в Англии передачи всех правительственных полномочий фактическим поселенцам в Америке. Благодаря этой уникальной сделке муниципальные права и привилегии колонистов были установлены на прочном фундаменте.

В 1630 году около полутора тысяч человек во главе с Уинтропом эмигрировали в новый свет и поселились сначала в Чарльзтауне, а затем в Бостоне. В соответствии с хартией, которая предоставила им такие неожиданные привилегии, был созван Общий суд для урегулирования спора с правительством. Но привилегия избирательного права была предоставлена только членам церкви, и каждая церковь была сформирована по образцу церкви в Салеме. Нельзя сказать, что была установлена строгая демократия, поскольку членство в церкви было условием полного осуществления политических прав. Но если Конституция Колонии. конституция была в

некоторой степени аристократической и исключительной, аристократия не основывалась на богатстве или интеллекте. Кальвинисты Массачусетса признавали правительство избранных — своего родатеократию, в которой только религиозные люди или те, кто называл себя таковыми и был признан таковыми, имели право править. Таково было представление самого Кромвеля, великого идола и представителя независимых, который воображал, что управление Англией следует доверить только тем, кто способен спасти Англию и достоин править Англией. Поскольку его партия составляла, в его глазах, этот избранный орган и на самом деле была лучшей партией, состоящей из людей, которые боялись Бога и желали, чтобы ими управляли по его законам, следовательно, его партия, как он предполагал, имела право свергнуть троны и установить новую теократию на земле.

Это представление было заблуждением в Англии и оказалось фатальным для всех тех, кто был им ослеплен. В Америке все иначе. Среди нетронутых лесов Новой Англии была основана колония людей, которые в целом признавали принципы Кромвеля; и одно из лучших правительств, которые когда-либо видел мир, контролировало буйных, вознаграждало честных и защищало права и собственность всех классов с почти отеческой преданностью и справедливостью. Однако колония — такова слабость человека, таково вырождение его природы — была обречена на раздоры. Фанатизм, от которого полностью не свободны ни сообщества, ни отдельные люди, изгнал некоторых из лучших людей за пределы колонии. Роджер Уильямс, священник в Салеме и один из самых достойных и просвещенных людей своего времени, искал убежища от преследований своих братьев в диких зарослях залива Наррагансетт. В июне 1636 года законодатель Род-Айленда с пятью спутниками сел в индейское каноэ и, поплыв вниз по реке, высадился возле источника в защищенном месте, которое он назвал Провиденс. Постепенно к нему присоединились другие, которые сочувствовали его толерантному духу и просвещенным взглядам, и колония Род-Айленд на долгие годы стала убежищем для преследуемых. И таких было много. Доктрины пуритан. Пуритане были слишком серьезны, чтобы жить в согласии с теми, кто расходился с ними в важных религиозных вопросах; и расхождения во взглядах следовало ожидать среди людей столь интеллектуальных, столь проникательных и столь бесстрашных в рассуждениях. Как могли не возникнуть несогласные с господствующими мнениями? — мистики, фанатики и еретики? Идея особого божественного озарения — всегда преобладающий источник фанатизма во все века и страны — сбивала с толку одних; а стремление к большей духовной свободе воодушевляло других. Энн Хатчинсон в значительной степени приняла доктрину Джорджа Фокса о том, что дух Божий просвещает верующих независимо от его письменного слова; и она поделилась своими взглядами со многими другими, которые, как и она, стали высокомерными и тщеславными, несмотря на свои многочисленные превосходные качества. Среди них был губернатор Гарри Вейн. Но с фанатиками, которые воображали себя особенно вдохновленными, было не совладать; и, поскольку они нарушили покой колонии, лидеры были изгнаны. Сам Вейн вернулся в Англию, чтобы поучаствовать в сценах, более соответствующих его превосходному, но легковозбудимому характеру. В Англии этот прославленный друг Мильтона сильно отличился своими усилиями во имя свободы и всегда оставался ее последовательным защитником, в равной степени выступая против тирании короля и посягательств тех, кто сверг его трон.

Коннектикут, хотя и был приписан к английской компании, рано был колонизирован отрядом паломников из Массачусетса. В 1635 году были основаны поселения в Хартфорде, Виндзоре и Уэзерсфилде. На следующий год превосходный и прославленный Хукер повел компанию из ста человек через леса к восхитительным берегам Коннектикута, чья богатая аллювиальная почва

обещала более легкую поддержку, чем твердая и каменистая земля в окрестностях Бостона. Едва они были заселены, как началась Пекодская война. Началась Пекодская война, в ходе которой все колонии были вовлечены в отчаянное и кровопролитное противостояние с индейцами. Но пекоды не могли сравниться с европейцами, особенно без огнестрельного оружия; и в 1637 году племя было почти уничтожено. Энергия и суровость, проявленные колонистами в борьбе за свои дома, вселили благоговейный трепет в умы дикарей, и прошло много времени, прежде чем они набрались смелости собраться во второй раз. Пуритане обладали духом Кромвеля и никогда не колебались действовать с бесстрашной отвагой, когда на них возлагалась необходимость. Они не были сторонниками полумер. Их последующая безопасность и рост в немалой степени связаны с этими жесткими мерами — мерами, которые в наше время иногда осуждаются как слишком суровые, но мудрость которых едва ли может быть поставлена под сомнение, если рассмотреть результаты. Все великие мастера войны и войны с варварами проводили политику абсолютной суровости; и когда с людьми, неспособными руководствоваться разумом и движимыми дикими страстями, был избран выжидательный или робкий курс, этот курс потерпел неудачу.

После того как различные колонии прочно обосновались в Новой Англии и более двадцати тысяч человек эмигрировали из метрополии, король и его министры больше не проявляли к ним благожелательного интереса. Большой совет Плимута передал свою хартию королю, и против колонии Массачусетс был выдан судебный приказ *quo warranto*. Но пуритане отказались отказаться от своей хартии и приготовились к сопротивлению злобному плану Страффорда и Лауда. Прежде чем они были приведены в исполнение, началась борьба между королем и Долгим парламентом. Меньшее сопротивление было забыто в большем. Колонии избежали мести фанатичного правительства. Когда парламент одержал победу, они пользовались особой благосклонностью и постепенно приобрели богатство и власть. Союз колоний Новой Англии. Различные колонии образовали конфедерацию, чтобы защитить себя от голландцев и французов, с одной стороны, и индейцев — с другой. И это счастливо продолжалось в течение полувека и привело к очень важным результатам. Но несколько колоний продолжали издавать законы для своего собственного народа, подавлять анархию и поддерживать дело религии и единства. Они не всегда проводили либеральную и просвещенную политику. Они уничтожали ведьм; преследовали баптистов и квакеров и исключали их из своих поселений. Но, за исключением религиозных преследований, их законодательство было мудрым, а общее поведение — добродетельным. Они поощряли школы и основали Кембриджский университет. Они сохранили различные особенности пуританства в отношении развлечений, соблюдения субботы и антипатии ко всему, что напоминало им о Риме или даже об Англиканской церкви. Но пуританство не было одиозной оболочкой, формой, догмой. Это была жизнь, реальность, и она не была неблагоприятной для развития таких прекрасных добродетелей, как милосердие и великодушие, в определенной сфере. Это был не просто традиционный пуританизм, который с отвратительным упорством цепляется за форму, когда дух любви покинул его; но это было гармоничное развитие живых добродетелей, которые сочувствовали образованию, свободе и прогрессу; которые объединяли людей узами христианской любви и побуждали их к делам активной благотворительности и бесстрашному моральному героизму. Пилигримы-пуритане преследовали тех, кто не соглашался с ними, не для того, чтобы наказать их, а просто для того, чтобы защитить себя и сохранить в своей среде и в их изначальной чистоте те институты и те права, ради обладания которыми они покинули свою любимую родину и отправились в дикую пустыню с ее бесчисленными опасностями и невзгодами. Но их невзгоды продолжались

недолго. Благодаря энергии, трудолюбию, бережливости и любви они вскоре обрели безопасность, комфорт и здоровье. И это не тщеславное и праздное воображение, которое приписывает тем годам, которые последовали за успешным основанием колонии, период величайшего счастья и добродетели, которыми когда-либо наслаждалась Новая Англия.

В равной степени повезло с пуританами и тем интересным людям, которые поселились в Пенсильвании. Если квакеры подвергались преследованиям в метрополии и в Новой Англии, то они нашли убежище на берегах реки Делавэр. Там они получили и наслаждались той свободой религиозного поклонения, в которой было отказано великому основателю секты и которой лишили их даже люди, которые боролись с ними за достижение этой возвышенной привилегии.

В 1677 году квакеры получили хартию, в которой признавался принцип демократического равенства в поселениях Западного Джерси, а в 1680 году - Уильям Пенн. Уильям Пенн получил от короля, который был в долгу перед его отцом, пожалование обширной территории, которая называлась Пенсильвания, в абсолютную собственность. Он также получил либеральную хартию и дал своему народу привилегии и свод законов, которые по своей либеральности превосходили все, что до сих пор было даровано какому-либо сообществу. В 1682 году он высадился в Ньюкасле, и вскоре после этого в своем новом городе на берегу реки Делавэр, под сенью большого раскидистого вяза, заключил свой бессмертный договор с индейцами. Он провозгласил индейцу, которого до сих пор считали непримиримым врагом, принципы любви, которые вдохновляли Фокса и которые "Мэри Фишер питала к Великому турку". "Мы встречаемся, - сказал законодатель, - на широком пути добросовестности и доброй воли. Ни одна из сторон не получит преимущества, но все будет открыто и с любовью. Я не буду называть вас детьми, потому что родители иногда слишком сурово отчитывают своих детей; и не только братьями, потому что братья отличаются друг от друга. Дружбу между мной и тобой я не сравню с цепью, из-за которой дожди могут заржаветь, или срубленное дерево может сломаться. Мы такие же, как если бы тело одного человека было разделено на две части; все мы - одна плоть и кровь".

Таковы были возвышенные доктрины, которые прославленный основатель Пенсильвании провозгласил индейцам и которые он положил в основу своего правления и правил общения со своим собственным народом и с дикими племенами. Эти доктрины уже были внедрены в умы поселенцев, и они также нашли отклик в душах индейцев. Сыны пустыни долгохранили память о завете и никогда не забывали его принципов. В то время как все другие поселения европейцев страдали от враждебности краснокожих, только Пенсильвания наслаждалась покоем. "Ни один индеец никогда не проливал ни капли квакерской крови".

Уильям Пенн, хотя и был абсолютным владельцем участка страны, почти равного по площади Англии, не стремился ни к доходам, ни к произволу. Он предоставил поселенцам право самим выбирать магистратов, от высших до низших, и только себе оставил право накладывать вето на законопроекты совета — привилегию, которую наши демократии все еще предоставляют своим губернаторам.

Такая колония, какую он основал, не могла не процветать. О ее растущей славе возвещали в каждой стране Европы, и нуждающиеся и бедствующие во всех странах стремились к этой реализованной Утопии. Через два года после заселения Филадельфии в ней насчитывалось шестьсот домов. Мир не прерывался, и поселение распространялось быстрее, чем в любой другой части Северной Америки.

Нью-Джерси, Мэриленд, Северная и Южная Каролина, а также Джорджия были колонизированы англичанами вскоре после заселения Вирджинии и Новой Англии либо эмиграцией из Англии, либо из других колоний. Но в их ранней истории не было ничего достаточно примечательного, чтобы оправдать более подробный очерк. В целом Южные штаты были колонизированы людьми, которые не обладали ни религиозным возвышением пуритан, ни живым милосердием квакеров. Но их характеры улучшились, столкнувшись со злом, которому они подвергались, и они постепенно прониклись теми принципами, которые в последующие времена обеспечили независимость и единство.

Поселение в Нью-Йорке. Нью-Йорк, однако, заслуживает упоминания вскользь, поскольку он был колонизирован эмигрантами из Голландии, которая, безусловно, была самым процветающим коммерческим государством Европы в семнадцатом веке. Река Гудзон была открыта (1609) англичанином, чье имя она носит, но который состоял на службе у Голландской Ост-Индской компании. Таким образом, Соединенные провинции заявили права на владение прилегающей страной, и ассоциация голландских купцов снарядила корабль для торговли с индейцами. В 1614 году на острове Манхэттен был возведен грубый форт, а в следующем году началось поселение в Олбани, главным образом с целью торговли с индейцами. В 1623 году Новый Амстердам, ныне Нью-Йорк, был построен с целью колонизации, и голландцы присвоили обширные территории для растущей колонии. Это присвоение вовлекало их в постоянные раздоры с англичанами, а также с индейцами; при этом народ не пользовался политическими привилегиями, как в колониях Новой Англии. Поселения напоминали лордства в Нидерландах, и каждый, кто основывал колонию из пятидесяти душ, обладал абсолютной собственностью на земли, которые он колонизировал, и становился *Patroon*, или Хозяином Поместья. Образованию уделялось очень мало внимания, и колонистам не разрешалось производить хлопчатобумажную, шерстяную или льняную ткань из опасения нанести ущерб монополистам голландской мануфактуры. В провинции не было народной свободы и общественного духа. Бедняков было много, и люди не были склонны должным образом заботиться о своей собственной защите.

Но колония завоевания Новых Нидерландов. Новым Нидерландам не суждено было остаться под властью Голландской Вест-Индской компании. Он был завоеван англичанами в 1664 году, и завоеватели пообещали безопасность обычаям, религии, учреждениям и владениям голландцев; и это обещание было выполнено. В 1673 году колония была отвоевана, но окончательно, в 1674 году, была передана англичанам и брату Карла II. восстановил свое владение Нью-Йорком и управление им и передал свою власть полковнику Николсу, который правил с мудростью и гуманностью. Но старый голландский губернатор Стайвесант остался в городе, которым он так почетно руководил, и продлил империю голландских нравов, если не голландского оружия. Берега Гудзона также продолжали заселяться соотечественниками первых колонистов, которые долгое время сохраняли язык, обычаи и религию Голландии. Нью-Йорк, тем не менее, был королевской провинцией, и управление часто поручалось алчным, беспринципным и деспотичным губернаторам.

Таким образом были колонизированы различные государства, граничащие с Атлантическим океаном, в которых английским законам, институтам и языку было суждено сохраниться. В 1688 году в различных колониях, которых насчитывалось двенадцать, проживало около двухсот тысяч человек; и все они были протестантами; все лелеяли принципы гражданской и религиозной свободы и стремились с помощью трудолюбия, бережливости и терпения

обеспечить независимость и процветание. С того периода и по сей день ни одна нация не развивалась так быстро; ни в ком никогда не проявлялась более удивительная энергия; никто никогда не пользовался большими социальными, политическими и религиозными привилегиями.

Но берега Северной Америки были колонизированы не только англичанами. На берега Святого Лаврентия и Миссисипи прибыла другая группа колонистов, которые ввели обычаи и институты, столь же чуждые обычаям англичан и испанцев. Теперь следует рассмотреть вопрос о французских поселениях в Канаде и Луизиане.

В течение семи лет после открытия континента французским путешественникам были известны рыбные промыслы Ньюфаундленда. Открытие реки Святого Лаврентия. Святой Лаврентий был исследован в 1506 году, а планы колонизации были сформированы в 1518 году. В 1534 году Джеймс Картье, уроженец Сен-Мало, поплыл вверх по реке Святого Лаврентия, но суровый климат зимой помешал немедленному поселению. Только в 1603 году была начата какая-либо постоянная колонизация. Затем Сэмюэл Шамплен, отец французских поселений в Канаде, выбрал Квебек в качестве места для форта. В 1604 году Генрих IV дал хартию выдающемуся кальвинисту Де Монту, которая давала ему суверенитет над Акадией, участком, расположенным между сороковым и сорок шестым градусами северной широты. Эмигранты-гугеноты должны были наслаждаться своей религией, монополией на торговлю мехами и исключительным контролем над землей. Они прибыли в Новую Шотландию в том же году и поселились в Порт-Рояле.

В 1608 году Квебек был заселен Шампленом, который стремился прославиться созданием государства; а в 1627 году ему удалось установить власть французов на берегах реки Святого Лаврентия. Но Шамплен был также ревностным католиком и ценил спасение души больше, чем завоевание королевства. Поэтому он выбрал монахов-францисканцев для обращения индейцев. Но вскоре их вытеснили иезуиты, которые под покровительством правительства Франции вскоре превратили новый свет в арену своей странной деятельности.

Ни в одно время и ни в одной стране не было миссионеров-иезуитов. Миссионеры-иезуиты были более неутомимыми работниками, чем в лесах Северной Америки. С распятием в руках они бродили среди диких племен и беспримерными трудами милосердия стремились обратить их в римское христианство. Еще в 1635 году щедрыми меценатами во Франции были основаны колледж и больница на благо всех племен краснокожих от вод озера Верхнее до берегов Кеннебека. В 1641 году Монреаль, предназначенный как место общего сбора обращенных индейцев, был оккупирован и вскоре стал самой важной станцией в Канаде, рядом с крепостью Квебек. До того, как Элиот начал проповедовать индейцам в окрестностях Бостона, бесстрашные миссионеры иезуитов исследовали берега озера Верхнее, добрались до водопада Святой Марии и посетили чиппевеев, гуронов, ирокезов и могавков. Вскоре после этого они приблизились к голландским поселениям на Гудзоне, исследовали истоки Миссисипи, исследовали различные ее притоки и спустились по ее могучим водам к устью. Миссионеры заявили права на территории в Мексиканском заливе для короля Франции, и в 1684 году Луизиана была колонизирована французами. Неутомимый Ла Саль, исследовавший Миссисипи от водопада Святого Антония до моря, был убит одним из своих завистливых последователей, но не раньше, чем снискал бессмертную славу отца западной колонизации.

Таким образом были созданы поселения в Северной Америке. В 1688 году Англия владела колониями, граничащими с Атлантическим океаном, от штата Мэн до Джорджии. Французы владели Новой Шотландией, Канадой, Луизианой и претендовали на страны, граничащие с Миссисипи и ее ответвлениями, от Мексиканского залива до озера Верхнее, а также на территории вокруг великих озер.

Взаимная ревность, как и следовало ожидать, возникла между Францией и Англией из-за их колониальных владений. Оба королевства стремились к суверенитету над Северной Америкой. Французы имели право, возможно, по праву открытия, на большую территорию; но их колонии сильно уступали английским по численности и еще больше по моральному подъему и интеллектуальной культуре.

Но Людовик XIV, находившийся тогда на пике своего могущества, замыслил полное подчинение английских поселений. Французы вступили в союз с индейцами, и результатом этого стали жестокие войны. Могавки и другие племена, поощряемые французами, совершили ужасные массовые убийства в Дирфилде и Хаверхилле, и английские поселенцы находились в состоянии постоянной тревоги. По Утрехтскому мирному договору 1713 года колонисты добились мира и присоединения значительной территории. В 1720 году Джон Лоу предложил свою знаменитую финансовую схему принцу-регенту Франции, и Миссисипская компания была зафрахтована, а Луизиана колонизирована. Ожидалось, что от этой компании будет получена большая прибыль. В другой главе будет показано, насколько плачевно это провалилось. Она была основана на неправильном фундаменте, и проект извлечения богатства из колоний сошел на нет; к быстрой колонизации это также не привело.

Тем временем английские колонии росли в расцвете английских колоний. богатство, численность и политическое значение привлекли внимание английского правительства. Сэру Роберту Уолполу в 1711 году было предложено обложить налогом колонии, но он благородно отклонил это предложение. Он поощрял торговлю с максимальной широтой, и дань взималась только за счет потребления британских товаров. Но впоследствии на колониальные предприятия были наложены ограничения, что привело к столкновениям между колониями и метрополией. Южным колониям оказывалось большее предпочтение, чем Северным, но все они рассматривались с точки зрения продвижения особых интересов Великобритании. Возникали и другие спорные вопросы; но, тем не менее, колонии, особенно колонии Новой Англии, добились быстрых успехов. Происходило всеобщее распространение знаний, законы хорошо соблюдались, и служители религии с честью выполняли свое священное призвание. Земля была покорена и пополнилась стойкими и религиозными людьми. Горячо лелеялись чувства патриотизма и независимости. Людей учили защищать себя; на своих городских собраниях они учились обсуждать политические вопросы и понимать политические права. Некоторые церковные разногласия нарушили мир в приходах и общинах, но не помешали общему процветанию. Также появились некоторые великие светила. Дэвид Брейнерд совершал труды бескорыстия и просвещенного благочестия, которые никогда не были превзойдены даже в усердии и активности, за исключением трудов более ранних иезуитов. Джонатан Эдвардс наложил отпечаток своего гения на весь характер богословия Новой Англии и снискал высочайшее признание как метафизик даже у европейских поклонников. Его трактат о свободе воли заслужил похвалы философов и богословов всех сект и партий, от Юма до Чалмерса, и "при внимательном прочтении его невозможно не испытать чувства восхищения силой и широтой человеческого понимания". Бенджамин Франклин тоже поднялся: в ту раннюю эпоху

он не отличился философскими открытиями, но привлек к себе внимание как редактор газеты, в которой бесстрашно защищал свободу слова и великие права народа. Но более великим, чем Франклин, более великим, чем любой герой, которого увековечила современная история, был этот молодой плантатор из Вирджинии, который тогда с большой заботой заботился об интересах и славе своей страны и готовился к великим конфликтам, которые принесли ему бессмертие.

Рост колоний и их огромное значение в глазах европейцев теперь вызвали ревность двух ведущих держав Европы, и началась колониальная борьба между Англией и Францией.

Французы заявили о французских посягательствах. право возведения цепи крепостей вдоль Огайо и Миссисипи с целью соединить Канаду с Луизианой и таким образом получить монополию на торговлю мехами с индейцами и обеспечить владение лучшей частью американского континента. Но эти планы не понравились английским колонистам, которые уже распространили свои поселения далеко вглубь страны. Английское министерство также было возмущено этими передвижениями, в результате которых колонии были полностью окружены военными постами. Англия запротестовала, но французы искусно затянули переговоры до тех пор, пока укрепления не были закончены.

Именно в знак протеста против возведения этих крепостей Джордж Вашингтон, которому тогда было двадцать три года, был отправлен колонией Вирджиния на берега реки Огайо. Это путешествие по непроходимой дикой местности, в котором участвовал всего один человек, в немалой степени выделило его и подготовило к последующей великой карьере.

В то время как споры о фортах велись между кабинетами министров Франции и Англии, французы с большой смелостью преследовали свои посягательства в Америке, что, несомненно, ускорило разрыв между двумя странами. В колонии были разосланы приказы изгнать французов с их узурпации власти в Новой Шотландии и с их укрепленных постов на реке Огайо. Затем началась та великая война, которая привела к потере французских владений в Америке. Но эта война была также связана с борьбой за австрийское наследство, и поэтому она будет представлена в отдельной главе, посвященной администрации Пелхэма, во время которой началась Семилетняя война в последние годы правления Георга II.

Но колониальная ревность между Англией и Францией существовала не только из-за североамериканских колоний, но и из-за европейских поселений на Востоке. Ост-Индия; и на них следует сослаться, чтобы составить общее представление о европейской колонизации и о причинах, которые привели к торговому значению Великобритании, а также к великим войнам, опустошившим различные европейские нации.

Поэтому от трудностей в американских колониях мы переходим к тем, которые существовали в противоположной части земного шара. Даже в эти старые страны проникли европейские армии; даже там проявились европейская алчность и предприимчивость.

Еще в 1742 году территории англичан в Индии едва простирались за пределы городов, в которых располагались служащие Ост-Индской компании. Первое крупное английское поселение находилось на острове Ява; но в 1658 году был получен земельный надел на побережье Коромандел, недалеко от Мадраса, где была возведена мощная крепость Святого Георгия. В 1668 году остров Бомбей был передан короной Португалии Карлу II и назначен

столицей британских поселений в Индии. В 1698 году англичане основали поселение на реке Хугли, которое впоследствии стало столицей британской державы.

Но у голландцев, португальцев и французов также были французские поселения в Индии. колонии в Индии для целей торговли. Людовик XIV основал компанию, в подражание англичанам, которая искала поселения на реке Хугли. Французская компания также построила форт на побережье Карнатика, примерно в восьмидесяти милях к югу от Мадраса, под названием Пондишерри, и колонизировала два плодородных острова в Индийском океане, которые они называли Остров Франс и остров Бурбон. Владения французов контролировались двумя президентствами, одно на острове Франс, а другое в Пондишери.

Когда в 1744 году разразилась война между Англией и Францией, этими двумя французскими президентствами управляли два человека высшего звания - Ла Бурдонне и Дюпле. гении, Ла Бурдонне и Дюпле, — оба они люди с большим опытом в делах Индии, и оба преданы интересам компании настолько, насколько позволяют их личные амбиции. Когда коммодор Бернет с английской эскадрой был отправлен в Индийские моря, Ла Бурдонне удалось снарядить экспедицию для противодействия ему и даже подумывал о захвате Мадраса. Никаких решительных действий на море не велось, но французскому губернатору удалось взять Мадрас. Этот успех вызвал недовольство набоба Карнатика, и он отправил письмо Дюпле, в котором жаловался на агрессию своих соотечественников, напавших на место, находящееся под его защитой. Дюпле, завидовавший славе Ла Бурдонне и недовольный условиями капитуляции, которые были слишком благоприятны для англичан, потребовал права аннулировать завоевание, поскольку Мадрас, когда он будет взят, перейдет под его собственное президентство.

Разногласия между этими двумя французами помешали Ла Бурдонне воспользоваться преимуществом своей победы, и он потерпел неудачу в своих попытках вступить в бой с английским флотом и, как следствие, вернулся во Францию и умер от последствий несправедливого заключения в Бастилии.

Дюпле после ухода Ла Бурдонне перевез основных жителей Мадраса в Пондишери. Но некоторым из них удалось сбежать. Среди них был знаменитый Клайв, в то время клерк в торговом доме. Он поступил прапорщиком на службу в роту и вскоре нашел возможность отличиться.

Но Дюпле, магистр Мадраса, теперь разработал план основания индийской империи и изгнания англичан из Карнатика. И Индия была в состоянии благоприятствовать его предприятиям. Империя Великого Могола, столицей которой был Дели, находилась на грани упадка. В шестнадцатом веке это была самая могущественная империя в мире. Великолепие его дворцов поразило даже европейцев, привыкших к великолепию Парижа и Версаля. Его вице-короли правили провинциями, более крупными и богатыми, чем Франция или Англия. И даже помощники этих вице-королей часто стремились к независимости.

Набоб из Арко был одним из этих последних принцев. Он ненавидел французов и подружился с англичанами. После смерти вице-короля Декана, которому он подчинялся, в 1748 году Дюпле задумал свой гигантский план завоевания. На трон этого вице-короля было несколько претендентов, двое из которых обратились за помощью к французам. Это было то, чего желал француз, и он вступил в союз с претендентами. При содействии французов Мирзаппа Джуй

получил вице-королевство. Дюпле был щедро вознагражден, ему доверили командование семью тысячами индийских кавалеристов и подарили двести тысяч фунтов стерлингов.

Единственным местом на Карнатике, которое оставалось во владении законного вице-короля, был Трихинополис, и вскоре он был захвачен французскими и индийскими войсками.

Снять эту осаду и переломить ход завоеваний Франции стало целью Клайва, которому тогда было двадцать пять лет. Он объяснил своему начальнику важность этого поста, а также необходимость нанесения решающего удара. Он предложил план нападения на сам Арко, резиденцию набоба. Его проект был одобрен, и он был поставлен во главе отряда из трехсот сипаев и двухсот англичан. Город был захвачен врасплох, и его захват побудил набоба снять осаду Трихинополи, чтобы отвоевать свою столицу. Но Клайв так укрепил своих последователей, что они успешно защитили это место, проявив чудеса доблести. Военная удача повернулась на сторону доблестного англичанина, и Дюпле, который не был генералом, отступил перед победителями. Клайв получил под свое командование форт Сент-Дэвид, важную крепость недалеко от Мадраса, и вскоре стал контролировать Карнатик.

Примерно в это же время поселения на реке Хугли были разграблены Сурадж-в-Доулой, вице-королем Бенгалии. Бенгалия была самой плодородной и густонаселенной провинцией империи Великого Могола. Ее орошал Ганг, священная река Индии, и ее города были удивительно богаты. Его столицей был Муршедабад, город почти такой же большой, как Лондон; и здесь молодой вице-король жил в роскоши и изнеженности, предаваясь всевозможным проявлениям жестокости и безумия. Он ненавидел калькуттских англичан и страстно желал разграбить их. Соответственно, он захватил новорожденный город и запер сто сорок колонистов в подземелье форта, комнате размером двадцать на четырнадцать футов, всего с двумя маленькими окнами; и через несколько часов сто семнадцать англичан умерли. Ужасы той ночи были великолепно описаны Макколеем в его эссе о Клайве, а место мучений, называемое Черной дырой Калькутты, является синонимом страдания. Клайв решил отомстить за это оскорбление своим соотечественникам. В Мадрасе была снаряжена экспедиция для наказания бесчеловечного набоба, состоящая из девятисот европейцев и полутора тысяч сипаев. Это были небольшие силы, но их оказалось достаточно. Калькутта была взята, а армия набоба разгромлена. Клайв заинтриговал врагов деспота в своем собственном городе; и с помощью беспримерного предательства, лицемерия, искусства и насилия Сурадж-в-Даула был низложен, а Меер Джаффир, один из заговорщиков, был назначен набобом на его место. В обмен на услуги Клайва новый вице-король щедро вознаградил его. Сто лодок доставили сокровища Бенгалии вниз по реке в Калькутту. Сам Клайв, прошедший между грудями золота и серебра, увенчанный бриллиантами и рубинами, снизошел до подарка в триста тысяч фунтов. Биографы высоко оценили его умеренность в том, что он не просил миллион.

Возвышение Меера Джеффера, конечно, вызвало недовольство слабоумного императора Индии, и для его свержения была послана большая армия. В случае необходимости набоб обратился к своим союзникам, англичанам, и при мощной помощи европейцев силы преемника великого Аурунгзебе были сокрушены. Но огромные суммы, которые он был вынужден выделять своим союзникам, и агрессивный дух, который они проявляли, превратили его дружбу во вражду. Он вступил в заговор с голландцами и французами, чтобы свергнуть власть англичан. Клайв разгадал его цель, и Меер Джеффер, в свою очередь, был свергнут. Вице-король Бенгалии был всего лишь орудием своих английских покровителей, и британская власть прочно

утвердилась в центре Индии. Калькутта стала столицей великой империи, а Ост-Индская компания, простое собрание купцов и биржевиков, благодаря своей системе вероломства, коварства и насилия, стала правителями и распорядителями провинций, которых Александр тщетно добивался. Слуги этой компании разбогатели, и несметные богатства были перевезены в Англию. Клайв получил состояние в сорок тысяч фунтов в год, звание ирландского пэра и место в Палате общин. Он стал объектом народного идолопоклонства, за ним ухаживали министры, и его превозносил Питт. Его несколько раз назначали генерал-губернатором завоеванной им страны, и ему Англия обязана основанием своего могущества в Индии. Но его слава и богатство в конце концов возбудили зависть его соотечественников, и ему пришлось нести грехи компании, которую он обогатил. Жестокость, с которой его преследовали, и болезнь, которую он приобрел в Индии, к несчастью, повлияли на его от природы раздражительный характер; рассудок взял верх, и он умер в 1774 году от собственной руки.

Последующая карьера Гастингса и окончательное завоевание Индии. завоевание Индии является частью политической истории самой Англии во времена тех администраций, которые еще предстоит описать. Колонизация Америки и Ост-Индии теперь была вовлечена в политику соперничающих государственных деятелей; и ее историю можно оценить, только рассмотрев те действия и принципы, которыми была отмечена карьера Ньюкаслов и Питтов. Таким образом, администрация the Pelhams в следующий раз требует внимания.

Список литературы.—Лучшие истории, относящиеся к завоеваниям испанцев, несомненно, принадлежат мистеру Прескотту. Следует также ознакомиться с "Колумбом" Ирвинга. При изучении ранней истории североамериканских колоний внимание студентов обращается к "Истории Соединенных Штатов" Грэхема и Бэнкрофта. Что касается Индии, см. "Истории Индии" Элфинстоуна, Глейга, Ормса и Миллса; "Жизнь Клайва" Малкольма и "Эссе о Клайве" Маколея. Для современной истории Великобритании лучшими работами являются работы Тиндала, Смоллетта, лорда Махона и Белшема; "Современная Европа" Рассела; "Живописная история Англии"; и продолжение Макинтоша в "Кабинетной циклопедии" Ларднера.[\(Вернуться к содержанию\)](#)

ГЛАВА XXI.

ПРАВЛЕНИЕ ГЕОРГА II.

Английская нация молчаливо поддерживала правительство сэра Роберта Уолпола в течение почти тридцати лет — самое продолжительное правление в анналах страны. И он справился с этой задачей, правя в целом благожелательно, способствуя миру, регулируя финансы и поощряя те крупные отрасли промышленности, которые лежат в основе английского богатства и могущества. Но интриги соперничающих политиков и естественное желание перемен, которое испытывают все партии после долгого перерыва, ввергли нацию в войну и вынудили способного министра уйти в отставку. Оппозиция, возглавляемая принцем Уэльским, поддержанная такими способными государственными деятелями, как Болингброк, Картерет, Честерфилд, Палтни, Уиндхэм и Питт, и поддержанная трудами тех великих литературных гениев, которых Уолпол презирал и пренебрегал ими, вынудила Георга II, наконец, расстаться с человеком, победившим свои узкие предрассудки.

Но тори не пришли к власти после ухода Уолпола на пенсию. Его старые сообщники остались во главе дел, и Картерет, впоследствии лорд Грэнвилл, самый блестящий человек своего времени, стал ведущим министром. Но даже он, столь великий в спорах и столь отличавшийся разнообразными достижениями, недолго удерживался на своем месте. Ни одно из злоупотреблений, существовавших при прежней администрации, не было устранено; и, более того, война, к которой призывала нация, оказалась катастрофической. Ему также пришлось нести ответственность за последствия политики выжидания Уолпола, которую уже нельзя было предотвратить.

Новое министерство возглавил Генри Пелхэм. Пелхэм, как первый лорд казначейства и канцлер казначейства, и герцог Ньюкасл, как главный государственный секретарь. Эти два человека сформировали также коалицию с ведущими членами обеих палат парламента, как тори, так и вигами; и впервые после восшествия на престол Стюартов не было оппозиции. Эта великая коалиция называлась "Широкое дно" и включала в себя герцога Бедфорда, графов Честерфилда и Харрингтона, лордов Литтлтона и Хардвика, сэра Генри Коттона, мистера Доддингтона, мистера Питта, мистера Фокса и мистера Мюррея. Трое последних государственных деятелей в то время не были грозными.

Пелхэмы происходили из одной из старейших, гордейших и богатейших семей Англии и пользовались огромным влиянием в парламенте благодаря своим аристократическим связям, богатству и опыту. Они отличались не столько гениальностью, сколько проницательностью, тактом и интриганством. Они были чрезвычайно амбициозны и любили место и власть. Они правили Англией как представители аристократии — последняя администрация, которая смогла бросить вызов национальной воле. После их падения народ получил больше голосов при назначении министров. Питт и Фокс были простолюдинами в ином смысле, чем Уолпол, и представляли тот класс, который с тех пор правил Англией, — не дворян, не демократию, а промежуточный класс, состоящий из джентри, землевладельцев, юристов, торговцев, фабрикантов, праздных людей и их иждивенцев.

Администрация Пелхэмов в основном памятна шотландским восстанием 1745 года и великой европейской войной, выросшей из колониальных и коммерческих амбиций, а также посягательствами Фредерика Великого.

Шотландское восстание было вызвано попытками молодого самозванца Чарльза Эдуарда Стюарта. Самозванец, Чарльз Эдуард Луи Филипп Казимир Стюарт, вернуть трон своих предков. Его приключения представляют романтический интерес и в целом вызвали всеобщее сочувствие. Он родился в Риме в 1720 году; в возрасте пятнадцати лет служил под началом герцога Бервика в Испании, а в возрасте двадцати лет получил предложения от некоторых недовольных жителей Шотландии возглавить восстание. В то время в обществе царил большое беспокойство, и Георг II. был чрезвычайно непопулярен. Якобиты были могущественны, и тысячи людей желали перемен, в том числе многие высокопоставленные и влиятельные люди.

Всего с семьей последователями, на небольшом судне, он высадился на одном из Западных островов 18 июля 1745 года. Даже если бы обещания, данные ему Францией или людьми в Шотландии, были выполнены, его предприятие было бы крайне рискованным. Но без денег, людей и оружия его надежды были отчаянными. Тем не менее он лелеял ту самонадеянную уверенность в себе, которая так часто выдается за храбрость, и преуспел лучше, чем можно было ожидать. Несколько вождей горных кланов встали под его знамена, и он обладал

способностью завоевывать сердца своих последователей. В Борродейле произошла его первая встреча с рыцарственным Дональдом Камероном из Лохиэля, который был совершенно убежден в отчаянном характере своего предприятия, но, тем не менее, помогал ему с великодушной самоотдачей.

Знамя Карла Эдуарда было поднято в Гленфиннане 19 августа, и небольшой отряд из семисот искателей приключений и восторженных горцев решил завоевать Англию! Никогда еще преданность делу, приносящему несчастье, не была более романтической и искренней. Никогда энергия не была столь щедро отдана и столь жалко направлена. Но первый порыв энтузиазма и храбрости увенчался успехом, и Претендент вскоре оказался во главе полутора тысяч человек на пути в Эдинбург, маршируя среди людей, дружественных его делу, которых он расположил к себе всяческим вниманием и джентльменскими ухищрениями. Простые люди севера Шотландии были покорены его улыбками и вежливостью и были поражены усилиями, которые прилагал молодой принц, и той усталостью, которую он был способен вынести.

15 сентября Чарльз прибыл в Линлитгоу, всего в шестнадцати милях от Эдинбурга, где его великолепно принимали в древнем и любимом дворце королей Шотландии. Два дня спустя он триумфально въехал в столицу своих предков, оказавшись неподготовленным к сопротивлению. Полковник Гардинер со своим драгунским полком был верен оказанному ему доверию, и магистраты Эдинбурга сделали все, что было в их силах, чтобы предотвратить сдачу города. Но большая часть горожан предпочла положиться на милосердие Карла, чем рисковать обороной.

Таким образом, без военных припасов, или денежных средств, или могущественных друзей, просто силой убеждения Претендент за короткий промежуток времени в два месяца после высадки в Шотландии сдал Эдинбург. спокойно овладел самым могущественным городом севера. Якобиты не сдерживали своего идолопоклоннического почтения, и дамы приветствовали молодого и красивого шевалье с экстравагантным восхищением. Даже виги пожалели его и позволили насладиться кратким часом победы.

В Эдинбурге Карл получил значительные подкрепления и вывез из города тысячу единиц оружия. Он дал своим последователям мало времени на отдых и вскоре выступил против королевской армии под командованием сэра Джона Коупа. Две армии встретились при Престон-Пэнсе и были почти равны по силе. Атака была предпринята захватчиком, она была стремительной и неожиданной. Ничто не могло устоять перед энтузиазмом и доблестью горцев, и через пять минут начался разгром регулярной армии. Среди погибших был выдающийся полковник Гардинер, старый ветеран, который отказался летать.

Карл продолжил успех Претендента. его победа была умеренной, и вскоре он стал хозяином всей Шотландии. Какое-то время он потворствовал своему пристрастию к празднествам в Холируде и не пренебрегал никакими средствами, чтобы умиротворить шотландцев. Он льстил их предрассудкам, давал балы и банкеты, занимался любовью с самыми красивыми женщинами и никому не отказывал в своем присутствии. Поэты воспевали его, а женщины превозносили его героизм и красоту. Свет, веселье, романтика и искатели приключений были на его стороне; но солидные и богатые классы были против него, поскольку знали, что в конце концов он должен быть побежден.

Тем не менее его успех был замечательным, и за него он был обязан горцам, которые не хотели делать его королем Англии, а только королем Шотландии. Но Карл обманул их. Он хотел

получить скипетр Георга II.; и когда он начал свой поход в Англию, их дух упал, и его дело стало безнадежным. Был один класс людей, которые были непреклонно враждебны ему, — пресвитерианские священники. С самого начала они относились к нему холодно и сурово и не доверяли ни его религии, ни искренности. Из-за них все его искусство, лесть и обаяние были утрачены; а они представляли значительную часть шотландской нации. Крайне сомнительно, смог бы Карл когда-либо удержать Эдинбург, даже если бы против него не были посланы английские армии.

Но Чарльз с самого начала вел отчаянную игру ради небольшого шанса выиграть великолепный приз. Поэтому он, дав отдых своим войскам и собрав все силы, какие только мог, повернулся лицом к Англии во главе пяти тысяч человек, хорошо вооруженных и хорошо одетых, но недовольных и павших духом. Они никогда не помышляли о вторжении в Англию, а только о восстановлении древней независимости Шотландии.

8 ноября Претендент ступил на английскую землю и с триумфом вступил в Карлайл. Но его силы, вместо того чтобы увеличиваться, уменьшались, и никакой народный энтузиазм не поддерживал мужество его войск. Но он продвигался на юг и 4 декабря беспрепятственно достиг Дерби. Там он узнал, что королевская армия во главе с герцогом Камберлендом и двенадцатью тысячами ветеранов быстро продвигается против него.

Его последователи требовали вернуться и отказались сделать еще один шаг вперед. Теперь они полностью осознали, что успех не только безнадежен, но и что победа не принесет им никакой пользы; что ими пожертвует человек, который нацелен только на завоевание Англии.

Чарльз был хорошо осведомлен об отчаянном характере состязания, но Претендент Отступил. у него не было желания отступать. Его положение было не хуже, чем когда он высадился на Гебридских островах. Проникнув на расстояние ста двадцати миль от Лондона, вопреки всеобщим ожиданиям, почему бы ему не проявить упорство? Какой-нибудь неожиданный успех, несколько счастливых случайностей могли вернуть ему трон его деда. Кроме того, десяти тысячная французская армия вот-вот должна была высадиться в Англии. Герцог Норфолк, первый дворянин страны, был готов выступить в его пользу. Лондон был в смятении. Оставался шанс.

Но его последователи думали только о своих домах, и Карлу пришлось уступить непреодолимой необходимости. Подобно Ричарду Львиному куру после сдачи Акко, он был вынужден вернуться, так и не осознав плодов храбрости и успеха. Подобно королю с львиным сердцем, задумчивому и печальному, угрюмому и несчастному, он отдал приказ отступать. Его настроение, до сих пор приподнятое и радостное, теперь упало, и на смену бодрости и надежде пришли уныние и безысходность. Он предался горю и досаде, задержался позади своей отступающей армии и был безрассуден по отношению к своим людям и их благополучию. И что ж, возможно, он был подавлен. Девиз Хэмпдена "Vestigia nulla retrorsum" также руководил им. Но других это не воодушевило, и он был разорен.

Но его жалкой и удрученной армии удалось достичь родной земли, хотя ее преследовала кавалерия двух могущественных армий, среди враждебного населения и среди огромных

страданий от голода и усталости. 26 декабря он вошел в Глазго, обложил народ контрибуцией и приготовился к своей последней битве. Он отступил в Высокогорье и провел зиму, набирая войска и беря крепости. 15 апреля 1746 года он собрал свою армию на пустоши в битве при Каллодене. Каллоден, близ Инвернесса, с отчаянной решимостью атаковать значительно меньшими силами герцога Камберлендского, укрепившегося в девяти милях от него. План был глупым и неудачным. Это было обнаружено рано, и свежие войска королевского герцога атаковали подавленных, рассеянных и измученных последователей Карла Эдуарда прежде, чем они успели построиться в боевой порядок. Они доблестно защищались. Но что такое доблесть против превосходящей силы? Армия Карла была полностью разгромлена, и его надежды рухнули навсегда.

Победители проявили самое ужасное варварство и жестокость. Раненых оставили умирать. Замки вождей повстанцев были стерты с лица земли. Стада были угнаны, а люди оставлены умирать с голоду. Некоторых пленников отправили на Барбадос, других заключили в тюрьму, а многих расстреляли. За голову Самозванца была назначена награда в тридцать тысяч фунтов стерлингов, но он, тем не менее, сбежал. После некоторого скитания в качестве беглеца, переодетого, усталого и несчастного, преследуемого от крепости к крепости и от острова к острову, ему удалось, благодаря беспримерной верности своих немногочисленных последователей-горцев, захватить судно и бежать во Францию. Его приключения на Западных островах, особенно те, которые произошли во время странствий под видом служанки с Флорой Макдональд, в высшей степени романтичны и прекрасны. Не менее удивителен и тот факт, что из многих, кому была доверена его тайна, ни один не был расположен выдать его, даже принимая во внимание такую крупную взятку, как тридцать тысяч фунтов. Но этот факт, хотя и удивительный, не является непостижимым. Если бы Вашингтону не повезло в его борьбе с метрополией и если бы он скитался как беглец среди гор Вермонта, разве многие американцы не защитили бы его, даже принимая во внимание награду в сто тысяч фунтов?

Последние дни Самозванца. Последние дни Самозванца прошли в Риме и Флоренции. Он женился на польской принцессе и принял титул герцога Олбани. Он никогда не оставлял надежды заполучить английскую корону и всегда сохранял свою вежливость и изящество манер. Но он стал объектом жалости не только из-за своей бедности и несчастий, но и из-за порока невоздержанности, который он приобрел в Шотландии. Он умер от апоплексического удара в 1788 году, не оставив законного потомства. Последним наследником мужского пола из дома Стюартов был кардинал Йоркский, который умер в 1807 году и был похоронен в соборе Святого Петра; над чьими бранными останками был воздвигнут мраморный памятник работы Кановы благодаря щедрости Георга IV, которому кардинал оставил драгоценности короны, принадлежавшие Якову II.. увез с собой во Францию. На этом памятнике высечены имена Якова III, Карла III и Генриха IX, королей Англии; титулы, никогда не признаваемые англичанами. С битвой при Каллодене рухнули надежды католиков и якобитов на восстановление католицизма и династии Стюартов.

Великая европейская война, которую начал сэр Роберт Уолпол незадолго до своей отставки, была еще одним великим событием, произошедшим во время правления Пелхэмов и с которым была связана их администрация. За испанской войной последовала война за австрийское наследство.

Мария Терезия, Мария Терезия. Королева Венгрии взошла на старейший и гордейший трон Европы — трон Германии — среди множества претендентов. Курфюрст Баварский предъявил претензии на ее наследственные владения в Богемии; король Сардинии предъявил претензии на миланское герцогство; в то время как короли Польши, Испании, Франции и Пруссии оспаривали у нее ее права на все австрийское наследство. Никогда еще акты вопиющей несправедливости не замышлялись с большей дерзостью. Как раз в тот момент, когда молодая и красивая принцесса взошла на трон Карла Великого, среди затруднений, таких как истощенная казна, небольшая армия, общая нехватка, угроза военных действий с турками и абсолютная война с Францией, новый король Пруссии Фредерик, прозванный Великим, воспользовавшись ее бедствиями, захватил одну из лучших провинций ее империи. Первым уведомлением королевы о захвате Силезии была оскорбительная речь прусского посла. "Я прибыл, - сказал он, - с безопасностью для австрийского дома, с одной стороны, и императорской короной для вашего королевского высочества - с другой. Войска моего господина находятся на службе у королевы и не могут не быть приняты ею в то время, когда она нуждается и в том, и в другом. И поскольку король, мой повелитель, в силу положения его владений будет подвергнут большой опасности из-за этого союза с королевой Венгрии, есть надежда, что в качестве компенсации королева предложит ему не меньше, чем все герцогство Силезия".

Королева, конечно, была возмущена этим хладнокровным злодейством и приготовилась к сопротивлению. Результатом стала война со всеми континентальными державами. Франция присоединилась к коалиции, чтобы лишить королеву ее империи. Две французские армии вторглись в Германию. Курфюрст Баварский прошел маршем с вражеской армией в пределах восьми миль от Вены. Король Пруссии провозгласил себя хозяином Силезии. Брошенная всеми своими союзниками, без армии, министров и денег, королева бежала в Венгрию, свои наследственные владения, и положила на щедрость своих подданных. Она сослалась на решения сейма и, одетая в глубокий траур, с короной Святого Стефана на голове и цимбалом на боку, пересекла зал, в котором собрались ее вельможи, и обратилась к ним на бессмертном языке Рима с речью о своих обидах и горестях. Ее верные подданные откликнулись на ее призыв, и молодость, красота и высокое положение в бедственном положении одержали свой естественный триумф. "Тысяча мечей вылетела из ножен", и старый зал огласился криком: "Мы умрем за нашу королеву Марию Терезию". Слезы потекли из глаз королевы, которую несчастья и оскорбления не могли согнуть, и вызвали энтузиазм ее подданных даже больше, чем ее слова.

Именно в защиту этой пострадавшей и благородной королевы английский парламент проголосовал за снабжение и собрал армии. Это была война, которая характеризовала администрацию Пелхэма и против которой выступал Уолпол. Но это будет представлено далее, когда будет сделан намек на Фредерика Великого.

Едва Франция заключила союз с Пруссией против Австрии, как "баланс сил", казалось, был нарушен. Восстановить этот баланс и сохранить Австрию было целью Англии. К желанию сохранить эту державу можно отнести большинство войн восемнадцатого века. Идея баланса была ведущим принципом, который более века вдохновлял все дипломатические операции Европы.

По Бреслаускому мирному договору (1742 г.) Мария Терезия уступила Фредерику провинцию Силезия, и Европа могла бы оставаться в мире. Но поскольку Англия и Франция обе были

вовлечены в борьбу, их старый дух соперничества вернулся; и из вспомогательных сил они превратились в главных участников войны и вскоре возобновили ее. Театр военных действий переместился из Германии в Голландию, и оружие Франции одержало победу. Герцог Камберлендский был разбит маршалом Саксом в великой битве при Фонтенуа, и эта битва на некоторое время восстановила мир в Германии. Великий герцог Тосканский, муж Марии Терезии, был избран императором Германии и принял титул Франциска I.

Но восстановить спокойствие в Германии было легче, чем мир между Англией и Францией; обе державы жаждали военной славы и пылали взаимной завистью. Мир в Экс-ла-Шапель в 1748 году был скорее перемирием, чем международным договором, и Франция и Англия вскоре нашли повод для новых военных действий.

Во время войны за австрийское наследство боевые действия не ограничивались европейским континентом. Поскольку колониальная ревность была одним из движущих принципов двух ведущих держав в этом противостоянии, война распространилась и на сами колонии. Отряд французов с Кейп-Бретона напал врасплох на небольшой английский гарнизон Кансо, разрушил форт и рыбные промыслы и увел восемьдесят человек в качестве военнопленных для захвата Луисбурга. Луисбург — самая сильная крепость, рядом с Квебеком, во Французской Америке. Впоследствии эти люди были отправлены в Бостон под честное слово и, находясь там, сообщили губернатору Ширли о состоянии крепости, в которой они содержались. Ширли решила захватить его, и законодательное собрание Массачусетса проголосовало за снабжение экспедиции припасами. Все колонии Новой Англии прислали добровольцев, и объединенные силы численностью около четырех тысяч человек были переданы под командование Уильяма Пепперелла, купца из Киттери-Пойнт, недалеко от Портсмута. Основная часть вооруженных сил состояла из рыбаков, но это были янки. Среди апрельских туманов эта маленькая армия, изобилующая средствами, отправилась в плавание, чтобы взять крепость, которую пятьсот человек могли оборонять против пяти тысяч. Но они добились успеха при поддержке английского флота; и после трехмесячной осады Луисбург сдался (1745), что справедливо считается величайшим достижением всей войны.

Но французы не отказались от своих надежд добиться господства на американском континенте и продолжили работу по возведению на реке Огайо своей цепи укреплений, соединяющей Канаду с Луизианой. Возведение этих фортов стало немалой причиной начала новых военных действий. Когда началось Великое колониальное противостояние между Марией Терезией и Фридрихом Великим возобновилось соперничество, и началась знаменитая Семилетняя война, англичане решили завоевать все французские владения в Америке.

Однако, не дожидаясь указаний из Англии, губернатор Вирджинии Динвидди собрал войсковой полк, подполковником которого был произведен Джордж Вашингтон, и с которым он двинулся маршем через пустыню, чтобы атаковать форт Дю Кен, ныне Питсбург, на слиянии рек Аллегани и Мононгахела.

Эта неудачная экспедиция стала началом великого колониального противостояния, в ходе которого Канада была завоевана. В начале 1755 года генерал Брэддок был направлен в Америку для начала наступательных операций. Колонии сотрудничали, и были запланированы три экспедиции: одна для атаки на форт Дю Кен, вторая для атаки на форт Ниагара и третья для атаки на Краун-Пойнт. Первая должна была состоять из британских войск под командованием

Брэддока, вторая - из американских войск под командованием губернатора Ширли, а третья - из ополчения северных колоний.

Экспедиция против форта Дю Кен была запоминающейся неудачей. Брэддок был храбрым человеком, но непригодным для своей работы, поскольку Гайд-парк до сих пор был единственным полем его военных действий. Более того, с той самонадеянностью и дерзостью, которые тогда были характерны для его соотечественников, он демонстрировал суверенное презрение к своим американским коллегам и не желал слушать никаких советов. Не знакомый с войнами индейцев и не знающий этой страны, он все же продвигался вглубь страны, пока в десяти милях от форта Дю Кен не был застигнут врасплох отрядом французов и индейцев и не попал в засаду. Мгновенное отступление все еще могло бы спасти его; но он был слишком горд, чтобы не сражаться по правилам; и он пал смертельно раненным. Вашингтон был единственным кавалеристом, избежавшим гибели или ранения. Своим благоразумным и умелым управлением он спас половину своих людей, которые сформировались после битвы и осуществили отступление.

Две другие экспедиции также потерпели неудачу, главным образом из-за отсутствия единства между губернатором провинции и провинциальными ассамблеями, а также из-за моральных последствий поражения Брэддока. Более того, колонии прекрасно понимали, что они сражаются не за свободу, а за славу и честолюбие метрополии, и поэтому не проявляли того рвения, которое они проявляли в революционной борьбе.

Но провал этих экспедиций способствовал тому, что министерство герцога Ньюкаслского стало непопулярным. В старом свете были допущены и другие ошибки. Поведение адмирала Бинга в Средиземном море вызвало общественный резонанс. Повторяющиеся разочарования и просчеты, задержка вооружений, упущение возможностей, абсурдная диспозиция флотов были причислены к несчастьям, ставшим результатом слабости и неспособности министерства. Возмущенный глас нации потребовал более сильных людей, и герцог Ньюкаслский, первый лорд казначейства после смерти своего брата, был вынужден пригласить мистера Питта и мистера Легга — двух самых популярных простолюдинов Англии — в кабинет министров. Но новая администрация не работала гармонично. Это была эмблема того образа, который Навуходоносор видел в видении, с золотой головой, железными и глиняными ногами. Питт и Легг были вынуждены своим коллегой уйти в отставку. Но их смещение привело в ярость всю нацию, и шум был настолько велик, что король был вынужден восстановить народных идолов — единственных людей, способных управлять делами в тот кризис. Питт стал государственным секретарем, а Легг - канцлером казначейства. Герцог Ньюкаслский, пробыв десять лет во главе администрации, был вынужден неохотно уйти в отставку. Номинально премьер-министром стал герцог Девонширский, но Питт был правящим духом в кабинете министров.

Характер герцога Ньюкаслского. характер герцога Ньюкаслского таким образом описан Горацием Уолполом: "У него не было гордости, но бесконечная любовь к себе. Ревность была главным источником всех его недостатков. Он не был склонен ни к каким расходам, кроме щедрости. Его дома, сады, стол и экипаж поглотили огромные суммы, и суммы, которые он задолжал, превышали только те, которые он растратил впустую. Он безмерно любил бизнес, но всегда им занимался; он никогда им не занимался. Его речи были богаты словами, но пусты и ничего не значат, профессии экстравагантны, а любопытство ненасытно. Он был государственным секретарем без интеллекта, герцогом без денег, человеком бесконечных

интриг без секретности и министром, которого ненавидели все партии, но ни одна из них не выгнала его ". "Все способные люди, - добавляет Маколей, - высмеивали его как тупицу, болтуна, ребенка, который ни на час не соображал, что у него на уме; и все же он перехитрил их всех".

Администрацию Пелхэма в целом нельзя назвать Непопулярностью Пелхэмов. ни удачливой, ни, с другой стороны, позорной. Пелхэмы "проявили себя, - говорит Смит, - дружелюбно по отношению к принципам мягкого правления". При всех своих недостатках они были терпимы, миролюбивы, благоразумны; их достоинством было уважение к общественному мнению; и хотя они не были способны способствовать процветанию своей страны никакими проявлениями политического гения, они не были слепы к тем возможностям, которые честно предоставлялись им самим. Но они не были приспособлены к тем бурным временам, в которые жили, и спокойно уступили гению человека, которого они не любили и которого король абсолютно ненавидел. Георг II против своей воли был вынужден доверить управление государством единственному человеку в стране, способному его удержать.

Администрация Уильяма Питта - это, безусловно, история цивилизованного мира в период почти всеобщей войны. Именно благодаря своим талантам военного министра он был поставлен во главе правительства, и его политика, как и политика его старшего сына в еще более бурную эпоху, была по существу воинственной. В глазах современников его администрация была блестящей и успешной, и он, несомненно, поднял Англию на вершину военной славы; но слава, увы! наиболее дорого купленный, поскольку это привело к введению непомерных налогов и огромному увеличению государственного долга.

Он родился в 1708 году в хорошей семье, его дед был губернатором Мадраса и покупателем знаменитого бриллианта, носящего его имя и проданного регенту Франции за сто тридцать пять тысяч фунтов стерлингов. Уильям Питт был отправлен в Оксфорд в возрасте семнадцати лет, а в возрасте двадцати семи лет Уильям Питт стал членом парламента. С самого начала его слушали со вниманием, и, когда годы и опыт придали ему мудрости и силы, его красноречие стало ошеломляющим. Никто никогда не мог сравниться с ним в блестящих высказываниях и жгучем сарказме. Он не обладал искусством Фокса в дебатах и не был великим рассуждателем, как Мюррей; он не рассуждал по философии, как Берк, и не был мастером деталей, как его сын; но от него веяло искренностью, горячностью чувств, неистовым энтузиазмом и моральной возвышенностью чувств, которые уносили с собой все, что было перед ним.

Когда Уолпол был отстранен от власти, Питт проявил свое красноречие в защиту правительства Пелхэма. Будучи лично несносен королю, он не получил никакой должности. Но он был не из тех, кого долго забавляли обещания, и, поскольку он не стал бы оказывать свои незаменимые услуги без вознаграждения, его назначили казначеем вооруженных сил — прибыльная должность, но не дававшая ему места в кабинете министров. Этот пост он занимал в течение восьми лет, которые были годами мира. Но когда горизонт омрачила смерть Генри Пелхэма в 1754 году и между Францией и Англией возникли трудности в отношении Северной Америки и Ост-Индии; когда военные неудачи запятнали славу британского оружия, а герцог Ньюкаслский показал свою неспособность справиться с национальным кризисом, Питт начал яростное сопротивление. Конечно, он был отстранен от должности. Но герцог Ньюкаслский не мог обойтись без него, и король был вынужден пригласить его в кабинет министров на должность государственного секретаря в 1756 году. Но администрация не сработала. Король выступил против взглядов Питта, и тот был вынужден уйти в отставку. Затем последовали катастрофы и

ошибки. Отставка герцога Ньюкаслского стала настоящей необходимостью. Уныние и мрак нависли над нацией, и он остался без эффективной помощи в Палате общин. Королю ничего не оставалось, как призвать на помощь человека, которого он ненавидел; и Питт, так же как и Легг, были снова восстановлены в должности, а герцог Devonshire номинально остался во главе администрации.

Но это правление продлилось всего пять месяцев, в течение которых адмирал Бинг был казнен, и Семилетняя война, героем которой был Фредерик Прусский, фактически началась. В 1757 году Питт и его коллега снова были уволены. Но никогда еще народное негодование не было более яростным и ужасным. И снова король был вынужден подчиниться "великому простолудию". Была достигнута договоренность, и сформировалась коалиция. Питт стал государственным секретарем и фактически премьер-министром, но герцог Ньюкасл занял пост первого лорда казначейства. Но Питт выбрал кабинет. Его шурином, лорд Темпл, был назначен хранителем личной печати, а лорд Гренвилл - казначеем военно-морского флота; Фокс стал казначеем вооруженных сил; герцог Бедфорд получил звание лорда-лейтенанта Ирландии; Хардвик, величайший юрист своего времени, стал лордом-канцлером; Легг, способнейший финансист, был назначен канцлером казначейства. Незадолго до этого Мюррей был назначен судьей в качестве лорда Мэнсфилда. Едва ли в Палате общин был хоть один выдающийся человек, которого не сделали членом администрации. Всеталанты нации были сложены к ногам Питта, и он осуществлял верховное руководство армией и иностранными делами.

Тогда действительно началась блестящая карьера Питта. Он немедленно начал военные действия с большой смелостью и в гигантских масштабах. Были созданы огромные армии, которые были отправлены во все концы света.

Но ничто так не поднимало репутацию Питта, как блестящие военные успехи. военные операции в Америке. Сразу же после прихода к верховной власти в качестве фактического диктатора Англии он спланировал три большие экспедиции — одну против Луисбурга, вторую против Тикондероги и третью против форта Дю Кен. Два из них прошли с триумфальным успехом (1758 г.)

Луисбург, который был передан Франции по Экс-ла-Шапельскому мирному договору, был взят генералом Амхерстом, хотя и силами всего в четырнадцать тысяч человек.

Генерал Форбс выступил маршем с восемью тысячами человек против форта Дю Кен, но он был оставлен врагом прежде, чем он достиг его.

Однако Тикондерога не была взята, хотя экспедицией руководил генерал Аберкромби с силами в шестнадцать тысяч человек.

Таким образом, почти столетие назад Уильям Питт использовал едва ли не самую крупную военную силу, когда-либо известную в Америке, в составе пятидесяти тысяч человек, из которых двадцать две тысячи были регулярными войсками.

Кампания 1759 года сопровождалась военными успехами в Америке. более значительные результаты, чем даже в предыдущем году. Генерал Амхерст сменил Аберкромби, и план сокращения территории Канады был доверен ему для исполнения. Планировались три большие

экспедиции: одной должен был командовать генерал Вулф, отличившийся при осаде Луисбурга и имевший приказ от военного министра подняться по реке Святого Лаврентия в сопровождении флота и осадить Квебек. Второй армии численностью в двенадцать тысяч человек под командованием генерала Амхерста было приказано взять Тикондерогу и Краун-Пойнт, пересечь озеро Шамплейн и проследовать вдоль реки Ришелье к берегам Святого Лаврентия, присоединиться к генералу Вулфу и помочь в взятии Квебека. Третья армия была направлена к форту Ниагара, самому важному посту во Французской Америке, поскольку он господствовал над озерами и внушал благоговейный трепет всей стране Шести наций. После взятия этого форта армии было приказано спуститься по реке Святого Лаврентия и осадить Монреаль.

В том, что этот проект был великолепным и продемонстрировал всесторонний военный гений Питта, сомневаться не приходится. Но в том, что это было легко осуществить, вполне можно усомниться, если вспомнить, что плавание по реке Святого Лаврентия было трудным и опасным; что укрепления и мощь Квебека не имели себе равных в новом свете; что французские войска между Монреалем и Квебеком насчитывали девять тысяч человек, не считая индейцев, которыми командовал такой великий полководец, как Монкальм. Тем не менее, все эти экспедиции были успешными. Квебек и Ниагара были взяты, а Краун-Пойнт и Тикондерога оставлены.

Самой трудной частью предприятия было взятие Квебека, которое было одним из самых блестящих военных подвигов, когда-либо совершенных, и которое вознесло английского генерала на самую вершину военной славы. Он был разочарован в ожидаемом сотрудничестве генерала Амхерста, и ему пришлось взять одну из сильнейших крепостей в мире, защищаемую войсками, превосходящими по численности его собственные. Ему удалось взобраться на почти отвесную скалу, на которой была построена крепость, и одолеть превосходящие силы противника. Вулф погиб при атаке, но прожил достаточно долго, чтобы услышать о бегстве врага. Ничто не могло сравниться с бурной радостью в Англии, с которой было воспринято известие о падении Квебека; ничто не могло сравниться с интересом, с которым рассматривалась дальняя экспедиция; и подавленность французов была равна энтузиазму англичан. Вулф обрел бессмертное имя, и ему был воздвигнут памятник в Вестминстерском аббатстве. Но Питт пожинал плоды солидных преимуществ, ставших результатом завоевания Канады, которое вскоре последовало за сокращением Квебека. Он стал кумиром нации, и ему было предоставлено вести различные войны, в которых участвовала Англия, по-своему.

В то время как английские армии под руководством Питта отбивали у французов почти все их владения в Америке, Победы Клайва в Индии. Клайв присоединял новую империю к обширным владениям Великобритании. Индия была завоевана, и британская власть прочно утвердилась на Востоке. Более того, союзники Англии на континенте - пруссаки - одержали великие победы, о которых будет упомянуто в главе о Фридрихе Великом. Со всех сторон англичане торжествовали и были опьянены радостью. Акции поднялись, и колокола звонили почти непрерывно, возвещая победы.

В разгар этих общественных радостей, короля Георга II. умер. Он был сувереном, который никогда не пользовался расположением нации, чьи интересы он приносил в жертву интересам своего немецкого электората ". У него не было ни качеств, которые делают либертинизм привлекательным, ни качеств, которые делают серость респектабельной. Он был плохим сыном

и стал еще худшим отцом. О нем не записано ни одного великодушного поступка, зато много подлостей. Но его суждения были здравыми, привычки экономными, а дух смелым. Эти качества не позволяли ему быть презируемым, если они не приносили ему чести".

Его внук, Георг III, вступил в свое долгое правление в октябре 1760 года, на двадцать третьем году жизни, и был повсеместно признан самым могущественным монархом христианского мира — или, скорее, монархом самого могущественного королевства. Он, или, скорее, его министры, решили энергично вести войну, и парламент проголосовал за либеральные поставки. Целью Питта было унижение как Франции, так и Австрии, а также защита Пруссии, борющейся против почти превосходящих сил противника. Он добился своей цели, угостив нацию теми глотками лести и военной славы, которые опьяняли народ.

Какими бы искренними ни были мотивы и блистательным гением ни был министр, было невозможно, чтобы практичная нация не пробудилась от заблуждения, созданию которого он так сильно способствовал. Люди, наконец, задались вопросом: "Почему Англия должна была стать стороной в споре между двумя германскими державами и почему лучшие английские полки сражались на реке Мэн?" Какое дело занятому лондонскому лавочнику до того, что тауэрские орудия были разряжены, а улицы освещены, если его облагали дополнительными налогами? Государственные деятели начали подсчитывать огромные суммы, которые были потрачены впустую в дорогостоящей войне, где не было достигнуто ничего, кроме славы. Кроме того, против Питта возникли зависть и вражда. Некоторые были оскорблены его высокомерием, а других оттолкнули его язвительные высказывания. А его враги были многочисленны и могущественны. Даже члены кабинета министров, которые были его друзьями, отвернулись от него. Он хотел объявить войну Испании, в то время как нация истекала кровью из каждой поры. Но кабинет министров не удалось убедить в необходимости войны, а Питта, конечно, в отставку Питта. подал в отставку. Но это было неизбежно и произошло при его преемнике. Питт с честью покинул руль государства. Он получал пенсию в размере трех тысяч фунтов в год, а его жена стала баронессой.

Граф Бьют сменил его на посту премьер-министра и был первым министром-консерватором с момента восшествия на престол дома Ганноверов. Его девизом была прерогатива. Суверен должен быть больше не позолоченной марионеткой, а настоящим королем, что в Англии невозможно. Но его планы понравились королю, Оксфордскому университету и доктору Джонсону, в то время как на его администрацию обрушилось множество клеветы со стороны Уилкса, Черчилля и других смутьянов.

Его главным деянием был мир, который он обеспечил Европе. Виги ругали это тогда и ругают сейчас; и Маколей присоединяется к сетованиям своей партии и жалеет, что не следовало выдвигать лучших условий. Но что может удовлетворить честолюбие Англии? Парижский мирный договор 1763 года предусматривал, что Канада с островом Сент-Джон и Кейп-Бретон, а также вся та часть Луизианы, которая лежит к востоку от Миссисипи, за исключением Нового Орлеана, должны быть переданы Великобритании, и что укрепления Дюнкерка должны быть разрушены; что Испания должна отказаться от своих притязаний на рыбную ловлю на берегах Ньюфаундленда, должна разрешить англичанам рубить красное дерево на берегах Гондурасского залива и уступить Великобритании Флориду и Менорку. В обмен на это

французам было разрешено ловить рыбу на берегах Ньюфаундленда, им были возвращены острова Мартиника, Гваделупа, Бельиль и Сент-Люсия, а Куба была возвращена Испании.

Парижский мир. Парижский мир 1763 года представляет собой эпоху; и поэтому мы переходим к обзору состояния Франции после смерти Людовика XIV, а также других континентальных держав.

Ссылки.—"История администрации Пелхэма" архидьякона Кокса. "Жизнь лорда Чатема" Теккерея. Эссе Маколея о Чатеме. Воспоминания Горация Уолпола. Лекции Смита по современной истории. Воспоминания Джесси о претендентах. "История Соединенных Штатов" Грэма - чрезвычайно ценный труд, но недостаточно известный. Работы лорда Мэхона, Смоллетта, Тиндала и Белшема являются стандартными историями Англии того периода; также ценны продолжение Макинтоша и иллюстрированная история. Смотрите также Документы Марчмонта, Историю восстания Рэя, Мемуары Горация Уолпола о Георге II, Мемуары лорда Уолдегрейва и Дневник Доддингтона.[\(Вернуться к содержанию\)](#)

ГЛАВА XXII.

ЛЮДОВИК XV.

Правление Людовика XV. было одним из самых продолжительных в истории, продлившимся с 1715 по 1774 год - большую часть восемнадцатого века. Но он был ребенком, ему было всего пять лет после смерти его прадеда, Людовика XIV; и даже после того, как он достиг совершеннолетия, им управляли его министры и любовницы. Он не был, подобно Людовику XIV, душой и центром всех великих движений в своей стране. Он был автоматом, театрализованным представлением; не потому, что конституция накладывала ограничения на его власть, а потому, что он был слаб и колеблющимся. Следовательно, о нем, не сыгравшем большой роли в истории, следует только упоминать, и внимание должно быть в основном направлено на его министров.

Во время несовершеннолетия короля бразды правления находились в руках герцога Орлеанского в качестве регента герцога Орлеанского. регент, и который, в случае смерти короля, стал бы следующим королем, будучи внучатым племянником Людовика XIV. Правление герцога Орлеанского происходит почти одновременно с правлением сэра Роберта Уолпола. Самой насущной темой, которая требовала внимания регента, были финансы. Покойный король оставил долг в тысячу миллионов ливров — огромную сумму по тем временам. Чтобы избавиться от этого бремени, герцог Сен-Симон объявил о банкротстве. "Это, - сказал он, - падет главным образом на коммерческие и денежные классы, которых не следует бояться или жалеть; и, более того, это было бы не только облегчением для государства, но и спасительным предупреждением неблагородным классам не давать займы свои деньги". Эта речь иллюстрирует чувства и мнения аристократического класса Франции того времени. Но министр финансов не хотел рисковать навлечь на себя народную ненависть, которую вызвала бы такая мера, и он предложил созвать Генеральные штаты. Герцог-регент, однако, и слышать не хотел об этой мере и все же не чувствовал склонности полностью следовать совету Сен-Симона. Поэтому он пошел на компромисс в этом вопросе и решил ограбить национального кредитора. Он учредил комиссию для проверки счетов государственных кредиторов и, если их счета окажутся неудовлетворительными, полностью аннулировать их. Триста пятьдесят миллионов ливров —

что, вероятно, равно трем сотням миллионов долларов в наш век — были таким образом унесены прочь. Но было решено не только отказаться просто платить долги, но и заставить людей вернуть те выгоды, которых они достигли. Тех, кто ссужал деньги государству или распоряжался доходами, бросали в тюрьму и угрожали конфискацией их имущества и даже смертью — обращались с ними так, как обращались с евреями в Темные века, — если они не искупали свою вину, купив помилование. Никогда прежде люди не подвергались такому наказанию за то, что поддерживали смущенное государство. На такую несправедливость и жестокость магистратура подмигнула. Но в дополнение к этому монета была обесценена до такой степени, что таким образом в казну поступило семьдесят два миллиона ливров. Однако даже этих достижений было недостаточно, чтобы удовлетворить расточительное правительство. По-прежнему продолжалось постоянное давление. Государственный долг увеличился даже до полутора тысяч миллионов ливров, или почти семидесяти миллионов фунтов стерлингов, что эквивалентно тому, что сейчас составляет по меньшей мере тысячу миллионов долларов.

Чтобы избавиться от этого долга, регент прислушался к планам знаменитого Джона Лоу. Джон Лоу, шотландский авантюрист и финансист, основавший банк, разбогател и слыл замечательным политэкономистом.

Закон, по сути, предлагал увеличить количество бумажных денег в стране и, таким образом, устранить необходимость в использовании драгоценных металлов.

Более того, регент, очень веря в способности Ло и в его богатство, преобразовал свой частный банк в королевский - короче говоря, сделал его Банком Франции. Затем этот банк был связан с двумя крупнейшими коммерческими компаниями того времени — Ост-Индской и Миссисипской. Каждой из них были предоставлены большие привилегии. Последний обладал исключительной монополией на торговлю с Луизианой и всеми странами по реке Миссисипи, а также на торговлю мехами в Канаде. В то время считалось, что Луизиана богата золотыми рудниками, и это популярное представление породило большие заблуждения.

Капитал этой гигантской корпорации был установлен на уровне ста миллионов, и Ло, которого назначили генеральным директором, намеревался сделать банкноты Миссисипской компании. компания предпочтительнее наличных денег, которые, однако, могут быть законно востребованы за банкноты. Таким образом, было решено, что акции компании могут быть приобретены только по бумагам банка. Поскольку в отношении компании лелеялись экстравагантные надежды на прибыль, ее акции пользовались большим спросом. И поскольку акции можно было приобрести только по банковским векселям Ло, золото и серебро королевства потекли в банк Ло. Таким образом, Ло и регент сфабриковали как акции, так и банковские векселя на неопределенную сумму.

Национальному кредитору также выплачивались банкноты банка, и, поскольку существовало безграничное доверие как к гению юриспруденции, так и к прибылям Миссисипской компании, — поскольку акции постоянно пользовались спросом и росли в цене, - кредитор был удовлетворен. За короткое время была переведена половина государственного долга. Правительство задолжало банку, а не частным лицам и корпорациям, от которых первоначально были получены займы. У этих людей вместо государственных облигаций были акции Миссисипской компании.

И все было бы хорошо, если бы акции компании были ценными, или если бы они сохранили свой кредит, или даже если бы была переведена лишь небольшая часть государственного долга. Но люди не знали о реальных проблемах банка, и до тех пор, пока можно было создавать и продавать новые акции для выплаты процентов, кредит компании был хорошим. Какое-то время заблуждение продолжалось. Лоу считался великим национальным благодетелем. Его дом был переполнен герцогами и принцами. Он стал генеральным контролером финансов — фактически премьер-министром. Его слава распространилась повсюду. Почести осыпали его со всех сторон. Он был избран членом Французской академии. Его планы, казалось, пролились на Париж золотым дождем. Он освободил государство от затруднений и, по-видимому, сделал каждого богатым, и никто не был бедным. Он был божеством, столь же благотворным, сколь и могущественным. Он сам стал самым богатым человеком в Европе. Все были пьяны. Наступил золотой век. Париж был переполнен незнакомцами со всех концов света. Пятьсот тысяч незнакомцев потратили свои состояния в надежде сколотить еще больше. В городе было установлено тысяча двести новых экипажей. Жилье едва ли можно было купить за деньги. Самая высокая цена была заплачена за провизию. Вдовы, священнослужители и дворяне покинули Лондон, чтобы спекулировать акциями в Париже. Не было видно ничего, кроме новых экипажей, новых домов, новой одежды, новой мебели. Не чувствовалось ничего, кроме всеобщего возбуждения. Казалось, каждый человек сколотил состояние. Акции росли с каждым днем. Чем выше они поднимались, тем больше создавалось новых запасов. Наконец, акции компании выросли со ста до тысячи двухсот процентов, и было создано триста миллионов, которые номинально стоили в 1719 году три тысячи шестьсот миллионов ливров — в сто восемьдесят раз больше, чем все золото и серебро в Европе того времени.

В этом общественном народном заблуждении. В заблуждении директора были достаточно мудры, чтобы конвертировать свои акции в серебро и золото. Большая часть наличных денег в королевстве была заперта в домах или банках нескольких биржевиков и спекулянтов.

Но нехватка золота и серебра была ощутима, глаза людей открылись, и пузырь лопнул, но только после того, как половина государственного долга была погашена в результате этой мошеннической сделки.

Нация была в ярости. Паника охватила все классы; у банка не было денег, чтобы погасить свои векселя; акции упали почти до нуля; и произошло всеобщее банкротство. Те, кто несколько дней назад воображал себя богатым, теперь оказались бедными. Собственность всех видов упала ниже своей первоначальной стоимости. Дома, лошади, экипажи, обивка мебели — все упало в цене. Все были продавцами, и лишь немногие — покупателями.

Но народное проклятие и месть преследовали финансиста, обманувшего нацию. Он был вынужден бежать из Парижа. Все его имущество было конфисковано, и он был доведен до нищеты и презрения. Когда регенту впервые предложили его план, он стоил три миллиона ливров. Лучше бы ему оставаться частным банкиром.

Лопнувший пузырь на Миссисипи, конечно, настроил нацию против правительства, и герцога Орлеанского проклинали, поскольку его участие в этом бизнесе имело все признаки мошенничества. Но он, вероятно, заблуждался относительно других и надеялся освободить страну от ее бремени. Большая ошибка заключалась в чрезмерной эмиссии банкнот, когда не было денег для их погашения.

И никакое руководство не смогло бы предотвратить катастрофу.

Это были Фатальные Последствия Заблуждения. не исключено, что акции компании должны заранее, так сильно, и не вижу, что они продвинулись дальше их значение; было невозможно, что, в то время как бумажные деньги, так сильно возросли в количестве, численные цен на все остальные вещи не должны также увеличиваться, и что иностранцы, которые продали их производит французам не следует превращать свои бумаги в золото и носить ее вне царства; это было не исключено, что исчезновение монеты не должны создавать сигнализация, несмотря на эдикты регента, и рассуждения права; он был не исключено, что лица не узнают, что их старый доходы были недостаточны и менее ценной, как среды, в которой они были оплачены была менее ценной, это был не исключено, что небольшая часть общества, которую можно назвать трезвым и мотивировочной части, не должны быть настолько поражен внезапной удачи и экстравагантные энтузиазма, который царил, как не сомневаться в прочности системы, нефилософские в себя, и которая, в конце концов, зависеть от прибыли коммерческой компании, добросовестность регента, и мастерство закона; это было невозможно, на эти и другие сообщения, но, что золото и серебро должны быть наконец предпочитают бумажные купюры, любой конструкции, или обещание. Это были неизбежные последствия. Отсюда провал Юридической схемы и разорение всех, кто в нее ввязался, вследствие изменения общественного мнения относительно вероятного успеха схемы и, во-вторых, чрезмерной эмиссии денег.

Из-за этой великой глупости четыреста тысяч семей были разорены или сильно сократились; но правительство избавилось примерно от восьмисот миллионов долгов. Страдания народа при таком правительстве, однако, не вызывали большого беспокойства; двор придерживался того же старого курса безумия и расточительности.

Не было перемен к лучшему, когда Людовика XV. достигшие своего совершеннолетия. Его пороки и безумства превзошел все, что когда-либо были показаны раньше. Одной поддержки его любовниц было достаточно, чтобы поставить в неловкое положение нацию. Их расточительность почти превзошла все ожидания. Кто не слышал о позорных и отвратительных беззакониях Помпадур и Дюбарри?

Регентство герцога Орлеанского занимало первые восемь лет правления Людовика XV. Премьер-министром регента был Дюбуа, сначала его наставник, а затем архиепископ Камбрейский. Он был награжден кардинальской шапкой за услугу, которую оказал иезуитам в их ссоре с янсенистами, но был человеком беспринципного характера; подходящим министром принца, который притворялся слишком интеллектуальным, чтобы поклоняться Богу, и который копировал Генриха IV. только в своей распущенности.

Первым министром Людовика XV после того, как он взял в свои руки бразды правления, был герцог Бурбонский, прямой наследник дома Конде и первый принц крови. Но он был человеком без характера, и его короткое правление не ознаменовалось никакими важными событиями.

Кардинал Флери сменил герцога Бурбонского на посту главы администрации кардинала Флери. премьер-министр. Он был наставником короля и был выше всех придворных интриг; человек большой робости, но также человек большой честности, мягкости и великодушия. К счастью, ему была доверена власть в период великого внутреннего спокойствия, и его администрация,

как и администрация Уолпола, была миролюбивой. Однако он не разработал никаких планов полезных реформ и не внес никаких улучшений в законы или финансы. Но он правил деспотически и с благими намерениями с 1726 по 1743 год.

Наиболее значительным предметом интереса, связанным с его мирным правлением, была ссора между иезуитами и янсенистами. Флери принял сторону первого, хотя он никогда не был активным сторонником; и его побудили поддержать иезуитов ради получения кардинальской шапки — высшей чести после тиары, которая могла быть оказана священнослужителю. Иезуиты поддерживали рушащуюся власть пап, а папы вознаграждали защитников этой группы людей, которые были их самыми способными сторонниками.

Спор янсенистов слишком важен, чтобы его можно было обойти простым упоминанием. Это было великое событие в истории католической Европы семнадцатого века. В нем были задействованы принципы, представляющие большой теологический и даже политический интерес.

Полемика янсенистов выросла из давно оспариваемых вопросов, касающихся благодати и свободной воли, — вопросов, которые с большим воодушевлением и язвительностью обсуждались в семнадцатом веке, как и столетия назад Августином и Пелагием. Иезуиты никогда не соглашались с великим оракулом западной церкви в его взглядах по определенным пунктам, и их целью было показать абсолютную свободу человеческой воли — что она обладает самоопределяющей силой, совершенной свободой действовать или бездействовать. Молина, испанский иезуит, был великим защитником этого древнего пелагианства, и доминиканцы выступили против его взглядов, и полемика распространилась по всем университетам Европы. Тридентский собор был слишком мудр, чтобы вмешиваться в этот трудный вопрос; но разгневанные богословы не желали оставлять его в покое, и он с особым пылом обсуждался в Католическом университете Лувена. Среди врачей, которые там отличились в возрождении великого состязания пятого и шестого веков, были Корнелиус Янсен. Корнелиус Янсен из Голландии и Жан де Верже из Гаскони. Оба этих врача ненавидели иезуитов и сетовали на опасные доктрины, которые они защищали, и отстаивали взгляды Августина и кальвинистов. Янсен стал профессором богословия в университете, а затем епископом Ипра. После двадцатилетнего непрерывного изучения он выпустил свою знаменитую книгу под названием "Августин", в которой он изложил рабство воли и необходимость божественной благодати для разрыва рабства, которое, однако, как он утверждал, подобно Кальвину, дано лишь немногим и во исполнение указа, существовавшего в божественном разумедо сотворения нашего вида. Но Янсен умер до того, как книга была закончена, и прошло два года, прежде чем она была опубликована, но, когда она была опубликована, это стало сигналом к соревнованию, которое отвлекало Европу на семьдесят лет.

Пока Янсен готовил эту работу, его давний спутник и друг Де Верже, человек знатный и знатного положения, стал настоятелем монастыря Сен-Сиран — Арно - Ле — Мэтр. Сен-Сиран в Париже и основал в центре этого веселого города ученый и аскетичный скит. Это было во времена правления Людовика XIII. Его репутация ученого и святого привлекла внимание Ришелье, и этот способный министр обратился к нему за услугами. Но ни награды, ни лесть, ни аплодисменты не имели власти над разумом Сен-Сирана, как его теперь называли. Кардинал ненавидел и боялся человека, которого он не мог ни подкупить, ни расположить к себе, и вскоре нашел способ поссориться с ним и отправил его в мрачную Венсенскую крепость. Но там, в своей тюрьме, он с

удвоенным рвением посвятил себя учебе и обязанностям, усмиряя свои аппетиты и страсти аскетизмом, которого не требовала даже его церковь, и посвящая все свои мысли и слова служению Богу. Подобно Кальвину и Августину, он имел настолько глубокое представление о необходимости внутреннего изменения, что поставил благодать перед покаянием. Человек, столь безмятежный в испытаниях, такой смиренный духом, такой естественный и похожий на ребенка в обычной жизни, и все же столь выдающийся талантами и эрудицией, не мог не вызывать восхищения и не становиться знаменитым прозелитом. Среди них были Арно Д'Антийи, близкий друг Ришелье и Анны Австрийской; Ле Мэтр, самый красноречивый юрист и заступник Франции; и Анжелика Арно, настоятельница Порт-Рояля. Эта последняя была одной из самых выдающихся дам своего времени, благородной по происхождению и еще более благородной своими прекрасными качествами ума и сердца. Она стала настоятельницей своего цистерцианского монастыря в возрасте одиннадцати лет и в то время была веселой, общительной и беззаботной. Проповедь монаха-капуцина обратила ее мысли к будущему миру, и она закрыла ворота своего прекрасного аббатства в долине Шеврез от всех незнакомцев и посвятила себя аскетическим обязанностям, которые ее церковь и эпоха считали наиболее достойными. Вскоре после этого она познакомилась со святым Сираном, и он внедрил в ее сознание принципы августинского богословия. Находясь в заключении в Венсенне, он все еще был духовным отцом Порт-Рояля. В этом знаменитом убежище были собраны величайшие ученые и святые семнадцатого века — Антуан Ле Мэтр, Де Лерикур, Ле мэтр де Саси, Антуан Арно и сам Паскаль. Мэтр де Саси подарил миру лучший перевод Библии на французский; Арно написал сто томов полемики, и среди них знаменитую сатиру на иезуитов, которая причинила им бесконечный вред; в то время как Паскаль, помимо его замечательных математических достижений и различных медитативных работ, увековечен своими провинциальными письмами, написанными на чистейшем французском языке с несравненной силой и красотой. Это произведение, направленное против иезуитов, является неподражаемым образцом элегантной иронии и самым эффективным сарказмом, вероятно, когда-либо созданным человеком. В долине Порт-Рояль также жили Тийемон, великий церковный историк; Фонтэн и Расин, которыми управлял дух Арно, а также принц Конти и герцог Лианкур. Там жил под именем Ле Мерье, занимавшийся скромной работой садовника, один из самых гордых вельмож французского двора; и там же обитала знаменитая герцогиня де Лонгвиль, сестра принца Конде, вдохновительница Фронды, кумир парижской черни и некогда веселая покровительница самых пышных празднеств.

Но именно трудами этих святых, ученых и знати было подавлено опасное влияние иезуитов, которым они отличались больше всего. Янсенисты о трудах портовых роялистов. Порт-Рояль не отрицал ни авторитета папы, ни великих институтов папства. В своей полемике с иезуитами они стремились главным образом утвердить доктрины Августина об оправдании. Но их усилия не понравились ни папам, ни докторам Сорбонны, которые не сочувствовали их религиозной жизни и ненавидели их смелый дух исследования. Доктора Сорбонны, соответственно, извлекли из книги Янсена пять положений, которые они сочли еретическими, и призвали папу осудить их. Портовые роялисты признали, что эти пять положений были бы неоправданны, если бы суверенный понтифик объявил их еретическими, но отрицали, что они действительно были найдены в книге Янсена. Они не ссорились с папой на почве веры. Они признавали его непогрешимость в вопросах религии, но не в вопросах фактов. Папа, не желая доводить дело до крайности, что никогда не входило в политику Рима, притворился удовлетворенным. Но иезуиты не давали ему покоя и настаивали на осуждении янсенистских взглядов. Дело было передано на

рассмотрение большого совета французских епископов и врачей, и Арно, великий защитник янсенистов, был признан виновным в ереси за отрицание того, что пять положений, которые осудил папа, на самом деле содержались в книге Янсена. Более того, папа был вынужден издать формулу клятвы, под которой были обязаны подписаться все, кто желал занимать какие-либо должности в церкви, и которая подтверждала, что пять осужденных положений действительно можно найти в книге Янсена. Этот поступок папы был справедливо расценен янсенистами как невыносимо деспотический, и многие из наиболее уважаемых представителей французского духовенства разделили их мнение. Теперь полемикой заинтересовалась вся Франция, и вскоре это привело к большим волнениям. Затем янсенисты утверждали, что папа мог ошибаться в вопросах фактов, и что, следовательно, они не обязаны подписываться под требуемой присягой. Иезуиты, с другой стороны, поддерживали непогрешимость папы как в фактических вопросах, так и в доктрине; и поскольку у них были самые могущественные приверженцы, янсенисты подвергались жестокому преследованию. Но поскольку было установлено, что двадцать два епископа встали на их сторону, дело на некоторое время замяли. Еще десять лет портовые роялисты пользовались миром и защитой, главным образом благодаря огромному влиянию герцогини де Лонгвиль; но после ее смерти преследования возобновились. Арно был вынужден бежать в Нидерланды, а прекрасное аббатство Порт-Рояль было лишено своих земель и привилегий. Людовик XIV. всегда ненавидел своих обитателей, которыми управляла мадам де Ментенон, которая, в свою очередь, была орудием иезуитов.

Но разрушение аббатства, разграбление его земель и рассеяние тех, кто искал его убежища, не остановили споры. Паскаль продолжил это и написал свои Провинциальные письма, которые произвели чудесный эффект, сделав иезуитов одновременно смешными и ненавистными. Эта книга стала самым серьезным ударом, который когда-либо получала эта группа амбициозных и искусных казуистов.

Спор янсенистов не был просто обсуждением благодати и свободной воли. Принципы янсенизма. принципы янсенизма, когда они осуществлялись, имели тенденцию обеспечивать независимость национальной церкви и освобождать совесть людей от ужасной власти их духовных исповедников. Янсенизм был робким протестом против духовной тирании, мягкой разновидностью пуританства, нашедшей сочувствие у многих людей во Франции. Парижский парламент проникся духом свободы и защитил янсенистов и тех, кто им сочувствовал. Случилось так, что некий епископ опубликовал обвинение своему духовенству, которое было сильно проникнуто независимыми доктринами янсенистов. Он был судим и осужден провинциальным советом, а правительство сослало его. Парижский парламент, как страж закона, занялся этим спором, и кардиналу Флери пришлось прибегнуть к Суду, чтобы добиться регистрации указа. Судилищем было личное появление суверена в высшем судебном трибунале нации, и его приказ членам этого трибунала подчиняться его предписаниям был последним средством абсолютной власти. Парламент, конечно, подчинился, но на следующий день выразил протест и принял резолюции, в которых светская власть объявлялась независимой от духовной. Затем она отправилась в Медон, один из королевских дворцов, чтобы изложить королю свои возражения; и Людовик XV, возмущенный и изумленный, отказался встретиться с членами. Первоначальный спор был забыт, и дело парламента, которое было делом свободы, стало делом нации. Соппротивление парламента было технически безуспешным, но, тем не менее, посеяло семена народного недовольства и способствовало тому великому восстанию, которое в конце концов свергло трон.

Можно спросить, как Парижский парламент выполняет функции парламента. стал судебным трибуналом, а не законодательным собранием, как в Англии. Когда кодекс Юстиниана был введен во французскую юриспруденцию во второй половине средневековья, старые феодальные и клерикальные судьи — бароны и епископы — были неспособны толковать его, и возник новый класс людей — юристы, исключительной обязанностью которых было изучение законов. Будучи лучше всех знакомы с ними, они взяли на себя функции судей, и светские и духовные лорды подчинились их мнению. Крупные бароны, однако, все еще продолжали заседать в судебных инстанциях, хотя и не были знакомы с новой юриспруденцией; и их решения определялись мнением юристов, получивших место в их органе, как это имеет место в настоящее время в английской палате лордов, когда она заседает как судебный орган. Необходимость обеспечить какое-либо постоянное хранилище королевских эдиктов побудила королей Франции вносить их в журналы судов парламента, являющегося высшей судебной инстанцией; и члены этих судов постепенно воспользовались этим обычаем оспаривать законность любого эдикта, который не был зарегистрирован таким образом. По мере того как влияние Генеральных штатов уменьшалось, власть парламента возрастала. Посягательства папства сначала привлекли его внимание, а затем управление финансами министрами Франциска I. вызвали протесты. Во время войны Фронды парламент категорически отказался регистрировать королевские указы. Но Людовик XIV. был достаточно силен, чтобы подавить дух независимости, и поэтому в первые годы своего правления явился ко двору с кнутом в руке и заставил его зарегистрировать свои эдикты. Впоследствии ни один ропот не вырывался из тела, пока в конце его правления члены не выступили против "Единобожия". булла Unigenitus — та, которая осудила янсенистов — как посягательство на свободы Галликанской церкви. И как только великий монарх умер, они, вопреки его воле, передали регентство в руки герцога Орлеанского. Затем свобода возражений в отношении разрушительных схем Закона побудила его изгнать их, и они добились своего отзыва только путем унижительных уступок. Их следующее противостояние произошло во время правления Флери. Министр финансов предпринял попытку навести справки о богатстве духовенства, что возбудило ревность ордена; и духовенство, чтобы отвлечь внимание двора, возобновило противодействие парламента булле Unigenitus. Духовенство решило требовать от умирающих записок с признаниями, и чтобы эти записки были подписаны священниками, придерживающимися буллы, прежде чем будет совершено соборование. Архиепископ Парижский, возглавляющий французское духовенство, столкнулся с противодействием парламента, и этот высший судебный суд заключил в тюрьму тех представителей духовенства, которые отказались совершать таинства. Король под руководством Флери запретил парламента вмешиваться в церковные дела и приостановить их судебное преследование. Вместо того чтобы согласиться, парламент выдвинул новые требования, и депутаты отказались выполнять какие-либо другие функции и постановили, что они не могут подчиниться этому судебному запрету, не поступившись своей совестью. Они привлекли епископа Орлеанского к своему трибуналу и приказали палачу публично сжечь все его сочинения, которые отрицали юрисдикцию суда. С помощью военных парламент усилил отправление таинств и настолько заинтересовался полемикой, что пренебрег другими официальными обязанностями. Король, возмущенный, снова изгнал членов, за исключением четырех, которых он заключил в тюрьму. И, чтобы не препятствовать отправлению правосудия, король учредил еще один трибунал для рассмотрения гражданских исков. Но адвокаты, сочувствуя парламента, отказались выступать в новом суде. Это решительное поведение и другие беды, происходившие в то время, побудили короля уступить, чтобы примирить народ, и парламент был отозван. Это был народный триумф, и архиепископ, в свою очередь, был

изгнан. Вскоре после этого кардинал Флери умер, и была принята новая политика. Ссора между парламентом и духовенством была забыта в еще большей ссоре между королем и иезуитами.

Политика Флери, как и политика Уолпола, была миролюбивой; и все же, как и он сам, он был вынужден вступить в войну против своих собственных убеждений. И успех сопутствовал оружию Франции в колониальной борьбе с Англией, пока Питт не встал у руля государства.

До смерти Флери в 1743 году, который вел дела мудро, умеренно и неподкупно, его любили, если не почитали. Но после этого события в его характере и действиях произошли большие перемены, и началось царствование любовниц, не имеющее аналогов в истории Европы. Людовик XIV раздавал государственные доходы недостойным фаворитам, но никогда не позволял им управлять нацией; но Людовик XV. доверял им самые важные государственные дела и хранение самых глубоких государственных секретов.

Среди этих любовниц мадам де Помпадур. Мадам де Помпадур была самой известной; женщина талантливая, но отвратительно беспринципная. Честолюбие было ее главной страстью, а ее будуаром был зал совета королевских министров. Большинство великих людей Франции ухаживали за ней, и пренебрежение к ней означало разорение общества. Даже Вольтер восхвалял ее красоту, а Монтескье льстил ее уму. А ее экстравагантность была равна ее дерзости. Она настаивала на выписывании счетов казначейства без указания службы. Генеральный контролер был в отчаянии, а государство оказалось в затруднительном положении.

Именно благодаря ее влиянию герцог де Шуазель стал преемником Флери. Он не был лишен таланта, но его правление оказалось неудачным. При его правлении Людовик потерял Канаду, и Франция погрузилась в соперничество с Фридрихом Великим. Семилетняя война, произошедшая во время его правления, сделала эпоху эпохой; но поскольку это должно быть рассмотрено в главе о Фредерике III, в данной связи на это не будет обращено внимания.

Самым запоминающимся событием, вызванным политикой и поведением Шуазеля, было падение ордена иезуитов.

Их иезуиты. искусства и влияние добились от папы буллы Unigenitus, предназначенной для подавления их врагов, янсенистов; и король, управляемый Флери, встал на их сторону.

Но они были настолько неразумны, что поссорились с могущественной любовницей Людовика XV. Они презирали ее и пренебрегали ее ненавистью. Действительно, иезуиты поднялись на столь большую высоту, что презирали народный шум и даже недоверие короля. Но нет человека и группы людей, которые могли бы безнаказанно провоцировать вражду; и разрушение часто исходит из источника, о котором меньше всего подозревают и которого, по-видимому, меньше всего следует опасаться. Кто бы мог предположить, что гибель этой могущественной организации, которая так гордо царствовала в христианском мире в течение столетия; которая возлагала свои бриарейские гербы на шеи принцев; которая имела своих исповедников при дворах самых абсолютных монархов; которая своими сотнями глаз проникала в тайны всех кабинетов Европы; и которая преуспела в подавлении в стольких местах всякого бунта человеческого разума, несмотря на страхи королей, зависть других монашеских орденов и закоренелую вражду философов и философов—практиков? государственные деятели, - получили бы смертельную рану от руки женщины, которая шокировала своими пороками даже развращенный двор ослабевшего принца? Но так оно и было. Мадам де Помпадур ненавидела

иезуитов за то, что они пытались подорвать ее влияние на короля. И она подстрекала премьер-министра, которого своим искусством возвела к власти, объединиться с Помбалем в Португалии, чтобы добиться их разорения.

Ни в одной стране власть иезуитов не была более непреодолимой, чем в Португалии. Там их господство было полным. Но премьер-министр Джозефа I., маркиз Помбал, человек огромной энергии, был оскорблен дамой самого высокого ранга, и он поклялся отомстить. Вскоре представилась возможность. Случилось так, что какой-то неизвестный враг обстрелял короля в его дворце и ранил его. Удар был нанесен по объектам мести министра — маркизе Таворской, ее мужу, ее семье и ее друзьям - иезуитам. И последовала королевская месть не только прославленной семье, но и тем людям, с которыми эта семья дружила. Иезуиты были разоблачением иезуитов. изгнаны самым бесцеремонным образом из королевства. Герцог де Шуазель и мадам Помпадур с восторгом приветствовали свои несчастья и ждали возможности отомстить. Это стало возможным благодаря провалу Ла Валетта, главы ордена иезуитов на Мартинике. Следует иметь в виду, что иезуиты занялись коммерческими предприятиями, в то время как они исполняли обязанности миссионеров. Ла Валетт стремился монополизировать для своего ордена торговлю с Вест-Индией, коммерческие амбиции которой возбуждали зависть меркантильных классов Франции, и они создавали трудности на его пути. И случилось так, что некоторые из его самых ценных кораблей были захвачены и разграблены английскими крейсерами, и это бедствие, случившееся во время смутного времени, привело к тому, что его счета были опротестованы, а его банкиры прекратили платежи. Они, возмущенные, обвинили иезуитов в казнокрадстве и мошенничестве и потребовали от ордена возврата денег. Если бы иезуиты были мудры, они удовлетворили бы разорившихся банкиров. Но кто мудр на грани разрушения? "*Quem deus vult perdere, prius dementat.*" Иезуиты отказались принести Ла Валетт в жертву интересам своего ордена, что соответствовало бы их общей политике. Дело было передано в парламент Парижа, и вся нация была заинтересована в его результатах. Этот высший судебный трибунал постановил, что иезуиты несут ответственность за долги Ла Валетта. Но коммерческий ущерб был слабым по сравнению с моральным. В ходе судебного разбирательства были затребованы книги и устав иезуитов — тот таинственный устав, который никогда не выставлялся на всеобщее обозрение и который так тщательно охранялся. Когда это правило было введено, все второстепенные вопросы исчезли; любовницы, банкротства, политика, финансы, войны — все стало незначительным по сравнению с теми вопросами, которые влияли на положение и благосостояние общества. Паскаль стал популярным кумиром, а "Тартюф побледнел перед Эскобаром". Протоколы судебного процесса лежали на каждом туалетном столике, и люди обоего пола, всех возрастов и состояний с жадностью читали труды казуистов. Не говорилось ни о чем, кроме "вероятности", "отказа от совести" и "ментальных оговорок". Философы завидовали всепоглощающему интересу, с которым читалось все, что касалось режима иезуитов, и растущей популярности янсенистов, разоблачавших его. "Какая, - сказал Вольтер, - польза нам от избавления от лисиц, если мы должны быть отданы на съедение волкам?" Но философ был одним из первых, кто поднял тревогу против иезуитов, и утихомирить эту бурю было нелегко.

У иезуитов в их бедственном положении был только один друг, достаточно могущественный, чтобы защитить их, и им был король. Он был их лучшим другом, и он все еще хотел прийти им на помощь. Его учили уважать их, и он научился бояться их. Он боялся покушения и страшился разрыва со столь могущественной и беспринципной организацией. И его сопротивление судебному преследованию было бы непреодолимым, если бы не капризность его характера,

которая с лихвой уравнивала его суеверные страхи. Его министр и любовница обошли его. Они представляли, что, поскольку парламент и нация были настроены против иезуитов, его сопротивление неизбежно спровоцировало бы новую фронду. Ничего он так не боялся, как гражданской войны. Колеблющийся монарх, поставленный, как он предполагал, перед мучительной необходимостью выбора между войной и гибелью своих лучших друзей, уступил просьбам своих искусных советников. Но он уступил с умеренностью, которая сделала ему честь. Он не согласился бы на их изгнание из Франции. Изгнание иезуитов до тех пор, пока не будут предприняты усилия для обеспечения их реформы. Соответственно, он приказал написать письма в Рим, требуя немедленного внимания к этому вопросу. Шуазель сам подготовил план реформации. Но иезуиты и слышать не хотели о каком-либо сокращении своей власти или привилегий. "Давайте останемся такими, какие мы есть, или прекратим свое существование", - был их ответ. Парламент, народ, министр и любовница возобновили свои протесты. Парламент постановил, что конституция общества является посягательством на королевскую власть, и король был вынужден уступить. Членам общества было запрещено носить одежду общества или занимать какие-либо канцелярские должности или занимать высокое положение. Их колледжи были закрыты, их орден распущен, и они были изгнаны из королевства со всей строгостью, несмотря на пожелания короля и многочисленные мольбы и слезы ревностных защитников католицизма и даже религиозного образования.

Но иезуиты были слишком могущественны, даже несмотря на свои несчастья, чтобы подвергаться преследованиям без усилий по их уничтожению. Добившись своего изгнания из Франции и Португалии, Шуазель и Помбаль обратили свое внимание на репрессии в Испании. Испания так успешно интриговала, так искусно воздействовала на ревность и страхи Карла III, что этот слабый принц последовал примеру Иосифа I и Людовика XV. Но король и его министр Д'Аранда, однако, вели свои расследования в строжайшей тайне — даже не сообщали своим союзникам о своих передвижениях. Конечно, иезуиты ничего не боялись со стороны короля Испании. Но когда его меры были завершены, внезапно был объявлен эдикт, предписывающий подавление ордена в стране инквизиций. Указ прозвучал как удар грома, но был немедленно приведен в исполнение. "В тот же день, 2 апреля 1767 года, и в тот же час в Испании, в Африке, в Азии, в Америке и на всех островах, принадлежащих испанской монархии, алькальды городов вскрыли свои депеши из Мадрида, в которых им предписывалось под страхом самых суровых наказаний немедленно проникнуть в учреждения иезуитов, схватить их, изгнать из монастырей и доставить в течение двадцати четырех часов указанные места. Иезуитам также не разрешалось брать с собой свои деньги или документы. Им выдали только кошелек, тревник и кое-какую одежду".

Правительство опасалось народного восстания из-за столь внезапного волнения и столь ужасных преследований, и поэтому издало прямой запрет всем церковным властям предотвращать любые упоминания об этом событии с кафедры. От всех классов требовалось соблюдать абсолютное молчание, и любая полемика, или критика, или замечание расценивались как государственная измена. Таков деспотизм. Таково религиозное преследование, когда страх, как и ненависть, побуждает к несправедливости и жестокости.

Иезуиты, на свое несчастье, действовали с непревзойденным мастерством. Их политика заключалась в том, чтобы предстать в свете жертв преследований. Для них не было ничего среднего между правлением деспотов и смертью мучеников. Посредственность унизила бы их. Риччи, генерал ордена, не позволил им высадиться в Италии, в которую они были отправлены

королем Испании. Шесть тысяч священников в нищете были брошены на произвол судьбы в Средиземном море, и после шести месяцев превратностей судьбы, страданий и отчаяния они нашли жалкое убежище на острове Корсика.

Вскоре после этого умер папа, их самый могущественный покровитель. Должен был быть назначен преемник. Но Франция, Испания и Португалия, стремившиеся к полному подавлению иезуитов, решили, что не должен быть избран ни один папа, который не одобрял бы их конец. Был найден папа Климент XIV. кардинал - Ганганелли, — который пообещал послам, что в случае избрания папой он упразднит орден. Они, соответственно, интриговали, чтобы обеспечить его избрание. Иезуиты также напрягли все нервы и проявили изумительный талант и искусство, чтобы заполучить папу, который защитил бы их. Но послы союзных держав перехитрили даже иезуитов. Ганганелли был самым простым и, по-видимому, самым неамбициозным из людей. Его отец был крестьянином, но благодаря таланту и образованности он вырос из состояния своего отца и стал римским кардиналом. Под одеянием святого он стремился к диадеме. Было только одно условие успеха, и оно заключалось в уничтожении лучших сторонников того страшного абсолютизма, который так долго поработал мир. Жертва была огромной; но она была принесена, и он стал папой. Тогда в его душе началась ужасная борьба. Должен ли он выполнить свое обещание, подвергнуть опасности свое дело и трон и быть клеймен зелотами своей церкви вечным позором? или он должен нарушить свое слово и настроить против себя с ужасной враждебностью великих монархов Европы и, возможно, потерять преданность их подданных ему как верховному главе Католической церкви? Решение было самым трудным из всех, которые когда-либо приходилось принимать смертному человеку. Какой бы курс он ни избрал, он был полон опасностей и позора. Бедный Ганганелли! лучше бы он оставался пастухом, простым священником, епископом, кардиналом — кем угодно, - чем был сделан папой! Но таковы были его амбиции, и он был вынужден пожинать плоды их осуществления. Долго страдающий понтифик медлил с выполнением своего обещания; долго он практиковал все искусства лицемерия, в которых он был таким мастером. Он медлил, он льстил, он умолял, он упрашивал. Но монархи безапелляционно потребовали выполнения его обещания, и теперь вся Европа поняла природу соперничества. Это было между иезуитами и монархами Европы. Ганганелли был вынужден принять свое решение. Его здоровье пошатнулось, настроение покинуло его, природная веселость исчезла. Он искал уединения, он плакал, он молился. Но, тем не менее, он должен принять решение. Иезуиты угрожали убийством и с горьким красноречием разоблачали гибель его церкви, если он уступит ее привилегии королям. И короли угрожали отделением от Рима, низложением — десятью тысячами бедствий. Его агония стала невыносимой; но медлить было больше нельзя. Он решил упразднить орден иезуитов; и шестьдесят девять колледжей были закрыты, их миссии распущены, их церкви переданы их соперникам, а двадцать две тысячи священников остались без организации, богатства или власти.

Их месть не была пустой угрозой. Однажды папа, встав из-за стола, почувствовал смерть Ганганелли. внутренний шок, за которым последовал сильный холод. Постепенно он потерял голос и силу. Его кровь испортилась, и его моральная система уступила место физической. Он знал— что обречен, что он отравлен, что он должен умереть. Страх перед адом теперь добавился к другим его мучениям. "Принудительный, feci, принудительный, feci!" — "О, милосердие, милосердие, я был принужден!" он плакал и умер — умер от этого медленного, но верного яда, такого же, как у старого Александра VI. он так хорошо знал, как обращаться со своими жертвами, когда искал их богатства. Предполагалось, что папа Климент XIV нанес

смертельную рану своей церкви и ее лучшим друзьям. Он, действительно, пожал плоды честолюбия; но дело, которое он представлял, не погибло и не утратит жизнеспособности до тех пор, пока принципу зла на земле суждено бороться с принципом добра. После реставрации Бурбонов орден иезуитов был восстановлен; и их пылающий меч с двойным острием снова ощущался во всех уголках мира.

Изгнанные иезуиты нашли убежище в Пруссии и защиту от королевского неверного, который был другом Вольтера. Произошел раскол между коронованными особами Европы и неверующими философами. Фредерик, который сочувствовал их горьким насмешкам, наконец понял направленность их писаний: люди, выступающие против подчинения божественным законам, недолго будут уважать институты и правительства, признанные человечеством. Он также осознал естественный союз абсолютизма в церкви с абсолютизмом в государстве и пришел на помощь великим, неизменным и всегда последовательным сторонникам деспотизма. Легкомысленный Шуазель, экстравагантная помпадур и распутный Сарданапал своего времени не понимали истины, которую король Пруссии осознал в последние дни своей жизни. И это ничего бы не дало, если бы они были одарены ясной проницательностью Фридриха Великого. Ручей, на любопытных берегах которого развлекались великие и благородные Франции, вскоре превратился в бурный поток. Этим разрушительным потоком была Французская революция, ужасный размах которой впервые был осознан в последние годы правления Людовика XV. Он сам уловил проблески будущего, но с эгоизмом бурбона заметил, "что трон продержится еще при нем". Вскоре после произнесения этой бессердечной речи последовала смерть Людовика XV. он был поражен оспой и умер в 1774 году после долгого и бесславного правления. Он был покинут в свои последние часы, и его отвратительные останки были собраны в свое последнее пристанище рабочими его дворца.

Прежде чем можно будет описать правление Людовика XVI, необходимо взглянуть на карьеру Фридриха Великого и состояние различных европейских государств в период, современный Семилетней войне — великой войне восемнадцатого века, до начала Французской революции.

Ссылки.—Чтобы получить общее представление о правлении Людовика XV, ознакомьтесь с историями Лакретеля, Вольтера и Кроу. Схема права лучше всего объясняется в Лекциях Смита и Истории торговли Андерсона. Борьба между королем и парижским парламентом сносно описана в "Истории Адольфа". Чтобы получить представление о полемике янсенистов, см. "Церковную историю" Дю Пена, "Историю пап" Ранке, "Провинциальные письма" Паскаля и статью Стивенса в "Эдинбург Ревью" о портовых роялистах. Падение иезуитов превосходно описано Кине. Джеймс написал хороший очерк жизни Флери и Шуазеля. Чтобы узнать о нравах двора Людовика XV, следует обратиться к многочисленным мемуарам и письмам, написанным в тот период; самые забавные из них и, в определенном смысле, поучительные, слишком печально известны, чтобы их перечислять. ([Вернуться к содержанию](#))

ГЛАВА XXIII.

ФРЕДЕРИК ВЕЛИКИЙ.

Фридрих II. о Фридрихе Вильгельме. Пруссия завоевала имя, которое будет бессмертно занесено в каталог военных героев Молоха. Его необычный характер вызывает наше восхищение, в то время как он вызывает наше отвращение, восхищение его великими способностями, проницательностью и уверенностью в себе, а также отвращение к его жестокости, его злобе, его подозрительности и его уловкам. Он не верил в добродетель или бескорыстие и доверял только механическим силам - мощи армий - принципу страха. Он не был равнодушен ни к литературе, ни к совершенствованию своей нации; но война была в равной степени и его всепоглощающей страстью, и его высшей славой. Петр Великий был наполовину варваром, как и Карл XII. наполовину безумец; но Фредерик не был ни варваром в своих вкусах, ни диким в своих планах. Людовик XIV втянул свою нацию в войну из ребяческого эгоизма, а Вильгельм III. сражался за великое дело религиозной и гражданской свободы; но Фредерик, из-за возбуждения, вызванного войной, и беспокойного стремления разграбить то, что ему не принадлежало.

Он родился в королевском дворце Берлина в 1712 году — через десять лет после того, как Пруссия стала королевством, и при жизни своего деда Фредерика I. Состояние его семьи было нажито его прадедом, которого называли Великим курфюрстом из дома Гогенцоллернов. Он не смог превратить Бранденбург в плодородную провинцию; поэтому он превратил его в военное государство. Он был мудрым, доброжелательным и всеми любимым. Но мало что из его приятных качеств унаследовал его правнук. Frederic II. больше походил на своего капризного и деспотичного отца Фредерика Вильгельма, который избивал своих детей без причины и отправлял своих подданных в тюрьму из простого каприза. Когда его послу в Лондоне разрешалось получать только тысячу фунтов в год, он назначил награду в тысячу триста фунтов высокому ирландцу, чтобы тот присоединился к его знаменитой телохранительнице, полку людей, каждый из которых был выше шести футов ростом. Он бил женщин на улицах, оскорблял священнослужителей за то, что они смотрели на солдат, и оскорблял наставника своего сына за то, что тот учил его латыни. Но, отбросив свою грубость и безжалостность, он был христианином по определенному образцу. Он с уважением относился к религиозным институтам, осуждал все развлечения как греховные и каждый день после обеда читал проповедь вслух своей семье. Его сын осознал свою непоследовательность и вырос неверующим. Между отцом и сыном не было симпатии, и отец даже ненавидел наследника своего дома и трона. Молодого принца держали на хлебе и воде; его самые умеренные желания игнорировались; он был окружен шпионами; его жестоко избивали, сажали в тюрьму и оскорбляли как чудовище и язычника. Жестокое обращение, которому подвергся принц, побудило его бежать; его бегство было раскрыто; он был доставлен обратно в Берлин, приговорен к смертной казни как дезертир и спасен от участи злоумышленника только благодаря заступничеству половины коронованных особ Европы. Было достигнуто полное примирение, и принцу, наконец, разрешили удалиться в один из королевских дворцов, где он развлекался книгами, бильярдом, шарами и банкетам. Он вступил в переписку с Вольтером и стал горячим поклонником его взглядов.

В 1740 году старый король умер, и Фридрих II. Воцарился Фридрих Великий. воссел на абсолютный трон. Он нашел богатую казну и великолепно дисциплинированную армию. Он отказался от привычных удовольствий, и мечты о славе наполнили его честолюбивую душу.

Едва он воссел на свой трон, как военное превосходство стало движущим принципом его жизни.

Его первой войной было завоевание Силезии, одной из богатейших провинций Австрийской империи. Он принадлежал Марии Терезии, королеве Венгрии и Богемии, дочери покойного императора Германии, чье наследование было гарантировано в силу Прагматической санкции — закона, который император Карл принял в отношении притязаний своей дочери и который был признан старым королем Пруссии и ратифицирован всеми ведущими державами Европы. Без объявления войны, без жалоб, без причины, едва ли без предлога, просто из жажды власти, Фредерик начал военные действия глубокой зимой, когда вторжение было неожиданным и когда гарнизоны были беззащитны. Без боя была захвачена одна из старейших провинций Австрии, и королевский разбойник с триумфом вернулся в свою столицу.

Такое безобразие и преступление изумили и встревожили весь цивилизованный мир, и Европа вооружилась, чтобы отомстить и помочь несчастной королеве, империи которой грозило полное расчленение. Фредерик был встревожен, и был заключен пустой мир. Но через два года война снова разразилась. Вернуть Силезию и смирить Фредерика было целью Марии Терезии. Ей удалось заручиться сотрудничеством России, Франции, Швеции и Саксонии. Никто не сомневался в падении бранденбургского дома. Шестьсот тысяч человек были собраны, чтобы сокрушить выскочку-монархию и беспринципного короля, поправшего все законы наций и все принципы справедливости.

Соппротивление Фредерика этим огромным силам составляет знаменитую Семилетнюю войну. Семилетняя война — самая масштабная война, которую видела Европа, от Реформации до Французской революции. Это соперничество началось в последние годы правления Георга II и было связано с колониальными войнами Великобритании и Франции, в ходе которых Вульф был убит и Канада была завоевана. Эта война призвала на помощь всю энергию Питта-старшего и поставила Великобританию на ту возвышенную высоту, которую она с тех пор удерживает.

Фредерик не был настолько ослеплен, чтобы не понимать масштабов грозившей ему опасности; и его успешное сопротивление армиям, которые его собственная наступательная война выставила против него, дало ему право претендовать на эпитет Великого. Хотя он спровоцировал войну, успешная защита своей страны вознесла его на самую высокую вершину военной славы. Он бы с радостью отказался от участия в состязании, но это было неизбежно; и когда буря обрушилась на его голову, он проявил все качества возвышенного героизма.

Против него были выставлены большие и подавляющие силы. Но у него самого было несколько больших преимуществ. Он был абсолютным хозяином своей армии, своей казны и своих территорий. Жизни и имущество его подданных были в его распоряжении; его подданные были храбры и преданны; он пользовался популярностью у народа и поддерживался энтузиазмом нации; его армия была хорошо дисциплинированной; у него не было морского побережья, которое нужно было защищать, и он мог за короткое время сосредоточить все свои силы в любой точке, которую ему заблагорассудится.

Его единственной надеждой были энергичные меры. Поэтому он сразу вторгся в Саксонию с шестьюдесятью тысячами человек. Его целью было захватить государственные документы в Дрездене, которые содержали доказательства существования конфедерации. Они были найдены и опубликованы, что показало, что сейчас, по крайней мере, он действовал в обороне.

Началась кампания 1756 года, и пруссаки выиграли первое крупное сражение. Благодаря победе при Ловозице Фредерик был в лучшем состоянии для борьбы с Австрией. Таким образом, он получил во владение Саксонию.

Кампания 1757 года была начата с большой осторожностью. Пятьсот тысяч человек были выстроены против двухсот тысяч. Под Прагой Фредерик одержал победу, но потерял двенадцать тысяч человек. Затем он осадил Прагу. Генерал Даун с превосходящей армией двинулся ей на помощь. Состоялось еще одно кровопролитное сражение, проигранное прусским королем. Казалось, это был роковой удар. В самом начале, так сказать, войны, он получил чек. Уверенность солдат была ослаблена. Злорадный сарказм указывал на ошибки. Осада Праги была снята, и Богемия была оставлена. В то же время французская армия вторглась в Германию, и Фредерик также услышал о смерти своей матери — единственного человека, которого он любил. Его настроение упало, и он стал изможденным и несчастным.

Единственное, что ему оставалось сейчас сделать, — это защитить Саксонию и закрепить это завоевание - задача не из легких. На его владения теперь напали французская, шведская и русская армии. Его столица была в руках хорватов, и ему противостояли превосходящие австрийские силы. Неудивительно, что он был подавлен меланхолией и видел только руины своего дома. Однако в одном он был полон решимости — никогда не сдаваться живым. Поэтому он запасся ядом, который всегда носил при себе.

Героическая карьера Фредерика начинается с этого часа несчастий и испытаний. Действительно, героизм всех великих людей начинается с недоумения, трудностей и опасности. Успех великолепен, но успех достигается только борьбой. Карьера Фредерика - великолепный пример того героизма, который поднимается над опасностью и вытаскивает человека из трудностей, когда его дело безнадежно.

Король Пруссии впервые выступил в поход против французов. Две армии встретились в битве при Россбахе. Rossbach. Численность французов была вдвое больше, чем пруссаков; но пруссаки были лучше дисциплинированы, и ими командовал более способный генерал. Французы, однако, были уверены в победе; но они потерпели поражение: семь тысяч человек были взяты в плен вместе со своими ружьями, боеприпасами, попугаями, пудрой для волос и помадой. Победа при Россбахе принесла Фредерику громкое имя и вызвала всеобщую радость среди англичан и пруссаков.

После короткого отдыха он повернулся лицом к Силезии, которая снова попала в руки австрийцев. Именно из-за этой провинции он спровоцировал враждебные действия Европы; и гордость, так же как и заинтересованность, побудили его направить все свои силы на то, чтобы вернуть ее. Принц Карл Лотарингский командовал войсками Марии Терезии, которые насчитывали восемьдесят тысяч человек. Фредерик мог выставить против него только тридцатитысячную армию. И все же, несмотря на неравенство сил и свое отчаянное положение, он решил атаковать врага. Его генералы протестовали; но герой дал всем полное разрешение удалиться, если они пожелают. Не было обнаружено никого, кто избежал бы опасности. Фредерик, как и Наполеон, обладал талантом вызывать энтузиазм в своих войсках. Он одновременно поощрял их и угрожал им. Он объявил, что любой кавалерийский полк, который по приказу не бросится безудержно на врага, должен после сражения быть расформирован и преобразован в гарнизонный полк. Но у него не было причин жаловаться. 5 декабря, в день приснопамятной битвы при Лейтене. В Лейтене он выбрал офицера с пятьюдесятью солдатами в

качестве телохранителя. "Я сегодня сильно разоблачусь, - сказал он, - ты не должен оставлять меня ни на минуту: если я упаду, быстро накрой меня плащом, положи в повозку и никому об этом не рассказывай. Битвы нельзя избежать, и ее нужно выиграть". И он одержал славную победу. Австрийский генерал оставил сильную позицию, потому что считал ниже своего достоинства сражаться с меньшими силами в укрепленном лагере. Из-за своей неосторожности проиграл сражение. По словам Наполеона, это был шедевр со стороны победителя, который поставил его в первый ряд генералов. Двадцать тысяч австрийцев были либо убиты, либо взяты в плен. Бреслау открыл свои ворота пруссакам, и Силезия была отвоевана. Слава короля наполнила мир. Его фотографии висели почти в каждом доме. Энтузиазм Германии не был превзойден энтузиазмом Англии. Лондон был освещен; веселые отпрыски аристократии предложили прусскому королю покинуть их страну и вступить в его армию; правительство выделило ежегодную субсидию в размере семисот тысяч фунтов стерлингов. Битва при Лейтене была самой блестящей в прусских летописях; битва при Россбахе, одержавшая победу над французами, сопровождалась более значительными моральными результатами. Впервые за несколько столетий это показало, что немцы действительно великий народ и могут сравниться с французами, которые до сих пор считались непобедимыми.

Ранней весной 1758 года Фредерик был готов к новой кампании, которая вскоре ознаменовалась большой победой над русскими при Цорндорфе. Оно было таким же блестящим и решающим, как сражения при Россбахе и Лойтене. Отряд в тридцать две тысячи человек разгромил армию в пятьдесят две тысячи человек. Двадцать две тысячи русских лежали мертвыми на поле боя. Эта победа поставила Фредерика в зенит военной славы. Менее чем за год он разгромил три великие армии; менее чем за год, почти доведенный до отчаяния, когда его дело казалось безнадежным, а враги радовались своей силе, он последовательно одержал победу над французами, австрийцами и русскими - тремя самыми могущественными нациями на европейском континенте. И его умеренность после победы была столь же заметна, как и его уверенность в себе после поражения. В этот период он предстал перед удивленными и восхищенными глазами всего мира как величайший герой и полководец современности. Но после этого его карьера пошла наперекосяк, и ему все еще грозила опасность быть подавленным своими могущественными врагами.

Оставшаяся часть кампании 1758 года была потрачена на изгнание австрийцев из Силезии и взятие Дрездена. Dresden. Ни одна столица Европы не пострадала от войны больше, чем этот элегантный и отполированный город. Его часто осаждали и брали, но победители всегда щадили его знаменитую картинную галерею — вероятно, лучшее собрание работ старых мастеров из всех существующих.

Но теперь Фредерик подвергся нападению нового врага, папы Бенедикта XIV. Он послал освященный меч, шляпу из малинового бархата и голубя из жемчуга — "мистический символ божественного Утешителя" - маршалу Дауну, талантливейшему из австрийских генералов и победителю при Колине и Хохкирхене. Это был редчайший из папских даров, и в течение шести столетий Урбан II даровал его только Годфри Бульонскому, когда тот брал Иерусалим; Альве, после его резни в Голландии; и Собескому, после освобождения Вены, осажденной турками. Оно никогда не присуждалось, за исключением защиты "Святой Католической церкви". Но этот величайший из папских даров не произвел никакого впечатления на эпоху, читавшую Монтескье и Вольтера. Поток сатирических памфлетов затопил христианский мир, и

мир смеялся над бессильным оружием, которым когда-то были молнии в руках Гильдебранда или Иннокентия III.

Четвертый год войны оказался неудачным для Фредерика. Для Фредерика это стало катастрофой. Он не потерял военной репутации, но потерял свои города и армии. Силы его врагов были почти подавляющими. Австрийцы вторглись в Саксонию и угрожали Силезии, в то время как русские одержали победу над пруссаками при Кунерсдорфе и убили восемнадцать тысяч человек. Русские не улучшили эту великую победу над Фредериком, которая почти довела его до отчаяния. Но он собрался с силами и снова потерпел поражение в трех катастрофических сражениях. В отчаянии он кормил своих солдат картошкой и ржаным хлебом, отобрал у крестьянина его последнюю лошадь, обесценил его монету и оставил своих гражданских чиновников без оплаты.

Кампания 1760 года поначалу складывалась неблагоприятно для пруссаков. У Фредерика на поле боя было всего девяносто тысяч человек, а у его врагов - двести тысяч. Поэтому он был вынужден продолжать оборону. Но бедствия все усиливались. Генерал Лаудон одержал крупную победу над своим генералом Фуке в Силезии. Вместо того чтобы быть обескураженным этим новым поражением, он принял экстраординарное решение вырвать Дрезден из рук австрийцев. Но он притворился, что отступает из Саксонии, и двинулся в Силезию. Генерал Даун был обманут и выманен из Саксонии в погоню за ним. Как только Фредерик удалился на значительное расстояние от Дрездена, он вернулся и обстрелял его. Но ему не удалось взять его, и он был вынужден отступить в Силезию. Именно там ему посчастливилось одержать победу над австрийцами и предотвратить их соединение с русскими. При Торгау он снова разбил шестидесятитысячную армию противника численностью всего в сорок четыре тысячи человек. На этом кампания завершилась, и позиция сторон была почти такой же, как и в ее начале. Сердце Фредерика теперь было изъязвлено горечью из-за упорства его врагов, которые были полны решимости сокрушить его. Однако ему следовало помнить, что он вызвал их непримиримое негодование совершением тяжкого преступления.

Хотя Фредерик, проявив редкий героизм, удержал свои позиции, все же его ресурсы были почти исчерпаны, и он начал тщетно искать вокруг новые запасы людей, лошадей и провизии. Круг, который очертили вокруг него враги, явно становился все меньше. По всей видимости, через некоторое время он будет раздавлен превосходящими силами.

При таких обстоятельствах кампания 1761 года была открыта; но никаких важных событий не произошло почти до конца года. В целом, это были продолжающиеся катастрофы. катастрофический для Пруссии. Половина Силезии была захвачена австрийцами, а русские генералы добились успеха в Померании. И еще большее несчастье постигло Фредерика вследствие отставки Питта, который всегда был его самым верным союзником и предоставлял ему большие субсидии, когда он больше всего в них нуждался. После отставки английского министра эти субсидии были отменены, и к власти пришла партия, которая помешала Вильгельму III, которая преследовала Мальборо и отказалась от каталонцев, — тори. "Им было безразлично, будет ли дом Гогенштауфенов или Гогенцоллернов доминировать в Германии". Но Питт и виги утверждали, что никакая жертва не будет слишком большой для сохранения баланса сил. Однако отступничество Англии наполнило разум Фредерика непримиримой ненавистью, и он никогда не мог вынести даже упоминания имени Англии. Отступничество этого великого союзника сделало его положение отчаянным, и никто, беспристрастно

рассматривая противоборствующие стороны, не мог сомневаться, что гибель прусского короля неизбежна. Мария Терезия была настолько уверена в успехе, что распустила двадцать тысяч своих солдат.

Но Провидение распорядилось иначе. Большая и неожиданная перемена произошла в судьбе Фредерика. Теперь его героизм должен был быть вознагражден — не вульгарный героизм, который совершает внезапное усилие и выигрывает единственную битву, но тот стойкий героизм, который борется посреди поражения и продолжает надеяться, когда даже благородные сердца погружаются в отчаяние. 5 января 1762 года умерла Елизавета, императрица России; и ее преемник Петр III, который был поклонником Фредерика и даже личным другом, вернул прусских пленных, вывел свои войска с прусских территорий, оделся в прусскую форму и носил на груди черного орла Пруссии. Он даже послал пятнадцатитысячное войско, чтобы усилить армию Фредерика.

Англия и Франция давно устали от этой войны и заключили для себя отдельный договор. Таким образом, Пруссия и Австрия были предоставлены самим себе для борьбы друг с другом. Если Австрия при помощи Франции и России не смогла вернуть себе Силезию и разорить Пруссию, то она, конечно, была недостаточно сильна, чтобы победить Фредерика в одиночку. Гордая Мария Терезия была вынуждена заключить мир с этим героическим, но беспринципным грабителем, захватившим одну из лучших провинций Австрийской империи. В феврале был подписан Губертсбургский мирный договор, по которому Фредерик сохранил свою добычу. Он, по сравнению с другими воюющими сторонами, был в выигрыше. Но никакое приобретение территории не могло компенсировать эти семь лет тяжелого труда, расходов и смертей. Через шесть лет он с триумфом въехал в свою столицу, но повсюду видел печальные следы опустошения и страданий. Поля были непахаными, дома разграблены, население сократилось, а голод и болезни окутали жилища бедняков траурной тенью. Он избежал смерти, но одна шестая часть всего мужского населения Пруссии была убита, и неисчислимые миллионы собственности были уничтожены. В некоторых округах на полях не было видно ни одного работника, кроме женщин, а в его собственной столице было сожжено пятнадцать тысяч домов.

Весьма примечательно, что король Пруссии не понес никаких государственных долгов, несмотря на все свои нужды. У него всегда, даже в худшие времена, был годовой доход вперед; и в конце войны, чтобы показать миру, что он тогда не бедствовал, он построил в Потсдаме великолепный дворец, который почти не уступал великолепию Версаля.

Но Истощение Пруссии Войной. он также делал все, что было в его силах, чтобы облегчить страдания, вызванные его войнами. Силезия получила три миллиона талеров, а Померания - два миллиона. Четырнадцать тысяч домов были отстроены заново; казначейские билеты, которые обесценились, были погашены; отличившиеся офицеры были вознаграждены; а вдовы и дети павших получили пенсии.

Обладание Силезией, конечно, не компенсировало Семилетней войны; но борьба, которую отважные пруссаки вели за свою национальную независимость, когда на них со всех сторон нападали могущественные враги, не была напрасной. Если бы они не были созданы, произошло бы еще большее зло. Пруссия не заняла бы своего места на шкале наций, и народ потерял бы самоуважение. Со стороны Фредерика было неправильно захватывать владения другого. Поступая таким образом, он был ничем не лучше грабителя: и он понес наказание за свое

преступление. Но он также сражался в целях самообороны. Эта защита была почетной и славной, и это дает ему право называться Великим.

После Хубертсбургского мира в 1763 году Пруссия некоторое время наслаждалась покоем, и король посвятил себя благоустройству своей страны. Но армия пользовалась его величайшим уважением, и был сохранен мирный контингент в сто шестьдесят тысяч человек - огромная сила для столь маленького королевства, но считавшаяся необходимой в столь беспокойные времена. Фредерик развлекался строительством дворцов, написанием книг и перепиской с друзьями-литераторами. Но честолюбивые планы, в конце концов, были превыше всего в его сознании.

Едва завершилась Семилетняя война, как был осуществлен раздел Польши - величайшее политическое преступление того времени, главную ответственность за которое нес король Пруссии.

Баварская война была следующим крупным политическим событием, произошедшим во время правления Фредерика. Император Германии разработал проект расчленения Баварского курфюршества. Свободы германского государства были в опасности, и Фредерик пришел на помощь. В этом случае он был противником незаконных амбиций. В 1778 году он выступил в поход с мощной армией; но никаких действий не последовало. Австрийский двор счел целесообразным отказаться от этого проекта, и Тешенский мир предотвратил еще одно страшное противостояние. Двумя последними публичными актами Фредерика были создание в 1785 году Германского союза для сохранения конституции империи и договор о дружбе и торговле в 1786 году с Соединенными Штатами Америки, который был образцом либеральной политики, уважающей права независимых наций, как в мирное, так и в военное время.

Смерть Фредерика. умер 17 августа 1786 года, на семьдесят пятом году своего совершеннолетия и сорок седьмом году своего правления. В целом, он был одним из самых замечательных людей своего времени и оказал большое влияние на состояние своей страны.

Его отличительной особенностью было восхищение и преданность военной профессии, которую он чрезмерно превозносил. Прапорщик в его армии занимал более высокое положение, чем советник дипломатической миссии или профессор философии. Его обычный образ жизни был простым и ненавязчивым, а его любимой резиденцией был дворец Сан-Суси в Потсдаме. Он очень любил музыку и общество литераторов, но унижал их своим покровительственным высокомерием и беспокоил своими розыгрышами. Его любимыми литературными товарищами были неверующие философы, и Вольтер получил от него знаки высочайшего отличия. Но король литературы не смог ужиться с деспотом, который домогался его общества, и на смену фамиллярности и дружбе пришла непримиримая ненависть. Король обладал значительной литературной репутацией и был автором нескольких произведений. Его солдаты восхищались им и допускали в них необычную фамиллярность. Он всегда был свободен от отталкивающих формальностей и сохранял достоинство. Он был трудолюбив, бережлив и бдителен. Ничто не ускользало от его внимания, и он уделял внимание деталям своего управления. Он был, вероятно, самым неутомимым сувереном из когда-либо существовавших, но проявлял больше личных способностей, чем мудрости.

Но каким бы способным и успешным ни был он как правитель, он был одним из тех людей, к которым невозможно испытывать глубокое уважение. Характер Фредерика. Он был жесток, эгоистичен и скуп. Он расточал кровь своих подданных и не был великодушен в обращении с

теми, кто пожертвовал всем ради него. Он правил, руководствуясь страхом, а не любовью. Он ввел в каждом подразделении четкость, присущую жесткой военной дисциплине, и не верил ни в какую силу, кроме механической. Он ссорился со своими лучшими друзьями и, казалось, наслаждался страданиями, которые причинял. Он презирал женщин и христианство. Его эгоизм не был искуплен вежливостью или приветливостью, и он не прилагал никаких усилий, чтобы скрыть свой неприкрытый эгоизм и бессердечную несправедливость. У него не было возвышенного характера и он не ценил возвышенных чувств в других. Он боготворил только себя и вознаграждал только тех, кто продвигал его амбициозные замыслы.

Ссылки.—Посмертные произведения Фредерика II. Взгляд Джиллиса на правление Фредерика II. Thiebault's Mémoires de Frédéric le Grand. Voltaire's Idée du Roi de Prusse. Жизнь барона Тренка. Эссе Маколея о жизни и временах Фредерика Великого. Австрийский дом Кокса. "Жизнь Фредерика Великого" Тауэра, Джонсона и Кэмпбелла.[\(Вернуться к содержанию\)](#)

ГЛАВА XXIV.

МАРИЯ ТЕРЕЗИЯ И ЕКАТЕРИНА II.

Современниками Фридриха Великого были Мария Терезия и Екатерина II. — два монарха, которые заслуживают особого внимания как представители двух могущественных империй. На роль, которую Мария Терезия сыграла в Семилетней войне, часто ссылались, и нет необходимости перечислять причины или события той войны. Она и Екатерина II. были также замешаны вместе с Фредериком в разделе Польши. Несчастья этой несчастной страны будут рассмотрены отдельно. Упомянув Марию Терезию, мы не можем не обратиться к истории той великой империи, которой она правила, самого могущественного из германских государств. Могущество Австрии в разное время после смерти императора Карла V угрожало свободам Европы; и, чтобы предотвратить ее господство, короли Франции, Англии и Пруссии растратили сокровища и пролили кровь своих подданных.

Вестфальским миром в 1648 году, по окончании Тридцатилетней войны, была принята Конституция Германии. конституция Германии была создана на прочной основе. Религиозные различия между католиками и протестантами были улажены, и религиозная терпимость была обеспечена во всех штатах империи. Было решено, что ни один декрет сейма не должен приниматься без большинства голосов и что Императорская палата и Городской совет должны состоять в должной пропорции из католиков и протестантов. Первый был учрежден императором Максимилианом I. в 1495 году на сейме Вормса и представлял собой судебный трибунал и высшую апелляционную инстанцию. Он состоял из семнадцати судей, назначенных императором, и занимался главным образом австрийскими делами. Городской совет был также судебным, состоял из восемнадцати человек и занимался главным образом делами, связанными с империей. Члены этих двух великих судебных трибуналов были католиками, и между ними также часто возникали споры относительно их соответствующей юрисдикции. Вестфальский мирный договор предписывал, что при назначении членов этих двух важных судов должно соблюдаться полное равенство; но фактически в Императорскую палату были назначены двадцать четыре протестанта и двадцать шесть католиков. Различные государства имели право представлять членов в зависимости от политической значимости. Городской совет

состоял из шести протестантов и двенадцати католиков и был трибуналом для урегулирования разногласий между различными государствами, из которых состояла Германия.

Эти государства были почти независимы друг от друга, но объединены под одним общим началом. Каждое государство имело свое собственное правительство, которое, как правило, было монархическим и регулировало собственную чеканку монет, деятельность полиции и отправление правосудия. Каждое королевство, курфюршество, княжество и имперский город, которые входили в состав государств Германии, имели право вести войну, заключать союзы, заключать мир и отправлять послов при иностранных дворах.

Сейм империи состоял из представителей каждого из штатов, назначаемых самими князьями, и занимался вопросами, представляющими общий интерес, такими как правила, касающиеся торговли, лицензии на книги и военной силы, которую должно было предоставить каждое государство.

Император в некоторых отношениях обладал властью над всеми этими государствами, но в основном она ограничивалась его наследственными владениями. Он не мог осуществлять никакого деспотического контроля над различными князьями империи; но, как наследственный суверен Австрии, Штирии, Моравии, Богемии, Венгрии и Тироля, он был самым могущественным князем в Европе до возвышения Людовика XIV.

Ferdinand III. был императором Германии во время Вестфальского мира, но пережил его недолго. Он умер в 1657 году, и его сын Леопольд наследовал ему в качестве суверена всех австрийских владений. Ему не исполнилось восемнадцати лет, но, тем не менее, пять месяцев спустя сейм на выборах избрал его императором Германии.

Великие события произошли во время правления Леопольда I. — турецкая война, вторжение Людовика XIV в Нидерланды, героическая борьба принца Оранского, французское вторжение в Пфальц, восшествие на трон Испании принца Бурбонов, недовольство Венгрии и победы Мальборо и Юджина. На большинство из них мы уже ссылались, особенно в главе о Людовике XIV, и, следовательно, больше не будем их обсуждать.

Самым важным событием, связанным с австрийскими делами, в отличие от дел Франции, Англии и Голландии, была Венгерская война. Венгерская война. Венгрия не была провинцией Австрии, а была отдельным государством. В 1526 году короны двух королевств были объединены, как короны Англии и Ганновера при Георге I. Но венгры всегда были нетерпимы к правлению императора Германии и в течение столетия пять раз поднимались на защиту своих свобод.

В 1667 году произошло одно из таких восстаний, вызванное агрессивной политикой и правительством Леопольда. Венгры устроили заговор, чтобы сохранить свои свободы, но тщетно. Как только императору стало известно о заговоре его венгерских подданных, он принял энергичные меры, разместил в Венгрии дополнительно тридцать тысяч солдат, обложил народ налогами, занял главные крепости, изгнал вождей и изменил конституцию страны. Он также пытался подавить протестантизм и допустил все эксцессы военного деспотизма. Эти накопившиеся притеснения довели храбрый, но беспокойный народ до отчаяния, и как католики, так и протестанты объединились ради их общей безопасности. Повстанцам помогал принц Трансильвании, а французы снабжали их деньгами и провизией. Они также нашли благородного защитника в лице Эмерика Текели, молодого венгерского дворянина, который

ненавидел Австрию так же сильно, как Ганнибал ненавидел Рим, и который во главе двадцати тысяч человек защищал свою страну от императора. Более того, он успешно заинтриговал турок, которые вторглись в Венгрию с двумястами тысячами человек и двинулись на осаду Вены. Эта огромная армия была разбита Яном Собеским, к которому Леопольд обратился в своих нуждах, и турки были изгнаны из Венгрии. Текели постепенно изолировался от тех, кто составлял большую опору его дела, и из-за ревности, которую Леопольд разжег между ним и турками, был арестован и отправлен в цепях в Константинополь. За императорской армией последовали новые победы, и Леопольду удалось сделать венгерскую корону, до сих пор выборную, наследственной в его семье. Он учредил в завоеванной стране ужасный инквизиционный трибунал и творил жестокости, которым едва ли можно найти аналог в проскрипциях Марии и Суллы. Его сын Иосиф в возрасте десяти лет был коронован королем Венгрии с большой пышностью и с обычными торжествами.

Когда венгерские трудности были улажены, у Леопольда появилось больше времени для ведения войны с турками, в которой он добился значительных успехов. Османская Порта была унижена и искалечена, и огромный источник недовольства христианских держав Европы был устранен. Карловицким миром (1697) Леопольд закрепил за собой Венгрию и Славонию, которые так долго были оккупированы турками, и укрепил свою империю приобретением Трансильвании.

Леопольд I дожил только до того, чтобы стать свидетелем великолепных побед Мальборо и Евгения, благодаря которым могущество его великого соперника Людовика было эффективно ослаблено. Он умер в 1705 году, правив сорок шесть лет; самое продолжительное правление в австрийских анналах, за исключением правления Фредерика III.

Он был человеком больших личных добродетелей; чистым в своих моральных принципах, верным своей жене, хорошим отцом и добрым хозяином. Он был скрупулезен в своей набожности, безграничен в своей благотворительности и утончен в своих вкусах. Но он был сдержанным, холодным и флегматичным. Его ревность к Собескому была недостойна его положения, а суровость в Венгрии сделала его объектом ненависти. Он был узким, фанатичным и эгоистичным. Но он жил в эпоху большой активности, и его правление образует эпоху в военных и гражданских институтах его страны. Артиллерия постепенно облегчалась и получила большинство усовершенствований, которые продолжаются в настоящее время. К мушкетам были добавлены штыки, а от использования пик отказались. Армии были увеличены с двадцати или тридцати тысяч человек до ста тысяч, сформированы более систематически. В городах была создана полиция, они были освещены и заасфальтированы. Судебная практика была улучшена, и многочисленные жалобы были урегулированы.

Леопольду наследовал его старший сын, император Иосиф. Иосиф, обладавший энергичным и устремленным умом. Его правление памятно продолжением великой войны за испанское наследство, ознаменованной победами Мальборо и Юджина, унижением французов и карьерой шведского короля Карла XII. Он также восстановил избирательные права Богемии, наградил пфальцского курфюрста почестями и территориями, отнятыми у его семьи в результате Тридцатилетней войны, и подтвердил за ганноверским домом владение девятым электоратом. Он почти восстановил спокойствие в своей стране, когда умер (1711) от оспы — жертвой невежества своих врачей. Он был любителем и покровителем искусств и элегантно и бегло говорил на нескольких языках. Но у него были обычные недостатки абсолютных принцев: он был

расточителен в своих расходах, вспыльчив по характеру, любил зрелища и удовольствия и был поработан женщинами.

Ему наследовал его брат, эрцгерцог Карл, под титулом Карла VI. Вскоре после его вступления на престол спокойствие в Европе было установлено Утрехтским миром, и Австрия снова стала доминирующей державой в Европе. Но Карл VI. не был способен оценить величие своего положения или истинные источники национальной мощи. Он, однако, ревностно посвятил себя делам своей империи и провел несколько полезных реформ. Поскольку у него не было потомства мужского пола, он составил торжественный закон, названный Прагматической санкцией, согласно которому он передавал своей дочери, Марии Терезии, свои обширные наследственные владения. Ему было очень трудно добиться согласия европейских держав на этот закон; но через некоторое время он достиг своей цели. После его смерти (1740 г.) на престол взошла Мария Терезия. Мария Терезия унаследовала все владения австрийского дома.

Ни одна принцесса никогда не восходила на трон при обстоятельствах большей опасности или в ситуации, которая требовала большей энергии и стойкости духа. Ее армия сократилась до тридцати тысяч человек; в ее казне было всего сто тысяч флоринов; общая нехватка провизии приводила народ в отчаяние, а из-за морозов был собран урожай.

При всех этих затруднительных обстоятельствах курфюрст Баварский предъявил права на ее территорию, и Фридрих II двинулся маршем в Силезию. Уже говорилось, что Англия сочувствовала ее бедам и оказала щедрую помощь. Также было описано ее обращение к своим венгерским подданным и энтузиазм, который они проявляли в ее деле. Смелость Фредерика и горе Марии Терезии привлекли к ним внимание всей Европы. Военные действия продолжались четыре года, в результате чего король Пруссии приобрел Силезию. Дрезденский мир (1745) дал Германии передышку, и Фредерик и Мария Терезия приготовились к новым конфликтам.

Семилетняя война была кратко описана в связи с правлением Фредерика и не нуждается в дальнейшем обсуждении. Война завершилась только из-за истощения всех вовлеченных в нее сторон.

В 1736 году Мария Терезия вышла замуж за Франциска Стефана, великого герцога Тосканского, и он был избран (1745) императором Германии под титулом Франциска I. Он умер вскоре после подписания Губертсбургского мира, и его сын Иосиф унаследовал трон империи и был соправителем, как и его отец, Марии Терезии. Но королева-императрица продолжала оставаться настоящей, поскольку она была законной правительницей Австрии и принимала активное участие во всех делах Европы.

Когда спокойствие в ее королевстве было восстановлено, она основала различные колледжи, Мария Терезия проводила реформы. реформировала государственные школы, развила сельское хозяйство и ввела множество полезных правил для процветания своих подданных. Она реформировала церковь, уменьшила число лишнего духовенства, подавила инквизицию и иезуитов и сформировала систему военной экономики, которая превзошла хваленые порядки Фридриха II. "Она сочетала частную экономию с общественной щедростью, достоинство со снисходительностью, возвышенность души со смирением духа, а добродетели домашней жизни с великолепными качествами, украшающими трон". Ее смерть в 1780 году была воспринята как общая потеря для народа, который обожал ее; и ее правление считается одним из самых прославленных в австрийских летописях.

Однако ее правление было омрачено разделом Польши, в котором она была связана с Фридрихом Великим и Екатериной II. Прежде чем приступить к рассмотрению этого вопроса, мы рассмотрим правление российской императрицы.

Правление Екатерины II, как и правление Марии Терезии, связано с правлением Фредерика. Но прежде всего необходимы некоторые замечания относительно ее предшественников после смерти Петра Великого.

Екатерина, жена Петра, была коронована императрицей перед его смертью. Первые годы правления преемников Петра Великого. ее правление было приятно народу, потому что она уменьшила налоги и ввела мягкую политику в управлении своими подданными. Она доверила принцу Мензикову важную роль в управлении королевством.

Но Екатерина, которая во время правления Петра I проявила столько предприимчивости и бесстрашия, очень скоро пренебрегла бизнесом и предалась роскоши и удовольствиям. Умерла в 1727 году и она, и Петр II. взошла на трон главным образом в результате интриг Мензикова, который, подобно Ришелье, хотел сделать императора своей марионеткой.

Петру II. было всего тринадцать лет, когда он стал императором. Он был сыном Алексея и, следовательно, внуком Петра I. Его молодость не позволила ему взять в свои руки бразды правления, и все было вверено заботам Мензикова, который некоторое время правил с абсолютной властью. Но в конце концов он навлек на себя неудовольствие своего молодого хозяина и был сослан в Сибирь. Но Петр II. недолго пережил опалу своего министра. Он умер от оспы в 1730 году.

Ему наследовала Анна, герцогиня Голштинская, старшая дочь Екатерины I. Но она прожила всего несколько месяцев после своего восшествия на престол, и ей наследовала принцесса Елизавета.

Императрица Елизавета походила на свою мать, прекрасную Екатерину, но была чувственной и слабой. Она предавалась ребяческим забавам и унижительным безумствам. И она была столь же суеверна, сколь и распутна. Она могла целыми часами стоять на коленях перед образом, с которым разговаривала и к которому всегда обращалась; а затем переходила от фанатизма к позорной чувственности. Она ненавидела Фридриха II и помогала Марии Терезии в ее борьбе. Россия не получила никаких преимуществ от Семилетней войны, за исключением того, что приучила русских к тактике современной войны. Она умерла в 1762 году, и ей наследовал великий князь Петр Федорович, сын герцога Голштинского и Анны, дочери Петра I. Он принял титул Петра III.

Петр III. был слабым правителем, но склонным к благотворительности. Одним из первых его действий было вспомнить о многочисленных изгнанниках, которых ревность Елизаветы отправила в сибирские пустыни. Среди них был Бирен, надменный любовник и варварский министр императрицы Анны, и маршал Мюнхен, ветеран восьмидесяти двух лет. Петр также отменил инквизицию, учрежденную Алексисом Михайловичем, и способствовал развитию торговли, искусств и наук. Он пытался подражать королю Пруссии, которым испытывал экстравагантное восхищение. Он освободил прусских пленных и заключил мир с Фридрихом II. Он очень уважал Германию, но презирал страну, править которой был призван. Но его пристрастие к немцам и его многочисленные реформы вызвали отторжение у его подданных, и он не смог в достаточной степени обуздать дух недовольства. Он подражал своим

непосредственным предшественникам в пороках пьянства и чувственности и был виновен в больших неосторожностях. Он правил всего несколько месяцев, будучи свергнутым с престола и убитым Петром III. Его жена, императрица Екатерина, была главарем заговорщиков, и ее подтолкнули к кровавому поступку ее собственные отчаянные обстоятельства. Она была несносна своему мужу, который, вероятно, уничтожил бы ее, если бы его жизнь продлили. Она, видя его враждебность и движимая дьявольским честолюбием, стремилась свергнуть своего мужа с престола. Ей помогали некоторые из самых могущественных дворян, и она получила командование над большинством полков императорской гвардии. Новгородский архиепископ и духовенство были дружелюбны к ней, потому что они ненавидели реформы, которые пытался провести Петр. Екатерина стала хозяйкой Санкт-Петербурга и добилась того, чтобы ее короновали императрицей России в одной из главных церквей. Петр своевременно узнал о восстании, но у него не хватило энергии для его подавления. Он прислушивался к мольбам женщин, а не к советам тех опытных генералов, которые все еще поддерживали его трон. Он был робким, нерешительным и колеблющимся. Он был обречен. Он был слабым и влюбленным принцем, и ничто не могло спасти его. Он сдался в руки Екатерины, отрекся от своей империи и вскоре после этого умер от яда. Его жена без дальнейших возражений воссела на его трон, и главная знать империи, армия и духовенство принесли присягу на верность, а монархи Европы признали ее абсолютной правительницей России. В 1763 году она прочно утвердилась у власти, которой до этого обладала Екатерина I. Она свергла с престола слабоумного принца, которого ненавидела; но революция завершилась без кровопролития и привела к процветанию России.

Екатерина была женщиной с большими моральными недостатками, но у нее было много достоинств, которые уравнивали их, и ее правление в целом было умелым и благотворным. Едва она утвердилась во власти, которую узурпировала, как обратила внимание на дела своей империи и попыталась исправить существовавшее великое зло. Она посвятила себя бизнесу, развила торговлю и искусство, регулировала финансы, улучшила юриспруденцию королевства, покровительствовала всем работам по внутреннему благоустройству, вознаграждала выдающиеся заслуги, поощряла образование и проводила либеральную и просвещенную политику в своих отношениях с иностранными державами. После ведения бизнеса со своими министрами она общалась с учеными и философами. С некоторыми она изучала политику, а с другими - литературу. Она терпимо относилась ко всем религиям, отменила odioзные суды и ввела мягкие законы. Она всячески поощряла иностранцев селиться в России и основывала колледжи и больницы во всех частях своей империи.

Какими бы благотворными ни были ее реформы, она, тем не менее, совершила несколько крупных политических преступлений. Одним из них было убийство Ивана. убийство свергнутого с престола Ивана, правнука царя Ивана Алексеевича, который был братом Петра Великого. После смерти императрицы Анны в 1741 году он был провозглашен императором, но когда на трон взошла Елизавета Петровна, младенец был заключен в крепость Шлюссенбург. Здесь его так тщательно охраняли и держали взаперти, что ему никогда не разрешали выходить на открытый воздух или на дневной свет. На момент восшествия на престол Екатерины ему было двадцать три года, и он был крайне невежественен и слаб. Но был составлен заговор с целью освободить его и посадить на трон. Попытка оказалась неудачной, и принц погиб от меча своих тюремщиков, которые были великолепно вознаграждены за свои бесславные услуги.

Ее план внешнего усиления, и особенно ее вмешательство в дела Польши, вынудили Оттоманскую Порту объявить ей войну, которая оказалась катастрофической для Турции и

способствовала усилению Российской империи. Турки проиграли несколько сражений на Пруте, Днестре и Дунае; провинции Валахия, Молдавия и Бессарабия покорились русскому оружию; в то время как крупная морская победа в Средиземном море была одержана Алексеем Орловым, чье участие в последней революции подняло его из звания простого солдата догенерала империи и фаворита императрицы. Морское поражение турок при Чесме, нанесенное Орловым и Эльфинстоуном, было одним из самых значительных событий того времени и значительно ослабило мощь Турции. Война была прекращена только в 1774 году, когда турки были вынуждены заключить мир, по условиям которого Россия получила обширную территорию, большую сумму денег, свободное судоходство по Черному морю и проход через Дарданеллы.

В 1772 году произошел раздел Польши между Австрией, Пруссией и Россией. Екатерина и Фридрих II. были главными исполнителями этого великого политического преступления, которое будет рассмотрено в заметке о Польше.

Правление Екатерины не ознаменовалось какими-либо другими крупными политическими событиями, которые существенно затронули интересы Европы, за исключением продолжения войны с турками, которая снова вспыхнула в 1778 году и которая была завершена в 1792 году Яским мирным договором. В этой войне сильно отличился князь Потемкин, фаворит и премьер-министр Екатерины, а также генерал Суворов, впоследствии прославившийся своими польскими кампаниями. В этой войне Россия потеряла двести тысяч человек, а турки - триста тридцать тысяч, не считая израсходованных двухсот пятидесяти миллионов пиастров. Наиболее важным политическим следствием стало усиление России, чье владычество было установлено на Черном море.

Екатерина, заполучив с помощью оружия или интриг почти половину Польши, Крым и часть границ Турции, затем обратила свое оружие против Персии. Но она убила Екатерину. умерла прежде, чем смогла осуществить свои мечты о завоеваниях. После своей смерти она была самой могущественной правительницей, когда-либо правившей в России. Ей наследовал ее сын Павел I. (1796), и ее останки были захоронены рядом с ее убитым мужем, в то время как его главным убийцам, Алексею Орлову и князю Баратинскому, было приказано стоять на ее похоронах по обе стороны от его гроба в качестве главных скорбящих.

Екатериной, хотя и женщиной огромной энергии и таланта, правили фавориты, самыми выдающимися из которых были Григорий Орлов и князь Потемкин. Первый был человеком с грубыми манерами и удивительной дерзостью; второй был более цивилизованным, но, как и Орлов, был опозорен всеми пороками. Однако память о нем до сих пор чтут в России из-за его военных успехов. Он получил от своего государя больше почестей и наград, чем известно о каком-либо фаворите и министре современности. Его власть была равна той, которой пользовался Ришелье, и его состояние было почти таким же большим, как у Мазарини. Он был кавалером главных орденов Пруссии, Швеции, Польши и России, фельдмаршалом, главнокомандующим русскими армиями, верховным адмиралом флотов, великим гетманом казачества и камергером императрицы. Он получил от нее состояние в пятьдесят миллионов рублей, что составляет почти двадцать пять миллионов долларов. Орловы получили также около семнадцати миллионов земель, дворцов и денег вместе с сорока пятью тысячами крестьян.

Кэтрин - Ее Персонаж. у нее были две страсти, которые не покидали ее до последнего вздоха, — любовь к другому полу, выродившаяся в самую безграничную распущенность, и любовь к славе,

утонувшая в тщеславии. Она потратила девяносто миллионов рублей на своих фаворитов, число которых почти невероятно; и ее заставляли участвовать в войнах, которые увеличивали бремя ее подданных.

За исключением этих двух страстей, ее характер интересен и властен. Ее правление было великолепным, а двор - великолепным. Ее учреждения и памятники были для России тем же, чем великолепие Людовика XIV. было для Франции. Она была активна и регулярна в своих привычках; никогда не поддавалась гневу и никогда не впадала в уныние; в ее поведении никогда не проявлялись капризы и дурное настроение; она была с чувством юмора, веселой и приветливой; она ценила литературу и поощряла хорошие учреждения; и, несмотря на все свои недостатки, снискала любовь и почтение своих подданных. Она не обладала добродетелями Марии Терезии, но, возможно, обладала большей энергией характера. Самым подлым ее поступком было участие в расчленении Польши, которое теперь требует уведомления.

Ссылки.—О правлении Марии Терезии читайте в "Воспоминаниях архидьякона Кокса об австрийском доме", которые являются наиболее интересными и полными. Смотрите также Конституцию Германской империи Путтера; Историю Германии Кольрауша; Современную историю Херена; Лекции Смита; также историю Германии в Циклопедии доктора Ларднера. О жизни Екатерины читайте в "Жизни Кастины", переведенной Хантером; "Жизни Екатерины II" Тука; "Жизни Екатерины II" Сегура; "Путешествиях Кокса"; "Современной истории Хирена и Рассела".([Вернуться к содержанию](#))

ГЛАВА XXV.

БЕДСТВИЯ ПОЛЬШИ.

Ни одно королевство в Европе не подвергалось стольким бедствиям, как Польша. несчастьям и переменам, учитывая ее бывшее величие, как польская монархия. Большинство европейских государств сохраняли свои древние границы в течение нескольких столетий без существенных изменений, но Польша была завоевана, расчленена и разграблена. Его древняя конституция была полностью ниспровергнута, и его обширные провинции теперь присоединены к территориям России, Австрии и Пруссии. Величие национальных бедствий возбудило сочувствие христианских народов, и его печальная судьба вызывает всеобщее сожаление.

В шестнадцатом веке Польша была более великим государством, чем Россия, и самым могущественным из северных королевств Европы. Поляки, как нация, однако, не очень древняя. До девятого века они были разделены на многочисленные племена, независимые друг от друга и управляемые своими соответствующими вождями. Христианство было введено в десятом веке, и самые ранние летописи этого народа были сохранены монахами. Мы мало что знаем с уверенностью до времен Пяста, который объединил различные государства и чьи потомки правили до 1386 года, когда началась династия Ягеллонов, и продолжались до 1572 года. При князьях этой линии правительство было деспотичным. Война была великим делом и развлечением князей, и успех в ней приносил высшие почести. Однако короли были слабыми, жестокими и капризными, невежественными, свирепыми и ленивыми. Записи об их правлениях — это записи о пьянстве, вымогательстве, жестокости, похоти и насилии - общей истории всех варварских королей. Были некоторые польские князья, которые были великодушны и милосердны, но подавляющее большинство из них, подобно князьям Меровингов и

Карловингов Темных веков, были непригодны для правления, были рабами суеверий и орудиями рукотворных священников. Надлетописями средневековья нависает меланхолический мрак, особенно в отношении королей. И все же их правление, хотя и запятнанное отвратительными преступлениями, в целом было предпочтительнее анархии междоусобицы или чрезмерно возросшей власти знати.

Самый яркий период в истории Польши пришелся на период правления князей Ягеллонов, особенно когда Казимир I держал скипетр империи. Во время его правления Литва, которая тогда включала Венгрию, Богемию и Силезию, была присоединена к его королевству. Был основан Краковский университет, и Польша стала великим прибежищем евреев, которым была доверена торговля на этой земле. Но суровость феодальной системы и огромное преобладание аристократии оказались неблагоприятными для процветания королевства. То, что в Англии было основой конституционной свободы, в Польше оказалось подрывным для всякого порядка и хорошего правительства. В Англии представитель нации был превращен в инструмент в руках короля для усмирения высшей знати. Абсолютизм был установлен на руинах феодализма. Но в Польше сейм нации контролировал короля и, будучи исключительно представителями дворянства, увековечивал худшие пороки феодальной системы.

Когда Сигизмунд II, последний наследник мужского пола из дома Ягеллонов, умер в 1572 году, знать была достаточно могущественна, чтобы сделать корону Польши выборной. Выборная корона. С этого периода мы датируем упадок Польши. Реформация, столь благотворная по своим последствиям, не распространилась на эту славянскую страну, и средневековое варварство не было остановлено. После смерти Сигизмунда дворяне не позволили избрать нового государя сеймом, а только всем дворянством. Местом для выборов была выбрана равнина Прага; и в назначенное время прибыло такое огромное количество знати, что равнина, имевшая двенадцать миль в окружности, едва могла вместить их самих и их свиту. Такого зрелища никто не видел с тех пор, как крестоносцы были выстроены на поле Халкидона, ибо вся знать была великолепно одета и украшена горностаем, золотом и драгоценными камнями. Польский всадник часто вкладывает половину своего состояния в своего коня и одежду. В центре поля стоял шатер покойного короля, способный вместить восемь тысяч человек. Кандидатами на корону были Эрнест, эрцгерцог Австрийский; царь России; шведский принц и Генрих Валуа, герцог Анжуйский и брат Карла IX, короля Франции.

Первый кандидат был отклонен из-за того, что австрийский дом был ненавистен польской знати; второй - из-за его высокомерия; и третий - потому, что он был недостаточно силен, чтобы принести пользу республике. Выбор пал на избрание Генриха, герцога Анжуйского. Герцог Анжуйский; и он, ради титула короля, согласился на позорные условия, предложенные поляками, а именно, что он не должен пытаться влиять на выборы своих преемников, или принимать титул наследника монархии, или объявлять войну без согласия Сейма, или вводить налоги любого рода, или иметь право назначать своих послов или любого иностранца на церковный бенефиций; что он должен созывать Сейм каждые два года; и что он не должен жениться без его разрешения. От него также требовалось предоставить четыре тысячи французских солдат на случай войны; ежегодно использовать в интересах польского государства значительную часть своих наследственных доходов; выплачивать долги короны; и обучать за свой счет в Париже или Кракове сотню польских дворян. Едва он был коронован, как умер его брат, и он был призван на трон Франции. Но ему было трудно сбежать из своего королевства, правление которым он находил обременительным и досадным. Ни один

преступник никогда так не стремился сбежать из тюрьмы, как этот принц, разорвать оковы, которые связывали его со своими властными подданными. Он решил сбежать; тщательно скрывал свои намерения; дал большой бал в своем дворце и в разгар празднеств во весь опор отправился в Силезию. Его преследовали, но он достиг территорий императора Германии, прежде чем его настигли. Он благополучно добрался до Парижа и вскоре после этого был коронован как король Франции.

Ему наследовал Стефан, герцог Трансильвании, а ему, опять же, Сигизмунд, принц Швеции. Два сына Сигизмунда последовательно были избраны королями Польши, последний из которых, Иоанн II, был втянут в постоянную войну. Именно во время своего катастрофического правления Собеский помогает императору Леопольду. Иоанн Собеский с десятью тысячами поляков разгромил восемьдесят тысяч казаков, наследственных врагов Польши. После смерти Михаила, сменившего Иоанна II, королем был избран Собеский, который принял титул Иоанна III. Он был дворянином по происхождению и был выбран за его военные таланты и успехи. Действительно, Польше нужна была сильная рука, чтобы защитить ее. Ее упадок уже начался, и сам Собеский не мог предотвратить надвигавшегося разорения. На некоторое время Польша наслаждалась прекращением войны, и энергия монарха была направлена на устранение зла, опозорившего его страну. Но прежде чем он смог успешно провести какие-либо полезные реформы, разразилась война между турками и восточными державами Европы, и Вена была осаждена подавляющей армией из двухсот тысяч мусульман. Город храбро защищался, но его захват казался неизбежным. Император Германии Леопольд в отчаянии умолял Собеского о помощи. Ему было поручено командование союзными армиями австрийцев, баварцев, саксонцев и поляков, насчитывавшими семьдесят тысяч человек. С этими силами он двинулся на освобождение Вены. Он без колебаний атаковал огромные силы, стоявшие лагерем под стенами австрийской столицы, и одержал одну из самых знаменательных побед в истории войн. В его руки попали огромные сокровища, и Вена и христианский мир были спасены.

Но подлый император относился к своему избавителю с высокомерием и леденящей душу холодностью. Благодарности никто не проявлял и не чувствовал. Но папа римский прислал ему самый редкий из своих подарков — "жемчужного голубя". Собеский, несмотря на неблагодарность Леопольда, продолжал одерживать победы над турками и, подобно Карлу Мартеллу, десятью веками ранее освободил Европу от опасности мусульманского ига. Но он спас змею, когда ее собирались раздавить, которая обернулась и ужалила его за его доброту. Вскоре за освобождением Вены последовал распад его страны.

В 1696 году ему наследовал Фредерик Август, курфюрст Саксонии, правление которого представляло собой постоянную череду бедствий. Во время его правления Польша была захвачена шведским королем Карлом XII. Ему наследовал его сын, Фредерик Август II, самый красивый, экстравагантный, роскошный и распущенный монарх своего времени. Но он был человеком с изысканным вкусом и наполнил Дрезден картинами и произведениями искусства, которые до сих пор вызывают восхищение путешественников. Его правление в качестве короля Польши было чрезвычайно катастрофическим. Московские и прусские армии в свое удовольствие пересекали равнины Польши и вымогали все, что им заблагорассудится. Фракция сталкивалась с фракцией на поле боя и в Сейме. Национальное собрание было распущено из-за вето, законы игнорировались, и грубая сила преобладала со всех сторон. Несчастные крестьяне тщетно просили защиты у своих жестоких, но бессильных лордов. Банды грабителей

наводнили дороги, и голод вторгся в коттеджи. В стране быстро сокращались богатство, население и общественный дух.

Во время правления Станислава II, сменившего Фредерика Августа II, в 1764 году послы Пруссии, Австрии и России сообщили несчастному королю, что, чтобы предотвратить дальнейшее кровопролитие и восстановить мир в Польше, три державы решили настаивать на своих притязаниях на некоторые провинции королевства. Этот неприкрытый и незаконный план расчленения Польши был придуман Фридрихом Великим. Как только окончание Семилетней войны позволило ему отдохнуть, он обратил свой взор на Польшу с целью захвата одной из ее богатейших провинций. Территории, на которых проживало четыре миллиона восьмьсот тысяч человек, были разделены между Фредериком, Марией Терезией и Екатериной II. Ни у Фредерика, ни у Катарини, женщины с мужской энергией, не было угрызений совести, но были постыдные нравы. Совесть Марии Терезии, однако, долго сопротивлялась. "Страх перед адом, - сказала она, - удерживает меня от захвата чужого имущества"; но софистика овладела ее разумом, и жажда власти взяла свое. Другие европейские державы отнеслись к этому преступлению с отвращением, но они были слишком заняты своими собственными проблемами, чтобы вмешаться, разве что в виде увещеваний. Англия была встревожена трудностями в колониях, а Франция была отвлечена революционными беспорядками.

Станислав, лишившийся трети своих владений, теперь обратил свое внимание на те реформы, в которых так долго остро нуждался. Он поручил знаменитому Замойскому переработать конституцию. Канцлер-патриот рекомендовал отменить право вето. "liberum veto" - фатальная привилегия, благодаря которой любой из вооруженных всадников, собравшихся на равнине Праги для избрания короля или обсуждения государственных дел, имел право аннулировать наиболее важные акты и даже распустить собрание. Одно-единственное слово, произнесенное в пылу внутренней борьбы или под влиянием внешней коррупции, могло погрузить нацию в летаргический сон. А фракции заходили так далеко, что часто приводили к роспуску собрания. Тогда казначейство, армия, гражданские власти впадали в состояние анархии. Замойский также рекомендовал освобождение крепостных, поощрение торговли, возвышение торговых классов и отмену пагубного обычая избрания короля. Но польская знать, увлеченная и обреченная, воспротивилась этим благотворным реформам. У них даже хватило безумия обратиться за помощью к императрице Екатерине, чтобы та защитила их древние привилегии. Она послала армию в Польшу, и это привело к большим беспорядкам.

Наконец, слишком поздно дворяне осознали свою глупость и приняли некоторые из предложенных реформ. Но эти реформы дали союзным державам новый повод для второго расчленения. Падение Польши. Стотысячная армия вторглась в Польшу, чтобы осуществить новый раздел. Несчастливая страна, лишенная укрепленных городов и гор, покинутая всем миром, рассеянная дивизиями, лишенная крепостей и военных припасов, была раздавлена мощью гигантских врагов. Остались патриотизм и храбрость, но не было союза или организованной силы. Патриоты вели отчаянную борьбу под командованием Костюшко, литовского дворянина, но были вынуждены уступить неизбежной необходимости. Варшава какое-то время держалась против пятидесяти тысяч человек, но польский герой потерпел поражение в решающем сражении и, к несчастью, был взят в плен. Его соотечественники все еще сплывались, и еще одно кровопролитное сражение произошло под Прагой, напротив Варшавы, на другом берегу Вислы, и десять тысяч были убиты; Прага превратилась в груды развалин; и двенадцать тысяч горожан были хладнокровно убиты. Вскоре после этого Варшава

сдалась, Станислав был отправлен в качестве пленника в Россию, и был произведен окончательный раздел королевства.

"Сарматия пала", но не "без потерь" или "без преступления". "Она пала, - говорит Элисон, - жертвой собственных разногласий, ложно преследуемой химеры равенства и непрестанно поддерживаемой строгости аристократизма. Старшая по рождению в европейской семье погибла первой, потому что она сорвала все цели социального союза; потому что она объединила турбулентность демократических обществ с исключением аристократических; потому что у нее были колебания республики без ее энергии и угнетение монархии без ее стабильности. Поляки упрямо отказывались идти вместе с другими нациями по единственному пути к цивилизации; у них была доблесть, но она не могла принудить к повиновению законам; она не могла сохранить внутреннее спокойствие; она не могла обуздать насилие мелких междоусобиц и внутренних смут; она не могла уберечь гордую знать от безграничного распутства и коррупции; она не могла помешать иностранным державам вмешиваться в дела королевства; она не могла расторгнуть союз этих держав с недовольными партиями внутри страны; она не могла воодушевить энергией медленно движущуюся правительственную машину, когда самый скромный сторонник, развращенный иностранными деньгами, мог остановить его одним словом; он не мог предотвратить вступление иностранных армий для поддержки фракционных и мятежных; он не мог отстоять в разделенной стране национальную независимость от совокупного воздействия внешней и внутренней измены; наконец, он не мог совершить невозможное или отвести в сторону разрушающий меч, который так долго нависал над ней".

Но за это великое преступление последовало возмездие. Пруссия, стремясь уничтожить Польшу, парализовала свои армии на Рейне. Суворов вступил в Варшаву, когда ее шпили были обугрены пожарами Праги; но разграбление павшей столицы было забыто в пожаре Москвы. Остатки солдат Костюшко нашли убежище в республиканской Франции и с отличием служили в армиях Наполеона против держав, расчленивших их страну.

Распад Польши как независимого государства не был полностью завершен до 1832 года, когда она была включена в состав великой Российской империи. Но история поздней революции, со всеми ее печальными результатами, не может быть хорошо представлена в этой связи.

Ссылки.—История Польши Флетчера. Rulhière's Histoire de l'Anarchie de Pologne. "Жизнь Собеского" Койера. "История Августа II" Парфенэ. "История поздней польской революции" Гординского. Смотрите также Жизнеописания Фредерика II, Марии Терезии и Екатерины II; современные истории Пруссии, России и Австрии; Историю Европы Элисон; Лекции Смита; Современную Европу Рассела; Современную историю Хирена. [\(Вернуться к содержанию\)](#)

ГЛАВА XXVI.

УПАДОК ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ.

В то время как великие монархии Западной Европы боролись за превосходство и разрабатывали ресурсы, превышающие те, которые когда-либо прежде демонстрировались со

времен падения Римской империи, эта великая держава, которая встревожила и изумила христианский мир в шестнадцатом и семнадцатом веках, Сарацинская империя. Начали проявляться признаки слабости и упадка. В истории общества нет ничего более удивительного, чем возвышение мусульманских королевств. Победы сарацин и турок были быстрыми и полными; и в десятом веке они были самыми успешными воинами на земном шаре и угрожали ниспровергнуть мир. Они водрузили знамя Пророка на стенах восточных столиц и распространили свои завоевания на Индию на востоке и на Испанию на западе. Могущественные мусульманские государства возникли в Азии, Африке и Европе, и только крестоносцы остановили продвижение этих победоносных армий. Энтузиазм, который зажгли доктрины Мухаммеда, нелегко объяснить; но он был свеж, порывист и самоотвержен. Сменявшие друг друга армии мусульманских захватчиков сокрушали древние области цивилизации и подчиняли народы, которых они завоевали и обратили, деспотическому игу. Но успех ослабил победоносных завоевателей Востока, империя халифов была распущена, и большие перемены произошли даже в тех землях, где преобладали доктрины Корана. Мухаммед увековечил религию, но не империю. Различные сарацинские вожди восстали против "Отца правоверных" и основали отдельные королевства, или вице-королевства, почти независимые от признанных преемников Мухаммеда. Сарацинская империя была рано расчленена, и султаны Египта, Испании и Сирии боролись за первенство.

Но на развалинах сарацинской империи возникла новая сила, ставшая восторженными защитниками религии ислам. Возвышение турок. Турки были малоизвестным племенем варваров, когда Багдад был резиденцией могущественной монархии. Их происхождение прослеживается в дебрях Скифии; но они рано покинули свои родные леса в поисках более плодородных регионов. Когда Апулия и Сицилия были покорены нормандскими пиратами, группа этих скифских пастухов поселилась в Армении, вероятно, в девятом веке, и благодаря своей доблести и простоте вскоре превратилась в могущественное племя. Вскоре после того, как они поселились в своей новой обители, султан Персии призвал их на помощь в войнах против багдадского халифа, своего великого соперника. Турки выполнили его просьбу, и их вооружение увенчалось успехом. Султан тогда отказался расстаться со столь полезными вспомогательными войсками и, более того, опасаясь их силы, намеревался использовать их в своих войнах против индусов и запереть их в центре своих владений. Туркмены взбунтовались, удалились в горную часть страны, стали разбойниками и опустошили соседние страны. Шайка разбойников постепенно разрослась в мощную армию, одержала великую победу над войсками султана Мухаммеда и посадила своего вождя на персидский трон (1038 г.). Согласно Гиббону, новый монарх был выбран по жребию, и сельджуку посчастливилось выиграть приз завоевания и стать основателем династии королей-пастухов. Во время правления его внука Тогрула древние персидские князья были изгнаны, и турки приняли религию побежденных. В 1055 году турецкий султан освободил халифа Багдада из рук халифа Египта, который оспаривал у него титул Повелителя правоверных. За эту услугу он был великолепно вознагражден благодарным преемником Пророка, который в то время пировал в своем дворце в Багдаде - почтенном призраке власти. Победоносный султан был публично назначен наместником халифа и фактически воссел на трон Аббасидов. Вскоре после этого турецкий завоеватель вторгся в падающую греческую империю, и ее азиатские провинции были безвозвратно потеряны. Во второй половине XI века турецкая власть установилась в Малой Азии, а сам Иерусалим перешел в руки султана. Он потребовал у христианского паломника две золотые монеты и, более того, обошелся с ним с большей жестокостью, чем когда-либо проявляли

сарацины. Вымогательства и притеснения турецких хозяев Священного города привели к Крестовым походам и окончательному овладению Западной Азией последователями Пророка. Турецкое могущество постоянно росло с упадком сарацинской и греческой империй, но династия Сельджуков, как и династия Аббасидов в Багдаде, наконец закончилась, и Осман, солдат удачи, стал султаном турок. Он считается основателем Османской империи, и при его правлении, с 1299 по 1326 год, мусульмане добились быстрых успехов в развитии.

Орхам, его сын, учредил отряд янычар, завершив борьбу с турецкими завоевателями. завоевание Вифинии и заложило основы турецкого могущества в Европе. При его преемнике Амурате I Адрианополь стал столицей Османской империи и соперником Константинополя. Баязет сменил Амурата, и его завоевания простирались от Евфрата до Дуная. В 1396 году он разбил при Никополе армию конфедерации численностью в сто тысяч христиан и, опьяненный победой, объявил, что накормит свою лошадь бушелем овса на алтаре святого Петра в Риме. Если бы не победы Тамерлана, Константинополь, вмещавший в своих стенах жалкие осколки великой империи, тоже попал бы в его руки. Он потерпел неудачу в своей войне с великим завоевателем Азии и был побежден в битве при Ангоре (1402 г.), взят в плен и доставлен Тамерланом в Самарканд в железной клетке.

Великий Баязет умер в плену, и Мухаммед I унаследовал его трон. Он восстановил на более прочной основе структуру Османской монархии и посвятил себя искусству мира. Его преемник, Амурат II, продолжил военные действия с греками и осадил Константинополь. Но этот великолепный город, последний памятник римского величия, сопротивлялся турецкому оружию лишь некоторое время. В 1453 году он пал перед непреодолимой силой в триста тысяч человек, поддерживаемый флотом из трехсот парусников. Императору Константину удалось выдержать осаду, длившуюся пятьдесят три дня, и мусульманские завоеватели повергли религию и империю христиан в прах. Город был разграблен, люди обращены в рабство, а церковь Святой Софии лишена вековых приношений и превращена в мусульманскую мечеть. Сто двадцать тысяч рукописей погибли при разграблении Константинополя, а дворцы и сокровища греков были переданы полуварварам.

С этого времени столица Византии стала резиденцией Османской империи, и на протяжении более чем двух столетий турецкие армии вызывали опасения и нарушали покой во всем мире. Успехи турок. Они постепенно подчинили и присоединили Македонию, Пелопоннес, Эпир, Болгарию, Сербию, Боснию, Армению, Кипр, Сирию, Египет, Индию, Тунис, Алжир, Мидию, Месопотамию и часть Венгрии к владениям султана. В шестнадцатом веке Османская империя была самой могущественной в мире. Мы также не должны удивляться, принимая во внимание большой успех турок, когда вспоминаем их исключительную храбрость, их всепоглощающее честолюбие, их почти невероятное послушание приказам султана и единство, которым были проникнуты национальные советы. Они также боролись за распространение своей религии, слепыми приверженцами которой они были. После взятия Константинополя черед великих князей воссел на самый абсолютный трон, известный в наше время; люди, опозоренные многими преступлениями, но все же удивительно приспособленные к расширению своего владычества.

Продвижение турок справедливо встревожило императора Карла V. И он приложил все свои силы, чтобы объединить немецких князей против них, но безуспешно. Султан Солиман, прозванный Великолепным, сохранил свое господство над Трансильванией, Валахией и

Молдавией, разорил Венгрию, отвоевал Родос у рыцарей ордена Святого Иоанна, завоевал всю Аравию и напал на португальские владения в Индии. Он поднял турецкую империю на вершину ее величия и погиб при осаде Сигета, завершая завоевание Венгрии. Его империя была одним огромным лагерем, и его указы датировались императорским стремящем. Железный скипетр, которым владели он и его преемники, был обгажен кровью; политикой его солдат была только дисциплина и хищение их ресурсов.

Selim II. сменил Солимана и подал губительный пример того, что не ходил сам на войны, а вел их с помощью своих лейтенантов. Его сын, Мурад III, проник в Россию и Польшу и начал войну с императором Германии. Мухаммед III, умерший в 1604 году, убил всех своих братьев, числом девятнадцать, и казнил собственного сына. Обычно, когда император вступал на трон, он предавал смерти своих братьев и племянников. Действительно, характеры султанов были отмечены необычной свирепостью и ревностью, и они были беспринципны в средствах, которые они использовали для продвижения своей власти. Мир никогда не видел более подозрительных тиранов; и мы всегда должны удивляться, что им так без колебаний повиновались. Но иногда они были свергнуты с престола янычарами, которые составляли своего рода императорскую гвардию. Осман II, опасаясь их могущества и испытывая отвращение к их вырождению, решил уничтожить их как опасных для государства. Но его замысел был раскрыт, и он сам лишился жизни (1622). Ему наследовали несколько чудовищ тирании и беззакония, правление которых было опозорено всяким избытком разврата и жестокости. Их подданные, однако, еще не утратили бодрости, воздержанности и честолюбия и все еще продолжали поставлять войска, непревзойденные по дисциплине и храбрости, нацеленные на завоевания и господство.

Турецкая мощь не подвергалась серьезным испытаниям вплоть до правления Мухаммеда IV, во время которого Собеский разгромил огромную армию, осадившую Вену. По Карловицкому миру 1699 года Трансильвания была передана императору Германии, и был воздвигнут барьер против мусульманского вторжения.

Русские со времен Петра Великого с большой завистью смотрели на власть султана, результатом чего стало несколько войн. Ни один русский государь не желал унижения Порты больше, чем Екатерина II. Последовало кровавое противостояние, ознаменованное победами Голицына, Суворова, Романцова и Орлова, благодаря которым Турция стала державой второго сорта, которой больше не боялись европейские государства.

Из Карловицкого мира, об упадке турецкого могущества. упадок Османской империи был постепенным, но заметным из-за безразличия турок ко всем современным усовершенствованиям и вялой, консервативной политики, враждебной прогрессу и скептически относящейся к цивилизации. Турки всегда были фанатичными мусульманами и враждебно относились к европейскому влиянию. Восточная одежда сохранилась в Константинополе, и все манеры и обычаи местных жителей похожи на то, какими они были в Азии несколько веков назад.

Одной из особенностей турецкого правительства в самый процветающий период его истории были турецкие институты. учреждение янычаров — гвардии солдат, на которых была возложена опека султана и защита его столицы. Когда на троне восседали воинственные и способные князья, этот институт оказывал большую поддержку правительству; но когда бразды правления оказались в руках женоподобных князей, янычары, подобно преторианской гвардии Рима,

приобрели чрезмерное влияние и даже свергли монархов, которым они были обязаны повиноваться. Они были наглыми, грабительскими и экстравагантными и стали большим бременем для государства. Сначала они были храбры и решительны, но постепенно утратили свое мастерство и отвагу, были равномерно разбиты в более поздних войнах с русскими, и не сохранили от солдата ничего, кроме имени. Махмуду II в наше время удалось распустить это опасное объединение и внедрить европейскую тактику в свою армию.

Турецкие институты имеют турецкий характер. это относится главным образом к военному характеру нации. Все мусульмане, с точки зрения закона, являются солдатами, для которых расширение империи и распространение их веры были общепризнанными целями ведения войны. Везде, где они побеждали, их можно рассматривать как военных колонистов, осуществляющих великую тиранию и относящихся ко всем побежденным с презрением. Правительство всегда было чистым деспотизмом, и как исполнительная, так и законодательная власть принадлежали султану. Он - единственный источник чести, поскольку в Турции рождение не дает никаких привилегий. Его действия рассматриваются как предписанные неизбежной судьбой, и его подданные смиренно страдают. Зло деспотизма усугубляется невежеством и изнеженностью тех, кому доверена власть, хотя великий визирь, который является премьер-министром империи, как правило, человек большого опыта и таланта. Все законы страны основаны на заповедях Корана, примере Мухаммеда, заветах четырех первых халифов и решениях ученых врачей по спорным случаям. Правосудие вершится быстро, но без особого учета справедливости или милосердия; и курс великого визиря обычно отмечен кровью. Характер народа зависит от характера его правления, религии и климата. Они высокомерны, невежественны и аскетичны; переходят от набожности к непристойности; безглаголиво воздержанны в одних вещах и грубо чувственны в других. Они ценили такие добродетели, как гостеприимство, и любили поболтать, но их домашняя жизнь проходит в сладострастной праздности и скучна и безвкусна по сравнению с жизнью европейцев. Но турки выродились. В пятнадцатом и шестнадцатом веках они были простыми, храбрыми и религиозными. Они основали огромную империю на руинах азиатских монархий и наполнили мир ужасом от своего оружия. В течение двухсот лет их могущество шло на убыль, и сейчас есть много оснований полагать, что вскоре произойдет полное затмение их славы.

Список литературы.—Смотрите "Историю Турции" Кнолле. Обзор турецкой империи Итона. "История Османской империи" Апхэма. Британская энциклопедия. Современная история Херена. Путешествия Мэддена по Турции. Современная Европа Рассела. Жизнь Екатерины II. ([Вернуться к содержанию](#))

ГЛАВА XXVII.

ПРАВЛЕНИЕ ГЕОРГА III. К АДМИНИСТРАЦИИ УИЛЬЯМА ПИТТА.

Великие темы обсуждались в Англии, а великие события происходили в Америке в последние годы правления Фредерика II, Екатерины II и Марии Терезии. Теперь они требуют внимания.

Георг III вззошел на трон Великобритании в период беспрецедентного процветания, когда английское оружие добивалось военных успехов в Америке. одержавший победу во всех частях света, и когда торговля и искусство значительно обогатили его страну и укрепили ее

политическое значение. По Парижскому мирному договору (1763 г.) владения Георга III были расширены, и страна, которой он правил, стала самой могущественной в Европе.

Мистер Джордж Гренвилл сменил графа Бьюта на посту премьер-министра короля, и в основном ему помогали графы Эгремонт и Галифакс. О его правлении свидетельствовало судебное преследование Уилкса и схемы налогообложения американских колоний.

Мистер Уилкс был членом парламента, но человеком с разоренным состоянием и распутными нравами. Поскольку его обстоятельства были отчаянными, он обратился в министерство с просьбой о какой-нибудь должности с повышением заработной платы, но его ходатайство было отклонено. Неудача привела его в ярость, и он поклялся отомстить и решил оклеветать министров под предлогом осуществления свободы печати. Он был редактором "Северного британца", периодического издания с некоторым талантом, но большей ожесточенностью. В сорок пятом номере он обрушился с критикой на короля, обвинив его в прямой лжи. Обвинение должно было быть отвергнуто с неуважением, поскольку опровержение позорной клеветы противоречило достоинству правительства. Но в недобрый час было сочтено целесообразным восстановить честь государя, и поэтому был выдан ордер на арест редактора, издателя и печатника издания. Однажды поздно вечером служители закона ворвались в дом Уилкса, изъяли его документы и отправили в Тауэр. Он подал в суд на судебный приказ habeas corpus, в результате чего был доставлен в Вестминстер-холл. Будучи членом парламента и человеком значительных способностей и влияния, его дело привлекло внимание. Судьи решили, что его арест был незаконным, поскольку член парламента не может быть заключен в тюрьму, за исключением случаев государственной измены, тяжкого преступления или нарушения общественного порядка. Он не совершал ни одного из этих преступлений, поскольку клевета имела лишь тенденцию нарушать мир. Тем не менее, если бы он был частным лицом, его тюремное заключение было бы законным; но, поскольку оно противоречило конституции, он был освобожден. Лорд Главный судья Пратт приобрел большую популярность своими выступлениями за освобождение Уилкса и всегда благородно защищал конституционные свободы. Он более известен как лорд Камден, способный лорд-канцлер и государственный деятель при смене администрации, а также один из величайших юристов Англии, стоящий в одном ряду с лордом Хардвиком, лордом Элленборо и лордом Элдоном.

После увольнения Уилкса генеральному прокурору было приказано начать государственное судебное преследование Уилкса. судебное преследование, и ему было предъявлено обвинение в коллегии адвокатов Палаты общин. Подавляющим большинством голосов было решено, что сорок пятый номер "Северного британца" является скандальной и подстрекательской клеветой, направленной на разжигание предательских мятежей. Далее было решено, что документ должен быть сожжен обычным палачом. Затем Уилкс подал жалобу в Палату представителей на нарушение привилегий, и эта жалоба, будучи регулярной, была рассмотрена. Но Палата общин решила, что привилегия парламента не распространяется на клевету, и эта резолюция противоречила решению Суда общей юрисдикции и прецедентам, зафиксированным в их собственных журналах. Какой бы скандальной и вульгарной ни была брань Уилкса, и особенно позорной для члена парламента, все же его судебное преследование было нападением на конституцию. Уилкс был арестован на основании так называемого общего ордера, который, если бы к нему часто прибегали, был бы фатальным для свобод народа. Многие, кому сильно не нравился клеветник, все же защищали его в этом случае, среди которых были Питт, Бекфорд, Легг, Йорк и сэр Джордж Сэвилл. Но партийный дух и ненависть к Уилксу восторжествовали над

конституцией, и свободы членов парламента были ограничены даже ими самими. Но Уилксне был обескуражен и немедленно подал иск в Вестминстер-холле против графа Галифакса, государственного секретаря, за изъятие его бумаг, и после пятнадцатичасового слушания перед лордом верховным судьей Праттом и специальным жюри присяжных вынес вердикт в его пользу о возмещении ущерба в тысячу фунтов стерлингов.

В то время как Палата общин преследовала Уилкса за клевету, лорды также продолжили судебное преследование. Уилкс совместно с Поттером, распутным сыном архиепископа Поттера, во время одного из их вакханальных кутежей написал богохульное и непристойное стихотворение по образцу Эссе Поупа о мужчине под названием "Эссе о женщине". Сатира не была опубликована, но несколько ее экземпляров были напечатаны частным образом для авторов. Лорд Сандвич ухитрился раздобыть копию этого послания и зачитал его в Палате представителей; и лорды, возмущенные и возмущенные, проголосовали за обращение к королю с просьбой возбудить уголовное дело против автора. Лорды, поступив таким образом, отступили от достоинства своего ордена и своих обычных функций, и их преследования послужили укреплению, а не ослаблению дела Уилкса.

С ним в его писаниях и пирушках ассоциировался поэт Черчилль. Черчилль, священнослужитель Истеблишмента, но такой же откровенный пренебрег приличиями, как и сам Уилкс. В течение нескольких лет его поэзия была так же плоха, как и его проповеди, а время он проводил в беспутстве. Недоброжелательная критика его работ пробудила его энергию, и он сразу же стал гигантом по численности, со всем пылом Драйдена и всей гармонией Поупа. Воображение, остроумие, сила и здравый смысл были вложены в его сочинения; но он был небрежен как к материалу, так и к манере письма и писал только то, что попадалось ему на пути. "Этот священник-вакханалист, - говорит Гораций Уолпол, - то разглагольствующий о патриотизме, то извергающий распутство, бич плохих людей, и едва ли лучше худших, развратничающий с женами и защищающий свою мантию тяжестью кулака, вступил вместе с Уилксом в войну с шотландцами и выставил себя Геркулесом, который должен был очистить государство и наказать его угнетателей. И это правда, буря, которая спасла нас, разразилась в тавернах и ночных подвалах; гораздо более действенными были оргии Черчилля и Уилкса, чем кинжал Катона и Брута. Граф Темпл присоединился к ним в озорстве и распутстве и шепотом сообщил, где они могут найти факелы, хотя он позаботился о том, чтобы никто не увидел, как он зажигает один из них сам. Этот триумвират даже заставил меня задуматься о том, что нации чаще всего спасают самые худшие люди в них. Добродетельные люди слишком щепетильны, чтобы идти на все, что необходимо, чтобы поднять народ против его тиранов".

Волнение, вызванное судебным преследованием Уилкса, привело к отставке мистера Гренвилла в 1765 году, и маркиз Рокингем сменил его на посту главы администрации. Однако он продолжил судебное преследование. Он оставался на своем посту всего несколько месяцев, и его сменила администрация Графтона. Герцог Графтон, объект столь яростных нападок в "Письмах Джуниуса", произведении без возвышенности чувств, без какого-либо обращения к великодушным принципам, без признания вечных законов справедливости и без правдивости, и все же произведении, которое произвело большую сенсацию и по сей день считается шедевром жестокого и беспринципного сарказма. Герцог Графтон придерживался тех же взглядов, что и его предшественник, в отношении Уилкса, у которого хватило смелости, несмотря на вынесенный ему приговор о объявлении вне закона, вернуться из Парижа, куда он на время удалился, публично появиться в Гилдхолле и предложить себя в качестве кандидата от

лондонского сити. Он был с презрением отвергнут, но преуспел в том, чтобы быть избранным депутатом от округа Мидлсекс.

Однако мистер Уилкс, признав вынесенный против него приговор незаконным, отдал себя под юрисдикцию Суда королевской скамьи, который в то время возглавлял лорд Мэнсфилд. Этот великий юрист подтвердил вынесенный ему вердикт и приговорил его к выплате штрафа в размере тысячи фунтов стерлингов, двум годам тюремного заключения и семи годам гарантии за хорошее поведение. Этот приговор был одиозным и суровым, и тем более неоправданным ввиду произвольного и беспрецедентного изменения протоколов в ночь, предшествовавшую судебному разбирательству.

Разъяренная толпа спасла популярность Уилкса. идол вырвался у блюстителей закона, когда они вели его в тюрьму, и с триумфом пронесли по городу; но благодаря его мольбам их убедили воздержаться от дальнейших актов насилия. Мистер Уилкс снова сдался и был заключен в тюрьму. На заседании Палаты общин Уилкс снова был исключен, чтобы удовлетворить месть суда. Но выборщики Мидлсекса снова вернули его в парламент, и Палата общин проголосовала за то, что, будучи однажды исключенным, он не может заседать, даже в случае избрания, в том же парламенте. Выборщики Мидлсекса, в равной степени настроенные против Палаты общин, в третий раз избрали его своим представителем; и палата общин в третий раз объявила выборы недействительными. Чтобы прекратить конкурс, полковник Латтерелл, член Палаты представителей, освободил свое место и предложил себя кандидатом от Миддлсекса. Он получил двести девяносто шесть голосов, а Уилкс тысячу двести сорок три, но Латтерелл был объявлен Палатой общин должным образом избранным и занял свое место от Мидлсекса.

Это решение вызвало брожение во всей стране и было явным нарушением свободы выборов; так считали некоторые из самых выдающихся людей Англии, даже те, кто презирал личность Уилкса. Лорд Чатем со своего места заявил, "что законы были презираемы, попорчены, уничтожены; те законы, которые были созданы суровыми добродетелями наших предков, тех железных баронов древности, чьему духу в час соперничества и чьей стойкости в триумфе победы современные бароны в шелках обязаны всеми своими почестями и безопасностью".

Впоследствии мистер Уилкс одержал победу; Палата общин устала от состязания, которое не принесло никаких преимуществ и много позора, и судебное преследование было прекращено; но только после того, как субъект этого состязания был назначен лорд-мэром Лондона. С 1768 по 1772 год он был единственным непревзойденным политическим кумиром народа, который расточал на него все, что было в их силах. Они выделили двадцать тысяч фунтов на уплату его долгов, помимо подарков в виде посуды, вина и предметов домашнего обихода. На каждой стене было его имя, а на каждом окне - его портрет. Выполненный в фарфоре, бронзе или мраморе, он стоял на каминных трубах половины лондонских домов и раскачивался на вывесках каждой деревни и каждой большой дороги в окрестностях столицы. В 1770 году он был освобожден из заключения, в 1771 году получил разрешение занять свое место и был избран мэром. С 1776 года его популярность пошла на убыль, и у него возникли финансовые трудности. Он, однако, вышел из них и наслаждался спокойной должностью до своей смерти (1797). Он был патриотом случайно, а не из принципа, и развращен в своей морали; но он был джентльменом с элегантными манерами и утонченным вкусом. Он был самым популярным политическим деятелем, когда-либо известным в Англии; и его имени в свое время было достаточно, чтобы

раздуть пламя мятежа и побудить низшие слои общества к актам насилия, граничащим с безумием.

Во время его судебного преследования произошли важные события, имеющие большое значение для мира. Споры о налогообложении колоний. налогообложение Америки привело к созданию новой республики, масштабы и величие которой никогда не были равны, и чье будущее величие трудно переоценить.

Эти споры начались еще при администрации Джорджа Гренвилла. Предложение о налогообложении американских колоний ранее было предложено сэру Роберту Уолполу, но этот благоразумный и проникательный министр не осмелился рисковать. мистера Гренвилла, однако, не обескуражили трудности и опасности, которые рассматривал более способный Уолпол. Чтобы облегчить бремя, возникшее в результате разорительных войн Питта, министр предложил увеличить доход от колоний. Проект понравился палате представителей, и были введены гербовые сборы. Верно, что налог был незначительным, и именно так расценивал его мистер Гренвилл; но он задумал это как прецедент; он был полон решимости получать доход от колоний, достаточный для облегчения общественного бремени. Он рассматривал колонистов как подданных короля Великобритании во всех смыслах этого слова; и, поскольку они получали защиту от правительства, они были обязаны вносить свой вклад в его поддержку.

Но колонисты, ныне рассеянные по побережью от Мэна до Джорджии, выразили возмущение Колониями. другие взгляды. Они утверждали, что, хотя и подчиняются в некоторой степени английскому законодательству, они не могут облагаться налогом, как и другие подданные Великобритании, без их согласия. Они были готовы к тому, чтобы ими управляли в соответствии с теми королевскими хартиями, которые в разное время были им даны. Они даже были готовы помочь метрополии, которую они любили и почитали, и с которой были связаны их самые яркие и сокровенные ассоциации, в изгнании ее врагов с прилегающих территорий и вести сражения в ее защиту. Они были готовызнакомиться с литературой, религией, модой и мнениями своих братьев в Англии. Но они смотрели на землю, которую они обрабатывали в дикой местности со столькими трудностями и опасностями, как на свою собственную, и верили, что они обязаны повышать налоги только для того, чтобы защитить землю и продвигать среди себя хорошее правительство, религию и мораль. Но они не могли понять, почему они были обязаны платить налоги для поддержки английских войн на европейском континенте. Первоначально они покинули метрополию ради своих детей и священной привилегии религиозной свободы. Они чувствовали себя обязанными трудиться только для себя и своих детей. Они не стремились к политическому влиянию в Англии. Они не хотели контролировать выборы, или регулировать финансы, или вмешиваться в проекты военного усиления. Они не были представлены в английском парламенте и с политической точки зрения не составляли никакой части английской нации. Поэтому велико было их возмущение, когда они узнали, что английское правительство вмешивается в их законные права и намерено получать с них доход для снижения налогов внутри страны, просто чтобы поддержать правительство в глупых войнах. Если бы их можно было облагать налогами без их согласия в чем бы то ни было, они могли бы облагаться налогами неограниченно; и им грозила бы опасность стать простыми рабами метрополии и быть обязанными трудиться на благо английского возвышения. На одном пункте они настаивали с особой серьезностью — что налогообложение в свободной стране, без представительства интересов в парламенте, является возмутительным. Именно из-за этого произвольного налогообложения Карл I потерял свою корону, и произошла вторая революция,

которая возвела на трон ганноверский дом. Колонии считали, что, если подданные короля у себя дома имеют право сопротивляться незаконным налогам, они, несомненно, на другом континенте и без представительства также имеют право поступать так же; что, если бы их обложили налогами без их согласия, они оказались бы в худшем положении, чем даже народ Ирландии; оказались бы в положении покоренного народа, без защиты, которой пользуется даже завоеванная страна. Поэтому они протестовали и готовились к сопротивлению.

Английское правительство было настолько ослеплено, что не видело и не ощущало силы доводов колонистов, и упрямо решило прибегнуть к мерам, которые у свободного и одухотворенного народа неизбежно должны были привести к насилию и раздорам. Палата общин даже не выслушала отчеты колониальных агентов, но продолжила, со странным увлечением и упрямым фанатизмом, вводить Закон о гербовом сборе. Закон о гербовом сборе (1765 г.) Однако были и такие, кто понимал его глупость и несправедливость. Генерал Конвей протестовал против предполагаемого права правительства, а полковник Барре, очень выдающийся оратор, воскликнул в ответ на речь Чарльза Таунсенда, который назвал колонии "детьми, посаженными нашей заботой и вскормленными нашим снисхождением": "Они посажены вашей заботой! — Нет! ваши притеснения привели их в Америку; они бежали от вашей тирании в тогдашнюю необработанную пустыню, подвергаясь всем трудностям, которым подвержена человеческая природа! Они были возвращены вашим снисхождением!—Нет! они выросли из—за вашего пренебрежения; ваша забота о них проявилась в том, что вы послали управлять ими людей, которые были заместителями заместителей министров - людей, чье поведение во многих случаях заставляло кровь вскипать в жилах этих сынов свободы; людей, которые были выдвинуты на высшие судебные посты в чужой стране, чтобы избежать представительства перед судом справедливости в их собственной ". Мистер Питт выступал против роковой политики Гренвилла с исключительным красноречием; с аргументами, которые выходили за рамки актов парламента; с апелляцией к естественному разуму; и с признанием великой, неотъемлемой ценности этих сынов свободы. принципы свободы. Он утверждал, что Палата представителей не имела права облагать Америку внутренним налогом, поскольку эта страна не была представлена. Берк, тоже тогда новый оратор, поднял свой голос против безрассудства и несправедливости взимания налогов с колоний, но все было напрасно. Палата общин была склонна ввести Закон о гербовом сборе.

Но принятие этого закона вызвало большие волнения в Америке и повсюду рассматривалось как начало великих бедствий. Во всех колониях существовало общее объединение против гербового сбора; было решено не покупать английских мануфактур и не допускать перехода на гербовую бумагу.

Такое яростное и неожиданное противодействие смутило английское министерство, что, в дополнение к трудностям, связанным с судебным преследованием Уилкса, привело к отставке Гренвилла, которого сменил маркиз Рокингем. За время его недолгого правления Закон о гербовом сборе был отменен, хотя Палата общин по-прежнему настаивала на своем праве облагать Америку налогами. Радость, которую эта отмена вызвала в колониях, была безграничной; и речь Питта, предложившего отмену и защищавшего ее с беспрецедентным красноречием, повсюду читалась с энтузиазмом и служила укреплению убеждения среди ведущих людей колоний, что их дело правое. Лорд Рокингем недолго оставался во главе правительства, и его сменил герцог Графтон; хотя мистер Питт, недавно получивший титул графа Чатема, был фактически премьер-министром. Лорд Рокингем ушел в отставку с высокими

показателями чистого и бескорыстного патриотизма, не обеспечив места, пенсии или возвращения ни себе, ни кому-либо из своих сторонников.

Возвышение лорда Чатема. Возведение лорда Чатема в ранг пэра уничтожило его популярность и ослабило его власть. Никто никогда не совершал большей ошибки, чем он, согласившись на кажущееся возвышение. Его давно знали и называли Великим простолюдином. Люди гордились им, и, как простой человек, он мог бы править страной, несмотря на все сопротивление. Ни один другой человек не смог бы предотвратить национальные бедствия. Но как пэр он больше не принадлежал народу, и народ потерял к нему доверие и покинул его. То, что он приобрел в достоинстве, он потерял во власти и популярности. Теперь люди сравнивали его с лордом Батом, и он стал объектом всеобщей клеветы.

И Чатем почувствовал перемену, произошедшую в стране. Он всегда любил популярность и добивался ее, и это было источником его власти. Теперь он пал духом и мало интересовался общественными делами. Он снова впал в состояние лени и апатии. Он оставался лишь тенью могущественного имени; и, уединенный в рощах своей семейной резиденции, перестал упоминаться публикой. Он стал меланхоличным, нервным и непригодным для бизнеса. Его также нельзя было заставить присутствовать на заседании кабинета министров, даже по самым неотложным поводам. Он притворился больным и не стал проводить совещание со своими коллегами. У него также не было того влияния на короля, на которое он имел право рассчитывать. Поскольку народ его больше не любил, король его больше не боялся. Он был подобен Самсону, когда его лишили волос, — без силы; ибо его сила заключалась в доверии и привязанности нации. Он выступил против своих коллег в их решении ввести новые налоги в Америке, но его советы были проигнорированы.

Эти налоги представляли собой пошлины на стекло, бумагу, свинец и краски для художников, от которых нельзя было получить значительных доходов, и это неизбежно привело бы к большому недовольству. Когда весть об этом новом налогообложении достигла колоний, она разрушила всю жизнерадостность, вызванную отменой Закона о гербовом сборе. Вернулись угрюмость и уныние. Доверие к парламенту пошатнулось. Были организованы новые объединения оппозиции, и газеты изобиловали оскорблениями.

В разгар этих беспорядков лорд Чатем отказался от Личной печати, должности, которую он выбрал, и ушел из администрации (1768 г.)

В 1770 году герцог Графтон также подал в отставку с поста первого лорда казначейства, главным образом из-за растущих трудностей в отношениях с Америкой; и администрации лорда Норта. Его место занял лорд Норт, который два года был канцлером казначейства. Он был дружелюбным и образованным дворянином, у него было много личных друзей и мало личных врагов; но он был непригоден для управления государством в надвигающейся буре.

Ему не повезло быть министром в самые беспокойные и революционные времена и неправильно понимать не только дух эпохи, но и характер и обстоятельства американских колоний. Георг III с исключительным упрямством и слепотой поддерживал министра вопреки всякому противодействию; и под его руководством продолжалась американская война, которая закончилась столь катастрофически для метрополии.

Поскольку эта великая и насыщенная событиями война станет темой следующей главы, сначала будут представлены остальные представляющие интерес события, связанные с внутренней историей Англии.

Наиболее важными из них были недовольства ирландцев.

Еще в 1762 году были сформированы ассоциации крестьянства с целью политических реформ и перемен, и эти народные демонстрации недовольных с тех пор навсегда запечатлелись в истории ирландской нации — вечно бедной, вечно угнетенной, вечно находящейся накануне восстания.

Однако первым обстоятельством после восшествия на престол Георга III, на которое следует обратить особое внимание, было принятие Восемилетнего билля в 1788 году. Функции парламента. Ирландский парламент, в отличие от английского, продолжал существовать при жизни суверена. В 1761 году патриотической партией была предпринята попытка ограничить его продолжительность и поставить его на ту же основу, что и английский парламент; но это не увенчалось успехом. Лорд Таунсенд в тот период был лордом-лейтенантом, и главной целью его правительства было сломить власть ирландской аристократии и забрать из ее рук распределение пенсий и мест, которые до сих пор были им разрешены из политических соображений. Он преуспел в достижении своей цели, хотя и неоправданными средствами, и британское правительство стало источником всех почестей и вознаграждений. Во время его правления в Ольстере вспыхнули некоторые беспорядки из-за господствовавшей тогда системы сдачи земли в аренду за штрафы. Поскольку подавляющее большинство крестьянства и мелких фермеров были не в состоянии оплатить эти штрафы и, следовательно, были лишены своих ферм, они пришли в отчаяние и совершили жестокие нападения на тех, кто отнял у них земли. Правительство было вынуждено прибегнуть к военной силе, и многие попавшие в беду люди были изгнаны в Америку в поисках средств к существованию. У Ирландии, казалось, не было никаких шансов сломить рабство, которым в других отношениях также пользовалась Англия, когда разразилась американская война. Это немедленно изменило язык и направление действий британского правительства в отношении Ирландии; были сделаны предложения, благоприятные для ирландской торговли; и некоторые уголовные законы против католиков были отменены. Тем не менее патриоты Ирландии стремились к гораздо большим привилегиям, чем те, которые были предоставлены до сих пор, и средства для их получения были очевидны. Англия вывела из Ирландии почти все регулярные войска, чтобы отправить их в Америку, и морское побережье Ирландии подверглось вторжению. Вследствие беззащитного положения страны жители города Белфаст в 1779 году вступили в вооруженные объединения, чтобы защитить себя в случае необходимости. Это дало начало системе добровольцев, которая вскоре распространилась по всему острову. Ирландцы теперь начали ощущать свою силу; и даже лорд Норт признал в Палате общин необходимость предоставления им еще больших привилегий и провел через парламент законопроект, который снимал некоторые серьезные коммерческие ограничения. Но ирландцы стремились к более важным целям, и особенно с тех пор, как лорд Норт, чтобы выполнить свой законопроект, представил его как благо, возобновляемое по желанию, а не как право, на которое ирландцы имели должное право. Таким образом, этот законопроект, вместо того чтобы успокоить патриотов, привел к стремлению к созданию собственного независимого парламента. Для достижения этой цели был создан союз

добровольцев, состоящий не из невежественного крестьянства, а из представителей всех классов, во главе которого стоял сам герцог Лейнстерский. В 1781 году эта ассоциация добровольцев насчитывала пятьдесят тысяч дисциплинированных людей; кроме того, она сформировала комитеты по переписке, что, естественно, встревожило британское правительство.

Эти и другие беспорядки, добавившиеся к бедствиям в Америке, побудили Палату общин вынести порицание лорду Нарту и его коллеге как неспособным управлять государством. Поэтому король был вынужден уволить своих министров, правление которых оказалось самым катастрофическим в британских анналах. Лорд Норт, однако, сталкивался с необычными трудностями, с которыми приходилось бороться, и в обычное время мог бы с честью управлять нацией. Он ушел в отставку в 1782 году, через четыре года после смерти Чатема, и маркиз Бекингем во второй раз был поставлен во главе правительства. Мистер Фокс и мистер Берк также получили места, и виги снова восторжествовали.

Недовольство Ирландии настоятельно потребовало внимания нового министерства. Недовольство в Ирландии усилилось, и были сделаны важные уступки. Мистер Граттан обратился к королю с обращением, которое было единогласно поддержано обеими палатами, в котором было заявлено, что "корона Ирландии неразрывно присоединена к короне Великобритании; но что королевство Ирландия является отдельным королевством с собственным парламентом, единственным законодательным органом его; что в этом праве они видели саму суть своей свободы существования; что от имени всего народа Ирландии они заявили, что это их право по рождению, и не могли отказаться от него иначе, как ценой своей жизни; что они высоко ценят британский характер; и что в этом праве они видят смысл своей свободы". разделяя свободу Англии, они были полны решимости разделить и ее судьбу, выстоять и пасть вместе с британской нацией ". Новый лорд-лейтенант, герцог Портлендский, заверил ирландский парламент, что британский законодательный орган решил устранить причину недовольства, и фактически был принят закон, который поставил ирландский парламент в те же условия, что и английский. Были также приняты законы о праве на хабеас корпус и независимости судей.

Добровольцы, достигнув целей, которые они первоначально ставили перед собой, однако не распались, а теперь направили свои усилия на реформу парламента. Но Палата общин отклонила предложение мистера Флуда, и конвент, назначенный волонтерами, отложил заседание на неопределенный срок, не проявив настойчивости, как это должно было быть. Вскоре после этого волонтерская система пришла в упадок.

Дело парламентской реформы, хотя его больше и не поддерживали добровольцы в их ассоциативном характере, не было покинуто народом или их защитниками в парламенте. Среди этих защитников был сам Уильям Питт. Но в 1783 году он стал премьер-министром и изменил свое мнение.

Но прежде чем представить правление Питта, необходимо упомянуть о событии во внутренней истории Англии, которое произошло во время правления лорда Норта. Это была Протестантская ассоциация. Протестантская ассоциация, возглавляемая лордом Джорджем Гордоном, и беспорядки, к которым она привела.

В 1780 году парламент принял закон, освобождающий римско-католиков от некоторых тяжелых наказаний, которым они подвергались в предыдущем столетии. Он освобождал епископов, священников и школьных учителей от судебного преследования и тюремного заключения, обеспечивал права наследования и разрешал приобретать земли за простую плату. Этот акт веротерпимости в целом вызывал противодействие в Англии; но фанатичный дух пресвитерианства в Шотландии был возбужден ввиду этого разумного попустительства большому числу людей правам совести и гражданским свободам. При одном только слухе о предполагаемой индульгенции в Эдинбурге и Глазго произошли большие беспорядки; римско-католическая часовня была разрушена, а дома главных католиков подверглись нападению и разграблению. Магистратура также не проявляла особого рвения к пресечению или наказанию за эти беспорядки, но втайне благоволила бунтовщикам. Ободренные безразличием магистратов, фанатики объединились в общество под названием Протестантская ассоциация, чтобы противостоять любому смягчению нынешних несправедливых законов и бунтам этой ассоциации лорда Джорджа Гордона. Президентом был избран лорд Джордж Гордон. Он был сыном герцога Гордона, принадлежал к одному из древнейших шотландских дворян, но человеком в высшей степени диким и фанатичным. Он также был членом парламента и выступал против взглядов самых просвещенных государственных деятелей своего времени, причем с такой экстравагантностью, которая привела к убеждению, что он сошел с ума. Он клеветал на короля, бросал вызов парламенту и хвастался количеством своих приверженцев. Он притворился, что в Шотландии у него под командованием сто шестьдесят тысяч человек, которые отрубят королю голову, если он не сдержит свою коронационную клятву. Энтузиазм шотландцев вскоре распространился и на англичан, и по всей стране ассоциации были связаны с материнскими обществами в Лондоне и Эдинбурге, президентом обоих из которых был лорд Гордон. В Кучер-холле он собрал своих приверженцев; и в зажигательной речи воспламенил умы огромной аудитории по отношению к Римской церкви обычными оскорблениями в адрес ее идолопоклонства и развращенности. Он призывал их к насилию, как к единственному способу остановить поток католицизма, опустошавший страну. Вскоре после этого эта ассоциация собралась на Сент-Джордж-Филдс в поразительном количестве пятидесяти тысяч человек, выстроенных отдельными группами с голубыми кокардами; и эта огромная толпа проследовала через Лондонский сити к зданию парламента, предшествуемая человеком, несущим петицию, подписанную тысячью двумястами тысячами имен. Толпа захватила вестибюль дома, заставив старый дворец звенеть от их страстных криков "Нет папству! нет папству!" К этой толпе обратился с речью сам лорд Гордон в вестибюле палаты представителей, пока этот вопрос обсуждался среди ее членов. Военные были оттянуты, и толпа на время рассеялась, но вскоре собралась снова и стала еще более тревожной. Дома были разграблены, церкви захвачены, а город подожжен в тридцати шести разных местах. Люди были обязаны написать мелом на своих домах "Нет папству" и платить взносы, чтобы предотвратить их разграбление. Тюрьмы были освобождены как от преступников, так и от должников. Великолепная резиденция лорда Мэнсфилда была разрушена вместе с его картинами, мебелью и бесценной юридической библиотекой. Наконец было объявлено военное положение — последнее средство в случае мятежа, к которому прибегали только в крайних случаях; и военные сделали то, чего не могли сделать магистраты, — восстановили порядок и закон. Если бы не было объявлено, что город находится в состоянии восстания, бунтовщики захватили бы банк, на который они уже напали. В ходе беспорядков погибло пятьсот человек, а лорд Джордж Гордон был заключен в Тауэр. Он, однако, избежал осуждения благодаря экстраординарным талантам своих адвокатов, мистера Эрскина и мистера Кеньона;

но сто других были приговорены к высшей мере наказания. Этот позорный бунт открыл глаза народу на ужасы народного восстания и, возможно, предотвратил революцию в Англии, когда другие вопросы, имеющие более практическое значение, взволновали нацию.

Но никаких важных реформ не проводилось до прихода администрации Уильяма Питта. Мистер Берк попытался добиться некоторых экономических сокращений, которым были решительно воспротивлены. Но что значило сокращение расходов на двести тысяч фунтов стерлингов в год по сравнению с огромными расходами британских армий в Америке и Индии? Но хотя реформы, которые планировал Берк, не были радикальными или важными, они способствовали повышению его популярности среди народа, которого больше раздражали бесполезные должности, связанные с королевским двором, чем расходы миллионов на войну. Поначалу его план привлек значительное внимание, и члены совета прислушивались к его предложениям до тех пор, пока они были абстрактными и общими. Но когда он приступил к конкретным реформам, они больше не прислушивались к его голосу, и он был вынужден отказаться от своей задачи как от безнадежной. Уильям Питт произнес свою первую речь в дебатах, которые вызвал Берк, и аргументировал в пользу сокращения с красноречием своего отца, но с большей методичностью и ясностью. Законопроект был утерян, но Берку в конце концов удалось осуществить свои меры; и должности мастера "харриеров", мастера "стагхаундов", клерка "зеленого сукна" и некоторых других незначительных синекур были упразднены.

Первая попытка проведения парламентских реформ. Великая представительная реформа, которая впоследствии потрясла нацию, была предпринята Уильямом Питтом. Он выдвинул две резолюции, направленные на предотвращение подкупа на выборах и обеспечение более справедливого представительства. Но он не преуспел; как и сам Питт, когда за его дело взялись люди иного склада ума, люди, воспламененные вопросами реформы. революционные принципы, — изменил свой курс и выступал противпарламентской реформы с большим рвением, чем поначалу выступал за нее. Но парламентская реформа не становилась объектом всепоглощающего интереса до времен Генри Броэма и лорда Джона Рассела.

Никакие другие великие события не были достаточно заметными, чтобы быть упомянутыми здесь, до служения Уильяма Питта. Американская революция в первую очередь требует внимания.

Ссылки.—История правления Георга III Белшема. Мемуары Уолпола о том же правлении. Холт "Частная и домашняя жизнь Георга III". "Государственные деятели эпохи правления Георга III" лорда Броэма. Лекции Смита. "Жизнь графа Чатема" Теккеря. Переписка графа Чатема. Ежегодный реестр с 1765 по 1775 год. Парламентские дебаты Дебре. Стивенс "Жизнь Хорна Тука". Кэмпбелл "Жизни лорд-канцлеров". Эссе Маколея о Чатеме. Мысли Берка о нынешнем недовольстве.[\(Вернуться к содержанию\)](#)

ГЛАВА XXVIII.

АМЕРИКАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Американская революция. Американская революция, если рассматривать ее с точки зрения ее конечных, а также непосредственных последствий, несомненно, является величайшим событием современности. Его важность не была полностью оценена, когда он имел место, но

все же вызвала большой интерес во всем цивилизованном мире. Это была главная тема, которая привлекла внимание и мобилизовала энергию британских государственных деятелей во время правления лорда Норта. В Америке, конечно, все остальные темы были тривиальными по сравнению с этим. Конкурс запомнился борьбой героев, развитием неизвестных энергий, созданием новой западной империи, триумфом дела свободы и моральными последствиями, к которым привели даже в других странах примеры патриотов, которые предпочли славу и честь своей страны собственному возвышению.

Причины борьбы уже упоминались в эгоизме и безрассудстве британских государственных деятелей, которые стремились облегчить бремя английского народа, обложив налогом колонии. Колонии, несомненно, рассматривались британским парламентом без должной привязанности или уважения; несколько в свете завоеванной нации, из которой Англия могла извлечь коммерческую выгоду. Колониями управляли не в духе примирения, и американский народ не был полностью оценен по достоинству. Возможно, некоторые из них, такие как Чатем и Берк, знали о добродетелях и силе колониального населения и, возможно, имели некоторое представление о славе и величии, к которым была предназначена Америка. Но они составляли лишь незначительное меньшинство нации, и их советами и увещеваниями обычно пренебрегали.

Серьезных беспорядков не было до тех пор, пока лорд Норт не приступил к делу Революции. неудачное управление (1770 г.) Хотя тогда колонии были полны решимости не подчиняться незаконному налогообложению и деспотическому правительству, о независимости не могло быть и речи. Примирительные меры, если бы они были приняты в то время, вероятно, отсрочили бы революцию. Но борьба, должно быть, произошла позже, ибо ничто при обычном ходе событий не могло помешать окончательной независимости колоний. Их быстрый рост, протяженность страны, в которой были основаны поселения, ее удаленность от Англии, дух свободы, одушевлявший людей, их общее нетерпение перед иностранными ограничениями и великолепные перспективы будущего величия, открывшиеся их глазам, должны были в скором времени привести к разрыву с метрополией.

В начале своих трудностей колонии, возможно, и преувеличивали свои средства сопротивления, но не свое будущее величие. Все они, от Нью-Гэмпшира до Джорджии, были одушевлены духом свободы, который не могли сокрушить никакие несчастья. Подавляющее большинство людей были готовы подвергнуться опасностям, связанным с революцией, не только ради себя, но и ради своего потомства и ради священного дела свободы. Они чувствовали, что их дело правое и что Провидение защитит их и поможет в их защите.

Конечно, в подобной истории нельзя ожидать мельчайших подробностей событий Американской революции. Можно упомянуть только о наиболее выдающихся событиях. Предполагается, что студент должен быть знаком с деталями конфликта, которые можно прочитать в произведениях многочисленных американских авторов.

Лорд Норт в начале своего правления отменил неприятные пошлины, введенные в 1767 году, но по-прежнему сохранял пошлину на чай, главным образом с целью утвердить верховенство Великобритании и ее право облагать налогом колонии. Этот поступок министра нельзя рассматривать ни в каком ином свете, кроме как как самое слепое увлечение.

Введение Гренвиллом портовых пошлин вызвало неисчислимые беспорядки и привело к всеобщей дискуссии о природе и масштабах парламентской власти. Сначала допускалось различие между внутренними и внешними налогами; но вскоре было заявлено, что Великобритания не имеет права облагать налогом колонии ни внутри страны, ни за ее пределами. Было заявлено, что колонии получили хартии за большой печатью, которые давали им все права и привилегии англичан у себя дома, следовательно, что они не могли облагаться налогами, кроме как с их собственного согласия; что это согласие никогда не спрашивалось и не давалось; что они не были представлены в имперском парламенте; и что налоги, которые были введены их собственными законодательными органами, во многих случаях превышали то, что платил народ Англии, — налоги, также понесенные в значительной степени для сохранения юрисдикции Великобритании на американском континенте. Колонии повсюду были чрезвычайно возмущены курсом, который метрополия проводила по отношению к ним. Патрик Генри, уроженец Вирджинии, поддерживал дело свободы с непревзойденным красноречием и силой, как и Джон Адамс, Джосайя Куинси-младший, Джеймс Отис и другие патриоты Массачусетса. Беспорядки произошли в Бостоне, Ньюпорте и Нью-Йорке, и собрания граждан в различных частях выражали возмущение и революционный дух.

Более того, резиденция военных в Бостоне была поводом для постоянных беспорядков. беспорядки. Люди оскорбляли солдат, поносили их в газетах и оскорбляли на улицах. Результатом стала взаимная неприязнь. Злоба и оскорбления вызвали беспорядки, и войска открыли огонь по людям. Беспорядки были настолько велики, что губернатор был вынужден неохотно вывести армию из города. Затем Верховный суд был переведен в Кембридж, но отказался приступить к делу, если оно не будет созвано в Бостоне. Последовали новые беспорядки. Губернатор поссорился с законодательным собранием, и воцарилась полная анархия. Общественное мнение было воспламенено изображениями, картинами и зажигательными статьями в газетах. Парламент был представлен как коррумпированный, министерство - как продажное, король - как тиран, а сама Англия - как прогнившая, старая, аристократическая структура, разваливающаяся на куски. Волна была настолько подавляющей в пользу сопротивления, что даже умеренные люди были унесены течением; а те, кто держался в стороне от волнения, были клеймены как робкие и эгоистичные и враги своей страны. Суды практически замолчали, поскольку присяжные проигнорировали обвинения судей. Клевета осталась незамеченной, а участники беспорядков остались безнаказанными. Контрабанда распространялась в больших масштабах, и налоговые инспекторы подвергались оскорблениям при исполнении своих обязанностей. Несносных людей вымазывали дегтем и обмазывали перьями, они подвергались публичным насмешкам. В Провиденсе они сожгли налоговую кассу, и в главных городах были сформированы комитеты, которые раздували пламя мятежа. Комитет в Бостоне в 1773 году составил знаменитый документ под названием "Билль о правах", в котором парламенту было отказано в праве издавать законы для колоний в любом отношении и в котором жалование, назначаемое короной губернатору и судьям, рассматривалось как систематическая попытка поработить землю.

Общественное недовольство еще больше разгорелось из-за информации, которую доктор Франклин, находившийся в то время в Лондоне, предоставил колониям, и совета, который он дал им упорствовать, заверив их, что, если они будут тверды, им нечего опасаться. Более того, в его распоряжение попали копии писем губернатора Хатчинсона в министерство, которые он передал колониям и которые благодаря им были обнародованы. Законодательное собрание Массачусетса сочло эти письма несправедливыми и клеветническими, и потребовало его

отзыва. Повсюду принимались резолюции оскорбительного для англичан характера, и все указывало на приближающуюся бурю. Кризис был уже близок. Беспорядки в Бостонской гавани, вызванные выбросом за борт трехсот сорока двух ящиков чая, которые Ост-Индская компания отправила в Америку, довершили дело и побудили правительство прибегнуть к более принудительным мерам.

Во власти лорда Норта было положить конец трудностям с колониями, когда Ост-Индская компания убедила его отменить пошлину на чай в размере трех пенсов за фунт и предложила платить шесть пенсов за фунт вместо нее в качестве экспортной пошлины, если будет разрешено ввозить его в колонии беспошлинно. Компанию побудили сделать это предложение ввиду большого скопления чая в Англии; но правительство, больше заботящееся о праве, чем о доходах, не дало согласия. Колонисты были в равной степени полны решимости сопротивляться налогообложению, но не из-за сиюминутного бремени, а из принципа, и поэтому решили предотвратить высадку чая на берег. Толпа хлынула к пристани, и двадцать человек, переодетых индейцами, взошли на борт нагруженных товаром кораблей, вскрыли сундуки и выбросили их содержимое в море. В Нью-Йорке и Филадельфии не нашлось ни одного человека, который рискнул бы получить чай, отправленный в эти порты, и корабли, груженные им, вернулись в Англию.

Министры короны были особенно возмущены провинцией Массачусетс, которая всегда была лидером сопротивления и ареной величайших беспорядков, и поэтому решили заблокировать Бостонский порт. Соответственно, в 1774 году они внесли законопроект о прекращении коносаментов и отправки товаров, заготовок и мерчандайзинга в Бостоне и переносе таможни в Салем. Законопроект получил общее одобрение Палаты представителей и был принят подавляющим большинством голосов.

Никакая мера не могла бы быть более невежливой. Следовало немедленно направить в колонии крупные силы для принуждения их, прежде чем они успеют организовать достаточные силы для сопротивления метрополии, или же следовало принять примирительные меры. Но Дом был разгневан и увлечен, и голосом мудрости пренебрегли.

Вскоре после этого лорд Норт внес еще один законопроект о совершенствовании управления провинциями, который был направлен на подрыв устава колонии и нарушение всех принципов свободы и справедливости. Согласно этому законопроекту, назначение советников, судей, шерифов и магистратов всех мастей было возложено на корону; и они также могли быть сменяемы по своему усмотрению. Министры, отстаивая законопроект, ссылались на необходимость, на всеобщий дух недовольства, который граничил с настоящим бунтом. Законопроект был принят большинством в двести тридцать девять голосов против шестидесяти четырех 2 мая 1774 года.

Следующим шагом министра было внесение законопроекта, который предусматривал, что в случае, если какому-либо лицу в Массачусетсе будет предъявлено обвинение в совершении преступления, караемого смертной казнью, и что, если окажется, что справедливое судебное разбирательство в провинции невозможно, заключенный может быть отправлен в любую другую колонию или даже в саму Великобританию для суда. Это было оскорбление,

добавленное к травме, и встретило энергичное сопротивление даже в самом парламенте. Но, тем не менее, оно прошло через обе палаты.

Когда поступили сведения об этом и о других законопроектах, в колониях разгорелся пожар, который нелегко было потушить. Едва ли было место, которое не созывало бы свое собрание. Популярны ораторы в общественных залах и церквях повсюду распаляли народ зажигательными речами; были созданы организации, призванные воздерживаться от всякой торговли с метрополией; и были приняты меры по созыву Всеобщего конгресса, чтобы привлечь внимание к состоянию страны. Люди начали поговаривать о защите своих прав с помощью меча. Повсюду были слышны звуки барабана и флейты. Все были воодушевлены духом свободы. Были созданы ассоциации по закупке оружия и боеприпасов. Были напечатаны и распространены обращения, призывающие людей вооружаться и противостоять незаконным посягательствам. Все разбирательства в судах были приостановлены. Присяжные отказались принести присягу; царство закона прекратилось, и началось насилие. Бостонский порт закрыт. Губернатор Гейдж, сменивший Хатчинсона, укрепил Бостонский перешеек и перекрыл сообщение города с сельской местностью.

Тем временем состоялось заседание Континентального конгресса. в Филадельфии состоялось заседание, на котором были представлены все колонии, кроме Джорджии. Конгресс принял резолюции, одобряющие курс Массачусетса, а также законопроект, названный Декларацией прав. Оно направило королю обращение, составленное с большим мастерством, в котором обсуждало права колоний, жаловалось на бесхозяйственность министров и умоляло исправить общественное зло.

Но этот конгресс рассматривался правительством Великобритании как незаконный орган, и его петиция была проигнорирована. Но министры больше не считали трудности пустяковыми и стремились исправить их, хотя и не совсем правильным образом. Наиболее проникательные из английских государственных деятелей полностью осознали опасность и важность кризиса, и многие из них встали на сторону свободы. Дин Такер, предвидевший долгую войну со всеми вытекающими отсюда издержками, в мастерском трактате настаивал на необходимости немедленного предоставления американцам свободы, к которой они стремились. Другие, которые переоценивали важность колоний с меркантильной точки зрения, хотели сохранить их, но принять примирительные меры. Лорд Четем пустил в ход все красноречие, в котором он был таким мастером, чтобы возбудить министров. Он умолял их вывести войска из Бостона. Он показал безумие метафизических изысков о праве на налогообложение, когда континент был вооружен. Он говорил о средствах навязывания рабства как о неэффективных и нелепых. Лорд Кэмден поддержал Чатема в Палате лордов и заявил, не как философ, а как юрист по конституционным вопросам, что Англия не имеет права облагать Америку налогами. Речь Берка. Мистер Берк выдвинул примирительную меру в Палате общин, исполненную мудрости и знаний. "Моя привязанность к колониям, - сказал этот великий оракул нравственной мудрости, - заключается в тесной привязанности, которая проистекает из общих имен, из родственной крови, из схожих привилегий и равной защиты. Это узы, которые, хотя и легки, как воздух, прочны, как железные звенья. Пусть колонии всегда придерживаются идеи о своих гражданских правах, связанных с вашим правительством; они будут цепляться за вас, и никакая сила под небесами не сможет оторвать их от присяги. Но пусть однажды будет понято, что ваше правительство может быть одним, а их привилегии - другим, тогда цемент исчезнет, и все поспешит распасться. Это любовь народа, это его привязанность к вашему правительству из

чувства глубокой заинтересованности, которую он имеет в таких славных институтах, которая дает вам вашу армию и флот и вселяет в них то либеральное послушание, без которого ваша армия была бы всего лишь низкопробным сбродом, а ваш флот - всего лишь гнилым бревном ". Но эта возвышенная мудрость рассматривалась как философская абстракция, как тщеславный и непрактичный взгляд на политические дела, вполне подходящий для писателя о "возвышенном и прекрасном", но абсурдный для британского государственного деятеля. Полковник Барре и Фокс поддержали Берка, но их красноречие не произвело большого эффекта на палату общин, и министерство получило поддержку в своих мерах. Колонии были объявлены находящимися в состоянии восстания, и были приняты меры по их подавлению.

Объявить колонии в состоянии восстания означало, по сути, объявить войну. И это прекрасно понимали популярные лидеры, которые раздували дух сопротивления. Все идеи примирения теперь стали химерическими. Необходимость подстегивала робких, а месть возбуждала смелых. Чувствовалось, что теперь людям предстояло выбирать между свободой и рабством, и рабство, конечно, считалось хуже смерти. "Мы должны оглянуться назад, - говорили популярные ораторы, - хватит! Мы должны победить или умереть! Мы помещены между алтарями, дымящимися благовониями славы и благодарности, с одной стороны, и блоками и темницами - с другой. Тогда пусть каждый встанет и приготовится к борьбе. Этого требуют высшие интересы мира; этого требует наша святейшая религия. Давайте изгоним страх и будем помнить, что удача улыбается только храбрым".

Таково было общее настроение, и нужна была только искра, чтобы разжечь пожар. Эта искра была зажжена в Лексингтоне. Генерал Гейдж, губернатор, узнав, что военные склады и оружие хранятся в Конкорде, решил захватить их. Его замысел заподозрили, и люди приготовились сопротивляться его приказам. Зазвонили колокола тревоги, и загремели пушки. Провинциальное ополчение собралось, и англичане отступили к Лексингтону. Эта деревня стала свидетелем начала долгой и кровопролитной войны. Волну революции больше нельзя было сдерживать. Теперь колонии были полны решимости добиться своей независимости.

Континентальный конгресс собрался 10 мая 1775 года, вскоре после того, как в Лексингтоне пролилась первая кровь, и немедленно приступил к набору армии, введению бумажной валюты и расторжению договора между Великобританией и колонией Массачусетс. Джон Хэнкок был избран президентом ассамблеи, а Джордж Вашингтон - главнокомандующим континентальной армией. Он принял это назначение со скромностью, достойной только его заслуг, и вскоре после этого отбыл на место боевых действий. Что касается его соратников, Конгресс назначил Артемаса Уорда, Чарльза Ли, Филипа Шайлера и Израэля Патнэма генерал-майорами, а Сета Помероя, Ричарда Монтгомери, Дэвида Вустера, Уильяма Хита, Джозефа Спенсера, Джона Томаса, Джона Салливана и Натаниэля Грина бригадирами. Горацио Гейтс получил назначение генерал-адъютантом в звании бригадира.

17 июня состоялось сражение при Банкер-Хилл. Банкер-Хилл, которое доказало храбрость американцев и за которым последовали большие моральные результаты. Но американцы, к сожалению, потеряли в этой битве доктора Уоррена, который поддерживал дело революции с тем же духом, что и Хэмпден в Англии, и на которого он был похож по гениальности, патриотизму и характеру. Он был избран генерал-майором за четыре дня до своей смерти, но сражался при Банкер-Хилл простым добровольцем. 2 июля Вашингтон принял командование армией и разместил свою штаб-квартиру в Кембридже. Американская армия насчитывала семнадцать

тысяч человек, из которых две тысячи пятьсот были непригодны к службе. Они были собраны по случаю, и у них было всего несколько палаток и припасов, никакой одежды, никаких военных сундуков и никакой общей организации. Они были собраны из разных провинций и подчинялись своим собственным законам ополчения. Из этого материала он построил первую континентальную армию, преодолевая бесчисленные трудности. Ни один человек никогда не был поставлен в более затруднительное положение. Его войска были необразованны и недисциплинированы, а члены Континентального конгресса, от которых он получил свое назначение, не были едины между собой. На нем лежала вся ответственность за ведение войны, и все же у него не было достаточных средств, чтобы вести ее с той энергией, на которую, вероятно, рассчитывали колонии. В конце концов, его успех был великолепным и безоговорочным; но никто, кроме него, не смог бы добиться его, и даже он сам, если бы его не поддерживала почти сверхъестественная твердость характера.

Английские войска в это время были сосредоточены в Бостоне под командованием генерала Гейджа и значительно уступали по численности окружавшим их американским войскам. Но войска Гейджа были постоянными солдатами и ветеранами и были одними из лучших в английской армии. Он был отозван для того, чтобы предоставить правительству информацию о битве при Банкер-Хилл, и в октябре его сменил генерал Хоу.

Первая кампания войны ознаменовалась вторжением американских войск в Канаду в надежде отвоевать эту провинцию у англичан, которые были не только недовольны, но и защищались незначительными силами. Генерал Монтгомери с трехтысячной армией двинулся к Монреалю, который капитулировал. Крепости Краун-Пойнт и Тикондерога уже были взяты полковником Итаном Алленом. Но человеком, наиболее отличившимся в этой неудачной экспедиции, был полковник Бенедикт Арнольд, который с отрядом в тысячу человек проник через леса, болота и горы штата Мэн, за истоки Кеннебека, и через шесть недель после своего отъезда из Бостона прибыл на равнины Канады, напротив Квебека. Там он соединился с войсками Монтгомери и предпринял штурм сильнейшей крепости в Америке, защищаемой шестнадцатью сотнями человек. Атака была безуспешной, и Монтгомери погиб. Монтгомери был убит. Арнольд не отступил из провинции, а остался лагерем на высотах Авраама. Это предприятие, хотя и потерпело неудачу, не обошлось без больших моральных результатов, поскольку продемонстрировало английскому правительству исключительную храбрость и бесстрашие нации, которую оно взяло на себя для принуждения.

Тогда министерство решилось на энергичные меры и, обнаружив трудности с набором людей, обратилось к ландграфу Гессенскому с просьбой выделить семнадцать тысяч наемников. Эти силы, добавленные к двадцати пяти тысячам человек, завербованных в Англии, и войскам, уже отправленным в Америку, составляли пятьдесят пять тысяч человек, что считалось вполне достаточным для подавления мятежных колоний. Но они были отправлены в Америку только в следующем году.

Тем временем генерал Хоу стоял лагерем в Бостоне с силами численностью одиннадцать тысяч человек, включая моряков, а генерал Вашингтон с двадцативосьмитысячной армией, включая ополчение, был полон решимости атаковать его. В феврале 1776 года он овладел Дорчестерскими высотами, которые возвышаются над гаванью. Генерал Хоу счел целесообразным эвакуировать Бостон и отплыл со своей армией в Галифакс, а Вашингтон отправился в Филадельфию для переговоров с Конгрессом.

Но Хоу отступил из Бостона только для того, чтобы занять Нью-Йорк; и когда его приготовления были завершены, он высадился на Стейтен-Айленде, ожидая прибытия своего брата, лорда Хоу, с ожидаемым подкреплением. К середине августа все они прибыли, и его объединенные силы составили двадцать четыре тысячи человек. Армия Вашингтона, хотя номинально она насчитывала двадцать тысяч пятьсот человек, по-прежнему состояла всего из одиннадцати тысяч боеспособных людей, и они были недостаточно обеспечены оружием и боеприпасами. Тем не менее Вашингтон дал сражение англичанам; но результат был катастрофическим для американцев из-за несоразмерности задействованных сил. Генерал Хоу овладел Лонг-Айлендом, американцы эвакуировали Нью-Йорк, и вскоре после этого город перешел в руки англичан. Вашингтон со своей уменьшившейся армией расположился на Харлемских высотах.

Но до того, как была одержана победа Хоу на Лонг-Айленде, Конгресс провозгласил Декларацию независимости Америки. Независимость Американских штатов (4 июля 1776 г.) Эта Декларация независимости застала английскую нацию врасплох и прочно сплотила ее против колоний. Американцы во всех частях страны встретили ее с безграничным энтузиазмом. Примирение теперь было невозможно, и обе страны были настроены друг против друга в ожесточенном антагонизме.

Оставшаяся часть кампании 1776 года была занята воюющими сторонами в перестрелках, сражениях, маршах и контрмаршировках в штатах Нью-Йорк и Нью-Джерси. Последний штат был захвачен английской армией, и успех с обеих сторон был нерешительным. Были захвачены форты Вашингтон и Ли. Генерал Ли был взят в плен. Пленение Ли, однако, не было таким большим бедствием, как казалось поначалу; ибо, хотя это был гениальный человек с военным опытом, его честолюбие, тщеславие и любовь к славе, вероятно, привели бы к противостоянию вышестоящему офицеру и самому Конгрессу. Чтобы компенсировать бедствия в Нью-Джерси, Вашингтон, наделенный Конгрессом новой и экстраординарной властью, одержал победы в битвах при Принстоне и Трентоне, которые были не только блестящими победами, но и сопровождались большими моральными последствиями и показали, как трудно подчинить себе народ, полный решимости стать свободным. "Все аплодировали твердости, благоразумию и храбрости Вашингтона. Все провозгласили его спасителем своей страны; все провозгласили его равным самым прославленным полководцам древности и особенно выделили его по имени американец Фабиус".

Величие Вашингтона было видно не столько по его победам при Принстоне и Трентоне или по его мастерскому отступлению перед превосходящими силами, сколько по его замечательному благоразумию и терпению в течение последующей зимы. В течение нескольких месяцев у него были силы, которые едва превышали полторы тысячи человек, и они терпели всевозможные лишения. После того как прошел первый порыв энтузиазма, оказалось чрезвычайно трудно вербовать людей, а еще труднее платить тем, кто записался. Конгресс, состоящий из выдающихся людей и, несомненно, патриотов, в целом поддерживал главнокомандующего, которого на шесть месяцев он наделил почти диктаторской властью; тем не менее, были некоторые из его членов, которые не вполне понимали характер или состояние Вашингтона и создавали большие трудности на его пути.

Примерно в это же время Конгресс направил во Францию уполномоченных. уполномоченных во Францию для сбора денег и оружия. Этими уполномоченными были доктор Франклин, Сайлас Дин и Артур Ли. Они не сразу увенчались успехом, поскольку французский король,

сомневающийся в исходе борьбы, не хотел преждевременно навлекать на себя враждебность Великобритании; но они побудили многих присоединиться к американскому делу, и среди прочих молодого маркиза де Лафайета, который прибыл в Америку весной 1777 года и показал себя самым умелым полководцем и завоевал доверие и любовь нации, которой он помогал.

Кампания 1777 года ознаменовалась эвакуацией англичанами Джерси, битвами при Беннингтоне и Брендивайне, захватом Филадельфии и Бергойна. капитуляция Бургойна. Успех, в целом, был в пользу американцев. Они потерпели поражение при Брендивайне и потеряли самый значительный город в Союзе на тот момент. Но эти бедствия были с лихвой компенсированы победой при Беннингтоне и взятием Бургойна.

Это действительно было великим событием кампании. Бургойн был членом парламента и заменил генерала Карлтона в командовании северной армией — опрометчивое назначение, но сделанное министром для того, чтобы легче провести свои меры через Палату общин. Войска под его командованием насчитывали более семи тысяч ветеранов, не считая артиллерийского корпуса. 16 июня он выступил из Сент-Джонса и продвинулся к Тикондероге, которую он окружил. Американских сил под командованием генерала Шайлера, предназначенных для противостояния этой королевской армии и защиты Тикондероги, было совершенно недостаточно: их насчитывалось не более пяти тысяч человек. Поэтому крепость была оставлена, и британский генерал продвинулся к Гудзону, надеясь открыть сообщение между ним и озером Шамплейн и таким образом полностью окружить Новую Англию и изолировать ее от остальной части страны. Но задержки, связанные с маршем английской армии через леса, позволили американцам сплотиться. Поражение полковника Баума при Беннингтоне от полковника Старка усугубило затруднения Бургойна, который теперь испытывал нехватку провизии; тем не менее, он продолжил свой марш, надеясь беспрепятственно добраться до Олбани. Но американцы под командованием генерала Гейтса, сменившего Шайлера, были сильно укреплены на основных перевалах на его маршруте и укрепили возвышенности. Кроме того, армия Бергойна подверглась нападению американцев при Стиллутере, и он был вынужден отступить в Саратогу. Теперь его армия сократилась до пяти тысяч человек; провизии у него было всего на три дня; все проходы были заняты врагом, и он был полностью окружен пятнадцатью тысячами человек. При таких обстоятельствах он был вынужден сдаться. Его войска сложили оружие, но им разрешили отправиться в Бостон в Европу. Благодаря этой победе американцы приобрели сорок два орудия латунной артиллерии, четыре тысячи шестьсот мушкетов и огромное количество военных припасов. Моральные последствия захвата Бергойна. Эта капитуляция Бергойна была величайшей катастрофой, которую до сих пор переживали британские войска, и подняла боевой дух американцев на самый высокий уровень. Действительно, эта капитуляция решила судьбу войны, поскольку доказала невозможность победить американцев. Это показало, что они сражались, имея бесконечно большие преимущества, поскольку в их силах было всегда отказаться от сражения и выбрать свою позицию. Это показало, что страна столкнулась с непреодолимыми трудностями. То, что города были взяты, не имело большого значения, когда в стране проживало огромное количество людей, готовых идти на жертвы, и ими командовали такие генералы, как Вашингтон, Гейтс, Грин, Патнэм и Ли. Английское министерство должно было понять природу соперничества; но странное увлечение ослепило нацию. Однако были и такие, кого не могла ослепить никакая национальная гордость. Одним из таких людей был лорд Чатем. "Никто, - сказал этот ветеран государственной службы, - не был более высокого мнения о достоинствах и доблести

британских войск, чем я. Я знаю, что они могут достичь чего угодно, кроме невозможного. Но завоевание Америки - это невозможно".

В Европе была одна нация, которая смотрела на конкурс другими глазами. Этой нацией была Франция, находившаяся тогда накануне самой революции и пылавшая восторженной любовью к принципам, на которых была провозглашена независимость Америки. Французское правительство, возможно, и не восхищалось американским делом, но оно так сильно ненавидело Англию, что решило признать независимость Америки и помочь стране ее войсками.

В начале войны Американский конгресс направил уполномоченных во Францию, чтобы получить помощь. Согласно их заявлениям, Лафайет, тогда молодой человек девятнадцати лет, за свой счет нанял корабль и прибыл в Лафайет. присоединился к American Standard. Конгресс, принимая во внимание его выдающееся звание и исключительный энтузиазм, присвоил ему звание генерал-майора. И он великолепно оправдал большие надежды, которые возлагались на него; он заслужил благодарность и похвалу всех друзей свободы.

Лафайет встал на защиту Америки добровольцем. Французский двор в начальный период борьбы не считал целесообразным открыто поддерживать революцию. Но после капитуляции Бергойна, когда стало очевидно, что Соединенным Штатам удастся обеспечить свою независимость, это было признано и была оказана существенная помощь.

Зима, последовавшая за капитуляцией Бургойна, запомнилась страданиями американской армии, стоявшей лагерем в Вэлли-Фордж, примерно в двадцати милях от Филадельфии. Армия была скудно снабжена провизией и одеждой, и в различных кругах возникло сильное недовольство. Из одиннадцати тысяч восьмисот человек почти три тысячи были босиком и вообще голыми. Но страдания армии были не единственной причиной беспокойства главнокомандующего, на котором главным образом лежала ответственность за ход войны. Офицеры были недовольны и не были готовы, так же как и рядовые, идти на постоянные жертвы. Они были вынуждены вторгнуться в свою частную собственность и не имели никаких перспектив на облегчение в будущем. Вашингтон был готов пойти на любые жертвы сам и отказался от какой-либо оплаты своих собственных расходов; но, хотя он проявлял редчайшее великодушие, он не ожидал этого от других и призвал Конгресс предусмотреть жалованье офицерам в будущем, когда война закончится. Он смотрел на человеческую природу такой, какая она есть, а не такой, какой он хотел бы ее видеть, и признавал принципы личного интереса так же, как принципы патриотизма. Он был твердо убежден, что долгая и продолжительная война не могла, даже в те времена, вестись только на основе принципа патриотизма, но требовала, кроме того, перспективы получения процентов или какого-либо вознаграждения. Члены Конгресса не все были согласны с его взглядами и ожидали, что офицеры пойдут на большие жертвы, чем рядовые граждане, но через некоторое время план пожизненного половинного содержания, предложенный Вашингтоном, был принят небольшим большинством, хотя впоследствии был изменен на половинное содержание в течение семи лет. Кроме того, во многих умах существовало предубеждение против постоянной армии, помимо зависти и антипатии, которые существовали между различными частями Союза. Но Вашингтон, с его редким практическим здравым смыслом, боролся с эгом, а также со страхами робких и замыслами эгоистов. История Революции поражает нас величиим и храбростью американской нации; и каждый американец должен гордиться своими предками за усилия, которые они

прилагали, несмотря на столько разочарований, для обеспечения своих свобод; но было бы ошибкой предполагать, что не было проявлено ничего, кроме возвышенного героизма. Человеческая природа проявила свое вырождение в лагере и на поле боя, среди героев и патриотов. Совершенство характера, насколько человек вообще когда-либо совершенен, действительно было продемонстрировано Вашингтоном, но только Вашингтоном.

Армия оставалась в Вэлли-Фордж до июня 1778 года. Тем временем лорд Норт предпринял еще одну безрезультатную попытку добиться примирения. Но было слишком поздно. Его предложения могли быть приняты в начале конкурса, но ничто, кроме полной независимости, теперь не удовлетворило бы американцев, а Север не желал уступать. Соответственно, министр прибегнул к новым мерам принуждения, хотя британские войска в Америке насчитывали свыше тридцати трех тысяч человек.

18 июня сэр Генри Клинтон, сменивший сэра Уильяма Хоу на посту командующего британскими войсками, эвакуировал жителей Филадельфии. Филадельфия, владение которой не принесло англичанам никакой пользы, кроме как в качестве зимних квартир для войск. Его целью было отправиться в Нью-Йорк, куда он двинулся со своей армией, отправив свой тяжелый багаж по воде. Американцы превосходящими силами наступали ему в тыл и искали сражения. Нерешительный конфликт произошел в Монмуте, во время которого генерал Ли проигнорировал приказ своего вышестоящего командования и был отстранен от должности на двенадцать месяцев. Между Вашингтоном и Ли никогда не было совершенной гармонии, и без помощи последнего, хотя он был храбрым и опытным офицером, было легко обойтись.

Во время этой кампании не произошло никаких важных действий, и главным сигналом к ней послужило прибытие графа д'Эстена с двенадцатью линейными кораблями и четырьмя фрегатами на помощь американцам. Но из-за разногласий и ошибок это крупное вооружение не смогло сразить английские военно-морские силы.

Кампания 1779 года была не более решающей, чем кампания предыдущего года. Военные операции были в основном ограничены южными районами страны, в которых англичане, как правило, получали преимущество, располагая превосходящими силами. Они захватили страну, разожгли враждебность индейцев и уничтожили значительную собственность. Но они не одержали никакой важной победы, и для всех сторон было очевидно, что завоевание невозможно.

Кампания 1780 года запомнилась изменой Арнольда. дезертирство генерала Арнольда. Хотя она и не принесла важных политических результатов, она вызвала сильное волнение. Ему доверили заботу о крепости Вест-Пойнт, господствовавшей над рекой Гудзон; но, неудовлетворенный, расточительный и беспринципный, он думал поправить свое разбитое состояние, сдав ее британцам, оккупировавшим Нью-Йорк. Его измена была раскрыта, когда его планы были близки к осуществлению; но он ухитрился сбежать и был произведен в бригадные генералы на службе у врага. Общественное осуждение опозорило его имя, и потомство не изменило приговор его возмущенных соотечественников. Его позор и разорение были вызваны в первую очередь его расточительностью и ущемленной гордыней. Вашингтон полностью понимал отсутствие у него моральных принципов, но продолжал наделять его властью ввиду больших услуг, которые он оказал своей стране, а также его неоспоримой храбрости и военных талантов. После своего дезертирства американский главнокомандующий никогда не был известен тем, что доверял важный пост человеку, в добродетель которого он не

питал безоговорочной веры. Судьба майора Андре, который вел переговоры об измене с Арнольдом и которого схватили как шпиона, вызвала много сожалений англичан. Ни его семья, ни звание, ни достижения, ни добродетели, ни заступничество сэра Генри Клинтона не смогли спасти его от военной казни в соответствии с установленными законами военного времени. Вашингтона обвиняли в том, что он не проявил большей снисходительности в случае со столь прославленным заключенным; но американский генерал никогда не отступал от строгого правосудия, которое он считал своим долгом осуществлять.

В течение этого года американская валюта необычайно обесценилась, так что сорок долларов стоили всего один в звонкой монете — факт, свидетельствующий о затруднительном положении страны и трудностях содержания армии. Но перспективы окончательного успеха позволили Конгрессу, наконец, договориться о займах, и армия была сохранена единой.

Великим событием кампании 1781 года была капитуляция лорда Корнуоллиса. капитуляция лорда Корнуоллиса при Йорктауне, которая решила судьбу войны. Лорд Корнуоллис, который был способным командиром, добился успеха на юге, хотя генералу Лафайету энергично и умело противостоял генерал. Но в конце концов ему пришлось столкнуться с основными силами американской армии и вдобавок с французскими войсками, так что объединенные армии насчитывали более двенадцати тысяч человек. Он был вынужден сдаться превосходящим силам, и 19 октября 1781 года семь тысяч пленных со всем их багажом и припасами попали в руки победителей. Это великое событие вызвало всеобщую радость по всей Америке и соответствующую депрессию среди английского народа.

После этой капитуляции было всеобщее убеждение, что война скоро закончится. Генерал Лафайет получил разрешение вернуться во Францию, и служба вербовки прекратилась. Тем не менее, война продолжалась до 1783 года, не ознаменовавшись, однако, какими-либо значительными событиями. 30 ноября 1782 года в Париже были подписаны предварительные статьи мира, по которым Великобритания признавала независимость Соединенных Штатов и по которым им передавалась вся территория к югу от озер и к востоку от Миссисипи, а также право рыбной ловли на берегах Ньюфаундленда.

25 ноября 1783 года британские войска эвакуировали Нью-Йорк, и вскоре после этого американская армия была распущена. 4 декабря Вашингтон обратился с прощальной речью к своим офицерам; а 23 декабря он передал свои полномочия в руки органа, от которого он их получил, и удалился в частную жизнь; оправдав оказанное ему большое доверие способом, который обеспечил благодарность его страны и который, вероятно, заслужит похвалы всех будущих поколений.

Результаты войны за независимость можно описать, только перечисляя прогрессивные шаги американского возвышения с того времени по настоящее и размышляя о будущих судьбах англосаксонской расы на американском континенте. Успех, сопутствовавший этой долгой войне, отчасти объясняется талантами, несравненной мудростью и честностью главнокомандующего; неустрашимой храбростью и добродетелями армий, которыми он командовал; самоуверенностью и неопытностью английских генералов; трудностями, неизбежно сопутствующими завоеванию лесов, болот и разрозненных городов; помощью французского народа; и, прежде всего, высшим провидением Божьим, который намеревался

спасти сыновей пилигримов от иностранного гнета и, несмотря на их многочисленные недостатки, сохранить их жизнь. сделайте их великой и славной нацией, в которой должна быть увековечена религиозная и гражданская свобода, а все люди должны быть свободны искать свои собственные средства к счастью и развивать неисчерпаемые ресурсы великой и безграничной империи.

Английская нация молча согласилась с событием, которое все считали неизбежным; но лорд Норт был вынужден подать в отставку. лорд Норт подал в отставку, и было предпринято изменение мер. Теперь пришло время подумать об английских делах до Французской революции.

Список литературы.— Книг, написанных об Американской революции, очень много, указатель на которые можно увидеть в "Истории Ботты", а также в трудах тех, кто писал об этом великом событии. "Жизнь и переписка Вашингтона" Спаркса, несомненно, является самой ценной работой, которая когда-либо появлялась с тех пор, как Маршалл написал "Жизнь Вашингтона". Эссе Гизо о Вашингтоне чрезвычайно талантливо; я также не знаю ни одного автора, который так глубоко анализировал бы характер и величие американского героя. "История революции" Ботты - популярная, но поверхностная и недооцененная книга. "История Соединенных Штатов" мистера Хейла превосходно адаптирована к той цели, для которой она была задумана, и является лучшим сборником американской истории. Стедман - признанный авторитет в Англии. Белшем в своей "Истории Георга III" написал откровенно и с духом. Смит в своих лекциях по современной истории очень умело обсуждал революцию. Ознакомьтесь также с работами Рамзи, Уинтерботэма, Аллена и Гордона. В связи с этим также следует прочитать о жизнях выдающихся американских генералов, государственных деятелей и ораторов; особенно о Ли, Грине, Франклине, Адамсе и Генри, которые лучше всего описаны в американской биографии Спаркса. [\(Вернуться к содержанию\)](#)

ГЛАВА XXIX.

АДМИНИСТРАЦИЯ УИЛЬЯМА ПИТТА.

Теперь мы переходим к рассмотрению самой насыщенной событиями администрации во многих важных отношениях в британских анналах. Величие военных операций, размах реформ и огромное количество выдающихся государственных деятелей и гениальных людей составляют период, когда Уильям Питт. Питт стоял у руля государства, полный интереса и величия.

Уильям Питт, Ранняя жизнь Питта. второй сын первого графа Чатема, начал общественную жизнь в очень раннем возрасте и был премьер-министром Георга III. в тот период жизни, когда большинство мужчин только заканчивают профессиональное образование. Он был человеком необычайно развитого возраста. Он поступил в Кембриджский университет в возрасте четырнадцати лет и в тот период был законченным специалистом по греческому и латыни. Он не проводил праздных часов и не выказывал особого удовольствия от занятий спортом, обычных для мальчиков его возраста. Он был столь же успешен в овладении математикой, как и языками, и был поклонником глубочайших трактатов интеллектуальной философии. Он преуспевал во всех отраслях знания, на которые обращал свое внимание. В 1780 году, в возрасте двадцати одного года, он стал резидентом Линкольнс-Инн, весной следующего года вошел в парламент и сразу же принял в нем активное участие. Его первая речь поразила всех, кто его слушал,

несмотря на то, что на его власть возлагались большие надежды. Он был назначен канцлером казначейства в возрасте двадцати трех лет, причем в то время, когда для этого требовался министр финансов с величайшим опытом. Палата общин также не согласилась бы с его назначением на столь важный пост в столь критическом состоянии нации, если бы не существовало большой уверенности в его способностях. С момента своего первого появления Питт занял лидирующее положение в качестве парламентского оратора; и как таковой, в целом, он никогда не был превзойден. Его особые таланты подходили ему для занятия высшего поста в даровании своего государя, а обстоятельства того времени, вдобавок, были таковы, что были рассчитаны на развитие всей энергии и талантов, которыми он обладал. Он не был самым выдающимся интеллектуалом своего времени, но, несомненно, был величайшим оратором, которого когда-либо создавала Англия, и до конца своей карьеры пользовался, несмотря на противодействие таких людей, как Берк, Фокс и Шеридан, подавляющим влиянием в парламенте. Он был вундеркиндом; таким же великим в дебатах и в исполнительной власти, каким был Наполеон на поле боя, Бэкон в философии или Шекспир в поэзии. Нам трудно представить, как молодой человек, только что окончивший колледж, должен быть способен отвечать на трудные вопросы ветеранов-государственных деятелей, которые всю свою жизнь выступали против принципов, которые он выдвигал, и сразу же взять на себя полномочия, которыми его отец был наделен только в зрелый период жизни. Питту почти не позавидуешь, и гордая знать и княжеские капиталисты самой богатой, гордой и консервативной страны в мире передали ему свои свободы с не большим страхом или недоверием, чем проявили бы наследственные рабы Турции или России, приветствуя восшествие на престол нового императора. Он был рожден повелевать, один из природных деспотов, и он принял бразды правления с совершенным сознанием своих способностей править.

Ему было всего двадцать четыре года, когда он начал править, поскольку в качестве премьер-министра Георга III он был абсолютным правителем Британской империи во время своего пребывания на этом посту. Фактически он назначал своих коллег и через них руководил всеми делами исполнительной власти. Он контролировался только законодательной властью, и парламент был подчинен его воле. Какое гордое положение занимает молодой человек! Простолудин с ограниченным состоянием, который устанавливал законы в огромной империи и имел гордую знать, послушную его воле; и все это силой одних только талантов — талантов, которые вызывали восхищение и уважение. Он избрал лорда Турлоу канцлером, лорда Гауэра президентом совета, герцога Ричмондского лордом-хранителем печати, лордов Кармартена и Сиднея государственными секретарями, а лорда Хоу первым лордом адмиралтейства. Они были его главными помощниками в противостоянии мощной оппозиции и в регулировании дел огромной империи — проблем Индии, государственного долга, необходимого налогообложения, внутреннего спокойствия и сношений с иностранными державами. Но он заслужил доверие своего государя и нации, и они поддерживали его в его необычайных затруднениях.

Политика Питта. Политика администрации здесь не подлежит обсуждению; но в основном ее проводил его отец и она удовлетворяла национальную гордость. Для нас еще не пришло время с уверенностью судить о мудрости его курса. Он был сторонником мер, целью которых было национальное возвеличивание. Он был ярым защитником войны и выступил бы против Наполеона и всего мира, чтобы обеспечить превосходство Великобритании. Он верил, что

слава лучше денег; он думал, что огромный долг - меньшее зло, чем национальный позор; он преувеличивал ресурсы и силу своей страны и верил, что ей суждено дать законы миру; он недооценивал способности других наций добиваться больших успехов в механическом мастерстве и производственной предприимчивости; он полагал, что английские мануфактуры навсегда будут приобретены остальным миром, и поэтому Англия, несмотря на долги, заставит все нации внести свой вклад в ее славу и богатство. Для него было безразлично, насколько высокими налогами облагаются люди за уплату процентов по фиктивному долгу, при условии, что благодаря своей торговле и мануфактуре они могли найти изобильные средства для выплаты этих процентов. И до тех пор, пока Англия сможет найти рынок сбыта для своих товаров, нация не будет страдать от налогообложения. Его ошибка заключалась в предположении, что Англия всегда будет производить продукцию для всего мира; что английское мастерство превосходит мастерство всех других наций; что в самой природе англичанина заложено превосходство, которое позволит ему в любой стране и при любых обстоятельствах победить всех конкурентов. Такие взгляды были благодарны его нации; и он, постоянно льстя национальному тщеславию и призывая перемены к славе и патриотизму, побудил ее следовать курсом, который однажды может привести к огромным бедствиям. Самоувеличение столь же пагубно для нации, как и для отдельного человека, и представляет собой ту гордыню, которая предшествует разрушению. Но сам по себе долг Англии перед самой собой, а не перед другой нацией, не так тревожен, как иногда предполагают. Наихудшим последствием, с коммерческой точки зрения, является национальное банкротство; но если Англия станет банкротом, ее фабрики, дворцы, склады и корабли останутся. Они не будут разрушены. Значительные богатства не улетучиваются с острова, а просто переходят из рук капиталистов к народу. Политика Питта просто обогатила немногих за счет многих - подтвердила власть аристократии. Когда производители больше не могут конкурировать с производителями других стран на таких неравных условиях, которые становятся необходимыми из-за беспрецедентного налогообложения для поддержки государственных кредиторов, тогда государственные кредиторы должны пострадать больше, чем сам производитель. Фабрикант должен жить. Этот класс составляет значительную часть нации. Люди должны быть накормлены, и они будут накормлены; и их можно прокормить так же дешево, как в любой другой стране, если бы не налоги. Политика Питта в период коммерческого процветания действительно имела тенденцию укреплять власть аристократии — того класса, к которому он принадлежал и к которому принадлежала Палата общин, поддерживавшая его. Но это было самоубийством, как и политика всех эгоистичных людей; и в конечном счете должно было привести к революционным мерам, даже если эти меры не могут сопровождаться массовыми убийствами и сожжением тронов.

Но мы должны поспешить рассмотреть основные события, которые характеризовали правление Уильяма Питта. Это были волнения в Ирландии, парламентские реформы, усиление Ост-Индской компании, суд над Гастингсом, дебаты о работорговле и война с Францией в результате Французской революции.

Трудности с Ирландией. Трудности с Ирландией не вызывали беспокойства до тех пор, пока Французская революция не породила дух недовольства и агитации во всех частях Великобритании. Вскоре после своего прихода к власти мистер Флуд, видный член ирландской палаты общин, внес законопроект о парламентской реформе, который после долгих дебатов был отклонен. Хотя его мера была отвергнута в Палате представителей, ее сторонники за пределами Палаты представителей не были низвергнуты, а приняли меры по формированию

национального конгресса для устранения существовавшего зла. Большая делегация народа действительно собралась в Дублине и обратилась к парламенту с петицией об удовлетворении жалоб. мистер Питт рассмотрел этот вопрос с должным вниманием и приложил все усилия, чтобы освободить торговлю Ирландии от ограничений, в которых она находилась. Но тем самым он возбудил зависть британских купцов и промышленников, и они побудили его пересмотреть свои предложения по оказанию помощи Ирландии, которые затем были приняты. Спокойствие было восстановлено до 1791 года, когда в Белфасте появился план создания ассоциации под названием "Объединенные ирландцы". Объединенные ирландцы, целью которых была радикальная реформа всего того зла, которое существовало в Ирландии с момента ее соединения с Англией. Эта ассоциация вскоре распространилась по всему острову и насчитывала огромное количество как протестантов, так и католиков, недовольных правительством. Вследствие недовольства, особенно среди католиков, английское министерство пошло на многие уступки, и законодательный орган разрешил католикам заниматься юридической практикой, вступать в браки с протестантами и получать неограниченное образование. Но парламент также принял меры, чтобы предотвратить созыв какого-либо народного собрания, и увеличил численность ополчения на случай беспорядков. Но произошли беспорядки, и Объединенные ирландцы начали подумывать о полном отделении от Англии и других предательских планах. Вследствие этих волнений действие Закона о хабеас Корпус было приостановлено, и военное правительство было введено в действие со всей строгостью. Объединенные ирландцы сделали вид, что подчиняются, но разработали еще более глубокие схемы и расширили свою принадлежность. В мае 1797 года число мужчин, зачисленных профсоюзом только в Ольстере, составляло сто тысяч, и их организация была совершенной. Французское правительство знало о союзе, численность которого постепенно достигла пятисот тысяч человек, и обещало ему помощь. Ирландцы, однако, полагались главным образом на себя и приготовились оказать сопротивление английскому правительству, которое было твердо намерено принять самые энергичные меры. В Ирландию были направлены крупные военные силы, и несколько главарей предполагаемого восстания были арестованы.

Но своевременное раскрытие заговора предотвратило одно из самых кровавых столкновений, которые когда-либо происходили в Ирландии. Тем не менее, в некоторых местах вспыхнуло восстание, и в графстве Уэксфорд оно было действительно грозным. Повстанцы насчитывали двадцать тысяч человек. Они овладели Уэксфордом и совершили великие варварства, но в конце концов были покорены лордом Корнуоллисом. Если бы французы объединили, как они обещали, пятнадцатитысячные силы, не исключено, что Ирландия была бы отторгнута от Англии. Но французам в то время приходилось делать все, что они могли, чтобы позаботиться о себе; и Ирландия снова подверглась еще большим притеснениям, чем раньше.

Ирландский парламент до сих пор был всего лишь органом вечных диктаторов. Восемилетним биллем эта олигархия была распущена, а Палата общин приобрела вид конституционного собрания, и в ней нашлось несколько честных и проникательных людей. У Ирландии также были свои защитники в британском сенате; но всякий раз, когда народ или парламент одерживали победу над вице-королем, какой-нибудь несчастный случай или грубая ошибка лишали нацию возможности пожинать плоды. Палата общин снова стала коррумпированной, и независимость, которую получила Ирландия, перестала иметь ценность. Коррумпированная палата общин подло отказалась от всего, что было получено. Напрасно красноречие Каррана и Граттана. Ирландская нация, лишенная общественной добродетели, ставшая добычей фракций и ареной коррупции, в конце концов стала бессильной и политически беспомощной. Восстание

1798 года было простой крестьянской войной, без разума, которым можно было бы руководить, или опыта, который давал бы советы. Поэтому она с треском провалилась, но не проваливалась до тех пор, пока не погибло пятьдесят тысяч повстанцев и двадцать тысяч роялистов.

В июне 1800 года был заключен Союз Англии и Ирландии. союз Ирландии и Англии был заключен на той же основе, что и союз между Англией и Шотландией во времена Анны. Против этого горячо выступали некоторые наиболее патриотичные ирландские государственные деятели, и причиной тому были только коррупция и взяточничество. Благодаря этому союзу иностранное законодательство заменило руководство тех, кто лучше всего разбирался в национальных проблемах; ирландские депутаты стали в британском сенате всего лишь инструментами администрации. Число невыходов на работу увеличилось почти вдвое, а национальное значение почти сведено к нулю с политической точки зрения. Но, с другой стороны, олигархическая тирания была сломлена, и узы союза, связывавшие страны, укрепились, и нация погрузилась в состояние большего спокойствия. Двадцать восемь пэров и сто простолудинов были приняты в английский парламент.

Несмотря на подавление восстания 1798 года, прошло всего пять лет, прежде чем было задумано новое восстание — результат республиканских принципов и национальных обид. Лидерами были Роберт Эммет и Томас Рассел. Но их предательские замыслы были с треском поддержаны их соотечественниками, и они смогли предпринять лишь слабую попытку, которая сразу же провалилась. Эти люди были арестованы, преданы суду и казнены. Речь Эммета перед казнью вызвала всеобщее восхищение своим духом патриотизма и глубокомысленным красноречием. Его главная ошибка заключалась в переоценке силы демократического влияния и в предположении, что с помощью насильственных мер он сможет свергнуть сильное военное правительство. Ирландцы не были готовы к свободе, тем более к свободе республиканцев. Не было достаточного согласия, или патриотизма, или разума, чтобы обеспечить народную свободу, а антипатия между католическим и протестантским населением была слишком глубоко укоренившейся и слишком злобной, чтобы разумно надеяться на прочный союз.

Все меры, которые были приняты для обретения независимости и возвышения Ирландии, потерпели неудачу, и страна по-прежнему находится в таком же состоянии, как Ирландия. состояние, как всегда, плачевное. Это представляет собой великую загадку для политика. Все мастерство государственных деятелей сводится на нет при разработке средств для спокойствия и улучшения этой несчастной страны. Чем больше привилегий получают люди и чем большую помощь они получают, тем более необоснованными кажутся их требования и тем более экстравагантными их ожидания. Тем не менее, существуют большие и постыдные пороки, которые необходимо устранить. В стране насчитывается почти пять миллионов акров бесплодных земель, пригодных для высочайшей обработки. Почва здесь неисчерпаемо богата, климат восхитителен, а природные преимущества для сельского хозяйства и торговли беспрецедентны. Ирландцы по-прежнему остаются угнетенными и бедными, поработанными своими священниками и прижатыми к земле требовательными землевладельцами и враждебным правительством. Между Англией и Ирландией нет настоящего союза, нет симпатии между различными классами и существует непримиримая вражда между протестантским и католическим населением. Северная и протестантская часть острова является наиболее процветающей; но Ирландия, в каком бы свете ее ни рассматривать, является самой несчастной страной, обладающей всеми дарами природы, самой плохо управляемой и самой страдающей в христианском мире; и никакая человеческая

проницательность или мудрость еще не смогла изобрести средство от бесчисленных зол, которые преобладают. Постоянные причины деградации ирландского крестьянства в их собственной стране по-разному приписывались римско-католическому духовенству, тирании правительства, системе, с помощью которой земли сдаются в аренду и обрабатываются, и естественным элементам ирландского характера. Все это, вместе взятое, могло привести к последствиям, о которых сожалеют все филантропы; но ни одна конкретная причина не может объяснить, почему столь прекрасная нация погружается в такую бедность и убожество, особенно если учесть, что те же самые праздные и несчастные крестьяне, переселенные в Америку, проявляют совсем другие склонности и вкусы и развивают черты характера, которые вызывают уважение и обеспечивают процветание.

Первый план парламентской реформы. парламентская реформа была предложена Питтом в 1782 году, еще до того, как он стал премьер-министром, из-за большого числа членов Палаты представителей, не представляющих важных интересов и зависящих от министра. Но его предложение было успешно отклонено. В мае 1783 года он внес еще один законопроект о добавлении ста членов в Палату общин и упразднении пропорционального числа маленьких и неприятных районов. Этот план, хотя и был поддержан Фоксом, был отвергнут подавляющим большинством. В 1785 году он предпринял третью попытку провести реформу парламента и снова потерпел неудачу; и этой последней попыткой закончились все его усилия по достижению этой цели. Он был настолько убежден в непрактичности этой меры, что даже единодушно выступал против нее, когда другие пытались это сделать. Более того, он изменил свое мнение, когда осознал полную связь этой темы с другими волнующими вопросами. Он желал реформы, если бы ее можно было провести без ущерба; но когда она стала демократической мерой, он сопротивлялся ей изо всех сил. Действительно, он признался, что предпочел бы, чтобы парламент навсегда остался таким, каким он был, чем рисковать какими-либо перспективами реформ, когда страна была так глубоко взбудоражена революционными дискуссиями. Мистер Питт прекрасно понимал, что те люди, которые больше всего стремились к парламентской реформе, желали свержения существующих в стране институтов или, по крайней мере, таких, которые были несовместимы с наследованием престола, наследственных титулов и всей системы связанных с ними сословий. Мистер Питт, становясь старше, могущественнее и опытнее, становился более аристократичным и консервативным; боялся коснуться какой-либо из старых опор конституции, опасаясь вызвать революцию - зло, которое из всех зол он ненавидел больше всего. мистер Берк, хотя и выступал против министра, здесь защищал его. он и произнес красноречивую речь против революционных мер. Мы также не можем удивляться изменению мнения, которое допустили мистер Питт и другие, если учесть, что сторонники парламентской реформы также были связаны с людьми неверных и опасных принципов. Томас Пейн был одним из апостолов свободы в ту эпоху, и его труды оказали очень большое и очень пагубное влияние на людей в целом. Весьма необычно, но тем не менее верно, что некоторые из наиболее полезных реформ были задуманы людьми неверующих принципов, а неверие и революционные излишества, как правило, были тесно связаны.

Но вопрос о реформе не волновал народ Англии до гораздо более позднего периода. Одним из самых волнующих событий во внутренней истории Англии времен правления Питта был судебный процесс над Гастингсом и трудности, возникшие в результате усиления Ост-Индской компании.

В главе о колонизации был сделан намек на дела Индии до завершения правления лорда Клайва. Уоррен Гастингс. Уоррен Гастингс продолжил вторжения и завоевания, которые так успешно начал Клайв. Он отправился в Индию в 1750 году, в возрасте семнадцати лет, в качестве клерка на службе компании. Тогда это была просто коммерческая корпорация. Его таланты и проницательность обеспечили его процветание. Постепенно он продвигался по службе и в 1772 году был назначен главой правительства Бенгалии. Но губернатор тогда не был, как сейчас, почти абсолютным правителем, и у него был только один голос в совете, который представлял компанию в Калькутте. Поэтому его часто отвергали, и его власть была подорвана. Но он ухитрился внести важные изменения и упразднил должность министра, которому были поручены сбор доходов и общее регулирование внутренних дел, — должность, которую всегда занимал местный житель. Гастингс передал внутреннее управление служащим компании и различными другими способами улучшил финансы компании, члены которой были сравнительно безразличны к положению народа Индии, при условии, что они сами обогатились. Обогащение компании и расширение ее владений, даже в ущерб справедливости и гуманности, стало целью генерал-губернатора. Ему это удалось, но успех навлек на него проклятия туземцев и негодующие упреки его собственных соотечественников. Менее чем за два года после того, как он возглавил правительство, он добавил четыреста тысяч фунтов к годовому доходу компании, помимо почти миллиона наличными. Но администрация Гастингса не может быть описана подробно. Мы можем отметить только ту часть этого процесса, которая привела к его судебному разбирательству в Англии.

Великим событием, ознаменовавшим его правление, была война с Хайдером Али. война с Хайдером Али, мусульманским правителем Майсура. Провинция Бенгалия и Карнатик в течение некоторого времени находились под защитой англичан. К Карнатику, в центре полуострова, примыкали владения Хайдера Али. Если бы Гастингс был губернатором Мадраса, он бы примирился с ним или решительно встретил его как врага. Но власти Мадраса не сделали ни того, ни другого. Они спровоцировали его на военные действия, и с армией в девяносто тысяч человек он вторгся в Карнатик. Британская Индия была на грани разорения. Хайдер Али повсюду одерживал победу, и англичанам осталось лишь несколько укрепленных мест.

Гастингс, услышав о бедствии, немедленно принял самые энергичные меры. Он уладил свои разногласия с махраттами; он отстранил от должности неспособного губернатора Форт-Джорджа и послал сэра Эйра Кута выступить против великого мусульманского принца, который угрожал свергнуть английскую власть в Индии.

Но у Гастингса не было денег, необходимых для ведения дорогостоящей войны с самым грозным врагом, с которым англичане когда-либо сталкивались на Востоке. Поэтому он решил разграбить самый богатый и священный город Индии — Бенарес. Это был центр индийской учености и набожности, и в нем проживало пятьсот тысяч человек. Его храм, если смотреть со стороны Ганга, был самым внушительным в восточном мире, в то время как его базары были заполнены самыми ценными и редкими индийскими товарами: бенгальским муслином, кашемировыми шальями, саблями из Уде и шелками его собственных ткацких станков.

Этой богатой столицей управлял принц, номинально подчинявшийся Великому Моголу, но находившийся в зависимости от набоба Ауде, большой провинции к северу от Ганга, недалеко от гор Химмале. Бенарес и его территории, угнетаемые набобом Удским, искали защиты у англичан. Их защита была, конечно, с готовностью распространена, но это оказалось

фатальным для независимости Бенареса. Союз с англичанами был подобен защите, которую Рим оказывал Греции, когда ей угрожала Азия, и которая закончилась подчинением как Греции, так и Азии. Раджа Бенареса стал вассалом компании и поэтому был обязан выделять деньги за защиту, которой он пользовался.

Но дань, которую платил раджа Бенареса, не удовлетворила Гастингса. Он требовал еще большие суммы, что привело к восстанию и окончательному завоеванию. Прекрасные владения Чейте Синга, правителя Бенареса, были присоединены к владениям компании вместе с возросшим доходом в двести тысяч фунтов стерлингов в год. Сокровища раджи составили двести пятьдесят тысяч фунтов стерлингов, и они были разделены в качестве призовых среди англичан.

Алчный генерал-губернатор не получил сокровищ, которые он ожидал найти в Бенаресе, и тогда решил ограбить принцесс Ауде. ограбьте принцесс Ауде, которым после смерти Сурадж-в-Довлаха, набоба-визиря Великого Могола, достались огромные сокровища. Единственным предлогом, который смог найти Гастингс, было то, что восстание в Бенаресе вызвало беспорядки в Ауде, и эти беспорядки были приписаны принцессам. Чтобы завладеть этими сокровищами, были применены величайшие варварства; но грабители преуспели, и огромные суммы потекли в казну компании. Благодаря этим беззакониям губернатор нашел средства для успешного ведения войны в Карнатике, и с Типпу, сыном Хайдера Али, был заключен договор, по которому компания безраздельно правила на огромном индийском полуострове.

Когда в Индии был восстановлен мир, а служащие компании накопили огромные состояния, Гастингс вернулся в Англию. Но беззакония, которые он творил, вызвали сильное негодование среди тех государственных деятелей, которые считали справедливость и гуманность лучшей опорой для правительства, чем насилие и грабеж.

Главным среди этих патриотов был Эдмунд Берк. Он долгое время был членом специального комитета по расследованию дел индейцев, уделял им большое внимание и полностью понимал курс, которого придерживался Гастингс.

Благодаря его влиянию было начато расследование поведения покойного генерал-губернатора, и ему, соответственно, был объявлен импичмент в Коллегии адвокатов Палаты лордов. мистер Питт позволил событиям идти своим чередом; но король, лорд-канцлер Турлоу, министры в целом и директора Ост-Индской компании поддержали его дело. Они считали его очень великим человеком, чье правление было славным для нации, несмотря на ошибки и жестокость, которыми было отмечено его правление. Он присоединил империю к британской короне, вывел порядок из анархии и организовал систему управления, которая в своих существенных чертах сохранилась до настоящего времени. Он обогатил компанию, в то время как сам не обогатился, ибо легко мог бы накопить состояние в три миллиона фунтов. И более того, он ухитрился, несмотря на свои поборы и завоевания, заручиться уважением местного населения, национальные и религиозные предрассудки которого он старался не шокировать. "Все это внушало добрую волю. В то же время его постоянный успех и манера, с которой он выпутывался из любых трудностей, сделали его объектом суеверного восхищения; а более чем царственное великолепие, которое он иногда демонстрировал, ослепляло людей, имеющих много общего с детьми. Даже сейчас, по прошествии более пятидесяти лет, уроженцы Индии все еще говорят о нем как о величайшем из англичан, а няньки поют детям перед сном трогательную балладу о резвых лошадях и слонах в богатых пополах сахиба Уоррена Хостейна".

Но ни восхищение народов Востока блестящими способностями Гастингса, ни благодарность группы купцов, ни могущественные друзья, которые у него были в английском парламенте, не могли защитить его от злобной ненависти Фрэнсиса или более чистого негодования Берка. Усердие, которое последний проявил в своем преследовании Гастингса. судебное преследование никогда не имело себе равных, и вся его энергия в течение многих лет была направлена на разоблачение человека, которого он считал "преступником первой величины". "У него было такое же живое представление о восстании в Бенаресе, как и о беспорядках лорда Джорджа Гордона, и о казни Нункомара, как и о казни доктора Додда". Берку помогал в его яростном судебном преследовании Чарльз Джеймс Фокс, величайший участник дебатов, когда-либо известных в Палате общин, но человек, значительно уступавший ему в моральном возвышении, общих знаниях, силе воображения и глубокой мудрости.

Судебный процесс проходил в Вестминстер-холле, зале, который был свидетелем инаугурации тридцати королей и судебных процессов над обвиняемыми дворянами со времен Уильяма Руфуса. И он был преступником, достойным того великого трибунала, перед которым он предстал — "трибунала, вынесшего приговор Страффорду и помиловавшего Сомерса", — трибунала, перед которым была призвана к ответу сама королевская семья. Гастингс безраздельно правил страной, которая была более густонаселенной и обширной, чем любое из королевств Европы, и приобрел известность, ограниченную только неизвестными странами земного шара. Его защищали трое мужчин, которые впоследствии стали тремя высшими судьями страны, и он был воодушевлен внешним видом и сочувственными улыбками высшей знати королевства.

Но выше всех были могущественные государственные деятели, которые вели судебное преследование. Первым среди них по характеру и гениальности был Эдмунд Берк. Эдмунд Берк, который с момента своего первого выступления в Палате общин в 1766 году был видным членом и, в конце концов, снискал большую известность, чем кто-либо из его современников, за исключением Питта, не только как оратор, но и как просвещенный государственный деятель, философ и филантроп. Он превосходил всех великих людей, с которыми был связан, разнообразием своих способностей; он был поэтом еще мальчиком; проницательным философом, критиком и историком до тридцати лет; государственным деятелем непревзойденной моральной мудрости; оратором, чьи речи читаются с возрастающим восхищением в каждом последующем веке; ценителем изящных искусств, мнению которого подчинялся Рейнольдс; и писателем на различные темы, в которых он проявлял не только обширные знания, но и излагал их в стиле несравненной красоты и силы. Все великие люди его эпохи — Джонсон, Рейнольдс, Голдсмит, Гаррикс, Питт, Фокс, Шеридан, Уиндхэм, Норт, Турлоу, Парр - ученые, критики, богословы и государственные деятели — свидетельствовали о его командирском гении и его исключительных моральных достоинствах, о его ненависти к пороку и страстной любви к добродетели. Но эти великие и разнообразные достоинства, обеспечившие ему почитание лучших умов Европы, не были в полной мере оценены его собственной нацией, которая скорее изумлялась, чем руководствовалась его пророческой мудростью. Но Берк был замечателен не только своими знаниями, красноречием и гениальностью, но и незапятнанной личной жизнью, привычным использованием всех тех добродетелей и свободным выражением всех тех благородных чувств, которые присущи только возвышенным христианским характерам. В своих политических принципах он был консерватором и предпочитал основывать свои взгляды на истории и опыте, а не на экспериментах, особенно когда за них выступали люди, чьи моральные качества или неверующие настроения вызывали у

него недоверие или отвращение. Он не закрывал глаза на оскорбления, но стремился исправляться сознательно и осторожно. Его предостережение своей стране относительно Америки соответствовало его общим чувствам. "Не говорите о своих абстрактных правах правительства; я ненавижу само их звучание; следуйте опыту и здравому смыслу". Он верил, что любовь лучше силы и что сила любого правительства заключается в симпатиях народа. И это он всегда стремился сохранить, и ради этого он был готов отказаться от сиюминутной выгоды и эгоистичного возвеличивания. Он выступал за уступки ирландскому законодательному собранию; справедливость и безопасность для народа Индии; свободу совести для инакомыслящих; помощь мелким должникам; отмену общих ордеров; расширение полномочий присяжных; свободу прессы; сокращение государственных расходов; снятие коммерческих ограничений; и отмену работорговли. Он с большим презрением относился к "механическим политикам" и "принципам корабейника". И он прожил достаточно долго, чтобы увидеть исполнение своих политических пророчеств и ужасы той ужасной революции, которую он предсказывал и которая ему не понравилась, не потому, что принципы, которые отстаивали французские апостолы свободы, не были абстрактно верны, а потому, что они были связаны с эксцессами и безбожным безрассудством в нарушении установленных социальных прав, что встревожило его и вызвало отвращение. Он умер в 1797 году, на шестьдесят восьмом году жизни, любимый и почитаемый добрыми и великими во всех христианских странах.

Следующим после Берка среди прокуроров Гастингса по величию и популярности был Чарльз Джеймс Фокс. Чарльз Джеймс Фокс; уступал Берку в знаниях, воображении и моральной силе, но превосходил во всех искусствах ведения дебатов, самый логичный и опытный судебный оратор, которого породил тот век ораторов. Его отец, лорд Холланд, был соперником великого Чатема, и сам он почти всю свою общественную жизнь был настроен против младшего Питта. Его политические принципы были такими же, как у Берка, до Французской революции, принципами которой он поначалу восхищался. Он был подчеркнуто человеком из народа, легкодоступным, общительным в своих привычках, свободным в общении, без сдержанности или высокомерия, великодушным и примиренческим. Он был непревзойден в логической пронизательности и во вспышках всепоглощающей страсти. Он достиг высокого политического положения, хотя его привычки были такими, что во многих отношениях подрывали уважение тех великих людей, с которыми он был связан.

Ричард Ричард Бринсли шеридан. Бринсли шеридан, еще один публичный обвинитель гастингса, отличался от Берка или Фокса. Он родился в Ирландии, но получил образование в Харроу и сначала отличился, написав пьесы. В 1776 году, после ухода Гаррика на пенсию, он стал менеджером театра "Друри-Лейн", а вскоре после этого появилась "Школа скандала", которая вознесла его на вершину драматической славы. В 1780 году он вошел в парламент и, когда Гастингсу был объявлен импичмент, находился на пике своей репутации и как писатель, и как оратор. Его сила заключалась в блестящей декламации и искрометном остроумии, а его речь по отношению к принцессам Удским произвела впечатление, почти не имеющее аналогов ни в древние, ни в современные времена. Восхищение мистера Берка было искренним и безграничным, но Фокс счел ее слишком витиеватой и риторичной. Теперь его слава зиждется на его драмах. Но его жизнь была крушением гения из-за его экстравагантности, безрассудного вхождения в долги и распущенных привычек, которые дезорганизовали его моральный облик и подрывали дружбу, которую поначалу ему обеспечили его блестящие таланты.

Но, несмотря на негодование, которое эти прославленные ораторы возбудили против Гастингса, он, тем не менее, был оправдан после суда, длившегося восемь лет, вследствие изменения общественного мнения; и, прежде всего, ввиду великих услуг, которые он действительно оказал своей стране. Судебные расходы едва не разорили его; но Ост-Индская компания выделила ему годовой доход в размере четырех тысяч фунтов стерлингов, которые он тратил на украшение и обогащение Дейлсфорда, поместья, которое когда-то принадлежало его семье и которое он купил после возвращения из Индии.

Хотя Уоррен Гастингс в конечном итоге был оправдан Палатой лордов, все же его долгий судебный процесс выявил многие пороки, связанные с правительством Индии; и в 1784 году были приняты законы, которые дали стране более прямой контроль над Ост-Индской компанией — самой гигантской монополией, которую когда-либо видел мир. То, что компания торговцев с Лиденхолл-стрит обладает неограниченной властью над империей, превышающей по размерам всю Европу, за исключением России, и приносит интересы человечества в жертву низменным денежным соображениям, в конце концов пробудило английскую нацию. Соответственно, мистер Питт внес Законопроект о регулировании деятельности Индии. законопроект, принятый обеими палатами, который предусматривал, что делами компании должен частично управлять Контрольный совет, частично Суд директоров и частично общее собрание акционеров компании. Контрольный совет был возложен на пять тайных советников, один из которых был государственным секретарем. Впоследствии он состоял из президента, таких членов тайного совета, которых должен был выбрать король, и секретаря. Этот совет контролирует и регулирует всех гражданских, военных и налоговых чиновников, политические переговоры и все общие рассылки. Совет директоров, состоящий из двадцати четырех человек, шестеро из которых избираются ежегодно, назначает генерал-губернатора и всех гражданских и военных офицеров. Эти две доски работают как контрольная друг против друга.

Первым генерал-губернатором, согласно новой конституции, стал лорд Корнуоллис, дворянин с большим военным опытом и высокими моральными качествами; человек, которому была доверена огромная власть даже после его неудач в Америке, и человек, полностью заслуживший оказанное ему доверие. И все же ему редко везло. Он допускал грубые ошибки как в Индии, так и в Америке. Он не до конца понимал институты Индии или гениальность народа. Вскоре его призвали вступить в борьбу, которая разделила различных местных князей, и с обычным результатом. Простой принцип английского территориального приобретения заключается в защите интересов более слабой партии. Затем более сильная сторона была побеждена и стала провинцией Ост-Индской компании, в то время как более слабая оставалась под защитой Англии, пока притеснения, несправедливость и алчность со стороны защитников не довели ее до восстания, которое затем было подавлено.

Когда лорд Корнуоллис был отправлен в Индию в 1786 году, Ост-Индская компания получила во владение Бенгалию, часть Бахара, район Бенарес в Аллахабаде, часть Ориссы, Черкары, Бомбей и Джагаир в Карнатике - район протяженностью в сто миль вдоль побережья. Другими великими индийскими державами, непокоренными англичанами, были махратты, которые оккупировали центр Индии, от Дели до Кришны и от Бенгальского залива до Аравийского моря; также Голконда, западные части Карнатик, Майсур, Ауд и страна сикхов. Из властителей, правивших этими обширными провинциями, султан Майсура Типпу Саиб был самым могущественным, хотя страна махраттов была самой большой.

Враждебность войны с Типпу Саибом. Типпу, унаследовавший предубеждения своего отца против англичан, возбудил подозрения лорда Корнуоллиса, и результатом стала отчаянная война, в которой султан проявил величайшую отвагу. В 1792 году английский генерал захватил грозную крепость Серингапатам с шестнадцатью тысячами европейцев и тридцатью тысячами сипаев, причем с обычным успехом. Типпу, после потери этого сильного форта и двадцати трех тысяч своих солдат, заключил мир с лордом Корнуоллисом, выплатив четыре миллиона фунтов стерлингов и уступив половину своих владений. Лорд Корнуоллис после окончания этой войны вернулся домой, и его сменил сэр Джон Шор; а его сменил маркиз Уэлсли (1798), под руководством которого война с Типпу была возобновлена вследствие интриг султана с французами в Пондишери с целью вернуть свои владения. Султан Майсура снова потерпел поражение и был убит; династия Хайдер Али прекратила свое правление, и Ост-Индская компания завладела всем южным полуостровом. Последующая война смагратскими державами полностью установила британское господство в Индии. Дели, столица Великого Могола, попал в руки англичан, а сам император стал стипендиатом компании торговцев. Завоевание страны махраттов действительно было успешным, но сопровождалось огромными расходами, которые повлекли за собой долг компании в размере около девятнадцати миллионов фунтов стерлингов. Блестящие успехи Уэлсли, однако, не были оценены Советом директоров, который хотел дивидендов, а не славы, и его отозвали.

Завоеваний Индии не было. новых завоеваний до 1817 года, при правительстве графа Мойры, впоследствии маркиза Гастингса. Он начал войну с пиндариями, которые были бандами флибустьеров в Центральной Индии. Им помогали несколько местных держав, что побудило генерал-губернатора потребовать значительной уступки территории. В 1819 году британцы заключили соглашение в Сингапуре, благодаря которому прибыльная торговля была обеспечена Великобритании.

Лорду Гастингсу наследовал граф Амхерст, под руководством которого началась бирманская война и в результате которой к Британской империи были присоединены обширные территории между Бенгалией и Китаем (1826).

После падения империи Великих Моголов возросло значение королевства сикхов в северной части Индии и королевства афганцев, лежащего к западу от Инда, — царств, ранее подвластных Персии. Первый, со всеми его зависимыми провинциями, недавно был завоеван и присоединен к разросшимся владениям Компании.

В 1833 году истек срок действия устава Ост-Индской компании, и результатом стало полное изменение системы. Компания была лишена своего исключительного права на торговлю, торговля с Индией и Китаем была свободно открыта для всего мира, а имущество и права компании были переданы нации за ежегодную ренту в размере шестисот тридцати тысяч фунтов стерлингов. Политическое управление Индией, однако, оставалось за компанией до 1853 года.

Таким образом, Англия стала обладателем одной из старейших и могущественнейших восточных империй, население которой составляет сто тридцать миллионов человек, говорящих на разных языках и безвозвратно связанных узами брака с различными социальными и религиозными институтами. Последствия завоевания. Завоевание Индии завершено, и во всей стране нет ни одного ценного поста, который не занимал бы англичанин.

Коренные и наследственные князья провинций, по отдельности более крупных и густонаселенных, чем сама Великобритания, лишены всей власти, кроме тени, и получают стипендии от Ост-Индской компании. Император Дели, набобы Бенгалии и Карнатика, раджи Танджора и Бенареса, принцы дома Типпу и другие принцы действительно получают ежегодную поддержку в размере более миллиона фунтов стерлингов; но их власть прекратилась. Империя в две тысячи миль с востока на запад и в тысячу восемьсот миль с севера на юг, занимающая больше квадратных миль, чем территория, превышающая все штаты между Миссисипи и Атлантическим океаном, попала в руки англосаксонской расы. Это правда, что значительная часть Индостана номинально удерживается вспомогательными союзниками под защитой британского правительства; но в тот момент, когда эти зависимые князья перестанут быть полезными, эта защита будет снята. Не может быть никаких разумных сомнений в том, что английское правление благотворно во многих важных отношениях. Порядок и законность соблюдаются лучше, чем прежде примусульманской династии; но, по мнению достопочтенного брамина, никакая компенсация за вмешательство в законы и религию страны не является достаточной. Индия была ограблена армиями европейских торговцев и удерживается в рабстве только подавляющей военной силой, которая должна ощущаться как обременительная и дорогостоящая, когда разграбленная страна больше не может удовлетворять алчность коммерческих корпораций. Но этот день может быть далеким. Калькутта сейчас соперничает по великолепию и значимости со старой столицей Великого Могола. Дворец генерал-губернатора больше Виндзорского замка или Букингемского дворца; колоссальные укрепления Форта Уильям соперничают с крепостью Гибралтар; англо-индийская армия насчитывает двести тысяч человек; в то время как провинции Индии облагаются налогами, прямо или косвенно, на сумму, превышающую восемнадцать миллионов фунтов стерлингов в год. Бесполезно рассуждать о судьбах Индии или о продолжительности английского могущества. Будущее всегда полно мрака, когда почти ничего не заметно, кроме несправедливости и угнетения со стороны правителей, а также бедности и деградации среди управляемых. Было бы чересчур предполагать, что ста восьмидесяти миллионами людей может постоянно управлять держава на противоположной стороне земного шара, где никогда не может существовать никакого союза или симпатии между нацией, которая правит, и нациями, которыми управляют, ни в одном религиозном, социальном или политическом учреждении; и когда все, что дорого сердцу человека, и все, что освящено вековыми традициями, поставлено на службу интересам меркантильного государства.

Но пора спешить с рассмотрением оставшихся вопросов, связанных с администрацией Уильяма Питта.

Волнения сторонников моральных реформ являются одними из наиболее заметных и интересных. Усилия доброжелательных государственных деятелей и филантропов по отмене работорговли вызвали большое волнение во всем христианском мире и привели к большим результатам.

В 1787 году Уильям Уилберфорс, представлявший большое графство Йорк, выдвинул в Палате общин предложение об отмене работорговли. Первые общественные движения, призванные положить конец этой печально известной торговле людьми, были предприняты квакерами в Южных штатах Америки, которые представили петиции с этой целью в свои соответствующие законодательные органы. Их собратья в Англии последовали их примеру и представили аналогичные петиции в Палату общин. Было сформировано общество, и была собрана

значительная сумма для сбора информации о дорожном движении и покрытия расходов на подачу заявления в парламент. Ожидалось большое сопротивление, оказанное главным образом торговцами и плантаторами. Мистер Уилберфорс проявил большой интерес к этому расследованию и в мае вынес этот вопрос на рассмотрение парламента, подкрепив свое предложение убедительными аргументами и красноречием. Мистер Фокс, мистер Берк, мистер Уильям Смит и мистер Уайтбрид поддержали мистера Уилберфорса. мистер Питт защищал дело отмены смертной казни с большим красноречием и силой; но Палата представителей тогда не была сторонницей немедленной отмены смертной казни и не проводила ее до тех пор, пока мистер Фокс и его друзья не пришли к власти.

Война с Францией. война с Францией, вызванная ходом революции, является слишком важной темой, чтобы ее рассматривать иначе, как в отдельной главе. мистер Питт воздерживался от всех воинственных демонстраций до тех пор, пока внутреннее спокойствие самой Англии не было затронуто распространением революционных принципов. Но когда к этому добавились опасения, что французы полны решимости расширить свою империю, нарушить баланс сил и посягнуть на свободы Англии, тогда Питт, поддержанный подавляющим большинством в парламенте, объявил войну Франции (1793). Сторонники Французской революции, однако, придерживаются иных взглядов и приписывают возвышение и карьеру Наполеона ревности и посягательствам самой Англии, а также Австрии и Пруссии. Вопрос о том, нельзя ли было предотвратить общеевропейскую войну, заслуживает изучения и по которому британские государственные деятели пока не пришли к единому мнению. Но связь Англии с этой великой войной будет представлена в следующей главе.

Мистер Питт продолжал управлять государством до 1806 года; но вся его энергия была направлена на ведение войны, и за время его правления не произошло никаких других важных событий.

Его гений наиболее ярко проявился в его Политике в отношении Питта. финансовое мастерство в вытаскивании своей страны из больших затруднений, возникших в результате войны в Америке, и в предоставлении средств для проведения еще более дорогостоящих кампаний против Наполеона и его генералов. Он также обладал непревзойденным талантом управлять Палатой общин в борьбе с одной из самых мощных оппозиций, когда-либо известных, и в период больших общественных волнений. Он всегда был готов к дебатам и всегда сохранял доверие нации. Вероятно, он величайший из английских государственных деятелей в том, что касается талантов и в том, что касается идей и настроений своего времени. Но это вопрос, который еще долго будет ставить в тупик философов, был ли он мудрейшим из того великого племени гениев, которые озаряли его блестящий век. Ему можно приписать значительное увеличение государственного долга. Если налоги - величайшее бедствие, которое может обрушиться на нацию, то Питт взвалил на себя бремя страданий, которое навлечет вечные проклятия на его имя, несмотря на весь блеск его великолепного управления. Но если слава и благополучие наций заключаются в других вещах — в независимости, патриотизме и разумной свободе; если было желательно, прежде всего из материальных соображений, остановить поток революционных излишеств и воспротивиться карьере человека, который стремился подчинить всех королей и народы Европы игу абсолютного военного деспотизма и воздвигнуть всемирную империю на руинах древних монархий и государств, — тогда Питта и его правительство следует рассматривать в ином свете.

Поэтому наше внимание привлекает могучая борьба, развившая энергию этого великого государственного деятеля, а также гений еще более замечательного человека.

Ссылки.—"Жизнь Питта" Томлайна. "История Георга III" Белшема. "Жизнь Берка" Прайора и Биссетта. "Жизнь Шеридана" Мура. "Жизнь Фокса" Уолпола. "Жизнь Уилберфорса" его сыновей. Ежегодный реестр с 1783 по 1806 год. Эссе Маколея об Уоррене Гастингсе. "Истории Индии" Эльфинстоуна и Мартина. "Британская Индия" Милля. "Современная Европа" Рассела. Переписка почтенного Р.Т. Эдмунд Берк. "Жизни лорд-канцлеров" Кэмпбелла. "Жизнь Джонсона" Босуэлла. Работы Берка. "Современная история" Шлоссера. ([Вернуться к содержанию](#))

ГЛАВА XXX.

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Если американская война была величайшим событием современности, то с учетом конечных результатов Французскую революцию можно считать самой захватывающей и интересной для современников. Войны, выросшие из Революции во Франции, велись в гораздо большем масштабе и втянули в себя все народы Европы. Это привело к большому расходу энергии, чем в результате любого состязания в анналах цивилизованных наций. Ни одно состязание никогда прежде не развивало столь великого военного гения. По общему согласию, Наполеон стоит во главе своей профессии; и вполне вероятно, что его слава будет возрастать, а не уменьшаться, с приходом следующих поколений.

Невозможно описать на нескольких страницах великие и разнообразные события, связанные с Французской революцией, или даже сослаться на все выдающиеся из них. Причины этого великого движения даже более интересны, чем сами события.

Часто задают вопрос, мог ли Людовик XVI предотвратить катастрофу, которая опрокинула его трон? Возможно, он мог бы отсрочить это; но это было неизбежное событие, и оно произошло бы рано или поздно. Причины Французской революции. В правительстве Франции и в положении народа таилось зло, настолько подавляющее и меланхоличное, что оно могло бы вызвать вспышку. Если бы Ришелье никогда не был министром; если бы Фронды никогда не было; если бы Людовик XIV и XV... никогда не царствовал; если бы не было таких женщин, которые опозорили французский двор в восемнадцатом веке; если бы не было королей-тиранов, деспотичной знати, непомерных налогов, национальных смут, роскошных дворов, безбожных писаний и недовольных людей, — тогда Людовик XVI мог бы править в Версале как Людовик XV. так поступали до него. Но накопившиеся за два столетия обиды настоятельно требовали устранения, и ничто, кроме революции, не могло их устранить.

Итак, каковы были те бедствия и те обстоятельства, которые по необходимости вызвали самую сильную революционную бурю в истории мира? Причины Французской революции можно обобщить по пяти направлениям: во-первых, влияние трудов философов-неверных; во-вторых, распространение идей народных прав; в-третьих, бремя народа, превратившее эти абстрактные идеи права в посмешище; в-четвертых, абсурдное увлечение двора и знати; в-пятых, расстройство финансов, которое забило колеса правительства и привело к созыву Генеральных штатов. Были и другие причины, но вышеупомянутые являются наиболее заметными.

Из тех Гельвеций — Вольтер. философов, чьи труды способствовали этой революции, было четверо, оказавших заметное влияние. Это были Гельвеций, Вольтер, Руссо и Дидро.

Гельвеций был человеком высокого положения и состоятельным и опубликовал в 1758 году книгу, в которой он развивал принципы Кондильяка и других философов сенсуалистической, или, как ее иногда называют, сенсуалистической школы. Он смело отстаивал систему неприкрытого эгоизма. Он утверждал, что своим превосходством над низшими животными человек обязан высшей организации тела. Исходя из этого, он утверждал далее, что каждая способность и эмоция происходят от ощущения; что все умы изначально равны; что удовольствие - это единственное благо, а личный интерес - единственное основание морали. Материализм Гельвеция был простым возрождением языческого эпикурейства; но он был популярен, и его работа, названная "О духе", произвела большую сенсацию. Это соответствовало вкусу двора и поколения, которое терпимо относилось к мадам де Помпадур. Но Парижский парламент осудил его и объявил порочащим человеческую природу, поскольку он ограничивает наши способности животной чувствительностью и стирает различия между добродетелью и пороком.

Его слава была затмеваема блестящей карьерой Вольтера, который оказал большее влияние на свою эпоху, чем кто-либо другой. Он великий апостол французской неверности и великий оракул поверхностных мыслителей своей нации и эпохи. Он родился в 1694 году и рано появился на сцене. Он был фаворитом в Версале и сподвижником Фридриха Великого — таким же большим эгоистом, как и он, хотя его эгоизм проявлялся по-другому. Он был аристократом, созданным для двора, а не для народа, к которому у него не было симпатий, хотя тенденция его произведений была демократической. Во всех своих сатирических выходах он заявлял, что уважает власть. Но он никогда не был серьезен, был скептичен, неискренен и поверхностен. Было бы несправедливо отрицать, что он обладал великим гением. Но его гений состоял в том, чтобы радовать, забавлять тщеславный народ, превращать все в насмешку, разрушать и ничего не заменять взамен. Он был современным лукианином, и его сатирическая насмешка разрушила почтение к Богу и истине. Он презирал будущее и бросал ему вызов, и будущее вынесло вердикт, который никогда не может быть отменен, — что он был тщеславным, эгоистичным, поверхностным и холодным, без веры в какое-либо духовное влияние, способное изменить мир. Но у него было острое восприятие того, что было ложным, при всей его поверхностной критике, восприятие того, что сейчас называется надувательством; и нельзя отрицать, что в определенном смысле у него была любовь к правде, но не к правде в ее высшем развитии, не к позитивному, утвердительному, реальному. Отрицание подходило ему больше, и лучше соответствовало эпохе, в которую он жил; следовательно, он был "представительным человеком", был выразителем своей эпохи и руководил эпохой. Он ненавидел иезуитов, но главным образом за то, что они отстаивали слепую власть; и он стремился сокрушить христианство, потому что его профессора так часто были его позором, в то время как его лучшие представители были мучениками и жертвами. Вольтер, подобно Гельвецию, не предлагал никакой новой философской системы, но стремился довести все системы до абсурда. Он привел в движение шар атеизма, и другие пошли по более смелому пути: довели не его принципы, поскольку у него их не было, а его дух до крайности насмешек и отрицания. И такой курс пошатнул народную веру, как в религию, так и в законы, и сделал людей безразличными к будущему и к своим моральным обязательствам.

Совсем другим человеком был Руссо. Rousseau. Он не был ни насмешником, ни уравниателем, ни сатириком, ни атеистом. Он походил на Вольтера только в одном отношении — в эгоизме. Он не был так образован, как Вольтер, не писал так много, не был так высоко почитаем. Но он был более гениален и оказал большее влияние на потомство. Его влияние было более тонким и более опасным, поскольку он вводил в заблуждение людей с великодушными побуждениями и энтузиазмом, но с небольшим умом или опытом. Он изобиловал экстравагантным восхищением бесхитростной природой, заявлял, что любит простое и искреннее, изображал необычайную дружбу и сочувствие и был полон энтузиазма в своих рапсодиях о сентиментальной любви. У Вольтера не было остроумия, но Руссо был им полон. Вольтер был отцом Дантона, но Руссо был отцом Робеспьера, этого сентиментального убийцы, который как судья был слишком добросовестен, чтобы повесить преступника, но достаточно беспринципен, чтобы уничтожить короля. Абсурдность Руссо можно обнаружить в бреде ультратрансценденталистов, в экстравагантности фурьеризма, в притворной филантропии таких апостолов света, как Эжен Сю и Луи Блан. Вся психическая и физическая конституция Руссо была болезненной, и его действия странным образом не соответствовали его чувствам. Он поцеловал ее в знак дружбы, и это оказалось знаком предательства; он разглагольствовал о простоте и серьезности самым чарующим языком, но был лицемером, соблазнителем и лжецом. Он всегда дышал восторгом привязанности, но никогда не преуспевал в том, чтобы сохранить друга; он всегда осуждал эгоизм и суету мира и все же был несчастен без его наград и похвал; ни один человек не был более зависим от общества, но ни один человек никогда не заявлял, что относится к нему с большим презрением; ни у одного человека никогда не было более гордого духа, но ни один человек никогда не изображал более жалкого смирения. Он с видимым восторгом распространялся о бескорыстной любви и все же оставил своих собственных детей в холодном пренебрежении и бедности. Он отравлял слабых и восприимчивых, изливая потоки страсти красноречивым и волнующим языком, под предлогом облегчения своей души и раскрытия собственных горестей. Он всегда говорил о филантропии и великодушии, но все же редко оказывал благотворительность. Ни один человек никогда не был более красноречив в парадоксах или возвышенен в абсурде. Он потратил свою жизнь на то, чтобы позолотить то, что испорчено, и замазать то, что нечисто. Великий моральный эффект его сочинений заключался в том, что они заставляли людей совершать преступления под именем патриотизма и позволяли им предаваться эгоистичной страсти под именем любви.

Но более могущественным по своему непосредственному влиянию, чем любой из этих лжепророков и наставников, был Дидро. Дидро, а вместе с ним и вся школа смелых и откровенных неверующих, соединявших открытый атеизм с яростной демократией. Энциклопедисты утверждали, что знают все, объясняют все и учат всему, они открыли, что Бога нет, и учили, что истина — это иллюзия, а добродетель — всего лишь название. Они были сведущи в математике, статистике и физике, но презирали возвышенную моральную мудрость, уроки опыта и вечные истины божественного откровения. Они выступали за перемены, эксперименты, подстрекательство и невыполнимые реформы. Они проповедовали евангелие социальных прав, разжигали в людях отвращение к своему положению и веру в то, что мудрость и добродетель в величайшем совершенстве присущи собравшимся массам.

Они непрестанно хвастались величиим общего влияния философов. философия и устаревший характер христианства. Они верили, что последовательное развитие человеческой природы без помощи чуждых ей влияний постепенно поднимет общество до состояния совершенства. То, что они не могли объяснить своими логическими формулами, они полностью отбрасывали. Они

отрицали реальность Бога на небесах и говорили о божественности человека на земле, особенно когда связанные с ним массы невежественных и жестоких людей отстаивали то, что они считали своими правами. Они сделали так, чтобы истина в ее величайшем блеске принадлежала страстному большинству, а добродетель в ее чистейшем сиянии - преступникам и бродягам, если они связаны с великим сообществом. Они льстили людям, утверждая, что они мудрее и лучше всех вышестоящих классов, что правители - тираны, духовенство - лицемеры, а оракулы прежних дней - просто дураки и лжецы. Подводя итог в нескольких словах, французские энциклопедисты сказали: "они сделали Природу в ее внешних проявлениях основой всех великих исследований, человека - всего лишь организованной массой, разум - развитием наших ощущений, мораль - эгоистичной, а Бога - всего лишь болезненной выдумкой непросвещенного века. Весь интеллект, сосредоточенный на внешнем и материальном, привел, возможно, к некоторым усовершенствованиям в физической науке; но религия была отвергнута, мораль деградировала, а человек стал всего лишь слабым звеном в великой цепи событий, посредством которых Природа неизбежно осуществляет свои слепые замыслы ". От такого влияния чего мы могли ожидать, кроме неверности, безумия, анархии и преступлений?

Второй причиной французской революции было распространение идей демократической свободы. Руссо был республиканцем в своей политике, как и сентименталистом в религии. "Эпоха разума" Томаса Пейна оказала большое влияние на французское сознание, как и на английское и американское. Более того, апостолы свободы во Франции были очень взволнованы успехом американской революции и воображали, что слова "народная свобода", "суверенитет народа", "права человека", "свобода и равенство" означают в Америке то же самое, что и произносимые парижской толпой. Демагоги излишне льстили французскому народу и заставляли его поверить, что он философы и что он так же достоин свободы, как и сама американская нация. Более того, следует признать, что люди действительно добились значительных успехов и обнаружили, что в притеснениях, под которыми они стонали, не было ни права, ни справедливости. Увещевания популярных лидеров и пример американских патриотов подготовили народ к отчаянным усилиям сбросить с себя оковы. Что такое права абстрактно, если их нужно стереть в порошок? Какой насмешкой был лозунг свободы и равенства, если они были вынуждены подчиняться деспотизму, который, как они знали, был в высшей степени деспотичным и тираническим?

Отсюда страдания народа. реальное и физическое зло, с которым столкнулся народ Франции, оказало немалое влияние на революцию. Абстрактные идеи прокладывали путь и поддерживали души угнетенных; но абсолютное бремя, которое они несли, побуждало их к сопротивлению.

Это зло было настолько велико, что привело к общей деградации народа. недовольство преобладало среди среднего и низшего классов по всему королевству. Земледельческое население было сковано охотничьими законами и отвратительными привилегиями аристократии. "Дичи самого разрушительного вида, такой как дикие кабаны и стада оленей, было разрешено свободно разгуливать по обширным районам, чтобы знать могла охотиться, как в дикой местности". Многочисленные указы запрещали прополку, чтобы не беспокоить молодых куропаток, и даже косьбу сена, чтобы не уничтожить их яйца. Жалобы на нарушение этих указов подавались в суды, где преобладали все виды притеснения и мошенничества. Штрафы налагались при каждой смене собственности и при каждой продаже. Люди были вынуждены молоть зерно на мельнице своего землевладельца, давить виноград в его прессе и

печь хлеб в его печи. Вследствие этих феодальных законов и обычаев люди были очень бедны, их дома были темными и неудобными, одежда - рваной и жалкой, пища - грубой и скудной. Не половина огромных налогов, которые они платили, поступала в королевскую казну или даже в карманы крупных собственников. Число офицеров бесконечно росло. Правящие классы смотрели на народ только для того, чтобы его ограбили. Их крик не был услышан в судах справедливости, в то время как слезы скорби остались незамеченными среди великолепия великих, чья расточительность, дерзость и гордыня превосходили только нищету и деградацию тех несчастных существ, чьим трудом они жили. Правосудие покупалось и продавалось, как любой другой товар, и на решения судей влиял размер предлагаемых им взяток. Помимо феодальных налогов, духовенство налагало дополнительное бремя и наводняло все, где можно было добыть добычу. Люди были обложены такими непомерными налогами, что не было смысла быть бережливыми или трудолюбивыми. Все, кроме самых необходимых вещей для жизни, было конфисковано различными сборщиками налогов. В Англии, при всей строгости налогообложения, три четверти продукции земли достаются фермеру, в то время как во Франции только одна двенадцатая достается бедному крестьянину. Две трети его заработка шли королю. Не было никакой привлекательности и в этом чрезмерном налогообложении, которое подавляло средний и низший классы, в то время как духовенство и знать сами были полностью освобождены от него. Богатый владелец также не жил в своих поместьях. Он был нерезидентом и проматывал в городах деньги, которые вымогали у его иждивенцев. Его не интересовало положение крестьянства, с которым его не объединяли никакие общие узы. Вдобавок к этому угнетению, домовладелец был жесток, надменен и эгоистичен; его раздражала его наглость, а также угнетала его несправедливость. Все должности в армии, флоте, церкви, суде, судебной коллегии и в дипломатии занимали исключительно аристократы, которых насчитывалось сто пятьдесят тысяч человек — класс наглый, надменный, женоподобный, не облагаемый налогами; которые пренебрегали полезными занятиями, которые стремились жить трудом других и которые считали тех, чьими трудами они могли вести разгульную и радостную жизнь, неблагородными приспешниками, которые были недостойны лучшей судьбы и неспособны пользоваться теми правами, которыми, по замыслу Бога, должны были обладать люди. вся человеческая раса.

Привилегии и занятия аристократического класса, от короля до лейтенанта его армии, были еще одной причиной революции. Людовик XV. растратил двадцать миллионов фунтов стерлингов на удовольствия, слишком постыдные, чтобы их можно было даже упоминать в публичных отчетах, и пользовался почти абсолютной властью. Он мог отправить любого человека в своих владениях гнить в позорной тюрьме без слушания или суда.

Отвратительная официальная надпись могла отправить в темницу самого могущественного дворянина, а в тюрьму отправлялись все, кто был оскорбителен для правительства. Любовницы короля иногда обладали властью отправлять своих врагов в тюрьму, не посоветовавшись с королем. Жизни и имущество людей были в его абсолютном распоряжении, и он, не стеснясь, пользовался своей властью с бездумной, а иногда и нечеловеческой жестокостью.

Но все это зло закончилось бы только недовольством, ненавистью и безуспешным сопротивлением, если бы королевские финансы не были в Расстройстве финансов. в расстройстве. Пока король и его министры могли добывать деньги, непосредственной опасности революции не было. Пока он мог платить армии, она, при достойном обращении, поддерживала бы абсолютный трон.

Но в конце концов король обнаружил, что ему трудно получать достаточный доход для своих удовольствий и войн. Ежегодный дефицит составлял сто девяносто миллионов франков в год. Чем больше был дефицит, тем больше было налогообложение, что, конечно, усиливало народное недовольство.

Таково было положение вещей, когда Людовик XVI взошел на трон Гуго Капета (1774) на двадцатом году жизни, женившись за четыре года до этого на Марии-Антуанетте, дочери Марии Терезии, императрицы Австрии. Он был внуком Людовика XV, который завещал ему долг в четыре тысячи миллионов ливров.

Новый король был дружелюбным и нравственным человеком и правил бы Францией в мирные времена, но не смог противостоять революционному кризису. "Из всех монархов, - говорит Элисон, - из рода Капетингов он был наименее способным остановить революцию и в то же время наименее способным спровоцировать ее. Народ устал от произвола своего монарха, и он был склонен отказаться от них; они были раздражены дорогостоящей коррупцией при дворе, а он был невинен в своих манерах и не скупился на привычки; они требовали реформ в управлении делами, и он считал своей главной славой то, что уступил голосу общественности. Его правление, начиная с восшествия на престол и заканчивая заседанием Генеральных штатов, было не чем иным, как серией улучшений, не успокоивших общественного ажиотажа. Он имел несчастье искренне желать общественного блага, не обладая твердостью, необходимой для его обеспечения; и по правде говоря, можно сказать, что реформы были для него более пагубными, чем продолжение злоупотреблений было бы для другого монарха".

Он сделал выбор между Морепасом — Тюрго — Мальзербом. Морепас в качестве своего премьер-министра, старого придворного без таланта, который был далек от понимания духа нации или гения времени. Он приучил короля к полумерам и проводил политику выжидания, плохо приспособленную к революционным временам. Недовольство народа побудило короля отправить его в отставку, и Тюрго, за которого требовал народ, стал премьер-министром. Он был честным человеком и замышлял важные реформы, вплоть до отмены феодальных привилегий и отвратительных официальных документов, которые, конечно, были воспротивлены старой знатью и не особенно понравились самому государю.

Мальзерб, юрист, разделявший взгляды Тюрго, стал его преемником и, если бы ему позволили, восстановил бы права народа и подавил печатную литературу, вновь ввел в действие Нантский эдикт и обеспечил свободу печати. Но он, при всей своей честности и справедливых взглядах, не справился с кризисом, как и Некер — Калонн. Некер стал министром финансов.

Он был уроженцем Женевы, преуспевающим банкиром и человеком, завоевавшим доверие нации. Он нашел средства восстановить финансы и покрыть расходы на американскую войну. Но ему в равной степени противостояла знать, которая не хотела радикальных реформ, и он не был человеком достаточного таланта, чтобы остановить течение революции. Финансовые навыки, безусловно, были желательны, но никакое финансирование не могло спасти французскую нацию накануне банкротства при таких огромных расходах, которые тогда считались необходимыми. Дворяне действительно признавали масштабы существующего зла и в порыве притворной филантропии нападали на свои охотничьи отряды, но сами не желали идти ни на какие жертвы, и Некер был вынужден уйти в отставку.

Его место занял г-н де Калонн, человек изобретательный, беспринципный, остроумный и блестящий. Уверенный в себе и полный обещаний, он преуспел в том, чтобы привнести солнечный свет, и преследовал план, прямо противоположный тому, который был принят Неккером. Он поощрял экстравагантность двора, высмеивал будущее и гасил насущные долги, заключая новые. Он нравился всем слоям общества своими пленительными манерами, блестящей беседой и элегантной одеждой. Король, обеспеченный тем, что ему было нужно, забыл о бремени народа, а министр продолжал безрассудно заключать новые займы и старательно скрывать от общественности размеры годового дефицита.

Но такая политика недолго могла быть успешной, и народ был поражен, когда наконец выяснилось, что после ухода Неккера в отставку в 1781 году Калонн увеличил государственный долг на тысячу шестьсот сорок шесть миллионов франков. Национальное банкротство стояло перед каждым лицом. Необходимо было предпринять чрезвычайное движение, и Калонн рекомендовал созвать собрание нотаблей, орган, состоящий в основном из знати, духовенства и магистратуры, в надежде, что эти аристократы согласятся на собственное налогообложение.

Он жестоко ошибался. Нотабли встретились (1787 г.) впервые со времен правления Генриха IV и потребовали отставки министра, которого сменил Бриенн, архиепископ Тулузы.

Он был слабым человеком и своим возвышением был обязан своему влиянию на женщин. Он завоевал королеву приятной беседой, но не обладал солидными знаниями. Занимая один из высших постов в своей церкви, он, тем не менее, бросился в объятия философов-атеистов. Такой непоследовательный и легковесный человек не подходил для своего места.

Однако знатные люди согласились на то, в чем они отказали Калонне. Они согласились на земельный налог, гербовый сбор, провинциальные собрания и на пресечение безвозмездной службы вассалов. Это были популярные меры, но их было недостаточно. Бриенн был вынужден предложить введение новых налогов. Но парламент Парижа отказался зарегистрировать указ. Результатом стала борьба между королем и парламентом, и король, чтобы добиться регистрации новых налогов, обратился к правосудию — последнему проявлению своей королевской власти.

Во время одного из заседаний парламента, когда были разоблачены злоупотребления и расточительность суда, один из членов, сделав ударение на слове *états* (заявления), воскликнул: Генеральные штаты. "Мы хотим не заявлений, а Общих положений".

С этого момента ни о чем не думали и не говорили, кроме созыва Генеральных штатов, на что министр, несмотря на свое растущее замешательство, согласился. Более того, суд надеялся, учитывая продолжающееся противодействие парламента, что государственные власти будут защищать трон от легальной аристократии.

Все классы возлагали большие и экстравагантные надежды на созыв Генеральных штатов, и все были обречены на разочарование, но никто в большей степени, чем те, кто наиболее яростно и с энтузиазмом призывал к его созыву.

Архиепископ Тулузский вскоре после этого ушел в отставку, не в силах остановить революционное течение. Но он ухитрился сколотить собственное состояние, обеспечив себе

бенефиции в размере восьмисот тысяч франков, архиепископство Санса и кардинальскую шапку. По его рекомендации Неккер был отозван.

По возвращении Неккер обнаружил в королевской казне всего двести пятьдесят тысяч франков; но фонды немедленно выросли на тридцать процентов, и он смог обеспечить займы, необходимые для продолжения работы правительства, богатые капиталисты опасались, что если они не придут к нему на помощь, это приведет к полному разорению.

Затем последовали обсуждения относительно государственных уровней, относительно того, что на самом деле представляет третье сословие, и относительно количества депутатов, которые должны быть вызваны в ассамблею Генеральных штатов. "Высший государственный уровень, - сказал аббат Сийес в своей замечательной брошюре, - это французская нация, за вычетом дворянства и духовенства".

Наконец было решено, что собрание должно состоять не менее чем из тысячи человек и что число депутатов должно равняться представителям знати и духовенства. Выборы были проведены небрежно, и к голосованию были допущены все прилично одетые лица. Более трех миллионов избирателей определяли выбор депутатов. Неккер слишком много уступил и открыл ворота революции. Он не имел ни малейшего представления о буре, которая должна была сокрушить трон.

4 мая 1789 года это знаменитое Собрание, которое, как надеялись, вернет процветание Франции, состоялось с большой помпой в кафедральном соборе Нотр-Дам, и епископ Нанси произнес проповедь, а на следующий день собрание открылось в зале, подготовленном специально для этого случая. Король восседал на великолепном троне, знать и духовенство располагались по обе стороны зала, а третье сословие - в дальнем конце. Людовик XVI произнес речь, полную бескорыстных чувств, а Неккер зачитал отчет о состоянии финансов.

На следующий день депутаты Государственной думы. Государственные ярусы были направлены в отведенное им место, которым был общий зал. Знать и духовенство перешли в отдельный зал. Они намеревались, особенно учитывая большое количество депутатов, совещаться в разных залах. Но депутаты настояли на том, чтобы три ордена совещались вместе в одном помещении. Состоялись ожесточенные дискуссии и совещания. Но не было достаточного союза между знатью и духовенством или достаточной энергии со стороны двора. Случилось так, что среди депутатов также нашлось несколько смелых и революционных настроений, и в конце концов они решили большинством в четыреста девяносто один голос против девяноста присвоить себе название Национального собрания и пригласили членов другой палаты присоединиться к ним. Они возвели себя в ранг суверенной власти, подобной Долгому парламенту Карла I. Пренебрегая как трон, так и знатью.

Некоторые из наиболее решительных представителей знати убеждали короля принять решительные меры против узурпации власти третьим сословием, но он был робок и нерешителен.

Человеком, имевшим в то время наибольшее влияние в Национальном собрании, был Мирабо, человек благородного происхождения, но горячо поддерживавший народную партию. У него были неприятные черты лица, распушенные привычки и подмоченная репутация, но он был человеком властного вида, больших способностей и непревзойденного красноречия. Лучше всего его изобразил Карлайл, как в своих эссе, так и в своей "Истории революции".

В Национальном собрании было много великих людей, о которых никогда бы не услышали в спокойные времена; одни обладали великими добродетелями и способностями, а другие - самыми яростными революционными принципами. Были также некоторые представители знати, которые присоединились к ним, не предвидя грядущих бед. Среди них были герцоги Орлеанский, Рошфуко и Лианкур, граф Лалли Толлендаль, два брата Ламет, Клермон Тоннер и маркиз де Лафайет, все они были гильотинированы или сосланы во время революции.

Обсуждения в Ассамблее не соответствовали волнениям. народные волнения. Все классы были опьянены возбуждением и верили, что на земле должна наступить новая эра; что все зло, от которого страдало общество, должно быть устранено и вот-вот наступит состояние безграничной свободы, изобилия и процветания.

В разгар народных волнений гвардейский полк, состоявший из трех тысяч шестисот человек, поднял восстание: огромные толпы рабочих собрались вместе и дали волю самым подстрекательским высказываниям; гостиница инвалидов была захвачена; пятьдесят тысяч копий были выкованы и розданы народу; Бастилия была взята штурмом; и началась военная резня. Вскоре после этого была принята трехцветная кокарда, французская гвардия была подавлена Собранием, король и его семья были доставлены толпой в Париж, и был создан Клуб якобинцев. До конца 1789 года Национальное собрание было верховной властью во Франции, а король превратился в тень и посмешище; или, скорее, следует сказать, что во Франции не было никакой власти, кроме той, что исходила от народа, и не осталось никакой силы для подавления народных эксцессов и восстаний. Ассамблея опубликовала прокламации против актов насилия; но это было совершено в соперничестве с короной и аристократией и поддерживало народную сторону. В Париже вдобавок к другим ужасам разразился голод, и фермеры, опасаясь, что у них отберут зерно, больше не вывозили его на рынок. Производство всех видов было приостановлено, а общественная собственность конфискована для удовлетворения насущных потребностей голодающего и разъяренного народа. Государство стремительно скатывалось к всеобщему насилию, преступности, нищете и отчаянию.

1790 год начался мрачно, и никто не мог сказать, когда утихнет волнующий дух и как далеко он зайдет, ибо парижская чернь быстро захватывала государственную власть. Одной из первых мер Ассамблеи было лишить провинции Франции их древних привилегий, поскольку они ревниво относились к суверенитету, осуществляемому Ассамблеей, и разделить королевство на восемьдесят четыре новых департамента, почти равных по площади и населению. Для каждого департамента был создан уголовный трибунал и гражданский суд для каждого из округов, на которые был разделен департамент. Различные должностные лица и магистраты избирались народом, и право голоса определялось взносом в сумму трехдневного труда. Власть народа. Благодаря этой великой остановке вся гражданская сила в королевстве была передана в распоряжение низших классов. У них было назначение муниципалитета, и контроль над вооруженными силами, и назначение судей, заместителей и офицеров Национальной гвардии. Сорок восемь тысяч коммун, или муниципалитетов, пользовались всеми правами суверенитета, и короне почти не оставалось назначений. Была принята полная демократическая конституция, которая разрушила древние деления королевства и все те предрассудки и интересы, которые лелеялись веками. Значительное расширение избирательного права привело в Ассамблею класс людей, готовых к самым непрактичным изменениям и совершению самых жестоких эксцессов.

Следующей важной задачей Ассамблеи было регулирование финансов. Дальнейшее налогообложение было невозможно, а общественные нужды были велики. Доходы почти упали, а государственный долг тревожно увеличился — тысяча двести миллионов менее чем за три года. Капиталисты ничего не давали вперед, и добровольные взносы принесли лишь кратковременное облегчение. При таких обстоятельствах вопрос о разграблении церкви был решен, и Талейран, епископ Отена, первым предложил конфисковать имущество своего ордена. Искушение было непреодолимым для неверующего и революционного собрания, ибо церкви принадлежала почти половина всей земельной собственности королевства. Было конфисковано несколько тысяч миллионов франков, а доходы духовенства сократились до пятой части от их прежнего размера.

Эта жестокая мера привела к другой. Не было денег, чтобы заплатить за большие поместья, которые Ассамблея хотела продать. Муниципалитеты крупных городов стали покупателями и выдавали долговые расписки государственным кредиторам до тех пор, пока не должна была быть произведена оплата; предполагалось, что частные лица будут покупать небольшими порциями. Поскольку продажи не были осуществлены муниципалитетами, как ожидалось, и оплата не была произведена, пришлось прибегнуть к государственным счетам. Так возникла система ассигнаций, которые в большом количестве выпускались под залог церковных земель и которые привели к бумажному обращению и созданию обширной группы мелких землевладельцев, чья собственность возникла в результате революции и чьи интересы были отождествлены с ней. Облегчение, каким бы огромным оно ни было, было кратковременным. Новые эмиссии выпускались при каждом кризисе, пока чрезмерная эмиссия не встревожила рефлексирующую часть сообщества, и ассигнации обесценились до простой номинальной стоимости. В конце года кредит нации был подорван, а драгоценные металлы в значительной степени изъяты из обращения.

Вскоре после этого ассамблея отменила все дворянские титулы, изменила всю судебную систему, провозгласила свое право заключать мир и вести войну и учредила Национальную гвардию, в которую было зачислено триста тысяч человек для поддержки революционных мер.

14 июля, в годовщину взятия Бастилии, состоялась торжественная церемония создания Национальной федерации. Национальная федерация, когда четыреста тысяч человек отправились на Марсово поле, чтобы увидеть, как король, его министры, ассамблея и государственные чиновники приносят присягу новой конституции; величайшая насмешка над всей революцией, хотя и сцена беспримерного великолепия.

Ближе к концу года произошла массовая эмиграция знати; это была большая ошибка с их стороны, поскольку их поместья были немедленно конфискованы, а силы, оставленные для поддержки трона, значительно уменьшились. Однако отъезд стольких выдающихся личностей вызвал недовольство Ассамблеи, и были внесены предложения предотвратить это. Но Мирабо, который до этого времени поддерживал народную партию, теперь вззошел на трон и попытался спасти его. Его популярность была на спаде, когда естественная смерть избавила его от возможной казни. Он внес свой вклад в поднятие бури, но у него не было сил ее утихомирить. Он применил свои великолепные способности, чтобы остановить революцию, последствия которой он, наконец, ясно осознал. Но тщетно. Однако его смерть была воспринята как общественное бедствие, и весь Париж собрался посмотреть, как его останки с необычайной

помпой будут перенесены в Пантеон рядом с Картезом. Если бы он был жив, он, возможно, спас бы жизни короля и королевы, но он не смог бы предотвратить революцию.

Вскоре после этого королевская семья, слишком поздно осознав, что они всего лишь пленники в Тюильри, обратилась в бегство. предпринял побег и бежал в Кобленц, где проживало большое количество эмигрантов. Несчастный король ухитрился добраться до Варенна, был узнан и доставлен обратно в Париж. Но Национальное собрание допустило грубую ошибку, не позволив ему бежать, ибо ему оставалось только объявить трон вакантным из-за его дезертирства и приступить к учреждению республиканского правительства. Преступления цареубийства можно было бы избежать и предотвратить дальнейшие революционные эксцессы. Но его возвращение усилило народное брожение, и клубы потребовали его головы. Он был отстранен от своих обязанностей, и к его персоне приставили охрану.

29 сентября 1791 года Учредительное собрание самораспустилось, приняв за три года своего существования тысячу триста девять законов и декретов, касающихся общего управления государством. Даже сейчас невозможно решить вопрос, принесло ли это добро или зло в целом; но это, безусловно, устранило многие великие и вопиющие пороки и ввело в действие множество мудрых законов. Он отменил пытки, печатные документы, самые тяжелые повинности, привилегии знати и феодальное бремя. Он установил единую систему юриспруденции, Национальную гвардию и равную систему финансов. "Это открыло доступ в армию достойным людям и разделило земельную собственность аристократии между трудящимися классами; что, хотя и было нарушением прав собственности, позволило нации нести бремя, которое было впоследствии возложено, и процветать в условиях бедствий, связанных с национальным банкротством, обесценившимися ассигнациями, господством террора, воинской повинностью Наполеона и порабощением Европы".

Законодательное собрание, состоявшее из неопытных людей — по большей части сельских адвокатов и клерков, среди которых не было и пятидесяти человек, располагавших ста фунтами годового дохода, — заменило Учредительное собрание и открыло свои заседания 1 октября.

На первом собрании была большая партия, приверженная королевским и аристократическим интересам, и много людей с большим опытом и талантами. Но на втором почти все были сторонниками революционных принципов. Они расходились только в том, до какой степени следует довести революцию.

Члены правых назывались фейянами по имени клуба, составлявшего центр их власти, и были друзьями конституции, или ограниченной монархии, установленной Учредительным собранием. Национальная гвардия, магистраты и все официальные органы власти были сторонниками этой партии.

Жирондисты и якобинцы. Жирондисты, понимая более уважаемых республиканцев и желая основать государство по образцу античности, образовали вторую партию, среди которой были самые способные люди в собрании. Бриссо, Верньо, Кондорсе, Гуаде и Изнард были одними из ведущих членов организации.

Существовала также третья партия, возглавляемая Шабо, Базеном и Мерленом, которую поддерживали клубы якобинцев и Кордельеров. Великими оракулами якобинцев были

Робеспьер, Варенн и Колло д'Эрбуа; в то время как лидерами Кордельеров были Дантон и Демулен. Робеспьер был исключен, как и другие члены предыдущего собрания, из состава нового, своего рода самоотверженным постановлением, которое он сам предложил. Его влияние в то время было огромным благодаря экстравагантности его мнений, горячности его речи и репутации честного человека, которую он приобрел.

Между этими тремя партиями произошли ожесточенные столкновения, и вскоре началась борьба за господство, которая закончилась полным триумфом якобинских революционеров.

Тем временем ограничения, наложенные на короля, который все еще пользовался тенью власти, масштабы народных волнений и распространение революционных принципов побудили ведущих монархов Европы объединиться, чтобы подавить беспорядки во Франции. В июле император Леопольд обратился к государям Европы с призывом объединиться для освобождения Людовика XVI. Австрия собрала свои войска, эмигранты в Кобленце устроили воинственные демонстрации, и начались приготовления к сражению, которое, прежде чем оно было завершено, оказалось самым кровопролитным и масштабным из всех, которые опустошали мир со времен падения Римской империи.

Учредительное собрание с презрением отвергло диктат различных европейских держав, и новое министерство, наиболее видными членами которого были Дюмурье и Ролан, подготовилось к войне. Все классы Франции стремились к этому, и вскоре была объявлена война. 25 июля герцог Брауншвейгский с армией в сто сорок восемь тысяч пруссаков, австрийцев и гессенцев вступил на территорию Франции. Дух сопротивления воодушевлял все классы, и пыл толпы не имел себе равных. Манифест союзных держав указывал на настроения двора и эмигрантов. Восстание против трона теперь казалось необходимым, чтобы обеспечить свободу народа, у которого теперь не было выбора между победой и смертью. 25 июля марсельцы прибыли в Париж и усилили силу и уверенность повстанцев. Народные волнения усилились, и клубы стали неуправляемыми. 10 августа ударили в набат, во всех кварталах Парижа ударил генеральный колокол, и произошло то знаменитое восстание, которое свергло трон. Отель де Виль был захвачен повстанцами, Тюильри был взят штурмом, а швейцарские гвардейцы были перебиты. Последний шанс короля восстановить свою власть был упущен, и Париж оказался в руках разъяренной толпы.

Заключение короля в Тампле, отъезд иностранных послов, бегство эмигрантов, конфискация их поместий, массовые убийства в тюрьмах, разграбление дворцов, падение и бегство Лафайета и роспуск Законодательного собрания увенчались быстрым успехом.

21 сентября открылся Национальный съезд. Национальный съезд, в состав которого вошли самые яростные сторонники революции. Им правили те популярные ораторы, которые имели наибольшее влияние в клубах. Самыми влиятельными из этих лидеров были Дантон, Марат и Робеспьер. Дантон был героем последнего восстания; был адвокатом, человеком жестокой отваги, рабом чувственных страстей и кумиром парижской черни. Он был назначен министром юстиции и был инициатором последующих массовых убийств в тюрьмах. Но, при всей своей свирепости, он был снисходителен к отдельным людям и рекомендовал проявлять гуманность после того, как период опасности миновал.

Marat Marat — Danton — Robespierre. был журналистом, президентом якобинского клуба, членом конвента и ярким сторонником революционных эксцессов. Его кровавая карьера была

преждевременно прервана рукой героини Шарлотты Корде, которая пожертвовала собственной жизнью, чтобы избавить страну от величайшего монстра, которому криминальные анналы присудили позорное бессмертие.

Робеспьер был сентиментален и скрывал под маской патриотизма и филантропии ненасытное честолюбие, непомерное тщеславие и неумолимую месть. Он был выше страсти к деньгам и, когда в его распоряжении были жизни и состояния его соотечественников, жил на несколько франков в день. Сейчас принято отрицать в нем какой-либо экстраординарный талант; но то, что он был человеком властной воли, непобедимого мужества и сурового энтузиазма, видно почти из всех поступков его ненавистной карьеры.

Национальный конвент начал свои заседания в разгар ужасной резни в тюрьмах, где погибло более пяти тысяч человек, чтобы утолить жажду мести парижской черни.

Его первой мерой было упразднение монархии и провозглашение республики; следующей - выпуск новых ассигнаций. Две предыдущие ассамблеи санкционировали фальсификацию на сумму в две тысячи семьсот миллионов франков, а Конвенция добавила еще миллионы на обеспечение безопасности национальных доменов. 7 ноября был объявлен судебный процесс над королем, а 11 декабря начался его допрос. Выступая в коллегии адвокатов Конвента, президент Баррер сказал: "Луи, французская нация обвиняет тебя; сейчас ты услышишь обвинения, которые следует предпочесть. Луис, присаживайся.

Обвинения состояли из всех преступлений революции, на которые он отвечал с достоинством, простотой и прямоотой. На инсценированном процессе его защищали Дезез, Тронше и Мальзерб; но требовалась его кровь, и собрание единогласно вынесло приговор своему королю. То, что для этого нашлось семьсот человек, при всех естественных различиях во мнениях, свидетельствует об избытке революционного безумия. 20 января Сантер явился в королевскую тюрьму и зачитал смертный приговор; и только три дня было отпущено королю на подготовку к последнему часу мучений. 24 января он взошел на эшафот, воздвигнутый между садом Тюильри и Елисейскими полями, и роковой топор отделил его голову от тела. Его останки были похоронены на древнем кладбище Мадлен, над которым Наполеон после битвы при Йене заложил великолепный храм славы, но который не был закончен до реставрации Бурбонов, которые превратили его в прекрасную церковь, носящую название древнего кладбища. Место, где Людовик XVI пожертвовал своей жизнью во искупление преступлений своих предков, теперь отмечено колоссальным обелиском из красного гранита, который французское правительство в 1831 году привезло из Египта, памятником, который был свидетелем похода Камбиза и, возможно, переживет славу самой французской нации.

Мученическая смерть Людовика XVI послужила сигналом к всеобщей войне. всеобщей войне. Все державы Европы объединились, чтобы подавить мощь и принципы французских революционеров. Конвент, объявив войну Англии, Голландии, Испании, Австрии, Пруссии, Португалии, Обеим Сицилиям, римским государствам, Сардинии и Пьемонту, — всем тем, которые объединились вместе, — приказал набрать в армию триста тысяч человек, учредил военный трибунал и принудительно предоставил богачам тысячемиллионный заем и приготовился защищать принципы свободы и землю Франции. Энтузиазм французов был беспрецедентным, а проявленная энергия - просто поразительной. Патриотизм и воинский пыл были объединены, и без колебаний были приняты такие меры, каких требует только чрезвычайная необходимость.

Был назначен Комитет общественной безопасности, и началась диктатура Дантона, Марата и Робеспьера, отмеченная великими ужасами и варварством, но отмеченная замечательными успехами в войне и усилиями, которые при обычных обстоятельствах вряд ли были бы оценены.

Сначала этот комитет состоял из двадцати пяти человек, а впоследствии - из двенадцати; но Робеспьер и Марат были ведущими членами. Комитет поручил правящим якобинцам различные департаменты правительства. Сен-Жюсту было поручено разоблачать своих врагов; Кутону - выдвигать свои общие меры; Бийо Варенну и Колло д'Эрбуа - управлять департаментами; Карно был назначен военным министром, а Робеспьер - генеральным диктатором. Этот комитет, хотя и был обязан отчитываться перед Конвентом как высшим органом власти, на самом деле обладал всей полнотой государственной власти. "Он назначал и увольнял генералов, судей и присяжных; проводил все общественные мероприятия в Конвенте; управлял провинциями и армиями; контролировал Революционный трибунал; производил реквизиции людей и денег; и назначал революционные комитеты, которых возникло во всех частях королевства ужасающее число в пятьдесят тысяч. Целью Комитета общественной безопасности было уничтожение всех, кто выступал против духа самых жестоких революционных мер. Марат заявил, что двести шестьдесят тысяч голов должны пасть, прежде чем будет обеспечена свобода; революционные комитеты обнаружили, что семьсот тысяч человек должны быть принесены в жертву".

Затем началось царство террора. Царство террора, когда все тюрьмы Франции были заполнены жертвами, которые, как правило, были самыми достойными людьми в обществе, и чье единственное преступление заключалось в том, что они были несносны правящим державам. Те, кого подозревали, по возможности бежали, но, как правило, не могли унести свое имущество. Миллионы собственности были конфискованы; тюрьмы были переполнены богатыми, элегантными и образованными людьми; тысячи были гильотинированы; и воцарились всеобщая анархия и страх, которым нет аналогов. Депутаты, даже те, кто сыграл наибольшую роль в развязывании революции, были принесены в жертву торжествующими якобинцами. Женщинам и пенсионерам не было позволено избежать их страха и мести. Мария-Антуанетта, принцесса Елизавета и мадам Ролан были одними из первых жертв. Затем последовали казни Байи, мэра Парижа; Барнава, одного из самых красноречивых и честных членов Учредительного собрания; Дюпона Дутертра, одного из министров Людовика XVI; Лавуазье, химика; Кондорсе, философа; генерала Кюстина; и генерала Ушара; все они были союзниками нынешней господствующей партии. Герцог Орлеанский, прозванный Эгалитэ, поддержавший восстание 10 августа и проголосовавший за казнь короля, разделил судьбу Людовика XVI. Он был отцом Луи Филиппа и из всех жертв революции умер наименее оплакиваемым.

Теперь "децемвиры" уничтожили самых выдающихся защитников конституционной монархии и республиканской свободы. Теперь последовала резня их старых друзей. Первой жертвой стал сам Дантон, который использовал свое влияние, чтобы положить конец кровавым казням, которые тогда опозорили страну, и признал существование Бога и права человечества. За такие чувства он был осужден и казнен вместе с Камиллой Демулен и Лакруа, которые погибли, потому что были менее злыми, чем их сообщники. Наконец, сами анархисты пали перед поднятой ими бурей, и Эбер, Гобе, Клуц и Винсент умерли под крики всеобщего проклятия. Комитет общественного спасения теперь распоряжался всем по-своему, и в их железных руках порядок восстановил свое господство, освободившись от влияния террора. "Мировая история не имеет параллели с ужасами той долгой ночи страданий, потому что она не имеет параллели с виной,

которая ей предшествовала; тирания никогда не принимала столь отвратительных форм, потому что распущенность никогда не требовала столь сурового наказания".

Комитет общественного спасения, теперь уверенный в своей силе, издал декрет о роспуске революционной армии, призванной внушить страх столице, и о роспуске всех народных обществ, которые не зависели от якобинского клуба и посвятили всю свою энергию установлению своей власти. Но смерть была средством, к которому они прибегли, чтобы добиться этого, и двести тысяч жертв заполнили тюрьмы Франции.

Наконец страх объединил членов Конвента, и они решили освободить страну от великого тирана, который стремился подавить любую власть, кроме своей собственной. "Не льстите себе надеждой, - сказал Тальен жирондистам, - что он пощадит вас, ибо вы совершили непростительный проступок, став свободными людьми". "Вы все еще живы?" он сказал якобинцам: "Через несколько дней он снесет ваши головы, если вы не возьмете его". Все партии в собрании решили свергнуть своего общего врага. Робеспьер, главное действующее лицо кровавой трагедии, Дюма, председатель Революционного трибунала, Анрио, командующий Национальной гвардией, Кутон и Сен-Жюст, орудия тирана, были разоблачены, осуждены и казнены. Смерть Робеспьера. Последние часы Робеспьера были неописуемо ужасны. Когда его вели на казнь, кровь текла из его сломанной челюсти, лицо было смертельно бледным, он издавал крики агонии, которые наполняли ужасом все сердца. Но одна женщина, тем не менее, пробилась сквозь окружавшую его толпу, восклицая: "Убийца моих сородичей! твоя агония наполняет меня радостью; спустись в ад, покрытый проклятиями каждой матери во Франции".

Так закончилось царство террора, во время которого почти девятнадцать тысяч человек были гильотинированы; и среди них было более двух тысяч дворян и тысячи священников, помимо огромного числа других людей, убитых войной или топором в других частях Франции.

Но были приняты энергичные меры для продолжения войны против объединенного христианского мира. Со стороны союзников на поле боя от Базеля до Дюнкерка было задействовано не менее двухсот восьмидесяти тысяч человек. Тулон и Лион подняли знамя восстания, Майнс дал захватчикам проход в сердце королевства, в то время как шестьдесят тысяч повстанцев в Вандее угрожали разбить лагерь под стенами Парижа. Но благодаря усилиям Комитета и особенно военного министра Карно еще большее число людей было взято под ружье, Франция была превращена в огромную мастерскую военных приготовлений, и все имущество государства посредством конфискаций и ассигнаций поступило в распоряжение правительства. Огромные долги правительства оплачивались бумажными деньгами, в то время как призыв на военную службу пополнял ряды всей молодежи штата. Добавляя ко всей этой силе, которой располагало правительство, следует помнить, что армия горела восторженными мечтами о свободе, патриотизме и славе. Неудивительно, что такая нация солдат и энтузиастов должна была быть способна противостоять армиям объединенного христианского мира.

После смерти Робеспьера (июль 1794 г.) на смену царству террора пришла мощная реакция. Его старые соратники и орудия были казнены или вывезены, клуб якобинцев был закрыт, Революционные трибуналы подавлены, мятежные предместья усмирены, Национальная гвардия реорганизована и принята Новая конституция. была сформирована новая конституция.

Конституция 1798 года, составленная под различными влияниями, установила законодательную власть между двумя советами — советом Пятисот и советом Древних. Первому была доверена

власть разрабатывать законы; последний имел право отклонять или принимать их. Исполнительная власть была доверена Директории. пять человек, называемых Директорами, которые были назначены Советом Пятисот и одобрены Советом Древних. Каждый человек должен был быть президентом поочередно в течение трех месяцев, а новый директор должен был выбираться каждый год. Директория полностью распоряжалась армией, финансами, назначала государственных чиновников и руководила публичными переговорами.

Но нашлись могущественные враги новой конституции. Париж снова был взбужден. Национальная гвардия присоединилась к недовольным, и Конвент, запуганный и сбитый с толку, призвал себе на помощь пятитысячный отряд регулярных войск. Национальная гвардия собрала огромные силы, численностью в тридцать тысяч человек, и решила внушить благоговейный страх Конвенту, который сравнивали с Долгим парламентом во времена Кромвеля. Конвент доверил Баррасу его защиту, и он потребовал в качестве своего заместителя молодого артиллерийского офицера, отличившегося при осаде Тулона. По его совету лейтенант по имени Мюрат доставил в Париж мощный артиллерийский эшелон. 4 октября 1795 года все окрестности Тюильри напоминали укрепленный лагерь. Затем командующий Конвентом дождался нападения повстанцев, и вскоре боевые действия начались. Тридцать тысяч человек окружили маленькую шеститысячную армию, защищавшую Конвент и дело порядка и законности. Победа склонялась к регулярным войскам, которые имели помощь артиллерии и, прежде всего, которые были воодушевлены духом своего бесстрашного лидера — Наполеона Бонапарта. Повстанцы были не сбродом, а цветом французских граждан; но они были вынуждены уступить превосходящему военному искусству, и началось господство военных.

Так завершилось то, что технически называется Французской революцией; самый ужасный политический ураган в анналах современных цивилизованных наций. Номинально она завершилась с приходом к власти Директории, но на самом деле с восшествием на престол Наполеона; ибо вскоре после этого его победы привлекли внимание французской нации и изумили весь мир.

Это размышления. невозможно высказать суждение о последствиях этой великой революции, поскольку еще не прошло достаточно времени, чтобы мы могли сформировать здравые суждения. Мы привыкли ассоциировать с некоторыми актерами все, что есть мерзкого и чудовищного в человеческой природе. Но настоящие монстры редко появляются на земле. Те же самые люди, которые вызывают у нас отвращение, если бы они жили в спокойные времена, могли бы пользоваться уважением. Даже Робеспьер мог бы сохранить почетное имя до своей смерти как справедливый судья. Но разум французов был невменяем. Новые идеи вскружили голову энтузиастам. Торжество абстрактных принципов справедливости казалось более желанным, чем сохранение человеческой жизни. Чувство обиды и несправедливости было слишком ярким, чтобы позволить разгоряченным приверженцам делать скидку на обычные человеческие немощи. Сторонники свободы не могли видеть в Людовике XVI ничего, кроме эмблемы тирании в наихудшей форме. Они воображали, что могут возродить общество с помощью своего евангелия социальных прав, и они переоценивали добродетели людей. Но, прежде всего, они переоценили самих себя и придали слишком малое значение непреходящим принципам богооткровенной религии; религии, которая предписывает терпение и смирение, а также поощряет дух свободы и прогресса. Но какими бы ни были их ошибки и преступления и каким бы ни было провидение Божье, отменившее их ради высшего блага Европы, все же все созерцательные люди видят в Революции карающее правосудие Всемогущего, унизившего

гордую семью принцев и наказавшего тщеславную и деспотичную знать за зло, которое они причинили обществу.

Список литературы. История Французской революции Элисона, отмеченная его английскими предрассудками, тяжеловесная по стилю и неточная во многих фактах, но возвышенная, сдержанная и глубокая. История Тьера более живая и рассматривает ее с разных точек зрения. Работа Карлейля чрезвычайно талантлива, но самая трудная для чтения из всех его работ из-за его наигранного и отвратительного стиля. История жирондистов Ламартина сентиментальна, но приятна и поучительна. История Минье также является эталоном. Следует прочитать "Историю Франции" Лакретеля и Мемуары Мирабо, Неккера и Робеспьера. Эссе Карлейля о Мирабо и Дантоне чрезвычайно талантливы. Размышления Берка должны быть прочитаны всеми, кто желает получить наиболее яркое представление об ужасах ужасного события, которое он осудил. Следует ознакомиться с Ежегодным реестром. Общий список авторов, писавших об этом периоде, смотрите в "Указателе авторов Элисона", предваряющем его великую работу, но их слишком много, чтобы упоминать здесь. [\(Вернуться к содержанию\)](#)

ГЛАВА XXXI.

НАПОЛЕОН БОНАПАРТ.

Мистер Элисон счел необходимым посвятить десять томов объемом в октаво жизни и временам Наполеона Бонапарта. Наполеон Бонапарт; разнообразные события, связанные с его блестящей карьерой, также не могут быть удовлетворительно описаны в меньшем количестве томов. Рамки этой работы, однако, не позволяют разместить заметку более чем на нескольких страницах. Кто же тогда, даже из тех, для кого эта История специально предназначена, останется доволен нашим кратким обзором? Но здесь можно сделать лишь краткий намек на очень великие события, ибо нелепо пытаться сжать жизнь величайшего актера на сцене настоящей трагедии в одной главе. И все же почти во всех сценах, в которых он появляется, есть единообразие. История войн всегда одна и та же — демонстрация возбужденных страстей, неугомонных амбиций, ослепительных зрелищ борьбы, помпезности и славы. Грабеж, угнетение, нищета, преступления, отчаяние, разорение и смерть — таково зло, неизбежно сопутствующее любой войне, даже славной войне, когда люди сражаются за свои дома, за свои алтари или за великие идеи. Подробности войны волнующие, но болезненные. Нам самым убедительным образом напоминают о нашем вырождении, о наших несчастьях, о Великом Разрушителе. "Ангел Смерти" предстает перед нами в мрачном ужасе, наказывая людей за преступления. Но хотя война так ужасна и сопровождается всеми пороками, которые мы можем себе представить, или страдать от которых - удел человека, все же воины не обязательно являются врагами человечества. Они являются инструментами Всемогущего для того, чтобы наказывать нечестивый мир или приносить из бедствий и страданий великие и постоянные благословения человечеству.

Историки рассматривают Наполеона в обоих этих ракурсах. Англичане обычно смотрят на него как на честолюбивого узурпатора, который намеревался воздвигнуть всемирную империю на всеобщих руинах; как на Александра, цезаря, Аттилу, Карла XII. Французская нация считает его почти божеством, посланником добра, великим завоевателем, сражавшимся за свет и свободу.

Но он не был худшим или лучшим из воинов. Характер Наполеона. Обстоятельства того времени призывали к проявлению его экстраординарной и поразительной энергии; и он, воспользовавшись как идеями, так и обстоятельствами, попытался возвести на престол величественность и возвысить славу страны, абсолютным правителем которой он сделал себя. Его натура не была кровожадной, или жестокой, или мстительной; но немногие завоеватели когда-либо совершали преступления большего масштаба или были более беспринципны в использовании любых средств, законных или незаконных, для достижения великой цели. У Наполеона были просвещенные взгляды, и он хотел продвигать действительные интересы французской нации, но только после того, как он взобрался на вершину власти и осуществил все те мечты, которые возбуждало его самое непомерное честолюбие. Он, несомненно, спас свою страну от опасностей, которые угрожали ей из-за иностранного вторжения; но его завоевания и его замыслы привели к еще большим объединениям, и они, потребовав для своей поддержки объединенных сил христианского мира, залили мир кровью. Наполеон в необычайной степени осознал цели, к которым он стремился; но наслаждался ими недолго, и он был сброшен со своего трона величия и победы, чтобы произвести впечатление на мир, который он высмеивал и презирал, о тщете военной славы и трофеев, добытых дорогой ценой на полях сражений. Провидение никогда не позволяло ни одному человеку творить столько зла, и все же никогда у смертного не было больше почитателей, чем у него, и никогда мнения мудрецов не разделялись так сильно относительно последствий его войн. Можно привести болезненный и печальный рассказ об опустошениях, которые он вызвал, так что Аларих по сравнению с ним покажется всего лишь обычным грабителем, в то время как, в то же время, можно справедливо воздать хвалебные почести многим благам, которые он принёс человечеству. Добро и зло всегда сочетаются во всех великих характерах; но зло и добро сочетаются в нем в таких огромных пропорциях, что он кажется либо чудовищем беззакония, либо объектом бесконечного восхищения. Есть некоторые персонажи, которые мысленный взор может охватить сразу, как естественный глаз может охватить пропорции небольшого, но необычного здания; но Наполеон был гением и актером такого поразительного величия, как благодаря своим природным талантам, так и великим событиям, которыми он управлял, что он встает перед нами, когда мы созерцаем его, подобно какой-то огромной пирамиде или величественному собору, которые глаз может рассмотреть только в деталях. Наш век недостаточно удален от того времени, в которое он жил, мы слишком близки к объекту наблюдения, чтобы судить об общем влиянии его характера, и только предвзятые или тщеславные люди попытались бы сделать это. Он должен оставаться для поколений просто объектом благоговения, удивления, ужаса, восхищения, ненависти или любви.

Мы также не можем свести воедино события его жизни, как не можем проанализировать его характер и мотивы. Мы еще не знаем их относительной важности. С течением веков некоторые из них будут выделяться все большей красотой и примечательностью, а некоторые будут полностью упущены из виду. Тысячи книг исчезнут так же бесследно, как если бы их сожгли, подобно Александрийской библиотеке; и будущая эпоха, возможно, будет знать о подробностях сражений Наполеона не больше, чем мы сейчас знаем о походах Александра. Но основные факты никогда не могут быть утеряны; что-то останется, достаточное, чтобы "указать на мораль или украсить рассказ". Объектом всякого исторического знания является нравственная мудрость, и это мы можем узнать из таких кратких повествований, как истории Иосифа и Даниила или из оставленных нам Тацитом рассказов о жизни римских тиранов.

наполеон Первые дни правления наполеона. Бонапарт родился на Корсике 15 августа 1769 года в семье уважаемых родителей и рано был отправлен в королевское военное училище в Бриенне. Он не отличался никакими достижениями, кроме математики; он был прилежен, сдержан и холоден; он также проявлял негибкую волю - великое отличительное качество его ума. В четырнадцать лет, ввиду выдающихся достижений, он был переведен в военную школу в Париже, а в возрасте семнадцати лет получил звание младшего лейтенанта артиллерийского полка.

Когда вспыхнула революция, оказавшая республике первые услуги, Тулон, один из арсеналов Франции, принял более решительное участие в защите короля и конституции, чем Марсель или Лион, и заручился поддержкой английской и испанской эскадр. Комитет общественной безопасности решил подчинить город; и Бонапарт, даже в то время бригадный генерал, командовавший артиллерией при осаде, рекомендовал курс, который привел к захвату этого важного места.

За его выдающиеся заслуги и таланты Национальный конвент назначил его заместителем по командованию, когда этот орган подвергся угрозе со стороны мятежной Национальной гвардии. Он спас государство и защитил конституционные власти, за что был назначен заместителем командующего великой армией внутренних дел, а затем главнокомандующим вместо Барраса, который считал свою новую должность директора несовместимой с обязанностями генерала.

Другими режиссерами, которые теперь пользовались верховной властью, были Рубель, Ларевильер-Лепо, Ле Турнер и Карно. Сийес, человек великого гения, был избран, но отказался. Среди этих пятерых Карно был единственным гениальным человеком, и именно благодаря его усилиям Франция под руководством Комитета общественного спасения была спасена от потока авторитаризма. Но Баррас, хотя и уступал Карно по гениальности, обладал еще большим влиянием, и именно благодаря его благосклонности Бонапарт получил свои назначения. То, что двадцатипятилетний молодой человек получил командование внутренней армией, столь же примечательно, как и победы, которые впоследствии показали, что его возвышение было делом не случайности, а руки провидения.

Признанной фавориткой Барраса была молодая вдова, по происхождению креолка из Вест-Индии, чей муж, генерал Рейнской армии, был гильотинирован во время правления террора. Ее звали Жозефина Богарнуа; и как женщина разумная, с теплой привязанностью и редкими достижениями, она покорила сердце Бонапарта и вышла за него замуж 9 марта 1796 года. Ее приданым было командование армией Италии, которое, благодаря ее влиянию, получил молодой генерал.

Затем началась его блестящая военная карьера. Объединившись с Жозефиной, которую он любил, он поднялся в звании и власти.

Армия, которой командовал Бонапарт, состояла из сорока двух тысяч человек, в то время как силы итальянских государств насчитывали сто шестьдесят тысяч и могли быть легко увеличены до трехсот тысяч. Но итальянские солдаты никогда не были в состоянии противостоять ни австрийским, ни французским, и Бонапарт был уверен в победе. Его солдаты были молодыми людьми, привыкшими к опасности и тяжелому труду; а среди его офицеров были Бертье,

Массена, Мармон, Ожеро, Серрюрье, Жубер, Ланн и Мюрат. Тогда не все они были генералами, но впоследствии стали маршалами Франции.

Кампания 1796 года в Итальянской кампании. Италия добилась беспрецедентного в истории войн успеха; битвы при Монтенотте, Миллезимо и Дего, переход моста Лоди, осада Мантуи и победы при Кастильоне, Кальдиеро, Арколе, Риволи и Мантуе распространили славу Бонапарта по всему миру. Австрийские армии повсюду терпели поражения, а Италия оказалась под властью французов. "С вторжением Франции началась тирания под именем свободы, грабеж под именем великодушия, разорение церквей, разграбление больниц, сровнение с землей дворцов знати и разрушение хижин бедняков; все, что военная вольность имеет самое ужасное, все, что деспотическая власть имеет самое деспотичное".

В то время как Бонапарт покорял Италию, французы под командованием Моро сражались на Рейне с австрийцами под командованием эрцгерцога Карла. Было разыграно несколько крупных сражений и совершено мастерское отступление, но без решающих результатов.

Удивительно, что Англия, Франция и другие соперничающие державы смогли в это время начать борьбу, тем более продолжать ее более двадцати лет. Французская директория, придя к власти, обнаружила, что финансы находятся в состоянии неразберихи. Ассигнации упали почти до нуля, а налоги собирались с таким трудом, что образовалась задолженность в размере полутора тысяч миллионов франков. Армии были разорены и плохо оплачивались, артиллерия без лошадей, а пехота подавлена страданиями и поражениями. В Англии правительство Питта подверглось жестоким нападкам за ведение войны против страны, которая стремилась просто революционизировать свои собственные институты и которую до сих пор не смогли покорить все армии Европы. Мистер Фокс и другие оппозиционеры настаивали на безрассудстве продолжения борьбы, которая уже добавила сто миллионов фунтов стерлингов к национальному долгу, и в то время, когда французские армии готовились вторгнуться в Италию; но Питт утверждал, что французы, должно быть, почти истощены своими огромными усилиями и вскоре будут не в состоянии продолжать войну. Нация, как правило, придерживалась этой последней точки зрения, и парламент проголосовал за огромные поставки.

1797 год начался для Англии мрачно. Французы добились огромных успехов. Бонапарт покорил Италию, Гош подавил восстание в Вандее, Австрия готовилась защищать свои последние барьеры на перевалах Альп, Голландия была фактически присоединена к Республиканской Франции, Испания также объединила свои силы, и весь континент был настроен против Великобритании. Англия вмешалась в соревнование, в котором она не была замешана, и была вынуждена понести наказание. Количество фондов сократилось с девяноста восьми до пятидесяти одного, и петиции о смене министров были направлены королю почти из каждого известного города королевства. Банк Англии прекратил платежи наличными, и страна была перегружена налогами. Тем не менее, парламент проголосовал за новые поставки и провел масштабные приготовления, особенно к увеличению военно-морского флота. Сто двадцать четыре линейных корабля, сто восемьдесят фрегатов и сто восемьдесят четыре шлюпа были введены в строй и отправлены в различные точки земного шара.

Вскоре после этого произошел достопамятный мятеж на английском флоте, вызвавший крайнюю тревогу; но в конце концов он был подавлен энергичными мерами, принятыми

правительством, и счастливым союзом твердости и человечности, справедливости и уступчивости, который проявил мистер Питт. Мятеж был полностью связан с Францией и явился результатом реальных обид, существовавших на флоте; обид, которые, к чести Питта, были честно рассмотрены и быстро устранены. Временный позор, нанесенный военно-морскому флоту этим мятежом, вскоре, однако, был смыт битвой у мыса Сент-Винсент, в которой адмирал Джервис при поддержке Нельсона и Коллингвуда с пятнадцатью линейными кораблями и шестью фрегатами разгромил испанский флот из двадцати семи линейных кораблей и двенадцати фрегатов. Эта важная морская победа избавила Англию от всех опасений вторжения и вселила мужество в сердца нации, стонавшей под тяжестью налогов, которые увеличила война. Перед закрытием сезона голландский флот, состоявший из пятнадцати линейных кораблей и одиннадцати фрегатов, был разгромлен английским флотом под командованием адмирала Дункана, состоявшим из шестнадцати линейных кораблей и трех фрегатов. Битвы при Кампердауне и Сент-Винсенте. Мыс Сент-Винсент, на котором ярко проявился гений Дункана и Нельсона, был одним из самых важных сражений на море во время войны и принес небывалую радость всей Великобритании. Все победители были вознаграждены. Джервис стал графом Сент-Винсентом, адмирал Дункан - виконтом, а commodore Нельсон - баронетом. Вскоре после того, как были зажжены костры и иллюминации в честь этих побед, мистер Берк умер, призывая, по мере приближения своего конца, министерство продолжать великую борьбу, которой была предана нация.

В то время как англичане одерживали победы на воде, французы добились новых побед на суше. Через двадцать дней после начала кампании 1797 года Бонапарт прогнал эрцгерцога Карла с армией, равной его собственной, через Юлийские Альпы и занял Карниолу, Каринтию, Триест, Фиуме и итальянский Тироль, в то время как силы численностью в сорок пять тысяч человек, окрыленные победой, находились на северном склоне Альп, в пятидесяти лье от Вены. В разгар этих успехов на венецианских территориях вспыхнуло восстание; и, поскольку Бонапарт не получил поддержки, как он ожидал, со стороны рейнских армий, а отчасти вследствие нерешительности Директории, он решил отказаться от всякой мысли о том, чтобы диктовать мир под стенами Вены, и удовлетворился заключением возможно более выгодных условий с австрийским правительством. Бонапарт достиг своей цели и направил свое внимание на подавление завоевания Венеции Наполеоном. Венеция больше не была "Королевой Адриатики, восседающей на троне своих ста островов", она выродилась, ослабла и разделилась. В своем договоре с Австрией Бонапарт поступил крайне несправедливо по отношению к Венеции, а также поощрял восстание народа на ее территориях. И когда венецианское правительство попыталось подавить восстание в своих собственных провинциях, Бонапарт изобразил сильное возмущение и вскоре нашел средства разорвать все переговоры. Венецианский сенат приложил все усилия, чтобы предотвратить шторм, но тщетно. Бонапарт объявил Венеции войну, что вскоре привело к ее падению. Французы захватили все сокровища, которые смогли найти, и вынудили разоренную столицу внести большие контрибуции и сдать свои лучшие произведения искусства. Вскоре после этого юный завоеватель обосновался в прекрасном замке Монтебелло близ Милана и там продиктовал условия мира собравшимся послам Германии, Рима, Генуи, Венеции, Неаполя, Пьемонта и швейцарской республики. Кампо-Формийский мирный договор продемонстрировал как силу, так и вероломство Бонапарты, особенно в отношении Венеции, которая была позорно ограблена, чтобы оплатить расходы на итальянские войны. Среди прочего, великолепные бронзовые кони, которые в течение шестисот лет стояли над портиком церкви Святого Марка в память о взятии Константинополя

венецианскими крестоносцами и которые первоначально были привезены из Коринфа в Рим древними завоевателями, были перевезены в Париж для украшения Тюильри.

Путешествие Бонапарта из Италии в Париж после того, как Венеция с ее прекрасными провинциями была передана Австрии, было триумфальным шествием. Энтузиазм парижан был безграничен; любопытство публики увидеть его неописуемо. Но он жил тихо и одевался как член Института, недавно избранный. В его честь устраивались грандиозные праздники, а его победы приумножались.

Но он не довольствовался ни отдыхом, ни лестью. Его честолюбивая душа жаждала новых завоеваний, и он задумал план своего вторжения в Египет. Египетское вторжение, действительно скрытое от глаз всего мира притворным нападением на саму Англию. Директория с большой pompой назначила его командующим английской армией, но он легко убедил правительство санкционировать вторжение в Египет. Маловероятно, что Бонапарт всерьез рассматривал возможность завоевания Англии, зная о трудностях содержания и комплектования своей армии, даже если бы ему удалось высадить свои войска. Вероятно, он намеревался отвлечь внимание англичан от своего предполагаемого предприятия.

Когда все было готово, Бонапарт (9 мая) высадился в Тулоне во флоте из тринадцати линейных кораблей, четырнадцати фрегатов, семидесяти двух бригов и четырехсот транспортов, на борту которых находилось тридцать шесть тысяч солдат и десять тысяч матросов. К нему присоединились подкрепления в Генуе, Аяччо, Чивита-Кастеллана, и 10 июня он прибыл на Мальту, которая капитулировала без единого выстрела; продолжил свое плавание, сумел ускользнуть от эскадры Нельсона и 1 июля достиг Александрии. Ему яростно противостояли мамлюки, которые были фактическими правителями страны, но, несмотря на это, он дошел до Каира и двинулся маршем вдоль берегов Нила. Возле Пирамид произошла великая битва, мамлюки потерпели сокрушительное поражение, и судьба Египта была решена.

Но Нельсон получил информацию о передвижениях Бонапарта и решил "получить звание пэра или могилу в Вестминстерском аббатстве". Затем последовали битва на Ниле и победа Нельсона, одно из самых блестящих, но кровопролитных сражений в истории морских войн. Нельсон был ранен, но получил звание пэра и великолепные подарки. Битва нанесла смертельный удар французской армии и сделала бесполезным завоевание Египта. Бонапарт обнаружил, что его армия изгнана, а сам он обречен на безнадежную борьбу с восточными державами. Но он приложил гигантские усилия, чтобы обеспечить себе средства к существованию, продолжить научные исследования и завершить завоевание страны. Он пересек пустыню, отделяющую Африку от Азии, со своей армией, численность которой не превышала шестнадцати тысяч человек, вторгся в Сирию, взял штурмом Яффу, вырезал ее гарнизон, поскольку не мог позволить себе содержать пленных, — самая варварская мера, не подлежащая оправданию даже с учетом политики этого акта, — а затем приступил к осаде Акко. Акко. Его памятная осада во времена крестовых походов должна была удержать Бонапарта от попытки покорить его своей маленькой армией среди враждебно настроенного населения. Но он предпринял атаку. Крепость при поддержке сэра Сиднея Смита успешно устояла перед стремительностью его войск, и они были вынуждены отступить, потеряв три тысячи человек. Его разбитая армия отступила в Египет и перенесла все накопившиеся невзгоды, которые могли причинить усталость, жара, жажда, чума и голод. Однако он, среди всех этих бедствий, усиливших недовольство в войсках, выиграл великую битву при Абукире и сразу же после этого,

оставив армию под командованием Клебера, вернулся в Александрию и тайно отплыл во Францию в сопровождении Бертье, Ланна, Мюрата, Мармона и других генералов. Ему удалось ускользнуть от английских крейсеров, и 8 октября 1799 года он высадился во Франции.

Бонапарт, если бы он не был арестован в Акко сэром Сиднеем Смитом, вероятно, завоевал бы Малую Азию и основал Восточную империю; но такое завоевание не было бы постоянным. В запасе у него были более блестящие победы, чем победы над войсками полукцивилизованных турок и арабов.

Во время отсутствия Бонапарта в Египте французская директория стала непопулярной, а национальные финансы - в еще большем затруднении, чем когда-либо. Но Швейцария подверглась вторжению и была завоевана — возмущение, которое показало амбициозные замыслы правительства больше, чем любое предыдущее нападение, которое оно совершало на свободы Европы. Затем были захвачены Папские владения, достопочтенный понтифик подвергся жестоким унижениям, а сокровища и памятники Рима снова были разграблены. "Ватикан был обнажен до голых стен, и только бессмертные фрески Рафаэля и Микеланджело сохранили свою неповторимую красоту среди всеобщего запустения". Король Сардинии был изгнан из своих владений, и Неаполь уступил трехцветному флагу. Во всех этих несчастных государствах были собраны огромные военные контрибуции, и все прекрасное в искусстве было перевезено в Париж.

Тем временем неудачи французов подняли дух англичан. победы Нельсона и более тщательные, чем когда-либо, приготовления были предприняты для сопротивления генералу, который теперь явно нацелился на завоевание Европы. Англия, Австрия и Россия объединились против Франции, и ее армии потерпели поражение в Италии и на Рейне. Суворову с большой армией русских, объединившихся с австрийцами, добился значительного успеха, и генерал Моро был вынужден отступить перед ним. Серрюрье сдался с семью тысячами человек, а Суварову с триумфом вступил в Милан с шестидесятитысячным войском. Турин разделил судьбу Милана, а Пьемонт и Ломбардия были захвачены союзниками. Республиканцы были изгнаны из Неаполя. Мантуя пала, и Суворову двинулся со своими легионами-победителями в Швейцарию.

Эти бедствия произошли, когда Бонапарт находился в Египте, и его возвращение во Францию было встречено всеобщей радостью. Его победы в Египте подготовили почву для самого восторженного приема и для его прихода к верховной власти. Все генералы тогдашнего Парижа оказывали ему знаки внимания, и его салон в его скромном жилище на улице Шантерен напоминал двор монарха. Ланн, Мюрат, Бертье, Журден, Ожеро, Макдональд, Бурнонвиль, Леклерк, Лефевр и Мармон, впоследствии столь прославившиеся, что стали маршалами императора, предложили ему военную диктатуру, в то время как Сийес, Талейран и Ренье, великие гражданские лидеры, согласились поставить его во главе дел. Сам он скрывался от людских взоров, изображал большую простоту и общался главным образом с людьми, известными литературными и научными достижениями. Но он тайно интриговал с Сийесом и его генералами. Трое членов Директории подалив отставку, и Наполеон принял бразды правления в свои руки под титулом Первого консула Наполеона. Первый консул, был связан с Сийесом и Роже Дюко. Законодательные ветви власти оказали сопротивление, но Совет пятисот был бессилен перед штыками военных. Была совершена новая революция, и установилась деспотическая власть в руках военного вождя. Он, однако, прославил себя милосердием, которое проявил в момент победы, и принципы гуманности, даже при правлении

военного деспота, восторжествовали над принципами жестокости. Бонапарт выбрал способных людей себе в помощники в правительстве. Талейран был назначен министром иностранных дел. Фуше сохранил свой полицейский портфель, а знаменитый Ла Плас был назначен министром внутренних дел. 24 декабря 1799 года была провозглашена новая конституция; и вскоре после этого Сийес и Роже Дюко вышли из состава консульства и уступили место Камбасеру и Лебрену, которые были в интересах Наполеона.

Первым шагом первого консула было предложить мир Великобритании; и он написал письмо королю, выдержанное в его особом стиле притворной филантропии и великодушия, в котором он говорил о мире как о первой необходимости и истинной славе народов! Лорд Гренвилл, министр иностранных дел, ответил длинным письмом, в котором возложил вину за войну на Францию из-за ее революционных принципов и агрессивного духа и отказался заключить мир, пока сохраняются причины трудностей; другими словами, пока династия Бурбонов не будет восстановлена. Палата общин поддержала правительство подавляющим большинством голосов, и все стороны приготовились к еще более ожесточенному конфликту. Наполеон был вынужден сражаться и, вероятно, желал сражаться, чувствуя, что его могущество и величие его страны будут зависеть от побед, которые он может одержать; что до тех пор, пока будет продолжаться успех его правительства, его правительство будет сильным. Мистер Питт, вероятно, был прав в своем мнении, что никакой мир не может быть прочным при революционной власти и что каждый последующий мир будет только прокладывать путь для новой агрессии. Бонапарт мог осуществить то, что он называл своим предназначением, только путем постоянной агитации; и это хорошо понимали и он сам, и его враги. Борьба стала борьбой не на жизнь, а на смерть; и обе стороны решили, что мир не может быть заключен до тех пор, пока не будет окончательно побеждена та или иная из сторон. Сухопутные силы Великобритании в начале 1800 года составляли сто шестьдесят восемь тысяч человек, не считая восьмидесяти тысяч ополченцев, в то время как было проголосовано сто двадцать тысяч моряков и морских пехотинцев. В строю находилось не менее пятисот судов, включая сто двадцать четыре линейных. Был обновлен устав Банка Англии и заключен союз с Ирландией. Различные германские государства предприняли еще большие усилия и согласились выставить контингент в триста тысяч человек. В этом им оказали большую помощь субсидии из Великобритании. Только Австрия имела в это время на поле боя силы в двести тысяч человек, половина из которых принадлежала к итальянской армии под командованием Меласа.

Выступить против объединенных сил Англии и Австрии с разбитой армией, истощенной казной и разобщенным народом было трудной задачей Бонапарта. Его первой целью было улучшение финансов; второй - успокоение Вандеи; третьей - отделение России от союзников; четвертой - грандиозные военные приготовления. собрать армии, соответствующие кризису; и все эти меры он быстро осуществил. Сто двадцать тысяч человек были призваны по призыву, без каких-либо исключений ни из звания, ни из состояния, и двести пятьдесят тысяч человек были готовы начать военные действия. Первый консул подавил свободу печати, поселил свою резиденцию в Тюильри и установил придворные обычаи и церемониал. Он отменил приговор о высылке выдающихся личностей, учредил тайную полицию и построил галерею Лувра.

В Германии начались военные действия, и генерал Моро одержал победу над генералом Креем в битвах при Энгене, Мескирге и Биберахе. Генерал Массена с большим мужеством сражался в Приморских Альпах, но был вынужден отступить перед превосходящими силами и заперся в Генуе, которая выдержала ужасную осаду, но в конце концов была вынуждена сдаться. Затем

победитель Мелас отправился навстречу самому Бонапарту, который вторгся в Италию и только что совершил свой чудесный переход через Альпы на Великом Сенбернаре, один из самых замечательных подвигов в анналах войны; поскольку его артиллерию и багаж предстояло перевезти через один из самых высоких и трудных перевалов Альп. Перевалы Сен-Готард и гора Сенис также были захвачены крыльями армии. Первое сражение было при Монтебелло, которое закончилось в пользу французов; и вскоре за ним последовала решительная и блестящая победа при Маренго (14 июня), одна из самых ожесточенных за все время войны, и которая принесла больше результатов, чем, возможно, любое сражение, которое когда-либо происходило в современной войне. Моро также одержал великую победу над австрийцами при Гогенлиндене, а Макдональд совершил великие подвиги в горах итальянского Тироля. Люневильский мирный договор (9 февраля 1801 г.) в результате победоносной карьеры Бонапарта уступил Франции Бельгию и весь левый берег Рейна. Ломбардия была преобразована в независимое государство, Венеция была возвращена Австрии, и независимость Батавской, Гельветической, Цизальпинской и Лигурийской республик была гарантирована. Этот мир вызвал безграничную радость в Париже и стал первой значительной паузой в континентальной борьбе.

Наполеон вернулся в свою столицу, чтобы перестроить общество, которое полностью представляло собой реформы Наполеона. дезорганизовано. Его целью было восстановление институтов религии, права, торговли и образования. Он не пытался предоставить конституционную свободу. Это было невыполнимо; но он действительно хотел навести порядок в хаосе. Однажды вечером, идя в театр, он чудом избежал смерти от взрыва "адской машины". Он приписал замысел покушения якобинцам и немедленно отправил в отставку сто тридцать из них, скорее как государственный деятель, чем как судья. Он был полон решимости разогнать эту отвратительную вечеринку, и замысел против его жизни послужил предлогом для этого. Вскоре после этого он учредил орден Почетного легиона - орден за заслуги, который был призван постепенно восстановить градацию в рядах общества. Ему яростно воспротивились, но он провел свои меры через Государственный совет, и это учреждение, насчитывавшее в конце концов две тысячи человек, гражданских и военных, стало популярным и полезным. Затем он восстановил внешний институт религии, и десять архиепископов и пятьдесят епископов управляли делами Галликанской церкви. Восстановление воскресенья с его обычными обрядами было встречено крестьянством с нескрываемым восторгом и стало приятным зрелищем для народов Европы. Затем он задумался о полном восстановлении всей неотчуждаемой национальной собственности первоначальным владельцам, но был вынужден отказаться от этого проекта. Была также объявлена всеобщая амнистия эмигрантам, по которой сто тысяч человек вернулись не для того, чтобы наслаждаться своим имуществом, а для того, чтобы вернуть себе часть его и подышать воздухом своей родной земли. В конце концов он решил сделать себя пожизненным первым консулом и посадить свою семью на монархический трон. Государственный совет выступил против него, но он обратился к народу, и три миллиона триста шестьдесят восемь тысяч двести девять из трех миллионов пятисот пятидесяти семи тысяч восьмисот восьмидесяти пяти выборщиков проголосовали за его возвышение.

The Кодекс наполеона. Тогда его внимание привлек "Кодекс Наполеона", бесспорно, величайший памятник его правления и самое благотворное событие его эпохи. Все классы и партии высоко оценили мудрость этого великого сборника, который произвел больше благотворных изменений, чем все ранние революционеры. На фоне этих великих начинаний консула внутреннее процветание Франции постоянно возрастало, а образование, искусство и

наука получали огромный импульс. Казалось, все улыбалось Бонапарту, и все, казалось, примирились с огромной властью, которой он пользовался.

Но были некоторые из его генералов, которые были привержены республиканским принципам и с плохо скрываемой завистью смотрели на быстрые шаги, которые он делал к императорской власти. Моро, победитель при Гогенлиндене, был во главе их и вместе с Фуше, которого выгнали со своего поста из-за огромной власти, которую это давало ему, организовал заговор республиканцев и роялистов с целью свержения консульского престола. Но Фуше раскрыл заговор Бонапарту, который вернул его к власти, и генералы Моро и Пишегрю, герцог Энгийенский и другие выдающиеся личности были арестованы. Сам герцог был невиновен в заговоре, но был принесен в жертву ревности Бонапарта, который хотел убрать с глаз народа этого прославленного отпрыска семьи Бурбонов, единственного члена семьи, которого он боялся. Этот акт был одним из самых жестоких и неоправданных, а следовательно, и невежливых, которые когда-либо совершал Бонапарт. "Это было хуже, чем преступление, - сказал Талейран, - это была грубая ошибка". Его убийство снова разожгло пламя континентальной войны, и с него можно отсчитать начало той череды событий, которые в конечном итоге свергли Наполеона с императорского трона.

Это обладание было тем, чего сейчас жаждало его сердце, и поэтому он захватил то, чего желал, и то, что у него была сила сохранить. 18 мая 1804 года Наполеон был провозглашен императором Франции, и подавляющее большинство голосов выборщиков Франции подтвердили его узурпацию трона Гуго Капета.

Его первым шагом на посту императора было создание восемнадцати маршалов, все они запомнились в анналах военной славы — Бертье, Мюрат, Монси, Журден, Массена, Ожеро, Бернадотт, Сульт, Брюн, Ланн, Мортье, Ней, Даву, Бессьер, Келлерман, Лефевр, Периньон и Серрюрье. Здесь нельзя упоминать об индивидуальных жизнях этих военных героев.

В начале 1805 года великие державы Англии, Австрии и России вступили в коалицию, чтобы ограничить Францию до ее древних пределов и смирить деспота, узурпировавшего трон. Всеми воюющими государствами были сделаны огромные приготовления, и союзники предоставили для действительной службы четыреста тысяч человек; силы, не намного превышающие силы Наполеона, собранные для осуществления его плана всеобщего господства.

Среди прочих замыслов он обдумывал вторжение в Англию. обдумывал вторжение в саму Англию и собрал для этой цели одну из самых великолепных армий, которые были собраны со времен римских легионов. Она насчитывала сто четырнадцать тысяч человек, четыреста тридцать два орудия и четырнадцать тысяч шестьсот пятьдесят четыре лошади. Были предоставлены достаточные транспортные средства, чтобы доставить эту огромную армию к берегам Англии. Но английское правительство приняло соответствующие меры защиты, разгадав замыслы врага, которому удалось добиться сотрудничества Испании. Этот великий замысел Наполеона был разрушен бдительностью англичан и количеством британских кораблей, защищавших побережье — "деревянных стен", которые уберегли Англию от самой неминуемой и страшной опасности.

Потерпев неудачу в попытке вторгнуться в Великобританию, Наполеон немедленно разработал план кампании в виде битвы при Аустерлице. Аустерлиц и без промедления отдал приказы о марше своих различных армий к берегам Дуная. Английская армия на берегах Ла-Манша,

войска в Голландии и войска в Ганновере были сформированы в семь корпусов под командованием стольких же маршалов, насчитывающих в общей сложности сто девяносто тысяч человек, в то время как войска его союзников в Италии и Германии насчитывали еще почти семьдесят тысяч человек. Также было набрано восемьдесят тысяч новых призывников, и все они предназначались для приближающегося конфликта с австрийцами.

Но прежде чем различные армии смогли встретиться вместе в Германии, Нельсон одержал великую и приснопамятную Трафальгарскую победу (23 октября) у берегов Испании, в результате которой военно-морская мощь Франции и Испании была настолько подорвана и ослаблена, что Англия оставалась на протяжении всей войны полновластной хозяйкой океана. Ничто не могло сравниться с ликованием, охватившим Британскую империю при известии об этой великой морской победе — возможно, величайшей в анналах войны. И все, что могла подсказать национальная благодарность, было сделано в честь Нельсона. Останки павшего победителя были захоронены в соборе Святого Павла, над которым был воздвигнут великолепный памятник. Его брат, унаследовавший его титул, стал графом с жалованьем в шесть тысяч фунтов в год и поместьем стоимостью в сто тысяч фунтов. Адмирал Коллингвуд, второй по старшинству, был произведен в пэры с ежегодным пособием в размере двух тысяч фунтов стерлингов. Но мысли нации были обращены к ушедшему герою, и бесчисленные толпы плачущих провожали его до могилы; и с тех пор память о нем навсегда сохранена в сердцах его соотечественников, которые справедливо считают его величайшим флотоводцем, которого когда-либо создавала какая-либо нация или эпоха.

В начале октября войска Наполеона были сосредоточены на равнинах Германии, и австрийцы под командованием эрцгерцога Карла перешли к обороне. Наполеон быстро двинулся на Вену, захватил мост, который вел от нее в северные провинции империи, прошел через город и разместил свою штаб-квартиру в Шенбрунне. 1 декабря произошла знаменитая битва при Аустерлице, самое славное из всех сражений Наполеона, в котором его военный гений проявился с величайшим блеском и которое решило исход кампании. Переговоры с Австрией, продиктованные непреодолимой властью французского императора, были вскоре завершены в Пресбурге (27 декабря), в результате чего это древнее государство было полностью покорено. Последовало свержение неаполитанского короля, и власть Наполеона укрепилась на европейском континенте.

Поражение при Аустерлице стало сильным ударом по союзным державам, и здоровье и боевой дух Питта были подорваны катастрофическими известиями. Всепожирающая лихорадка охватила его мозг, и бред погасил огонь его гения. Он умер 23 января 1806 года в возрасте сорока семи лет с восклицанием "Увы, моя страна!" после того, как благородно руководил британским кораблем в самые бурные времена, которые его нация видела со времен Кромвеля. Он был похоронен с большой помпой в Вестминстерском аббатстве и умер в долгах, после того как столько лет контролировал казну Англии. Мистер Фокс ненадолго пережил своего более прославленного соперника, но покинул арену конфликта и славы 13 сентября.

Унижение Пруссии последовало за унижением Австрии. Битва при Йене. Йена, 14 октября, за один день сокрушила мощь прусской монархии и сделала то, чего не смогли достичь объединенные армии Австрии, России и Франции в ходе Семилетней войны. Наполеон продолжил свои победы смелыми и решительными мерами, осадил Магдебург, который вскоре был оставлен, с триумфом вступил в Берлин и обложил королевство огромной контрибуцией в

размере ста пятидесяти девяти миллионов франков. Менее чем за семь недель было взято триста пятьдесят штандартов, четыре тысячи орудий и восемьдесят тысяч пленных; в то время как только пятнадцать тысяч из ста двадцати тысяч человек смогли последовать за штандартами побежденного короля к берегам Вислы. Тревога, равно как и уныние, охватили теперь все народы Европы. Все коалиции, которые были созданы для подавления революционного государства, потерпели неудачу, и самые гордые монархи христианского мира с мольбой припали к ногам Наполеона.

Несчастный Фредерик Вильгельм запросил мира; но надменный завоеватель выдвинул в Берлине такие жесткие условия, что король Пруссии приготовился к дальнейшему сопротивлению, особенно ввиду того факта, что русские шли к нему на помощь. В Берлине Наполеон издал свои знаменитые декреты против британской торговли, которая, однако, процветала вопреки им.

Затем Наполеон двинулся в Польшу навстречу русским армиям, и 8 февраля 1807 года при Эйлау произошло кровопролитное сражение, в котором погибло пятьдесят тысяч человек. Это было нерешительно, но имело эффект сдерживания продвижения французских армий. Но Наполеон приказал провести новые призывы и предпринял необычные усилия, так что вскоре у него было двести восемьдесят тысяч человек между Вислой и Мемелем. Наполеон возвеличивает Францию. Французские армии добились новых успехов, результатом которых стал мир с Россией в Тильзите, на реке Неман, где Наполеон имел личную беседу с императором Александром и королем Пруссии. По этому договору (7 июля) Польша была выделена в отдельное княжество, а общие изменения, произведенные Наполеоном в Европе, были ратифицированы двумя монархами. Вскоре после этого Наполеон, подавив сопротивление на европейском континенте, вернулся в свою столицу. Теперь он был на пике своей славы и могущества, но на таком высоком уровне, что у него закружилась голова. Более того, его возвышение за счет Италии, Бельгии, Швейцарии, Австрии, Пруссии, Саксонии и России, не говоря уже о низших державах, возбудило зависть и ненависть всех, над кем он одержал победу, и подготовило почву для новых интриг и коалиций.

Наполеон после заключения Тильзитского мира посвятил всю свою энергию сохранению своей власти и благоустройству своей страны и ожидал от своих многочисленных подданных самого беспрекословного подчинения его воле. Он считал себя получившим повеление с Небес править в качестве абсолютного монарха огромной империи, как существо, от которого зависела судьба Франции. Лозунги "свобода", "равенство", "братство", "общественное благо" больше не звучали и уступили место другим, которые в равной степени льстили чувствам французского народа — "интересы империи", "великолепие императорского трона". От него исходили вся слава и могущество, и вся структура государства, исполнительная, судебная и законодательная, зависела от его воли. Свобода в глазах народа сменилась славой, и слава победы ценилась выше, чем любая фиктивная свобода. Кодекс Наполеона быстро продвигался вперед; были усовершенствованы научные школы; возродились искусства, мануфактуры и сельское хозяйство. Были воздвигнуты великие памятники, чтобы удовлетворить национальную гордость и увековечить славу завоеваний. Великолепно поддерживалось достоинство императорского трона и соблюдались высочайшие требования этикета. Он поощрял развлечения, празднества и фесты; и Тальма, актер, а также художники и ученые пользовались его личным уважением. Но его реформы и его политика имели отношение главным образом к превращению Франции в нацию солдат; и его система воинской повинности обеспечила ему

огромные и дисциплинированные армии, не воодушевленные, как солдаты революции, духом свободы, но превращенные в механические силы. Несмотря на военный энтузиазм его солдат-ветеранов, должно было наступить время, когда должно было быть доказано, что трон абсолютизма лучше держится на любви, чем на механизме.

Наполеон уже возвел двух своих братьев, Луи и Жозефа, на троны Голландии и Неаполя. Он возвеличил семью Наполеона. теперь он стремился сделать своего брата Иосифа королем Испании. Он воспользовался ссорой между королем Карлом и его сыном; выступил посредником в том же смысле, в каком Гастингс и Клайв выступали посредниками в ссорах индийских принцев; и приготовился захватить, а не смирить одну из старейших и гордейших монархий Европы.

Подробности этой долгой войны на испанском полуострове, ставшей результатом назначения Жозефа Бонапарта на трон Испании, самым замечательным образом прослежены Нейпиром в лучшей военной истории, которая была написана в наше время. Великим героем той войны был Веллингтон; и, хотя он сражался в самых невыгодных условиях и против превосходящих сил, — хотя неслыханные страдания и невзгоды постигли все воюющие стороны, — все же ему удалось переломить ход завоеваний Франции.

Испания пала не без борьбы. Испанские хунты использовали все средства обороны, какие были в их силах; и бессмертная защита Сарагосы, столицы Арагона, должна была бы научить имперских разбойников, что испанский дух, хотя и выродился, еще не угас.

Почти всеобщим желанием англичан стало оказывать испанцам всяческую возможную помощь в их благородной борьбе, и сэр Артур Уэлсли, победитель мараттов, высадился в Португалии в августе 1808 года. Ему немедленно воспротивился маршал Жюно. Наполеону не удалось лично защитить трон своего брата, но его самые прославленные маршалы были отправлены на поле боя; и вскоре после этого произошла битва при Корунье, в которой сэр Джон Мур, один из храбрейших генералов, был убит в момент победы.

Долгой и катастрофической была война на полуострове. Война на полуострове. Прежде чем ее удалось завершить, Наполеону пришлось предпринять новые усилия. Австрия снова объявила войну, и силы, которые она собрала, были гигантскими. Пятьсот пятьдесят тысяч человек из разных армий были отданы под командование эрцгерцога Карла. Наполеон выступил против него и снова добился успеха при Абенсберге и Экмюле. Он снова занял Вену; но ее падение не обескуражило австрийцев, которые вскоре после этого выступили против французов при Ваграме, и это ужасное сражение снова сделало Наполеона завоевателем Австрии. 14 ноября 1809 года он вернулся в Париж и вскоре после этого совершил величайшую ошибку в своей жизни.

Он решил развестись с Жозефиной, которую любил и уважал; женщиной, полностью достойной его любви и того высокого положения, до которого она была возведена. Но у нее не было детей, а Наполеон хотел наследника всемирной империи, которую он стремился воздвигнуть на руинах древних монархий Европы. Мечта Карла Великого и Карла V была и его мечтой — возрождение великой Западной империи. Более того, Наполеон стремился к внутреннему союзу с гордой семьей германского императора. Этим он стремился удовлетворить свою гордыню и укрепить свой трон. Возможно, он также рассчитывал, имея своим отцом и

союзником императора Австрии, легкое завоевание России. Так предполагал Александр. "Его следующей задачей, - сказал он, - будет отвезти меня обратно в мои леса".

Императрица Жозефина услышала о намерениях Наполеона с неопишуемой болью, но подчинилась его воле; таким образом, она пожертвовала своим счастьем ради того, что, как ей внушали, будет способствовать благополучию ее страны и интересам этого бессердечного завоевателя, которого она, тем не менее, любила с беспримерной преданностью. 11 марта 1810 года в Вене состоялось бракосочетание Наполеона и Марии Луизы, личность первого была представлена его фаворитом Бертье. Через несколько дней она уехала во Францию, и ее брак, с бытовой точки зрения, был счастливым. Жозефина превосходила ее в искусстве и грации, но превосходила в очаровании простоты и скромности. "Удивительно, - говорит сэр Вальтер Скотт, - что искусственный характер принадлежал дочери плантатора из Вест-Индии; этот характер, отмеченный природой и простотой, принадлежал принцессе самого гордого двора в Европе".

Тем временем началась война в Испании. война в Испании разгорелась, и Наполеон стал хозяином ее самых богатых и могущественных провинций. Семьдесят пять тысяч человек в Андалусии под командованием Сульта; пятьдесят тысяч под командованием Мармона в Леоне; шестьдесят тысяч под командованием Бессьера в Вальядолиде и Бискайе; сорок пять тысяч под командованием Макдональда в Жероне для охраны Каталонии; тридцать тысяч под командованием Сюше, двадцать тысяч под командованием Жозефа и Журдана, пятнадцать тысяч под командованием Ренье, не считая еще многих тысяч солдат в различных гарнизонах, — всего более трехсот тысяч человек — держали Испанию в военном подчинении. Против этих огромных сил, собранных под командованием величайших полководцев Франции, Испания и ее союзники могли противопоставить всего около девяноста тысяч человек, по большей части плохо дисциплинированных и оснащенных.

Жизненно важный очаг сопротивления находился в стенах Кадиса, которые успешно оборонялись. Но Тортоса, Таррагона, Сагунт и Валентия, оказав самое отчаянное сопротивление, пали. Но Веллингтон, с другой стороны, одержал победу в великой битве при Альбуэре, одной из самых кровопролитных в истории, которая оказала большое влияние на поднятие духа армии и испанцев. Волна французских завоеваний была остановлена, и англичане научились у своих врагов тому военному искусству, которое до сих пор приводило Наполеона к триумфу.

В следующей кампании 1812 года Веллингтон добился новых успехов, несмотря на почти непреодолимые трудности. Он возобновил осаду Бадахоса и захватил эту пограничную крепость, что позволило ему теперь перейти в наступление и вступить на испанские территории. Падение Сьюдад-Родриго сопровождалось такими же важными последствиями. Теперь Веллингтон стремился сократить французские силы на полуострове, хотя они значительно превосходили его собственные. У него было всего шестьдесят тысяч человек; но с этими силами он вторгся в Испанию, которую защищали триста тысяч человек. Саламанка была первым важным городом, который пал: Мармон потерпел полное поражение. Веллингтон двинулся к Мадриду, в который он вступил 12 августа под восторженные крики испанского населения. Султ был вынужден снять осаду Кадиса, покинуть Андалусию и поспешить навстречу великому английскому полководцу, который переломил ход французской агрессии. Веллингтон был вынужден, конечно, отступить перед огромными силами, которые выступили против него, и отступил к Саламанке, а затем к Сьюдад-Родриго. Кампания со стороны англичан запомнилась

в анналах успешных войн, и французская мощь была фактически ослаблена, если не была уничтожена.

В разгар этих успехов Наполеон готовился к своему катастрофическому вторжению в Россию. вторжение в Россию; самая гигантская и самая неудачная экспедиция за всю историю войн.

Вероятно, Наполеона побудили вторгнуться в Россию, чтобы продолжить череду побед. Он чувствовал, что для того, чтобы быть в безопасности, он должен продвигаться вперед; что в тот момент, когда он попытается обрести покой, его трон начнет шататься; что ничто не поддержит энтузиазм его соотечественников, кроме новых триумфов, соизмеримых с его величием и славой. Некоторые, однако, отговаривали его от этого предприятия не только потому, что оно было явно агрессивным и ненужным, но и потому, что это было невежливо. Триста тысяч человек сражались в Испании, чтобы возвести его семью на трон Бурбонов, а остальная Европа наблюдала за его действиями с намерением напасть на него, как только с ним случится несчастье.

Но ни опасность, ни трудности не удержали Наполеона от совершения гигантского преступления, за которое нельзя было дать никаких разумных извинений и которое не допускало никакого смягчения. Однако он совершил ужасную ошибку, результатом которой стало его быстрое падение. Провидение позволило ему смирить силы Европы, но не предполагало, что он будет постоянно возвеличиваться из-за их несчастий.

Войска всех покоренных им стран были объединены с французами в этой ужасной экспедиции, и во всех доминионах империи не было возбуждено ничего, кроме энтузиазма. Армия вторжения насчитывала более пятисот тысяч человек, только двести тысяч из которых были коренными французами. Чтобы противостоять этим огромным силам, русские собрали около трехсот тысяч человек, но Наполеон был уверен в победе.

На берегах Немана он произвел смотр основным частям своей армии, собранным из стольких стран и для поддержки которых они были обязаны внести свой вклад. 24 июня он и его войско переправились через реку, и, вероятно, никогда в истории человечества не было более великолепного и внушительного зрелища.

Русские отступали по мере продвижения союзных армий; и 28 июня Наполеон был в Вильне, где по глупости оставался семнадцать дней — величайшая военная ошибка в его жизни. Император Александр поспешил в Москву, собрал свое вооружение и обратился к своим подданным с воззваниями, которые привели их в высшую степень энтузиазма защищать свои алтари и очаги.

Обе армии приблизились к битве при Смоленске. Около 16 июля в Смоленске произошло первое крупное сражение кампании. Город был взят, и русские отступили в сторону Москвы. Но до начала этого первого конфликта значительная часть армии погибла от болезней и переутомления. При Бородино произошло еще одно кровопролитное сражение, в котором было убито и ранено больше людей, чем в любом сражении, известном истории. Наполеон в этом сражении не проявил своей обычной проницательности или энергии, возможно, будучи переполнен тревогой и усталостью. Его подавленная и разбитая армия продолжила марш к Москве, которой была достигнута 14 сентября. Священный город русских был оставлен армией, и триста тысяч жителей обратились в бегство. Едва Наполеон вступил в опустевшую столицу и разместился в древнем царском дворце, как было обнаружено, что город охвачен пожаром в нескольких местах; и даже сам Кремль вскоре был объят пламенем. Кто бы мог подумать, что

русские сожгут свою столицу? Такое событие, конечно, никогда не приходило в голову французу. Ужас этого ужасного пожара невозможно описать или даже представить. Грабеж и убийства едва ли могли усугубить всеобщую нищету. Проклятие, негодование и жажда мести переполняли грудь как победителей, так и побежденных. Но кто были победители? Увы! ответили только те, кто был свидетелем сложных страданий и ужасных разрушений отступающей армии.

Отступление французов. Отступление было самой печальной трагедией, когда-либо разыгрывавшейся человеком, но ставшей неизбежной после сожжения Москвы, поскольку Наполеон не смог бы продвинуться к Санкт-Петербургу. На некоторое время он задержался в окрестностях Москвы, надеясь на подчинение России. Александр был слишком мудр, чтобы вести переговоры о мире, и Наполеон со своей поредевшей армией, нагруженной, однако, московской добычей, начал свое отступление по враждебной и пустынной местности, преследуемый растущими войсками противника. Вскоре, однако, начались сильные морозы, необычные даже для России, и дороги были усыпаны тысячами людей, погибших от усталости и холода. Отступление превратилось в бегство, ибо порядок среди всеобщего разрушения и отчаяния больше не мог быть сохранен. Казаки тоже наступали в тыл отступающей армии и вырезали тысячи людей, которых пощадила стихия. Менее чем за неделю погибло тридцать тысяч лошадей, и измученные голодом войска пожирали их останки. Усилия Наполеона по заготовке провизии для людей или фуража для лошадей оказались тщетными. Бедствия усиливались, и все предались отчаянию. Из всех ужасных сцен, которые потрясали сердца, пролив Березины был самым ужасным. Когда следующей весной лед растаял, на берегу было найдено двенадцать тысяч трупов. Разбитые остатки Великой армии, после неслыханных страданий, наконец достигли берега Немана. Не более двадцати тысяч из огромного войска, с которым Наполеон прошел Смоленск, покинули русскую территорию. Их путь можно было проследить по костям, которые впоследствии устилали землю. Но еще до того, как они достигли польских территорий, Наполеон бросил свою армию и сам принес в Париж первое известие о своей великой катастрофе. Сто двадцать пять тысяч человек из его войска погибли в бою, сто девяносто тысяч были взяты в плен, а сто тридцать две тысячи умерли от холода, усталости и голода. Спаслось только восемьдесят тысяч человек, из которых двадцать пять тысяч были австрийцами и восемнадцать тысяч - пруссаками. В анналах мира нет примера столь полного поражения столь огромным вооружением или столь ужасного возмездия тщеславной нации.

Это бедствие оказалось главной причиной свержения Наполеона. Если бы он сохранил свои силы для оборонительных действий, он был бы слишком силен для своих врагов; но в ходе своей русской кампании он потерял большую часть своих опытных войск и уважение своих соотечественников.

За его провалом немедленно последовало возрождение Германии. И Австрия, и Пруссия сбросили позорное иго, которое он наложил, и объединились с Россией, чтобы защитить свои древние свободы. Энтузиазм пруссаков был безграничен, и все союзные державы предприняли огромные приготовления к новой кампании. Наполеон приложил всю энергию, которая когда-либо отличала его, чтобы сплотить своих измученных соотечественников, и снова были собраны большие численные силы. Но войска были в основном новобранцами, молодыми людьми, неспособными выносить усталость, которую переносили его бывшие солдаты, и больше не вдохновлявшимися их чувствами и идеями.

В Германии началась кампания 1813 года, ознаменованная сражениями при Лютцене и Баутцене. Лютцен и Бауцен, в которых французы имели преимущество. Саксония по-прежнему оставалась верна Наполеону, и он разместил свою штаб-квартиру в Дрездене. Союзники отступили, но только для того, чтобы подготовиться к более энергичным операциям. Англия оказала им благородную помощь, и огромные запасы были отправлены в устье Эльбы и немедленно распределены по Германии. Пока шли эти приготовления, произошла битва при Виттории в Испании, которая нанесла смертельный удар французскому могуществу на полуострове и поставила Веллингтона в первый ряд генералов. Наполеон был теперь более чем когда-либо вынужден действовать в обороне, что не соответствовало гениальному характеру французов, и он решил сделать Эльбу базой своих оборонительных операций. Его армии на этом направлении насчитывали огромную численность в четыреста тысяч человек; и Дрезден, штаб-квартира Наполеона, представлял собой сцену несравненного веселья и великолепия, распушенности, расточительности и безумия. Но Наполеону противостояли не менее мощные силы под командованием маршала Блюхера, прусского генерала, семидесятилетнего ветерана, и принца Шварценберга, командовавшего австрийцами. Но эти огромные армии составляли не половину сил, выстроенных в отчаянном противоборстве. Девятьсот тысяч вооруженных людей окружили французскую империю, которую защищали семьсот тысяч.

Союзные войска двинулись маршем на Дрезден, и 27 августа под его стенами произошло ужасное сражение, в результате которого союзники отступили и погиб генерал Моро, сражавшийся против своего старого командира. Но Наполеон не смог долго оставаться в этой элегантной столице, исчерпав свои запасы провизии и фуража, и был вынужден отступить. 15 октября состоялось знаменитое сражение при Лейпциге. Лейпциг, в котором участвовало большее количество людей, чем в любом предыдущем сражении за время войны или, вероятно, за всю историю Европы — двести тридцать тысяч против ста шестидесяти тысяч. Триумф союзников был полным. Наполеон был побежден подавляющей коалицией своих врагов. После своего великого поражения ему ничего не оставалось, как отступить во Францию и обеспечить королевству наилучшую защиту, какую только было в его силах. Несчастья нарастали со всех сторон, и к концу кампании Франция сохранила лишь несколько крепостей по ту сторону Рейна. Борьба в Германии закончилась, и французскому господству в этой стране пришел конец. Из четырехсот тысяч человек только восемьдесят тысяч переправились через Рейн. Столь велики были последствия Лейпцигской битвы, в которой, как и в прежние времена, проявился гений Наполеона, но которая ничего не дала против значительно превосходящих сил. Великий союз всех держав Европы был теперь направлен против Наполеона — от Гибралтарской скалы до берегов Архангельска; от берегов Шельды до берегов Босфора; самая могущественная конфедерация, когда-либо известная, но совершенно необходимая. Величие Наполеона проявляется в его неукротимой воле противостоять этой конфедерации, когда его союзники покинули его, и когда его собственные подданные больше не были склонны спланиваться под его знаменами. Он все еще держался, даже когда более миллиона человек из разных государств, которые он смирил, быстро окружили его и продвигались к его столице. Номинально для защиты его границ оставалось всего триста пятьдесят тысяч человек, в то время как его реальная боеспособная армия насчитывала немногим более ста тысяч человек. Миллион его солдат за восемнадцать месяцев погиб, и где ему было искать новобранцев?

31 декабря 1814 года, через тысячу четыреста семь лет после того, как свевы, вандалы и бургунды переправились через Рейн и без сопротивления вторглись в незащищенные провинции Галлии, союзные державы вторгаются во Францию. объединенные пруссаки, австрийцы и русские переправились через одну реку и вторглись на территорию современного Цезаря. Они быстро продвигались к Парижу, и Наполеон выступил из своей столицы им навстречу. Дело его, однако, было теперь отчаянным; но он приложил большие усилия и проявил непревзойденные способности, так что силы его врагов были на некоторое время сдержаны. Сражения велись и выигрывались обеими сторонами без решающих результатов. Медленно, но верно армии союзников продвигались вперед и постепенно окружали его. К 30 марта они расположились лагерем на высотах Монмартра, и Париж, незащищенный и жалкий, сдался завоевателям. Теперь они отказались вести переговоры с Наполеоном, который за месяц до этого, на Шатийонской конференции, мог бы сохранить свой трон, если бы согласился править территориями Франции в том виде, в каком они были до революции. Наполеон удалился в Фонтенбло и 4 апреля согласился отречься от трона, который больше не мог защищать. Его жена вернулась под защиту своего отца, и почти все известные или уважаемые люди покинули его. 11-го числа он официально отрекся от престола, и дом Бурбонов был восстановлен. Сам он удалился на остров Эльба, но получил два миллиона пятьсот тысяч франков в год, титул императора и четыреста солдат в качестве личной охраны. Его прощальное обращение к солдатам его старой гвардии в Фонтенбло было трогательным и красноречивым. Они сохранили свою привязанность среди всеобщего дезертирства и низости.

Жозефина недолго пережила падение героя, которого она любила и с чьей судьбой таинственным образом была связана ее собственная. Она умерла 28-го, и ее последние часы были утешены присутствием императора Александра, который пообещал взять ее детей под свою защиту. Из всех великих монархов своего времени он был самым любимым и самым глубоко уважаемым.

Союзники проявили большое великодушие и умеренность после своей победы. Монархия Франции установилась почти такой же, какой она была до революции, и в столице не было разграблено ни одного из ее памятников, диковинок или сокровищ — даже тех, которые Наполеон привез из Италии. Народу также не была навязана военная контрибуция. Союзники развязали войну не для того, чтобы уничтожить королевство Франция, а для того, чтобы свергнуть монарха, который показал себя врагом человечества. Парижский покой. Парижский мир был подписан полномочными представителями Франции, Великобритании, России, Пруссии и Австрии 30 апреля; и христианский мир, наконец, позволил себе надежду, что ужасный конфликт закончился. Революция и ее детище Наполеон, по-видимому, были подавлены после того, как в борьбе только со стороны Франции и ее союзников погибло более трех миллионов человек.

С момента начала конкурса двадцать лет назад в настроениях всех классов произошли большие перемены, и его закрытие вызвало всеобщую радость. В Англии энтузиазм был беспрецедентным, и его нелегко было представить. Нация в знак благодарности Веллингтону выделила ему четыреста тысяч фунтов стерлингов и высшие военные награды. Он также награждал наградами и почестями своих главных генералов, поскольку его успешные операции в Испании стали немалой причиной свержения Наполеона.

Но едва эти ликования прекратились, как Наполеон бежал с Эльбы и снова сверг трон Бурбонов. Невежественная щедрость и почти немыслимая опрометчивость союзников позволили Наполеону вести обширные интриги в Париже и собрать респектабельные силы на острове, суверенном которого он был назначен; в то время как непопулярность и невежливые меры восстановленной династии исключительно благоприятствовали любому плану, который мог бы быть составлен Наполеоном. Расформирование огромных вооруженных сил, унижение тех ветеранов, которые все еще ассоциировали славу Франции с орлами Наполеона, финансовый упадок и недовольство стольких людей, выброшенных без работы, естественно, подготовили почву для возвращения героя Маренго и Аустерлица.

26 февраля он дал блестящий бал для знатнейших людей острова и в тот же вечер с тысячью сотнями солдат отправился на корабль, чтобы вернуть себе скипетр, который был отнят у него только соединенными державами Европы. О возвращении Наполеона во Францию. 1 марта его корабли бросили якорь в заливе Сен-Жуан на побережье Прованса; и Наполеон немедленно начал свой марш, развернув трехцветный флаг. Как он и ожидал, народ приветствовал его, и старый клич "Да здравствует Император" приветствовал его слух.

Двор Бурбонов энергично готовился к сопротивлению, и армии Франции были вверены тем маршалам, которые были обязаны своим возвышением Наполеону. Сульт, Ней, Ожеро, Массена, Удино - все заявляли о своей преданности Людовику XVIII; и Ней пообещал королю как можно скорее вернуться в Париж с Наполеоном в железной клетке. Но Ней был одним из первых, кто оставил дело закона и легитимности и бросился в объятия императора. Он не мог противостоять искусству и красноречию этого великого героя, за дело которого он так долго сражался. Вскоре последовало дезертирство всей армии. Королю пришлось бежать, и Наполеон вступил во владение его тронном на фоне всеобщего восторга императорской партии во Франции.

Известие о его восстановлении наполнило Европу ужасом, яростью и разочарованием, и были предприняты более серьезные, чем когда-либо, приготовления к подчинению человека, который не уважал ни договоры, ни интересы своей страны. Беспрецедентная сумма в сто десять миллионов фунтов стерлингов была утверждена британским сенатом для различных целей, и все континентальные державы предприняли соответствующие усилия. Никогда гений Наполеона не проявлялся так ярко, как при подготовке к своему последнему отчаянному столкновению с объединенным христианским миром; и, учитывая истощение его страны, силы, которые он собрал, были поразительны. К началу июня двести двадцать тысяч солдат-ветеранов были полностью вооружены и экипированы; отличное доказательство того восторженного рвения, которое народ испытывал к Наполеону до последнего.

Под командованием герцога Веллингтона было восемьдесят тысяч боеспособных людей, а маршала Блюхера - сто десять тысяч. Эти силы должны были объединиться и двинуться на Париж через Фландрию. Было решено, что австрийцы и русские сначала вторгнутся во Францию через Бефорт и Хунинген, чтобы привлечь основные силы противника в этот район.

План Наполеона состоял в том, чтобы собрать все свои силы в одну массу, смело разместить их между англичанами и пруссаками и атаковать их по отдельности. Он имел под своим командованием сто двадцать тысяч опытных солдат и поэтому, что не безосновательно, ожидал успешной борьбы со ста девяносто тысячами противника. Однако он забыл, что должен противостоять Веллингтону и Блюхеру.

18 июня был совершен последний печальный акт великой трагедии, которая в течение двадцати лет сотрясала Европу кровью и слезами. Все участники сражения в тот богатый событиями день понимали природу состязания и важность сражения. В битве при Ватерлоо. Ватерлоо, Наполеон сделал свой последний бросок в отчаянной игре, на которую он отважился, и проиграл ее; и был разорен, безвозвратно и навсегда.

Мало что говорило о его стремительном бегстве, попытке защитить Париж или готовности отречься от престола в пользу своего сына. Союзные державы снова, 7 июля, вошли в Париж, и династия Бурбонов была восстановлена.

Наполеон удалился в Рошфор, надеясь спастись от своих врагов и добраться до Америки. Это было невозможно. Тогда он решил положиться на великодушные англичан. Его перевезли на остров Святой Елены, где у него больше не было шансов стать бичом народов. И там, на этом одиноком острове, посреди океана, тщательно охраняемом его врагами, его завоевательным планам пришел конец. Он переносил свое безнадежное пленение с терпимым спокойствием, не проявляя никаких признаков раскаяния за нанесенные им увечья, но глубоко размышляя о совершенных им ошибках и тщетно размышляя о том, какой курс он мог бы избрать для сохранения своей власти.

Какими тщетными были все его догадки и размышления! Его падение было предопределено Небесными советами, и никакая смертная сила не смогла бы предотвратить его свержение. Его кровавая миссия была завершена; и его нация после горького унижения снова наслаждалась покоем. Но он жил не напрасно. Он жил как вестник божественного возмездия, чтобы наказать объекты божественного негодования. Он жил, чтобы показать миру, какую великолепную награду может получить человеческая энергия; и все же показать, насколько, в конце концов, тщетна военная слава и насколько бесполезно наслаждение любой победой, приобретенной страданиями человечества. Он жил, чтобы указать на печальную мораль, что война сама по себе - это заблуждение, насмешка и ловушка, и что чем выше возвышение, на которое может поднять человека незаконное честолюбие, тем сильнее будет его последующее унижение; что "гордость предшествует гибели, а надменный дух - падению".

Размышления о падении Наполеона. союзные государи Европы настаивали на восстановлении произведений искусства, разграбленных Наполеоном. "Бронзовые кони, привезенные из Коринфа в Рим, снова заняли свое прежнее место перед церковью Святого Марка; Преображение было восстановлено в Ватикане; Аполлон и Лаокоон снова украсили собор Святого Петра; Венера была украшена новой красотой во Флоренции; а Сошествие с Креста было заменено в кафедральном соборе Антверпена". По договору, восстановившему мир в Европе на целое поколение, были восстановлены старые владения Австрии, Пруссии, России, Испании, Голландии и Италии, и бурбоны снова воцарились над древними провинциями Франции. Народная свобода на европейском континенте была похоронена, а мечты революционеров не осуществились; но страдания оказались благотворным испытанием и подготовили народы Европы к тому, чтобы больше, чем когда-либо, ценить преимущества мира.

Список литературы.—В целом, наиболее законченной работой, хотя и полной недостатков, очень тяжелой и прозаичной, является "История французской революции" Элисон. "Жизнь Наполеона" Скотта была написана слишком поспешно и содержит много ошибок. Ни один

английский автор не отдал Наполеону полной справедливости. Истории Тьера бесценны. "История войны на полуострове" Нейпира написана виртуозно. Депеши Веллингтона необходимы только студенту. "История Италии при Наполеоне" Ботты. "Ежегодный реестр Додсли". Русская кампания Лабомы. Война на полуострове Саути. Кампания при Ватерлоо Либорна. "Жизнь Нельсона" Саути. "Жизнь герцога Веллингтона" Шерера. "Жизнь Питта" Гиффорда. "Жизнь сэра Джона Мура" Мура. "Военно-морская история Джеймса". Мемуары герцогини д'Абрантес. Berthier's Histoire de l'Expédition d'Égypte. Современная история Шлоссера. Вышеприведенные работы являются наиболее доступными, но составляют лишь малую часть из тех, что появились в связи с Французской революцией и карьерой Наполеона. Полный список оригинальных источников смотрите в предисловии Элисон и ссылках Тьера. [\(Вернуться к содержанию\)](#)

ГЛАВА XXXII.

ЕВРОПА ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ НАПОЛЕОНА.

Было бы интересно проследить сложность Современной истории. история цивилизованного мира со времен падения Наполеона; но любая попытка поместить в рамки подобной истории упоминание о великих событиях, происходивших на протяжении тридцати пяти лет, была бы невозможна. И даже столь обширное сообщение о событиях трехсотлетней давности, как то, которое было представлено, было бы неудовлетворительным для всех умов. Обычный читатель знаком с деяниями нынешнего поколения, и размышления о них, несомненно, возбудили бы предубеждения различных партий и сект. Хронологическая таблица событий, произошедших после падения Наполеона, - это все, что можно попытаться сделать. Автор рассматривает продолжение этой истории, в котором будет представлено больше деталей, собранных из первоначальных источников. История различных американских штатов со времен революции; администрация различных президентов; последняя война с Великобританией; Семинольская и мексиканская войны; важные вопросы, обсуждаемые Конгрессом; современная история Великобритании при Георге IV, Вильгельме IV и Виктории; завоевания в Индии и Китае; волнения в Ирландии; важные вопросы реформы, католической эмансипации, образования и свободной торговли; войны Франции в Африке; турецкая война; независимость вице—короля Египта; прогресс территориального расширения России; падение Польши; восстание в Испании; независимость южноамериканских штатов; голландская и бельгийская войны; две последние французские революции; огромный прогресс, достигнутый в искусствах и науках, и различные попытки разных народов обеспечить себе свободу - эти и другие важные темы могут быть должным образом обсуждены только в отдельной работе, и даже тогда никто, какими бы выдающимися ни были его таланты или достижения, не может ими заниматься, не подвергаясь обвинению в большой дерзости, которую могут оправдать только общественные нужды.

В заключение настоящей Истории, возможно, потребуется очень краткое замечание о состоянии цивилизованного мира во время падения Наполеона.

Англия меньше, чем любая другая великая держава, пострадала от Французской революции. Действительно, на будущие поколения легло огромное бремя; но увеличение национального долга не ощущалось до тех пор, пока английские мануфактуры в значительной степени закупались континентальными государствами. К национальному долгу добавилось шестьсот миллионов фунтов стерлингов; но Англия внутри страны никогда не была более процветающей, чем во время этой долгой войны, длившейся четверть века. И не только слава вокруг

британского трона была пролита победами Нельсона и Веллингтона и эффективной помощью, которую Англия оказывала континентальным державам и без которой свободы Европы были бы ниспровергнуты, но и во время правления Георга III появилось великолепное созвездие замечательных гениальных людей. гениальные люди в литературе и науке осветили мир. Доктор Джонсон сделал нравственные размышления о человеческой жизни, которые когда-либо будут наставлять человечество; Берк произнес пророческие предсказания, которые даже его эпоха не была готова оценить; а его соперники гремели в сенате красноречием и силой, не превзойденными ораторами древности; Гиббон написал историю, которую такие люди, как Гизо и Милман, называли замечательной как для искусства, так и для образования; Юм, Рид и Стюарт довели метафизические изыскания до предельной глубины; Грей, Бернс, Голдсмит, Кольридж, Саути и Вордсворт не были недостойными преемниками Драйдена и Поупа; Адам Смит вызвал к жизни науку политической экономии и почти довел ее до совершенства за одну жизнь; Рейнольдс и Уэст украсили галереи картинами, которые не опозорили бы страну художников; в то время как ученые, которых слишком много, чтобы перечислять, поразили мир степенью своей эрудиции; а богословы языком, который соперничал с красноречием Златоуста или Боссюэта, провозгласили пробужденному поколению обязанности и предназначение человека.

Франция, соперница Англии, вероятно, не пострадала от революции надолго; ибо, хотя миллионы жизней были принесены в жертву и миллионы собственности были уничтожены, все же огромной массе народа были предоставлены важные гражданские и социальные привилегии, а отвратительные феодальные законы и обычаи были нарушены навсегда. Вся слава, которую может дать война, была завоевана, и Францию в течение двадцати лет боялись и уважали. Народная свобода не была обеспечена; но были сделаны шаги к ней, и нации были внушены великие моральные истины, которые снова должны были быть проигнорированы, но не забыты. Территориальные пределы Франции не были постоянно расширены, и завоевания Наполеона были возвращены первоначальным правителям. Священный союз настаивал на восстановлении прежней политической системы, и короли Бурбонов, вернув себе трон, снова овладели всем, чем пользовались их предки, кроме обладания сердцами народа. Союзные державы, возможно, на какое-то время восстановили деспотизм и легитимность; они не смогли искоренить великие идеи Революции, и им было суждено еще раз свергнуть их троны.

Правления Людовика XVIII, Карла X и Луи Филиппа были всего лишь разными актами длинной трагедии, которая открылась созывом Генеральных штатов и которая, вероятно, не завершилась избранием принца Луи Наполеона президентом Французской республики. Идеи, которые вдохновляли Лафайета и Моро и которые одно время исповедовали Робеспьер и Наполеон, все еще живы, несмотря на все ужасы Правления террора и все потоки крови, пролившиеся при Лейпциге и Ватерлоо. Несмотря на самоубийственные доктрины социалистов и различных школ неверных философов, а также ввиду всего зла, которое причинили и будут причинять папский деспотизм, демократическая распущенность и воинственные страсти, бессмертные принципы свободы находятся в безопасности под защитой того Провидения, которое до сих пор выводило народы Европы из варварства и язычества древних тевтонских племен.

Германия Состояние Германии. больше всех пострадала и, по-видимому, меньше всех пожалала плоды бурь, вызванных революционной дискуссией. Австрия и Пруссия подверглись вторжению, разграблению и унижению. Их города были разграблены, их поля опустошены, и кровь их сыновей лилась рекой. Но жертвы и страдания развили необычайные добродетели и

энергию, объединили различные государства и дали гражданство великой конфедерации. Борьба немцев была благородной и гигантской и доказала миру невозможность завоевания государств, какими бы страдающими они ни были, когда они полны решимости защищать свои права. Карьера Наполеона продемонстрировала невозможность создания универсальной империи в Европе, и меньше всего империи, возведенной на поверженных тронах и поверженных армиях Германии. Немцы осознали необходимость и долг объединения и доказали силу своей искренней любви к родной земле и своим почтенным институтам. Немцы, хотя и были бедны золотом и серебром, показали, что они богаты патриотическим пылом и всеми теми славными чувствами, которые облагораживают великую и прогрессивную нацию. После двадцатилетних раздоров, бесконечных жертв и унижений различные князья Германии вернули себе свои древние территориальные владения и более прочно, чем прежде, воссели на тронах, освященных законностью.

Абсолютное условие Других Сил. монархия была восстановлена и в Испании; но слабоумные бурбоны, орудия священников и придворных, возродили древние принципы абсолютизма и фанатизма, лишённые каких-либо из тех добродетелей, которые делают абсолютизм респектабельным, а фанатизм терпимым. Но в сердцах испанских крестьян горел огонь свободы, который не могли погасить все ужасы священнического правления и все зло, порожденное продажностью священнослужителей. До сих пор им не везло, но ни один человек, изучивший черты испанского характера или верящий в Божье провидение, не может сомневаться в том, что день освобождения рано или поздно наступит, если только он не имеет несчастья отчаяться в каком-либо постоянном торжестве свободы в нашем вырождающемся мире.

В северных королевствах Европы не произошло радикальных перемен; и Италия, страна художников, столь богатая прекрасными воспоминаниями, столь бедная всеми теми благами, которые нас учат ценить, вернулась под власть Австрии и деспотических священников. Италия, разобщенная, покинутая и поработанная, прилагала щедрые усилия для обеспечения того, чем пользуются более привилегированные нации, но до сих пор напрасно. Так медленно развивается общество! так тяжела борьба, на которую обречен человек! так долго продолжаются усилия любого народа по обеспечению важных привилегий!

Греция предприняла, однако, более успешную попытку, и оковы турецкого султана были сброшены. Оттоманская Порта со своим обычным безразличием взирала на борьбу христиан и не принимала активного участия в войне до тех пор, пока ее не вынудили к этому абсолютно. Но оно выглядело скорее с безразличием дряхлого возраста, чем с философским спокойствием зрелой силы, и приложило все оставшиеся силы, которыми обладало, чтобы предотвратить поглощение государства обширной и растущей империей царей. Россия, из всех великих держав, вступивших в соперничество, о котором мы упоминали, вышла сильнейшей из поражений и катастроф. Быстрое усиление России сразу же последовало за падением Наполеона.

Духовная империя пап была снова восстановлена, и иезуиты с новыми полномочиями и привилегиями были разосланы по всем народам земли для поддержания абсолютизма их великого главы. И снова они одержали победу, когда их дело казалось безнадежным; и нелегко предсказать падение их империи. До тех пор, пока принцип Зла будет бороться с принципом Добра, папы, вероятно, будут радоваться и оплакивать попеременные победы и поражения.

Соединенные Штаты Америки. Соединенные Штаты Америки были слишком далеко от места конфликта, чтобы их сильно затронуло падение престолов. Более того, вмешательство в чужие распри противоречило мудрой политике правительства. Но американская нация наблюдала за конфликтом с любыми чувствами, кроме безразличия, и, хотя ее просвещенный народ размышлял о шансах войны, они по-прежнему с энтузиазмом посвящали себя улучшению своих институтов, интересам сельского хозяйства и промышленности. Какое-то время торговцы сколачивали свои состояния, будучи хозяевами международной торговли, и нация незаметно обогащалась. Мудрые администрации Вашингтона, Адамса, Джефферсона и Мэдисона, хотя в некоторых отношениях они и противоречили друг другу, привели к росту торговли, мануфактур, сельского хозяйства и искусства; в то время как институты литературы и религии глубоко завладели симпатиями людей. Страна росла и распространялась со всех сторон с беспрецедентной быстротой, а процветание Америки вызывало зависть и восхищение европейского мира. Посягательства Великобритании и трудности, которые так и не были урегулированы, привели к войне между двумя странами, которая, хотя и вызывала сожаление в то время, теперь рассматривается всеми сторонами как приведшая к окончательному росту могущества и богатства Соединенных Штатов, а также к уважению иностранных государств. Важные вопросы, связанные с быстрым ростом страны, к сожалению, в разное время вызывали ожесточенные чувства междуразными сторонниками; но их возбуждение не остановило рост американских институтов и не ослабило тех чувств патриотизма и взаимной любви, которые во все страны и эпохи составляли славу и защиту наций. Величие американских судеб сегодня является излюбленной темой популярных ораторов. И это не пустой предмет для спекуляций. Наше знамя Свободы, несомненно, в недалеком будущем будет развеиваться над всеми крепостями, которые могут быть возведены в центральных горах Северной Америки или на берегах ее далеких океанов; но все национальное возвеличивание будет напрасным без учета тех священных принципов закона, религии и морали, за которые в годы бедствий и скорби боролись как пуританские поселенцы, так и Герои-революционеры. Верящий в Прогресс, подверженный влияниям, независимым от человека, исходящим от благожелательного Провидения, которое до сих пор защищало нас, не может иначе, как надеяться на еще более высокий национальный подъем, чем тот, который был достигнут до сих пор, со всей помощью обстоятельств и всей энергии героев. [\(Вернуться к содержанию\)](#)

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ОТ ПАДЕНИЯ НАПОЛЕОНА.

1815. —Битва при Ватерлоо (18 июня.) Наполеон отправляется на остров Святой Елены (7 августа.) Заключительный парижский мирный договор между союзными державами (20 ноября). Инаугурация короля Голландии. Первые паровые суда на Темзе.

1816. — Крупное сельскохозяйственное бедствие в Великобритании. Бразилия провозгласила Королевство. Консолидация казначейств Англии и Ирландии. Свадьба принцессы Шарлотты с принцем Леопольдом.

1817.—Беспорядки в Испании. Возобновление законопроекта о приостановлении действия Закона Habeas Corpus. Инаугурация президента Монро. Смерть принцессы Шарлотты. Смерть Каррана.

1818. — Полный вывод иностранных войск из Франции. Семинольская война. Большие дискуссии в парламенте о работоторговле. Смерть Уоррена Гастингса, лорда Элленборо и сэра Филипа Фрэнсиса.

1819. — Великая депрессия торговли и мануфактур в Великобритании. Великие собрания по реформе в Манчестере, Лидсе и других крупных городах, Предложение лорда Джона Рассела о реформе в парламенте. Организованные банды грабителей в Испании. Урегулирование войны Пиндарри в Индии. Убийство Коцебу.

1820. — Смерть Георга III., (23 января.) План народного образования лорда Броэма. Процесс против королевы Каролины. Восстание в Испании. Суд над сэром Фрэнсисом Бердеттом. Избрание сэра Хамфри Дэви президентом Королевского общества. Министерство герцога де Ришелье во Франции. Смерть Граттана, герцога Кентского.

1821. — Вторая инаугурация президента Монро. Революция в Неаполе и Пьемонте. Восстания в Испании. Независимость Колумбии и падение испанской власти в Мексике и Перу. Беспорядки в Ирландии. Война в Мореа. Официальная оккупация Флориды Соединенными Штатами. Истребление мамлюков. Восстание в Валахии и Молдавии. Смерть королевы Каролины; смерть Наполеона.

1822. — Законопроект мистера Каннинга о приеме пэров-католиков в Палату лордов. Беспорядки в Ирландии. Предложение сэра Джеймса Макинтоша о реформе уголовного права. Мистер Каннинг сменяет маркиза Лондондерри (лорда Каслри) на посту государственного секретаря иностранных дел. Лорд Амхерст назначен генерал-губернатором Индии. Падение администрации герцога де Ришелье. Венский конгресс. Война в Греции. Восстание янычар. Персидская война. Урегулирование канадской границы. Самоубийство маркиза Лондондерри.

1823. — Сильное сельскохозяйственное бедствие в Великобритании. Дебаты об освобождении католиков и работоторговле. Вторжение Франции в Испанию. Путешествие капитана Франклина в Полярные моря. Смерть Пия VII.

1824. — Всеобщее процветание в Англии. Захват Ипсары турками. Визит Лафайета в Соединенные Штаты. Лидеры карбонариев подавлены в Италии австрийским правительством. Отмена пошлин между Великобританией и Ирландией. Бирманская война и захват Рангуна. Цензура прессы во Франции. Смерть Людовика XVIII (16 сентября)

1825. — Инаугурация президента Адамса. Независимость Бразилии признана Португалией. Коронация Чарльза X. Осада Миссолонги. Наводнения в Нидерландах. Смерть императора Александра (1 декабря)

1826. — Боливар избран пожизненным президентом Перу. Независимость Хайти признана Францией. Беспорядки в Ланкашире. Сдача крепости Сан-Хуан д'Уллоа мексиканцам. Большие дебаты в парламенте о работоторговле. Смерть экс-президента Адамса; Джефферсона. Коронация императора Николая.

1827. — Смерть графа Ливерпуля и роспуск министерства. мистер Каннинг назначен первым лордом казначейства; умирает четыре месяца спустя; ему наследовал лорд Годерих. Национальная гвардия расформирована во Франции. Поражение греческой армии под Афинами. Битва при Наварино. Основание Лондонского университета. Смерть герцога

Йоркского; Ла-Плейса; историка Митфорда; Эйхгорна; Песталоцци; Бетховена; короля Саксонии Фредерика Августа.

1828.—Роспуск министерства лорда Годериха и формирование нового министерства при герцоге Веллингтоне, мистере Пиле и графе Абердине. Отмена законов о тестировании и корпорациях. Новый закон о зерне. Беспорядки в Ирландии. Мистер О'Коннелл представляет графство Клэр. Новое либеральное министерство во Франции. Окончательный уход французских армий из Испании. Война между Неаполем и Триполи. Война между Россией и Турцией. Независимость Греции. Смерть Ипсиланти.

1829.—Инаугурация президента Джексона. Принятие законопроекта об освобождении католиков. Новое ультрароялистское министерство во Франции, при Полиньяке. Победы графа Дибича над турками. Сдача Адрианополя. Гражданская война в Мексике. Дон Мигель, признанный Испанией королем Португалии. Сожжение Йоркского собора. Договор между Соединенными Штатами и Бразилией. Гражданская война в Чили. Смерть судьи Вашингтона.

1830. — Большие дискуссии в Конгрессе по тарифу. Агитация за реформы в Англии. Смерть Георга IV., (26 июня.) Новое министерство вигов под руководством эрла Грея и лорда Джона Рассела. Открытие Ливерпульской железной дороги. Революция во Франции, и герцог Орлеанский провозглашен королем. Захват Алжира французами. Бельгия превратилась в независимое королевство. Беспорядки и восстания в Германии. Заговоры карлистов в Испании. Убийство Джозефа Уайта. Смерть папы Льва XII; короля Неаполитанского; сэра Томаса Лоуренса; великого герцога Баденского.

1831.—Роспуск Кабинета министров в Вашингтоне. Большие дискуссии по законопроекту о реформе. Волнения в Ирландии. Леопольд стал королем Бельгии. Восстание в Швейцарии. Революция в Польше. Мирный договор между Соединенными Штатами и Турцией. Коронация Вильгельма IV. Появление холеры в Англии. Ее огромные разрушения на Континенте. Смерть Боливара; Роберта Холла; миссис Сиддонс; Уильяма Роско; Джеймса Монро.

1832.—Вето президента Джексона на законопроект о пополнении счета Банка Соединенных Штатов. Недовольство в Южной Каролине из-за тарифов. Война с индейцами. Беспорядки в Бристоле и Бирмингеме. Окончательное принятие законопроекта о реформе. Отмена работорговли в Бразилии. Смерть Казимира Перье, премьер-министра Франции, которого сменил маршал Сульт. Смерть сэра Вальтера Скотта; сэра Джеймса Макинтоша; Шпурцхайма; Кювье; Гете; Шампольона; Адама Кларка; Эндрю Белла; Анны Марии Портер; Чарльза Кэрролла из Кэрролтона.

1833. —Вторая инаугурация Эндрю Джексона. Законопроект о тарифах мистера Клея. Война президента Джексона с Банком Соединенных Штатов. Депозитарий Банка Англии и Ост-Индской компании. Началось укрепление Парижа. Санта-Анна вступил в должность президента Мексики. Принят законопроект об отмене рабства в британских колониях. Суд над Эйвери. Смерть короля Испании; мистера Уилберфорса; Ханны Мор; Каспара Хаузера; лорда Гренвилла; доктора Шлейермахера.

1834.—Обсуждение хлебных законов. Разрушение двух палат парламента. Смена министерства во Франции. Венский конгресс. Донна Мария признана королевой Португалии. Открытие железной дороги Бостон-Вустер. Отставка эрла Грея, которого сменил лорд Мельбурн, которого

вскоре сменил сэр Роберт Пил. Закон об ирландском принуждении. Смерть Лафайета; Уильяма Вирта; доктора Портера; генерала Хантингдона; Кольриджа; преподобного Эдварда Ирвинга.

1835.—Новое министерство виконта Мельбурна. Французская экспедиция в Алжир. Оттон стал королем Греции. Подавление иезуитов в Испании. Замечательное извержение Везувия. Восстание в Испании. Большой пожар в Нью-Йорке. Смерть императора Австрии; Верховного судьи Маршалла; Натана Дейна; Маккри; Уильяма Коббета.

1836.—Урегулирование споров между Францией и Соединенными Штатами. Отставка М. Тьера, которого на посту премьер-министра Франции сменил граф Моле. Военные операции против Абд-эль-Кадера. Резня заключенных карлистов в Барселоне. Истуриц назначен премьер-министром Испании. Принц Луи Наполеон пытается поднять восстание в Страсбурге. Отмена десятины в Англии. Законопроект о регистрации рождений и браков. Принятие закона об ирландских муниципальных корпорациях. Волнения в Канаде. Война между Техасом и Мексикой. Сожжение патентного бюро в Вашингтоне. Смерть Аарона Берра; аббата Сийеса; лорда Стоуэлла; Годвина.

1837.—Инаугурация президента Ван Бюрена. Смерть Вильгельма IV., (20 июня.) Восстание в Канаде. Приостановление наличных платежей Банком Соединенных Штатов в Филадельфии и банками Нью-Йорка. Признание независимости Техаса. Договор с индейцами. Большие неудачи в Нью-Йорке. Великое протестантское собрание в Дублине. Смена министерства в Испании. Смерть Густава Адольфа IV. Швеции; М. де Прадта; Эйбиела Холмса; доктора Гриффина; Чарльза Ботты; Лавджоя.

1838.—Война с Семинолами. Генерал Скотт принимает командование нью-Йоркским ополчением на границах. Дело Каролины. Генерал-губернатор Канады лорд Дарем. Коронация королевы Виктории; императора Фердинанда. Насилие гражданской войны в Испании. Черкесская война. Революция в Перу и Боливии. Мир между Россией и Турцией. Великие чартистские собрания в Англии. Освобождение негритянских подмастерьев из Вест-Индии. Смерть лорда Элдона; Талейрана; Ноя Вустера; доктора Боудича; Закари Маколея.

1839. —Споры между Мэном и Нью-Брансуиком. Отставка министерства в Мельбурне и неспособность сэра Роберта Пила построить новое. Беспорядки в Бирмингеме. Чартистский съезд. Отставка графа Моле, которого на посту премьер-министра сменили маршал Султ и Гизо. Взятие французами крепости Сан-Хуан д'Уллоа. Мирный договор между Францией и Мексикой. Афганская война. Война между Турцией и Мохаммедом Али. Вторжение в Сирию. Смерть леди Эстер Стэнхоуп; губернатора Хейна; доктора Бэнкрофта; Стивена Ван Ренсселера; Зеры Колберн; Сэмюэля Уорда.

1840.—Свадьба королевы Виктории. Почтовые расходы в Англии в пенни. Афганская война. Трудности в Китае с торговлей опиумом. Блокада Кантона. Министерство М. Тьера. Прибытие останков Наполеона с острова Святой Елены. Отречение короля Голландии. Продолжение гражданской войны в Испании. Сожжение "Лексингтона". Министерство Эспартеро. Смерть Фредерика Вильгельма III Прусского; лорда Камдена; доктора Олинтуса Грегори; Блюменбаха; доктора Фоллена; доктора Киркланда; Джона Лоуэлла; судьи Меллена; доктора Эммонса; проф. Дэвис.

1841.—Инаугурация президента Харрисона; его смерть; преемником стал Джон Тайлер. Суд над Маклеодом. Отмена субфинансирования. Президент наложил вето на законопроект о создании

банка. Отставка министерства в Мельбурне, на смену ему пришел сэр Роберт Пил. Война в Синде. Эспартеро - единственный регент Испании. Революция в Мексике. Международный договор между Турцией и Египтом. Международный договор между Соединенными Штатами и Португалией. Смерть Чантри; доктора Марша; доктора Оливера; доктора Рипли; Бланко Уайта; Уильяма Лэдда.

1842. — Большие дебаты в парламенте по хлебным законам. Новый тариф сэра Роберта Пила. Афганская война. Мирный договор между Англией и Китаем. Международный договор между Англией и Соединенными Штатами по вопросу о Северо-восточной границе. Петиции чартистов. Подоходный налог. Авария на железной дороге Париж-Версаль. Смерть герцога Орлеанского, лорда Хилла, доктора Чарминга, доктора Арнольда, Иеремии Смита.

1843.—Деятельность Лиги против кукурузного закона. Агитация за отмену в Ирландии. Соборы монстров. Основание Свободной пресвитерианской церкви в Шотландии. Война в Шотландии. Фабричный билль сэра Джеймса Грэма. Отказ от государственных долгов. Смерть Саути, доктора Уэра, Олстона, Легара, доктора Ричардса, Ноя Вебстера.

1844. — Волнения за хлебный закон в Великобритании. Принятие законопроекта о пошлинах на сахар; Законопроект о часовне раскольников. Государственные суды в Ирландии. Открытие Королевской биржи. Победы сэра Чарльза Нейпира в Индии. Визит Луи Филиппа в Англию. Война между Францией и Марокко. Беспорядки в поместьях Ливингстон и Ренсселер. Восстание в Мексике. Смерть госсекретаря Апшура.

1845.—Вступление в должность президента Полка. Договор между Соединенными Штатами и Китаем. Большой пожар в Нью-Йорке. Парламентом евреям отменены муниципальные ограничения. Война в Алжире. Отречение дона Карлоса. Окончание войны в Синде. Революция в Мексике. Война в Пенджабе.

1846 — Война между Соединенными Штатами и Мексикой. Битва при Монтерее. Новый тарифный билль. Принятие закона о кукурузе в Англии и отмена пошлин. Политика сэра Роберта Пила в области свободной торговли. Урегулирование Орегонского вопроса. Бедствие в Ирландии из-за неурожая картофеля. Отставка сэра Роберта Пила; его сменил лорд Джон Рассел. Брак королевы Испании и ее сестры, инфанты, с герцогом де Монпансье. Побег принца Луи Наполеона из Хама. Смерть папы Григория XVI и возвышение Пия IX. Смерть Луи Наполеона, бывшего короля Голландии.

1847. — Великолепные военные успехи генералов Скотта и Тейлора в Мексике. Падение Мексики. Разрушительные последствия картофельной болезни. Ужасное бедствие в Ирландии. Гизо сменяет Сульта на посту президента Совета. Частые смены министерств в Испании. Гражданская война в Швейцарии. Предоставление Конституции Пруссии. Либеральные меры Пия IX. Смерть короля Дании, доктора Чалмерса, Сайласа Райта.

1848. — Французская революция и падение Луи Филиппа. Отречение короля Баварии. Беспорядки в Вене и Берлине. Беспорядки в Риме. Демонстрации чартистов в Лондоне. Выборы в Национальное собрание во Франции. Всеобщее брожение по всей Европе. Бедствие Ирландии. Закон о территории Орегона. Конвенция о свободной почве в Буффало. Смерть Джона Куинси Адамса. Выборы генерала Тейлора на пост президента Соединенных Штатов.[\(Вернуться к содержанию\)](#)

ПРЕМЬЕР-МИНИСТРЫ АНГЛИИ СО ВРЕМЕНИ ВОСШЕСТВИЯ На ПРЕСТОЛ ГЕНРИХА VIII.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ VIII.

- 1509. Епископ Фишер и граф Суррей.
- 1513. Кардинал Томас Уолси.
- 1529. Сэр Томас Мор и Кранмер.
- 1532. Лорд Одли, (канцлер) архиепископа Кранмера.
- 1538. Лорд Кромвель (граф Эссекс).
- 1540. Герцог Норфолкский, граф Суррейский и епископ Гардинер.
- 1544. Лорд Райотсли, граф Хартфорд.

КОРОЛЬ ЭДУАРД VI.

- Граф Хартфорд, продолжение.
- 1552. Джон, герцог Нортумберлендский.

КОРОЛЕВА МАРИЯ.

- 1553. Епископ Гардинер.

КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА.

- 1558. Сэр Николас Бэкон и сэр Уильям Сесил (впоследствии лорд Берли).
- 1564. Граф Лестер, (фаворит)
- 1588. Граф Эссекс.
- 1601. Лорд Бакхерст.

Джеймс I.

- Лорд Бакхерст (граф Дорсет).
- 1608. Графы Солсбери, Саффолк и Нортгемптон.
- 1612. Сэр Роберт Карр (граф Сомерсет)
- 1615. Сэр Джордж Вильерс (герцог Бекингемский.)

КАРЛ I.

- Герцог Бекингемский.
- 1628. Граф Портлендский, архиепископ Лауд.
- 1640. Архиепископ Лауд, граф Страффорд, лорд Коттингтон.
- 1640. Граф Эссекс.
- 1641. Лорд Фолкленд, лорд Дигби.
- Гражданская война и Оливер Кромвель.

КАРЛ II.

- 1660. Граф Кларендон.
- 1667. Герцоги Бекингемский и Лодердейл.
- 1667. Лорд Эшли, лорд Арлингтон, лорд Клиффорд.
- 1673. Лорд Арлингтон, лорд Эшли (граф Шафтсбери) и сэр Томас Осборн.
- 1674. Сэр Томас Осборн.
- 1677. Граф Эссекс, герцог Ормонд, маркиз Галифакс, сэр Уильям Темпл.
- 1682. Герцог Йоркский и его друзья.

ДЖЕЙМС II.

- 1685. Графы Сандерленд и Тирконнелл, лорд Джеффриз.
- 1687. Лорд Джеффриз, лорд Арундел, граф Миддлтон.

ВИЛЬГЕЛЬМ III.

- 1688. Лорд Сомерс, лорд Годольфин, граф Дэнби (герцог Лидский.)
- 1695. Граф Сандерленд.
- 1697. Чарльз Монтегю (граф Галифакс,) граф Пембрук, виконт Лонсдейл, граф Оксфорд.

КОРОЛЕВА АННА.

- 1705. Лорд Годольфин, Р. Харли, лорд Пембрук, герцог Бекингемский, герцог Мальборо.
- 1707. Граф Годольфин, лорд Каупер, герцоги Мальборо и Ньюкасл.
- 1710. Р. Харли (граф Оксфорд)
- 1710. Граф Рочестер, лорд Дартмут, Генри Сент-Джон (лорд Болингброк), лорд Харкорт.
- 1714. Герцог Шрусбери.

ГЕОРГ I.

- 1714. Лорд Каупер, герцог Шрусбери, маркиз Уортон, граф Оксфорд, герцог Мальборо, виконт Таунсенд.
- 1715. Роберт Уолпол, эсквайр
- 1717. Эрл Стэнхоуп.
- 1718. Граф Сандерленд.
- 1721. Сэр Роберт Уолпол (граф Орфорд.)

ГЕОРГ II.

- 1742. Лорд Картерет, лорд Уилмингтон, лорд Бат, мистер Сэндис и другие.
- 1743. Достопочтенный. Генри Пелхэм, лорд Картерет, граф Харрингтон, герцог Ньюкаслский и др.
- 1746. Мистер Пелхэм, граф Честерфилд, герцог Бедфорд и проч.
- 1754. Герцог Ньюкаслский, сэр Тос. Робинсон, Генри Фокс и др.
- 1756. Герцог Девонширский, мистер Уильям Питт, граф Темпл, достопочтенный Х. Б. Легг и др. (Уволен в апреле 1757 г.; восстановлен в должности в июне того же года.)

- 1757. Уильям Питт, мистер Легг, граф Темпл, герцог Ньюкаслский и др.

ГЕОРГ III.

- 1761. Граф Бьют, граф Эгremонт, герцог Бедфорд и др.
- 1762. Граф Бьют, почтенный. Джордж Гренвилл, сэр Ф. Дэшвуд и др.
- 1763. Почтенный. Джордж Гренвилл, граф Галифакс, граф Сэндвич и др.
- 1765. Маркиз Рокингем, герцог Графтон, граф Шелбурн и др.
- 1766. Герцог Графтон, почтенный. Чез. Таунсенд, граф Чатем и др.
- 1767. Герцог Графтон, лорд Норт и др.
- 1770. Лорд Норт, лорд Галифакс и др.
- 1779. Лорд Норт, лорд Дартмут, лорд Сормонт и др.
- 1782. Маркиз Рокингем, чез. Джеймс Фокс и др.
- 1782. Граф Шелбурн, Уильям Питт и др.
- 1783. Герцог Портлендский, лорд Норт, мистер Фокс и др.
- 1783. Мистер Питт, лорд Гауэр, лорд Турлоу и др.
- 1786. Мистер Питт, лорд Кэмден, маркиз Стаффорд и др.
- 1790. Мистер Питт, лорд Гренвилл, герцог Лидский.
- 1795. Мистер Питт, герцог Портлендский, мистер Дандас и др.
- 1801. Почтенный. Генри Аддингтон, герцог Портлендский и др.
- 1804. Мистер Питт, лорд Мелвилл, Геология. Каннинг и др.
- 1806. Лорд Гренвилл, граф Спенсер, мистер Фокс и др.
- 1807. Герцог Портлендский, мистер Каннинг, граф Кэмден и др.
- 1809. Мистер Персиваль, граф Ливерпуль, маркиз Уэлсли и др.

РЕГЕНТСТВО ПРИНЦА УЭЛЬСКОГО.

- Мистер Персиваль, граф Ливерпуль и др.
- 1812. Граф Ливерпуль, виконт Каслри, виконт Сидмут и др.

ГЕОРГ IV.

- Граф Ливерпульский и др.
- 1827. Почтенный. Джордж Каннинг, лорд Годрих, лорд Линдхерст и др.
- 1827. Виконт Годерих, герцог Портлендский, мистер Хаскиссон и др.
- 1828. Герцог Веллингтон, почтенный Р.Т. Роберт Пил, виконт Мелвилл и др.
- 1828. Герцог Веллингтонский, граф Абердинский, сэр Г. Мюррей и др.

ВИЛЬГЕЛЬМ IV.

- Герцог Веллингтонский и др.
- 1830. Эрл Грей, виконт Олторп, Мельбурн, Годерих, Пальмерстон и др. (Эрл Грей уходит в отставку 9 мая, но возобновляет работу 18 мая.)
- 1834. Виконт Мельбурн, виконт Олторп, лорд Джон Рассел, лорд Пальмерстон и др.

- 1834. Администрация виконта Мельбурна распущена. Герцог Веллингтон временно возглавляет государство, ожидая возвращения сэра Роберта Пила из Италии.
- 1834. Сэр Роберт Пил, герцог Веллингтонский, лорд Линдхерст и др.
- 1835. Виконт Мельбурн и его коллеги возвращаются к исполнению своих обязанностей.

КОРОЛЕВА ВИКТОРИЯ.

- Виконт Мельбурн и тот же кабинет министров.
- 1839. Виконт Мельбурн уходит в отставку 7 мая.
- Сэру Роберту Пилу не удается сформировать администрацию. Лорд Мельбурн и его друзья восстановлены в должности.
- 1841. Сэр Роберт Пил, герцог Веллингтонский, граф Абердинский.
- 1846. Лорд Джон Рассел и др. ([Вернуться к содержанию](#))

ТАБЛИЦА МОНАРХОВ ЕВРОПЫ ШЕСТНАДЦАТОГО, СЕМНАДЦАТОГО, ВОСЕМНАДЦАТОГО И ДЕВЯТНАДЦАТОГО ВЕКОВ.

Англия.

- 1509. Генрих VIII.
- 1547. Эдуард VI.
- 1553. Мэри.
- 1558. Элизабет.
- 1603. Джеймс I.
- 1625. Карл I.
- 1653. Кромвель.
- 1660. Карл II.
- 1685. Джеймс II.
- 1688. Уильям и Мэри.
- 1702. Анна.
- 1714. Джордж I.
- 1727. Георг II.
- 1760. Георг III.
- 1811. Принц Уэльский, (регент.)
- 1820. Георг IV.
- 1830. Вильгельм IV.
- 1837. Виктория.

ФРАНЦИЯ.

- 1515. Франциск I.
- 1547. Генрих II.
- 1559. Франциск II.

- 1560. Карл IX.
- 1574. Генрих III.
- 1589. Генрих IV.
- 1610. Людовик XIII.
- 1643. Людовик XIV.
- 1715. Людовик XV.
- 1774. Louis XVI.
- 1789. Революция.
- 1792. Республика.
- 1795. Справочник.
- 1799. Консулы.
- 1802. Первый консул Наполеона.
- 1804. Император Наполеон.
- 1815. Louis XVIII.
- 1825. Чарльз X.
- 1830. Луи Филипп.

ГЕРМАНИЯ.

- 1493. Maximilian.
- 1519. Карл V.
- 1558. Фердинанд I.
- 1564. Maximilian II.
- 1576. Родольф II.
- 1612. Matthias.
- 1619. Ferdinand II.
- 1637. Ferdinand III.
- 1658. Леопольд I.
- 1705. Джозеф I.
- 1711. Карл VI.
- 1742. Карл VII.
- 1745. Франциск и Мария Терезия.
- 1765. Иосиф II.
- 1790. Леопольд II.
- 1792. Франциск II.

ИМПЕРАТОРЫ АВСТРИИ.

- 1804. Фрэнсис.
- 1835. Фердинанд I.

ИСПАНИЯ.

- 1516. Карл I.
- 1556. Филипп II.
- 1598. Филипп III.
- 1621. Филипп IV.
- 1665. Карл II.
- 1700. Филипп V.
- 1724. Луи.
- 1725. Филипп V.
- 1746. Фердинанд VI.
- 1759. Карл III.
- 1788. Карл IV.
- 1808. Фердинанд VII.
- 1808. Jos. Бонапарт.
- 1814. Фердинанд VII.
- 1820. Революция.
- 1833. Isabella II.

Швеция.

- 1523. Густав II.
- 1560. Эрик XVI.
- 1568. Иоанн III.
- 1592. Сигизмунд.
- 1599. Карл IX.
- 1611. Порыв ветра. Адольфус.
- 1632. Кристина.
- 1654. Чарльз X.
- 1660. Карл XI.
- 1697. Карл XII.
- 1718. Ульрика Леонора.
- 1751. Адольфус Фредерик.
- 1771. Густав III.
- 1792. Густав IV.
- 1809. Карл XIII.
- 1810. Бернадотт.

Дания.

- 1513. Кристиан II.
- 1523. Фредерик I.
- 1534. Кристиан III.

- 1559. Frederic II.
- 1588. Кристиан IV.
- 1648. Frederic III.
- 1670. Кристиан Против
- 1699. Фредерик IV.
- 1730. Кристиан VI.
- 1746. Фредерик V.
- 1766. Кристиан VII.
- 1784. Регентство.
- 1808. Фредерик VI.
- 1839. Кристиан VIII.

Россия.

- 1696. Петр Великий.
- 1725. Екатерина I.
- 1727. Петр II.
- 1730. Иван.
- 1741. Элизабет.
- 1761. Петр III.
- 1762. Екатерина II.
- 1796. Павел I.
- 1801. Александр.
- 1825. Николас.

ПРУССИЯ.

- 1700. Фредерик.
- 1713. Фредерик У. М.
- 1740. Frederic II.
- 1786. Фредерик Ум. II.
- 1796. Фред. Ум. III.
- 1840. Фред. Вм. IV.

Турция.

- 1512. Selim.
- 1520. Солиман.
- 1566. Selim II.
- 1574. Амурат III.
- 1595. Мухаммед III.
- 1604. Ахмет И.
- 1617. Мустафа И.

- 1618. Осман II.
- 1622. Мустафа II.
- 1623. Амурат IV.
- 1640. Ибрагим.
- 1655. Мухаммед IV.
- 1687. Солиман II.
- 1691. Ахмет II.
- 1695. Мустафа III.
- 1703. Ахмет III.
- 1730. Мохаммед Против
- 1757. Ахмет IV.
- 1789. Селим III.
- 1807. Мустафа IV.
- 1808. Мухаммед VI.
- 1819. Абдул Меджид.

ПАПЫ римские.

- 1513. Лев X.
- 1522. Адриан VI.
- 1523. Климент VII.
- 1534. Павел III.
- 1550. Юлий III.
- 1555. Марцелл III.
- 1555. Павел IV.
- 1559. Пий IV.
- 1566. Пий Против
- 1572. Григорий XIII.
- 1585. Sixtus V.
- 1590. Григорий XIV.
- 1590. Григорий XV.
- 1591. Иннокентий IX.
- 1592. Климент VIII.
- 1605. Лев XI.
- 1623. Урбан VIII.
- 1644. Иннокентий X.
- 1655. Александр VII.
- 1667. Климент IX.
- 1670. Клемент X.
- 1676. Иннокентий XI.

- 1689. Alexander VIII.
- 1691. Иннокентий XII.
- 1700. Климент XI.
- 1721. Иннокентий XIII.
- 1724. Бенедикт XIII.
- 1730. Климент XII.
- 1740. Бенедикт XIV.
- 1758. Климент XIII.
- 1769. Климент XIV.
- 1775. Pius VI.
- 1800. Пий VII.
- 1823. Лев XII.
- 1831. Григорий XVI.
- 1847. Пий IX. [\(Вернуться к содержанию\)](#)

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА КОРОЛЕВСКОЙ СЕМЬИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ
† указывает дату смерти.

Яков
I.
†
1625
.

Генр
и,
д.
Янг.

КАРЛ
I.
†
1649
.

Елизавета,
королева
Богемии.

ЧА -
РОС
СИЙ
СКИ
Е
ЮРИ

ДЖЕЙМС II.
Отрекся от
престола. 1
688.
† 1701.

Курфюрстин
а София
Ганноверск
ая.
† 1714.

ДИЧ
ЕСК
ИЕ
ЛИЦ
А-
ВТОР
ОЙ.
†
1685.

МАРИЯ,

† 1694,
жена
вильгель
ма III.,
Георг
Людови
к,
курфюрс
т
Ганнове
рский, и
Георг I.
† 1727.

† 1694,
жена
Вильгел
ьма III.

АННА,
† 1714, жена
Георга, принца
Датского, герцога
Глостерского,
ум. в молодости

Дже
ймс
Сам
озва
нец.

ГЕОРГ II.
† 1760.

София, мать
Фридриха
Великого.

Фредери
к,
принц
Уэльски
й,
† 1750.
Анна,
вышла
замуж за
принца
Оранско
го.
Амелия,
ум.
незамуж
няя.
Элизабе
т,
ум.
незамуж
няя.
Уильям,
герцог
Камберл
ендский
.
Мария,
принцес
са
Гессенс
кая.
Луиза,
королев
а Дании.
Джордж
,
д. Янг.

ГЕОРГ III. Эдвард, Уильям, Генрих, Фредери Августа, Елизаве Каролин

† 1820.	герцог Йоркски й, † 1767.	герцог Glouceter, † 1805.	герцог Камберл ендский .	к, ум. янг.	герцоги ня Брауншв ейгская.	та Луиза, ум. незамуж няя.	а Матильд а, королев а Дании.
---------	------------------------------------	---------------------------------	-----------------------------------	----------------	--------------------------------------	--	---

ГЕОРГ IV. † 1830.	Фред ерик , герц ог Йорк ский . † 1827.	ВИЛ ЬГЕЛ ЬМА IV. † 1837.	Эдуа рд, герц ог Кент ский , † 1820.	Авгу ста, † 1840 .	Елизаве та, принцес са Гессен- Гомбург ская, † 1840.	Эрне ст, герц ог Камб ерле ндск ий, коро ль Ганн овер а.	Авгу ст, герц ог Сасс екск ий.	Адол ьфус , герц ог Кемб рид жски й.	Мар ия, герц огин я Глос терс кая.	Соф ия, ум. неза мужн яя.	Амел ия, † 1809 .
-------------------------	--	---	--	--------------------------------	---	--	--	--	---	--	-------------------------------

Шарлотт а, принцес са Уэльска я, † 1817.	Шар лотта , Элиз абет.	ВИКТ ОРИ Я.	Джо рдж.	Джо рдж.	Авгу ста.	Мэр и.
--	------------------------------------	-------------------	-------------	-------------	--------------	-----------

Шарлотта, королева Виртемберг ская, † 1828.	Виктория Аделаида.	Принц Эдвард.	Элис Мод.	Альфред Эрнест Альберт.
---	-----------------------	------------------	-----------	-------------------------------

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА БУРБОНОВ.

† обозначает дату смерти.

ГЕНРИХ
IV.
† 1610.

ЛЮДОВ
ИК XIII.
† 1643.

ЛЮДОВ
ИК XIV.
† 1715.

Филипп,
герцог
Орлеанс
кий,
† 1710.

Людови
к
(дофин),
† 1711.

Филипп
(регент)
† 1723.

Луи,
герцог
Орлеанс
кий,
† 1752.

Людовик,
герцог
Бургундский,
† 1712.

ФИЛИПП
(герцог
Анжуйский),
король Испании,
† 1746.

Луи Филипп,
д. Орлеанский,
† 1785.

ЛЮДОВИК XV.
† 1774.

ФЕРДИН
АНД VI.
† 1759.

КАРЛ IV.
Король
Неаполя
,
† 1759.

Louis
Philip
(Égalité,)
† 1796.

Луиза
Мария,
герцогиня
Бурбонс

кая.

Людовик (дофин),
† 1765.

КАРЛ III.
† 1788.

ФЕРДИН
АНД IV.
† 1825.

КАРЛ IV.
1808 г.

ФРАНЦИ
СК.
† 1830.

ФЕРДИН
АНД VII.
† 1833.

Ча
рль
з,
ил
и
До
н
Ка
рл
ос.

ФЕРДИН
АНД V.

ЛУИ
ФИЛИП
П.

Антоний,
герцог Монпансье.

Луи,
граф
Божоле,
† 1808.

ISABELL
A II.

LOUIS XVI.
† 1793.

LOUIS XVIII.
† 1825.

КАРЛ X.
(отрекшийся от
престола)
† 1836.

Луи Жозеф,
† 1789.

Louis XVII.
† 1795.

Людовик,
герцог
Ангудемский.

Чарльз,
герцог Беррийский,
† 1820.

Генрих,
герцог Бурдо.

Сноска 1: Маколей.[\(Вернуться к основному тексту\)](#)